

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Н. И. Никитин

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА:

**аспекты научные
и политические**

**Москва
2022**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-283.31
Н62

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Рецензенты:

А. В. Малов — канд. ист. наук;

Г. А. Санин — д-р ист. наук

Никитин, Н. И.

Н62 История казачества : аспекты научные и политические /
Н. И. Никитин. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 488 с.

ISBN 978-5-4499-2816-0

Книга посвящена анализу наиболее дискуссионных и актуальных проблем истории казачества. В центре внимания автора — время и место возникновения первых казачьих сообществ, их этнический и социальный состав, особенности общественной организации и ее эволюция, характер взаимоотношений вольных казаков с Московским государством, роль казачества в присоединении и освоении зауральских территорий России. Автор доказывает научную несостоятельность широко распространенных ныне «концепций» о происхождении и ранней истории казачества, противопоставляющих его русскому народу и Российскому государству, искажающих суть и характер деятельности казаков в Сибири и на Дальнем Востоке. В Заключении автор касается вопроса о возрождении казачества.

Издание предназначено прежде всего для гуманитариев — студентов, аспирантов, преподавателей вузов и сотрудников НИИ, а также для членов казачьих организаций и всех интересующихся российской историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-283.31

ISBN 978-5-4499-2816-0

© Никитин Н. И., текст, 2022

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Очерк первый. Вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества.....	10
1. Сущность вопроса и его традиционная научная трактовка.....	10
2. Псевдонаучные версии происхождения казачества: общий обзор	18
3. Псевдонаучные теории: аргументы и факты.....	28
4. О местах «выхода» и социальном статусе предков современных казаков	53
5. О казачьем самосознании и особенностях казачьей культуры	67
6. Феномен Мурада Аджи и культурологические подходы И. Г. Яковенко	83
7. Происхождение казачества и «русский вопрос».....	94
8. Псевдонаучные теории в научных трудах как примета нашего времени	114
9. Предтечи и предки казаков: критерии определения	154
Очерк второй. О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII вв. и их взаимоотношениях с Российским государством	191
1. Структура и социальный уклад казачьих сообществ: проблемы типологизации	191
2. К дискуссиям о стадийной принадлежности казачьих сообществ XVI–XVII вв.....	207
3. Казачьи общины, сельские и городские «миры»: общее и особенное	246
4. Казаки и разбойники: сходство и различия.....	264

5. Вольное казачество и Российское государство: единство и борьба противоположностей	277
Очерк третий. Казачество и военные факторы колонизации Сибири XVII в.	307
Часть I. Военная история Сибири XVII в. как объект специального изучения	307
1. О терминологии	307
2. Изучение военных факторов колонизации Сибири XVII в. до конца 1980-х гг.	309
3. «Ветер перемен» и его отражение в коллективных трудах ...	322
4. Комплексные исследования индивидуального характера.....	327
5. Отдельные группы служилого населения XVII в. в исследованиях современных сибиреведов	338
6. Об управлении сибирскими гарнизонами XVII в. и особенностях казачьего менталитета	346
7. Военно-технические и военно-тактические аспекты русской колонизации Сибири в трудах современных исследователей	352
Часть II. Дискуссионные вопросы	366
1. О характере некоторых «принципиальных» расхождений	366
2. О месте казачества Сибири в социальной структуре российского общества.....	373
3. Причины и характер русских военных побед	382
4. Менталитет казаков Сибири как поле научных дискуссий ...	394
5. Велись ли в Сибири XVII в. колониальные войны?	408
6. «Служилые иноземцы» и «сибирский субэтнос»	416
7. «Присоединение» или «завоевание» Сибири?	421
8. О военных реформах в Сибири XVII в.	424
О возрождении казачества (вместо заключения)	441
Именной указатель	473

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российское казачество вот уже три столетия является объектом специального изучения. Внимание исследователей к этому этносоциальному и социокультурному феномену объясняется прежде всего выдающейся ролью казаков в российской истории — и в войнах, которые вело государство Российское, и в смутах, которые потрясли основы его, и в присоединении к нему и освоении огромного массива земель по мере продвижения России на восток.

«Вся история России сделана казаками», — такую запись оставил Л. Н. Толстой в 1870 г. в одной из своих записных книжек¹. Буквальное восприятие этих слов, было бы, конечно, большим преувеличением, но нельзя не признать, что казаки превосходили все категории населения России по своей социально-политической активности и что исторические судьбы российского казачества и Российского государства оказались теснейшим образом связанными. Но даже если бы роль казачества в нашей истории была неизмеримо меньшей, исследовательское внимание ему все равно было бы гарантировано: особенности социального устройства, материальной и духовной культуры казачества сами по себе достойны тщательного исследования историками, этнологами, лингвистами, и потому тоже активно ими изучаются.

Довольно специфичны трудности и помехи на пути этого изучения: они не ограничиваются проблемами источниковедческого характера, а определяются также сильной мифологизацией и политизацией практически всего, что связано с историей казачества, но особенно — ее ранних периодов, которые, с одной стороны, хуже остальных обеспечены источниками, а с другой, — крайне важны для понимания сущности и социальной природы

---

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 123.

казачества, причин и характера его эволюции в дальнейшем. А самым популярным мифом, с которым приходится сталкиваться, приступая к изучению истории казачества, является утверждение о... слабой изученности истории казачества. Именно этот миф обычно служит оправданием у редакций даже весьма солидных издательств при публикации ими очередного «казачьего» мифа: раз вопрос не изучен, надо-де дать возможность высказаться всем, кто пытается его изучить...

В истории казачества, разумеется, и по сей день остается немало «темных мест» и «белых пятен» (как, впрочем, и в истории других категорий российского населения). Но в целом степень ее изученности следует признать вполне удовлетворительной, в том числе применительно к менее других обеспеченному источниками «раннему» (до XVIII в.) периоду. История казачества этого времени получила достаточно полное и адекватное отражение уже в трудах многих дореволюционных исследователей — Г. Ф. Миллера, В. Д. Сухорукова, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, Д. И. Эварницкого, В. Г. Дружинина, С. Ф. Платонова, В. А. Потто, А. Б. Карпова, М. А. Караулова, Ф. Э. Щербины, М. К. Любавского, С. И. Тхоржевского... В 1930–1970-е гг. ранняя история казачества разрабатывалась А. А. Новосельским, Б. В. Луниным, Е. Н. Кушевой, В. А. Голобуцким, И. Г. Рознером, В. П. Загоровским, А. П. Пронштейном, А. Г. Маньковым, Л. Б. Заседателевой, В. Н. Дариенко, С. В. Бахрушиным, В. А. Александровым, Г. А. Леонтьевой, а из зарубежных исследователей в этой связи надо отметить видного немецкого историка Гюнтера Штёкля, капитальный труд которого о возникновении казачества был благосклонно встречен и в нашей стране...

Период, начавшийся в середине 1980-х гг. и ознаменовавшийся неуклонным возрастанием интереса к истории казачества, был отмечен выходом работ Р. Г. Скрынникова, А. А. Шенникова, Н. И. Павленко, Н. А. Мининкова, А. Л. Станиславского, В. Д. Назарова, И. А. Аверина, В. Ф. Мамонова, О. В. Матвеева, А. И. Агафонова, С. И. Рябова, С. А. Козлова, А. И. Изюмова, В. Н. Королева, В. В. Трепавлова, Д. В. Сеня, И. О. Тюменцева, Э. Л. Дубмана, М. А. Рыбловой, А. В. Сопова, М. Ю. Зенченко, А. М. Дубовикова, Е. В. Кусаиновой, Л. Л. Каранлыковой, О. Ю. Куца, В. И. Маркова, Д. Я. Резуна, А. С. Зуева, Ю. Г. Недбая, Я. Г. Солодкина, В. Д. Пузанова, И. П. Каменецкого,

И. Р. Соколовского, Е. А. Багрина, П. Н. Бараховича, А. А. Бродникова и многих других исследователей, освещавших в различных аспектах предысторию и раннюю историю казачества и поднявших ее разработку на качественно новый уровень. Ими был введен в научный оборот большой комплекс ранее неизвестных материалов, переосмыслены важные моменты истории казачества XV–XVII вв. и выявлен ряд дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего углубленного изучения «казачьей» тематики.

Но тогда же появились обстоятельства, серьезно осложняющие это изучение. В связи с начавшимся с конца 1980 — начала 1990-х гг. возрождением казачества идеологи этого движения стали в большом количестве переиздавать безнадежно устаревшие и грубо политизированные дореволюционные и эмигрантские работы «о казаках», а также сочинения по истории казачества, выходящие из-под пера современных журналистов, публицистов, писателей, философов, социологов и других лиц, не имеющих отношения к исторической науке, но тем не менее упорно стремящихся донести до массового читателя свои, далекие от научных, представления о казачьей истории. По своим тиражам, полиграфическому исполнению и масштабам распространения «в народе» они решительно превосходят, как правило, скромно изданные труды профессионалов.

В результате за последние 30 лет резко возросло число мифов и откровенных фальсификаций, сильно искажающих историю казачества. Содержащие их книги и статьи, конечно, трудно подвести к определению «историография», но к своеобразным «памятникам исторической мысли» они, безусловно, относятся, и, ввиду обилия и популярности сочинений подобного рода, на них необходимо как-то реагировать профессиональным историкам. Правда, большинство из них склонно к полному игнорированию мнения дилетантов, но такую позицию нельзя назвать продуктивной, подтверждением чему может служить тот прискорбный факт, что мифологизированная и политизированная история казачества стала оказывать косвенное, а порой и прямое воздействие на некоторых профессиональных историков, находит прямое отражение в преподавательской деятельности. И это, в общем-то, вполне закономерно, ибо подтверждает старую истину: нельзя одновременно жить в обществе и быть независимым от него...

В нашей работе, выполненной в виде историко-историографических очерков о казачестве XVI–XVII вв. с отдельными экскурсами в более ранние, и более поздние хронологические периоды, рассматриваются вопросы, относящиеся к сфере как историографии, так и исторической мысли, и касающиеся, главным образом, следующих проблем: происхождение казачества и его этническая идентификация; социальная природа казачьих сообществ XVI–XVII вв. и взаимоотношения вольного казачества с Московским государством; место казачества и военных факторов колонизации в освоении восточных окраин России в XVI–XVII вв. Надо отметить, что последняя проблема у современных исследователей истории казачества считается «особенно актуальной» и требующей «адекватного осмысления»...¹

По всем этим сюжетам имеется обширная литература. Одно лишь перечисление посвященных им трудов потребовало бы листажа, сопоставимого с объемом нашего исследования. Поэтому главной своей задачей автор считает анализ не столько работ по избранной тематике, сколько положенных в их основу концепций, с тем чтобы проследить *основные* направления историографии (и исторической мысли) по означенным выше проблемам. Автор, кроме того, убежден, что прежде чем приступить к дальнейшему выявлению и накоплению конкретно-исторического материала по ранней истории казачества, целесообразно систематизировать и осмыслить уже имеющиеся наработки по тем ее вопросам, которые в настоящее время представляются наиболее дискуссионными и актуальными.

Автор благодарит за ценные советы и замечания прежде всего своих уважаемых рецензентов — А. В. Малова и Г. А. Санина, а также сотрудников Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, принявших непосредственное участие в обсуждении рукописи монографии на завершающем этапе ее подготовки, — Д. В. Лисейцева, О. В. Новохатко, Н. М. Рогожина, А. В. Топычанова. Но она не была бы написана без помощи, оказанной в свое время автору коллегами из нашего старого «феодального» сектора Института истории СССР АН СССР и других научных подразделений. Практически все высказанные ими пожелания по доработке отдельных разделов

---

¹ *Сопов А. В.* Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 6.

будущей книги были автором так или иначе учтены, и он выражает глубокую признательность за них В. А. Артамонову, С. М. Каштанову, А. В. Ковальчуку, С. А. Козлову, В. Д. Назарову, В. Б. Перхавко, Е. Н. Швейковской. И особая благодарность за поддержку тем коллегам по нашему «феодалному цеху», которые ушли от нас в «мир иной» — Н. А. Горской, Л. В. Даниловой, Н. Ф. Демидовой, П. Н. Зырянову, А. И. Клибанову, А. П. Новосельцеву, А. А. Преображенскому, М. А. Рахматуллину, А. Л. Станиславскому. Их светлой памяти автор и посвящает эту книгу...

Никитин Николай Иванович

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

Вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества

1. Сущность вопроса и его традиционная научная трактовка

Вопрос о происхождении казачества по праву считается основным в «казаковедении», поскольку именно от его трактовки зависит интерпретации всей последующей истории казачества¹. Вопрос этот также часто называют и сложным, и малоизученным, но правильнее было бы назвать его запутанным. Запутанным либо умышленно — в результате его политизации в первой четверти минувшего и в начале нынешнего столетий, либо невольно — главным образом, из-за царящей в нашей историографии неразберихи в терминах и понятиях. «Определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет» — эти слова Рене Декарта всё чаще вспоминаются историками как раз в связи с историей казачества².

О казачестве не приходится говорить «вообще» — вне временных и пространственных рамок. Оно всегда было типологически сложным явлением, включающим в себя этносоциальные и социокультурные группы, различные как по положению, так и по происхождению, что уже не раз отмечалось исследователями³. И дело здесь не только в том, что, с одной стороны,

---

¹ *Маркедонов С.* Основной вопрос казаковедения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в поисках исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

² *Он же.* Заколдованное слово // Родина. 2004. № 5. С. 22.

³ *Он же.* Казачество. Терминология и типология // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108.

существовали казачьи войска, созданные в XVIII–XIX вв. искусственно, по инициативе и под руководством правительства и целиком подчиненные ему, а с другой — «войска», гораздо раньше сформировавшиеся самостоятельно как вольные сообщества. Не в том, что в XVI–XVII вв., наряду с «вольными» казаками, «гулявшими» в «Поле», существовали казаки служилые (городовые), закрепленные за гарнизонами окраинных областей Московского государства на правах стрельцов и пушкарей и поначалу, видимо, чаще всего «прибиравшиеся» из казаков вольных. Гораздо больше проблему осложняет то обстоятельство, что понятия «казак», «казаки», «казачество» практически сразу же после своего возникновения стали восприниматься и толковаться по-разному.

В литературе (особенно популярной) нередко можно встретить утверждение, что происхождение слова «казак» до сих пор «не установлено», что «его значение составляет пока один из неразрешенных исторических вопросов» и т. п.¹ Но филологами уже давно и вполне убедительно доказано тюркское происхождение этого слова и выяснено, что его корень («каз») восходит к значениям «скитаться», «бродить», «кочевать». Насколько нам известно, впервые слово «казак» встречается в кипчакско-арабском словаре (составленном, вероятно, в Египте и известном по рукописи середины XIII в.) именно в значении «бездомный», «бесприютный», «скиталец», «изгнанник»². Некоторые исследователи дополняют его еще одним, тоже древним определением — «молодой неженатый человек»³. Но и оно логически связано с основным значением: молодость и бессемейность — естественное состояние для большинства изгоев и бродяг.

Анализ восточных источников показал, что за Уралом, на территории «Восточного Дешт-и-Кыпчака» (простиравшегося от Каспия до Алтая) в XIV–XV вв. понятие «казак» обозначало «потерю связи конкретного человека или группы родственников

---

¹ См., например: *Гордеев А. А.* История казаков. Ч. 1. Золотая Орда и зарождение казачества. М., 1992. С. 13; *Мохов А. Е.* Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 22.

² *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. СПб.; М., 2014. С. 17.

³ *Грибовский В. В.* Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 16; *он же.* Социальная типология казачьих сообществ // Там же. С. 94–95.

со своим кланом (своей общиной)», а «казакование» понималось как «образ жизни... человека, по какой-то причине ушедшего от своего племени, рода, или потерявшего власть и скитавшегося на окраинах государства, юрта или на чужбине и часто добывавшего себе средства на жизнь своим оружием»¹. «Этим старинным тюркским словом (“казаки”. — *Н. Н.*) на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие “казак” приобрело и другие значения»... — пишет В. В. Трепавлов, крупнейший специалист по истории тюркского средневековья².

В русских источниках «казаки» стали упоминаться в самом конце XIV — начале XV вв.; этим термином обозначался тогда довольно широкий и постепенно все расширявшийся круг понятий, а наиболее распространенным значением поначалу тоже было — «изгой», «бездомный бродяга», «неимущий скиталец». Примечательно, что «казак», кочующим «на поле с немногими людьми», русские власти называли даже хана Кучума после его изгнания Ермаком из столицы Сибирского «царства»³. И это не было чем-то исключительным: в тюркском мире: еще в XV в. такой «статус» нередко закреплялся за представителями ханских династий, вынужденными покинуть свой трон и спастись бегством⁴. Но на Руси гораздо более распространенным вскоре стало другое значение слова «казак»: вольный человек, удалец, промышляющий военным делом.

---

¹ *Сабитов Ж. М.* Казаки Восточного Дешт-и-Кыпчака в XIV–XV веках // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 219–220.

² *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 6.

³ Этот отмеченный еще в дореволюционной литературе факт получил новую трактовку в исследованиях В. В. Трепавлова, считающего «казаками» не только Кучума, но и его потомков («кучумовичей»), длительное время продолжавших в Сибири борьбу против русских (*Каралов М. А.* Терское казачество. М., 2007. С. 8–9; *Трепавлов В. В.* Западная Сибирь после Ермака: Российское царство и татарский «юрт» // Российская история. 2012. № 2. С. 174; *он же.* Сибирский юрт после Ермака. С. 11–12).

⁴ *Каранлыкова Л. Л.* Зарождение казачества в Российском государстве середины XV — начала XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб, 2006. Т. 1. С. 168–169, 172.

В то же время на Русском Севере «казаками» называли вольнонаемных работников (и там долго бытовало выражение «казачить» в смысле «батрачить»), у ногайцев — людей, уходивших на заработки на чужбину, у кумыков и балкарцев — слуг и батраков, у осетин — пленников-рабов и т. д., а в татарских ханствах, возникших на развалинах Золотой Орды, «казаки» — это просто низший разряд воинов (причем не обязательно из этнических татар), стража, легковооруженная конница¹. Кроме того, в XVI ст. в степях за Уралом сложился народ «казаки». Это предки нынешних казахов, в названии которых у нас последнее «к» заменили на «х» (видимо, для отличия от русских казаков) лишь в конце 30-х гг. прошлого века (а в XVIII–XIX вв. называли «киргиз-кайсаками»), но в русских источниках XVI–XVII ст. народ этот фигурировал именно как «казаки», и применительно именно к ним бытовало выражение «Казацкая (или Казачья) орда»².

Все эти факты давно известны профессиональным историкам (включая зарубежных) и приводят к однозначному выводу: «понятие “казак” обозначает в первую очередь определенный образ жизни, а не этническую и религиозную общность...»³

В самых ранних упоминаниях термина «казак», несомненно, отражено и его самое главное, базовое значение, позволяющее понять причины появления других толкований и значений. Выпавший из социальной структуры своего общества человек

---

¹ О множестве значений слова «казак» в XV–XVI вв. см.: Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1899. С. 364; Караулов М. А. Указ. соч. С. 6–11; Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов казак и казах // Этнонимы. М., 1970. С. 143–148; Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 137–138; Каранлыкова Л. Л. Зарождение казачества в Российском государстве. С. 165–167; Гришкина М. В. Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве // Отечественная история. 2010. № 3. С. 119–120; Кожухар В. М. Русь, которая была: истоки, генезис, миграция. Брянск, 2011. С. 268–269; Марков В. И. О возникновении украинского козачества. С. 17–97; Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 28.

² История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957. С. 139–140; Благова Г. Ф. Указ. соч. С. 149–156; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 21–22.

³ Гатин М. С. Проблема происхождения казачества в современной немецкой историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 101.

(изгнанный или ушедший из него сам), в поисках средств существования мог поступить на военную службу к кому-то из сильных мира того — так появились *служилые* казаки, составившие в татарских ханствах XV–XVI вв. низший разряд воинов, стражу, а на Руси — первых *городовых* казаков. Изгой и бесприютный бродяга мог заняться и мирным трудом, нанявшись к кому-то батрачить — так появились вольнонаемные работники, называемые казаками. Беглецы и изгои могли, наконец, объединяться в самоуправляемые общины, которые жили разбоем и время от времени «продавали свою саблю» правителям сопредельных стран — так появилось *вольное* казачество. А если в положении беглецов и изгоев разом оказывались целые родоплеменные группы, сохранившие, тем не менее, прежний семейный, хозяйственный и бытовой уклад, то из них мог сложиться и отдельный этнос с названием «казаки» (как это произошло с предками современных казахов).

Учитывая все эти обстоятельства, мы приходим к однозначному выводу: если в старинных документах и летописях XIII–XVI вв. встречается слово «казаки», то само по себе это не может означать, что речь обязательно идет о предках современного казачества. И вместе с тем они могли в источниках казаками и не называться. Так, в русских документах начала XVI в. самовольный уход на Дон, т. е. в казаки, назывался уходом «в молодчество», ибо синонимом слова «казак» на Руси по крайней мере до середины XVII в. было слово «молодец», так что даже самая распространенная форма обращения к казачьему войску — «атаманы и казаки» — в то время порой выглядела как «атаманы и молодцы» (трансформировавшись в конце концов в «атаманы-молодцы») ¹. В официальных документах XVI — начале XVII вв. казаки могли вообще фигурировать либо как «воры» (если совершали преступления), либо как просто «вольные люди» ².

---

¹ Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878. С. 220; Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. 1923. С. 16; Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 50; Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 168.

² Ткаченко Т. А. Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 19.

Следовательно, терминология в определении предшественников и предков казачества — не главное.

Так каким же путем в этих поисках идти? И какие точки зрения на происхождение казачества существуют на сегодняшний день?

Их довольно много, но все они делятся на две основные группы: (1) научные (с разной степенью обоснованности), выдвигаемые как профессиональными историками, специально занимавшимися ранней историей казачества, так и теми непрофессионалами, которые достаточно образованны и культурны, чтобы не пренебрегать мнением специалистов; (2) ненаучные, принадлежащие людям, не только далеким от исторической науки, но и не желающим прислушиваться к ее доводам, видимо, по принципиальным соображениям.

Согласно *научной* концепции, базирующейся на данных вполне репрезентативных источников и разделявшейся к концу 1980-х гг. не только профессиональными историками, но и всеми образованными людьми, вырисовывается такая схема, такая картина происхождения казачества.

Не ранее XV в. в южнорусских степях и примыкавших к ним лесостепных районах, по берегам густо заросших в те времена лесами и камышом степных рек, в буферных зонах между различными государственными образованиями возникают независимые самоуправляемые военизированные общины изгоев, беглецов и всякого рода искателей приключений. Это были главным образом выходцы из различных татарских орд, а орды эти были щедры тогда на политические и социальные потрясения, но уже не имели реальной возможности надежно контролировать все номинально подвластные им территории.

В XVI в. среди вольного казачества появляется все больше выходцев из русских и украинских земель, а к концу столетия они уже решительно преобладают в казачьей среде. Из своей татарской «колыбели» казаки вынесли много элементов материальной и духовной культуры, касающихся в том числе специфически казачьей терминологии (самоназвание, слова «атаман», «есаул», «бунчук», «кош», «майдан» и т. д.). Однако татарами «инородческий компонент» в составе казачества не ограничивался. Волею судеб в его ряды попадали и представители других народов: поляки, валахи, литовцы, кавказские горцы, турки, греки, мадьяры, калмыки, казахи и даже немцы. При этом

этническую основу казачества составляли всё же русские (на Дону, Волге, Яике и Тереке) и украинцы (на Днепре).

Поначалу казачьи общины, видимо, состояли почти сплошь из холостяков, но со временем казаки (везде, кроме Запорожской Сечи) стали обзаводиться семьями. Их женами поначалу были в основном представительницы окрестных народов — татарки, турчанки, персиянки, горянки (на Кавказе), которых обычно захватывали во время военных походов и набегов, а при добрососедских отношениях приобретали за калым. Постепенно в казачьих областях возрастало и число русских женщин: из «полона», отбитого у «бусурман», из тех, кто был вывезен казаками «с Руси» во время все учащавшихся поездок туда по служебным, торговым или богомольным делам, а в более позднее время — из семей переселенцев, ибо во второй половине XVII в. русские порой уходили «в казаки» целыми деревнями.

Постепенно вся эта разнородная масса переплавлялась в общность, жившую интересами, обычно сильно отличавшимися от имевшихся на родине, и при преобладании в языке и духовной культуре общерусских черт приобретала ряд важных особенностей, позволяющих уже ближе к нашему времени определять казаков Дона, Яика (Урала) и Терека как этнографические группы (субэтноты) русского народа, а запорожцев — как украинского.

Вот, собственно, и вся схема казачьей истории, которой придерживалась наша историография к исходу 1980-х гг., опираясь на труды Г. Ф. Миллера, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, С. Ф. Платонова, С. И. Тхоржевского, Б. В. Лунина, А. А. Новосельского, И. Г. Рознера, Е. Н. Кушевой, А. П. Пронштейна, В. П. Загоровского, Л. Б. Заседательевой, Р. Г. Скрынникова, А. Л. Станиславского, Н. А. Мининкова, В. Д. Назарова и других профессиональных историков. У них, разумеется, имелось немало расхождений по частным вопросам истории казачества, но вышеизложенная, базовая концепция его происхождения не вызывала сомнений. Будучи в основных своих чертах оформленной уже к началу XX в., она уже тогда базировалась на огромном фактическом материале вполне репрезентативных источников, так что утверждения ее наиболее радикальных оппонентов об отсутствии у этой точки зрения «всякого доказательства»¹ приходится объяснять

---

¹ *Балинов Ш.* О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru>...articles...o-proishozhdenii.html).

либо их тотальным невежеством, либо какими-то психическими отклонениями, либо политическими спекуляциями.

В дореволюционной России в ряду исследователей, разделявших научные взгляды на раннюю историю казачества, помимо профессиональных историков, можно было встретить лиц (как правило, из числа чиновников и офицеров), которые не только ввели в научный оборот много ценных документальных материалов (как это сделал, например, В. Д. Сухоруков в 1820-х гг.), но и выпускали о казаках исторические работы обобщающего характера, написанные хоть и не без ошибок, но в целом на вполне приемлемом научном уровне (Х. И. Попов — 1907 г., Ф. А. Щербина — 1910 г., В. А. Потто и М. А. Караулов — 1912 г.). Однако и в дореволюционную пору, отличающуюся высоким уровнем гуманитарного образования, такие авторы составляли среди непрофессионалов меньшинство; еще меньше их в современной России.

С конца 1980-х гг. волна воинствующего дилетантизма и невежества в области истории казачества (как и истории вообще) захлестнула страницы периодических изданий и полки книжных магазинов и вынесла к массовому читателю множество неизвестных науке имен «исследователей», которые представляют прошлое казачества в совершенно искаженном, фантастическом виде и при всех расхождениях в «деталях» его изображения едины в своем стремлении казачью историю максимально «удревнить».

Сочинения эти, конечно не равнозначны по степени искажения истины, ибо «уровень некомпетенции» и у дилетантов бывает разным, но практически все их работы представляют собой причудливые сочетания (в разных пропорциях) реальных фактов с шаткими гипотезами, фантазиями и откровенным вымыслом. По этой причине и в нашей стране, и за рубежом профессиональные историки обычно не считают нужным уделять внимание таким работам. Так, авторитетный швейцарско-австрийский историк Андреас Каппелер прямо заявил: «Первые восточнославянские казаки появляются в источниках с конца XV в. Спекулятивные теории о старых автохтонных корнях казачества я оставляю вне рассмотрения»¹. Такое же отношение к теориям

---

¹ Каппелер А. Казачество. История и легенды. Пер. с нем. Н. Мининкова. Ростов, 2014. С. 14.

дилетантов выразил и известный российский историк А. В. Беляков, заметив, что «любые попытки удревить казачество в общепринятом ныне значении являются простой исторической спекуляцией»¹ Но я не разделяю такой позиции. Именно «спекуляции» на темы казачьей истории пользуются наибольшей популярностью («в народе») (особенно у нынешнего, «возрожденного» казачества), поэтому и концепции дилетантов необходимо рассмотреть подробно, сопоставляя их, естественно, с теми данными, которыми к настоящему времени располагает историческая наука.

2. Псевдонаучные версии происхождения казачества: общий обзор

Бытующие ныне псевдонаучные «теории» происхождения казачества в основном восходят к дилетантским сочинениям таких исследователей казачьей истории, как например директор Новочеркасской гимназии А. Г. Попов. (В своем двухтомнике «История о Донском Войске», который вышел в 1814–1816 гг., он объявил древнейшими предками казачества легендарных амазонок.) А более прочную основу псевдонаучных воззрений заложили работы «автономистов» и «сепаратистов» второй половины XIX — первой трети XX вв. — В. М. Пудавова, Е. П. Савельева, В. А. Голубинцева, И. Ф. Быкадорова, П. К. Харламова и других самостоятельных исследователей казачьей истории. В современной литературе их, «следуя за источником», порой именуют «казакманами» и «казачьими националистами», отстаиваемые ими взгляды на происхождение казачества называют «автохтонной теорией», а противостоящую ей традиционную для нашей историографии концепцию — «миграционной теорией». Продолжив свою публикаторскую деятельность в эмиграции, эти авторы передали свое видение предыстории и ранней истории казачества следующему поколению историков-эмигрантов, типичными представителями которых явились, например, создатели трехтомного «Казачьего словаря-справочника», вышедшего

---

¹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 170.

в 1966–1970 гг. в США (редакторы-составители — Г. В. Губарёв и А. И. Скрылов), которые разделяли все основные концепции казачьих «автономистов» и «самостийников» начала XX в., также демонстрируя на каждом шагу свою политическую ангажированность и недостаток (а то и полное отсутствие) научной подготовки¹.

Взгляды большинства представителей этого течения исторической мысли сформировались в годы Гражданской войны, когда на Дону и Кубани были созданы «самостоятельные государства», потребовавшие соответственного идеологического обеспечения. Впоследствии уже в эмиграции идеологи казачьего сепаратизма (главным образом донцы и кубанцы) действовали уже в рамках организованного ими «Вольноказачьего движения» и назывались обычно «казакийцами». Они заявляли, что «только в самостоятельном государственном бытии (суверенного государства или государств) казачество может осуществить высшее благо — развитие духовное и культурное, равноправное, свободное сожителство населения своих краев, экономическое развитие их» (И. Ф. Быкадоров), и обосновывали свое право на этот суверенитет утверждениями о «древнем и немосковском» происхождении казачества². Квинтэссенция казачьего сепаратизма предельно четко была выражена в словах генерала-коллаборациониста П. Краснова, произнесенных перед своими соратниками в Потсдаме в 1944 г. и противоречивших многому из сказанного им же ранее: «Кзаки! Помните, вы не русские, вы казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам. Москва всегда была врагом казаков...»³

Далеко не все казаки-эмигранты разделяли эту точку зрения и сотрудничали с гитлеровской Германией, где на официальном уровне казаки были признаны потомками германского племени готов. Главный идеолог «казакийского» движения генерал

---

¹ *Маркедонов С. М.* От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») // «Ab imperio». 2001. № 3. С. 527–558; *Корниенко Б. С.* Правый Дон и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013.

² Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 117; *Вареник В. И.* Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 33–34.

³ Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 86.

И. Ф. Быкадоров, поняв, что оно своекорыстно используется иностранными спецслужбами, отошел от него еще в 1932 г., заявив, что «казачья самостийность является не благом, а большим злом для настоящего и будущего казачества»¹. Среди оказавшихся на чужбине казаков встречались и те, кто придерживался подлинно научных взглядов на прошлое казачества и не мыслил его будущего вне России (см. ниже), но тон в публичных выступлениях об исторических судьбах казачества еще долго задавали «самостийники». На выдающегося русского историка А. А. Кизиветтера, также находившегося тогда в эмиграции, они производили тягостное впечатление. Он выражал обеспокоенность по поводу «опасных последствий» для будущего возрождения казачества действий тех его представителей, которые искажают «подлинную историческую традицию» и «в угоду самостийным тенденциям и вразрез с исторической истиной выдвигают вздорные теории о том, что казачество есть особая нация, отдельная от русского народа»². Заметной фигурой в эмиграции был и С. Г. Сватиков — доктор философии, получивший в молодые годы юридическое образование, а в зрелом возрасте (с 1918 г.), плотно и серьезно занявшийся историей донского казачества. Не будучи казаком, он, тем не менее, активно сотрудничал с «казакийцами», но по вопросу о происхождении казачества занял противоположную им позицию. Сватиков считал, что казаки появились в XV — начале XVI вв., а попытки представить их особой нацией называл «ненаучными и вздорными домыслами»³. Однако позитивного отклика подобные заявления не встретили ни у большинства казаков-эмигрантов, ни у нынешних адептов казачьей «самостийности»⁴.

Если кратко обобщить суть взглядов казачьих «автономистов» и «сепаратистов» на происхождение казачества, то она будет такова.

Казаки — это особый народ, не только не имеющий по своему происхождению ничего общего с русским (великорусским)

---

¹ Кириенко Ю. К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории, 1996. № 10. С. 9, 14

² Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 55.

³ Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов н/Д, 1999. С. 113–116

⁴ Вареник В. И. Указ. соч. С. 28–29, 33.

народом, но и «полная противоположность ему» (как выразился генерал И. Ф. Быкадоров)¹. Непосредственными предками казаков в этой связи называются либо практически все народы, издревле проживавшие в Подонье-Приазовье и Северном Причерноморье (киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, авары, хазары и т. д. — вплоть до древних славян), либо один, собственно «казачий», народ, живший в древней стране «Казакии».

Как утверждал Е. П. Савельев (весьма авторитетный для нынешнего казачества автор), казаки — это «особый самобытный народ, принявший христианство еще в IV в.», имеющий «арийские корни», принимавший активное участие еще в Троянской войне (XIII–XII вв. до н. э.) и основавший Рим. Потом, согласно «концепции» Савельева, в состав «древнего казачества» вливались и самые различные племена, но они не изменили его этнической природы, так что казаки являются не только особым, но и древнейшим народом на земле, сыгравшим исключительную роль в истории человечества². А в представлении выходца из калмыцкого казачества Ш. Балинова, тесно сотрудничавшего в годы Второй мировой войны с гитлеровцами, «казаки — особый народ, с сильной примесью тюркской крови», они «являются коренными обитателями исторической Казакии (современных Казачьих Земель)» и «со времен Хазарской империи (вторая половина VII ст.) и вплоть до самого конца XIV ст. (распад Золотой Орды), т. е. на протяжении почти 600 лет, непрерывно жили на своей древней земле, сохраняя свое национальное лицо, народный быт, хозяйственную структуру, свою христианскую религию». Ссылаясь при этом Ш. Балинов на некие (конкретно не названные) «данные» «казачьих историков и объективных иностранцев»³.

Отдельная ветвь эмигрантской историографии представлена работой А. А. Гордеева «История казаков». Ее автор выводил казаков в основном все-таки из русских людей, полагая, что казачество хоть и имело «древние корни», но сформировалось только в середине XIII–XIV вв. и главным образом из тех «данников

---

¹ Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. С. 107.

² Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 9–170, 435.

³ Балинов Ш. О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru>...articles...o-proishozhdenii.html).

крови», которых монголо-татары брали с Руси после ее покорения и расселяли у себя в качестве пограничной стражи¹.

С 1990-х гг. наряду с эмигрантской литературой по казачеству появляется все больше работ наших отечественных авторов, не слишком хорошо разбирающихся в истории, но тем не менее рисующих собственные картины возникновения казачества смелыми и решительными мазками. Так, географ по образованию, литератор и журналист Мурад Аджиев (позднее — Аджи) выводит казаков напрямую из половцев (кипчаков), якобы лишь в XVIII–XIX вв. насильственно («по законам колониальной генетики») русифицированных «царизмом», несмотря на ожесточенное сопротивление. Из сочинений Аджи(ева) изумленный читатель узнаёт, что казацко-крестьянские восстания XVII–XVIII вв. (под предводительством Разина, Булавина, Пугачева), «на самом деле» является ничем иным, как «освободительными движениями половецкого народа» против Российской империи. Но она, как пишет Аджи(ев), в конце концов «поглотила обескровленную степь. Как удав медленно заглатывала добычу»².

Еще один весьма плодовитый и охотно издаваемый в последние годы в России поборник ее «нетрадиционной истории» — А. А. Бычков — тоже не видит у казаков никаких славянских корней. Он считает, что, «донские, гребенские и т. д. казаки» — это «потомки татаро-монголов, смешавшиеся с тюркскими, аланскими и черкесскими жителями южных степей». О русских же корнях казачества, по мнению А. А. Быčkova, вообще не может быть речи, ибо как этноса русских «до Петра I не было. Нигде. А что же было? Были литовские, финские, иранские, адыгейские, тюркские племена. Пришли западнопольские переселенцы, принеся с собой христианские представления, и началось объединение разноразличных народов в единую общность, языком межплеменного общения которых стал славянский — язык новой

---

¹ Гордеев А. А. История казаков. М., 1992. Ч. 1. Золотая орда и зарождение казачества. М., 1992. С. 4–77.

² Аджиев М. Мы — из рода половецкого! [Рыбинск], 1992. С. 50–52. Сходную трактовку антифеодальных движений в России XVII–XVIII вв. можно теперь встретить и на Украине. Там, как сообщалось в аналитической программе ТВЦ «Постскриптум» (от 28 июня 2008 г.), Разин и Пугачев были записаны в украинцы, а их восстания поставлены в один ряд с борьбой украинского народа против ненавистных москалей.

веры», а он, в свою очередь, образовался «на основе балтского (венедского) языка, “испорченного” иранским и германским влиянием»¹.

Известный ученый-металловед, ветеран оборонной промышленности России А. А. Арцруни выдвинул версию армянского происхождения казачества. Как сказано в аннотации к его книге, автор «реконструирует историю казачества, связывая ее с историей армянского вольного конного воинства “кА-азатов”, тем самым увеличивая историю казачества на несколько тысячелетий»².

Священники А. М. и В. М. Гнеденко издали книгу, рекомендуемую по благословению Архиепископа Екатеринодарского и Кубанского Исидора в качестве учебного пособия для воскресных школ. В ней говорится, что «казаки запорожские и донские происходили из одного корня — православных потомков скифов и гуннов», которых авторы называют «предками славян»³.

Гораздо шире взгляд на происхождение казачества у Тамары Литвиненко. Он нашел детальное отражение в ее большой статье, опубликованной в московском журнале «Кзаки», издаваемом активистами казачьего возрождения⁴. В поисках «прародины казачества» Т. Литвиненко забралась аж в VIII–VII тысячелетия до н. э., по сути дела отождествив с «первыми казаками» все индоевропейские племена и народы, жившие тогда, по ее представлениям, в «южноурало-сибирской лесостепи» и занимавшиеся кочевым скотоводством. «Кзаками» у Т. Литвиненко стали и арии, пришедшие на современную территорию Ирана и Индии

---

¹ *Бычков А. А.* Происхождение славян. М., 2007. С. 84, 252. В аннотации к этой и другим книгам А. А. Быčkova он представлен как «историк и археолог» и даже как «доктор исторических наук». Но вот что говорится в одном из комментариев к его сочинениям в Интернете: «Автор данной книги, а также десятка других, изданных начиная с 2000 года, постоянно себя величает доктором исторических наук, археологом. Однако диссертации ни доктора, ни кандидата наук с именем Алексея Александровича Быčkova на сайте РГБ в разделе диссертаций не значится. Узнать какие-либо биографические данные об авторе (где работает, что заканчивал и т. п.) тоже не удалось» (URL: <http://merkniг.com/2013/06/05/moskoviya-legendy-i-migy.html>).

² *Арцруни А. А.* Великая Армения. Дух свободы и казачество. Глубинные корни казачества. М., 2006.

³ *Гнеденко А. М., Гнеденко В. М.* За други своя или все о казачестве. М., 1993. С. 14, 19, 87.

⁴ *Литвиненко Т.* Где прародина казачества? // Кзаки. 2011. № 6. С. 34–39.

«с Урала» во втором тысячелетии до н. э., и киммерийцы, обитавшие в Северном Причерноморье в VIII–VII вв. до н. э., и среднеазиатские саки с причерноморскими скифами («казаки I-го тысячелетия до н. э.»).

С древних ариев теперь начинают историю казачества и многие другие идеологи и активисты казачьего возрождения, и одни лишь названия издаваемых ими книг («История казачества от Рождества Христова» и т. п.) говорят сами за себя¹.

Ростовский журналист и тоже активист казачьего возрождения В. И. Вареник выпустил книгу «Происхождение донского казачества», и начинает он ее такими словами: «Что есть казачество? Откуда взялся этот народ, отчего, говоря “я — казак”, чувствуешь некий озноб под кожей, словно распаивается даль истории и ты прикасаешься к сокровенным корням самого рода человеческого?.. Хочется верить, что смутное ощущение причастности казачества к самым глубинным корням рода человеческого соответствует историческим реалиям...»². Надеясь таким образом на принадлежность казачества к древнейшим народам земли (а конкретнее — к «арийской ветви индоевропейской расы человечества»), В. И. Вареник вместе с тем полагает, что донские казаки — это всё же в основном потомки славян, но, правда, только тех, которые в VIII–IX вв. осели на Дону и сохранились там после монголо-татарского нашествия, 250 лет умело маскируясь и скрываясь в труднодоступных местах поймы Дона. В результате смешения этих славян с тюрками (татарами) якобы и образовался особый «славяно-тюркский этнос донских казаков»³.

Впрочем, о гипотетической возможности сохранения на Дону до XV–XVI в. каких-то остатков славянского населения писали еще некоторые дореволюционные исследователи (Х. И. Попов, П. П. Сахаров) и казаки «автономисты»⁴. Позднее «не исключали» ее и некоторые профессиональные историки (о чем речь у нас еще пойдет ниже). А некоторые современные авторы, развивая эту точку зрения, считают необходимым признать казаков

---

¹ Рыблова М. А. «Казаки возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. статей. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 277.

² Вареник В. И. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 8.

³ Там же. С. 48–117.

⁴ Корниенко Б. С. Указ. соч. С. 155, 159

«четвертым восточнославянским народом» (наряду с русскими, украинцами и белорусами), но в этом, как и с «арийской прародиной», тоже не слишком оригинальны: аналогичные взгляды были присущи ряду идеологов «казачьего национализма» еще в начале XX в.¹

Почти целиком на эмигрантской «казакийской» литературе построил свои концепции один из самых радикальных активистов современного казачьего движения — Верховный атаман Великого братства казачьих войск В. Ф. Никитин. Он был убежден в том, что «история казаков четко прослеживается с первых веков христианства», а «невозможность происхождения свободных, вольных казаков, степных рыцарей, природных конников, бесстрашных воинов, искусных моряков, сознательных граждан с подлинным демократическим укладом общественно-государственной жизни от беглых русских крестьян-рабов сама по себе понятна» и является «очевидной истиной», в отличие от теории, «в силу каковой казаки в прошлом — беглые крестьяне, озорные людишки, преступники, лиходеи, “воровские шайки”». Ибо она, по убеждению В. Ф. Никитина и цитируемых им «казачьих историков», является просто «сказкой», не имеет ни прямых, ни косвенных доказательств, «была выдвинута русскими историками в первой половине XIX столетия» с единственной «политической целью — разрушить идею происхождения казачества из местных донских народов, живших здесь до татарского нашествия, и, таким образом, выбить историческое оружие из рук казаков в их борьбе за самобытность начал в устройстве своей жизни»².

В. Ф. Никитин крайне возмущен тем, что «некоторые из казаков до сих пор всё еще считают себя русскими». Но причины этого ему тоже «понятны», и объяснения их созвучны вышеприведенным утверждениям М. Аджи(ева): «...Благодаря перевесу физической силы да неописуемым насилиям и террору русским царям удалось после долгой и упорной борьбы сломить волю казачества, постепенно овладеть его добром и посеять среди него разлагающий яд обрусения <...> Подчинив казачество и включив их земли в свой состав, Россия упорно, настойчиво и безостановочно обращала казаков в “русских”»³.

---

¹ Корниенко Б. С. Указ. соч. С. 194.

² Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 18–20, 27, 531.

³ Там же. С. 532–533.

Не менее радикален в своих суждениях и И. В. Качанов — казачий активист, выпускник Дагестанского университета, получивший квалификацию «историк, преподаватель истории». Свою брошюру о казачестве он написал, отталкиваясь, главным образом, от безнадежно устаревших сочинений географов и историков XVIII — начала XIX вв., дилетантских работ казачьих «автономистов» и «сепаратистов» начала XX в. и даже от кульбитов большевистской национальной политики в 20-е гг. XX в., когда статусом «народа» кто только ни наделялся. О «глубине» исторических познаний самого И. В. Качанова можно судить хотя бы по таким примерам: к «Дикому полю» он относит территорию Казанского и Сибирского ханств, считает, что «казаки играли главную роль во взятии Казани», а легенду о награждении Иваном Грозным Ермака титулом князя Сибирского воспринимает как реальный факт¹.

Исходя из своего убеждения в том, что казаки — отдельный самостоятельный народ, И. В. Качанов категорически возражает даже против выражения «возрождение казачества», аргументируя это тем, что не говорят же у нас о «возрождении татарчества, чеченчества, черкесчества или руссчества». А проблемой происхождения этого «народа» он вообще не заморачивается, ибо она ему предельно ясна. Расценивая любое упоминание о «казаках» в источниках XIII–XIV вв. как бесспорное свидетельство реального существования «казачьего народа» в те времена², И. В. Качанов пишет: «Потомки скифов, сарматов, бродников, торков, берендеев, касогов, хазар, славян, черкасов, половцев, чигов: вот племена, которые объединились в казачий народ»³.

Писатель М. П. Астапенко хоть и опирается в своей книге на сочинения эмигрантов И. Ф. Быкадорова и А. А. Гордеева, но не столь радикален. Историю донского казачества он фактически начинает с XIV в., а следующий ее этап изображает следующим образом: «В XVI веке, когда на Руси резко усилился процесс закабаления крестьян, на Дон хлынула масса вольнолюбивого люда. Соединившись здесь с немногочисленным коренным населением, эти свободолюбивые беглецы

---

¹ Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? Ставрополь, 2016. С. 10–11.

² Там же. С. 17–18.

³ Там же. С. 7–8.

и образовали то славное население, которое в дальнейшем получило название донские казаки»¹.

Н. И. Нестеров («донской казак как минимум в седьмом-восьмом поколении» — так он себя представил), упоминая в своей книге о существовании «миграционной» и «автохтонной» теорий происхождения казачества, пишет: «В дальнейшем всестороннем изучении нуждаются обе теории, но более перспективной выглядит автохтонная. Вся богатая история донского казачества свидетельствует об этом». Приводя эти «свидетельства», он, с одной стороны, исходит, казалось бы, из правильного посыла, согласно которому «история возникновения Донского казачьего войска уходит своими корнями как минимум в XVI в., во времена правления Ивана Грозного», но с другой, — считает, что «история... появления казаков в низовьях Дона куда как древнее и запутаннее». И вот как Нестеров ее представляет: «Первые сведения о донских казаках появляются в записках греческих, римских, арабских путешественников и историков в IX–X вв. По сведениям арабских историков, казаки жили в дельтах рек Дона и Кубани, имели в X в. сильный торговый флот и были известны как мореходы и пираты. Арабы донесли до нас сведения, как казаки в 812 г. на 500 кораблях по 100 человек на каждом из Волги вышли в Каспийское море и произвели страшное опустошение на его берегах». А подкреплены эти откровения ссылкой лишь на... упомянутую выше книгу Верховного атамана Великого братства казачьих войск В. Ф. Никитина...

Вместе с тем Н. И. Нестеров признаёт, что «изначально, по всей видимости, казачество все же формировалось как явление социальное, а не этническое», но готов согласиться и с тем, что «казачество — явление пронзительно русское». Правда, с оговоркой: «Не по составу, а по роли именно в русской истории». И его подход к вопросу об этнической идентификации казачества выглядит как своего рода «компромисс»: «Для нас важно то, что на государственном уровне казакам обозначили то место, которое они должны занимать — “культурно-этническая общность людей”. На этом и успокоимся»².

Казачий писатель и один из идеологов казачьего возрождения Б. А. Алмазов тоже не слишком радикален: он все-таки

---

¹ Астапенко М. П. История донского казачества. Ростов н/Д, 2013. С. 16.

² Нестеров Н. И. Кто они, донские казаки? Волгоград, 2008. С. 15–27.

признаёт нынешних казаков русскими, но тут же ставит вопрос: «Когда казаки влились в русский народ, став его составляющей?». Из его книги следует, что довольно поздно, и общий вывод автора таков: «Казаки — коренное население бассейнов рек Дона, Терека, Волги и Урала. Никакие они не “беглые крепостные”». А донских казаков он вслед за М. Аджи(евым) называет «прямыми потомками половцев»¹.

Другой казачий писатель — В. Е. Шамбаров — тоже склоняется к мысли, что казаки теперь — русские (субэтнос — «народ внутри народа»), но «древнейшие корни казачества», по его мнению, все-таки произрастают «из осколочков различных племен»².

3. Псевдонаучные теории: аргументы и факты

Идейной опорой для Б. А. Алмазова и В. Е. Шамбарова, по их собственному признанию, являются высказывания Л. Н. Гумилёва, который незадолго до своей кончины в беседе с казаками назвал их «народом», «этносом», причем «очень древним... Насколько древними могут быть народы», а вовсе не потомками беглых³. Вот только никаких доказательств своей точки зрения так и не привел ни в этой беседе (если судить по ее изложению Б. А. Алмазовым), ни в ранее изданных работах, где выводил казаков из хазар — подобно соратнику гетмана И. Мазепы Ф. Орлику⁴. Утруждать себя сбором доказательств — это вообще было не в правилах Л. Н. Гумилёва: доказательства ему, как верно подмечали его критики, обычно заменяли «внутреннее убеждение автора» (в своей правоте) и «блестящее литературное дарование», и потому его сочинения по истории Восточной Европы носят более литературно-художественный, чем научно-исследовательский, характер⁵.

---

¹ Алмазов Б. А. Мы казацкого рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 33, 39, 82.

² Шамбаров В. Е. Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 11, 47.

³ Алмазов Б. А. Указ. соч. С. 52–54; Шамбаров В. Е. Указ. соч. С. 46–47.

⁴ Тацрова-Яковлева Т. Г. «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины в конце XVII — начале XVIII в. // Украина и Россия: история и образ истории: Материалы российско-украинской конференции. Москва, 3–5 апреля 2008 г.; Плохий С. «Национализация» украинского казачества в XVII–XVIII веках // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011.

⁵ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 532–533; Шмидт С. О. «Фоменко» как феномен общественного сознания //

В «доказательствах» обычно нет недостатка у других, менее харизматичных поборников «концепции автохтонного происхождения» казачества. Только доводы их, как правило, не научные, а сугубо дилетантские, сплошь и рядом демонстрирующие дремучее невежество их авторов. Так, убежденность «автономистов» и «сепаратистов» в существовании в древности особого «казачьего народа», не будучи подкрепленной ни данными письменных источников, ни археологией, покоится в основном на еще в начале XIX в. отвергнутом наукой методе «символической этимологии», а попросту говоря — на выискивании этнонимов и топонимов (как реальных, так и мифических), хоть как-то созвучных слову «казаки»: *азы, ясы, казы, касоги, кас-саки, козары (хазары), черкасы, Азов, Каспий, Кавказ, Казбек* и т. д. — вплоть до *амазонок*¹. Отсюда и «вполне логическое» заключение: «Прародиной Казаков, Землею их Отцов в точном значении, этого слова, следует считать Северо-Кавказскую равнину, Приазовье и берега реки Дона»².

Нельзя не заметить, что исследовательская методика сторонников этой точки зрения аналогична той, которую в последнее время широко используют идеологи «незалежной» Украины — такие, например, как доктор политических и психологических наук, профессор В. М. Бебик. Стремясь представить свою страну «центром мироздания», они утверждают, что бог Будда принадлежал к проживавшему на Украине племени будинов, а имя бога Вишну происходит от слова «вишня», занесенного переселившимися в Индию украинцами, что фараон Египта Менес был родом с территории Менского района на Черниговщине, а римский правитель Сулла был выходцем из Посулья, ну и, наконец, что президент США Байден является потомком основателя Запорожской Сечи Д. Вишневецкого, носившего прозвище Байда. Причем и эти, и другие того же научного уровня «открытия», как пишет журналист Евгений

Преподавание истории в школе. 2006. № 9. С. 17. Известный археолог Ю. А. Мочанов, находившийся в хороших отношениях с Л. Н. Гумилёвым, в одном из интервью охарактеризовал его так: «Он — поэт! А вынужден был стать исследователем, ученым. К нему нужно относиться как к писателю! Естественно, у него переборы сплошь и рядом...» (Мир Севера. 2017. № 3. С. 13).

¹ *Супруненко В. П.* Запорожская вольница. М., 2007. С. 8; *Никитин В. Ф.* Казачество... С. 21; *Шамбаров В. Е.* Указ. соч. С. 14–15.

² Цит. по: *Никитин В. Ф.* Казачество... С. 21–22.

Черных, преподносится на полном серьезе — через печатный орган Верховной Рады «Голос Украины», радио и телевидение¹.

«Лавры» такого рода исследователей, видимо, не дают покоя и некоторым российским дилетантам. В частности, тем, кто для обоснования «автохтонной концепции» происхождения казачества постоянно ссылается на сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанное в период от 948 до 952 г. Там среди кавказских стран упоминается некая «Касахия», она-то и объявляется «колыбелью казачьего рода»². Мысль о том, что «Касахией» Константин Багрянородный мог назвать место обитания одного из кавказских народов, например *касогов* (т. е. предков адыгов) у казачьих «сепаратистов», по-видимому, даже не возникала, самостоятельные исследователи истории казачества порой трактуют это сочинение византийского императора как бесспорное свидетельство существования в X в. уже не только страны Казакии, границы которой раздвигают от предгорьев Кавказа до низовьев Дона, но и «народа, носящего название “казаки”»³.

И прежних поборников «автохтонной концепции происхождения казачества», и их нынешних адептов, видимо, не смущало и не смущает то обстоятельство, что, во-первых, этнонимы и топонимы с «каз», «кас», «кос» (и тем более с «аз», «ас», «ос») можно без особого труда отыскать и в тех регионах мира, которые никак с казачьей родословной не свяжешь, — от древней Ассирии до Америки с Африкой (река *Казан* на севере Канады, река *Касаи* в Западной Африке, *Кассала* — провинция в Восточной Африке и т. д.). А во-вторых, даже если предположить, что народ «казаки» и обитал когда-то в Причерноморье и на Кавказе, его генетическую связь с нынешними казаками надо еще проследить и доказать. Ведь в истории нередко бывает, когда одно и то же имя с течением времени переходит с одного народа на другой. Например, хорошо известно, что этноним «римляне» («ромей», «романы») перешел на греков — жителей Византии — и на даков — предполагаемых предков основного населения Румынии,

---

¹ Черных Е. Вот это Байда! // Комсомольская правда. 2020. 18–25 ноября. С. 3.

² См., например: Казачий словарь-справочник. Т. 2. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. С. 30–31, 39.

³ Гордеев А. А. Указ. Соч. Т. 1. С. 14 (курсив мой. — Н. Н.); Никитин В. Ф. Казачество... С. 80.

а также является самоназванием цыган («рома»). А немцев, живших в Пруссии, называли «пруссаками», хотя с народом, давшим название этому государству (а до 1945 г. — одной из земель Германии) они имели совершенно разное происхождение...

В 1995 г. известный челябинский историк В. Ф. Мамонов писал: «Нельзя базировать сколько-нибудь серьезную теорию на таком зыбком фундаменте, как созвучие слов в названиях, упоминаемых древними авторами племен со словом “казаки”. Это не говоря уже о том, что и сами сообщения древних авторов по возможности тоже следует проверять, поскольку сообщали же они, например, что жители Восточной Европы на полгода закапываются в снег, засыпают и пребывают в этом состоянии вплоть до потепления»¹. Но слова эти, конечно же, остались проигнорированными дилетантами, эксплуатирующими в своих далеких от науки целях тему «Происхождение казачества». Именно *проигнорированными*, ибо исследование В. Ф. Мамонова многим казачьим активистам должно быть хорошо известно, благодаря подробной рецензии на него и интервью с автором в их газете «Станица» (кстати, ее редактор Г. В. Кокунько заметил, что после прочтения книги Мамонова «ни у кого не должно остаться оснований говорить об отдельном казачьем народе, повторяя разработки германского Генерального штаба времен Первой мировой войны»)².

Любопытно, что в самом конце XIX в., в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье о казачестве говорилось следующее: «...Вопрос о происхождении к[азачества] представляется не вполне еще разъясненным во всех своих деталях, хотя общее решение его уже прочно установилось в современной литературе. Прежние историки производили козаков от инородцев, населявших некоторые местности юга России в удельно-вечевой период — хазаров, черных клобуков, касогов, черкесов. В настоящее время подобные объяснения, основанные исключительно на наивных филологических сближениях созвучных имен, совершенно оставлены...»³.

---

¹ Мамонов В. Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 27.

² Станица. Общеказачья газета. 1996. № 3. С. 8.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV а (30-й полутом). СПб., 1895. стб. 581 (автор — В. Мякотин).

Какими же наивными были сами историки в конце XIX в.! Похоже, они свято верили в силу и авторитет своей науки, и им, конечно, и в кошмарном сне не могло присниться, что через 100 лет «наивные филологические сближения» будут вновь взяты на вооружение авторами исторических сочинений и даже станут у кого-то основными методами исследовательской работы, доведенными порой до полного абсурда.

Как подметила в 2004 г. Елена Мурашова, разбирая одно из псевдоисторических сочинений, «все деятели паранауки очень любят упражняться в лингвистике, причем все они исповедуют один нехитрый принцип: звучит похоже — значит одно и то же»¹. Более резок в своих оценках кандидат исторических наук Алексей Пензенский: «Когда дилетанты лезут в область лингвистики, они превращаются в посмешище»².

В справедливости этих замечаний при чтении дилетантской литературы по истории казачества убеждаешься на каждом шагу. Так, столп «казачьего национализма» Е. П. Савельев утверждал, что титул правителя хазар — каган — восходит к славянскому «коханный», т. е. «излюбленный» и означает «выбранный народом правитель», что название народа «сарматы» происходит от слова «сыроматы» — «т. е. сыромятники, выделыватели сыромятных кож», а гунны получили свое название от латинского «*unus*» — т. е. «один, единение, союз народов». По его мнению, за славянами закрепилось их громкое имя, потому что они любили славу, а германцы в глазах славян были просто неимущими, бездомными, потому-то и прозывались «немцами» («не-мцами»)»³.

Ладно Савельев. Этот «пламенный казачий националист» выпустил свой эпохальный труд в 1915 г. и не имел высшего образования⁴. Как заметил по поводу его сочинений А. М. Дубовиков, «почти все рассуждения Савельева свидетельствуют о вопиющей безграмотности по части многих вопросов», в том числе и лингвистических⁵. Но тот же уровень познаний в истории и филологии

---

¹ Мурашова Е. Славяне ли русские? // Литературная Россия. 2004. № 46. С. 10.

² См.: Коробатов Я. Чемпионы по переписыванию учебников. (Почему в моду входит фальсификация истории) // Комсомольская правда. 26.03.2015. С. 6.

³ Савельев Е. П. Указ. соч. С. 15, 54, 58, 134, 151.

⁴ Корниенко Б. С. Указ. соч. С. 7, 132, 135.

⁵ Дубовиков А. М. Этноконфессиональный состав российского казачества // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 393.

при поисках «прародины казачества» порой демонстрируют и, казалось бы, вполне образованные наши современники, и один из весьма красноречивых тому примеров — упомянутое выше сочинение Т. Литвиненко, аргументация в котором тоже в основном строится на лингвистических изысках¹. Из них, в частности, следует, что слово «казак» восходит к индоевропейскому «кос(коз)», означающему «конь», и переводится как «хозяин коня». Почему значение этого слова так радикально изменилось к XIV в. н. э. (см. выше) и почему, по крайней мере в XVI в., казаки, судя по данным вполне надежных источников, чаще действовали в пешем строю и на стругах, а не на конях², остается в таком случае загадкой, никак Т. Литвиненко не разъясненной...

В целом же о глубине и научности суждений Т. Литвиненко можно судить по таким примерам. Русское слово «слобода» она производит из «село-бад», где «бад», по-ирански, — поселение, городище. Между тем и историкам, и филологам давно и хорошо известна его подлинная этимология, производная от слова «свобода» (произносившимся в старину как «слобода»), ибо первоначально на Руси слободами называли поселения, освобожденные (получившие «ослабу», послабление) от налогов (характерный пример из XVII в. — Слободская Украина). Слово «кокарда» Т. Литвиненко выводит из «хох» и «орда» и «переводит на русский» как «верховный в орде», хотя хорошо известно, что оно заимствовано из французского без влияния каких бы то ни было «орд». Слово «станица» Литвиненко понимает лишь в его позднем (современном) значении и возводит к иранскому «стано», а тот факт, что в XVI–XVII вв. «станицами» у казаков назывались не селения, а отряды, ей, наверно, неведомо.

О подлинной же истории казачества у Т. Литвиненко, похоже, вообще весьма смутные представления. Иначе трудно объяснить, почему рядом с изображениями таких «представителей казачества», как киммериец, сак и скифы, Литвиненко помещает некоего «уссурийского казака XVII в.», и это при том, что Уссури

---

¹ Литвиненко Т. Где прародина казачества? // Казаки. 2011. № 6. С. 34–39.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 118, 300; Мамонов В. Ф. Указ. соч. С. 42–43; Канпелер А. Казачество. История и легенды. С. 14; Дубман Э. Л. Юго-Восток Европейской России. Ч. 1. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 87–99.

стала российской рекой (по правобережью) лишь в 1860 г., а Уссурийское казачье войско было создано в 1889 г.

Несмотря на всё это нагромождение несуразностей, версия Т. Литвиненко о происхождении казачества находит горячих сторонников, «творчески» ее «развивающих» Один из них — войсковой старшина Центрального казачьего войска Р. Ю. Леньшин. Он даже нашел новые подтверждения ее выводов о происхождении слова «казак» — в исследованиях армейского священника Сергея Богомолова, написанных в середине XIX в., а в «генетической и социальной правопреемственности казаков от гуннов и скифо-сарматов» Р. Ю. Леньшина, кроме Т. Литвиненко, убеждает «свидетельство, сделанное генералом А. Нечволодовым в его труде “Сказание о Русской земле”, посвященном 300-летию Дома Романовых». Для самого же Леньшина, убедительнейшим свидетельством родства казачества и скифо-сарматских племен являются «принцип организации и форма отношений» (с народным собранием как высшим органом власти и всеобщим вооружением населения), якобы идентичными у тех и других и описываемых «в трудах разных историков и исследователей».

По убеждению Р. Ю. Леньшина, «казачество — это не группа беглых крестьян или шайка разбойников, как часто нам преподносили и преподносят горе-историки, но этнокультурная группа, создавшая из своей профессиональной деятельности культуру, традиции и принципы социального и военного управления. Кратко это может быть определено так: казачество — это народвоин, являющийся частью России». Что же касается родословной этого «народа», то помимо скифов, сарматов, гуннов «родственными для казаков» Р. Ю. Леньшин считает «осетин (алан, роксолан), адыгейцев (языгов, ясов, ассов) и близких им абхазов (абазов), черкесов (ветвь черкасов) и предположительно аваров (дагов, дахов-даков)». Ну и, конечно, славян¹.

***

Когда, не углубляясь в этимологию и этнологию, в казачьи предки чохом записывают *все* племена и народы, проживавшие с незапамятных времен на Дону, Днепре, Волге, на Яике (Урале),

---

¹ Леньшин Р. Ю. Рыцари времен — казаки // URL: <http://www.planetkob.ru/articles/2362>

Тереке и смежных с ними областях¹, то убедительных доказательств их генетической связи с современными казаками, конечно же, ожидать не приходится. В этом случае ранняя история казачества по сути дела подменяется историей тех регионов, где впоследствии возникли старейшие из казачьих войск России. Методическая несостоятельность этого подхода тоже предельно ясна. Его можно уподобить попытке определить место и время возникновения такого города, как Москва, отталкиваясь от обнаруженных на ее территории памятников каменного, бронзового или раннего железного века, свидетельствующих, что и в столь давние времена она была заселена. Но ведь мы знаем, что лишь построенная в первой половине XII в. на Боровицком холме крепость может считаться *историческим ядром* Москвы — тем поселением, из которого выросла наша нынешняя столица. Кроме того, перечисляемые в качестве казачьих предков народы (скифы, сарматы, готы, гунны, хазары, половцы) не могут быть таковыми уже потому, что, как заметил Н. А. Мининков, «сильно разделялись друг от друга во времени и пространстве, принадлежали к разным языковым семьям и группам и не имели антропологического сходства»².

Не смог привести серьезных аргументов в пользу своей версии (о происхождении казаков от поселившихся на Дону в VIII–IX вв. славян) и В. И. Вареник. Система доказательств его гипотезы так и осталась на уровне голословных утверждений, явных натяжек и не подкрепленных данными надежных источников допущений (о некоторых из них пойдет речь ниже).

Еще более умозрительный характер носит концепция вышеупомянутого эмигрантского историка-любителя А. А. Гордеева (о формировании казачества монголами из русских «данников крови»). Она неоднозначно оценивается даже казачьими активистами.

Журналист В. И. Вареник, например, считает, что книга А. А. Гордеева, «хоть и написана в форме, близкой к популярной, вполне научна и содержит новую, довольно простую и оригинальную теорию происхождения донского казачества, удивлявшую своей логической законченностью и стройностью,

---

¹ См., например: *Алмазов Б. А.* Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 36–47; *Шамбаров В. Е.* Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 7–16.

² Цит. по: *Рыблова М. А.* «Казачи возвращаются!». С. 275.

равно как и отсутствием натяжек»¹. А вот писатель В. Е. Шамбаров дает А. А. Гордееву совсем другую характеристику: «Его теория ошибочна. Автор был эмигрантом уже не первого поколения, нередко даже путается в русских словах, терминах. И пользовался зарубежными источниками сомнительной достоверности, тенденциозными, а то и совершенно ложными. Свои выводы он построил на предпосылках, будто русским князьям под властью Орды не дозволялось иметь вооруженные дружины, а десятая часть населения ежегодно угонялась в рабство и использовалась ханами для охраны границ, откуда и появилось казачество. Исторической действительности эти предпосылки не соответствуют... Ежегодных угонов десятой части людей не выдержал бы ни один народ (...через 15 лет от народа осталась бы пятая часть). И никто, разумеется, не стал бы “оказывать” невольников»².

Признавая справедливость этой оценки, необходимо, однако, отметить, что попытки как-то связать возникновение казачества с монгольскими завоевателями предпринимались и в серьезной литературе (правда не историками, а лингвистами) и — тоже безуспешно. Так, некоторые исследователи (П. Бутков, Д. Коков) механически складывали слово «казак» из монгольских слов «ко» («латы», «броня») и «закичи» («сторож»). Научная несостоятельность такого подхода давно доказана. Как пишет Г. Ф. Благова, «такое соположение не связуемых основ не подтверждается фактами монгольских языков — ни их лексикой и семантикой, ни действующими правилами в области синтаксиса словосочетания»³. Кроме того, напомним факт, твердо установленный уже историками: «казаками» у татар называли *легковооруженных* воинов, которым броня и латы не полагались...

***

От ошибок, конечно же, не застрахован никто, в том числе и исследователи, занимающиеся историей казачества на профессиональном уровне. Но ошибки ошибкам рознь. Есть вещи, принципиально отличающие подход к проблеме профессиональных историков и дилетантов.

---

¹ Вареник В. И. Указ. соч. С. 34.

² Шамбаров В. Е. Указ. соч. С. 19.

³ Благова Г. Ф. Указ. соч. С. 143.

Суть дилетантских методов решения вопроса о происхождении казачества удачно прокомментировал на одном из характерных примеров В. Ф. Мамонов. Упомянувшиеся выше священники А. М. и В. М. Гнеденко, подобно некоторым активистам казачьего возрождения¹, попытались вывести родословную казачества не только от отождествляемых со славянами скифов и гуннов, но и от ...героя «Илиады» Ахиллеса, в подтверждение чего ссылались, во-первых, на «чуждого выдумок» греческого летописца Арриана, который называл Ахиллеса скифом, имевшим русые волосы и голубые глаза и отличавшимся необычной яростью в бою, а во-вторых — на предание, согласно которому Ахиллес отправился в Грецию из места, находившегося «в исконных землях Запорожского войска» — на Кинбургской косе — и называвшегося греками «Ахиллесовым берегом»².

«Итак, больших доказательств нечего и искать», — иронизирует В. Ф. Мамонов. Ахиллес, «конечно, предок запорожских казаков. Правда, — продолжает исследователь, — есть в этой версии маленькие неувязки. Во-первых, Гомер, как известно, дает совершенно иную генеалогию Ахиллеса. А он все-таки был на несколько веков ближе к Троянской войне, чем “чуждый выдумок Арриан”. Во-вторых, светлые волосы и голубые глаза были не только у скифов, воинская доблесть также. В-третьих, сегодня ни один серьезный историк не ставит знак равенства между славянами и скифами. В-четвертых, что же вообще доказывает название оконечности знаменитой Кинбургской косы “Ахиллесовым берегом”? В Северном ледовитом океане есть, например, земля Франца-Иосифа. Что же, это свидетельствует о том, что там родился император Австро-Венгрии Франц-Иосиф?»³

Вряд ли, однако, даже столь язвительные комментарии могут снизить пыл и категоричность суждений дилетантов. Их «исследовательская методика» проста, бесхитростна и не расположена к принципиальным изменениям (иначе она уже не была бы дилетантской). Дилетантам все равно, откуда черпать нужные сведения: из документальных источников или из легенд и мифов, из капитальных трудов серьезных ученых или из легковесных

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество... С. 24.

² Гнеденко А. М., Гнеденко В. М. Указ. соч. С. 14–15.

³ Мамонов В. Ф. Указ. соч. С. 25.

работ таких же дилетантов, из исследований, являющихся последним словом в науке, или из устаревших, давно отвергнутых наукой. И в специальной литературе, и в источниках (если до них, конечно, доходят руки) они «находят» лишь то, что соответствует уже сложившемуся у них взгляду на тот или иной вопрос и в упор «не видят» того, что ему противоречит, будь оно хоть в сто раз более убедительным и обоснованным. А если не увидеть этого все же никак нельзя, то могут, как М. Аджи(ев), либо огульно и голословно обвинить историков в сознательной фальсификации, либо, напротив, глубокомысленно заявить: «Слава Богу, кроме отечественной, есть мировая наука»¹. И при этом ни имени, ни сноски не привести или же сослаться на вовсе не существующие, мифические «данные». Но и перед прямым и грубым искажением позиций известных историков для обоснования своих теорий такие «исследователи», как М. Аджи(ев), не останавливаются, приписывая им то, что они не только никогда не говорили и не писали, но и прямо противоположное ими написанному и сказанному, как это получилось, например, с Н. М. Карамзиным, который, по версии Аджи(ева), якобы отрицал реальность участия Александра Невского в Невской битве и считал вымыслом битву Куликовскую².

Весьма своеобразное отношение к историографии и у В. И. Вареника. Порой и он искажает взгляды авторов привлекаемых им трудов, и также демонстрирует полное незнание фактов их биографий, что уже отмечалось исследователями³. Или, например, подкрепляя свои доводы ссылкой на «труды акад. Е. Ознобишина»⁴, не считает нужным указать, что тот был не авторитетным историком, а академиком *живописи*. Общеизвестную до 1990-х гг. точку зрения на происхождение казачества В. И. Вареник, подобно другим казачьим идеологам, клеймит как «официальную» и упорно называет ее «беглокрестьянской» или

---

¹ *Аджиев М.* Мы — из рода половецкого! С. 47.

² Подробнее см.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 531–539; *Никитин Н. И.* Феномен Мурада Аджи // Литературная Россия. 2005. № 15. С. 12: *он же.* Паранаука на марше: Мурад Аджи против «официальных» историков // Наш современник. 2006. № 3. С. 161–164.

³ С. М. Маркедоновым была, в частности, отмечена ошибочность суждений В. И. Вареника о С. Г. Сватикове. См.: *Маркедонов С. М.* С. Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов н/Д, 1999. С. 6–8.

⁴ *Вареник В. И.* Указ. соч. С. 24.

«беглохолопской», хотя, судя по отдельным замечаниям, рассыпанным по его книге, знает, что беглыми крестьянами и холопами профессиональные историки — как дореволюционные, так и советские — предков казаков не ограничивали¹. Отыскал В. И. Вареник и родоначальника «беглокрестьянской теории». Им, якобы, явился В. Б. Броневский — чиновник, бывший морской офицер, которому в начале 1830-х гг. было поручено написать историю донского казачества на основе материалов, собранных донским казачьим офицером В. Д. Сухоруковым, но написать с сугубо «официальных» позиций. Хоть о происхождении казаков от русских беглецов историки (например, тот же Н. М. Карамзин) писали задолго до Броневского, именно Броневский, как пишет В. И. Вареник («творчески развивая» распространенное среди казачьей эмиграции мнение²), внес самый весомый вклад во внедрение в сознание русского общества «беглокрестьянской теории» и оказал тем самым определяющее воздействие на всю нашу историографию³.

Оказывается, под влияние Броневского попали практически все крупные российские историки — и С. М. Соловьёв, и Н. И. Костомаров, и В. О. Ключевский... Непонятно, правда, чем это он их так очаровал: работа его (вышедшая в 1834 г.), с научной точки зрения легковесна, написана без сносок, исылаться на нее маститые историки почему-то не считали нужным (по крайней мере, у С. М. Соловьёва нет ни одной ссылки на В. Б. Броневского). Даже такому дилетанту, как Е. П. Савельев, было ясно, что труд Броневского «серьезного исторического значения не имеет»⁴. В. И. Вареник же, чтобы окончательно дискредитировать «беглокрестьянскую» теорию в глазах уже современного читателя, решил пристегнуть к ней... Карла Маркса. В бумагах основоположника научного коммунизма сохранился конспект книги Костомарова о Степане Разине, и стало быть, считает Вареник, Маркс был согласен с точкой зрения Костомарова на происхождение казачества, поэтому Вареник назвал эту точку зрения ни много ни мало «теорией Маркса — Броневского», живучесть которой в советские

---

¹ Вареник В. И. Указ. соч. С. 43.

² Казачий словарь-справочник. Т. 1. С. 89.

³ Вареник В. И. Указ. соч. С. 20–22

⁴ Савельев Е. П. Указ. соч. С. 19.

времена объяснил тем, что «большинство советских историков просто боялось впасть в противоречие с установлениями марксизма-ленинизма» и потому «рабски следовали установлениям Броневского»¹.

А вот у В. Ф. Никитина отношение к историографии практически не выходит за рамки принципов, коими руководствовались, обосновывая свои концепции, в 1920–1930-х гг. представители эмигрантской «казакийской» диаспоры. Повторяя слово в слово доводы «автономистов» и «сепаратистов», В. Ф. Никитин, как и они, имел обыкновение отсылать читателя к неким «объективным историкам», «серьезным исследователям», «иностранным ученым» и т. п., не называя никого из них конкретно². Так что, например, остается загадкой, кто из них, вопреки «вульгарно-социологическим объяснениям» «русских историков» (настаивавших на происхождении казачества «из всяких земель беглых людей»), определяет казаков «как народность, которая образовалась в начале новой эры как результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа кос-сака (или ка-сака) и приазовскими славянами метео-кайсарами, с некоторой примесью аланов»³. Зато понятно, что критерий «объективности» и «серьезности» здесь один — соответствие собственным представлениям автора о «предмете дискуссии». Когда же В. Ф. Никитин отходит в этом вопросе от принципов анонимности, то обычно лишь вредит себе. Как подметил один из его критиков, «автор называет “серьезными историками” исследователей, которые не утруждают себя работой с источниками, это, как правило, люди, выполняющие социальный заказ»⁴.

Общая же характеристика трудов своих единомышленников у В. Ф. Никитина такова: «Отвергнув русскую “теорию”, казацьи историки на ее место выдвигают свою стройную, логически последовательную, соответствующую исторической действительности систему, свою, обоснованную историческими документами

---

¹ Вареник В. И. Указ. соч. С. 39, 41.

² Никитин В. Ф. Казачество... С. 12, 16, 36, 60, 66.

³ Там же. С. 12.

⁴ Носков А. А. Концептуально-методологические основы изучения ранней истории российского казачества // IV Емельяновские чтения: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Курган, 2009. С. 173.

теорию происхождения казаков»¹. Что ж, в *логической* последовательности «казакийцам» не откажешь: многих из них ненависть к России даже привела к тесному сотрудничеству с гитлеровской Германией. Но вот об *обоснованности* их «строительных» концепций историческими документами говорить не приходится: в отличие от осуждаемых В. Ф. Никитиным «русских историков», «казакийцы» подкрепить свои суждения никакими документами так и не смогли, а поэтому признать их «теорию» соответствующей «исторической действительности», не представляется возможным.

Об уровне общеисторической подготовки самого В. Ф. Никитина можно судить по таким примерам. По его мнению, торки (огузы), основавшие город Торческ недалеко от Белой Церкви, являлись «скифским племенем»², между тем теперь даже из школьной программы можно узнать, что это была *тюркская* народность, обосновавшаяся в причерноморских степях в XI–XIII вв. и, стало быть, никакого отношения к давно к тому времени исчезнувшим *ираноязычным* скифам не имевшая³. Беглого подьячего Посольского приказа, изменника Григория Котошихина, подготовившего в 1660-х гг. по заказу шведских властей «Описание Московского государства», он называет «русским историком»⁴. Весьма авторитетным исследователем казачьей истории для В. Ф. Никитина является вышеупомянутый академик живописи Е. А. Ознобишин (представленный им как «русский историк и археолог»)⁵. Ссылаясь на легенду, записанную генералом А. И. Ригельманом в 1778 г., мой однофамилец утверждает, что казакам принадлежала *главная* заслуга во взятии Казани Иваном Грозным и обвиняет «официальных» историков в сознательном умалении роли казачества в этом событии⁶. В. Ф. Никитин мало того, что не различает казаков городских (практически не отличавшихся от стрельцов и прочих «приборных» служилых) и казаков вольных, так он еще «зачисляет» в казаки тех, кто такими никогда не был — дворянина («жилыца») и «письменного

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество... С. 20.

² Там же. С. 39.

³ Трепавлов В. В. Кочевники южнорусских степей // Преподавание истории в школе. 2007. № 3. С. 41–42

⁴ Никитин В. Ф. Казачество... С. 77.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 77–79.

голову» (т. е. чиновника для особых поручений) Якутского острога Василия Пояркова, спутника Дежнёва в его историческом плавании — Федота Алексеева, являвшегося на самом деле приказчиком известных устюжских купцов Усовых. Самого Дежнёва В. Ф. Никитин «производит» из рядовых казаков в атаманы за 17 лет до его действительного перевода в этот «чин», время достижения казаками Тихого океана определяет в «сто лет»¹ (вместо реальных 57), а под изображением Дмитрия Пожарского в книге В. Ф. Никитина стоит подпись — «Степан Тимофеевич Разин»...² Надо ли при демонстрации такого уровня исторических знаний удивляться тому, что отстаиваемая автором концепция происхождения казачества, уводящая нас аж в V тысячелетие до н. э.³, не выдерживает никакой научной критики?..

***

Помимо старых, столетней давности мифов, связанных с проблемой происхождения казачества, в последнее время стали возникать и мифы новые. Из них, пожалуй, самым популярным стал тот, где утверждается, что знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал, производя в 2001 г. раскопки в Азове, обнаружил некие «археологические пласты», которые якобы доказывают «древность казачьего народа». Ничего конкретного об этих «пластах» не сообщается, однако и без того ясно, что Тур Хейердал никак не мог подкрепить «автохтонную теорию» какими бы то ни было находками. В Азове (а потом и в Азербайджане) он искал древние корни не казачества, а викингов, причем малоуспешно. Выпущенная по результатам этих изысканий книга Хейердала «В погоне за Одином» была в пух и прах раскритикована научным сообществом за дилетантизм.

В том же ряду усиленно распространяемый некоторыми казачьими активистами миф, объясняющий отсутствие документальных подтверждений «древности казачества» тем, что такие источники просто «не сохранились» или даже были «умышленно уничтожены» российскими властями, в связи с чем обычно упоминают сгоревший в черкасском пожаре 1744 г. архив Войска

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество... С. 9, 102, 134.

² Там же. С. 160–161.

³ Там же.

Донского¹. Непонятно, на чем основывается убеждение в наличии таких («древних») документов в сгоревшем новочеркасском архиве, но ясно, что адепты этой версии имеют самое смутное представление о состоянии архивного дела в России. Им, похоже, неизвестно, что в московских архивах (прежде всего — в РГАДА) хранится немало источников, проливающих свет на историю казачества XVI–XVII веков. Это давно известные историкам Ногайские, Калмыцкие, Турецкие, а главное — Донские «дела». Последние изучены особенно хорошо, т. к. значительная их часть, как отмечалось выше, была опубликована Археографической комиссией еще в 1898–1917 годах, и ознакомления лишь с этим пятитомным изданием достаточно, чтобы убедиться в русском происхождении большинства казаков XVII в.

Что уж тут говорить об источниковедении! Как специальная историческая дисциплина оно пишущим на казачьи темы дилетантам вообще практически неизвестна, отсюда и постоянные ляпсусы и казусы в их сочинениях. Например, многие авторы (П. К. Харламов, А. А. Гордеев, А. М. и В. М. Гнеденко и др.), исходя из того, что в былинах Илья Муромец назван «старым казак», делают однозначный вывод о существовании казачества на Руси в X–XII вв.²

То обстоятельство, что былины эти были записаны, главным образом, в XIX в., авторам подобных умозаключений либо неизвестно, либо не имеет для них никакого значения, хотя деформация этих памятников русского народного творчества за прошедшие к тому времени шесть столетий должна быть очевидной любому внимательному и образованному читателю уже потому, что в былинах не только богатыри становились «казаками», но и врагами Руси вместо реально противостоявших ей печенегов и половцев (имена предводителей которых порой доносят до нас былины) выступают «татары» — противник из более поздней эпохи — и даже... чукчи с коряками-олюторами (в сборнике былин и исторических песен, записанных в XVIII в. Киршей Даниловым)³.

---

¹ См., например: *Капитун И. И.* Круглый стол «У истоков зарождения донского казачества. Мифы и реальность» // URL: <http://kazak-center.ru>>Новости КИАНЦ>...realpost/2021-03-01-4070/

² *Харламов П. К.* Казаки. Париж, 1956. С. 6; *Гордеев А. А.* Указ. соч. С. 16; *Гнеденко А. М., Гнеденко В. М.* Указ. соч. С. 23; *Рябова Е. Л., Щупленков О. В.* Основы казачьей культуры. Учебное пособие. М., 2015. С. 6.

³ Сборник Кирши Данилова. М., 1957. С. 21 (былина «Добрыня чудь покорил»).

«Изучение русского героического эпоса показывает, что многие былины, возникнув на стадии родоплеменного строя, впоследствии перерабатывались в согласии с новыми историческими условиями, новой исторической обстановкой. Поэтому эпос несет на себе печать разных эпох», — подчеркивали крупные исследователи древнерусской истории И. Я. Фроянов и Ю. И. Юдин¹.

Однако ссылками на Илью Муромца доводы сторонников возникновения казачества в незапамятные времена не ограничиваются. В. Ф. Никитин для подкрепления своей точки зрения приводит еще один, по собственному определению, «небольшой, но колоритный штрих»: «Величайший полководец древней Руси Святослав Игоревич (живший, согласно традиционной истории, в X веке) был, оказывается, казаком!». На чем же основывает мой однофамилец это свое открытие? А на том, что византийский историк Лев Диакон при описании внешности знаменитого князя, составил по сути дела портрет типичного запорожца — с вислыми усами и оселедцем на бритой голове². Видимо, В. Ф. Никитин просто «не в курсе» относительно того, что такую, с позволения сказать, прическу носили не только запорожцы: давно, в частности, известно ее широкое распространение в Средние века у кочевников Евразии, включая тех, кто оказывал сильнейшее влияние (в том числе в области «моды») на окрестные народы и государства...³

Почти все самодеятельные исследователи истории казачества твердо убеждены в участии донских казаков в Куликовской битве (1380 г.), нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что эта легенда была записана в конце XVII в. и не только не подкрепляется данными репрезентативных источников, но и противоречит им. Забавно объяснение последнего обстоятельства главным идеологом «казакийского» движения генералом И. Ф. Быкадоровым. Автор работ, объявленных нынешними активистами казачьего возрождения «вершиной серьезной исторической мысли автономистов», не обнаружив «дополнительных свидетельств» участия казаков в Куликовской битве, не нашел

---

¹ Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история (Работы разных лет). СПб., 1997. С. 497.

² Никитин В. Ф. Казачество... С. 15–16.

³ Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 81–83; Грибовский В. В. Социальная типология казачьих сообществ // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 97–98.

ничего лучшего, как заявить, что официальные летописцы сознательно, «по политическим причинам» умолчали об этом факте, дабы возвеличить славу московских князей¹.

По замечанию В. Ф. Мамонова, «никаких сколько-нибудь надежных документальных или летописных свидетельств существования донских казаков в 1380 г. по существу не было и нет, а легенд об их участии в Куликовской битве — великое множество», и «от автора к автору, от книги к книге этот рассказ обрастает новыми подробностями», так что, например, и воевода Боброк Волынский превращается в них в «казачьего атамана»². В связи же с утверждением этих легенд о преподнесении казаками князю Дмитрию икон (Донской Божьей Матери и Гребеневской Божьей Матери) — следует вполне «логичное» заключение, что донцы к 1380 г. уже имели не только свою боевую организацию, но и храмы с иконами. Указывается даже конкретное селение, жители которого якобы и преподнесли Дмитрию Донскому одну из этих икон — «Сиротинский городок» (позднее — станция Сиротинская)³. Только вот незадача: историками и археологами выяснено, что селение это возникло не ранее конца XVI в.⁴ Что же касается Дона в целом, то согласно запискам иеродиакона Игнатия, сопровождавшего в 1389 г. митрополита Пимена в Константинополь, на всем их пути от верховья реки до Азова они не видели человеческого жилья — «ни града, ни села», — а из жителей встретили лишь кочевников-татар⁵.

Занятно и то, что идеологи казачьего сепаратизма не пришли к единству в трактовке значения Куликовской битвы: одни из них гордятся «участием» в ней казаков, а другие (например сотрудничавший с гитлеровцами эмигрант Ш. Балинов) считают его «несчастьем» для казачества...⁶

---

¹ Вареник В. И. Указ. соч. С. 31–32.

² Мамонов В. Ф. Указ. соч. С. 37–39.

³ Савельев Е. П. Указ. соч. С. 202.

⁴ Скворцов Н. Б. Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 18.

⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. XI. С. 95; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 53.

⁶ Балинов Ш. О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru>)...articles...o-proishozhdenii.html).

Самодетельные казачьи историки порой подробно раскрывают перед читателем и «методологию» своих подходов к исследовательской работе. Так, Н. И. Нестеров отрицает саму возможность отражения в научных трудах каких-либо исторических реалий, воскрешая, стало быть, давно отвергнутое наукой «скептическое направление» историографии. Отвечая на самому себе заданный вопрос, «как постичь прошлое» и «на что опираться при изучении той или иной эпохи», он отвергает расхожее мнение, согласно которому опираться надо на первоисточники. Нестеров им не доверяет в принципе, поскольку они могут носить субъективный характер, отражать «идеологические установки власти» или же чье-то «добросовестное заблуждение, создаваться по чьему-либо «заказу» и т. д. Потому-то, заключает он, «каждый человек имеет право на собственную версию того или иного события». Использование этого «исследовательского принципа» Нестеров далее наглядно демонстрирует, весьма вольно обращаясь с трактовкой как литературы, так и источников.

Например, тот факт, что об участии донских казаков в Куликовской битве пишут современные авторы, но ничего не писали видные советские историки, Н. И. Нестеров объясняет тем, что «в середине XX в. не пришло еще время, не было дадено властной установки на такую интерпретацию нашей истории». А к числу «первых упоминаний о донских казаках» он относит «запись диакона Игнатия» (ошибочно датируемую им 1399 годом вместо 1389), «проезжавшего из Москвы в Константинополь», в которой, по словам Нестерова, говорится, что «по Дону никакого населения нет, только виднелись развалины многих городков...»

«Запись» эту Н. И. Нестеров излагает, мягко выражаясь, не точно, но даже если бы Игнатий в самом деле упоминал о таких «городках», то на каком основании их следует считать именно казачьими — Нестеровым не объяснено, как и то, почему их наличие рассматривается им в качестве свидетельства того, что «казаки жили в относительном мире с Ордой». Впрочем, какие могут быть претензии к автору, который предлагает рассматривать свою книгу лишь как «еще один субъективный вариант» казачьей истории, который «читатель волен

принимать или не принимать... в зависимости от своих убеждений», и признается, что его «труд ни в малой степени не претендует на научное исследование»...¹

О логике рассуждений и исследовательской «методе» самодеятельных историков казачества можно судить и по другим примерам. Вот еще один из них, весьма показательный.

Еще Е. П. Савельев без ссылок на какие-либо источники утверждал, что после принятия татарами мусульманства в XIV в. «казачий народ» был вынужден покинуть места своего исконного проживания, разбрелся по русским и украинским городам и весям (вплоть до Соловецких островов), а затем стал «вести наступательную войну с магометанами», в ходе которой в конце концов вернул себе свои родовые земли². Последователи Савельева и тут «творчески развили» его «концепцию», и используя тот факт, что на севере Европейской России «казаками» называли вольнонаемных работников, сочинили следующую увлекательную историю. Под давлением татар в XIV в. начался «массовый исход» казаков «на Русь». Так появились казаки-севрюки, казаки рязанские, мещерские и др. А многие из этих «беженцев» дошли до Ледовитого океана, принесли туда «навыки мореплавания, унаследованные с античных времен», а затем «начали свое шествие к Тихому океану в партиях и дружинах землепроходцев» и именно потомки этих «казаков-эмигрантов» прежде всего и хлынули на Дон из «Московии» в XVI–XVII вв., а вовсе не русские «мужики-лапотники»³. Приверженцам этой «концепции» бесполезно напоминать, что ни одного свидетельства о переселении каких-либо групп населения (тем более называвшегося «казаками») с юга на Русский Север в XIV в. в источниках не найдено: при всей своей абсурдности эта «концепция» очень «удобна» для казачьих «сепаратистов». Допустим, докажешь, что тот или иной донской казак происходит из посадских людей Тамбова или Воронежа, а «сепаратист» тебе в ответ с хитрым прищуром: «А может, он потомок тех казаков, которые мигрировали на Русь в XIV веке?»...

---

¹ *Нестеров Н. И.* Кто они, донские казаки? Волгоград, 2008. С. 6–14.

² *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 196, 198, 201–202.

³ Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, 1968. Т. 2. С. 28; *Вареник В. И.* Указ. соч. С. 210–211; *Никитин В. Ф.* Казачество... С. 64–65; *Нестеров Н. И.* Указ. соч.; *Алмазов Б. А.* Указ. соч. С. 85, 118.

Показательно также восприятие некоторыми казачьими активистами и, в частности руководителем пресс-центра Всевеликого Войска Донского С. В. Казаковым, сообщения В. И. Вареника «об участии донских казаков в Куликовской битве». Как заявил Казаков, этот материал хоть и был уже известен «российской интеллигенции» не менее 150 лет, но «грязнул как настоящая историческая сенсация», ибо «В. Вареник одним ударом разбил многотонную, железобетонную “теорию” о происхождении донских казаков от московских холопов, бежавших на Дон от крепостного права “создавать казачество” в XVI–XVII вв.». В подтверждение этого приводятся слова самого В. Вареника: «На дворе 1380 год. Нет еще ни крепостных, ни помещиков, не от кого бежать»¹.

Той же логикой руководствуются и некоторые другие «казачьи историки». «Басня... о беглых москвичах, основавших донское казачество не имеет основания и не выдерживает критики. В XV в., в момент появления казаков на Дону, в России не было еще крепостного права, и всякий мог переходить с одного места на другое», — пишет, ссылаясь на В. Ф. Никитина, Н. И. Нестеров (и от себя добавляет: «Вспомним, что былинный богатырь Илья Муромец назван “матерым казаком”. А действовал он гораздо раньше XV–XVI вв. и уж совершенно определенно не был беглым крепостным!»)². «Явно видно, что казаки существовали еще до возникновения крепостного права», — подводит итог перечислению случаев упоминания в источниках «казаков» до XVII в. И. В. Качанов³.

То есть, по представлению этих авторов, бежать и скрываться народ мог лишь от крепостного права — других причин к бегству быть не могло. Но вот как в середине XVI в. объяснял уход жителей Руси с давно обжитых мест в степи литовский посол в Крым Михалон Литвин: «...Одни скрываются от власти отца, или от рабства, или от службы, или от [наказания за] преступления, или от долгов, или от чего иного; других же привлекают... богатая нажива и более обильные места»⁴. Английские путешественники,

---

¹ Казаков С. В. Послесловие (Личное мнение войскового пресс-секретаря) // Вареник В. И. Указ. соч. С. 213–214.

² Нестеров Н. И. Указ. соч. С. 15–26.

³ Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 18.

⁴ Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян (Перевод В. И. Матузовой). М., 1994. С. 100, 102.

сталкивавшиеся с «русскими казаками» на Каспии во второй половине XVI в., называли их «изгнанниками, поставленными вне закона»¹ А давно известное «российской интеллигенции» и датируемое 1666 годом сообщение бывшего подьячего Посольского приказа (ведавшего тогда связями и с вольным казачеством) Григория Котошихина о донских казаках (что они «породою москвичи и иных городов... и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни в розбойных и татиных и в иных делах, и покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон»)², не связывавшее происхождение казачества лишь с бегством от «крепостного права», либо остается сторонникам «автохтонного происхождения казачества» неизвестным, либо сознательно игнорируется, как и относящиеся к XVI–XVII в. сообщения о свободном уходе жителей пограничных русских земель на Дон «в казаки».

Давно и часто цитируется, например, послание великого князя московского Ивана III рязанской княгине Аграфене от 1502 г., где о ее подданных, рязанцах, в частности, говорилось: «А ослушается кто и поидет самодурью на Дон в молодечество, и ты бы... велела казнить, вдовым да женским делом не отпираясь». Историкам также хорошо известно, что в учетных документах («десятиях») XVI — начала XVII вв., касающихся служилых людей южнорусских городов, против фамилий многих детей боярских встречаются стандартные записи типа: «сбрел в степь», «сшел в казаки», «сшел на Дон», «на Поле казакует». Эти факты давно и прочно вошли в научный оборот и никто их пока не подвергал сомнению³. Новейшие исследования их только подтверждают. В частности, как показал на большом документальном материале О. Ю. Куц, и во второй трети XVII в. «на Дон в казаки далеко не всегда уходили люди, совершившие преступление или бежавшие от своих владельцев. Среди

---

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. [Л., 1937]. С. 253.

² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159.

³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 3-е изд. СПб., 1910. С. 96; Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 312–313; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М.; Краснодар, 2002. С. 170.

приходивших на Дон было немало лично свободных людей, особенно молодежи, и прежде всего с южных окраин Русского государства»¹.

Но С. В. Казаков не смог пройти мимо также широко известного высказывания самих казаков о своем происхождении — в знаменитой «Повести об Азовском осадном сидении» (1642 г.): «Отбегаем мы ис того государства Московскаго, из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и дворян государевых...». По убеждению Казакова, доверять этим словам нельзя, поскольку автором «Повести» является есаул Фёдор Порошин — бывший холоп, а не «природный» казак². Более чем странная позиция. Во-первых, авторство Порошина — вовсе не твердо установленный факт, а во-вторых, кто бы ни написал «Повесть», она передает настроения и взгляды всего Донского войска, иначе не была бы в свое время так широко (и в нескольких «редакциях») распространена в казачьей среде³. Да и разве могли бы быть чуждыми «природным» казакам такие строки «Повести»: «Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать...»⁴

Казачье или неказачье происхождение авторов для С. В. Казакова, похоже, имеет определяющее значение: руководитель пресс-центра Всевеликого Войска Донского первым, естественно, доверяет гораздо больше, чем вторым. Но как в таком случае он и его единомышленники отнесутся к следующим высказываниям несомненных представителей казачества?

Бывший член Донского войскового круга М. А. Поликарпов: «По крови казаки — русские люди преимущественно, а в смеси есть все»⁵.

Бывший член Донского Войскового круга и Верховного круга Дона, Кубани и Терека П. А. Скачков: «Казачество — это чисто русское, глубоко самобытное явление...»⁶

---

¹ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 75.

² Казаков С. В. Указ. соч. С. 216.

³ Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 59–81.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 248.

⁶ Там же. С. 264.

Казак Донского войска, генерал К. И. Сычов: «Казачи, а донские в особенности, являются потомками русских людей, корнями своими уходящих в земли — Московскую, Суздальскую, Рязанскую, Владимирскую, Новгородскую и др.»¹

Или, наконец, атаман Терского войска (с апреля 1917 г.) М. А. Караулов — один из образованнейших представителей казачьей интеллигенции, относивший возникновение вольного казачества к началу XVI в.: «Можно смело сказать, что казачество это — Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под чужеземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распространяющая свои орлиные крылья по степному простору...»²

Вполне соответствуют данным науки и представления М. А. Караулова о причинах ухода русских людей в казачьи общины. По его словам, туда «стекались “лучшие” люди Московской Руси, стекались все, кто, чуя в себе силушку великую, хотел размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себе чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и те, кто искал себе спасения от холопства невольного, от прикрепления к земле, к тяглу, к помещику, так как к концу XVI века Московское государство держало уже в крепких тисках своих граждан, возложив на них тяжелые обязанности пред государством, — обязанности, не соответствовавшие правам. И вот, кто хотел избавиться от этих тисков, от тяжести податей и налогов и от произвола дворян да бояр государевых; кто желал вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее в казачьих общинах общее равенство, а влекло к себе товарищеское братство. — все стекались на берега “запольных” речек и увеличивали собою толпы казачества...»³

Списать эти высказывания на боязнь «впасть в противоречие с установлениями марксизма-ленинизма» в данном случае никак не получается: М. А. Караулов был в декабре 1917 г. убит «революционно настроенными солдатами», а М. А. Поликарпов, П. А. Скачков и К. И. Сычов — эмигранты, активные участники антибольшевистского движения. Так что остается, наверное, усомниться и в их принадлежности к «природным» казакам...

---

¹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 276.

² Караулов М. А. Терское казачество. М., 2007. С. 24.

³ Там же. С. 29.

Основания для таких сомнений у «казачьих националистов» при желании, конечно, найдутся. Как со знанием дела пишет один из современных авторов — С. П. Сапожников, — «особо рьяные националисты от казачества сами установили внутри-казачью иерархию... Себя определяют на высшую ступень... и именуется коренными казаками, т. е. происхождением якобы от “древних” казака и казачки. Чуть ниже находятся те, чей род начинается рождением от казака и русской женщины. Еще ниже находятся те, чей род начинается рождением от казака и не русской женщины. Еще ниже те, чей род начинается от женщины казачки и русского мужчины. И на самой низкой ступени находятся те, чей род начался рождением от женщины казачки и не русского мужчины».

Не берусь судить, какую ступень в этой «иерархии» заслуживали авторы вышеприведенных высказываний, но соответствие их взглядов научным представлениям о корнях и этнической природе казачества — несомненный факт, объясняемый, видимо, тем, что здравомыслящие представители казачьего сословия до революции имели возможность ознакомиться с трудами высококвалифицированных профессиональных историков...

С. П. Сапожников — не профессиональный историк, а военнослужащий. Тем не менее, он освоил большой объем информации по ранней истории России и хотя порой допускал домыслы в своих построениях, но продемонстрировал в целом верное понимание сути проблем, связанных со спорами о происхождении казачества. Подвергнув острой критике доводы поборников признания казаков «отдельным народом» (и сильнее всего пройдясь по фантазиям Е. П. Савельева), он подвел закономерный итог своим изысканиям: «Сейчас в обращении находится немало литературы, посвященной этому («казачьему» — *Н. Н.*) вопросу. После изучения этой литературы приходишь к выводу, что нет ни одного, кто бы, убедительно аргументируя достоверными историческими находками, смог доказать, что российские казаки являются особым не русским народом».

Общие тенденции в умонастроениях современного казачества не вызвали у С. П. Сапожникова оптимизма: «Пропаганда особой казачьей национальности закрепилась в умах многих казачьих лидеров, которые теперь усиленно вдальбливают ее на всех казачьих форумах. А дальше путем подтасовки фактов, с использованием зарубежных изданий склоняют на свою сторону часть

казачьего населения, получая поддержку некоторых представителей так называемых российских либералов, нацеленных на раскол общества и смену российской власти»¹. Схема дальнейшего развития этих тенденций представляется С. П. Сапожникову так: «Сначала, якобы, пробуждается национальное чувство, потом оно растет, крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового»².

4. О местах «выхода» и социальном статусе предков современных казаков

В свете последних исследований истории России XVI–XVII вв. выглядят особенно нелепыми широко тиражируемые ныне мнения эмигрантов-«казакийцев» (И. Ф. Быкадорова, Ш. Балинова и др.) и их современных последователей (таких, например, как В. Ф. Никитин), заявляющих, что среди вливавшихся в состав казачества народов русских было меньше всего³.

Регионы, откуда в XVI–XVII вв. уходила «в казаки» основная масса переселенцев, теперь хорошо известны — это, главным образом, ближайшие к «казачьим рекам» уезды Московского государства. Примечательно возмущение казаков указом Бориса Годунова, лишившим их возможности «в украинные города к родимцом своим притти»⁴. С другой стороны, в источниках нередки прямые указания на наличие у многих жителей пограничных русских городов «сродичей» в казачьих областях (на Дону, например, особенно заметными были родственные связи казаков с воронежцами). В распоряжении исследователей имеются также многочисленные документальные материалы, содержащие «распросные речи» казаков с прямыми

---

¹ Сапожников С. П. Историки о происхождении донского казачества: ассимиляция или вымысел. Барнаул, 2017 (URL: [http://zen.yandex.ru>media/id/.../istoriki-o...kazachestva-...](http://zen.yandex.ru/media/id/.../istoriki-o...kazachestva-...) Дата обращения — 26.01.2021).

² Он же. Кто есть казаки донские? // URL: <http://proza.ru>>2017/04/16/580 (Дата обращения — 26.01.2021).

³ Балинов Ш. О происхождении казачества...; Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 109; Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 53.

⁴ Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. Пг.; М., 1923. С. 11.

указаниями мест их «выхода», а также «прозвища регионального характера» (типа «Тамбовец», «Воронежец», «Белгородец», «Костромитин» и т. д.)¹.

Анализ всех этих сведений показал, что среди яицких казаков в XVII в., «присутствовала почти вся Россия», но преобладали переселенцы из поволжских областей². В последнее время предпринимаются попытки доказать преимущественно северорусское происхождение яицких казаков. Московский историк В. В. Бахтов приводит вполне репрезентативный материал, свидетельствующий о сходстве в наименованиях орудий рыболовства, сюжетах фольклора и в профессиональной лексике русских жителей Беломорья и уральского казачества. Но этим он лишь подтверждает поволжскую версию, ибо такое же в принципе сходство отмечается им и в отношении русского населения Нижнего Поволжья³. В любом случае, минуя Волгу, переселенцы с Севера попасть на Яик не могли, о чем, кстати, прямо свидетельствует и одно из процитированных в работе В. В. Бахтова преданий: в нем говорится, что предки уральцев, уйдя с Белого моря, вначале («еще до Ермака») «гуляли на Волге...»⁴

Что же касается донских казаков, то большинство их являлось выходцами из южнорусских уездов. Обстоятельства переселения русских людей на Дон изучены к настоящему времени наиболее полно и свидетельствуют, что туда часто уходили те из них, кому была уже хорошо известна жизнь на Дону: кто не только имел среди тамошних казаков родственников или земляков, но и кто общался с казаками, приезжавшими в русские

---

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 103; *Заозерская Е. И.* Восстание Степана Разина (Общий обзор) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 184.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 272; *Даринко В. Н.* Классовая борьба на Яике в XVII–XVIII в. М., 1966. С. 14; *он же.* Социально-экономические отношения и классовая борьба на Яике в XVII–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 9; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 343; *Дубовиков А. М.* Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 298.

³ *Бахтов В. В.* Историко-этнографические параллели русского населения Нижнего Поволжья, р. Урал и старожилов Русского Севера // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2020. № 2. С. 69–78.

⁴ Там же. С. 74–75.

города, кто часто сам бывал на Дону с торговыми или иными делами. (Последние исследования убедительно показали, что грань между жителями южнорусских окраин и донскими казаками вообще была зыбка и неопределенна.)¹

Сложнее оказалось определить связи с «метрополией» у старейших групп казаков Терека. В числе мест их «выхода» называются Дон, Волга, Рязанское княжество и другие южные и юго-восточные окраины Московского государства, центральные и северо-восточные регионы России, а также новгородские земли, и все эти версии находят подтверждение в фольклоре, обрядах и особенностях говора казаков Терека².

Изучение казачьих диалектов в XIX–XX вв. вообще является одним из самых убедительных доказательств генетической связи их носителей с вполне конкретными областями «коренной» России³. Впрочем, убедительными не для всех. Так, И. В. Качанов, выпускник Дагестанского университета, имеющий квалификацию «преподаватель истории», но считающий себя, видимо, большим специалистом и в лингвистике, убежден, что донской «гутор» не диалект, а самостоятельный язык, к тому же близкий по «синтетическому словообразованию» к германским и романским языкам. Диалект же, в представлении И. В. Качанова, «это разновидность языка, которую используют на конкретной территории. Так существуют “окающие” и “ыкающие” наречия и говоры. От этого слово не меняется. В казачьем же языке присутствуют слова, которые мы не найдем в великорусском

---

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 268–269; *Мининов Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 126–130; *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 67, 109–115; *Роциупкин А. Ю.* Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI — первой половине XVII вв. Дис. ...канд. ист. наук. Елец, 2016. С. 141.

² *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 8; *Тхамокова И. Х.* Гребенские казаки как этнографическая группа // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 129–134; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 245, 311; *Ткаченко Т. А.* Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 17–19.

³ Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 308.

языке»¹. Что ж, остается предположить, что автор этого пассажа не только не в ладах с диалектологией, но не заглядывал даже в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Вспоминается в этой связи казус, произошедший со «столпом казачьего национализма» Е. П. Савельевым. Оказавшись на Рязанщине, он был поражен сходством местного наречия с донским «гутором» и дал тому такое объяснение: в Рязанской губернии тоже проживают сплошь казаки, но только «обрусевшие»...

***

Если с этнической и региональной принадлежностью большинства тех, кто переселялся на казачьи реки, специалистам всё более или менее ясно, то вопрос о *социальном* статусе ухודивших из русских земель «в казаки», (а факты такого ухода не могут отрицать и самые радикальные сторонники «автохтонной теории»), по-разному трактуется даже в сугубо научной литературе. В советской историографии здесь допускался некоторый перекокс: видимо, пытаясь подчеркнуть близость казаков к угнетенным слоям русского общества, и в связи с их активным участием в «классовой борьбе» многие исследователи выводили казачество прежде всего и главным образом из крестьян (хотя, как уже отмечалось, не отрицали и наличие в нем представителей других социальных слоев и даже порой приводили факты, ставящие под сомнение крестьянское происхождения большинства казаков²). Более того, некоторые историки, ссылаясь на В. И. Ленина, вообще называли казачество «частью российского крестьянства» или «более организованным отрядом крестьянства»³. Однако в последние три десятилетия, этот перекокс исправляется: историки всё чаще подчеркивают, что до середины XVII в. выходцев

---

¹ Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 38.

² Так, А. И. Баранович, рассматривая список казаков, бывших в 1581 г. на службе у короля Речи Посполитой, обнаружил, что в своем большинстве они были не из крестьян: «среди них очень много бывших горожан, более четверти — иноземцы, выходцы из Белоруссии, России, Польши, Молдавии, Литвы и других стран» (Баранович А. И. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. (социально-экономические предпосылки войны). М., 1959. С. 178).

³ Швецова Е. А. Предисловие к сборнику документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» (т. 1. М., 1954). С. 6; Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 172.

из крестьянства у вольных казаков было как раз менее всего, а первое место среди них занимали мелкие служилые люди, включая «боевых холопов», т. е. военных слуг, принадлежавших боярам и дворянам¹. И это закономерно, ибо на завершающем этапе формирования единого Русского государства происходило серьезное ущемление прав местных политических элит. Потому-то в «десятиях» южнорусских городов с начала XVI в. и появляются записи о том, что тот или иной обедневший сын боярский «сбрел в степь», «сшел в казаки», а среди вольных казаков XVI–XVII вв. нередко встречаются лица с дворянскими (и даже княжескими) фамилиями².

При всем том, полностью отрицать наличие в составе казачества до конца XVII в. бывших крестьян, конечно, тоже нельзя: их отсутствие среди казаков было бы очень странным, учитывая, что в XVI–XVII вв. более 90 % населения страны составляло крестьянство³. Указания на крестьянское происхождение части казаков мы находим в заслуживающих доверия источниках по крайней мере с начала XVII в.⁴, а в дальнейшем — всё чаще. Примечательно, что среди казаков атамана Баловня, попавших в плен после разгрома его войска под Москвой в 1615 г., выходцы из крестьян, как показал А. Л. Станиславский, занимали второе место, составляя 25,5 % плененных (а на первом, да простят меня идеологи казачьего возрождения, были всё же

---

¹ См., например: *Беляев Л. А.* Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 108–109; *Тюменцев И. О.* Казаки — не из крестьян // Новая газета на Дону. 2005. № 11; *Тулаева С. А.* Донское казачество в XVI–XVII вв. как автономная охранная организация // Полития. 2010. № 2. С. 68; *Рыблова М. А.* Донское казачество: к вопросу об «источках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174; *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. СПб.; М., 2014. С. 119.

² *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 136; *он же.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 120; *Маркедонов С. М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях казачества и Российского государства) // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д, 2002. С. 130–160; *он же.* Автономное общество в России: первый исторический опыт («Вольное» казачество против Московского государства в XVI–XVII веках) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 101.

³ *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М., 1973. С. 27–29; *Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011. С. 335–337.

⁴ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 159; *Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 189.

холопы — 35,1 %)¹. Даже столь убежденный адепт «автохтонной теории» происхождения казачества, как Е. П. Савельев, вынужден был констатировать появление «на Дону в первой половине XVII века беглых крепостных крестьян, которых казаки, постоянно нуждавшиеся в людях, принимали в свои ряды с охотой»².

Многочисленные случаи приема в казаки крестьян на Дону отмечены применительно ко второй трети XVII в. О. Ю. Куцем³, и прием этот был вполне естественным: к марту 1667 г. относится сообщение царицынского воеводы, хорошо осведомленного о казачьих делах, что «во многие де донские городки пришли с украины (т. е. с окраин Московского государства. — Н. Н.) беглые боярские люди и крестьяне з женами и з детьми»⁴.

Наконец, ряды вольного казачества нередко пополнялись русскими людьми, бежавшими из «бусурманского» плена, а это бывали выходцы из самых разных сословий, в том числе и крестьян⁵.

Аргументы такого рода, что крестьяне были-де не приспособлены к жизни в «Поле», не обладали никакими воинскими умениями и навыками, «не имели в своем распоряжении боевого оружия», а если и имели, то не могли превратиться в столь сжатые сроки в искусных воинов, перед которыми «трепетали турецкие султаны», и т. д., обычны для «казачьей» историографии⁶, но они абсолютно не состоятельны, как и утверждения, что «у воина и землепашца, коими являлись беглецы-крестьяне, совершенно разный склад ума, навыки, обычай»⁷. Те, кто придерживается

---

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 146–147.

² Савельев Е. П. Указ. соч. С. 303.

³ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 98–99, 100–101, 105.

⁴ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 73.

⁵ Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 6; Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С. 25–27; Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 19–20.

⁶ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 11; Трут В. П. К вопросу о теории происхождения и сущностной характеристике казачества // Казачий сборник. 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 277; Никитин В. Ф. Казачество... С. 13–14; Нестеров Н. И. Указ. соч.; Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 15.

⁷ Гаджиева Л. И. Мир казачества в изображении Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2007. С. 7.

такого мнения, просто «переносят» знакомых им «по жизни» или по художественной литературе крестьян XIX — начала XX вв. в условия «Дикого Поля» XVI–XVII вв. Но для каждой эпохи характерны свои социокультурные типы. Кроме того, из крестьян «в казаки» уходила обычно молодежь, а она была способна быстро адаптироваться к новым условиям во все времена. Разве не из крестьянской молодежи набирали рекрутов в армии Румянцева и Суворова, демонстрировавшие всему миру чудеса храбрости и воинского умения? А в XVI–XVII вв. казаками чаще всего становились жители приграничных районов, имевшие из-за постоянных вражеских набегов и оружие, и необходимые для выживания навыки вооруженной борьбы. Показательно, что в гарнизоне «украинного» города Ельца в начале XVII в., как показали И. О. Тюменцев и Е. В. Кусаинова, среди казаков-«новиков» преобладали именно бывшие крестьяне¹. В Брянске середины XVII в., как выяснил Д. А. Ляпин, «службу... несли крестьяне местных слобод, вооруженные пищалями, а также ямщики с рогатинами»². В Западной Сибири, согласно «росписи» 1670 г., из 579 драгун 38 оказались выходцами из посадской среды, а 384 — крестьянскими детьми³.

От XVII в. сохранилось немало так называемых «осадных» (или «сметных») списков и книг русских городов с указаниями, где и с каким оружием каждый дворовладелец должен находиться в «сполошное время», и в этих «росписях» фигурировали как служилые и посадские люди, так и крестьяне⁴. Как заметил

---

¹ Тюменцев И. О., Кусаинова Е. В. Служилые казаки Юга России накануне Смутного времени начала XVII в. // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д, 2010. С. 17.

² Ляпин Д. А. К вопросу о «городских восстаниях» в России в середине XVII века (по материалам южнорусских уездов) // Отечественная история. 2010. № 4. С. 144–145.

³ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 78.

⁴ Любопытное вооружение города Тобольска против калмыков в 1646 году // Сибирский вестник. 1821. Ч. 13. С. 289–294; Кузнецов И. Н., Новохатко О. В., Шахова А. Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке. М., 2014. Приложения. С. 351–519; Русская военная сила. 2-е изд. М., 1897. Т. 1. С. 395; Очерки русской культуры XVII века. [М.], 1979. Ч. 1. С. 238; Аракчеев В. А. Ополчение «из всяких жилецких людей»: Мобилизационные ресурсы городов Северо-Запада России в 1630-х гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы

В. А. Волков, «боевым оружием, в том числе и огнестрельным, были вооружены многие уездные крестьяне не только порубежных волостей, но и достаточно удаленных от границ местностей», а «на юге России оружие стало необходимой принадлежностью почти всех сельских жителей»¹.

В Сибири вплоть до XVIII в. добровольцы из крестьян нередко участвовали вместе со служилыми людьми в военных походах на кочевников, чтобы отомстить за набеги на свои деревни и слободы; крестьяне в то время могли вообще составлять главную силу при обороне сибирских слобод, вполне официально получая для этого из «казны» оружие и боеприпасы². В той же Сибири XVII в. было известно немало примеров превращения типичного крестьянина в отважного воина (характерный пример — «покоритель Приамурья» Ерофей Хабаров), что и не удивительно, учитывая северное (поморское) происхождение большинства русских переселенцев за Урал: во время Смуты начала XVII в. «жилецкие люди» Поморья, как отмечает В. Д. Пузанов, «не только защищали свои города и уезды... но и составляли рати ополчений, которые освободили от иноземцев Московское государство»³. За Уралом эти навыки были востребованы и получили дальнейшее развитие.

Военная организация тяглого населения Русского Севера XV–XVII вв. специально исследовалась А. М. Молочниковым. Он показал хорошее владение посадскими и крестьянами этого региона как луком со стрелами (что легко объясняется охотничьими навыками тамошнего населения), так и другими видами оружия — пищалями и «самопалами», «топорками», бердышами, копьями, сулицами, рогатинами. А общая оценка

(1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 211–220.

¹ Волков В. А. Войска и войны Московского государства (конец XVII — первая половина XVII в.). М., 2004. С. 264.

² Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 68; Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 246; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 57; Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. Омск, 2005. С. 156.

³ Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. С. 333

современниками воинского мастерства северян была такой: «великие ратницы и zelo смелы к ратному делу...»¹

П. П. Епифанов, видный специалист по военной истории, пришел к выводу, что в России XVII в. «традиционное умение горожан и крестьян обращаться с холодным и огнестрельным оружием, передаваемое от дедов и отцов к сыновьям и внукам, давало правительству возможность при огромных потерях ратных людей в непрерывных войнах систематически пополнять “убылые места” стрельцов, пушкарей и городских казаков...»².

Стремление крестьян и прочих «тяглых людей» попасть всеми правдами и неправдами в состав служилого сословия тоже достаточно хорошо известно, и оно далеко не всегда приветствовалось правительством: практически каждый «разбор» гарнизонов окраинных городов в XVII в. выявлял в их составе крестьян, поверстанных (часто за взятки) в стрельцы, городовые и беломестные казаки, в рейтары и пушкари³. Ну, а в общинах вольных казаков таких «разборов» тогда не было...

Нынешним казакам обычно очень не нравится, когда в числе их предков упоминают крестьян («мужиков»), а потому некоторые казачьи идеологи и переносят в XVI–XVII вв. реалии начала XX в.: даже признавая бегство на Дон в конце XVII в. множества крестьян (а от этого факта тоже никуда не уйти), они уверены в том, что крестьяне всё равно «казаками не становились»,

---

¹ Молочников А. М. Военная организация тяглого населения Русского Севера с середины XV до начала XVII века // Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Ю. Г. Алексеева. М., 2016. С. 210–219.

² Очерки русской культуры XVII века. [М.], 1979. Ч. 1. С. 238.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII — начале XVIII века. М., 1972. С. 177; Загоровский В. П. Общий очерк заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век — начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. [Воронеж], 1987. С. 16; Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 152–154; он же. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 64–66; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 419–420; Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 10; Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 125; Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 324–325, 327, 331–332.

а у всех прочих переселенцев (боевых холопов, дворян) могли стать казаками лишь потомки — «через два-три поколения»¹.

Это чисто умозрительное заключение решительно противоречит данным исторических источников, опираясь на которые исследователи давно установили, что в конце XVII — начале XVIII вв. прием беглых (в том числе крестьян) в казаки был хоть и затруднен по сравнению с предыдущим временем (а кое-где новопришлых стали зачислять в казаки «с разбором» уже в середине XVII столетия), но происходил он не «через два-три поколения», а через гораздо меньший срок — 5–7 лет².

Согласно «допросам» казаков на Яике в 1719 г., «многие объявляют, что они сходцы и беглецы из разных городов и пригородов и уездов; пушкарские и солдатские, и казачьи дети, и ясашные и дворцовые крестьяне, и записные кузнецы и их дети, и посадские»³. А общий итог наплыва крестьянского населения в казачьи регионы можно тоже проиллюстрировать на примере Яика. Там к 1724 г. из 4536 представителей мужского казачьего населения (включая стариков, детей и инвалидов) выходцами из крестьян оказались 3196 человек, а из пригодных к службе казаков такими назвали 1922 человека (т. е. более 60 %) ⁴.

Жизнь казаков в непосредственной близости от враждебных и многочисленных «орд» при постоянных занятиях «воинским промыслом» была опасной даже в XVIII в. «В боях и походах», при обороне своих «городков» казаки часто несли тяжелые потери и не могли пренебрегать любой возможностью пополнить

---

¹ Алмазов Б. А. Указ. соч. С. 33, 520, 530–531.

² *Пронштейн А. П.* Войско Донское накануне Булавинского восстания // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 315–316; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 120; *Дариенко В. Н.* Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 55–56; *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 208–212; *Павленко Н. И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России (К 100-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина) М., 1986. С. 73–74.

³ *Дариенко В. Н.* Классовая борьба на Яике. С. 14.

⁴ *Сагнаева С. К.* Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 37–39; *Дубовиков А. М.* Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачества. С. 299.

«войско» за счет притока людей извне. О невозможности «службы великому государю» без такого пополнения казаки открыто говорили московским властям в ответ на требования выдать тех или иных беглецов: «только де нам людей выдавать, и нам де и на Дону не бывать»¹. И если «войско» порой принимало в свои ряды даже плененных врагов из числа «басурман»², то всякий русский и православный человек, способный держать в руках оружие, был у казаков тем более «ко двору»...

***

В своем стремлении развенчать «беглокрестьянскую теорию» казачьи активисты пытаются использовать и такую научную дисциплину, как историческая география, но при этом порой демонстрируют полное ее незнание. Вот что пишет, например, не раз выше упоминавшийся Верховный атаман Великого братства казачьих войск В. Ф. Никитин: «Открываем карту и смотрим, где же эти укромные уголки, в которых так удачно могли скрываться сотни тысяч беглых крестьян со своими семьями и пожитками в течение как минимум двух столетий. И что же мы видим? Это самые крупные, центральные, основные реки России — торговые и политические магистрали! Днепр, Дон, Волга, Урал и Терек. Более неудачного места для того, чтобы спрятаться, придумать сложно <...> Здесь нет лесов, гор, непроходимых болот... Это преимущественно степь, которая просматривается на многие километры вокруг и где поиск беглецов максимально упрощен»³.

В основе подобных рассуждений — опять столь характерный для дилетантов перенос реалий новейшего времени в глубь веков. Приведем в этой связи слова одного из соратников В. Ф. Никитина в деле возрождения казачества — тоже не раз цитируемого выше журналиста В. И. Вареника. Тот, в отличие от своего именитого коллеги, серьезно изучил историческую географию родной Донской области (чему надо отдать должное), и его удивило «то невнимание, которое оказывали подавляющее

---

¹ Любавский М. К. Указ. соч. С. 322; Тхоржевский С. Указ. соч. С. 15.

² Черницын С. В. Донские татары — мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории // Казачество в тюркском и татарском мирах. Казань, 2018. С. 284.

³ Никитин В. Ф. Казачество... С. 12–13.

большинство исследователей истории Дона проблеме ландшафтных зон, словно и не существовало вековой передвижки границ лесов и степей. Сегодняшние авторы, — пишет В. И. Вареник... — подходят к оценке природных явлений 15–16 вв. ... с сегодняшней точки зрения, не учитывая глобальных изменений в климате и растительном покрове за последние 500 лет»¹. А тогда, как убедительно показано В. И. Вареником, вдоль Дона тянулись крупные лесные массивы, его низовья изобиловали озерами, переходящими в болота, рукавами и протоками «со сплошным камышовым морем»². То есть мест, где можно «спрятаться», на Дону в то время было предостаточно.

И это — не открытие В. И. Вареника. То, что по берегам степных рек Восточно-Европейской равнины в древности широкой полосой росли густые леса, было хорошо известно еще дореволюционным историкам³. Как и то, что кроме лесов, убежищем для беглецов могли служить огромные камышовые заросли — подобные тем, что покрывали Нижний Днепр с его многочисленными островами и протоками. Там, по словам М. К. Любавского, «в непроходимых дебрях плавней умели ориентироваться только казаки. Турецкие суда, попавшие в 1626 г. в плавни, едва выбрались из них и больше уже не решались проникать в их гущу»⁴. А на Нижней Волге — в Самарской луке — имелись не только леса, но и горы с множеством пещер, и не случайно именно это место в XVI в. стало опорной базой для волжского казачества⁵. И уж совсем удивительно читать об отсутствии гор на Тереке (т. е. на Северном Кавказе!), где, по одной из наиболее обоснованных версий, казаки назывались «гребенскими» потому, что первоначально как раз и поселились «на гребнях гор»⁶...

Итак, в XVI–XVII вв. всякого рода беглецам скрываться на «казачьих» реках в случае необходимости было где, тем более, что речь в данном случае должна идти не о «сотнях тысяч беглых», как пишет В. Ф. Никитин, а о неизмеримо меньшем

---

¹ Вареник В. И. Указ. соч. С. 74

² Там же. С. 75–93.

³ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 105–106.

⁴ Там же. С. 369.

⁵ Там же. С. 271.

⁶ Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 12; Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 56–57.

их числе. По данным, приведенным Р. Г. Скрынниковым, на рубеже XVI и XVII вв. «общая численность вольных казаков на южных окраинах России (включая запорожцев) едва ли превышала 11–14 тыс.» При этом на Дону их число «едва ли превышало 3 тыс. чел. Примерно такой же была численность казаков на Волге»¹. Через полвека демографическая ситуация на «казачьих реках» принципиально не изменилась. По показаниям самих казаков, накануне «Азовского осадного сидения» 1641 г. (т. е., как полагают казачьи историки, «на пике своего могущества») Войско Донское состояло примерно из 10 тыс. человек². На других реках в середине XVII в. казаков было намного меньше: на Яике — около 2 тыс., на Тереке — всего 500³. Кстати, динамика численности казачества уже сама по себе показывает несостоятельность «автохтонной теории» его происхождения. Так, если после «Азовского сидения» на Дону осталось в живых всего около 4 тыс. казаков, то через 10 лет их там было уже более 10 тыс., а к 1670 г. — около 20 тыс.⁴ Ясно, что такое увеличение численности Войска Донского путем одного лишь «естественного прироста» (без массового притока людей извне) было невозможно — особенно учитывая то обстоятельство, что большинство казаков в то время семей не имело...

Свои первые «городки» казаки обычно строили в самых укромных, труднодоступных местах — береглись, стало быть, вражеского нападения⁵. Но — со стороны не столько «Руси», сколько окрестных «орд» (ногайских, татарских), а также Турции. Походы московских ратей на казачьи реки в силу больших сложностей с их организацией (из-за дальности расстояний) были вообще довольно редки (и далеко не всегда удачны), до начала XVIII в. не ставили целью поимку и возвращение «на Русь» беглецов, и если случались, то носили «точечный»

---

¹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 124–125.

² Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 262.

³ Дариенко В. Н. Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 57; Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 20.

⁴ Пронштейн А. П., Мининсков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. [Ростов н/Д], 1983. С. 82.

⁵ Сворцов Н. Б. Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области. Автреф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014.

характер, будучи направленными лишь против чем-то сильно прогневивших Москву групп «воровских» казаков. С остальными она предпочитала договариваться о «службе» (и небезуспешно), вынужденно считаясь с тем, что «с Дона выдачи нет».

Вполне объяснимо и то, почему стремившиеся стать «вольными людьми» беглецы обосновывались не в какой-нибудь таежной глухомани за сотни верст от человеческого жилья, а уходили, как выразился В. Ф. Никитин, на «самые крупные, центральные, основные реки России — торговые и политические магистрали». Казаками ведь обычно становились «пассионарии», предпочитавшие мирному труду «воинский промысел», но ясно, что если станешь им заниматься под боком царских воевод на большой дороге где-нибудь в Муромских лесах, превратившись в банального разбойника, то долго не «погуляешь»: рано или поздно тебя поймают и повесят, да и «хабар» от такого «промысла» не пойдет ни в какое сравнение с добычей от «шарпания» купеческих судов на Волге или походов «за зипунами» к турецким, крымским и персидским берегам. А если такие походы совпадут с внешнеполитическими замыслами Москвы, то за них и от «великого государя» можно «жалованье» получить...

Из того же ряда еще один излюбленный довод сторонников «автохтонной теории», встречающийся даже в художественной литературе¹: раз люди бежали на Дон и прочие «запольные» реки, значит, им было куда и к кому бежать, т. е. там уже проживало какое-то постоянное население, и это, конечно, был «казачий народ» или какие-то остатки «изначального», древнего казачества, некое его «ядро»². Но и этот довод не выдерживает научной критики. В «Дикое Поле» бежали не только одиночки, а история знает массу примеров самоорганизации людей на новых землях и успешной адаптации новоселов к непривычным условиям. Это и «бухтарминские каменщики» — старообрядцы, ушедшие в 1770–1780-х гг. за пределы Российского государства, в глубину Алтайских гор (в «Камень») и поселившиеся там на реке Бухтарме, принимая на протяжении всего XIX в. множество беглецов из уже прочно освоенных районов Сибири.

---

¹ *Говорков А. Феликс Эдмундович и молодая крестьянка // Наша улица. 2003. № 10. С. 126–127.*

² *Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 45; Шамбаров В. Е. Указ. соч. С. 39–40; Гаджиева Л. И. Указ. соч. С. 7.*

И первые европейские колонисты на Американском континенте. И создатели «пиратских республик» в бассейне Карибского моря¹. К кому бежали они? И вообще, разве бы состоялось расселение людей по Земному шару без деятельности первопроходцев и первопоселенцев?..

Но в нашем случае русским людям как раз было, «к кому бежать»: во второй половине XV в. «на Поле» уже всюду действовали казачьи ватаги. Но это были, конечно, представители не загадочного «казачьего народа», а народа, хорошо современникам и историкам известного — изгой и беглецы из *татарских* орд. Как полагал Р. Г. Скрынников, «поначалу число русских переселенцев в “диком поле” было невелико, и они часто селились в татарских станицах, где жили беглые рабы и “черные люди”, отбившиеся от своих кочевий»². А. Л. Станиславский представлял процесс складывания первых казачьих общин сходным образом: «Создавались ли славянские казацкие отряды по образцу татарских, вытеснял ли славянский элемент постепенно элемент татарский в вольных степных отрядах, или, может быть, происходило и то, и другое — обо всем этом источники сообщают скупо. Впрочем, еще долго казаки достаточно безразлично относились к национальности и сословному происхождению тех, кого они принимали в свои ряды. Ногайский татарин рядом с бывшим рязанским мужиком, обедневший сын боярский под началом холопа — обычные сочетания даже для XVII в.»³.

5. О казачьем самосознании и особенностях казачьей культуры

Одним из самых сильных своих аргументов сторонники автохтонного происхождения казачества считают «феномен казачьего самосознания». Утверждается, что казаки в массе своей

---

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 337; Блон Ж. Флибустьерское море. М., 1985. С. 27–46; Ципоруха М. Под черным флагом. М., 2009. С. 257–258 и др.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 117.

³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8.

всегда четко отделяли себя от русских, не считали себя русскими, «исторически никогда не связывали себя с московским народом» и т. п.¹

Действительно, на Дону такие взгляды получили широкое распространение уже в конце XVIII в., на других казачьих реках — позднее, и этот факт часто преподносится как свидетельство особого, отличного от русских происхождения казаков: народная-де память не ошибается. Некоторые авторы, кроме того, заявляют, что казаки вообще никогда не связывали свое происхождение с переселением своих предков откуда бы то ни было. «Казаки от казаков ведутся», — вот лейтмотив их заявлений по этому поводу (обычно в сопровождении ссылки на соответствующий эпизод из «Тихого Дона» М. А. Шолохова)².

Ну что тут скажешь... Насчет «никогда» — это просто неправда. Документы сохранили нам более ранние по времени высказывания казаков о своей родословной: у донцов — в середине XVII в. (в упоминавшейся выше «Повести об Азовском осадном сидении»), у уральцев и гребенцов — ближе к середине XVIII в. И все они выводят своих предков главным образом с русской территории и прямо называют их «беглыми людьми» и «разных мест пришельцами»³. Представления казаков о своем происхождении от «беглых из России» фиксируются даже записанными на Дону народными преданиями о событиях XVI в.⁴

Это обстоятельство не осталось незамеченным историками. А. Л. Станиславский подчеркивает, что в XVII в. казаки «осознавали себя частью русского народа, а места своих поселений считали частью России» («Московского государства»)⁵.

С. М. Маркедонов вполне резонно заключает, что поскольку «Повесть об Азовском осадном сидении» была обращена не к османам или крымцам, а к Земскому собору Московского государства, то и ее слова о происхождении казаков («отбегаем

---

¹ *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 240; Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 107, 302; *Аджиев М.* Мы — из рода половецкого! С. 54; *Вареник В. И.* Указ. соч. С. 144–148.

² *Вареник В. И.* Указ. соч. С. 139, 148.

³ *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 6; *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества. 2-е изд. СПб., 2002. С. 29.

⁴ *Тумилевич Т. И.* Донские исторические предания о Ермаке. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1980. С. 10.

⁵ *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 8.

мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства невольнаго, от бояр и дворян государевых») следует рассматривать как официальное признание Войском Донским бегства с Руси на Дон главным источником своего формирования¹.

О. Ю. Куц обращает внимание на то, как остро реагировали донские казаки на «росхищенье» православного населения Руси во время татарских набегов, называя угоняемых в «бусурманское» рабство полоняников «отцами своими, и матерями, и сестрами единоутробными»². Это находило поддержку и понимание у московского правительства, хвалившего казаков за то, что они государю служат, «*помня...свою природу*»³. При исследовании на солидной документальной базе социально-психологического облика донских казаков XVII в. О. Ю. Куц приходит также к заключению, что им было присуще сознание своей принадлежности к православному миру, к Русскому государству и русскому населению⁴. «Будучи в массе своей выходцами из России, — пишет Куц, — казаки сохраняют сознание своей принадлежности к ней: донское казачье сообщество по своему мироощущению, зафиксированному как в казачьих войсковых отписках в Москву, так и в документах внутридонского характера... предстает перед нами в значительной мере как часть русского общества»⁵.

По мнению О. В. Губенко, «казачество Кавказа, в первую очередь терское, во все эпохи являлось связующим звеном (в различных вариантах) внутри общекавказского социума, при этом обеспечивая связь этого социума с российским обществом и оставаясь, независимо от своей ярко выраженной кавказскости, составной частью русского культурного пространства»⁶. О том, что проживавшие в начале XVII в. далеко от пределов

---

¹ Маркедонов С. Основной вопрос казачеведения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

² Куц О. Ю. Азовское осадное сиденье 1641 года. М., 2016. С. 6.

³ Он же. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 325 (выделено мной. — Н. Н.).

⁴ Там же. С. 402, 404.

⁵ Там же. С. 408.

⁶ Губенко О. В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). Б. м., 2007. С. 236.

Российского государства терские казаки «ощущали себя его составной частью» пишет и Т. А. Ткаченко¹.

Н. А. Мининков отмечает, что фольклорная традиция донских казаков связывала время их появления на Дону с «казанской службой» Ивану Грозному (т. е. лишь с серединой XVI в.), а исследуя менталитет донских казаков XVII в., приходит к выводу, что они тогда «одинаково ощущали свою принадлежность и к России, и к Дону, и к русскому народу», что в исходивших от Войска Донского документах «никогда не проявлялось стремление противопоставить казачество русскому народу, а Дон — России», и донское казачество «ощущало себя частью общерусского единства»².

С последним мнением можно согласиться лишь после некоторых уточнений и оговорок: оно, во-первых, справедливо в отношении *большинства*, но далеко не всех донских казаков русского происхождения и, во-вторых, соответствует историческим реалиям периода *до 1671 г.* Разинское восстание внесло важные коррективы и во взаимоотношения Дона с Москвой, и в настроения донского казачества (подробнее об этом — в следующем разделе нашей работы). Тем не менее, примечательно, что и во времена Степана Разина на Дону бытовало выражение «русские казаки» — если, например, возникала необходимость отделить их от казаков-«хохлачей»³, а потомки казаков-некрасовцев, покинувших российские пределы в 1708 г. после подавления Булавинского восстания (еще более осложнившего российско-казацкие отношения) и осевших в конце концов в Турции, сохранили историческую память о своем происхождении и вплоть до конца XIX в. считали себя русскими⁴.

В России же после того, как приток извне и свободный прием в казачество были прекращены и оно превратилось в замкнутое

---

¹ Ткаченко Т. А. Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 19.

² Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). С. 435.

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 102.

⁴ Сень Д. В. Причины иммиграции некрасовских казаков из Турции в Россию в начале XX в. // Проблемы истории Северного Кавказа. Сб. научных статей к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной деятельности проф. В. Н. Ратушняка. Краснодар, 2000. С. 109–110.

привилегированное сословие, казаки стали быстро забывать о своих корнях, а все более усиливавшееся и бросающееся в глаза отличие и отчуждение казака от «мужика» начали объяснять экзотическими родословными, тем более что и свое дворянство у казаков сформировалось, а ему претила сама мысль о «мужичьем» происхождении¹. Появилось сословное чванство, которое в свою очередь стало перерастать в чванство этническое. Вспомним Л. Н. Толстого, его повесть «Казаки», написанную в 1863 г.: уже в середине XIX в. гребенцы смотрели на русского мужика как на «какое-то чуждое, дикое и презренное существо»². В конце XIX в. аналогичные настроения отмечались исследователями у казаков на Урале и даже за Уралом, где казачьи войска формировались искусственно, по постановлению правительства с массовым переводом в них именно крестьян. Там казаки тоже стали смотреть на «мужиков» свысока, «как на низшую породу», всячески дистанцировались от «русских», а браки с «мужиками» или «мужичками» вообще были в казачьей среде неслыханным событием³. В дальнейшем утверждения о происхождении казаков от беглых людей стали в казачьей среде порой восприниматься уже как прямое оскорбление, ибо трактовались как попытка вывести казачество из «московских отбросов»⁴.

Лежащее в основе подобных настроений презрение к «мужику», по свидетельству очевидцев, во второй половине XIX в. было характерно прежде всего для донского казачества. По наблюдениям этнографа и юриста М. Н. Харузина, относящимся к началу 1880-х гг., «иногородних казаки не любят, обзывают “русскими”, “русью” и всячески притесняют, хотя, по словам самих же станичников, не могут без них обойтись,

---

¹ Рыблова М. А., Рвачева О. В. Способы и образы самоидентификации донских казаков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 19–28.

² Толстой Л. Н. Казаки. Повести и рассказы. М., 1981. С. 158.

³ История казачества Азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 137; Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. Т. 1. С. 324–325; Русские в Евразии XVII–XIX. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде. М., 2008. С. 455; Ремнев А. В., Суворова Н. Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 147.

⁴ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 187, 199.

потому что “русский и плетень огородит, русский и коваль, он же и землекоп, и портной, и плотник, и овчинник, и пустовал, и чернорабочий, и торговец”... Особенно в прежние времена тяжело было положение “русских”: завидя, например, казака иногородний еще издали обязан был поклониться ему; если же он этого не сделает, то “самый последний казачишка” мог совершенно безнаказанно побить его»¹.

Б. С. Корниенко объясняет такую ситуацию тем, что к началу XX в. на Дону «мужик» воспринимался как «антипод возвышенного образа “славного казака”, лишенный маскулинных черт последнего», но «паразитировавший на казачьем горбу», поскольку сплошь и рядом вел свое хозяйство успешнее большинства казаков². Да и у самого «казачьего национализма» Корниенко усматривает вполне определенную социально-экономическую подоплеку. Дело в том, что к этому времени сословная организация казачества вступила в противоречие с проходившими в стране процессами модернизации, несовместимыми с существованием какого-то особого военно-служилого сословия. Обозначилась угроза преобразования Области Войска Донского в обычную губернию с лишением казаков их привилегий (и, стало быть, «превращением в мужиков»). Неконкурентноспособным в новых условиях оказывалось казачество и как производитель сельхозпродукции. А наплыв «иногородних» в Область Войска Донского в начале XX в. приводил к тому, что они стали численно превышать казачье население и с завистью поглядывать на его земли, а также активно внедряться в экономические сферы, недоступные большинству казаков (в торговлю, финансы и т. д.). Отсюда и стремление казачества доказать «исконность» своих прав на территорию своего обитания, лозунг «Дон для донцов», и прочие проявления «национализма»...³

К аналогичным выводам относительно причин казачьего «сепаратизма» приходят и другие исследователи «поздней» истории казачества⁴. Некоторые из них предлагают взглянуть на проблему

---

¹ Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885 (электронная версия: URL: <http://fstanitsa.ru>book/export/html/115>). Дата обращения 12.08.2018.

² Корниенко Б. С. Указ. соч. С. 182–184, 186.

³ Там же С. 28–31, 48, 93, 111–112, 140.

⁴ См., например: Казачий Дон: Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 2. С. 21; Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н. Этнически миграции на Кубани:

еще с одной стороны: поскольку в начале XX века вопрос об упразднении казачьего сословия все чаще оказывался на повестке дня, лидеры казачества и стали усиленно «доказывать», что казачество народ, а не сословие, которое можно бы упразднить¹.

Не отрицая значения всех этих факторов, нельзя вместе с тем не признать, что широкому распространению в казачьей среде «националистических» взглядов, конечно, во многом способствовало элементарное невежество их носителей. В 1906 г. в своей речи на заседании 1-й Государственной Думы депутат от донского казачества писатель Ф. Д. Крюков говорил о препятствиях на пути казака к образованию, объясняя их тем, что «невежество признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух»². А в 1928 г. бывший есаул Донского войска, бывший мировой судья и член Донского войскового круга И. П. Карташев, отметив, что «у казачества воспитывались ненормальные отношения с неказачьим населением, к которому казачество относилось с чрезвычайным презрением», дал этому такое объяснение: «Казаки в прошлом ни в школах, ни на военной службе не изучали своей донской истории...» Как вспоминал Карташев, «во время Великой войны в 25-й отдельной сотне, в которой были казаки со всего Хоперского округа от 20 до 40-летнего возраста, не могли мне объяснить, почему они называются донскими казаками! Даже урядники стали в тупик перед этим вопросом»³.

Показательно в этой связи высказывание донского казака П. Н. Кудинова, возглавлявшего во время Гражданской войны антибольшевистское восстание на Верхнем Дону: «Я далеко не историк, материалов древности не имею, но решительно не согласен с объяснением историков о происхождении донских казаков». Версию происхождения казачества «от беглых русских рабов» он называет «ложью» и обосновывает свое несогласие

история и современность. Краснодар, 2003. С. 156; *Морозова О. М.* О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. — 1929 г.) // *Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. статей.* Ростов н/Д, 2008. Вып. 2. С. 105–119; *Рыблова М. А., Рвачева О. В.* Способы и образы самоидентификации донских казаков. С. 19–28.

¹ *Малукало А. Н.* Казачество России как социокультурный феномен // URL: <http://www.ufakazak.ru/article/page/329>. Дата обращения 20.05.2021.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. Т. II. С. 1311–1316.

³ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 185–186.

с ней крайне просто: «Стоило только внимательно прислушаться к народным песням, мотивам, к рассказам преданий, которые совершенно чужды для крестьянина, живущего на Дону с давних времен, сие есть неоспоримое доказательство возникновения казачества с отдаленных времен, как особой народности...»¹. Мысль о том, что как казаки, так и крестьяне конца XIX — начала XX вв. могли сильно отличаться от казаков и крестьян XVI–XVII вв., в голову П. Н. Кудинова, похоже, никогда не приходила...

Общее впечатление от столь вопиющего невежества, конечно, несколько сглаживают отдельные представители казачьей интеллигенции первой четверти XX в., которые неплохо знали историю и пытались донести до «широких масс» казачества научно обоснованные взгляды на его происхождение и этническую принадлежность. В частности, бывший председатель Терского войскового правительства Е. А. Букановский писал: «Исторические причины возникновения казачества на Дону, Терреке, Яике, Кубани и в других краях и идеи, которыми жило казачество, неоспоримо подчеркивают, что оно явилось самобытным продуктом русского народа и русской жизни <...> Казачество никогда не отделяло себя от русского народа и даже в эпоху вольной независимой жизни своей, за пределами Московского царства, оно считало себя связанным с ним неразрывными узами»².

В том же духе высказывался в 1928 г. и бывший член Государственной Думы донской казак И. Н. Ефремов: «Будучи фактически независимым, самостоятельно сносясь с иностранными государствами, борясь против своеволия воевод и угнетения крестьян служилым сословием, донские казаки в целом считали себя, и были в действительности, передовым отрядом русского народа, раздвигавшим пределы русского государства»³.

Был солидарен с этим мнением и казачий полковник (Терского войска) Н. Ф. Рошупкин: «Каково бы ни было начальное происхождение казачества — от скифов или сарматов, или, быть может, еще более древних народов — это обстоятельство не может поколебать ясного сознания казака, что он русский человек.

---

¹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 205–206.

² Там же. С. 101–102.

³ Там же. С. 172.

К тому же эта далекая родословная казачества не имеет никакой твердой исторической достоверности и не пользуется всеобщим признанием в науке. Одно несомненно и бесспорно — это то, что казачество и по своему происхождению, и по духу, и по существу является плоть от плоти и кость от кости русского народа»¹.

В своем влиянии на «казачью массу» такие люди порой достигали успехов, и видимо этими (а может, и политической конъюнктурой) следует объяснить тот факт, что в резолюции I Всероссийского съезда трудовых казаков (20 февраля — 6 марта 1920 г.) было записано: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа»². Однако большинство казаков тогда жило уже совсем с другими, мифическими представлениями о своей родословной...

Об их последователях и единомышленниках, выступающих уже от лица *современного* казачества, весьма резко высказался писатель (и кубанский казак) П. И. Ткаченко. «Нежелание серьезно заниматься культурой, то есть духом человеческим, со стороны лидеров казачьего движения и в казачьих обществах действительно принимает какой-то даже вызывающий характер, — возмущается он. — И естественно, что при таком положении сознание и душу, которые мы обязаны в первую очередь оберегать, как зеницу ока, занимают другие силы, от откровенно лукавых до маргинальных»³.

Силы эти подверг беспощадной критике Сергей Антонов. Будучи сам донским казаком, он объясняет нынешнюю популярность «казакинской» («самостийной») идеологии прежде всего невежеством и гордыней тех своих земляков, которые приняли «ложно понятую чисто сословную спесь за национальное чувство».

«Нынешнее господство в умах антинаучной бредятины, почерпнутой из книжонок всяких там гордеевых (т. I) и савельевых, и происходящее от него неказакиское “казакобесие”» С. Антонов

---

¹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 252–253.

² Бугай Н. Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-годы). М., 2000. С. 8; *он же*. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины II до начала XXI века. М., 2007. С. 253.

³ Ткаченко П. И. Русские люди казаками хотят быть! // Казачество в истории России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 234.

напрямую связывает с «погублением казачьей интеллигенции». И особенно достается от него тем, кто пытается подкрепить свои рассуждения о казачестве как «самостоятельном этносе» известной цитатой из романа М. А. Шолохова. По словам С. Антонова, они не видят «ничего дальше утверждения малограмотных станичников о том, что “казаки от казаков ведутся”». Понимают ли эти люди, — возмущается Антонов, — что они, спустя сто лет, сами остаются на все том же еще “методологическом” уровне сельской ЦПШ, и при этом продолжают носиться с проходной, в общем-то цитатой, сделав из нее лозунг. Но если, к примеру, иные атаманы эксплуатируют эту тему по вполне понятным мотивам, то бескорыстные усилия рядовых автономистов-общественников с трудом поддается объяснению. Вот “ведутся”, и всё тут! А далеко ли ведутся-то? Ведь кто все это утверждает? Да тот, кто далее прадеда ничего о своей родне не знает».

По мнению С. Антонова, даже донские дворяне «зачастую сами не знали своих корней глубже, чем с конца XVIII в.», и уж тем более несостоятельны в спорах о происхождении казачества апелляции к «мнению народа», «который, якобы, знает некую сермяжную правду о самом себе, да и вообще всегда прав “по определению”». А в качестве примера того, как народ бывает «прав», Антоновым приводится хорошо известное заблуждение крестьян Центральной России, в конце XIX в. еще помнящих о войне с Наполеоном и потому уверенно называющих тысячетлетние курганы, разбросанные в окрестностях их сел, «французскими могилами»...¹

В СМИ и особенно в Интернете встречается множество проявлений исторической безграмотности представителей современного казачества, однако когда она сочетается с бьющей через край инициативой, возникают совсем уж несуразные по своей курьезности ситуации. Например, такая. В 2013 г. казаки хутора Мещерский Рязанской области решили поставить памятник... хану Батыю. Оказывается, они убеждены в том, что Батый был «не разорителем, а защитником не только Рязанской земли, но и всей земли Русской и первым казачьим воином — Батькой», который «стоял у истоков» казачества, «сам вышел

---

¹ Антонов С. Казакобесие, или О том, откуда и на что казаки «ведутся»: URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=105588> (26.12.2008 г.).

из казачества», «является знаковой фигурой, не заслуженно очерненной историками Романовской династии»...¹

Утрата исторической памяти и искажение этнического самосознания — довольно распространенное явление в нашей жизни как на индивидуальном уровне, так и на групповом и даже массовом (например, «горные» таджики, отличающиеся от «равнинных» светлым цветом волос и глаз, считают себя потомками воинов Александра Македонского, а румыны вопреки очевидным фактам объявляют себя прямыми потомками римлян), но с реалиями такие мифические родословные стыкуются плохо. Самосознание, конечно, очень важный компонент этнической принадлежности, но далеко не единственный, ибо этнос — это все же не только субъективное понятие, как вытекает из современного российского законодательства («в какую нацию захочу, в такую и запишусь»), но и объективная реальность. Правда, об этом нам часто напоминают этнологи и социологи, когда речь заходит об этнографических группах не русского, а *других* народов: карпатские русины, сибирские татары, кряшены, нагайбаки давно заявляют о себе как об отдельных, самостоятельных этносах, но не находят в этом поддержку научного сообщества, несмотря на все свое этническое самосознание...²

***

Некоторые идеологи казачьего движения, стремясь доказать нерусское («не от московских людей») происхождение своих предков (и, стало быть, существование особого «казачьего этноса»), как и вышеупомянутый эмигрант П. Н. Кудинов, любят, кроме самосознания, подчеркивать и особенности казачьей культуры: не такие, как в «великорусских губерниях», типы жилищ и хозяйственных построек, различия с «кондовой Россией»

---

¹ Розанов В. Рязанские казаки задумали поставить памятник — хану Батю // URL: <http://blog.cety.ru/valeriy-rozanov-valer-mail-ru/3711-rya; kazak-center.ru> (17.12.2013).

² Например, инициатива активистов национально-культурных и общественных объединений сибирских татар, выступавших на рубеже 1980–1990-х гг. с инициативой придания своей этнической группе статуса «малой народности», была расценена в Казани как попытка «раскола единой татарской нации» и резко осуждена. А вердикт научной общественности был таков: «С историко-культурной и этнографической точек зрения выделение сибирских татар в отдельную народность не имеет оснований» (Татарский мир. 2003. № 9. С. 4).

в похоронных обрядах, музыкальном творчестве, танцах, говорах и т. п.¹ К таким противопоставлениям нередко присовокупляются уничижительные оценки культурных особенностей «Московщины» («облик веселых, ярких станиц резко отличался от мрачных сел крестьянской России...»; «примитивность московского судостроения...»; «в Московии же... пение довольно унылое и однообразное...» и т. д.)², что не только показывает идейную подоплеку подобных изысканий, но и свидетельствует об абсолютной некомпетентности их авторов в такой научной дисциплине, как этнография (этнология). Согласно ей, специфические элементы культуры казаков вполне соответствуют научным представлениям об этнографических (историко-культурных) группах (или субэтносах), которые имеют практически все более-менее крупные народы, не исключая и русский.

Видный дореволюционный историк М. К. Любавский сделал такой вывод из своих наблюдений над терскими казаками: «Русская стихия в природе казака и в укладе его жизни осталась преобладающей, и терские казаки, оторванные от Руси, на далекой окраине остались русскими людьми, которые сберегли свой язык, свои национальные традиции, свою веру...»³. А ведь на Кавказе, отмечал М. К. Любавский, казаки, восприняли в свою среду немало «туземного элемента» из числа горских народов и подверглись сильному воздействию «туземной культуры». Добавлю: гораздо более сильному, чем казаки донские, более других ныне ратующие за статус «отдельного народа».

Русский этнограф М. Н. Харузин в ходе своей поездки в область Войска Донского в 1883 г. обратил внимание на то, что «почти каждая станица с прилегающими к ней хуторами носит на себе особый отпечаток, выражающийся в произношении, формах быта, обрядах и т. п.», но «как ни разнообразны местные обычаи и обряды — все-таки элементу великорусскому, обрядам и обычаям великорусским принадлежит первое место»⁴, Современный этнолог М. А. Рыблова после исследования культурной

---

¹ См., например: *Качанов И. В.* Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 40–43.

² *Вареник В. И.* Указ. соч. С. 120, 134, 136.

³ *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 409.

⁴ *Харузин М.* Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. М., 1885 (электронная версия: URL: <http://fstanitsa.ru>book/export/html/115>).

специфики ранних казачьих общин на Дону пришла к заключению, что они представляли собой не «народ», а социокультурную группу, а в целом «культурная модель донских казаков» перед исследователями «предстает как часть общерусской традиции»¹.

Митрополит Евлогий в 1928 г., размышляя в эмиграции об исторических судьбах казачества, склонялся к мнению, что «русский национальный тип в казаках сохранился чище и выражен ярче, чем в других частях русского народа». При этом, правда, он сделал оговорку: «Я разумею казаков европейской России; сибирских казаков я почти не знаю и не берусь о них судить»². Но и в Сибири, как пишут современные исследователи А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова, «несмотря на антропологическую специфику, бытовые и даже языковые заимствования, казаки оставались в рамках русской народной культуры...»³

«Казачья культура подчиняется всем общенациональным характеристикам развития русской национальной культуры», — считает член-корреспондент РАН А. С. Каргин. Он убежден, что «если следовать логике некоторых специалистов, любыми путями отделяющих казачью культуру от общерусской, то мы получим примат частного над всеобщим. Казачья культура — это многоцветье казачьих культур, представляющих уральскую, донскую, кубанскую, сибирскую, дальневосточную особенности. Каждая из них встраивается еще и в региональную традицию — южнорусскую, сибирскую, уральскую, волжскую и т. д.»⁴.

Это многообразие было очевидным даже для некоторых эмигрантов-«казакийцев», считавших поэтому невозможным говорить о «единой казачьей нации»⁵, и именно оно является одной из причин, не позволяющих ученым считать казачество не только «отдельным этносом», но и «единым субэтносом»: слишком велики различия в материальной и духовной культуре

---

¹ Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 24; она же. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174.

² Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 27.

³ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Указ. соч. С. 155.

⁴ Каргин А. С. Традиционная культура казачества. Теоретико-методологические аспекты ее сохранения и реконструкции // Казачество в истории России. Мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 132, 133.

⁵ Кириенко Ю. К. Казачество в эмиграции. С. 15.

у казаков различных «войск» и «рек». Казачество представляет собой *совокупность* субэтносов, различия между которыми определялись региональными и хронологическими особенностями их формирования. «Казаки не представляют собой в этническом отношении нечто целостное. Этническую характеристику можно дать только каждой отдельной региональной группе казаков», — пишет этнолог И. А. Аверин¹.

Несостоятельна поэтому и позиция тех «умеренных сепаратистов», которые предлагают считать казачество «четвертым восточнославянским народом» (наряду с русскими, украинцами и белорусами) — т. е. хоть и «особым», но все же близким русскому народу «этносом»². Допустим, таковым будут считаться донские казаки. Но тогда кубанцев надо будет признать «пятым восточнославянским народом», терцев — «шестым»? А каким по счету в этом ряду станут казаки уральские, оренбургские, сибирские и т. д.? И как тогда быть с аналогичными проблемами внутри самого казачества? Известно же, что на Дону и Урале сильны культурно-бытовые различия между «верховыми» и «низовыми» казаками, на Кубани — между потомками «черноморцев» и «линейцев» и т. д. И вообще: разве тамбовцы, воронежцы, рязанцы и другие представители великорусского этноса отличаются по языку и культуре от казаков (тех же донских, например) так же, как от украинцев и белорусов?

«Невзирая на то, что казачья субкультура с ее особенностями, связанными со спецификой мироощущения, ментальностью является реалией современного мира, неправильно говорить о принципиальных отличиях между казаками по происхождению и остальными русскими людьми», — подводит итог своему исследованию кандидат культурологии А. В. Пономарев³.

«Как в пределах одной культуры могут сосуществовать разные этносы, так и в одном этносе могут присутствовать носители разных материальных культур», — справедливо замечает Я. А. Бутаков⁴. К настоящему времени трудами этнологов убедительно

---

¹ Аверин И. Казачество — служилое сословие // Станица. Общеказачья газета. 1996. № 2. С. 10.

² Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 194.

³ Пономарев А. В. Субкультура донского казачества (19–20 вв.) как феномен региональной культуры. Автореф. дис. ...канд. культурологии. М., 2009. С. 25.

⁴ Бутаков Я. А. Тайны древних миграций. М., 2012. С. 89.

доказано, что у казачьего населения всех «рек» и «войск» *общего* в языке и духовной культуре с русскими других регионов страны гораздо больше, чем различий, и в этом отношении казахи субэтносы принципиально не отличаются от других субэтносов русского народа — поморов, однодворцев, бухтарминцев, полевых и др.¹ Различия между ними, по словам В. В. Трепавлова, «являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного социально-культурного комплекса»². Исключения в этом плане составляли лишь «переписанные» в казачье сословие крупные инородческие группировки — калмыков, бурят, татар, осетин и др. Если они не растворялись в русской казачьей среде, то образовывали этнографические группы — субэтносы — внутри *своих* народов.

***

В своем желании отгородиться от «русского мужика», доказать отсутствие кровных связей с ним казахи идеологи порой используют просто смехотворные аргументы. Подчеркивается, например, что казахи («как хорошо известно»), в отличие от русских, «никогда не употребляли лаптей» и не запирали свои дома на замки³. Но занявшись «лаптеведением», вынуждены будем огорчить казачьих идеологов: носили казахи лапти, носили, и в то же время на Севере жители некоторых «чисто русских» регионов лаптей практически не знали. И вот это действительно хорошо известно.

Нельзя сказать, что лапти для казахов были распространенной обувью, но, тем не менее, на верхнем Дону и Хопре казахи ее «употребляли» (по крайней мере во время сельхозработ) — как женщины, так и мужчины. Лапти в числе других видов повседневной самодельной обуви донских казахов упоминает, например, казачий писатель В. Е. Шамбаров⁴. О том же ясно свидетельствуют дошедшие до нас и неоднократно публиковавшиеся даже в самое

---

¹ Народы Европейской части СССР. Т. 1. М., 1964. С. 143–147; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. 2-е изд. М., 1985. С. 31; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 83–85; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 59–61.

² Русские в Евразии. С. 464.

³ Вареник В. И. Указ. соч. С. 110–111; Казаков С. В. Указ. соч. С. 220.

⁴ Шамбаров В. Е. Указ. соч. С. 173.

последнее время гравюры конца XVIII — середины XIX вв.¹ И запечатленное на них не было какой-то случайностью. Как подчеркивают современные исследователи, «казаки верхнедонских станиц одевались весьма неприятзательно, практически одинаково с жителями южных русских губерний»². (Примечательно, что на Дону «низовые» казаки, называя «верховых» казаков «чигами», поддразнивали их поговоркой: «Чига лыко драла, чига лапти плела».)³ А у уральских казаков и в XIX, и местами даже в середине XX в., согласно исследованиям С. К. Сагнаевой, лапти являлись неперменным атрибутом «смертной» одежды⁴, и если учесть, что в погребальной обрядности всегда господствует архаика, вывод получится однозначным: в более ранние времена лапти в казачьем быту вовсе не были большой редкостью.

Поборники «автохтонной теории» категорически отрицают саму возможность ношения казаками лаптей, исходя из того, что «в лаптях совершенно невозможно ездить на боевом коне, “держат шенкель” и на лету ловить стрема. Для этого годится только обувь с узким носком...»⁵. Здесь мы опять имеем дело с весьма смутными представлениями одной из спорящих сторон о «предмете дискуссии». Во-первых, лапти на Руси изготавливали не только с «закругленной», но и с «трапецевидной», т. е. узкой, головкой (последние, в частности, бытовали на Рязанщине и Тамбовщине, территориально близких к казачьему Дону)⁶. А во-вторых (и об этом уже шла речь выше), «первые казаки» часто вообще обходились без коней, предпочитая им лодки или лыжи.

«Войско в начале своей истории было пешим», — полагают авторы коллективной монографии «Казачий Дон: Очерки истории» (которую только что цитируемый поборник «автохтонной теории»

---

¹ См., например: Воинские повести древней Руси. М.–Л., 1949. [С. 193]; Родина. 2004. № 5. С. 70, 123.

² Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. Ростов н/Д, 1995. С. 37.

³ Казачий словарь-справочник. Т. 3. Калифорния, 1969. С. 294.

⁴ Сагнаева С. К. Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций) // Российский этнограф. М., 1993. [Вып. 11]. С. 180, 191.

⁵ Вареник В. И. Указ. соч. С. 110.

⁶ Этнография восточных славян. С. 284.

В. И. Вареник называет «замечательным двухтомником») ¹. «Прежде чем прославиться как превосходные конники, казаки успешно овладели искусством уверенного и быстрого передвижения по водной глади» — пишет ростовский историк А. Т. Урушадзе².

Что же касается дверных замков, то приходится напомнить еще один «хорошо известный» факт: их и русская «нечерноземная» деревня обычно не знала до XX века, а кое-где и до самого последнего времени — пока не вступила в «плотный контакт» с «цивилизацией» в лице пришлого, как правило городского, населения (туристов, строителей, солдат)³.

6. Феномен Мураба Аджи и культурологические подходы И. Г. Яковенко

Не менее «сильный», чем лапти и замки, довод в пользу своей (половецкой) «теории» происхождения казачества выдвинул уже неоднократно упоминавшийся М. Аджи(ев). Тот факт, что казаки обычно хорошо знали язык своих нерусских соседей (а это были в основном тюркские народы — татары, ногайцы, казахи) и часто общались на нем в быту, преподносится Аджи(евым) как бесспорное свидетельство нерусского происхождения казачества⁴. «Убийственная» логика, ничего не скажешь... Если так рассуждать, то старожильческое русское население Якутии следует признать произошедшим от якутов, поскольку оно в XVIII–XIX вв. широко пользовалось при общении якутским языком (аналогичным, по мнению наблюдателей, было тогда употребление французского в российских столицах)⁵. Ну а терских казаков, по той же логике, надо исключить из схемы «казачьего этногенеза», предложенной Аджи(евым), ибо они знали языки горских народов Кавказа, не относящиеся к числу тюркских.

---

¹ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 140; *Вареник В. И.* Указ. соч. С. 42.

² *Урушадзе А. Т.* Терское казачество и народы Северного Кавказа // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 361–362.

³ *Пятунин Е.* Военно-полевой провал // Независимая газета. Приложение «НГ-регионы». 1998. № 5. С. 14.

⁴ *Аджиев М.* Мы — из рода половецкого! С. 51.

⁵ *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 215, 245.

Что же касается языка, на котором казаки общались в более ранние времена, то его исчерпывающе охарактеризовал еще в 1930 г. известный русский историк-эмигрант С. Г. Пушкирев, и эта его характеристика давно и часто цитируется современными исследователями. Детально ознакомившись с вышедшей на рубеже XIX и XX вв. пятитомной капитальной публикацией «Донские дела», С. Г. Пушкирев обратил внимание на то, что множество исходящих из Донского войска документов XVII в. написаны «прекрасным, выразительным “московско-русским” языком» и что «этим языком казаки пишут не только свои отписки и челобитные в Москву, но и переписываются между собою»¹.

А причины широкого распространения и частого употребления в казачьей среде языка иноязычных соседей элементарны и порой доходчиво разъяснялись самими казаками. Так, в конце XIX в. известный исследователь, офицер сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаев на вопрос, зачем его подчиненные говорят «по-киргизски» (т. е. по-казахски), получил такой ответ: «По-киргизски... нельзя нам не говорить, потому с киргизским языком можно всю степь изойти, а киргиза когда дождешься как начнет он по-русски говорить, худо учится, русский язык не киргизский — мудреный язык, ему скоро не выучишься»...²

Помимо лингвистики поборники автохтонных теорий происхождения казачества пытаются использовать и антропологию — с той же, естественно, степенью глубины проникновения в предмет. На просторах Интернета можно, например, встретить категорическое (но, конечно же, не подкрепленное ни конкретным материалом, ни ссылками на какие-либо исследования) утверждение, что «антропологически» казаки — «это единый, не смешанный ни с кем народ», ибо они-де следовали «древнему арийскому закону», запрещавшему «смешивать свою кровь с чужеродной кровью». А «поэтому даже к тому, что написал Шолохов о турецком происхождении своего героя (надо полагать, Мелехова. — *Н. Н.*) стоит относиться с осторожностью»³.

---

¹ См.: *Маркедонов С.* Основной вопрос казаковедения. Сн. 424; *он же.* От истории к конструированию национальной идентичности. Сн. 71.

² Цит. по: *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 154.

³ URL: http://alexf.ru>vechnoe/vechnoe_kazak.html

Автор этого глубокомысленного заключения, в отличие от М. А. Шолохова, похоже, никогда не поражался «тому расовому смешению, которое всегда бросается в глаза при взгляде на казачью толпу»¹, и уж, конечно, не читал признаний самих казаков о женитьбе на «басурманках», хотя сведения о том давно введены в научный оборот. В частности, хрестоматийную известность приобрели обращенные к туркам слова донских казаков из знаменитой «Повести об Азовском осадном сидении» (1642 г.): «А жены себе красныя и любимыя водим и выбираем от вас же из Царя-града...»². Или объяснение казаками отказа в 1645 г. присягать царю на том основании, что большинство детей их якобы родилось от «басурманок»³. Давно известны также документальные свидетельства такого рода: «Емельяном зовут, Кузьмин, а сын тума; родился де он, Емелька, на Дону в Черкасском. Отец де ево, Кузьма, был русский человек, тамбовец, солдат, а мать туркения»⁴. Напомню, что «тумой», по некоторым свидетельствам, являлся и самый знаменитый донской казак — Степан Разин⁵.

Подобные сведения, конечно, нельзя абсолютизировать и делать на их основании вывод об этнически смешанном происхождении большинства казаков (сведения о наличии у них жен, детей, родителей и прочих родственников «на Руси» постоянно встречаются в делопроизводственной документации XVII в.⁶), но то, что российское казачество далеко от расовой и этнической «чистоты» — факт несомненный. А если он не вписывается в некоторые «теории», то это должно быть хуже для них, а не для фактов.

Пример тщетных попыток заставить антропологию работать на одну из таких теорий мы находим у того же М. Аджи(ева), и примечательны они тем, что разрушают собственные

---

¹ Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в четырех книгах. М., 1993. Т. 2. С. 443.

² Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 68.

³ Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С. 137.

⁴ Цит. по: Черницын С. В. Донские татары — мусульманская группа донского казачества // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 287.

⁵ Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 10.

⁶ См., например: Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. Т. 1. С. 218.

построения автора. «Настоящего казака не спутаешь ни с кем, — пишет Аджи(ев) — голубоглазые, светловолосые, коренастые, таковых большинство», а как раз такими, по его твердому убеждению, и были половцы¹.

Надо признать, что Аджи(ев) не одинок в этом своем мнении: как светловолосых европеоидов половцев описывают авторы не только дилетантских работ (ссылающихся при этом на некие «русские летописи»), но и некоторые профессиональные историки². Однако в работах специалистов по археологии и истории Южной Руси X–XIII вв. о внешнем облике половцев содержатся совсем другие сведения. Как считает крупнейший авторитет в области изучения кочевников южнорусских степей С. А. Плетнёва, половцы являлись монголоидами (пусть и не такими «классическими, как собственно монголы или буряты») — в этом ее убеждают результаты исследования половецких захоронений — и, следовательно, в большинстве своем, были темноволосыми и карглазыми³.

Среди половцев, возможно, попадались и светловолосые индивиды (подобно тому, как брюнеты встречаются даже среди финнов, а блондины — среди итальянцев), и ими могли быть не только те, кто (как полагают некоторые исследователи) родился от русских полонянок. В облике половцев, как и предшествовавших им печенегов, порой проявлялись результаты смешивания их предков с остатками дотюркского (скифо-сарматского) населения степи, и такие европеоидные «вкрапления» даже позднее были характерны для кочевого мира Евразии. Например, русоволосые («или с каштановым отливом» волос) казахи встречались исследователям еще в XIX в.⁴

Несостоятельны поэтому и попытки связать происхождение этнонима «половцы» с природным цветом их волос. По-русски «половый» означает, действительно, «желтый» (от «полова», т. е. солома), и хотя нельзя исключать наличие у половцев моды красить волосы в соответствующий цвет, наиболее убедительное

---

¹ Аджи(ев) М. Мы — из рода половецкого! С. 7.

² Сопов А. В. Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. 2006. Вып. 1.

³ Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 35–36.

⁴ Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1980. С. 251; Бутаков Я. А. Тайны древних миграций. М., 2012. С. 50; Марков В. И. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. СПб., 2016. С. 57–58, 61.

объяснение такому их наименованию было дано той же С. А. Плетнёвой. По ее мнению, русские просто «калькировали» на свой язык самоназвание части кипчакских орд (называвших себя «сары», «шары», т. е. «желтые»), ведь «цветовые» обозначение политических объединений были широко распространены у кочевников («черные болгары», «синие монголы», «Белая», «Синяя» орды)¹.

Впрочем, в научной литературе высказаны весьма авторитетные мнения, отвергающие связь каких-либо цветовых гамм с половцами. Этот этноним, как считает, например, известный украинский историк и археолог П. П. Толчко, произведен от слова «поле» (т. е. степь) и является трансформацией зафиксированного в летописях понятия «онополовец», т. е. житель «оной» или «той» — противоположной от Киева, стороны Днепра, пересекающей степь пополам — «на полы»...²

Отрицательные отклики на сочинения М. Аджи(ева) появлялись как в периодике, так и в капитальных научных трудах³. Но, пожалуй, наиболее резкую отповедь ему дал в «Независимой газете» (чаще других публиковавшей опусы Аджиева) журналист Валерий Каджая, который, в отличие от большинства своих коллег, был критически настроен к любому мифотворчеству. Каджая назвал сочинительство М. Аджи(ева) «образчиком самой бессознательной фальсификации, замешанной на дремучем невежестве и еще какой-то патологической русофобии». «В его статьях, о чем я заявляю с полной ответственностью, вплоть до судебной,

---

¹ Плетнева С. А. Половцы. С. 35–36, 40.

² Подробнее см.: Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси IX–XIII вв. М., 2006. С. 356–357.

³ Никитин Н. Казачья родословная (Об этнической природе российского казачества) // Литературная Россия. 1993. № 22. С. 15; *он же*. Казачья родословная: сфера науки или политики? // Домострой. 1993. № 28. С. 12; *он же*. Феномен Мурада Аджи // Литературная Россия. 2005. № 15. С. 12; *он же*. Паранаука на марше // Наш современник. 2006. № 3. С. 160–168; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 534–539; Олейников Д. Книга — польнь // Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998; Багдасарян В. Э. Параистория как признак общественной трансформации // Преподавание истории в школе. 2006. № 9. С. 8; Юрченко И. Ю. Казаки — турки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюрксистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи) // Историческая и социообразовательная мысль. 2011. № 5. С. 65–69.

что ни абзац — то или вопиющая ложь, или вопиющая безграмотность», — пишет Каджая и заявляет: статьи Аджи(ева) «не просто лживы и безграмотны. Они безумны! И в этом их самая большая опасность. Потому что давно замечено, что один сумасшедший может убедить в чем угодно тысячи нормальных людей, но история еще не знает примера, чтобы тысячи, даже сотни тысяч нормальных людей хоть в чем-нибудь убедили одного сумасшедшего...»¹

И в самом деле. М. Аджи(ев), судя по его последующим публикациям², не изменил ни своих взглядов, ни методов «работы», но тем не менее приобрел немало сторонников и последователей — и за рубежом (например, в Казахстане)³, и в Российской Федерации. Так, в книге Гали Еникеева и Шихаба Китабчы «Наследие татар», выпущенной издательством «Алгоритм», М. Аджи(ев) — один из самых уважаемых и цитируемых авторов⁴. Его версию происхождения казачества напрямую воспроизвела в одной из своих статей С. Кусова — президент Ассоциации этнопроблематики при Союзе журналистов России⁵. А реакция М. Аджи(ева) и его единомышленников на критические замечания настолько не адекватна, что даже если исключить из нее прямые оскорбления в адрес оппонентов, она будет подобна «диалогу слепого с глухим»⁶.

Писатель Б. А. Алмазов вслед за М. Аджи(евым) (и также голословно) называет половцев (как и большинство тюрок вообще) светловолосым и голубоглазым народом и, видимо, вдохновленный «антропологическим методом» Аджи(ева), помещает на страницы своей книги скульптурные портреты половцев, реконструированные по черепам, рядом с фотографиями некоторых казаков, демонстрируя таким образом их сходство⁷. Уверен, однако, что с таким же успехом сходство с ископаемыми половцами Алмазов мог бы обнаружить и в облике многих русских

---

¹ Каджая В. Еще раз о национальных мародерах // Независимая газета. 09.08.97.

² См., например: Литературная Россия. 2004. № 50; 2005 №№ 1, 7, 12.

³ Национальная политика России: история и современность. С. 539.

⁴ Еникеев Г. Р., Китабчы Ш. Наследие татар. М., 2012. С. 95, 112, 120, 122, 161, 164–165, 167, 189, 191, 199–200 и др.

⁵ Кусова С. Старые грабли новой России // Независимая газета. 04.09.2002.

⁶ URL: http://www.adji.ru>interview_06-012.html

⁷ Алмазов Б. А. Указ. соч. С. 76–77, 80–81.

людей, казаками не являющихся, тем более что сам он считает современного русского человека «в равной степени» и славянином, и половцем (правда, в другом месте его книги доля «половецкой крови» у русских снижена до четверти)¹.

Относительно долей «неславянской крови» у представителей русской нации можно, конечно, долго и малопродуктивно спорить, ведь «этнически чистых» народов на территории современной Евразии нет и, учитывая ее бурную историю, сопровождавшуюся массовыми миграциями, быть не может в принципе. Русские и здесь не составляют исключения, и хотя в разных районах их расселения характер и степень метисации бывали разными, ее нельзя представлять упрощенно (в одних районах славяне смешивались только с угро-финнами, в других — с балтами, в третьих — с тюрками и т. д.), поскольку за тысячелетнюю историю государства Российского внутри его происходило постоянное перемешивание населения, причем не только славянского. (Известно, например, что тюркское племя берендеев было расселено в XII в. как по юго-восточной границе русских земель, так и во Владимиро-Суздальской земле²).

***

Умозаключения дилетантов о происхождении казачества находят поддержку не только в около-и псевдонаучных сочинениях, но и в работах, казалось бы, серьезных ученых. Сторонником М. Аджи(ева) выступил, например, кандидат (в дальнейшем доктор) философских наук, известный культуролог либерального толка И. Г. Яковенко, посчитавший, что «при спорности отдельных положений» Аджиева (интересно — каких?) «собранный им материал убедителен»³. Помимо Аджи(ева), Яковенко назвал в качестве своих единомышленников Л. Н. Гумилёва (выводившего казаков из хазар), А. А. Гордеева (немного подправив, исходя «из логики автора», его концепцию) и Р. Г. Скрынникова (совершенно исказив его позицию⁴). «Мое убеждение состоит

---

¹ Алмазов Б. А. Указ. соч. С. 43, 82.

² Плетнева С. А. Указ. соч. С. 74; Марков В. И. Тюркский след в истории Украины. С. 78.

³ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 106.

⁴ «По мнению Р. Скрынникова, казачество возникло из слияния многочисленных русских переселенцев с населением татарских станиц в степях», — пишет

в том, — пишет Яковенко, — что казачество возникло в результате половецко-русского смешения при явном доминировании половецкого субстрата. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть в лица на фотографиях XIX века. Форма черепа, телесная конституция — все это (так же как и особенности бытовой культуры и песни) разительно отличается от славянской типологии и выдает в казаках природных степняков»¹.

Этой аргументацией система собственных доказательств у И. Г. Яковенко, по сути дела, и ограничивается, свидетельствуя, прежде всего, о неважном знании им как русской «типологии» вообще (весьма, как известно, далекой от единообразия), так и казачьей в частности (видно, не много ему попало на глаза «фотографий XIX века»). Антропология при строго научном, беспристрастном подходе к ее использованию дает основание для совсем других выводов, свидетельствуя, в частности, что даже уральское казачество, столетиями плотно контактировавшее с тюрко-монголо-и ираноязычными народами, многие представители которых непосредственно вливались в его состав, по своему антропологическому типу в большинстве своем не отличались от остальных русских. Оказалось, что хотя Яицкое (Уральское) казачье войско всегда считалось «многонациональным», согласно переписи 1723 г., нерусскими было лишь около 6 % яицких казаков, а в середине XIX в. «полиэтничность» уральцев выглядела так: башкиры и мишари среди них составляли 7 %, татары — 5 %, калмыки — 1,2 %, каракалпаки и казахи — 0,8 %². Ситуация принципиально не менялась и в дальнейшем, так что в 1862 г. русские

И. Г. Яковенко со ссылкой на популярную («для учащихся ст. классов») книгу Р. Г. Скрынникова «Ермак» (там же). Но, обратившись к указанной странице этой книги, нельзя не видеть, что ее автор представляет возникновение казачества совершенно иначе: пишет, что татары преобладали среди казаков лишь «на первых порах», что «приток населения со славянских территорий со временем изменил лицо вольных станиц» (*Скрынников Р. Г. Ермак. 2-е изд. М., 1992. С. 7*). В более солидных изданиях эту свою мысль Скрынников выражает еще четче (см.: *он же. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 117–118*).

¹ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр... // Родина. 1995. № 10. С. 69–70.

² Кортунов А. И. Особенности формирования полиэтничной казачьей общины на Южном Урале в XVI–XIX веках // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 90; Бекмаханова Н. Я. Население Уральского казачьего войска в первой половине XIX века // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. статей. Таллин, 1977. С. 121.

составляли 86 % уральского казачества, а к 1885 г. их доля возросла до 93,6 %¹. Как заметил А. И. Изюмов, «главная масса уральцев по происхождению... была чисто русской, мало смешанной с татарами и башкирами, калмыками и казахами»².

Аналогичную картину дает и изучение казачества Сибири. В его формировании, как хорошо известно, также участвовали представители нерусского (как коренного, так и пришлого) населения, а на раннем этапе колонизации края в казачьей среде были распространены этнически смешанные браки³. Тем не менее, по словам А. В. Ремнева и Н. Г. Суворовой, «антропологический тип казака-старожила» хотя и «имел своеобразные черты, однако неславянский элемент в казачестве не был значительным, если не считать особых казачьих формирований из инородцев, главным образом, из бурят»⁴. «В основе своей сибирские казаки сохранили русский национальный тип», — подчеркивал известный исследователь сибирского казачества XVIII–XIX вв. А. Р. Ивогин⁵. Добавлю, что к 1917 г. лишь 6 % сибирских казаков были представлены «нацменьшинствами»⁶.

В принципе таким же было соотношение русского и нерусского «элемента» в других казачьих войсках, традиционно считающихся «многонациональными»: в Оренбургском в 1891 г. 87 % его состава составляли русские (вместе с украинцами), а остальные 13 % приходились на татар (6 %), нагайбаков (3 %), мордву (2 %), башкир (1 %), калмыков (0,5 %), поляков и чувашей, а в Забайкальском войске к 1917 г. доля «инородцев» (бурят и эвенков) не превышала 8 %⁷.

---

¹ Сагнаева С. К. Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 43.

² Изюмов А. И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 130.

³ Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 85–87, 128–129, 145–146.

⁴ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 155.

⁵ Ивогин А. Р. Казаки на сибирском фронтире в XVIII–XIX вв. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 49.

⁶ Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 333.

⁷ Там же. С. 294, 382.

Один из крупнейших отечественных медиевистов (и, между прочим, казак по рождению) член-корреспондент РАН А. П. Новосельцев незадолго до своей кончины (1995 г.) тоже высказался по поводу споров об этнической природе казачества: «...В публицистике и популярных изданиях все чаще выражается мнение, будто казачество — вовсе не славянский институт, а тюркский, причем доказывается, что даже донские казаки XVIII–XIX вв. были тюрками... Укажу на статьи М. Э. Аджиева. Давая рецензию на его публикацию в одном из журналов («Вокруг света». — *Н. Н.*), я деликатно указал на такого рода ошибку. Однако редакция журнала опубликовала лишь часть моего отзыва, где отмеченное замечание было опущено. Я убежден, что сам термин “казак” (кстати, тождественный этнониму “казах”) — тюркского происхождения, что вовсе не означает, будто восточнославянское казачество (великорусское, украинское и смешанное) было тюркским, хотя хорошо известно, что отдельные тюркские элементы приняли участие в его формировании. В частности, это можно отметить для Донского и Уральского казачеств. Однако роль тюрков в формировании этих казачьих войск была минимальной...»¹

Донское казачество стало объектом изучения антропологов еще столетие назад, и результаты этой работы позволили В. В. Бунаку «отнести донских казаков к одному, преобладающему на русской равнине антропологическому типу, характеризующемуся в общем теми же отличиями». Исследователь отметил, что даже «украинский тип... оказывается более далеким от донского казачества». По наблюдениям В. В. Бунака, среди донцов «незаметно также сколько-нибудь значительных следов примеси иноплеменной крови; они выступают лишь в отдельных пунктах и сравнительно в слабом количестве»².

Исследования, проведенные среди донского казачества современными антропологами (в нашем случае доктором биологических наук В. Ф. Кашибадзе и кандидатом биологических наук Е. Ф. Батиевой) тоже дали вполне ожидаемый и однозначный

---

¹ Новосельцев А. П. Кавказское казачество — олицетворение единства русского и украинского народов // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2004. Вып. 1. С. 37.

² Бунак В. В. Антропологический тип донских казаков // Русский антропологический журнал. М., 1922. Т. 12. Кн.1–2. С. 144–145.

результат, а именно: заключение о том, что в основе «физического статуса» донских казаков «лежат морфологические характеристики, общие с населением юго-восточных зон Центральной России, что указывает на направления генетических связей. Антропологическая история донских казаков, — отмечают эти исследователи, — подразумевает процессы миграции из указанного ареала, смешения между разными исходными группами русских и *незначительное* включение южных и восточных элементов в возрастающей к югу пропорции»¹. А главный вывод исследования, проведенного В. Ф. Кашибадзе совместно с О. Г. Насоновой, еще более конкретен: морфологически и генетически ближайшей к донским казакам группой населения являются русские Рязанской области².

И. Г. Яковенко, видимо, не в курсе подобных изысканий и считает свои познания в казачьей антропологии достаточными, чтобы «отбросить казенную версию, согласно которой казачество создали выходцы из русских княжеств, бежавшие в Степь и осваивавшие Дикое поле, — идеологическая заданность этой конструкции слишком очевидна», — заявляет он³.

Про «идеологическую заданность» у Яковенко получилось, конечно, особенно «удачно». В виду, надо полагать, имелись труды С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и других историков той поры, когда о «казачьем сепаратизме» не было слышно. Зато собственную концепцию И. Г. Яковенко, видимо, посчитал образцом идеологической непередвзятости, хотя она и была сформулирована в то время, когда всяческий сепаратизм в России расцветал пышным цветом...

Надо заметить, что казачья проблематика у И. Г. Яковенко является побочной, вспомогательной в системе доказательств более важной концепции — о ближайшем будущем России. Опираясь не только на собственные умозаключения, но и на мнение одного из ныне малоизвестных этнографов (Д. К. Зеленина),

---

¹ Кашибадзе В. Ф., Батиева Е. Ф. К проблеме генезиса донских казаков (данные антропологии) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы всерос. научн. конф. Ростов н/Д, 2010, С. 6. (Выделено мной. — Н. Н.)

² Кашибадзе В. Ф., Насонова О. Г. Антропология донских казаков: опыт интеграции данных науки и литературы // Труды Южного научного центра РАН. Ростов н/Д, 2009. Т. 5. Социальные и гуманитарные науки. С. 167–177.

³ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр... С. 70.

высказанное в 20-х гг. XX в. и опровергнутое последующими исследованиями¹, И. Г. Яковенко высказывается в том плане, что лишь по недоразумению русские считаются одним народом: оказывается, они состоят по меньшей мере из двух, издавна противостоящих друг другу этносов — северорусского («окающего») и южнорусского («акающего»). А потому-де весьма вероятен скорый распад России — как на северный и южный регионы, так и отделение от нее прочих: казачьего, сибирского, петербургско-новгородского, поволжского, северокавказского, что, «если отрешиться от имперской паранойи», следует признать отвечающим нашим национальным интересам².

7. Происхождение казачества и «русский вопрос»

Подобные взгляды — не редкость в постсоветской России, а вопрос о происхождении и этнической идентификации казачества с некоторых пор стал в ней лишь частью широкого спектра проблем, которые в конечном итоге сводятся к так называемому *русскому вопросу*. Он же всегда обостряется в России в ходе радикальных, судьбоносных перемен в ее социальной и политической жизни.

Связь «казачьего вопроса» с «русским вопросом» уже отмечалась в новейшей литературе, но, как правило, в самой общей форме³. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Русский народ в силу своей многочисленности и устойчивости менталитета вызывал в XX в. у всех реформаторов России наибольшие опасения по поводу осуществимости их замыслов. Пришедшие в 1917 г. к власти большевики были проникнуты национальным нигилизмом, будущее человечества после мировой революции представляли исключительно безнациональным и одну из главных преград для себя на этом пути видели в русском национализме («великодержавном шовинизме»). Его же усматривали практически в любом заявлении русских о своей

---

¹ Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VI. Русские. Кн. 2. М., 1992. С. 39.

² Яковенко И. Распад России как предмет осмысления // Независимая газета. Приложение «НГ-сценарии». 1999. № 10. С. 6.

³ Сопов А. В. Проблема происхождения и становления казачества Юга России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1999. С. 4.

национальной идентичности, в любом активном ее проявлении и даже в пожелании (не говоря уже о требовании) предоставить русским в СССР *равные* права с другими народами.

Более того, если у последних вопреки коммунистическим теориям форсированными темпами выращивались национальные элиты, всячески поощрялось развитие национальной культуры и усиленно проводилась «коренизация кадров» (т. е. насаждение представителей новых национальных элит на руководящих постах), то русские, как пишет А. К. Сорокин, «оказались под ударом так называемой позитивной дискриминации». И если русская культура клеймилась как «культура угнетателей» лишь до начала 1930-х гг., то борьба с великодержавным шовинизмом определила поведение высших органов партии большевиков на долгие годы. «Коренизация, — замечает А. К. Сорокин, — во многих случаях привела к вытеснению русских из сфер управления в местах традиционного их проживания». К тому же русским не только не была предоставлена собственная территория в виде национально-территориального образования, но в ряде случаев они своих территорий самым бесцеремонным образом лишились¹.

Важно отметить еще одно обстоятельство: коммунистами был открыто взят курс на «денационализацию русской нации» и, несмотря на кратковременные отступления от него (в годы Великой Отечественной войны или в ходе пресловутой «борьбы с космополитизмом» после войны), они в его реализации изрядно преуспели, хотя явно рассчитывали на большее. А посему даже в 1980-е гг., в конце своего правления «русский вопрос» представлялся руководству КПСС по-прежнему актуальным, и методы его решения принципиально не менялись².

Одному из последних генсеков КПСС, Ю. В. Андропову, приписывают слова: «Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь»³. А незадачливый премьер-министр РСФСР А. В. Власов накануне кровавых межэтнических столкновений в Средней Азии

---

¹ Сорокин А. К. Советский Союз: еще раз к вопросу о национальном ответе // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Мат-лы Междунар. научн. конф. М., 2013. С. 317–319.

² Подробнее см.: Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998. С. 59–278.

³ Там же. С. 321, 398.

и Закавказье, объясняя причины роста национализма в союзных республиках, не нашел ничего лучшего, как «озвучить» старый большевистский тезис, согласно которому шовинизм у «малых» народов возникает прежде всего как ответ на шовинизм представителей «большого», русского народа¹.

Весьма откровенными бывали в своих высказываниях по «русскому вопросу» и некоторые деятели советской науки, причастные к выработке принципов национальной политики в СССР. Так, член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала «Советская этнография» К. В. Чистов заявил на одном из «круглых столов»: «Если, например, у меня отец татарин, а мать якутка, я должен иметь право называть себя якутом или татаринком. А если я денационализировался, то могу называть себя и русским»². (Заметьте — если денационализировался, а не проникся, скажем, русской культурой, русской ментальностью...)

Так что не случайно до 1990-х гг. слово «русский» в СМИ при каждой возможности заменялось на «советский». Показателен и такой казус: в учебниках и детских книгах, посвященных «нерушимой дружбе народов СССР», представители каждого народа изображались в своих национальных костюмах, и только русские дети — просто в школьной форме...

В 1990-е гг. власть в стране оказалась у «норевolucionеров либерального толка» (определение писателя П. И. Ткаченко)³. Резко критикуя «коммунистический режим», эти «радикал-демократы» в то же время в национальной политике придерживались практически того же, «большевистского» курса, а по ряду направлений даже усилили его. «Пролетарский интернационализм» и «буржуазный космополитизм» с его «приматом общечеловеческих ценностей» на поверку оказались ответвлениями одного и того же течения политической мысли. «Дерусификация русских» продолжилась, приобретая всё более изощренные формы, порой плохо стыкующиеся, но единые в своей сути.

Причина подобного отношения наших реформаторов к «государствообразующему этносу» России особо ими и не скрывается. Как заявил, например, один из них — И. Юргенс,

---

¹ Известия. 1989. № 245.

² Вопросы истории. 1989. № 5. С. 16.

³ Солёная подкова. Авторский литературно-публицистический альманах Петра Ткаченко. М., 2006. С. 32

«модернизации России мешают русские. Они архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность»¹.

Как вспоминает Н. Ф. Бугай, в 1990-е гг. русские были выведены за понятие «национальное», а «попытки создания Департамента проблем русского народа в структуре Миннаца России» (где тогда работал Н. Ф. Бугай) «завершились полным отрицанием существования русской этнической общности», так что «русские как народ не были представлены даже в списке делегатов 1-го съезда Ассамблеи народов России»². И если «при коммунистах» слово «русский» в СМИ обычно заменяли на «советский», то «при демократах» — на «российский», а когда стало ясно, что замена эта не оказывает должного воздействия на сознание «россиян», этому «неудобному» слову стали пытаться придать особый смысл, заявляя, что русские уже давно не обозначают определенную нацию, что это «вовсе не этнический признак», а «общность людей, которые живут в России», что «русский — это прилагательное, обозначающее принадлежность к территории», «русский — это тот, кто любит Россию», что «это не национальность, а состояние души» и т. д.³

При таком подходе остается неясным, кого же тогда считать «россиянами» и почему из употребления напрочь исчезает понятие «обрусевший», с помощью которого все можно расставить на свои места — в том числе и для тех, кто, не являясь этническим русским, принимает русскую культуру и любит Россию.

На политической арене у нас в последнее время все более заметны и такие «столпы либерализма», которые, ничтоже сумняшеся, напротив, отказываются называть русскими тех, кто Россию, несомненно, любил и русским однозначно считался, но имел хотя бы одного нерусского предка. Так, известный

---

¹ Цит. по: Устинов А. Другой народ мне не нужен // Литературная газета. 2013. № 2–3. С. 3; Попцов О. Мгла или дефолт оптимизма // Там же. 2013. № 6. С. 12.

² Бугай Н. Ф. Национальная политика России: трансформация, реализация, приоритеты (1990–2013 гг.) // Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. М., 2015. С. 272–273, 278.

³ Высказывание доктора философских наук Ю. Плюснина, опубликованное в «Русском репортере» (2011. № 7); выступление Ю. В. Крупнова на радио «Русская служба новостей» (23.01.2012); мнение В. В. Жириновского, озвученное им в телепередаче «Поединок» с В. Р. Соловьевым на телеканале «Россия» (02.02.2012) и кинорежиссера Станислава Говорухина (URL: <http://ren.tv/novosti/2016-11-17>) и др.

философ и публицист А. С. Ципко пишет: «...У Деникина мать была полькой, у Лавра Корнилова — казашкой. Еще меньше перспектив доказать свою русскую принадлежность будет у потомка арапа Петра Великого Александра Пушкина, у полуполяка-полуукраинца Гоголя, у поляка по матери Николая Некрасова, и у еврея Фета, и Федора Достоевского, имеющего литовско-белорусские корни, и у Тургеневых, потомков татарских мурз... Карамзин был татариним, у Николая Бердяева бабушка была француженкой, Сергей Булгаков тоже был потомком татарских мурз...»¹. О том, что «не были русскими» Андрей Боголюбский, Александр Пушкин, Василий Жуковский, Петр Чайковский, Константин Циолковский, без обиняков заявила газета «Аргументы и факты»². Неужто стоящие на такой позиции мыслители полагают, что все остальные народы мира этнически абсолютно «чисты», и всякий, кто называет себя немцем, финном, англичанином, поляком, латышом и т. д., не имеет никаких «инородных примесей»?..

Исходя из той же логики, некоторые журналисты и публицисты отказывают в «русскости» даже исконно русским городам и регионам, в том числе — Москве, поскольку-де у нее аж целых 10 % (!) иноэтничного населения...³

Беспощадной критике подверг подобные воззрения поэт и публицист Игорь Панин. «Александр Дюма (старший) был квартероним, то есть на 1/4 чернокожим. Тем не менее, — пишет И. Панин, — трудно представить современного француза... который стал бы маниакально педалировать на негритянском происхождении автора “Трех мушкетеров”...». Отметив отсутствие «этнической чистоты» и у многих других классиков западноевропейской литературы, не мешающий им, тем не менее,

---

¹ Ципко А. Не будем валять дурака // Литературная газета. 2011. № 50. С. 3. Формальным поводом к этому пассажи послужил непонятно кем, где и когда провозглашенный лозунг «Россия для этнических русских». Поскольку авторы и обстоятельства появления этого лозунга в статье Ципко не указаны, а предположить, чтобы до такого маразма у нас могли опуститься сколько-нибудь заметные группировки даже самых радикальных националистов, трудно, то остается предположить, что здесь мы имеем дело с классическим случаем лжеполемики — когда оппонента сначала придумывают (или высказанное им искажают), а затем беспощадно «громят».

² Аргументы и факты. 2011. № 42. Приложение «СтоЛИЧНОСТЬ». Вып. 5. С. 8.

³ Рыков С. Пятая графа столицы // Литературная Россия. 2012. № 11. С. 9.

считаться соответственно французами, немцами или англичанами, И. Панин недоумевает: «Вот у них Дюма со своей черной четвертинкой — француз. А у нас Пушкин с $\frac{1}{8}$ африканской крови — непременно негр! И это при том, что в нем еще и $\frac{1}{8}$ немецкой крови (а $\frac{6}{8}$, или оставшиеся 75 % русской...) <...> Между прочим, — продолжает Панин, — по нюрнбергским расовым законам граждане Германии, имевшие $\frac{1}{4}$ еврейской крови, евреями таки не считались. Но то, до чего не додумались даже национал-социалисты, спокойненько так воплотили в жизнь либерально настроенные интеллигенты-антифашисты... Как видим, те, кто выступает против того, чтобы им замеряли черепа, сами активно проделывают это с русскими писателями. Вьедливо подсчитывают проценты крови, составляют какие-то списки...». По мнению Панина, «здесь не просто какое-то недоумение, это целая идеология», не глупость, «а вполне целенаправленные антирусские акции. Приятно же лишний раз напомнить русачкам, что нет у них ничего своего, что в этой стране все создано пришлыми. Тут хлебом не корми — дай поглумиться»¹.

К критикуемым И. Паниным взглядам, как ни парадоксально, оказалась близка еще одна, все громче заявляющая о себе в последние годы «либеральная концепция». Согласно ей, русской нации как таковой... вообще не существует².

«Почему вы всё время говорите о России как стране русских? Русские, нет вас!» — заявила как о чем-то само собой разумеющемся телеведущая Тина Канделаки, вызвав бурное обсуждение этих своих слов в Интернете в 2011 г.³. Но апофеозом кампании по «доказательству» этой точки зрения явилась телепередача «НТВшники», показанная на одноименном канале в самом конце 2011 г. Ведущую роль в ней играл журналист Павел Лобков, а лейтмотивом ернических и эпатажных выступлений участников программы стало утверждение, что у русских ничего «своего» нет, всё заимствовано от других народов — и словарный запас, и архитектура, и музыка, и национальный костюм, и кухня... В том же духе выступил и представитель Министерства образования РФ В. К. Бацын, заявивший, что «вообще

---

¹ Панин И. А был ли Пушкин негром? // Литературная газета. 2013. № 23. С. 4.

² Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Указ. соч. С. 323.

³ URL: http://vk.com/video77247240_170326508

у русских не было никогда ни своей истории, ни языка, ни своей музыки»¹ Опровержения этой «системы доказательств» в печати не заставили себя ждать², но дело здесь не в аргументации НТВшников и Ко, а в самом их подходе к избранной теме: П. Лобков и его единомышленники, похоже, хотели убедить телезрителей, что лишь тем, кто называет себя русскими, были свойственны (надо полагать, в силу этнической неполноценности) культурно-бытовые заимствования от соседей, а все остальные («нормальные») народы развивались на исключительно самобытной основе...

В этой связи вполне закономерно недоумение Н. Ф. Бугая: «Кому и с какой целью необходимо выяснять в современных условиях вопрос, кто такие русские, утверждать о том, что вообще не существует такой нации, что она носит собирательный характер, и не возникает вопросов в таком же плане применительно к другим нациям?..»³

Ответом на подобные вопросы могут служить слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Очень часто те, кто отрицает наши святыни и ценности, переносят свои чувства и на русский народ, являющийся главным творцом нашей цивилизации, носителем ее идеалов. Эти силы словно пытаются поддержать всё, что может его ослабить, разделить, мировоззренчески и морально дезориентировать»⁴.

***

В своем стремлении «дерусифицировать русскую нацию» иные идеологи радикального либерализма идут гораздо дальше «отцов-основателей» первого в мире социалистического государства. Наряду с четко выраженным стремлением одних представителей либерального лагеря «переплавить» русский народ в денационализированное, утратившее этническое самосознание и представление о своих корнях месиво, другие взяли курс на раздробление «великодержавной нации» на максимальное

---

¹ Бугай Н. Метеоролог, историк: штрихи к портрету. Воспоминания. М., 2017. С. 331–332.

² См., например: Зорин Б. Русофобщики // Литературная газета. 2011. № 52. С. 10.

³ Бугай Н. Ф. Национальная политика России... С. 277.

⁴ Цит. по: Разрешить русский вопрос // Литературная газета. 2013. № 44. С. 1.

количество «отдельных», «самостоятельных» этносов, оптом наделяя таким статусом не только субэтнические (этнографические) группы русского народа, но и жителей ряда традиционно великорусских областей.

Результаты этих усилий налицо. Так, за Уралом с каждой переписью населения увеличивается число лиц, причисляющих себя к «сибирскому этносу» (теперь ведь, по российскому законодательству, каждый вправе произвольно определять свою национальную принадлежность). Еще недавно они считали себя русскими, но теперь быть «сибиряком» — это для молодежи стало просто «прикольно», а для представителей более солидного возраста в последнее время усиленно разрабатываются «научные» теории, коими пытаются обосновать «коренное отличие» сибиряков от «москалей»¹.

По данным социологических опросов, проведенных в 2006 г. в Иркутске и Братске, на вопрос «кем вы себя считаете — россиянином или сибиряком?» 80 % респондентов ответили: «сибиряком», а 25 % высказались за государственную независимость Сибири². Дальше — больше. В январе 2012 г. появилось сообщение, что общественным движением «Областническая альтернатива Сибири» для студентов 5-го курса Сибирско-Американского факультета Иркутского госуниверситета был организован семинар на тему «Моделирование экономики государства Сибирь»³. А в 2013 г. в соцсети Facebook была создана группа «Проведение референдума по присоединению Сибири к США» и выражалась уверенность, что «Сибирь будет освобождена сибиряками с помощью США от российской оккупации». Комментируя это событие, Т. И. Хорхордина пишет: «Пока заявления нынешних необластников не идут дальше слов. Однако их информационные атаки умножаются. Нельзя исключать, что их количество вполне может перерасти в качество»⁴.

Не последнюю роль в культивировании сибирского сепаратизма играют некоторые историки, в частности — Д. Н. Верхотуров, утверждающий, что право Сибири на выделение из состава

---

¹ См. публикацию В. Антипина в «Русском репортере» (2011. № 7).

² Хорхордина Т. И. Сибирское областничество как зеркало кризисов российской государственности // Исторические записки. М., 2014. [Вып.] 15. С. 215.

³ URL: <http://www.km/ru/v-rossi/2012/01/01>

⁴ Хорхордина Т. И. Указ. соч. С. 228.

России является неотъемлемым для сибиряков. Его сочинения, написанные в жанре псевдоисторического пасквиля и в свое время восторженно встреченные чеченскими сепаратистами (на сайте «Кавказ-Центр»), получили достойную оценку в книге К. Ю. Резникова, учившего Верхотурова в откровенной лжи, прямых подлогах и русофобии¹. Там же подробно рассматривается проблема сибирского сепаратизма в целом. О том, насколько она стала серьезной, можно судить по материалам и в периодике, и в Интернете, и на телевидении². Приводимые сепаратистами «научные» обоснования выделения из русского народа «сибирского этноса» или, на худой конец, субэтноса («особый сибирский язык», «смешение в одном человеке самых разных национальностей» и т. п.) не выдерживают, конечно, никакой критики, и об этом у нас еще пойдет речь, а вот социально-экономические причины этого явления очевидны. И это не только потеря «северных» надбавок и льгот: съездить в Китай или США для сибиряка часто оказывается дешевле, чем посетить Европейскую Россию. «Рвущиеся связи — транспортные, почтовые, социальные — подогревают сепаратистские идеи», — пишет Александр Калинин³. Он считает, что «государству нельзя было допускать бесконтрольную коммерциализацию таких социально значимых отраслей, к тому же отраслей-монополистов, как транспорт, энергетика, связь» и, безусловно, прав, но анализ этих проблем выходит за рамки нашего исследования.

Теми же причинами, по-видимому, можно отчасти объяснить и возникновение «уральского сепаратизма. Но он во многом превзошел сепаратизм сибирский, ибо «Уральская республика», провозглашенная в 1993 г. губернатором Свердловской области Э. Росселем, на несколько месяцев стала реальностью, даже обзавелась собственной валютой и стала втягивать в зону своего

---

¹ Резников К. Ю. Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири. М., 2012. С. 422, 429–430, 432.

² Подборку материалов о современном сибирском сепаратизме см также: Старостенко Г. Отделение Сибири? // Литературная газета. 2011. № 16–17. С. 3; Сибирское отделение // Там же. 2012. № 18–19. С. 2; Почему Сибирь хочет отделиться от России // Мир новостей. 2012. № 36. С. 24–25; Табаринцев-Романов С. Сибирский сепаратизм в разы сильнее кавказского // URL: <http://pakanune.ru>articles/15366/> (05.04.2011). Яркий репортаж на ту же тему был показан в программе Анны Прохоровой «В центре событий» на канале ТВЦ 19.02.2012.

³ Калинин А. Негодные скрепы // Литературная газета. 2013. № 40. С. 14.

влияния управленческую элиту соседних областей не только Урала, но и той же Сибири. Активные сторонники реализации этого «проекта» здравствуют и поныне, открыто обсуждают вопросы о «новых территориальных границах» планируемого детища, о «комплектовании уральской республиканской армии» и т. д.¹

Сложнее объяснить причины сепаратизма в «коренной России», а он в ней обозначился, судя по данным СМИ, даже раньше, чем на Урале и в Сибири.

...22 октября 1992 г. в газете «Московский комсомолец» появился обширный материал с характерным заголовком — «Кривич». Посвящен он был главе парламентской фракции «Радикальные демократы» С. Юшенкову и знакомил читателей с его программой политического реформирования России. Планируемые им преобразования обосновывались следующим образом: «Тверь была самостоятельной, Владимир — независимым княжеством, Новгород — независимым народоправством... Отчего сегодня у этих земель нет своей государственности?.. Платон полагал идеальным государство с ограниченной территорией и 10-тысячным населением... У голландца больше шансов выбиться в послы, или министры, или в национальную футбольную команду. И московская, и питерская, и тамбовская земля могли бы не только завязать собственный клубок связей с внешним миром, но и скорее лечить внутренние недуги, порожденные большим скопищем людей».

После этих откровений уже не приходилось удивляться тому, как представил себя неделю спустя (28.10.92) телезрителям московского канала один из ведущих сотрудников «Московского комсомольца» главный карикатурист А. Меринов: «Я русскоязычное лицо московской национальности». А известный в прошлом либеральный политик, советник президента Ельцина по национальным (!) вопросам Г. В. Старовойтова, получившая от своих оппонентов титул «стратега раскола России»², настаивала на существовании особого «петербургского этноса» — на том основании, что у петербуржцев-де свой менталитет, в корне отличный от московского. Аргумент, конечно,

---

¹ *Крюков Э.* Об одном юбилее... Уральская республика и ее наследники // Суть времени. 2013. № 13. С. 15.

² *День.* 1992. № 52. С. 7 (мнение писателя В. Личутина).

«сильный», а подход к проблеме — весьма «перспективный». Ведь если придерживаться этой логики, то, исходя из пословицы «что город, то норы, что деревня, то обычай», количество «этносов» в России можно будет исчислять тысячами...

Несмотря на абсурдность подобных идей, они широко разошлись по стране и, в частности воплотились в «движение ингерманландцев», получившее распространение в Петербурге и Ленинградской области. Его сторонники не имеют генетических связей с коренным (финноязычным) населением этих мест, ставших российскими в XVIII в., но стремятся в качестве граждан «свободной Ингрии» двигаться в Европу вместе со всеми петербуржцами, считающими себя европейцами. Историк и публицист Григорий Миронов назвал идеологию таких «самостийников» самой абсурдной из всех возможных концепций, придуманных для разделения русского народа¹, и с этим трудно не согласиться.

«Ингерманландскую» логику, видимо, взяли на вооружение и поборники «калининградской идентичности». Казалось бы, если в анклав Российской Федерации, возникшем на территории бывшей Восточной Пруссии всего лишь после Второй мировой войны, абсолютное большинство населения составляют русские, съехавшиеся из разных концов страны, то о какой этнической специфике региона может идти речь? Однако, как пишет доктор исторических наук профессор В. Н. Шульгин, «у нас в университете на историческом факультете бывшие спецы по истории КПСС теперь занимаются “проблемой калининградской идентичности”, убеждая, что здесь “русские уже не те”, что в Курске и Тамбове»². Шульгин уже давно пытается обратить внимание власть предержащих на то, что в Калининградской области «в сознание университетской и иной молодежи вносятся бациллы сепаратизма, чувство гордыни и превознесения над русским народом под предлогом, что мы здесь “уже другие”, “лучшие”», в результате чего «ширится, развивается заболевание по имени калининградский сепаратизм»³. Результатов эти обращения не имеют, и «под убаюкивающие мантры о “правах человека”

---

¹ *Миронов Г.* Выдуманные «национальности»: казаки, сибиряки, ингерманландцы и все-все-все // URL: <http://sputnikipogrom.com>

² *Шульгин В.* Безглавцы во главе // Литературная газета. 2011. № 30. С. 11.

³ *Он же.* Болезнь «идентификаторов» // Там же. 2013. № 5. С. 9.

осуществляется, по сути, дерусификация некоторых калининградских учреждений образования и культуры, изменение взглядов и устремлений молодежи. Методично акцентируется внимание на «региональных особенностях», упоминается благотворность «немецкого наследия» с целью превратить местных русских в представителей нового этноса или субэтноса...»¹.

Если «региональный сепаратизм» столь успешно взращивается на «пустом месте», без серьезных исторических, этнологических и культурологических оснований, то там, где для создания «новой этнической идентичности» есть хоть какая-то реальная зацепка, «дерусификация русских» приобретает гораздо больший размах и самые изощренные формы. И наглядным тому примером стала «поморская проблема».

В традиционном, основанном на научных данных представлении, поморы — это жители побережья Белого и Баренцева морей, ведущие начало от древних новгородских переселенцев, жившие морскими промыслами и давшие России немало выдающихся первопроходцев. Они, естественно, имели свои особенности материальной и духовной культуры, обусловленные спецификой хозяйственного уклада и географического положения, и ученый мир вполне обоснованно идентифицировал поморов как историко-культурную (или территориально-культурную), этнографическую группу (субэтнос) русского народа². Но грянула «Перестройка», и ситуация коренным образом изменилась. Все большую силу стало набирать движение, ставящее своей целью добиться признания поморов «коренным народом Севера», не связанным с русскими ни генетически, ни ментально.

Суть этой «концепции» такова. Поморы по своему происхождению не славяне, не русские, а финно-угорский этнос, подвергавшийся жестокой эксплуатации и ассимиляции со стороны «москалей», которые его завоевали, давили, но до конца так и не подавили, и теперь он, наконец, получил возможность возродиться. Ареал расселения поморов при этом безмерно расширяется — либо на весь Север РФ вплоть до Урала, либо «всего лишь» на всю Архангельскую область. Делается упор на давние

---

¹ Шульгин В. Чужие флаги на наших башнях // Там же. 2016. № 12. С. 3.

² Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. I. С. 145; Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. с. 80; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 59.

и дружественные поморо-норвежские связи, которые надо-де возродить и всячески укреплять.

С научной точки зрения, эта «концепция», конечно же, не выдерживает критики, ибо не только не подтверждается историческими источниками, данными этнографии и фольклора, но решительно противоречит им. Однако такие «мелочи» не смущают адептов «поморской идентичности». Ими вынашиваются планы создания «Поморской республики», причем в начале 1990-х в Архангельске были популярны разговоры о возможности ее отделении от России. Они, правда, быстро увяли, но зато стал деятельно создаваться («воссоздаваться») «поморский язык» — как «самостоятельный язык отдельного народа» — и уже выпущен «Словарь поморского языка». Регулярно проводятся «Межрегиональные съезды поморов». Активно разрабатывается методика «поморской этнической педагогики», направленной на «пробуждение у ребенка этнического самосознания через постижение особенностей поморского характера», и школьникам региона исподволь внушается, что они не русские.

И эти усилия не пропадают даром. В ходе общероссийской переписи населения в 2002 г. национальность «помор» указал 6571 человек, но потенциально таковых было гораздо больше: стало известно, что многие жители Архангельской области «слишком поздно узнали» о легальной возможности такой идентификации и впоследствии горько сожалели, что не воспользовались ею. В 2004 г. была официально зарегистрирована «Архангельская областная община коренного малочисленного народа поморов». Словом, исходящие «сверху» инициативы по созданию на севере России нового («поморского») этноса находят явную поддержку «снизу». Однако ее причины вряд ли следует искать во внезапно пробудившемся у северян «этническом самосознании», отторгающем русскую идентичность. Всё прозаичнее: быть русским в России часто просто не выгодно.

Дело в том, что в ходе «либеральных реформ», русское население Архангельской области лишилось прежних прав заниматься традиционными морскими промыслами, а также было сильно ограничено в лесопользовании, и это ставило поморские селения на грань выживания. И поскольку обитающие по соседству саамы и ненцы — как «малые народы Севера» — не только сохраняли права на преимущественное использование природных ресурсов, но и получали от государства дополнительные

выплаты и компенсации, добиться от властей такого же статуса, превратившись в «особый этнос», стало заветным желанием многих поморов. То есть «семена сепаратизма» упали на хорошо подготовленную почву...

Примечательно, что инициаторами и организаторами борьбы за «поморскую идентичность» явились преимущественно лица, не связанные с настоящими поморами ни происхождением, ни местом жительства. Это были главным образом преподаватели местных ВУЗов, не блещущие, мягко говоря, познаниями в области истории и этнологии, но пользовавшиеся покровительством архангельской администрации и ощутимой поддержкой (как моральной, так и материальной) «арктических стран» и прежде всего — Норвегии. А в Москве их деятельность встретила полное одобрение «правозащитников» и ряда видных деятелей «несистемной» («белоленточной») оппозиции...¹

Причины такой поддержки лежат на поверхности. По словам А. С. Ципко, либералы начала 1990-х гг. были убеждены, «что и русское православие, и русское государственничество, и русские духовные ценности несовместимы с идеей демократии и свободы личности»². И, видимо, потому в те времена, как заметил писатель И. Волгин, считалось «быть сепаратистом почетно, быть государственнымником ретроградно»³. В 1990-е гг., пишет академик В. С. Степин, «идея целостности государства стала отождествляться с идеей тоталитаризма», и сразу же у «радикально настроенной интеллигенции» получала «идеологическую оценку как “шовинизм” и “имперские амбиции”»⁴. Но с тех пор взгляды большинства представителей нашей «радикал-демократии» по

---

¹ О «поморском сепаратизме» см.: *Тулаева С. А.* Поморская идея: возникновение и развитие // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 4. С. 3–17; Поморы заявили о себе как об отдельном народе, губернатор Архангельска поддержал инициативу // *Права народов*. Информационно-правозащитный портал: URL: <http://www.peoples-rights.info>; *Семушин Д.* «Постепенно ты становишься помором»: как «мягкая сила» Норвегии ломает этническое самосознание русских на Русском Севере: URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1663940.html>; *он же* «Поморский вопрос» и Русская Арктика. М., 2013; *он же*. Мифы и бренды // *Литературная газета*. 2013. № 29. С. 12; *Некрасов С.* «Великий помор Ломоносов» // Там же.

² *Ципко А.* Указ. соч. С. 3.

³ Комсомольская правда. 26.11.91.

⁴ *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб, 2011. С. 363–364.

«русскому вопросу» не претерпели принципиальных изменений, а лишь находили всё новых и новых сторонников.

Так, А. А. Широпаев — поэт, публицист, позиционирующий себя как идеолог «западного» пути развития, предлагает русским «стать новым народом». Для этого, по Широпаеву, надо «прежде всего снять ментальную установку на “великую страну” с центром в Москве» и пойти на «создание в составе федерации нескольких, предположительно семи русских республик на основе регионального и субэтнического самосознания». Широпаев допускает, что «в перспективе это приведет к возникновению даже нескольких русских политических наций», но, по его мнению, такое решение «русского вопроса» будет иметь сугубо позитивные последствия, поскольку предполагает «развитие и укрепление либеральной демократии и гражданского общества», означая «западный цивилизационный выбор», который и поможет нам «стать достойной частью цивилизованного мира»¹.

Однако большинству публичных поборников «западного пути» свойственны гораздо более радикальные (и более откровенные) взгляды на способы решения «русского вопроса». Так, Валерия Новодворская будущее России связывала «со снижением тотальной мощи государства, с дальнейшей дезинтеграцией территории» и с образованием на месте России множества небольших государств, в которых «национал-патриотам» станет негде «разгуляться» и которые будут легче поворачиваться «к солнцу мондиализма»².

«Я, честно говоря, не вижу особой проблемы, если Россия разделится по Уральскому хребту», — заявила Евгения Альбац³. Не видит ничего страшного в разделе России на части и Юлия Латынина: она уверена, что тогда «в некотором количестве частей России началась бы нормальная жизнь»⁴.

Дмитрий Быков призывает россиян «привыкать жить с независимым Кавказом, независимой Сибирью, независимым Дальним Востоком», а Олег Кашин видит «будущую великую Россию» вообще лишь в пределах «от Смоленска до Владимира»,

---

¹ Широпаев А. Стать новым народом // Литературная газета. 2012. № 52. С. 3.

² Цит. по: Вдовин А. И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. 2-е изд. М., 1996. С. 178.

³ Эхо Москвы, 15 октября 2013 г. Передача «Особое мнение».

⁴ URL: <http://www.echo.msk.ru>. 24 мая 2010.

и уже воспринимает как «потенциально новые столицы других государств», такие города как Новосибирск, Екатеринбург, Омск...¹

Валерий Панюшкин убежден, что «всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие води, хантов или аварцев»².

А в апреле 2018 г. в Вильнюсе на очередном форуме движения «Свободная России», объединяющем столпы российского либерализма из «несистемной оппозиции», вопрос о будущем расчленении нашей страны уже рассматривался как нечто очевидное и не подлежащее сомнению. Правда, единого подхода к идеологическому обоснованию и путям реализации этого «проекта» выработано не было. Гарри Каспаров призывал «демократически настроенных россиян» отнести к нему с пониманием и ссылался на примеры из новейшей истории: дважды — в 1917 и 1991 гг. — крушение авторитарного режима в России сопровождалось ее разрушением, а потому во имя нового торжества демократии надо-де быть готовыми опять принести свою страну в жертву. А вот Аркадий Бабченко в своей реплике относительно уготованного России будущего был более конкретен и циничен: «Для меня самым оптимальным вариантом на месте этого гигантского кровавого монстра было бы 10 удельных княжеств, которые занимались бы внутренними разборками, которые бы там воевали друг с другом, а дальше, за поребрик, больше бы не лезли. Вот меня бы это устроило вполне. После этого я бы закончил свою оппозиционную военно-корреспондентскую деятельность...»³.

Подобные высказывания, конечно, не остаются без соответствующей реакции со стороны противников «радикального либерализма». Например, известный радио- и телеведущий В. Р. Соловьёв весьма резко отозвался о взглядах как Альфреда Коха (одного из наших главных «приватизаторов», председателя

---

¹ Цит. по: *Понцов О.* Мгла или дефолт оптимизма // Литературная газета. 2013. № 6. С. 12.

² URL: <http://cycyron.livejournal.com/242875.html>

³ URL: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/04122017-radioborby-s-putinyem-ne-zhaliko-razrushit-stranu-iv-forum-svobodnoy-rossii-v-litve/> (Дата обращения: 1304. 2018).

Госкомимущества и заместителя председателя правительства РФ при Б. Ельцине), так и его единомышленников. «Кох в 90-е с ненавистью писал, с пренебрежением — о роли России, что вообще надо [ее] раздробить на несколько государств и успокоиться... Большинство псевдолиберальной элиты заражено этой “палочкой Коха”», — заявил В. Р. Соловьёв в одной из своих передач¹.

«Коллективный портрет» таких «зараженных» нарисовал О. М. Попцов — видный журналист, писатель, успешный общественно-политический деятель «ельцинской эпохи» (известный прежде всего как «создатель нового российского телевидения») и — представитель *меньшинства* нашей либеральной элиты. Проанализировав полученную картину, он пришел к следующему заключению: «Господин Бжезинский (бывший госсекретарь США — *Н. Н.*) — хорошо информированный человек, и его предложения о расчленении России на четырнадцать самостоятельных государств неслучайны. Чтобы усилить Америку, надо ослабить Россию, а для этого следует запустить разрушающий вирус сепаратизма <...> Что ж, можно поздравить г-на Бжезинского: он обрел послушных учеников на территории России»².

Разброс мнений по «русскому вопросу» в различных лагерях российской интеллигенции порой привлекает внимание и академического сообщества. Один из его представителей — крупный философ, академик РАН В. С. Степин — в связи с призывами радикально настроенных либералов расчленить РФ на несколько десятков маленьких «демократических» государств, задает закономерный вопрос: почему ратующие за такое расчленение уверены, что оно приведет к возникновению множества Швейцарий и Монако, а не Карабахов и Приднестровий?..³

Подведем и мы некоторые итоги наших наблюдений. Вряд ли сторонники превращения России в конгломерат мелких «суверенных» государств настолько наивны, чтобы всерьез рассчитывать на получение в них министерских портфелей, и вряд ли идеологов распада России вообще интересуют судьбы тех, кто при реализации сепаратистских идей окажутся гражданами «новых независимых республик». Судя по всему, главное в этих

---

¹ Вести FM. 4 марта 2015 г. Передача «Полный контакт».

² Попцов О. Указ. соч. С. 12.

³ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 363.

планах — желание поскорее, любой ценой покончить с «русским великодержавным шовинизмом» (вспомним В. Новодворскую): не будет «великой державы», не будет и производного от нее «изма», а раздробление сил «идейного противника» облегчит радикальную «либерализацию всей страны». Трудно ведь, согласитесь, одним махом «реформировать» такую громадину, как Россия, куда легче — «демократизировать» ее по частям (именно так, вспомнив известную притчу «о венике», объяснял свое желание поскорее развалить Россию один из молодых «либералов» на Ленинградском ТВ 8 августа 1991 г.). И разделение русского народа на несколько «самостоятельных этносов» было бы для такого рода «реформаторов» весьма кстати. Что же касается России, то сама по себе она не является для нашей «радикал-демократии» самостоятельной ценностью, как не являлась ею столетие назад и для нашей «социал-демократии»...

***

Вспоминается фильм Веры Кузьминой «Убить русского в себе», впервые показанный на ТВЦ 11 ноября 2009 г. В нем речь шла о применении к нашей стране «стратегии анаконды», предусматривающей отеснение России от морей и «переваривание» ее по частям, «создавая» на российской территории всё новые и новые «этносы». Зарубежных разработчиков такой доктрины, видимо, вдохновляет успешная реализация «украинского проекта». Но мы не будем вдаваться во внешнеполитические аспекты проблемы — давно уже не скрываемую нашими зарубежными (прежде всего западными) «партнерами» заинтересованность в раздроблении России. И не только потому, что это особая и давно обсуждаемая в СМИ тема¹. Какие бы планы «коварный» Запад (или Восток) ни вынашивал в отношении нашей страны, они не будут иметь успеха без их совпадения с настроением *внутри* российского общества.

Вернемся к казачеству (которое, кстати, согласно принятому Конгрессом США в 1956 г. закону 86-90, считается на Западе одним из «порабощенных» Россией народов)². Поскольку сепаратистские

---

¹ См., например: URL: http://www.km.ru/v-rossii/2012/01...sibir-ot-rossii;www.memoid.ru/node/Prognozy_o_territorial'nom_raspade_postsovetskoj_Rossii; Резников К. Ю. Указ. соч. С. 436–439.

² Казачий словарь-справочник. Т. 2. С. 205.

идеи появились в его среде задолго до 1917 г. и практически полностью были реализованы в годы Гражданской войны, оно в условиях «новой», «демократической» реальности стало желанным объектом для политических манипуляций и спекуляций идеологов расчленения России.

Правда, в конце 1980-х и начале 1990-х гг. «либеральная общественность» встретила «возрождение казачества» настороженно и даже враждебно. Надевших старинную форму казачьих активистов называли и «ряжеными», и «потомками поработителей», и «шовинистами», и «темной силой». Напоминали о «казачьих нагайках», предрекали в качестве ответной реакции «рост межнациональной напряженности»¹. Вопросали: «Кому выгодно возрождение казачества, которое всегда было опорой правящего режима?»²

Враждебное отношение к казачеству было характерно еще для либеральных и социал-демократических кругов дореволюционной России и ставилось им в вину казаками-эмигрантами в 1920-х гг.³ Аналогичной была реакция на антиказачьи выпады и со стороны активистов «казачьего возрождения» в 1990-х гг.⁴ Но вскоре в публичных комментариях либералов по «казачьему вопросу» возобладала иная, вполне комплиментарная тональность, и именно солидные «демократические» издания стали главной трибуной для «озвучивания» на всю страну идей о казачестве как особом, отличном от русского народа этносе. В одном хоре с ними, несмотря на давнюю неприязнь к казачеству (как «проводнику колониальной политики»), оказались и сепаратисты ряда северокавказских республик, тоже решившие разыграть «казачью карту». Так, чеченский лидер Джохар Дудаев пытался привлечь казаков на защиту «независимой Ичкерии», противопоставляя

---

¹ Московские новости. 1991. № 21 (*Б. Сарнов*); Сибирская газета. 1992. № 16 (*Г. Фрид*); Мегаполис-экспресс. 20.01.93. (*В. Волин*); Независимая газета. 02.02.1993. (*Л. Минасян*); Литературная газета. 1996. № 12 (*Р. Самарбаев*); Московский комсомолец. 1996. № 16 (*Г. Маштакова*).

² *Цыванов А.* Возрождение для..? // Казачий караул. Приложение к окружной газете «Пограничник Забайкалья». 1991. № 24.

³ *Скачков П. А.* «О казачестве» // Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 258–259.

⁴ *Ткаченко П.* «Политклуб» в папахе? // Наш современник. 1992. № 3. С. 149; *Щипанцев А.* Потомки Ермака: какие они? // Домострой. 1992. № 16. С. 13. См. также: Казачий караул. Приложение к окружной газете «Пограничник Забайкалья». 1991. № 24 (выступление забайкальского атамана *С. Димова*).

их России и русскому народу¹. А старейший российский журнал «Вокруг света» даже опустил до дешевой подначки по поводу многовековой службы казаков государству Российскому: в опубликованной на его страницах статье М. Аджиева служба эта (традиционно являвшаяся у казаков предметом особой гордости) была названа ...«лакейской» («лакейской жизнью живут — который уж век в услужении... Даже имя как народ потеряли! Слуги же»)².

Логическим завершением этих пропагандистских акций стали заявления лидера «Партии народной свободы» (ПАРНАС) Михаила Касьянова в ходе предвыборной кампании (в Госдуме) в сентябре 2016 г. Бывший премьер-министр Российской Федерации, выразив свою солидарность с нынешними почитателями Петра Краснова и других казачьих коллаборационистов, воевавших на стороне Гитлера, призвал добиваться «признания казаков отдельным народом»³.

Как после всего этого не считать политику «грязным делом»?..

Вспоминается в этой связи позиция известного лидера «белого движения» генерала А. И. Деникина. В отличие от генерала Краснова, он категорически отказался от сотрудничества с немцами, а в 1928 г. говорил, что идеи «о “самостоятельной казачьей нации” рождались у людей скорбноголовых или с продажной совестью...»⁴

И воистину пророческими выглядят относящиеся к тому же времени слова бывшего командира 5-го Уральского казачьего полка генерала Н. Н. Шипова: «Будущность казачества тесно связана с будущностью всей России... Человечество всего мира считается только с силой. Только единая, сильная Россия может рассчитывать на самостоятельную будущность для отстаивания своих национальных интересов. Не жить казакам без России и России без казаков, крепкий кулак сильнее отдельных пальцев. Льстивые ухаживания иностранцев за отдельными народностями,

---

¹ Маркедонов С. Российское неказачество. Поиски «золотого века» // Знамя. 2001. № 9. С. 214–218; Бугай Н. Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). Исторический экскурс. М., 2015. С. 170–171.

² Вокруг света. 1992. № 4–6. С. 51.

³ URL: http://maxpark.com/Русский_мир/content/5432692; vk.com/wall-92700616_18059; ok.ru/eurasiadaily/topic/65878847829334

⁴ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 32.

населяющими Россию, резко сменились бы снисходительным пренебрежением к ним, в случае отделения их от России, как не представляющим из себя сколько-нибудь значительной мировой силы»¹.

8. Псевдонаучные теории в научных трудах как примета нашего времени

Жирную точку в затянувшемся споре об этнической природе казачества могла бы поставить все более уверенно заявляющая о себе наука — ДНК генеалогия («популяционная генетика»). Проведенные по ее методике выборочные исследования не выявили сколько-нибудь существенных различий между казачьим населением и жителями центральных областей России, подтвердив сделанные ранее выводы антропологов (см. выше), что дает ученым еще одно основание утверждать, что казаки не являются уникальным, отличным от русских, этносом².

Свои заключения генетики пока делают на локальном материале, но я уверен, что их не изменит и полный охват современного казачества подобными исследованиями: они не покажут принципиальных различий между ним и остальным русским населением (тоже, как известно, далеким от «этнической чистоты»). Однако я уверен и в том, что казачьих «националистов» это мало в чем убедит, ибо истина их интересует менее всего: они тогда будут в своих рассуждениях еще больше упираться на «особенности менталитета» своего «народа», как это, впрочем, давно делают другие «русские сепаратисты» — от сибирских до питерских и калининградских — и станут «разрабатывать» такие определения понятия «этнос», которые полностью исключили бы его

---

¹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 73.

² Юрченко И. Ю. Казаки — тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М. Э.)) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С. 68–69; Куклев Ю. М. Феномен казачества: историко-социальные и этнические аспекты формирования правового статуса. М., 2015. С. 187; Бражник А. Национальность и происхождение донских казаков: что говорит генетика // URL: <http://zen.yandex.ru; cyrillitsa.ru> (дата обращения 22.05.2020).

важнейшую составляющую — общность происхождения. Или же пойдут по пути своих идейных предшественников из числа тех эмигрантов-«казакийцев», которые заявляли, что «сам по себе факт происхождения казачества от русского народа самостоятельному (самостийному) бытию казачества помешать не может. В конце концов, когда-то существовал единый славянский народ»¹. Будут бесконечно муссировать «феномен казачьего самосознания» и вытекающее из нынешнего законодательства право каждого свободно (т. е. произвольно) определять свою национальную принадлежность, а также простенький постулат, согласно которому «если входящие в ту или иную общность люди осознают свое единство и отличие от других таких же объединений людей, то данная историко-этническая общность превращается в этнос»².

Иного трудно ожидать от политически ангажированных дилетантов. Но им на помощь в этом вопросе уже готовы прийти и некоторые представители научного сообщества. Так, наши коллеги из Ингушского университета и Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований И. М. Сампиев, С. И. Аккиева и Р. К. Касымханов, узнав из указанной выше статьи И. Ю. Юрченко о генетических исследованиях населения Северного Кавказа, сразу же выразили недоверие к их результатам, заявив, что «трактовка полевых генетических изысканий относительно ранней казачьей истории не имеет практической ценности, так как образцы для анализа были взяты у современных жителей Южного федерального округа. В идеале для подобного эксперимента нужно было найти круг лиц, в отношении которых можно было быть уверенными, что они потомки ранних казаков 16 века. Это на сегодня является проблематичным»³.

То обстоятельство, что к «эксперименту» привлекались не просто «жители» региона, а лишь те из них, кто являлся казаками в нескольких поколениях, И. М. Сампиевым, С. И. Аккиевой и Р. К. Касымхановым игнорируется или не имеет для них

---

¹ Цит. по: *Степанченко В. И.* Взгляды казаков зарубежья XX века на историю и цели казачества // *Сибирское казачество: история и современность.* Омск, 2011. С. 23.

² *Никитин В. Ф.* Казачество... С. 518.

³ *Сампиев И. М., Аккиева С. И., Касымханов Р. К.* К вопросу о казачьей идентификации и самоидентификации // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 2–3. С. 9–10.

значения — им обязательно XVI век подавай (когда общая численность казачества не превышала нескольких тысяч человек)! Но ведь главная цель отвергаемых ими исследований — определить не то, кто был самым первым казаком в мире, а что из себя представляет в этническом плане *современное* казачество. И разве для этого принципиально важно, когда предки того или иного казака поселились на Дону, Яике-Урале или Тереке — в XVI, XVII, XVIII или даже XIX веке?..

Нельзя в этой связи пройти мимо того прискорбного факта, что мифологизированная история казачества в последнее время занимает всё более прочные позиции в *большой науке*, причем нередко преподносится в качестве последнего ее достижения. Так, в монографии кандидата политических наук А. Е. Мохова, остановившегося на двух концепциях происхождения казачества, читаем: «На современном уровне знаний (во время, когда социальная наука постепенно освобождается от идеологических шор) становится очевидным, что эти концепции уже не противоречат, а дополняют друг друга, но лишь с той разницей, что одна из концепций (переселенческого движения, вызванного социальными конфликтами) в свете данных современной науки оказывается вспомогательной, вторичной, а другая (автохтонного происхождения) — ведущей, первичной»¹.

На труды каких же представителей «современной науки» опирается в своем заключении А. Е. Мохов? Судя по сноскам — это советский исследователь Н. М. Волынкин (1949 г.), упоминавшийся выше донской «автономист» Е. П. Савельев (1915–1916 гг.), историк-любитель из числа «белоэмигрантов» А. А. Гордеев и авторы-составители «казачьего словаря-справочника», изданного в США в 1966–1970 гг. О них у нас уже шла речь выше...

Далеких от науки взглядов на происхождение и социальную природу сибирского казачества придерживаются и некоторые культурологи. Так, Л. В. Дмитриева осуждает «доминирующую в советской историографии официальную теорию, согласно которой предками казачества являлись вольнолюбивые русские люди» (ибо она-де «не может претендовать на полноту и законченность выражения»). Исследовательница, похоже, нашла эту «полноту» и «законченность» во все тех же широко распространенных ныне псевдонаучных, мифологизированных «теориях»,

---

¹ Мохов А. Е. Казачество и Российское государство. М., С. 18–19.

выводящих казачество из арийской конницы, из былинных богатырей Древней Руси и тому подобных этно-и социокультурных образований¹.

Игнорирование серьезных, профессионально выполненных работ по ранней истории казачества и доверие к сочинениям политически ангажированных дилетантов почему-то вообще присуще нашим культурологам, обращающимся к казачьей проблематике. Е. М. Бородина — еще один культуролог-сибиревед — в своей кандидатской диссертации, посвященной изучению традиционной культуры казачества Западной Сибири, без колебаний присоединяется к мнению авторов тех легковесных работ, которые выводят предков казаков из хазар, печенегов, половцев. Вслед за упоминавшемся выше московским культурологом И. Г. Яковенко она призывает «отбросить расхожую версию, согласно которой казачество будто бы создали выходцы из русских княжеств», и подкрепляет этот призыв ссылками на сочинения дилетантов — таких, как тоже не раз упоминавшиеся «донской автономист» Е. П. Савельев, историк-любитель из числа эмигрантов А. А. Гордеев (почему-то названный ею «известным ученым») или священники А. М. и В. М. Гнеденко. Поэтому и «становление российского казачества», по мнению Е. М. Бородиной, шло «первоначально как этноса, а затем как сословия... параллельно со становлением российской государственности»².

Работы доктора культурологи А. Ф. Григорьева, посвященные гребенскому казачеству, на первый взгляд, кажутся эклектичными и противоречивыми³. Автор называет гребенских казаков «исторически возникшим и эволюционирующим субэтносом», признаёт доминирование в нем «славянской составляющей», не отрицает «участие многочисленных миграционных (рязанских, донских

---

¹ Дмитриева Л. В. Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI — начала XVIII века // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки (философия). 2005. Т. 5. № 10. С. 300.

² Бородина Е. М. Особенности традиционной культуры казачества Западной Сибири. Дис. ...канд. культурол. наук. Кемерово, 2004. С. 32–38.

³ Григорьев А. Ф. Этнокультурная идентификация гребенских казаков в контексте «вживания» в культурный ландшафт Северного Кавказа и адаптации в полиэтнической среде // Современные тенденции развития науки о образования. Международная научно-практическая конф. Сб. статей. М., 2016. С. 8–14; *он же*. Как и по каким признакам искать предков казаков? // URL: <http://politkavkaz.ru>pdf/predki-kazak.pdf> (дата обращения — 29.03. 2018).

и прочих) “волн” в его формировании и развитии» и знает, что письменные источники упоминают казаков на Тереке только с XVI в. Но вместе с тем А. Ф. Григорьев утверждает, что казачество является *коренным народом* Северного Кавказа — таким же, как и другие населяющие этот регион народы, и настаивает на его *автохтонном* происхождении.

Ссылаясь в своем исследовании как на труды серьезных, профессиональных историков, так и на дилетантские сочинения «автономистов» и «сепаратистов», А. Ф. Григорьев последним отдает явное предпочтение, воспроизводя основные положения их теорий (не согласился он лишь с «казакийцем» И. Ф. Быкадоровым, считавшим, что «доля великорусской крови» у казаков совершенно ничтожна). Отсюда и его отношение к «версии официальной русской истории, согласно которой казачество на южных окраинах России было образовано выходцами из русских княжеств, не мирившихся с тяжелым бытом русской действительности». А. Ф. Григорьев называет эту версию «искусственно принятой теорией», в то время как «концепция автохтонного происхождения казачества», якобы опирающаяся «на определенные архивные, археологические и другие источниковые материалы», по его мнению, «приобретает научно-теоретический базис».

Что это за «материалы», читателю остается неизвестным, тем не менее А. Ф. Григорьев уверяет его в «существовании казаков еще в до татаро-монгольский период», «одним из элементов этнического ядра гребенского казачества» считает «хазар-христиан», полагает что предки кавказского казачества «оттесненные волной монгольского нашествия из родных равнин, укрылись на Кавказских неприступных гребнях». Он пишет, что «есть много оснований» так полагать, но перед читателем эти «основания» тоже так и не раскрываются.

Впрочем, пытаясь «выстроить определенную цепочку этногенеза гребенцов», ряд аргументов в пользу своей теории А. Ф. Григорьев все-таки приводит. Так, он считает «одним из мощных подтверждающих факторов автохтонного происхождения гребенского казачества... сложившиеся бракородственные, куначеские, аталыческие отношения» с кавказскими народами, а также то обстоятельство, что в XIX — начале XX вв., согласно проводившимся опросам, казаки «сами себя не считали русскими» и выводили свою родословную из других племен и народов. Даже приверженность старообрядчеству, по мнению А. Ф. Григорьева,

«еще раз подтверждает древнее автохтонное происхождение гребенцов, поскольку оказавшись на периферии и за пределами территории древней Руси, они продолжали исповедовать и сохранили дохристианские верования и традиции»¹. А уверенность в своей правоте ему придают единомышленники из числа «современных молодых ученых».

Но не только политологов и культурологов теперь не устраивает «официальная версия» происхождения казачества. Кандидат филологических наук Л. И. Гаджиева (2007 г.) после ознакомления по научной и псевдонаучной литературе с различными версиями происхождения казачества пришла к такому глубокомысленному заключению: «Несмотря на проделанную огромную работу, феномен казачества до сих пор не разгадан до конца. Ни одна из различных теорий происхождения казачества на сегодняшний день не является общепризнанной. Думается, оптимален синтез двух концепций — автохтонной и миграционной»².

Довольно противоречиво выглядит позиция по «основному вопросу казачеведения» у доктора юридических наук Е. И. Дулимова. Он считает казачество субэтносом и рассматривает его «как пассионарную часть великорусского этноса с включенными в него инациональными элементами», и в то же время заявляет, что «процесс формирования казачьей общности на Дону начался на базе автохтонного населения», «осуществлявшего жизнедеятельность на основе присваивающих и добывающих технологий». По мнению Е. И. Дулимова, лишь «позднее, в XVII в. ведущую роль в этом процессе сыграли миграции беглых великоросских крестьян», вследствие чего и произошла «глубокая и широкая русификация донского автохтонного населения». В этой связи он выражает солидарность «с точкой зрения о преимущественно миграционном происхождении казачества»³, хотя ранее (за два года до защиты докторской) подобно журналисту В. И. Варенику (см. выше) заявлял, что эта «самая распространенная, классическая концепция основывалась на положении К.Маркса о происхождении казаков»,

---

¹ Григорьев А. Ф. Этнокультурная идентификация гребенских казаков... С. 11.

² Гаджиева Л. И. Указ. соч. С. 8.

³ Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв. Автореф. дис. ...д-ра юр. наук. Саратов, 2003. С. 17–18, 20–21.

и живучесть ее объяснялась невозможностью в советское время противоречить «марксистскому подходу» к проблеме¹.

Кандидат юридических наук О. И. Копанева тоже полагает, что к началу XX в российское казачество было субэтносом. И не простым, а настолько высоко развитым, что «способным даже, при определенных условиях, к превращению в самостоятельный этнос», но не превратившийся в него из-за политики большевиков. Поэтому, по мнению О. И. Копаневой «победа советской власти и рождение СССР имели роковое значение для казачьего народа»².

И. Л. Коневиченко, рассматривая вопрос о месте казачества в правовом пространстве России, остановился в своей монографии и на «основном вопросе казаковедения». Опираясь на довольно ограниченный круг работ (включая легковесные), он приходит к следующему заключению: «Начало зарождения казачества относится, по всей видимости, к рубежу XIII–XIV вв., а адекватный ответ на вопрос о происхождении казаков состоит не в выборе между различными версиями автохтонной и миграционно-колониационной теориями, а в их доброкачественном синтезе»³. «Синтезировать» же предлагается ряд положений, которые автор считает «бесспорными». «не подлежащими сомнению», имеющими под собой «серьезные основания», выглядящие «вполне обоснованными» и т. д.

На их базе И. Л. Коневиченко делает вывод, что казаки вряд ли происходят «из единого древнего корня», что группы населения, принявшие участие в образовании казачества обитали на казачьей территории «как минимум с X–XI вв., а по некоторым данным — с VI в. н. э.». Он разделяет, в частности, «мнение тех исследователей, которые относят к числу казачьих предков и половцев-кипчаков», в связи с чем (без ссылок на источник и как о твердо установленном факте) пишет о том, что «среди западных орд кипчаков преобладали светловолосые европеоиды». Но вместе с тем Коневиченко не считает возможным говорить о существовании особого «казачьего народа» ранее XV в., ибо,

---

¹ Дулимов Е. И., Цечоев В. К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001. Гл. 5.

² Копанева О. И. Казачество и российская государственность: Историко-правовой анализ. Автореф. дис. ...канд. юр. наук. СПб., 2003.

³ Коневиченко И. Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность. СПб., 2016. С. 11.

по его мнению, до этого времени только шел процесс складывания «предказачества» (или «протоказачества») и образования «протоказачьего этноса»¹. В дальнейшем, как пишет И. Л. Коневиченко, «на протяжении целых столетий автохтонные казахи предки подвергались интенсивному обрусению и христианизации» и в итоге, пройдя «в своем становлении несколько этапов развития» превратились уже во «вполне самостоятельный этнос» — казачество².

Кандидат педагогических наук Л. И. Алешин (автор изданных в 2001–2004 гг. книг «Автоматизация в библиотеке», «Безопасность в библиотеке», «Использование аудиовидеотехнических средств в библиотеке»), обратившись к ранней истории казачества, проработал, не считая публицистики, довольно большой объем литературы — и дилетантской, и научной, и научно-популярной. Одним из итогов этих изысканий стало заключение автора о начале складывания казачества не позднее X века. В целом же из прочитанной литературы Л. И. Алешин вынес убеждение, что «у сторонников любых версий происхождения казачества есть свои аргументы, зачастую не бесспорные», что «казаки — это сословие, полиэтническая общность (субэтнос) в России» и что «они, по сути, существуют примерно тысячу лет»³.

М. Г. Артамонова, избрав объектом своих социологических исследований современное казачество, не могла не задуматься и о его происхождении и изложила свои взгляды на этот вопрос в статьях электронного журнала «Наука и социальное качество»⁴. Главной опорой ее построений стали сочинения казачьих «автономистов», «сепаратистов» и эмигрантов-«казакийцев» — Е. П. Савельева, П. Н. Краснова, И. Ф. Быкадорова, Ш. Балинова, авторов-составителей не раз упоминавшегося выше «Казачьего словаря-справочника» и других политически ангажированных

---

¹ Коневиченко И. Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность. СПб., 2016. С. 12, 14, 17, 18.

² Там же. С. 11, 20, 39.

³ Алешин Л. И. На канале культура Казаки // URL: [http://laleshin.narod.ru>Kazaki.pdf](http://laleshin.narod.ru/Kazaki.pdf) (дата обращения — 07.12.2020).

⁴ Артамонова М. Г. Древние цивилизации — трансляторы протокультурных истоков казачества (Социологические проблемы исторического становления) // Наука и социальное качество. Электронный журнал. 2014. № 1. С. 166–180 (URL: <http://NaukaSK.ru>iss/iss001-15/pdf>); она же. Формирование казачьего народа (Социологические проблемы исторического становления казачьего народа) // Там же. С. 181–185.

дилетантов, которых она упоминает в одном ряду с такими корифеями отечественной историографии, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв или В. О. Ключевский. Вышедшие в последнее время труды высококвалифицированных исследователей истории казачества (Н. А. Мининкова, В. Ф. Мамонова, О. В. Матвеева, А. С. Козлова, И. О. Тюменцева, М. А. Рыбловой, О. Ю. Куца, В. И. Маркова и др.) Артамоновой полностью игнорируются (видимо, они ей неизвестны), и в то же время ею цитируется один из представителей жанра «фолк-хистори» — писатель-гипнотезер В. Кандыба¹, а легковесная (хотя и объемная), написанная без сносок работа эмигранта А. А. Гордеева причисляется к разряду «фундаментальных исторических исследований»².

Излагая существующие на сегодняшний день версии происхождения казачества, М. Г. Артамонова фактически обходит вопрос, насколько обоснована каждая из них, на какие источники опираются сторонники той или иной концепции, но сама полностью солидаризируется с «автохтонной теорией» и даже выражает недоумение по поводу того, что среди историков «всё еще сохраняется» взгляд на казаков как на русских людей, бежавших на Дон в XVI столетии. При этом позиция таких исследователей искажается, примитивизируется — в соответствии с обычной практикой адептов «автохтонной теории»: по словам М. Г. Артамоновой, «главная идея» миграционной версии «состоит в том, что “казаки — беглое крестьянство”»³. (Выше не раз отмечалась некорректность подобных заявлений: никто из современных исследователей не считает беглых крестьян единственными предками казаков.)

Такому подходу к проблеме вполне соответствуют и *итоги* изысканий М. Г. Артамоновой. Казаки для нее, несомненно, «народ», и она недоумевает, почему же им «сегодня пытаются отказать в праве называться этнической общностью, указывать национальность “казак”...»⁴ М. Г. Артамонова убеждена, что «этимология слова “казак” имеет многоязычные корни», что «предыстория казачьей цивилизации насчитывает 700 лет (III–IX вв.), а собственно история — более тысячи (с X в.), что

---

¹ Она же. Древние цивилизации... С. 176.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 168–170.

⁴ Артамонова М. Г. Формирование казачьего народа. С. 183.

казаки явились восприемниками «классического культурного наследия Греции и духовного наследия Византии», «стали христианами почти на пятьсот лет раньше крещения Руси», и практически дословно воспроизводит также не подкрепленное никакими источниками мнение самых радикальных поборников «автохтонной теории», согласно которому, присоединявшиеся к казачеству выходцы из неказачьего населения могли стать «подлинными казаками» только «через несколько поколений»¹. А венчает труд М. Г. Артамоновой заимствованное у тех же авторов «Родословное древо казачьего народа» (начинающееся с V тысячелетия до н. э.), из коего следует, что русские если и принимали участие в «казачьем этногенезе», то, по сравнению с другими этносами, в самой минимальной степени².

Самое прискорбное, что готовился весь этот наукообразный «винегрет» не где-нибудь, а в Институте общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, (на кафедре социологии управления, аспиранткой которой являлась М. Г. Артамонова), а стало быть, и потребляться он будет прежде всего нашими чиновниками, включая тех, кому суждено проводить государственную политику в отношении казачества...

***

Оставалось бы только посетовать на низкий уровень обще-исторической подготовки в современных вузах неисторического профиля, если бы сфера распространения сомнительных идей о происхождении и этнической природе казачества ограничивалась творчеством журналистов, писателей, географов, социологов, политологов, культурологов, филологов и философов. Но, как констатировал на одной из конференций по казачеству член правительства Санкт-Петербурга В. С. Сухорученко, «во власти “массовой мифологии” часто оказываются даже профессиональные историки»³.

---

¹ Артамонова М. Г. Древние цивилизации. С. 166, 169, 172, 173, 178.

² Там же. С. 175.

³ Сухорученко В. С. Санкт-Петербург и казачество Северо-Запада России // Казачество в истории России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 59.

М. А. Рыблова, автор одного из лучших исследований мифологизации казачьей истории, обращает внимание на такой печальный факт: «Идея “казачьего народа” проникла и в научную среду, нашла отражение в учебниках и учебных пособиях. Так, данное этнографами определение донских казаков в качестве субэтнуса в составе русского народа в учебном пособии, написанном по заказу Министерства по делам национальностей, получает новую трактовку: “Отличающиеся по ряду признаков субэтнуса, каковыми являются донские казаки, кубанские казаки, терские казаки и др., объединяются в единый этнос — *казаки* — неотъемлемую часть великого русского народа”. Получается очень нескладно, — замечает М. А. Рыблова, — но зато вписывается в общую заданную схему: казаки — самобытный этнос...»¹

Мифологизированная история казачества в последнее время не редкость и в более солидных изданиях. Преподаватели Академии ФСБ РФ доктор исторических наук А. М. Плеханов и кандидат исторических наук А. А. Плеханов выпустили весьма объемную (67 п. л.) и богато иллюстрированную книгу о казачестве, посвященную 90-летию Пограничной службы России². Будучи, судя по другим публикациям, специалистами по отечественной истории XIX–XX вв., разделы, относящиеся к ранней истории казачества, они построили в основном на сочинении А. А. Гордеева «История казаков» и «Казачьем словаре-справочнике» и потому воспроизвели в своей книге все основные положения эмигрантско-сепаратистской «школы» о происхождении казачества.

Как пишут А. М. и А. А. Плехановы, «племена казачьих предков» сформировались задолго до появления на русских рубежах монголов «в результате слияния многих племен с местными славянами». В числе этих «предков» авторами названы «племена берендеев и бродников», а в качестве представителей казачества — былинные богатыри, первым среди которых был, конечно же, «матерый казак Илья Муромец». «При Золотой Орде», утверждают авторы книги, общины вольных казаков «продолжали самостоятельное существование на своих старых местах», а донские и днепровские казаки приняли участие в Куликовской битве

---

¹ Рыблова М. А. «Казаки возвращаются!». С. 278.

² Плеханов А. А., Плеханов А. М. Казачество на рубежах Отечества. М., 2007.

на стороне Москвы¹. Профессиональные историки Плехановы полностью разделяют и крайне популярную среди казачьих историков-дилетантов, но с научной точки зрения абсолютно несостоятельную «концепцию» о «вынужденной эмиграции» древнего «казачьего народа» в XIV в. на север и пишут, что «после нашествий Мамай, Тохтамыша и Тамерлана большая часть донских казаков вынуждена была уйти с берегов Дона и расселиться на Руси от южной лесостепи до Белого моря, а с начала XVI в. стала возвращаться на свои земли, «возрождая там оседлую жизнь»².

Об общем уровне компетенции авторов в вопросах отечественной истории до XIX в. можно судить и по подписи к одной из помещенных в их книге иллюстраций: «Оренбургский воевода. XVI–XVII вв.»³ (напомню: Оренбург основан в 1735 г.). Примечательно, однако, что книга эта была вручена каждому участнику Всероссийской научно-практической конференции «Казачество в истории России», состоявшейся в Москве в 2007 г. и посвященной задачам патриотического воспитания казачества...

Под влиянием казачьих «автономистов» и эмигрантов-«самостийников» оказался также петербургский историк А. Г. Шкваров (проживавший с 2008 г. в Финляндии и там же защитивший докторскую диссертацию о казачестве в эпоху Петра Великого). Он тоже воспроизводит в своих трудах вышеупомянутый миф о «вынужденной эмиграции» донских казаков в конце XIV в., представляя этот вымысел как реальный факт и прямо ссылаясь на вышедшую в 1930 г. в Праге книгу генерала И. Ф. Быкадорова⁴.

Специализирующийся по проблемам геральдики кандидат исторических наук О. В. Агафонов — автор солидного по объему (560 с.) и красочно оформленного издания «Казачьи войска Российской империи». В нем рассказ о службе казаков (донских и терских) своему Отечеству начинается «со времен Куликовской

---

¹ Плеханов А. А., Плеханов А. М. Казачество на рубежах Отечества. М., 2007. С. 10, 40, 55.

² Там же. С. 62, 93–94.

³ Там же. С. 94.

⁴ Шкваров А. Г. Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб., 2009. С. 19; он же. Петр I и казаки. СПб., 2010. С. 22.

битвы», а уже «в середине XV века», по мнению автора, «казаки стали грозной силой, противостоящей татарам, туркам и их союзникам»¹.

В еще более отдаленных временах видит корни казачества В. В. Глущенко — профессор кафедры экономики и управления Адыгейского университета, доктор технических и исторических наук, защитивший в 1998 г. в Московском социальном университете диссертацию на тему «Интеграция казачества в структуру российской государственности: XVI — начало XX вв.». Его представления о ранней истории казачества в значительной мере основаны на дилетантских сочинениях эмигрантов-«казакийцев» и повторяют многие их суждения (например, о том, что крестьяне и посадские люди не могли стать казаками, поскольку «не обладали никакими воинскими навыками и не имели в своем распоряжении боевого оружия»²). По мнению В. В. Глущенко, «днепровские казаки зародились в середине XII в.», донские — еще раньше (и, конечно же, участвовали в Куликовской битве), а в целом формирование казачества происходило путем слияния и синтеза многих племен Северного Причерноморья и Предкавказья, подвергшихся потом славянизации и русификации. При определении же нынешнего статуса казачества В. В. Глущенко проявляет некоторую непоследовательность: называет казаков то «исторически сложившейся социальной общностью» и «органической частью русского народа»³, то — «этносом»⁴.

Ростовский археолог (и казачий активист) М. И. Крайсветный тоже полагает, что в «позднем» казачестве при всей полиэтничности наблюдалось «явное преобладание славянского этноса», в течение нескольких столетий «просачивавшегося» на Дон, но «ядро» казачества выводит из северокавказских народов и прежде всего — черкесов (адыгов). Это свое заключение он делает, отталкиваясь от мнения, высказанного историками XVIII в. (Г. Байером, В. Н. Татищевым), а также от распространенных в то время среди донских казаков (и отмеченных генералом А. И. Ригельманом) представлений о своем «черкесском» происхождении,

---

¹ Агафонов О. В. Казачьи войска Российской империи. М., Калининград, 1995. С. 3, 9, 12, 151.

² Глущенко В. В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М.: Вузовская книга, 2000. С. 40.

³ Там же. С. 11.

⁴ Глущенко В. В. Казачество: Учебное пособие. 2-е изд. СПб., 2000. С. 94.

но главные доводы в обоснование своей концепции ему дают сравнения «ранних» казаков с адыгами. М. И. Крайсветный полагает, что у них были «практически идентичны» как образ жизни, так и общественное устройство, особо выделяя «воинственность, мореходство, наездничество, воинские навыки». Что же касается датировки «начального периода зарождения казачества», то она у М. И. Крайсветного в разных работах разная, но в основном колеблется в пределах от VIII до начала XIII в.¹

Преимущества своей версии происхождения казачества (перед «тюрко-славянскими гипотезами») М. И. Крайсветный видит в том, что она «не требует надуманных объяснений». Однако с этим утверждением труднее всего согласиться. Надуманностью и отрывом от исторических реалий как раз отличаются построения М. И. Крайсветного. Мировая история знает немало племен, народов и этно-социальных групп, которые, находясь примерно на одной стадии социально-политического развития и проживая в сходных природно-климатических и геополитических условиях, не были связаны генетически, но имели много общего в общественном устройстве и менталитете. Например, — германские и славянские племена в раннем Средневековье (сторонние наблюдатели их даже порой путали друг с другом). Но означает ли это, что славяне произошли от германцев или наоборот — германцы от славян? Или пример из более поздней эпохи. Пираты Карибского бассейна и казаки XVII в. объединялись в сообщества, похожие друг на друга и по внутреннему устройству, и по образу жизни. Но можно ли на основании этого заключить, что у них общее происхождение?.. Замеченная М. И. Крайсветным близость общественного устройства у вольных казаков и адыгов действительно имела место, но она важна для понимания не происхождения, а *социальной природы* казачьих сообществ XVI–XVII вв., но вопрос этот будет нами специально рассматривается в следующем очерке.

А в данном разделе надо отметить несостоятельность еще одной гипотезы М. И. Крайсветного — его попытки дать свою

---

¹ *Крайсветный М. И.* О роли народов Кавказа в раннем этногенезе донского казачества // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006. С. 213–218; *он же.* Казак — означает демократ // Историко-культурные и природные исследования на территории РЭМЗ. Сб. статей. 2007. Вып. 3; См. также: URL: <http://zen.yandex.ru>media...kraisvetnyi...roli...kazachestva...>

этимологию слова «казак». Традиционное толкование этого термина филологами археолог Крайсветный отвергает (называет «большой натяжкой и элементарной выдумкой») и считает, что «этимомом термина “казак”, вероятнее всего, является адыгский термин “Хаса/Касса”, означающий народное законодательное собрание, а “казак” означает — “член Касы/Круга”. На адыгском языке “хаса-к” означает “идуший на Хасу”»... Что ж, если такой трактовкой и можно было бы объяснить бытование термина «казак» в пределах Северо-Кавказского региона и Подонья-Приазовья, то как быть со всем ареалом распространения этого слова в XV–XVI вв.? А ведь он охватывал территорию от Алтая до Дуная и был местом обитания главным образом тюркских народов, у которых (как отмечалось выше) слово «казак» при всех вариантах его значения, восходило к понятиям «изгой», «бродяга», «неимуший скиталец»...

***

По вопросу о происхождении казачества несколько эклектичной представляется позиция профессора Ростовского университета А. И. Козлова. Будучи признанным специалистом по отечественной истории XIX–XX вв., он на склоне лет обратился и к дискуссиям о раннем периоде казачьей истории, вполне справедливо обратив внимание на их крайнюю политизацию. «Особой остроты, — отмечал А. И. Козлов, — споры достигали в моменты общероссийских политических изломов, как это наблюдалось, скажем, в 1917 г., когда дискуссию развязали не столько специалисты, сколько политики и политиканствующие элементы. Подобная картина наблюдается и в настоящее время. В таких случаях расстановка акцентов диктуется соображениями политической конъюнктуры. Нередко, однако, это отражается и на исследовательской работе. Некоторые исследователи по разным причинам оказались в плену таких предрассудков. Это обстоятельство необходимо учитывать при историографическом анализе»¹. «Нельзя не видеть того, — пишет А. И. Козлов, — что многие публицистические выступления носят поверхностный характер. Их авторы, обладая бойким пером, не знают элементарных

---

¹ Козлов А. И. Откуда пошли и кто такие казаки (периодизация казачьей истории) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 163.

вещей и уже запутались меж двух сосен. Положение усугубляется еще и тем, что они, монополизировав в своих руках органы печати — газеты, журналы и целые издательства — возвели непробиваемые барьеры на пути материалов, исходящих от историков»¹.

Удалось ли самому А. И. Козлову создать объективную, основанную на исторических фактах концепцию происхождения казачества? Не вполне.

Остановившись на вопросе об «источниках пополнения» средневекового казачества, он, ссылаясь на труды серьезных, профессиональных историков, ставит на первое место «славяно-русский поток» (правда, почему-то с оговорками — «вероятно», «по-видимому»). Подтверждается источниками и общая оценка А. И. Козловым пополняющего казачьи ряды контингента: «К казакам бежали не только поборники свободы и православия, но и самые настоящие авантюристы, любители приключений, жаждавшие легкой наживы. То были суровые люди сурового времени»².

Но наряду с абсолютно верными, опирающимися на данные надежных источников и труды серьезных историков утверждениями, работа А. И. Козлова содержит положения, не имеющие под собой научных оснований и, видимо, заимствованные им из сочинений дилетантов и тех самых «политиканствующих элементов», о которых он сам отзывался столь нелюбезно: трудно ведь не оказаться «в плену у предрассудков», ссылаясь на труды донского «автономиста» Е. П. Савельева, эмигрантов И. Ф. Быкадорова, А. А. Гордеева или изданный в США «Казачий словарь-справочник»... Отсюда и отсчет А. И. Козловым истории казачества «от начала второго или даже конца первого тысячелетия нашей эры»³, и весьма сомнительный с научной точки зрения тезис, согласно которому «на рубеже XVII–XVIII вв., когда процесс этнизации казачьих общин находился в зените, в него ворвалось мощное государственное начало и резко затормозило его, прервало его естественное течение. В силу этого казачество в своем развитии не успело преодолеть стадию субэтноса»⁴.

---

¹ Козлов А. И. Правда и домыслы о казаках // Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 7.

² *Он же*. Откуда пошли и кто такие казаки. С. 168.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 170.

Не понятно, на какие источники опирался уважаемый историк в этом своем утверждении. Введенный к настоящему времени в научный оборот конкретно-исторический материал убедительно показывает, что в конце XVII и начале XVIII в. ни о какой этнизации казачества не могло быть и речи: как раз тогда происходило наиболее массовое переселение на Дон русских людей и интенсивное «разбавление» ими донских старожилов, вследствие чего к началу XVIII в. в «верховых» городках на Дону «новопришлые» население часто многократно превышало по численности старожильческое¹. Так что в конце XVII и начале XVIII вв. казаки прекрасно знали, откуда их отцы, деды и прадеды пришли на Дон и другие казачьи реки, еще помнили «свою природу» и в массе своей не отделяли себя от русского народа (см. выше). Лишь после подавления Булавинского восстания (1707–1708 гг.), когда свободный прием в казаки был запрещен и они превратились в замкнутое привилегированное сословие, у них начало формироваться этническое своеобразие, свойственное субэтносу, а в конце XVIII и в XIX вв. (как было отмечено многими наблюдателями — от А. И. Ригельмана до Л. Н. Толстого) казаки уже стали противопоставлять себя русскому «мужику», и появилась почва для той самой этнизации, которую некоторые идеологи «казачьего возрождения» не без успеха пытаются претворить в жизнь в наши дни...

Еще один пример эклектического подхода к трудам по истории казачества и как следствие укоренения ненаучных идей в научной среде — позиция донских историков А. П. Скорика, Р. Г. Тикиджьяна, В. П. Трута, В. А. Бондарева. Их научная специализация (судя по темам диссертаций) тоже далека от ранней истории казачества, тем не менее, собственные суждения о его происхождении они часто и смело высказывают в печати, далеко не всегда заботясь об их подкреплении конкретно-историческим материалом и порой вступая в противоречия с тем, что было ими же сказано.

Так, А. П. Скорик и В. А. Бондарев заявляют, что «достижение ясности в вопросе о начальных этапах генезиса казачьего сообщества Дона позволит пресечь разнообразные политические спекуляции, нацеленные на антинаучное удревнение истории

---

¹ *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. [Ростов н/Д], 1983. С. 208–209.

казачества, распространение идеи о некоей культурно-этнической исключительности казаков, прямое противопоставление их русскому народу, и т. п.». Они осуждают «сторонников фантастических версий происхождения донских казаков», которые «упорно тщатся доказать, что в этническом плане казачество представляет собой не особую часть русского народа... а совершенно отдельный народ, корни которого уходят далеко в глубь веков к скифам, сарматам, готам, татарам и т. д.»¹. И в той же работе начинают историю донского казачества фактически с ...XIII в.²

А в работах, ранее написанных А. П. Скориком в соавторстве с кандидатом философских наук П. Н. Лукичевым, казаки названы «степными рыцарями», носителями особого «кодекса чести и специфической психологии», заимствованной, по мнению авторов, от ранее заселявших донские степи народов, и это убеждение заставляет Скорика и Лукичева «скептически отнестись к традиционной концепции о происхождении казачества как следствия бегства крестьян». «Первоначальное ядро» казачества авторы видят в скифах и сарматах, хотя считают «вполне логичной» и версию его «славянского происхождения». «Участие казаков в Куликовской битве» для Скорика и Лукичева — реальный факт, а что касается *этнической* идентификации казачества, то итог размышлений авторов над этим вопросом (в ходе которых казаки назывались и «народом», и «этносом», и «субэтносом») выглядит в принципе так же, как у А. И. Козлова: «Донское казачество, как и казачество других областей России, шло по пути этнического становления, превращения в самостоятельный этнос, но этот процесс был прерван государственным вмешательством и фиксированным юридическим сословным состоянием»³.

В. П. Трут более последователен и радикален: для него «принадлежность казачества к самостоятельной этнической социальной группе и его характеристика как этноса (народа) вполне оправдана и не вызывает сомнений». Правда, он оговаривается,

---

¹ Скорик А. П., Бондарев В. А. Золотая Орда и казаки: к вопросу о происхождении донского казачества // История в подробностях. 2013. 2013. Август. С. 81.

² Там же. С. 87.

³ Лукичев П., Скорик А. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. Мат-лы научн. конф. Новочеркасск, 1994. С. 31–55; *они же*. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 42–51.

что «процесс окончательного оформления казачьего этноса со всеми присущими ему признаками окончательно не завершился», ибо «был искусственно прерван», но не на рубеже XVII и XVIII вв., как считал А. И. Козлов, а «в период гражданской войны» и в ходе «рассказывания»¹.

Главный аргумент для В. П. Трута в отстаивании своей позиции по вопросу об этнической принадлежности казачества — это его (казачества) самосознание. «В станицах и хуторах вплоть до сегодняшнего дня можно услышать: “Он — наш, а жена у него — русская”... — пишет Трут и заключает: “В чем бы конкретно не находило свое выражение этническое самосознание, сам факт его появления... знаменует собой формирование нового этноса”»². Это свое убеждение В. П. Трут не ставит в зависимость «от того, сторонниками какой из теорий происхождения казачества мы являемся»³, но сам практически полностью разделяют концепцию автохтонности казачества и повторяют те же не выдерживающие научной критики доводы, которые приводили казачьи активисты В. И. Вареник или Б. А. Алмазов⁴.

Аналогична, но более радикальна позиция по «казачьему вопросу» еще одного профессионального историка — «родового кубанского казака» Н. Н. Лысенко. В отличие от вышеупомянутых, он является специалистом по «ранним» хронологическим периодам: его кандидатская (2001 г.) и докторская (2007 г.) диссертации посвящены изучению этногенеза и военной истории ираноязычных кочевников Евразии во II в. до н. э. — II в. н. э. Однако по уровню некомпетентности в том, что касается ранней истории казачества, он превзошел не только специалистов по поздним ее периодам, но и многих не имеющих исторического образования дилетантов.

В науку Н. Н. Лысенко пришел из политики, отличался «праворадикальными» взглядами. Будучи лидером Национально-республиканской партии России, он в 1990-е гг. «прославился» своим экстравагантным поведением в Государственной

---

¹ Трут В. П. К вопросу об этносоциальном облике казачества в начале века и проблемах его возрождения на современном этапе // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 77–78.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 78.

⁴ Трут В. П. Казачество: происхождение, сущность, реалии, перспективы // Алмазов Б. А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 523–548.

Думе, но затем в идеологии «русского национал-имперского движения» разочаровался и превратился в «казачьего националиста», отстаивающего взгляд на казачество как «самобытную нацию», генетически не связанную ни с русским, ни с украинским народами. (Из современных народов ближайшими родичами казаков, по мнению Н. Н. Лысенко, являются осетины, «которые, как и казаки, являются этногенетическими наследниками скифов и алан»¹.)

В своих пространных «Размышлениях об этногенетической природе казачества», Н. Н. Лысенко начисто игнорирует работы профессиональных исследователей казачьей истории и тоже ссылается главным образом на сочинения лиц, далеких от исторической науки — прежде всего на написанную в 1915 г. и наполненную несуразностями книгу донского «автономиста», историка-самоучки Е. П. Савельева «Древняя история казачества» (ее он считает «добротной с научной точки зрения работой» и «обстоятельным трудом») и на также не выдерживающую научной критики «Историю казачества» белоэмигранта-«казакийца» генерала И. Ф. Быкадорова, вышедшую в 1930 г. Из современных авторов особым расположением Н. Н. Лысенко пользуется не раз выше упоминавшийся Верховный атаман Великого братства казачьих войск В. Ф. Никитин, чью книгу «Казачество: Нация или сословие?», повторяющую и развивающую основные идеи эмигрантов-«казакийцев», он называет «очень полезной». Высоко оценивает Н. Н. Лысенко и Л. Н. Гумилёва: характеризует его как «замечательного этнолога», почитает как своего учителя, хотя и признает, что тот «казацкой темой», собственно, «никогда специально не занимался»².

У Е. П. Савельева Н. Н. Лысенко находит указания на некие (конкретно не называемые) «древние и средневековые источники», якобы содержащие «достаточно много сообщений, которые однозначно могут трактоваться как четкие указания на постепенно формирующуюся самобытную этничность казачества, начиная с XIII века», и выражает полное согласие с его столь же умозрительными утверждениями, что «казаки прошлых

---

¹ Лысенко Н. Казаки — не татары // URL: <http://eto-fake.livejournal.com/565132.html> (27.08.2014).

² *Он же.* Нация или субэтнос? (Размышления об этногенетической природе казачества) // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 114, 117, 119.

веков... не считали себя русскими» и что «в свою очередь и жители московских областей, да и само правительство смотрели на казаков как на особую народность». Н. Н. Лысенко даже «развивает» эту мысль приходит к весьма «смелому» заключению: «Не только в большинстве, а, пожалуй, и во всех без исключения источниках по истории Руси-России XIV–XVII веков мы не найдем упоминаний казаков в контексте “русскости”...». И ему, «таким образом, становится понятным, что по крайней мере донские казаки — альфа и омега российского казачества» имели «весьма мало общих генетических корней с великорусским этносом»¹.

Чтобы убедиться в абсурдности этих утверждений достаточно заглянуть в так называемые Сибирские летописи, описывающие поход Ермака: соратники знаменитого атамана там прямо называются «русскими казаками», «русскими воинами», «русскими людьми»². А об «этническом самосознании» донских казаков XVII в. можно судить по капитальной монографии О. Ю. Куца «Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина». В ней, как и в ряде других работ профессиональных историков (например Н. А. Мининкова), приведены документально обоснованные свидетельства того, что в XVII в. и сами донские казаки считали себя русскими, и в Московском государстве к ним относились как к русским людям, помнящим «свою природу» (см. выше, разд. 3 и 4). Но Н. Н. Лысенко игнорирует такие исследования, видимо, по «принципиальным» соображениям. У него (как, впрочем, и у большинства казачьих активистов) наибольшим авторитетом пользуются авторы, которые являются казаками по происхождению. Да и то не все. Тех из них, кто придерживается взгляда на казаков как генетически единый с русским народом субэтнос, Н. Н. Лысенко обвиняет в приспособленчестве, в желании «найти для себя материальные выгоды в Реестре». И уж совсем никакого веса, в глазах Н. Н. Лысенко, не имеет мнение тех, кто лишь «наполовину казак»: их он скопом (независимо от «разведения крови») причисляет к «болдырям» и уверяет,

---

¹ Лысенко Н. *Нация или субэтнос? (Размышления об этногенетической природе казачества)* // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 118–120

² Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 92, 110, 131, 181, 182 и др.

что концепция «этнической аффилированности» казачества с русским народом более всего популярна именно у них¹.

Впрочем, Лысенко готов высказать уважение такому «болдырю» (в своем понимании этого слова), как М. А. Шолохов, поскольку считает, что тот в своем «Тихом Доне». «с гениальной лаконичностью» описал «отношение казачества к инонациональному субстрату». «Поистине хрестоматийна, — пишет Лысенко, — даже для современного казачества сцена, где на реплику комиссара Штокмана о том, что казаки, дескать, от русских произошли, — казак пренебрежительно, даже с вызовом бросает: “Казаки произошли от казаков!”». Ошибки в передаче текста шолоховского произведения (Н. Н. Лысенко, видимо, давно не заглядывал в «Тихий Дон») не так показательны, как трактовка этой сцены. Лысенко считает, что мнение малограмотных станичников, воспроизведенное на страницах великого романа, это «гордый девиз всего казачества — от запорожского войска до семиреченского», и он «сохранился неизменным доньине»².

Отношение казаков к «иногородним» в XIX — начале XX вв., хорошо показано и на страницах шолоховского «Тихого Дона», и в других литературных произведениях, отражено в публицистике и сугубо научных исследованиях. Авторы, так или иначе касающиеся этой темы при всех разногласиях единодушны в одном: казаки, проникнувшись к тому времени сословным чванством, относились к «мужику» с презрением, как к «низшей породе» (см. выше, разд. 5). Но у Н. Н. Лысенко и по этому вопросу свое мнение, он пишет, что «казаки действительно крепко недолюбливали “русских европейцев”, не распространяя, впрочем, эту нелюбовь на весь русский народ»³. То есть, по этой логике, казаки, если и смотрели на русского мужика как на «какое-то чуждое, дикое и презренное существо» (слова «казакофила» Л. Н. Толстого), то лишь потому, что видели в нем («мужике») «русского европейца»?

Сам же процесс формирования казачества в представлении Н. Н. Лысенко выглядит так: «Казацкое сообщество издревле формировалось как бы из самого себя, путем постепенного

---

¹ Лысенко Н. Нация или субэтнос? С. 111, 113, 127.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 116.

прочного слияния небольших корпускул разнородных этнических элементов... которые постепенно и разрозненно, в разные исторические периоды наслаивались на некий весьма мощный в генетическом плане, издревле сформировавшийся в междуречье Днепра и Дона этнический стержень». И хотя его «этногенетическая природа» самому Лысенко еще не вполне ясна (и, добавлю, никакими источниками существование такого «стержня» не подтверждается), он считает, что версия «о казачестве как об издревле сформировавшемся в междуречье Днепра и Дона, генетически цельном и культурологически самобытном народе» имеет «объективную обоснованность»¹.

Сформулированная Н. Н. Лысенко концепция формирования казачества «из самого себя» не осталась незамеченной научной общественностью, и кое-кому из ее представителей настолько пришлось по сердцу, что даже была использована при написании учебных пособий. Так, доктор политических наук Е. Л. Рябова и кандидат исторических наук О. В. Щупленков (защитивший в 2010 г. диссертацию на тему «Сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодежи Российского зарубежья в 1920–1930-е годы»), в своей книге «Основы казачьей культуры», адресованной «студентам и преподавателям средне-специального и высшего образования» и получившей одобрение доктора социологических наук, депутата ГД РФ, атамана Всевеликого Войска Донского генерала В. П. Водолацкого, воспроизвели основные положения статьи Н. Н. Лысенко буквально (хотя и «анонимно» — без упоминания автора и даже без кавычек)². Остается лишь посочувствовать тем, кому приходится обучать и обучаться по этому пособию...

Вышеприведенными положениями размышления Н. Н. Лысенко об этногенетической природе казачества не ограничиваются. В частности, он убежден, что процесс «этногенеза» у казаков не просто развивался, а шел опережающими всех и вся темпами. «Без всякого преувеличения можно сказать, — пишет он, — что казаки успели состояться как самобытный народ, а русские (великорусы)... в полной мере как самобытный этнос,

---

¹ Лысенко Н. *Нация или субэтнос?* С. 121

² Рябова Е. Л., Щупленков О. В. *Основы казачьей культуры. Учебное пособие.* М., 2015. С. 24–27.

к великому сожалению, состояться не смогли». Причины того усматриваются Н. Н. Лысенко в «костоломной реформе Патриарха Никона, кровавом “чужебесии” Петра I и антирусском геноциде большевиков»¹. Стало быть, получается, что казаки благополучно избежали негативного воздействия указанных Лысенко факторов? Как-то не очень это соотносится с общеизвестными фактами. Значит, опять — тем хуже для фактов...

Можно ли, однако, в доводах Лысенко, противопоставляющих казачество русскому народу, отыскать хоть какое-то «рациональное зерно»? Можно — там, где он сравнивает «ментальные свойства», «стереотипы поведения» и «поведенческие реакции» сторон. Используя книгу социолога и культуролога В. Ф. Чесновой (Ксении Касьяновой) «О русском национальном характере», изданную в 2003 г., Н. Н. Лысенко «по пунктам» показывает, чем «ментально» отличаются «родовые казаки» от русских, и тем самым... ломится в открытую дверь. Этнологи, относящие те или иные группы населения к субэтносам, исходят, конечно же, из специфики не только их материальной, но и духовной культуры, из особенностей мировосприятия и социальной психологии. Все эти особенности, обусловленные и вполне объяснимые различиями в характере занятий, климатических и ландшафтных условий проживания, наличием (или отсутствием) контактов с иноэтничными соседями и другими факторами, как раз и позволяют исследователям выделять из основной массы народа (этнуса) его отдельные субэтносы — «этнографические группы», по старой терминологии.

Сравнив менталитет «русских» и «казаков», Лысенко приходит к заключению, что «перед нами два совершенно разных народа»², но даже если признать абсолютно все выявленные им «несовпадения» подлинными, согласиться с таким выводом, не погрешив против истины, невозможно. И прежде всего потому, что тогда «отдельными нациями» надо будет признать все сословия Российской империи XIX — начала XX в., ибо «ментальные различия» между ними тоже были велики — сравните между собой дворянство, крестьянство, купечество и духовенство. По логике Лысенко выходит, что это тоже «совершенно

---

¹Рябова Е. Л., Шуепенков О. В. Основы казачьей культуры. Учебное пособие. М., 2015. С. 129.

² Там же. С. 123

разные народы». А применительно к советской эпохе надо будет признать «вполне обоснованными» доводы одного из его любимых авторов — «казакофила» А. И. Солженицына, который, будучи не понаслышке знаком с лагерной субкультурой, «доказал» (как бы в шутку) реальное существование в СССР особой «нации экзов»¹.

Приходится также констатировать, что «сопоставление менталитетов» проводится Н. Н. Лысенко не вполне корректно — на весьма ограниченном материале и без учета иных мнений. Интересующиеся особенностями русского национального характера наверняка заметят, что «типично казачьи» (по классификации Лысенко) «ментальные свойства» встречаются и у многих русских, казаками не являющихся. Лично я знаю немало русских по своим корням людей, к казачеству ни по одной линии не принадлежавших, но разделяющих, как минимум, половину тех представлений «о жизни», которые Лысенко считает «типично казачьими», и в то же время не разделяющих, как минимум, половину тех взглядов, которыми он наделяет русское неказачье население.

С весьма любопытной точкой зрения по тому же вопросу можно ознакомиться и на общедоступном «Библиографическом дайджесте о донских казаках». «Чрезвычайно интересны, — говорится там, — последние исследования профессиональных психологов в “горячих точках” постсоветского пространства (Приднестровье, Абхазия), раскрывающие этнические поведенческие стереотипы “поля боя” русских и казаков. Эти стереотипы безусловно являются важнейшими ментальными характеристиками. Оказалось, что так называемые “эксцессы поля боя” русских и казаков совершенно идентичны и не совпадают с подобными стереотипами других этнических групп. И те и другие “не оставляли ни при какой ситуации своих убитых и раненых, принимали условия боя в качестве нормальной среды обитания, [демонстрировали] ...пароксизм безумной храбрости” и т. п. Выводы военных психологов о ментальной близости казаков и русских является серьезным аргументом в пользу теории об их общем происхождении»². К аналогичному заключению

---

¹ Солженицын А. Малое собрание сочинений. Т. 6. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. С. 311–330. (Глава «Зэки как нация»).

² Общие работы о сути казачества и особенностях менталитета казаков // URL: <http://marka3110.narod.ru/index/0-2> (дата обращения — 13. 12 2016).

пришла и группа исследователей из Первого казачьего университета имени К. Г. Разумовского, отметивших, что «культура и менталитет казаков роднит их с этническими русскими. Особенно это проявляется в поведенческих стереотипах в боевых условиях...»¹.

Казачество никогда не было этнически однородным, но, как показано выше, существуют бесспорные свидетельства того, что с начала XVII по начало XX в. оно в абсолютном своем большинстве состояло из русских людей. И чтобы признать большинство нынешних казаков частью русского народа уже достаточно констатации общности с русскими их происхождения, языка, веры и исторических судеб. Последнее не могут отрицать даже самые «радикальные» казачьи активисты — все они любят к месту и не к месту повторять вслед за Л. Н. Толстым, что «вся история России сделана казаками...»² Однако Н. Н. Лысенко и его единомышленники не приемлют никаких доводов в пользу субэтнического статуса казачества, похоже, еще и потому, что для них просто унизительно чувствовать себя всего лишь «ветвью» какого-то народа. Некоторые из них даже само слово «субэтнос» в своих сочинениях не употребляют — то ли из принципиальных соображений, то ли просто по незнанию, так что не только казаков, но и поморов Архангельской области называют «этносом»³.

В мире, вообще-то, много субэтносов. Россия в этом отношении в силу своей огромности, наверное, «впереди планеты всей»: поморы, полехи, севрюки, однодворцы, бухтарминцы («каменщики») русскоустыинцы — далеко не полный перечень субэтнических групп одного лишь русского народа даже без учета казаков. Но и в странах с гораздо меньшей территорией субэтносы не редкость. Например, в Германии это баварцы, саксонцы, швабы, франконцы, тюрингцы. Различия между некоторыми из них сильнее, чем между русскими и украинцами, но они тем не менее считают себя частью единого немецкого народа, по поводу своего субэтнического статуса не комплексуют и массовых

---

¹ Культура казачества: история и перспективы развития. М., 2016. С. 57.

² Лысенко Н. Нация или субэтнос? С. 115; Огонек. 1991. № 30. С. 19; Наш современник. 1992. № 3. С. 137.

³ Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!?. С. 8.

акций за признание себя «отдельными нациями» не проводят. Может быть, потому, что, в отличие от большинства активистов казачьего возрождения, лучше знают собственную историю?

Вопрос не праздный. Тот же Н. Н. Лысенко, подобно другим «казачьим» авторам, демонстрирует, несмотря на свои ученые степени, крайне слабые знания российской истории в целом. Эта его неосведомленность особенно наглядно проявилась в понимании и трактовке русского освоения Сибири и Дальнего Востока. Оно, по твердому убеждению Лысенко «без участия казаков было бы принципиально невозможным», ибо «такой сверхмобилизационный этносоциальный рывок, который сделали на восток Евразии казаки, был под силу (среди европейских народов) только им». Лысенко считает, что «только казаки — этнос славянских самураев... могли совершить этот подвиг: всего за столетие не только завоевать, но и привести в полную покорность (как писали в летописях — “замирить”) почти половину географической территории евразийского материка»¹.

То есть Н. Н. Лысенко абсолютно уверен в том, что те ратные люди, которые покоряли Сибирь в конце XVI–XVII вв., являлись такими же «родовыми казаками», как донцы, запорожцы, уральцы и терцы или же были во всем идентичны им. Трудно представить более далекую от исторических реалий точку зрения! России дорогу за Урал действительно проложили вольные казаки (дружина Ермака), но завершать начатое ими дело и по разгрому «Кучумова царства», и по дальнейшему «покорению Сибири» пришлось царским войскам, которые сосредотачивались в гарнизонах строившихся по царским же указам городов и находились под жестким контролем царских воевод. Давно и твердо установлено, что абсолютное большинство личного состава этих гарнизонов являлось уроженцами Русского Севера и Поволжья, т. е. в основном выходцами из русских крестьян и посадских людей. Были среди сибирских служилых и представители других народов тех же регионов (например, коми), и других стран (как правило, из числа военнопленных — «литва», поляки, «немцы»), а также «новокрещены» из аборигенного населения. Встречались и выходцы из вольного казачества, в Сибири, естественно, терявшие свой прежний статус, — это остатки войска Ермака (менее 100 чел.), а позднее и те, кто попадал

---

¹ Лысенко Н. *Нация или субэтнос?* С. 124–125.

за Урал уже в качестве ссыльных. Однако их было крайне мало, они «тонули» в основной массе служилого населения и никакой самостоятельной роли в продвижении границ России на восток, конечно же, не играли. Большинство ратных людей за Уралом в XVII в., действительно составляли казаки, но — казаки *городовые*. Они ничем практически не отличавшиеся по своему положению и характеру службы от стрельцов, тоже служивших в Сибири: получали такое же жалованье, наряду и вместе с ними ходили в военные походы и выполняли другие, точно такие же обязанности. Сведения об этом давно введены в научный оборот, обобщены как в монографиях, так и коллективных трудах¹. Однако Н. Н. Лысенко предпочел им фантазии Л. Н. Гумилёва...

Далеки от исторических реалий и общие представления Н. Н. Лысенко об освоении Сибири. Он делит его на три «волны»: «Первая волна — казацкая — завоевание, политическое “замирение” и первичное хозяйственное освоение азиатских территорий (сбор ясака, охота, рыболовство). Вторая волна — административно-армейская — создание необходимой государственной инфраструктуры на завоеванных казаками территориях (остроги, военные городки, почтовые коммуникации, перевалочные базы). И только третья волна, — убежден Лысенко, — была собственно русская — административно переселяемые, зачастую даже принудительно переселяемые государственные крестьяне (распашка целинных земель, создание первичной сети земледельческих поселений)»².

На самом же деле, обозначенные Н. Н. Лысенко как «волны» виды колонизационных процессов происходили за Уралом практически одновременно. Строительство городов и острогов —

---

¹ См., например: *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988; *он же.* Начало казачества Сибири. М., 1996; История казачества Азиатской России. В трех томах. Т. 1. Екатеринбург, 1995; *Сokolовский И. Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004; *Каменецкий И. П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005; *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI—XVII в.). СПб., 2010; *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012; *Бродников А. А.* Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019.

² *Лысенко Н.* Нация или субэтнос? С. 125.

это было вообще первое, с чего начиналась русская колонизация Сибири. Крестьян туда стали переводить уже в 1590-х гг., т. е. фактически с первых же шагов по освоению края, а в «распашку целинных земель» (там, где она была возможна) наряду с крестьянами и другими переселенцами, сразу же включились и служилые люди, включая, естественно, казаков, приравняемых Н. Н. Лысенко к «самураям». Да и принудительное переселение, как давно доказано историками, перестало играть существенную роль в колонизации Сибири уже с середины XVII в.¹

Основа любого национализма (в его традиционном для нашей страны понимании) — «агрессивное невежество»: незнание своей истории при абсолютной и твердой уверенности в обратном. «Казачий национализм» — не исключение. Личность носителя политических взглядов тоже играет не последнюю роль в их формировании, характере осмысления и выражения, а также в их глубине и прочности. Н. Н. Лысенко попытался с помощью дилетантских сочинений отыскать в глубине веков «этнический стержень» казачества и вместе с тем продемонстрировал отсутствие у самого себя другого «стержня» — идейно-нравственного. Начал как «русский националист», считающий великороссов, украинцев и белорусов «триединым этносом», затем стал «казачьим националистом», ратующим за признание «отдельной нацией» казаков, а после известных событий 2014 г. выражает симпатии украинским националистам: «евромайдан» называет «национальной революцией», необандеровщину — «актуальными силами национальной демократии Украины» и «политическим авангардом украинской нации», а сопротивляющееся украинизации «так называемое русскоязычное население» — «совками»². Такая вот «эволюция взглядов». И вряд ли последний ее этап...

---

¹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII в. М., 1956. С. 38; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 56–120; Колесников А. Д. С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 166–181; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 36–51, 128–132; Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми) М., 1987. С. 19–23, 59–61, 100–105.

² Лысенко Н. «Страна мрака» или модернизация Сибирской Руси? // URL: <http://apn-nn.com>analytic/strana-mraka...modernizatsiya...> (14.03.2014).

Профессиональные «казачьи» историки в большинстве своем, конечно, не столь радикальны, как Н. Н. Лысенко, и чаще высказывают суждения, близкие точке зрения В. М. Безотосного, полагающего, что в настоящее время и «миграционная», и «автохтонная» концепции происхождения казачества имеют право на существование и нуждаются «в дальнейшем всестороннем изучении», поскольку-де «имеют слабую доказательную базу и не подтверждаются серьезными источниками»¹.

Однако и эту позицию принять трудно. Ведь согласно ей, получается, что на одной «чаше весов» у нас огромный конкретно-исторический материал, введенный в научный оборот несколькими поколениями высококвалифицированных исследователей и свидетельствующий о массовом уходе русских людей «в казаки» в XVI–XVII вв.; относящиеся к XVII–XVIII вв. указания на в основном русское происхождение казачества, принадлежавшие как сторонним наблюдателям, так и самим казакам, не скрывавшим в то время мест своего «выхода»; именные списки казачьих отрядов с той же информацией; множество дошедших до нас от XVI–XVII вв. имен и прозвищ казаков, ясно указывающих на их русское происхождение; работы лингвистов, показывающие близость казачьих говоров к диалектам вполне конкретных регионов России. А на другой, «автохтонной», «чаше весов» нет *ни одного* научно обоснованного довода, их заменяют фантазии, домыслы, основанные на сомнительных допущениях и шатких аналогиях гипотезы, чисто умозрительные или построенные на догадках и натяжках «теории», «наивная этимология», т. е. безграмотные, основанные на случайном звуковом сходстве имен и географических названий топонимические и ономастические построения. И, выходит, обе эти «чаши» вполне «уравновешивают» друг друга? Обе «имеют слабую доказательную базу»? Это абсурд. И вообще: какой «компромисс», какой «синтез» может быть между научной истиной и фантазиями? С каких пор в науке стало признаваться равное право на существование мифов и реальных фактов?..

---

¹ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 13, 36–37, 44–46; Трут В. П. К вопросу о теории происхождения и сущностной характеристике казачества // Казачий сборник. 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 273–286; Безотосный В. Кто такие казаки // Родина. 2004. № 5. С. 8.

Но такое время, похоже, наступило. Так, к «компромиссной» точке зрения на происхождение (да и этническую принадлежность) донских казаков склонялся в последние годы жизни известный ростовский историк В. Н. Королёв¹. Уже не раз упоминавшийся доктор технических и исторических наук В. В. Глуценко тоже полагает, что «автохтонная» и «миграционная» концепции происхождения казачества «не противоречат, а дополняют друг друга»², и в пользу такого мнения высказались авторы многих учебных пособий по истории казачества³. А наиболее впечатляющим примером внедрения этой концепции «в жизнь» могут служить многочисленные (но часто дублирующие друг друга) работы кандидата (а ныне доктора) исторических наук А. В. Сопова.

Как он писал еще в своей кандидатской диссертации (защищенной в 1999 г. по специальности «этнография, этнология и антропология»), «адекватный ответ на вопрос о происхождении казаков состоит не в выборе между различными версиями автохтонной и миграционно-колониционной теориями, а в их доброкачественном синтезе»⁴. На необходимости этого синтеза А. В. Сопов настаивал и позднее⁵, и результат такого подхода к проблеме оказался вполне предсказуем: абсолютно верные, подтвержденные капитальными исследованиями профессиональных историков положения соседствуют в работах А. В. Сопова с легковесными суждениями, искусственными построениями и сомнительными выводами.

Так, касаясь самых ранних этапов казачьей истории, А. В. Сопов совершенно справедливо отмечает, что «казачество начало формироваться как разбойно-промысловая вольница, независимая и своеобразная»⁶, а наименование «казаки» использовалось тогда «как профессиональное и групповое, но этнического характера, скорее всего, не носило» и, стало быть, «говорить о каком-

---

¹ *Королёв В. Н.* Казаки донские (Энциклопедия культур народов Юга России. В 9 т.). Т. 1. Народы Юга России. Ростов н/Д, 2005. С. 114–118.

² *Глуценко В. В.* Казачество. Учебное пособие. С. 9.

³ См.: *Никитин Н. И.* Учебные пособия по истории казачества и некоторые проблемы современной историографии // *Российская история.* 2019. № 4. С. 158–159.

⁴ *Сопов А. В.* Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1999. С. 24.

⁵ *Он же.* К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект // *Культурная жизнь Юга России.* 2009. № 5. С. 59.

⁶ *Сопов А. В., Бузаров А. Ш.* Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах // *Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1.* 2011. Вып. 1. С. 30.

либо более раннем этапе собственно казачьего этногенеза сейчас вряд ли обоснованно. Приводимые в этом отношении “доказательства” являются либо легендарными, либо наивно-топонимическими¹. И А. В. Сопов был убежден, что никаких серьезных оснований для выводов о существовании до XV в. особого казачьего «народа» и прямых и единственных этнических предков современных казаков у нас нет².

«Трудно согласиться с обоснованностью версии о том, что “казаки” — имя какого-то особого народа, сохранявшего этническую преемственность в течение двух тысяч лет, — разъяснял свою позицию А. В. Сопов. — Наиболее правомерной точкой зрения является та, согласно которой слово “казак” первоначально было профессиональным наименованием, используемым для обозначения вольницы искателей лучшей доли, готовых служить за деньги и используемых в войнах в качестве наиболее подвижной передовой части»³.

Разделяет А. В. Сопов (хотя и с оговорками) и давно удивившееся в нашей этнографии мнение о казачестве как субэтнотносе русского народа (точнее, как и А. И. Козлов, считает, что казачество «в своем развитии не успело преодолеть стадию субэтнотноса») ⁴. «Неоспоримым фактом» для А. В. Сопова является и «“подпитка” казачьих обществ пришлым элементом», причем «особенно мощным», по его мнению, «поток новопришлых оказался в XVI веке за счет беглых крестьян, мещан и холопов из Московского государства и Речи Посполитой»⁵.

Весьма сдержанно относится А. В. Сопов к столь любимой многими казачьими идеологами «концепции переселения» казаков под татарским давлением на Русский Север, согласно которой они оттуда «вернулись на родину» в конце XV — середине XVII вв. (см. выше). «Ничего из ряда вон выходящего в подобной трактовке нет (вспомним библейскую историю евреев). Однако, — пишет А. В. Сопов — данная версия не подкреплена

---

¹ Сопов А. В. Казачества единый корень? // Родина. 2010. № 6. С. 31.

² *Он же*. Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. 2006. Вып. 1.

³ *Он же*. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2008. № 4. С. 73.

⁴ *Он же*. Казачества единый корень? С. 31.

⁵ *Он же*. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект. С. 59.

достоверными фактами, которые заменены преданиями и догадками, а выводы в итоге не совпадают с реальными событиями»¹.

Вместе с тем, участие донских казаков в Куликовской битве А. В. Сопов воспринимает не как легенду, записанную в XVII в., а как бесспорный исторический факт², Более того, Сопов считает, что к тому времени «казачество (под другими названиями, но с той же сущностью) уже имело многовековую историю», что «история формирования казачьей территории уходит далеко в глубь веков», а «группы населения, принявшие то или иное участие в образовании казачества» (и которые «с известной долей условности можно отнести к предкам казаков») «обитали здесь как минимум с X–XI столетий», «а по некоторым данным — с VI в. н. э.». То есть, не разделяя точку зрения о существовании древнего казачьего «народа», он по сути дела солидаризируется с теми поборниками «автохтонной теории», которые считают предками современных казаков практически все народы, проживавшие с древнейших времен на территории Северного Причерноморья³.

Приводятся ли в работах А. В. Сопова серьезные доводы в пользу мнения о столь «древних корнях» казачества? Конечно же, нет, ибо фактов, подтверждающих такую точку зрения, не существует в природе. Поэтому А. В. Сопов либо повторяет не выдерживающие научной критики умозаключения известных поборников «автохтонной теории» («с трудом верится, что русские беглецы уходили в никуда, во враждебную степь» и т. д.⁴), либо просто дает глухие ссылки на сочинения сторонников

---

¹ Сопов А. В. Родина казаков: история с географией // Родина. 2008. № 4. С. 41; *он же*. Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. С. 83.

² *Он же*. Стереотипы и заблуждения в отношении казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 5. Майкоп, 2010. С. 14; *он же*. Происхождение казачества: возвращаясь к проблеме // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2011. № 1. С. 55.

³ *Он же*. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 25; *он же*. Родина казаков: история с географией. С. 43; *он же*. К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект. С. 59; *он же*. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. С. 8, 23–24.

⁴ *Он же*. Место и роль казачества в формировании русской нации и российского государства // Материалы научно-практ. конф. Неделя науки в МГТИ. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 157; *он же*. Родина казаков: история с географией. С. 40.

«нетрадиционного подхода» и истории казачества. Среди них упоминаемые выше Е. П. Савельев, А. А. Гордеев, авторы «Казачьего словаря-справочника», изданного в США в 1960-е гг., Л. Н. Гумилёв, но самым авторитетным специалистом по казачьей истории для него, похоже, является также упоминаемый выше философ и культуролог И. Г. Яковенко. Сноски на его статью в журнале «Родина» за 1995 г. (№ 10) встречаются почти в каждой работе А. В. Сопова, а степень не критичности восприятия построений И. Г. Яковенко в них такова, что даже грубые ошибки этого исследователя (например — изложение точки зрения Р. Г. Скрынникова) воспроизводятся Соповым с абсолютной точностью¹.

Особенно понравилось А. В. Сопову определение, данное И. Г. Яковенко господствующей до последнего времени в научной и учебной литературе концепции происхождения казачества. Яковенко называет ее «казенной», а Сопов считает это определение «метким» и постоянно его цитирует². В развернутом же виде свое к ней отношение А. В. Сопов формулирует следующим образом: «Законченную форму миграционно-колониационная теория получила в исследованиях виднейших российских ученых — С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского... В 80-х гг. прошлого столетия данную гипотезу (!? — *Н. Н.*) приняли и марксисты российского толка. Первым это сделал Г. В. Плеханов, а затем ее развил в своих трудах В. И. Ленин. Миграционная теория в предельно выраженном виде отвечала имперским устремлениям самодержавия и планетарным целям носителей идеи мировой революции одновременно, поэтому на ней сошлись такие казалось бы антиподы, представлявшие противоборствующие лагеря»³.

Таким образом, А. В. Сопов (как и И. Г. Яковенко) главные причины живучести «миграционно-колониационной теории» склонны объяснять в первую очередь ее политической значимостью, а вовсе не научной обоснованностью. Невольно вспоминается трактовка

---

¹ *Сопов А. В.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. С. 67.

² *Он же.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение. С. 66; *он же.* Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 5; *Сопов А. В., Бузаров А. Ш.* Указ. соч. С. 30–31.

³ *Сопов А. В.* Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 11.

этого же вопроса вышеупомянутым ростовским журналистом В. И. Вареником, который считает, что «большинство советских историков просто боялось впасть в противоречие с установлениями марксизма-ленинизма» и потому «рабски следовали» миграционно-колониационной теории¹.

Из вышеизложенного, однако, не следует, что работы А. В. Сопова не имеют научной ценности: тематика его исследований достаточно широка, и в них содержится немало ценных наблюдений и вполне обоснованных выводов. Только вот «прочтение» А. В. Соповым проблемы происхождения казачества в целом нельзя назвать удачным. «Однозначный ответ о происхождении и современной этническом облике казаков невозможен», — пишет А. В. Сопов², и с ним в данном случае можно было бы согласиться, но — с поправкой на стиль и с одной оговоркой: невозможен, если искать решение этого вопроса в «синтезе» научных и псевдонаучных теорий...

Другое дело — синтез различных *научных дисциплин* при изучении вопроса об этнической природе казачества. Используя эту методику, Ю. М. Куклев, например, пришел к однозначному выводу (назвав его, правда, «предварительным»): «пока не выявлено оснований для отнесения казачества де-факто к отдельному и самостоятельному этносу ни по отношению к правоустанавливающим субъектам, ни по культурно-историческим, ни по биологическим признакам»³.

***

Для полноты картины есть смысл остановиться и на том направлении разработок казачьей истории, которое представлено нашими казахстанскими коллегами. Они более других зарубежных авторов уделяют ей внимание, что вполне закономерно: на территории Казахстана и смежных с ним областей находились четыре казачьих «войска» — Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское.

В трудах казахстанских историков все они обычно предстают прежде всего как «активные проводники военно-колониальной политики русского царизма». Казахстанские коллеги подробно

---

¹ Вареник В. И. Указ. соч. С. 39, 41.

² Сопов А. В. Казачества единый корень? С. 30.

³ Куклев Ю. М. Указ. соч. С. 188.

описывают походы казачьих отрядов в степь для «жестоких расправ» с казахским населением (оставляя в тени набеги казахов на российские владения, сопровождаемые не меньшими «жестокостями»), часто цитируют характеристики действий России на Востоке историками «школы» М. Н. Покровского¹, но нередко касаются и других, менее политизированных сюжетов истории казачества, в том числе вопроса о его происхождении.

Так, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Западно-Казахстанского государственного университета (г. Уральск) М. Н. Сдыков обратился к вопросу о формировании яицкого казачества и сразу же вынес суровый приговор всей его предшествующей историографии, по сути дела заявив, что таковой не существует — по крайней мере, в России. Дореволюционные исследователи, по словам М. Н. Сдыкова, «оставили интересные сочинения, содержащие ценные наблюдения, но цельного полного исследования не проводили... В историографии как советского периода, так и последних лет нет крупных работ по изучению уральских казаков, а редкие исследования не подвергают никакому сомнению уже устаревшие выводы дореволюционных авторов. Отсюда множество мифов и домыслов, которые не выдерживают серьезной критики с позиций современных научных концепций и исторических взглядов. Патриархальность и консервативный традиционализм — вот принципы, на которых строится вся современная российская историческая наука в вопросах истории появления, формирования и развития уральского казачества»².

Из этого пассажа следует, что его автор либо считает диссертации и монографии таких признанных специалистов по истории уральского казачества, как И. Г. Рознер, В. Н. Дариенко, С. К. Сагнаева, А. И. Изюмов, А. М. Дубовиков, О. Г. Мерзликина, не выдерживающими «серьезной критики», либо они ему просто неизвестны. Последнее — наиболее вероятно, ибо М. Н. Сдыков позиционирует себя как едва ли не первопроходца в изучении материалов яицкой переписи 1723 г., хотя к этому

---

¹ См., например: *Абдиров М. Ж., Аубакирова Х. А., Бижигитова К. С., Каженова Г. Т.* Сибирское казачество и казахи Степного края в XVIII–XIX вв. Астана, 2016.

² *Сдыков М. Н.* Формирование Яицкого (Уральского) казачества в XVI–XVIII веках: мифы и реальность // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. [Казань], 2019. № 9. Т. 1. С. 6.

ценнейшему источнику по истории уральского казачества обращались практически все ее исследователи, включая вышеперечисленных.

Из работы М. Н. Сдыкова можно заключить, что до него изучением материалов этой переписи серьезно занимался лишь писатель, фольклорист и этнограф И. И. Железнов (1824–1863 гг.), да и то «в неполном объеме», а итоги их изучения в дореволюционной историографии представлены М. Н. Сдыковым пространной цитатой из «Уральских войсковых ведомостей» от 21 июля 1891 г., с которой он категорически не согласен, поскольку в ней утверждается, что при всей этнической пестроте яицкое казачество в 1723 г. имело по большей части русское происхождение¹. К тому же выводу приходили и другие российские историки — как советские, так и постсоветские (см. выше), но М. Н. Сдыков называет его «неверным» и противопоставляет ему свою точку зрения, согласно которой основным источником формирования яицкого казачества являлись «свободные люди с вольных регионов Евразии, в основной массе тюркского или смешанного происхождения»².

На основании чего делается такое заключение? Во-первых, это «выборка» (из 3196 опрошенных казаков) десятка человек, действительно имевших тюркское происхождение. Во-вторых, странная убежденность автора в том, что «сложные условия природной среды» на реке Урал могли выдержать лишь привычные к ним и обитавшие поблизости тюркские народы. И, в-третьих, отсутствие у большинства казаков, по мнению М. Н. Сдыкова, «четкого представления о своей этнической принадлежности». Последний довод вытекает из убежденности автора в том, что ни имена большинства казаков, ни указание ими мест своего рождения и социальной принадлежности родителей еще не свидетельствуют об их русском происхождении, ибо «русскими» они себя при опросах прямо не называли. Однако последнее может свидетельствовать как раз об обратном: даже в наше время, когда в каком-то сообществе наблюдается абсолютное преобладание одного этноса, свою этническую принадлежность обычно

---

¹ Сдыков М. Н. Формирование Яицкого (Уральского) казачества в XVI–XVIII веках: мифы и реальность. С. 9, 14.

² Там же. С. 5.

имеют обыкновение подчеркивать лишь представители «нацменьшинств». То же самое, по сути дела, наглядно демонстрирует и приведенная М. Н. Сдыковым «выборка»...

О репрезентативности результатов этой работы в целом можно судить по признанию автора, что она — «первый итог» обработки *лишь 10 %* материалов яицкой переписи 1723 г. Но исследование М. Н. Сдыкова, конечно, имеет научную ценность: оно интересно не только конкретными примерами неоднородности этнического состава яицкого казачества в первой четверти XVIII в., но и вполне убедительными доводами в пользу достоверности данных изучаемого им источника.

Но, к сожалению, и у наших казахстанских коллег далеко не во всех работах по истории казачества можно увидеть хоть какое-то «рациональное зерно». Пример тому — пространная статья учителя истории из г. Уральска М. К. Джусупова, опубликованная в электронном научном журнале «Universum: общественные науки» и посвященная проблеме происхождения казачества. Предков казаков М. К. Джусупов обнаруживает в X веке, считая таковыми «часть хазаров», и уже от них проводит линию к половцам («хазаро-кыпчакам») и далее — к особой группе золотоордынского населения, которая несла военную службу и пользовалась особыми привилегиями. «Ведь есть общепризнанная истина, что в составе народов Золотой Орды был народ, которого называли “казак”», — пишет М. К. Джусупов и этой «общепризнанной истиной», по сути дела, ограничивает обоснование своей версии. Но он признает наличие у казаков и «славянского ядра», чему дает довольно развернутое объяснение.

М. К. Джусупов почему-то убежден в том, что «одинаковые названия предполагают единство происхождения», и потому выводит казаков-славян из «недр» той же Золотой Орды. По его мнению, основателем славянского казачества был ордынский правитель XV в. Сайид-Ахмед-хан. Вначале он стал «приглашать в свою армию» жителей польско-литовского степного пограничья («уходников»), обучил их верховой езде (славяне же, конечно, не умели ездить верхом!), вооружил, наделил положенными «народу казак» привилегиями, и таким образом возникло запорожское казачество.

С донскими казаками у М. К. Джусупова получилось еще интереснее. Он считает их выходцами из «Новгородского княжества»,

которое, оказывается, должно было поставлять воинов в армию Сайид-Ахмед-хана, и тот их тоже принял в казачество со всеми положенными в Орде привилегиями, обучил верховой езде и вооружил. Что же касается уральских казаков, то с их родословной все предельно просто: они, по мнению М. К. Джусупова, произошли от казаков донских.

В завершение своего исследования М. К. Джусупов останавливается на значении самого слова «казак». Высшим авторитетом в этом вопросе для него явились упомянутые выше археолог и активист казачьего движения из Новочеркасска М. И. Крайсветный и казачий писатель В. Е. Шамбаров, которые, вопреки многочисленным исследованиям филологов, утверждают, что «в тюркских языках нет корней, от которых оно (слово “казак”. — *Н. Н.*) производилось бы». И это, заключает М. К. Джусупов, «еще раз свидетельствует о хазарском происхождении термина “казак”»¹.

По собственному признанию М. К. Джусупова, при написании своей работы он руководствовался принципом, сформулированным А. А. Бушковым (писателем, работающим в жанре фолкхистори): «любой исследователь имеет право на построение собственной версии — при условии, что она не противоречит логике, здравому смыслу, тому, что нам известно в общих чертах о данной эпохе». С логикой в построениях М. К. Джусупова все, может быть, и в порядке. А вот относительно других составляющих принятого им постулата этого сказать никак нельзя: все, что профессиональным историкам известно о затронутой М. К. Джусуповым эпохе, решительно противоречит его версии о происхождении российских казаков...

Особую, хоть и довольно слабую, струю в историографии Казахстана представляют работы, написанные местными активистами казачьего возрождения. В вопросе о происхождении и этнической принадлежности своих предков «казачьи историки» в этой республике занимают в принципе те же позиции, что и их российские сподвижники, т. е. считают казачество «особым народом», генетически не связанным с русскими, а в обосновании такого мнения не далеко уходят от рассмотренных выше «логических» построений М. К. Джусупова.

---

¹ *Джусупов М. К.* Происхождение казаков и этнический статус казачества // *Universum: общественные науки.* 2017. № 3.

Так, научный сотрудник музея «Старый Уральск» А. З. Курлапов признает донских, уральских и терских казаков субэтносами, но только не русского, а «казачьего» народа, который уже в XV–XVI вв. якобы представлял собой «стремительно развивающийся, оригинальный этнос», вошедший в XVIII в. «в орбиту российского суперэтноса». Научно обоснованную версию происхождения казачества А. З. Курлапов, конечно же, отвергает (называет ее ««беглохолопшей» концепцией, столь милой сердцу идеологических работников времен Сов. власти и их последышей»), а в подтверждение своей правоты использует традиционные для идеологов «казачьего возрождения» и не выдерживающие научной критики доводы (пишет, что «русскими казаки никогда себя не считали», что богатейший казачий фольклор мог создать только народ, а не «служилое сословие» и т. п.). В пользу версии о существовании «казачьего народа» уже в XVI в. А. З. Курлапов выдвигает и такой аргумент: «Один из первых признаков устоявшейся этничности, как бы вывеска оформившегося этноса — появление эндоэтнонимов (самоназваний), и экзоэтнонимов (названий, которые даются народу со стороны). Название “яицкие казаки”, как самоназвание и название со стороны (к примеру, той же России), документально фиксируется с середины 16 в.». И далее фактически сам же разрушает эту свою конструкцию, обмолвившись, что «в 18 веке казахи называли яицких казаков “жаик орыс” (*русские* с Яика)...»¹

Злую шутку с «казачьими националистами» суверенного Казахстана сыграла перепись его населения (2009 г.), в ходе которой многие из них в графе «национальность» написали «казак» и тем самым официально были зарегистрированы как... казахи. Ведь на государственном (казахском) языке этой республики любой представитель ее титульной нации — «казак»...

---

¹ Курлапов А. Уральские казаки и проблемы этнической идентификации // URL: <http://zema.su>> blog/kurlapov-uralskie-kazaki-i-problemy... (Выделено мной — Н. Н.).

9. Предтечи и предки казаков: критерии определения

Убеждение некоторых исследователей в нерешенности вопроса о происхождении казачества порой объясняются не только обилием встречающихся в литературе взаимоисключающих мнений на этот счет, но и слабым знанием самой этой литературы. Наглядный тому пример — вышеупомянутая статья И. М. Сампиева, С. И. Аккиевой и Р. К. Касымханова. Ее авторы пришли к заключению, что «при современном уровне исторических знаний невозможно сделать окончательный вывод о генезисе казачества», а также решить «вопрос о том, чем считать казачество — этносом или сословием». И это действительно невозможно, если опираться на приложенный к статье список использованной литературы, где нет ни одной работы ведущих специалистов по ранней истории казачества¹.

Большинство профессиональных историков, конечно же, отвергает «автохтонную теорию» происхождения казачества и опирается при этом на солидную источниковую базу. Однако и с обоснованием их концепций не всегда все благополучно: позиции авторов бывают недостаточно четко обозначенными, критерии определения тех или иных этно-социальных структур как казачьих (или протоказачьих) порой оказываются размытыми, что развязывает руки сторонникам «автохтонной теории» для нагромождения в ее русле все новых и новых «гипотез».

Для выработки строго объективной, научно обоснованной концепции происхождения казачества надо, в первую очередь, исходить из того, подмеченного, в частности, этнологом С. К. Сагнаевой², но историками часто упускаемого из вида непреложного факта, что «казаки» появились намного раньше «казачества», и потому (повторюсь) далеко не каждое их упоминание в источниках следует рассматривать как выход предков нынешнего казачьего населения России на историческую арену.

---

¹ Сампиев И. М., Аккиева С. И., Касымханов Р. К. К вопросу о казачьей идентификации и самоидентификации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. С. 4–10.

² Сагнаева С. К. Указ. соч. С. 14.

Чтобы выяснить, когда и кто из представителей множества обитавших и сменявших друг друга в южнорусской лесостепи и степи племен и народов стал первоосновой, историческим ядром казачества России, сначала необходимо определиться с тем, что признается практическими всеми «казаковедом» или во всяком случае не вызывает у них принципиальных разногласий. А это будет тот факт, что предки современного казачества вышли из *общин вольных казаков*, которые обосновались в XVI–XVII вв. на Дону с притоками, на Днепре ниже порогов, на Яике (Урале) и Тереке. Значит, нам остается «всего лишь» выяснить происхождение самих этих вольных казачьих общин.

Сделать это можно только одним способом: найти те группы населения, которые бы независимо от своего названия строились на принципах и порядках, принятых у несомненных предков казачества — членов вольных казачьих общин XVI–XVII вв. То есть нам надо узнать, у кого и когда сложилась и приобрела устойчивый характер та форма социальной организации, которую можно назвать «институтом казачества», и проследить, имела ли она преемственную связь с казачьими общинами XVI–XVII вв.

Характерные, т. е. присущие вольным казачьим сообществам всех «рек» и «войск» особенности социальной организации хорошо известны. Они фиксируются в исторических источниках, начиная с конца XVI в. и в своей совокупности таковы: 1) социальное равенство членов сообщества; 2) так называемая казачья демократия, предполагающая решение всех важных вопросов на общих сходах и выборность снизу доверху исполнительной власти; 3) «разнородовой» характер сообществ, т. е. объединение в них лиц, которые в большинстве своем не являлись родственниками (казачьи объединения не были кровнородственными общинами); 4) специфический характер занятий членов сообщества, а занятия эти, в соответствии с терминологией XVI–XVII вв., назывались «воинским промыслом».

Последний признак особенно важен, но некоторые исследователи ранней истории казачества упоминают о нем вскользь, через запятую с «рыбной ловлей» и «охотой»¹. По их мнению,

---

¹ *Степанов И. В.* Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. М., 1957. С. 24; *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 6; *Мавродин В. В.* По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России: проблемы, поиски. Решения. М., 1974. С. 43; *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 9.

казак — это просто «вольный человек на вольной земле»¹, между тем как казачьи общины — это прежде всего и главным образом объединения *воинов*, основной источник существования которым в XVI–XVII вв. давала военная добыча. Это факт, твердо установленный еще дореволюционными исследователями и никем с тех пор не опровергнутый, а лишь подтверждаемый². Против него, правда, возражают поборники «автохтонной» теории³, но их позиция не выдерживает критики уже потому хотя бы, что сами казаки, по крайней мере с XVII в., называли свои территориальные объединения «Войсками» («Войско Донское», «Войско Яицкое» и т. д.) и заявляли, что без «воинского промысла» им невозможно «прокормиться и одеться». Это подтверждалось сторонними наблюдателями, а также упорным нежеланием казаков заниматься хлебопашеством. На Дону оно было запрещено вплоть до конца XVII в. под страхом смерти, причем с весьма красноречивым объяснением: «дабы воинским промыслам помешки не было»⁴.

---

¹ Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 209.

² Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Сб. 3. С. 13; Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России (К 100-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина). М., 1986. С. 63; Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII // История СССР. 1986. № 4. С. 171; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 26–27; Казачий Дон. Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 41, 50; Мамонов В. Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. Т. 1. С. 79; История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 228; Изюмов А. И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 129; Беляев Л. А. Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 51–52; Марков В. И. О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 115–116, 120; Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 342–343.

³ См., например: Алмазов Б. Мы казачьего рода. Хельсинки, 2008. Кн. 1. С. 118–119.

⁴ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 109; Караулов М. А. Терское казачество. М., 2007. С. 34; Тхоржевский С. Указ. соч. С. 13, 22; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 209–210; История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 77–78; Марков В. И. О возникновении украинского козачества. С. 210–211.

Что же касается «свободных людей на свободной земле», то они известны историкам и среди неказачьего населения. Напомню опять о «бухтарминских каменщиках» — старообрядцах, самовольно поселившихся в XVIII в. на Алтае и принявших российское подданство лишь в 1791 г. (да и то со статусом «ясачных людей»). Они, как и казаки, были свободными и практически поголовно вооруженными (т. к. активно занимались охотой), имели общинное самоуправление, но казаками они себя не считали и никто их так не называл, поскольку, в отличие от казаков, бухтарминцы занимались не «воинским промыслом», а вели традиционно крестьянский образ жизни¹.

В своей же совокупности признаки, отличающие казачьи общины от прочих, приводят к однозначному выводу: казачество было явлением не столько этническим, сколько *социальным*, и если применить сформированные выше критерии к тем этнополитическим объединениям, которые порой фигурируют в литературе как непосредственные предки (предтечи) российского казачества, то из их числа надо, разумеется, сразу же исключить древнейшие племена и народы, обитавшие в Подонье, Приазовье и Северном Причерноморье в целом, — скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар и т. п. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения об их жизни и социальном устройстве не позволяют говорить о близости и тем более тождественности казачьим, а выделялись ли из их среды социальные элементы, которые могли бы создавать вольные общины казачьего типа, мы просто не знаем, но даже если таковые и выделялись, ясно, что раз они не нашли отражения в исторических источниках, то устойчивого характера не носили, в качестве сколько-нибудь заметной политической силы на исторической арене не выступали и, стало быть, преемственной связи с последующими «вольными» поселенцами южно-русской лесостепи и степи не имели.

***

Вместе с тем, нельзя не видеть, что в южно-русском регионе и до XVI–XVII вв. не раз появлялись группы населения во многом похожие на хорошо знакомое нам казачество.

---

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 456; Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири. Новосибирск, 1989.

Как предки казачества в ряде работ фигурируют, например, некоторые специфические группы *тюркского* населения лесостепной полосы Восточной Европы XII–XIII вв. В первую очередь это «черные клобуки» — конгломерат из остатков печенегов, торков, берендеев, ковуев и других кочевых племен и народов, которые заселяли Северное Причерноморье до половцев, но были вытеснены ими с прежних мест обитания и перешли под покровительство русских князей, расселившись в качестве их вассалов по юго-восточному пограничью Руси и прежде всего по реке Рось.

Связь между черными клобуками и позднейшими казаками усматривал еще Н. М. Карамзин¹. С. М. Соловьёв вообще полагал, что военные поселения по реке Рось уже с XI в. представляли собой «зерно казачества»². Подобные аналогии проводят и некоторые современные исследователи. Так, И. Л. Коневиченко считает, что «вычеркивать из числа казачьих предков» черных клобуков «нет никаких серьезных оснований»: «они занимали ту же хозяйственно-культурную и профессиональную нишу, что и в более позднее время казаки»³. В. В. Глущенко называет черных клобуков «одними из многих предков казачьего рода на Днепре»⁴. По мнению С. А. Плетнёвой, у черных клобуков «начал складываться быт, характерный впоследствии для казачества». Этот быт она представляет следующим образом: «Мужчины были всегда готовы к военным походам, на женщинах же фактически держалась вся экономика, а дети (мальчики) сызмальства воспитывались в духе удалства и всадничества»⁵.

Трудно, однако, понять, что здесь специфически казачьего: таков был образ жизни всех кочевых народов Евразии в ту эпоху. Если же в виду имеется возложенная на черных клобуков *пограничная служба*, то она была характерна не для вольного, а для *служилого* казачества: для городских казаков, дислоцированных на Белгородской, Изюмской, Симбирской и других укрепленных «чертах» Московского государства XVI–XVII вв., для линейных казаков, охранявших российские рубежи в XVIII–XIX вв.

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 215.

² Соловьёв С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 66.

³ Коневиченко И. Л. Казачество в правовом пространстве России. С. 17.

⁴ Глущенко В. В. Казачество. Учебное пособие. С. 83.

⁵ Плетнева С. А. Половцы. С. 83.

на Кавказе и в Сибири. И, видимо, именно их имеет в виду другой наш видный археолог и историк — В. Л. Егоров, — когда пишет, что черные клобуки несли «практически казачью службу»¹.

Сильно отличался от казачьего и тип социальной организации у черных клобуков, и это, пожалуй, главное препятствие к признанию их «протоказаками». Как пишет та же С. А. Плетнева, «у черных клобуков прослеживается ясно выраженная социальная иерархия... Наверху стояли крупные аристократы, подчинявшиеся непосредственно князю главного города любого княжества, в котором были такие вассалы»². Хорошо известно также, что представители этой «аристократии» получали на Руси в управление целые города³. Надо ли доказывать, как далеко все это от демократических порядков вольных казачьих общин?

В. Ф. Мамонов считает, что «теория о черных клобуках как ядре российского казачества... остается лишь одной из возможных гипотез — не более того»⁴. Полагаю, однако, что с учетом вышеприведенного она и в качестве гипотезы не может всерьез рассматриваться...

По ряду признаков гораздо более близкими к вольным казачьим сообществам XVI–XVII вв. могла быть еще одна группа тюркского населения южнорусских степей домонгольского периода — так называемые дикие половцы. Они упоминаются в летописях с 40-х гг. XII в. и, судя по этим сообщениям, в отличие от черных клобуков, были не вассалами, а союзниками русских князей. «Дикие половцы» кочевали вблизи разных районов русского пограничья, не входили ни в одну из известных историкам крупных «орд», состояли из семей (аилов), не связанных друг с другом кровнородственными отношениями и, по-видимому, являлись остатками тех родоплеменных объединений, которые были разгромлены русскими в начале XII в.⁵ О внутренней организации «диких половцев» мы ничего не знаем, но какой бы она ни была, признать их предками казачества тоже не представляется возможным. Попав под власть монголов, и черные клобуки, и дикие половцы растворились в общей массе населения Золотой Орды.

---

¹ Егоров В. Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6. С. 196.

² Плетнева С. А. Половцы. С. 87.

³ Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы. М., 2011. С. 121, 264–265.

⁴ Мамонов В. Ф. Указ. соч. С. 33.

⁵ Плетнева С. А. Половцы. С. 90–92.

Это — мнение ведущих специалистов по истории кочевого мира южнорусских степей¹. Стало быть, допуская возможность формирования там протоказачьих структур в домонгольский период, мы вынуждены будем констатировать, что оно было резко прервано и надолго остановлено монголо-татарским завоеванием.

***

Среди претендентов на место родоначальников казачества часто выдвигаются и так называемые бродники. Сами за себя говорят уже некоторые названия посвященных им работ: «Предшественники казачества — бродники», «Бродники — предки донских казаков» и т. п.²

Наиболее оригинальная точка зрения по «бродницкой проблеме» принадлежит, конечно, Л. Н. Гумилеву, который утверждал (как обычно, не утруждая себя доказательствами), что бродники являлись «потомками древних хазар в долине Дона», которые «сменили этноним» и «стали называться казаками»³. Бродников считал непосредственными предками казаков крупнейший исследователь истории русской колонизации М. К. Любавский, а из современных авторов той же точки зрения придерживаются историки А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян и В. П. Трут, А. В. Головнёв, В. В. Глущенко, политолог А. Е. Мохов⁴.

Некоторые исследователи пишут о происхождении казаков от бродников с оговорками — «не исключено», «вполне возможно», «с известной долей вероятности» и т. д.⁵ Вместе с тем,

---

¹ Голубовский П. В. Указ. соч. С. 119–121; Плетнева С. А. Половцы. С. 87; Трепавлов В. В. Кочевники южнорусских степей // Преподавание истории в школе. 2007. № 3. С. 43.

² Вольнкин Н. М. Предшественники казачества — бродники // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 1949. № 8; Овчинникова Б. Б. Бродники — предки донских казаков // Родина. 1998. № 10; Сопов А. В. Бродники — предшественники казаков (тезисы) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2009. Вып. 4.

³ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 213–214.

⁴ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 139; Казачий Дон: Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 1. С. 12–13; Глущенко В. В. Казачество. Учебное пособие. С. 90; Мохов А. Е. Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 18–21; Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 236, 331.

⁵ Попов А. И. Кыпчаки и Русь // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. 1949. № 112. С. 144; Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 138.

никакого сомнения «прямое родство» бродников с казачеством не вызывало у большинства представителей казачьей эмигрантской историографии. При этом некоторые из них (например, Ш. Балинов) ссылались на некую (не указанную) «русскую летопись», согласно которой бродники представляли собой «уже сложившуюся народность, стойкую, способную на противодействие чужому влиянию», а потому «и под владычеством половцев» (а затем и монголов) сохранившую «свой славянский тип, язык, свою христианскую религию», имевшую «свои города, церкви», занимавшуюся земледелием¹.

Подобные идеи популярны и у нынешних, российских активистов казачьего возрождения, и в этом они находят полную поддержку ряда литераторов, касающихся истории казачества².

Некоторые казачьи активисты идут в развитии и распространении «бродницкой теории» очень далеко. Называя бродников своими предками, они изображают их не просто «автохтонным этносом», а народом, издревле противостоявшим «русской экспансии». Вот пример такой трактовки.

По летописи известно, что в 1223 г. на Калке монголы использовали одного из предводителей бродников — «воеводу» Плоскиню — в переговорах с остатками русских войск, чтобы склонить их к капитуляции. Казалось бы, что к этому сообщению можно добавить? Оказывается, многое. Руководитель пресск-центра Всевеликого Войска Донского С. В. Казаков эпизоду на Калке дает такую трактовку: «Отряд атамана бродников Плоскини вместе с экспедиционным корпусом монголов одержал победу над русско-половецкими войсками» и тем самым положил конец «навязчивой идее» русских князей «шеломом испить Дону», т. е. завоевать казачьи земли...³

Дон и Приазовье фигурируют в качестве места обитания бродников у многих авторов как легковесных, так и серьезных

---

¹ Балинов Ш. О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru/...articles...o-proishozhdenii.html>).

² Казачий словарь-справочник. Кливленд, Охайо, США, 1966. Т. 1. С. 87; Селищев Н. Ю. Казаки и Россия. М., 1992. С. 10–11; Задонский А. Откуда казаки произошли // Литературная Россия. 1993. № 36; Казаков С. В. Послесловие к книге В. И. Вареника «Происхождение донского казачества» (Ростов Н/Д, 1996). С. 218–219; Алмазов Б. А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 94; Бараев В. Битва на Калке. Взгляд с другой стороны // Литературная Россия. 2011. № 38.

³ Казаков С. В. Послесловие // Вареник В. И. Указ. соч. С. 218–219.

работ. Некоторые исследователи «расселяют» бродников по всей территории Северного Причерноморья — от Дуная до Предкавказья¹.

На чем же строятся все эти мнения?

Дошедшие до нас сведения о бродниках относятся к XII–XIII вв. и крайне скудны. Основной материал для изучения той эпохи — древнерусские летописи, однако в них всего три кратких упоминания о бродниках (1147, 1216 и 1223 гг.), никак не согласующиеся с их вышеприведенным описанием «казакийцом» Ш. Балиновым. Правда, кое-какую информацию мы можем получить из византийских и венгерских документов того же времени, а также данных топонимики, и комплексное изучение всех имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет современным историкам прийти к следующему, вполне обоснованному заключению.

Бродники — это вольные сообщества беглецов и изгоев («выгонцев») преимущественно из Юго-Западной Руси, обосновавшиеся в XII ст. вовсе не в Подонье (на это в источниках нет никаких указаний), а в Нижнем Подунавье (включая междуречье Днестра и Дуная) и промышлявшие, главным образом, рыболовством, пиратством, грабительскими набегами и военным наемничеством. Та их часть, что поселилась на реке Берлад (приток впадающей в Дунай реки Серет), называлась «берладниками», а всех вместе их порой называли «подунайцами»².

Источники позволяют с изрядной долей уверенности утверждать, что бродники в основном были русскими по происхождению, православными христианами по вероисповеданию, отличались воинственностью и храбростью («презирали смерть»). А то обстоятельство, что они практически всегда упоминались во множественном числе, т. е. выступали как «коллективное целое» (в котором, правда, могли выделяться «старые бродники» —

---

¹ Овчинникова Б. Б. Бродники — казацкая вольница // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 57.

² Аверин И. А. Бродники: миф и реальность // Казаки России. М., 1993. С. 41–53; *он же*. «Те, которые презирают смерть» // Родина. 1997. № 9. С. 34–36; Перхавко В. Б. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 70–75; Перхавко В. Б., Пчелов Е. В., Сухарев Ю. В. Князь и княгиня Русской земли. М., 2002. С. 159–164; Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В. Воители Руси IX–XIII вв. М., 2006. С. 181.

возможно, старейшины), может указывать на общинный (военно-демократический) характер их социальной организации.

Источники «обнаруживают» бродников не только в Подунавье, но и в других районах, где они обычно действовали вместе с половцами, но это легко объясняется тем, что те и другие в качестве наемников активно участвовали в княжеских распрях и потому могли оказываться в самых различных местах. Сторонникам дунайской локализации бродников сложнее объяснить другое: найденные археологами следы небольших поселений с древнерусской керамикой XII в. на среднем Дону (в устьях небольших речек и при овражках), а также остатки русских поселений и христианских кладбищ того же времени на нижнем Днепре. Но если археолог С. А. Плетнева связывает их с бродниками¹, то этнолог и историк И. А. Аверин — с русскими пленниками, захваченными во время набегов половцев на Русь и расселенными в степных «зимовищах» для работы на новых хозяев. «Никаких подтверждений воинственности данных русских археологами не найдено», — резонно замечает он².

Авериным также категорически отрицается возможность генетической связи бродников как с древним славянским населением Дона (жившим там с VIII в.), так и с хазарами, поскольку первые под натиском печенегов покинули этот регион еще в начале X в. (перевравшись в бассейн среднего течения Оки), а вторые — в начале XI в., тоже расселившись по окрестным странам и народам³.

Не так прост, как многим кажется, и вопрос об этимологии слова «бродники». С. А. Плетнева приводит наиболее распространенное (как бы напрашивающееся само собой) его толкование: «Название “бродники” происходит от слова “бродить”, близкого по смыслу тюркскому корню “каз” (кочевать), от которого образовалось слово “казаки”»⁴. Подобные трактовки выдвигаются давно и даже рассматриваются как доказательство существования преемственности между бродниками и казаками. «Самое слово “казак” по смыслу своему близко стоит к слову “бродник”, и весьма вероятно, что одно есть замена

---

¹ Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 93.

² Аверин И. А. Бродники: миф и реальность. С. 43.

³ Там же.

⁴ Плетнева С. А. Половцы. С. 92–93.

другого», — писал М. К. Любавский¹. Эту точку зрения разделяет и развивает современный исследователь А. В. Головнёв². Однако И. А. Аверин придерживается другого мнения и указывает, что «значение термина “бродник”... имело в большинстве славянских языков отношение к речной тематике... Глагол же “бродить” во всех славянских языках определяет медленное передвижение, хождение по воде или ловлю неводом рыбы». В этой связи им вновь отмечается привязанность термина «к определенному географическому ареалу и определенной профессиональной ориентации русских “подунайцев” — рыболовов и речных купцов-пиратов, не брезговавших и военным наемничеством»³.

К мнению историков, считающих, что «бродники — это те же казаки, только времен Киевской Руси», И. А. Аверин относится скептически⁴, но его скепсис в данном случае не вполне оправдан. Если обобщить весь выявленный на сегодняшний день конкретно-исторический материал о бродниках, то их сходство с позднейшим казачеством нельзя не заметить: оно явное в образе жизни и вполне вероятное — в особенностях социальной организации. Поэтому вряд ли следует рассматривать как большое преувеличение проводимые историками аналогии между бродниками и вольным казачеством XVI–XVII вв. А такие аналогии встречаются у многих серьезных исследователей — П. В. Голубовского, Б. Д. Грекова, И. Б. Грекова, А. И. Попова, Л. Б. Заседателевой, В. Б. Перхавко, и др. Они называют бродников «прототипом позднейшего казачества», «прообразом будущих казаков» «предшественниками позднейшего русского и украинского казачества» и т. д.⁵. Более пространно формулирует свою позицию С. А. Плетнева: «бродники — отряды вольных русских степных поселенцев, аналогичных казачеству, возникшему в степях на 500 лет позднее»⁶. Думается, что в целом эти исследователи правы.

---

¹ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. С. 139.

² Головнёв А. В. Феномен колонизации. С. 331.

³ Аверин И. А. Бродники: миф и реальность. С. 48–49.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Голубовский П. В. Указ. соч. С. 165; Попов А. И. Указ. соч. С. 114; Греков И. Б., Шамагонов Ф. Ф. Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. 2-е изд. М., 1988. С. 50; Перхавко В. Б. Князь Иван берладник на Нижнем Дунае. С. 71; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 168.

⁶ Плетнева С. А. Половцы. С. 92.

Другое дело — можно ли считать бродников *предками* казаков XVI–XVII вв. Прослеживается ли между ними непосредственная связь? Большинство профессиональных историков отвечает на этот вопрос уклончиво, но склоняется скорее к отрицанию такой связи, чем к признанию ее наличия, ссылаясь, как правило, на малочисленность источников. Как заметил А. И. Козлов, «бродницкая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей ее заманчивости и привлекательности, не особенно убедительна. И прежде всего потому, что не имеет под собой веских доказательств»¹. Это мнению полностью воспроизводит в своих работах и А. В. Сопов, хоть и начинает историю казаков «как минимум с X–XI столетий»². Е. И. Дулимов, В. К. Цечоев и В. А. Волков также считают, что убедительных доказательств трансформации бродников в казаков историками пока не представлено³. По мнению И. Л. Коневиченко, «бродницкая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей своей привлекательности, недостаточно убедительна. Прежде всего, потому что не имеет под собой веских доказательств»⁴.

Более последовательную позицию по этому вопросу занимает М. А. Рыблова. Она замечает, что никому из сторонников так называемой бродницкой теории «не удалось обнаружить ни одного источника, указывающего на наличие непосредственной связи и преемственности между донскими казаками и бродниками»⁵.

Возьму на себя смелость утверждать, что такую преемственность искать вообще бесполезно. Судьба бродников к настоящему времени прослежена достаточно четко. Часть из них под давлением монголо-татар в середине XIII в. переместилась

---

¹ Козлов А. И. Откуда пошли и кто такие казаки (периодизация казачьей истории) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 166.

² Сопов А. В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 10, 23.

³ Дулимов Е. И., Цечоев В. К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001. Гл. 5; Волков В. А. Войска и войны Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.). М., 2004. С. 250.

⁴ Коневиченко И. Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность. СПб., 2016. С. 10.

⁵ Рыблова М. А. «Казаки возвращаются!». С. 275.

в пределы Венгерского королевства (на территорию Западной Румынии и Словакии), а оставшиеся в Дунайско-Днестровском междуречье были ассимилированы окрестным населением, так что в конечном итоге бродники утратили свою самобытность и слились с другими народами (главным образом с болгарами, румынами и молдаванами)¹.

Даже если признать ареалом расселения бродников *всё* Северное Причерноморье (включая Подонье-Приазовье), это сути дела не меняет: проживавшее там до монгольского нашествия население было либо сметено, либо ассимилировано завоевателями. А они не терпели в своем тылу никакой «партизанщины», с 1230-х гг. прочно и надолго утвердились в южнорусских степях и держали их под столь жестким давлением и контролем, что о каких-либо вольных самоуправляемых общинах на территории Орды долгое время не могло быть и речи. Это очень убедительно показано многими исследователями², так что если бродников и можно рассматривать в контексте истории казачества, то лишь как «тупиковую ветвь» на его «родословном древе»...

***

С броднической проблемой некоторые историки (как дилетанты, так и профессионалы), в свою очередь, связывают еще одну версию происхождения казачества, которая, по сути, базируется лишь на записках фламандского монаха-францисканца Гильома (Вильгельма) Рубрука — посланца французского короля Людовика IX к монгольскому хану. В 1253 г. Рубрук со своими спутниками достиг берегов Дона, где через реку их перевезли на лодках некие русские, жившие в специально построенном для обслуживания донской переправы поселке и занимавшиеся, кроме перевоза купцов и послов, рыбной ловлей и хлебопашеством. Комментируя сообщение Рубрука, А. П. Скорик и В. А. Бондарев пишут, что упомянутыми им перевозчиками вполне «могли быть захваченные на Руси пленники, поселенные Батыем на берегу Дона с задачей выполнять вышеотмеченные

---

¹ *Аверин И. А.* Бродники: миф и реальность. С. 49.

² См., например: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 201; *Шенников А. А.* Червлёный яр. Л., 1987. С. 20, 126; *Плетнева С. А.* Половцы. С. 176–179; *Трепавлов В. В.* Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 173.

функции», однако вариант с бродниками даже при «отсутствии бесспорных подтверждений» представляется Скорик и Бондареву «более вероятным». Принимая его, мы, по мнению этих исследователей, «можем говорить о бродниках как о наиболее вероятных предках казачества»¹.

В этой работе А. П. Скорик и В. А. Бондарев широко использовали сочинение выше не раз упоминавшегося «казакийца» А. А. Гордеева, который в рамках своей концепции о зарождении казачества в недрах Золотой Орды (и тоже при отсутствии доказательств) связывал описанных Рубруком перевозчиков с бродниками (якобы «превращенными в военных поселенцев»)². Подобные трактовки сообщений монаха-францисканца не могли не вызвать возражений в научном сообществе. Против использования записок западноевропейских авторов XIII в. (включая Рубрука) в качестве доказательства существования казачества выступил, например, волгоградский историк Н. Б. Скворцов. Правда, его аргументация, по сути дела, сводилась к констатации того несомненного факта, что в этих записках о «казаках» нет ни одного упоминания³. Но этого недостаточно: ведь, как отмечалось выше, предки нынешних казаков могли упоминаться в источниках под другими названиями.

Главное, что не позволяет причислить упомянутых Рубруком перевозчиков к казакам (а равно и к бродникам) — характер их занятий — исключительно мирный. И если переправкой людей и грузов через реки (например Волгу) казаки еще нередко «подрабатывали» и в XVI–XVII вв.⁴, то хлебопашество на том же Дону было запрещено вплоть до конца XVII в. Кроме того,

---

¹ Скорик А. П., Бондарев В. А. Золотая Орда и казаки: к вопросу о происхождении донского казачества // История в подробностях. 2013. Август. С. 86–87.

² Гордеев А. А. История казаков. Ч. 1. Золотая Орда и зарождение казачества. М., 1992. С. 52.

³ Скворцов Н. Б. Западные европейские авторы XIII–XIV вв. о населении южнорусских степей // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2011. № 9 (63). С. 58–62.

⁴ Хорошо известен, например, эпизод, связанный с именем соратника Ермака Ивана Кольцо, который летом 1581 г. подрядился перевезти через Волгу караван ногайских послов и среднеазиатских купцов (но потом их же и ограбил). Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 141–142.

в распоряжении историков нет ни одного свидетельства о существовании таких перевозчиков в XIV–XV вв. и тем более — об их генетической связи с позднейшим казачеством. Не прослеживается она, вопреки мнению некоторых историков, и в отношении тех «рабов татар» из числа русских, венгров и алан, которые, по рассказу Рубрука, «собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают каждого, кого застают ночью»¹. Разбои и грабежи были неотъемлемой частью жизни людей во все времена, но это не превращало всех, кто совершал такие преступления, в казаков...

Своеобразным ответвлением бродницкой версии происхождения казачества можно считать и версию тмутараканскую, согласно которой этнически смешанное население русского Тмутараканского княжества, существовавшего в X–XII вв. на Таманском полуострове и в восточном Крыму, стало либо «ядром» казачества, либо одним из его компонентов — после того как превратилось в бродников. Эта точка зрения в той или иной мере нашла отражение не только в дилетантских сочинениях «казакийцев» (таких, например, как Ш. Балинов, утверждавший, что бродники — это «старое славяно-русское население Тмутараканского княжества»), но и в работах некоторых профессиональных историков, в частности В. В. Мавродина, рассматривавшего бродников как промежуточное звено между тмутараканцами и казаками. По его мнению (не подкрепленному, однако, данными репрезентативных источников), как раз потомки тмутараканцев и бродников приняли колонизационную волну из Центральной России, завершившую формирование казачества².

Эту точку зрения пытаются развивать и некоторые современные исследователи. В их числе философ П. Н. Лукичев и не раз уже упоминавшийся историк А. П. Скорик. Они полагают, что суперпассионарное «смешанное население Тмутараканского княжества могло стать ядром, вокруг которого в последующемросло казачье население Дона»³. Доктор культурологи

---

¹ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. Алматы, 1993. С. 102.

² Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. Герцена. 1938. Т. 9. С. 9–49.

³ Лукичев П., Скорик А. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль, 1995. № 8. С. 44, 46–47; см. также: *они же*. Казачество:

А. Ф. Григорьев абсолютно уверен в том, что «этногенез казачества на Северном Кавказе связан с южнорусским Тмутараканским княжеством»¹. Ту же концепцию отстаивают историки В. Б. Виноградов и С. А. Голованова, которые, правда, сами признают, что «источников, прямо подтверждающих их выводы, на сегодняшний день нет». Приводимые же ими «косвенные доказательства» не позволяют рассматривать их версию даже в качестве серьезной гипотезы. Нельзя же, в самом деле, считать аргументом в ее пользу то обстоятельство, что «время окончания русского периода в истории Тмутаракани и время появления в письменных источниках имени бродников соприкасаются», и что, по описанию посетившего Тмутаракань в 1237 г. римского миссионера, «знатные люди» этого города «над левым ухом оставляют немного волос в знак благородства, обрив всю голову...»² — т. е. походили на запорожских казаков. Не случайно в посмертном изданном капитальном исследовании известного питерского историка А. В. Гадло о «Тмутараканской Руси» ни о каких ее связях с бродниками речи нет³.

Тмутараканско-бродницкая концепция в свою очередь является частью более обширной темы — о древнем славяно-русском населении Подонья и Северного Кавказа. «Перекинуть мостик» от него к казачеству XVI в. тоже пытались и пытаются не только дилетанты, но и некоторые профессиональные историки. Тот же В. В. Мавродин в 1930-е гг. вообще предлагал рассматривать Нижний Дон и Северный Кавказ как место исконного проживания славяно-русского населения, сохранившегося там в период половецкого и монголо-татарского господства⁴, но доказать этого, конечно же, не смог за отсутствием в источниках соответствующих данных.

историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск, 1994. С. 40, 44; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 46.

¹ Григорьев А. Ф. Как и по каким признакам искать предков казаков? URL: <http://politkavkaz.ru>pdf/predki-kazak.pdf> (Дата обращения — 29.03. 2018).

² Голованова С. А., Виноградов В. Б. Тмутараканская версия происхождения казачества // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 29–40.

³ Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси; Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

⁴ Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа.

В 1980-е гг. эту идею попытался осторожно реанимировать известный донской историк В. Н. Королёв. Он допускал возможность постоянного существования «небольших отдельных групп славяно-русского населения на Дону, которые могли стать ядром будущего донского казачества», но сам же признал недоказанность своей гипотезы. «Помочь решить эту проблему могла бы археология. К сожалению, никто из археологов ею не занимается», — посетовал он¹.

Весьма сочувственно относящиеся к этой идее современные исследователи Е. И. Дулимов и В. К. Цечоев тоже, тем не менее, вынуждены признать, что она не имеет («пока») достаточно глубокого обоснования, не подтверждаясь ни известными на настоящий момент письменными, ни археологическими источниками, и лишь немногочисленных «старых» казаков Нижнего Дона готовы причислить (не ясно, правда, на каком основании) к потомкам древнего автохтонного населения².

Гораздо более резок в своих оценках С. М. Маркедонов. Он не без оснований назвал систему аргументации в пользу этой концепции в работах В. В. Мавродина и его учеников (прежде всего — Н. М. Волынкина) «спекулятивными построениями», основанными на произвольном обращении с источниками, и в целом охарактеризовал ее как политически предвзятую, преследующую вполне конкретную (и «актуальную» для 1930–1940-е гг.) задачу — доказать причастность Северного Причерноморья к формированию русского национального государства³.

О. Ю. Куц, опираясь, в частности, на исследования украинского историка В. А. Брехуненко, обращает внимание на то, что Дон стал ареной «казакования» лишь после появления там выходцев «из разных краев» на рубеже XV–XVI вв., принесших туда и собственно понятие «казак», и соответствующий ему образ жизни, который не был свойственен более раннему славянскому населению края. Кроме того, подчеркивает исследователь, после

---

¹ Королёв В. Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII–XVI веках // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов н/Д, 1989. С. 126.

² Дулимов Е. И., Цечоев В. К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001. Гл. 5.

³ Маркедонов С. Основной вопрос казачеведения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

нашествия на Волго-Донские степи в 1395–1396 г. войск Тимура, на Дону долгое время не было уже никакого, в том числе и татарского, постоянного населения¹.

***

В исторической литературе в качестве первоначального ядра казачества нередко фигурируют и так называемые червленоярцы — православное (как русское, так и татарское) население хоперско-донского междуречья (Червленого яра) XIV в., находившееся в непосредственном подчинении и управлении Золотой Орды и обладавшее в ее рамках некоторой «автономией». Известный питерский историк А. А. Шенников положение червленоярцев в Золотой Орде сравнил с тем, «какое впоследствии донские казаки заняли в Московском государстве», рассматривая, правда, свою точку зрения лишь как «рабочую гипотезу»². Но и в таком качестве она, как показал не менее известный историк и археолог М. В. Цыбин, оказалась весьма уязвимой³. Социальная организация червленоярцев (в частности, наличие «бояр»), характер их занятий (заготовка сена, снабжение золотоордынцев изделиями ремесленного производства и т. п.) не соответствует представлениям о вольном казачестве XVI–XVII вв. Судьба потомков червленоярцев не ясна, но их преемственная связь с позднейшим казачеством тоже не подтверждается ни археологическими раскопками, ни данными письменных источников: за XV в. сведения о Червленом яре в них попросту отсутствуют.

Столь же сомнительна и правомерность отождествления пращуров казачества с новгородскими ушкуйниками — участниками военно-разбойничьих экспедиций, громившими и грабившими в XIV — начале XV вв. на Волге и Каме как татар, так и русских. Происхождение части донских казаков от новгородцев в свое время пытался доказать Е. П. Савельев, опираясь, в том числе на мнение академика живописи Е. А. Ознобишина⁴. Знак равенства между ушкуйниками и первыми казаками ставили такие

---

¹ Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 38–39.

² Шенников А. А. Указ. соч. С. 20, 126.

³ Цыбин М. В. Рец. на «Червленный яр» А. А. Шенникова // История СССР. 1990. № 2. С. 194.

⁴ Савельев Е. П. Указ. соч. С. 265–266, 349–350; Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, 1968. т. 2. С. 232; URL: <http://texstar.ru/content/alb1735>

дореволюционные исследователи, как И. Д. Попка и В. А. Потто, и с ними фактически солидарны некоторые современные авторы.

Среди них — уроженец Урюпинска и «донской казак как минимум в седьмом-восьмом поколении» Н. И. Нестеров, полагающий (не ясно, на каком основании), что ушкуйники, теснимые московскими войсками, сначала обосновались на Волге в районе современного Камышина, а затем перешли на Дон, спустились по нему до Азова, смешались там с другими казачьими общинами и таким образом положили начало Всевеликому Войску Донскому¹.

Ярославский историк Н. В. Дутов вообще не скрывает своей симпатии к Новгороду и ушкуйникам и антипатии к Москве, пресекавшей (якобы лишь под давлением Золотой Орды) бесчинства «речных разбойников». Он отмечает их «стремление к свободе и независимости» и полагает, что «основной задачей» ушкуйников была «борьба с Ордой», а нападения на русские города (сопровождаясь их сожжением, грабежами, убийствами и продажей захваченных «в полон» людей в «бусурманское» рабство) являлись «карательными мерами» в ответ на действия московских князей, «пресмыкавшихся» перед золотоордынскими правителями². Проявляемая при этом запредельная, циничная жестокость ушкуйников, похоже, не смущает Н. В. Дутова (либо он о ней не знает), но она давно известна исследователям и никак не вяжется с «благородством» чьих бы то ни было помыслов и чувств даже с учетом ментальностей эпохи³.

---

¹ *Нестеров Н. И.* Кто они, донские казаки? Волгоград, 2008.

² *Дутов Н. В.* Волга и ушкуйники. Колыбель речного разбоя // Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ. Заочная межрегиональная научно-методическая конференция. Материалы конференции. Ярославль, 2008. С. 204–216.

³ О чинимых этими «удальцами» расправах в захваченных русских городах можно судить по посланию митрополита Ионы в 1452 г. жителям Вятки, тесно связанной с Новгородом и являвшейся одной из основных баз ушкуйников. Напав на Сысолу, Вымь и Вычегду, они там, как сообщает Иона, «людей есте православного християнства много перемучили; переморили, а иных в воду пометали, а иных в избы и в хоромы насаживая, мужей, старцев и малых деток безчислено пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцев на кол сажая умертвляли...». Обеспокоен был митрополит и судьбой многочисленного русского «полона» («боле полуторы тысячи душ»), который вятчане продавали «в поганьство», т. е. татарам (Столетие Вятской губернии. Т. 2. Приложение: Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. С. 8–10).

В завершение описания «подвигов» новгородских «борцов за свободу» Н. В. Дутов дает нехитрую схему происхождения казачества: «С началом собирания русских земель роль и функции ушкуйников изменяются. Они превращаются в летописях в «охочих людей». А «со временем, охочие люди превратились в казаков»¹. Какие-либо факты, подтверждающие подобную трансформацию, Дутовым, естественно, не приводятся.

В том же «ушкуйническом» ключе написано сочинение Б. Г. Устинова о Вятке, которую он считают «исторической родиной российского казачества» и столицей «Вятской казачьей республики». Согласно аннотации, им «собраны многочисленные свидетельства в обоснование того, что первые казаки как субэтнос русов сформировались на Вятке в 13–15 в.» В целом же, происхождение казачества автором «связывается с ушкуйниками и домонгольским населением Казани, а шире — с русами, жившими в северной части Волжской Болгарии». Однако столь смелый полет мысли всерьез подкрепляется по сути дела лишь одним «свидетельством»: в послании митрополита Ионы вятчанам в 1452 г. наряду с воеводами, «подвойскими», боярами, купцами и «житьими людьми» упомянуты и некие «ватаманы», из чего, по мнению Устинова, «можно заключить, что на Вятке существовала некая казачья республика»².

Трудно понять, как в такой «республике» находилось место воеводам и боярам, но даже если считать слово «ватаман» производным от «атаман» (что вовсе не факт³), это может свидетельствовать лишь о присутствии в Вятке группы *служилых* (городовых) казаков. Примерно к этому же времени (1444 г.) относится первое упоминание о «рязанских казаках» (естественно, служилых, городских)⁴. В конце XV в. много городских казаков имелось на территории Украины, где они служили и «короне»,

---

¹ Дутов Н. В. Указ. соч. С. 208.

² URL: [http:// samlib.ru>Журнал Самиздат>ustinov_b_q/vrk1.shtml](http://samlib.ru>Журнал Самиздат>ustinov_b_q/vrk1.shtml)

³ Как отмечал известный историк, этнограф и путешественник XIX в. П. Н. Небольсин, это слово «у нас на Руси означало прежде “всякого начальника на рыболовном судне; начальника экспедиции промышленников; начальника ватаги” (смотри Акты археографической экспедиции, т. 1. с. 92). “Ватаман” есть голландское слово “Watterman”, которое и ныне употребляется в голландском и английском языках в смысле “шкипера”» (Небольсин П. Н. Покорение Сибири. Перепеч. с изд. 1849 г. СПб., 2008. С. 81).

⁴ Шенников А. А. Указ. соч. С. 63; Мамонов В. Ф. История казачества России. Екатеринбург; Челябинск, 1995. Т. 1. С. 62–63.

и местным магнатам-латифундистам¹. Тогда, как отмечает Л. Л. Каранлыкова, отряды служилых казаков уже «не являлись чем-то необычным. Их имели наиболее развитые государства: Османская империя, Российское государство»². И почему бы таковым не находиться и при гарнизоне Вятки? Но такими вопросами Б. Г. Устинов не задается. Отождествление казаков и ушкуйников у него полное, его работа пестрит выражениями типа «общность новгородских казаков, включая хлыновских ушкуйников», «новгородские казаки-повольники, или ушкуйники» и т. п., а история казачества в ней уходит корнями как минимум в XII в. И это не удивительно, ибо одной из главных опор построений Б. Г. Устинова является труд не раз упоминавшегося мною донского «автономиста» Е. П. Савельева (утверждавшего, что казаки участвовали в Троянской войне и основали Рим), а об уровне общеисторической подготовки исследователя «Вятской казачьей республики» можно судить по его ссылкам на «Джагфар Тарихы» — «источник», поддельность которого убедительно доказана учеными³.

Одной из причин появления работ, размещающих «родину казачества» на Русском Севере и Северо-Западе, видимо, является неспособность их авторов разобраться в социальной структуре этих областей и отражающей ее терминологии. А она, действительно, непроста. Как уже не раз отмечалось, на Севере еще в XV в. «казаками» называли вольнонаемных работников (а вплоть до начала XX в. там бытовало словечко «казачить» в значении «батрачить»). И «казаки» эти не только трудились как батраки в монастырских и зажиточных крестьянских хозяйствах. Многие участвовали в транспортировке судов и потому назывались «поплавными» (или «сплавными») казаками. Тех, кого нанимали на определенный срок для сопровождения и вооруженной охраны «государевых посланников», иноземных послов, судов, пристаней и прочих стратегически важных объектов, могли

---

¹ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 355–356.

² Каранлыкова Л. Л. Зарождение казачества в Российском государстве середины XV — начала XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. Т. 1. С. 170.

³ Шамилоглу Ю. «Джагфар тарихы»: как изобреталось болгарское самознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнокритических мифов. М., 2011. С. 275–287.

называть «ратными казаками». А те из них, кто участвовал в военных походах в составе царских войск, фигурировали в документах и как «ратные», и как «охочие казаки»¹.

Группы таких наемников не отличались стабильностью: «поплавные казаки» могли становиться «ратными», те — «поплавными» и т. д., и, конечно, у многих из них была возможность отправиться «погулять» на Волгу. Тем не менее, примечательно, что источники XV в., уже знающие термин «казаки», ушкуйникам их не уподобляют.

***

За последние полвека на ушкуйников не раз обращали внимание такие серьезные исследователи, как В. Н. Бернадский, В. Ф. Мамонов, Л. В. Черепнин, А. В. Малов, А. В. Головнёв². Из их работ следует, что между объектом их изучения и вольными казаками, действительно, имеется определенное сходство. Те и другие разбойничали, тех и других называли «молодцами», ватаги тех и других формировались на добровольной основе... Но на этом аналогии, пожалуй, и кончаются. О внутренней организации ватаг ушкуйников сведений нет, суждения о том, что она, скорее всего, была «демократической», подобно казачьей (поскольку в Новгороде привыкли-де всё решать на вече) чисто умозрительны. Они, конечно, соответствуют тому, что мы знаем об устройстве разбойничьих шаек позднейших времен, но находятся в противоречии с одним немаловажным обстоятельством: предводителями ушкуйников чаще всего были выходцы

---

¹ *Бахтов В. В.* Историко-этнографические параллели русского населения Нижнего Поволжья, р. Урал и старожилов Русского Севера // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2020. № 2. С. 79–84.

² *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 36–51; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 390–397; *Мамонов В. Ф.* Указ. соч. С. 42–59; *Малов А. В.* Закат ушкуйничества в XV и судьба его наследия // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений Вторых Чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1995. С. 328–330; *он же.* Господина Великого Новгорода ушкуйники в отечественной историографии // Постигая историю России. К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени. М., 1997. С. 91–102; *Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 222–224.

из новгородской *знати* (и называли их, кстати, не «атаманами», а «воеводами»).

Утверждениям, что ушкуйники вели «типично казачий образ жизни»¹, противоречит и тот факт, что ушкуйничество не было *постоянным промыслом* этих представителей Великого Новгорода, между тем как у вольных казаков «воинский промысел» стал *образом жизни*. Казаки в XV–XVII вв., конечно, разбойничали, но ведь, как уже отмечалось выше, далеко не все, кто разбойничал, являлись казаками.

В. Н. Бернадский считает ушкуйничество «специфически новгородским явлением», с казачеством его никак не связывает и даже не сравнивает. Л. В. Черепнин тоже не проводит никаких аналогий с казачеством, хотя и допускает, что ватаги ушкуйников могли формироваться «из людей без определенных занятий», выбитых «из рамок обычных корпораций горожан», вышедших «из беднейшей части городского населения» и, «может быть, из среды рядовых феодалов». По его мнению, ушкуйничество как «своеобразное явление» возникло в связи с тем, что «представители господствующего класса стремились использовать таких людей в своих интересах, удалив их из Новгорода и направив их силу и энергию на организацию предприятий, которые содействовали бы дальнейшему расширению экономического и политического влияния на Руси новгородского боярства»².

А. В. Малов, похоже, склоняется к тому, чтобы считать ушкуйников «предтечей казачьей вольницы», хотя и не рассматривает эту версию как единственно возможную³. И по мнению А. В. Головнёва, «волжские казаки были наследниками новгородских речных пиратов». «Это “казачество” восточной Украины, — пишет он, — было связующим звеном между северными “людьми веча” и южными “людьми круга”. Не только сходство нравов и практик новгородцев и казаков, но и их взаимодействие на “волжской дуге” стало основой восточной окраинной вольницы»⁴.

В. Ф. Мамонов полагает, что «несмотря на значительное сходство между ушкуйничеством и казачеством (особенно

---

¹ Куклев Ю. М. Указ. соч. С. 172.

² Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 391, 394.

³ Малов А. В. Господина Великого Новгорода ушкуйники. С. 91, 97.

⁴ Головнёв А. В. Указ. соч. С. 223.

в первые времена его существования) между ними есть и громадная разница», «казачество все же — явление более сложное». И вместе с тем, он называет ушкуйничество «...одним из главных источников зарождения казачества»¹.

Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие современные исследователи (например И. Ю. Васильев²), но и у них она является чисто умозрительной. Фактов, свидетельствующих о переходе ушкуйников в казаки, в нашем распоряжении нет, а то, что такой переход был вполне возможен, еще не свидетельствует о его реальности. Отмечаемый рядом исследователей новгородский (северный) «след» в языке и культуре казаков XIX–XX вв.³ вряд ли следует рассматривать как бесспорное доказательство присутствия среди предков казачества именно ушкуйников. Во-первых, как хорошо известно, после подчинения Москвой Новгорода и Вятки в конце XV в. многие жители этих «республик» были переселены в центр страны, и позднее оттуда вполне могли уйти на Волгу, Яик, Дон либо Терек. Во-вторых, нельзя исключать ухода «в казаки» жителей Новгородчины в еще более поздние времена (сведения о том, что у некоторых донских казаков в середине XVII в. родители жили именно в Новгороде, фиксируются источниками)⁴. Как бы то ни было, но если в некоторых казачьих диалектах «новгородская струя» и ощущается, то все равно она уступает говору южнороссийских регионов, в целом господствующему у казачества, особенно самого многочисленного — донского⁵.

Кроме того, надо отметить существенный временной разрыв между уходом с исторической арены ушкуйников и появлением вольных казачьих сообществ. Походы новгородских «повольников» прекращаются в самом начале XV в., а первые объединения вольных казаков четко фиксируются источниками ближе к концу этого столетия. То есть исчезновение ушкуйничества и формированием казачества (как социального института) разделяет жизнь по крайней мере двух поколений. Этот разрыв, правда, могли

---

¹ Мамонов В. Ф. Указ. соч. С. 59.

² Васильев И. Ю. Генезис русского казачества // Исторический формат. Международный научный журнал. 2015. № 4. С. 234.

³ Васильев И. Ю. Указ. соч. С. 234; Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Красноярск, 2002. Т. 1. С. 311.

⁴ Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 218.

⁵ Там же. С. 307–308, 311–312.

в какой-то мере заполнить вятчане (а они, по выражению А. А. Шенникова, — «прямые потомки новгородцев и точно такие же речные пираты»), которые предпринимали грабительские походы в Нижнее Поволжье вплоть до 1470-х гг.¹ Но и о превращении участников этих походов в казаков в источниках нет никаких сведений, хотя полностью исключать и такую возможность, конечно же, не приходится.

***

Вместе с тем, исторические источники позволяют именно в XV в. обнаружить на просторах «Дикого поля» отдельные группы, которые в самом деле можно считать «протоказачьи». Как следует из капитальных работ целого ряда отечественных и зарубежных историков, исследовавших сообщения русских летописей, польских хроник, материалы московско-турецкой и московско-крымской переписки, ногайские дела, документы итальянских колоний Северного Причерноморья и другие источники XV–XVI вв., протоказачьи объединения создавали выходцы из различных *татарских* орд, вступивших в связи с распадом Золотой Орды и деградацией ее государственности в полосу острого социально-политического кризиса и междоусобных войн². По мнению ряда крупных историков, в источниках, отражающих события, происходившие на территории бывшей Золотой Орды и сопредельных с ней областей других государств, вплоть до XVI в. вообще упоминаются только *татарские* казаки — как находившиеся на службе у тех или иных правителей, так и «вольные»³.

Некоторые историки (главным образом, из числа идеологов «казачьего возрождения») категорически отвергают эту точку

---

¹ Шенников А. А. Указ. соч. С. 68.

² Stokl G. Die Entstehung des Kosakentums. Munchen; Wiesbaden, 1953; Шенников А. А. Указ. соч. С. 59–61; Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 31; Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. Тула, 2010. с. 24–27; он же. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 173–174.

³ Stokl G. Die Entstehung des Kosakentums. S. 53, 88–89; Каранлыкова Л. Л. Зарождение казачества в Российском государстве. С. 169–170; Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 170–171; Головинёв А. В. Указ. соч. С. 334.

зрения. Например, не раз упоминавшийся доктор исторических наук Н. Н. Лысенко пишет: «Миф о татарских этногенетических корнях казаков, который активно создавался в 1990-е годы, является умозрительной конструкцией. В основе так называемых доказательств “татарскости” казаков лежат в основном авторские домыслы, а подчас — этнические амбиции некоторых популяризаторов истории»¹. Будучи специалистом по древней истории ираноязычных кочевников Евразии, Н. Н. Лысенко, видимо, просто не знаком с указанными выше (и выходящими гораздо раньше 1990-х гг.) исследованиями тюркско-татарских корней казачества. Что же касается обвинения в «умозрительности» приводимых в этих трудах «конструкций», то о его справедливости можно судить хотя бы по цитируемой в них и относящейся к 1469 г. красноречивой записи польского хрониста XV в. Яна Длугоша: «...Множество *татар*, собранных из беглецов, грабителей и изгоев, которых они на своем языке называют *козаками*... вторглись... на землю Польского королевства»².

К тому же времени относится любопытное описание обстоятельств появления «казаков» к востоку от Урала. По словам среднеазиатского историка XVI в. Мухаммеда Хайдара, после смерти (в 1468 г.) восточноордынского правителя Абулхайр-хана «возникли такие неурядицы, что степной обитатель ради своей безопасности и благополучия искал убежища». И так как эти беглецы «отделились [от своего улуса] и некоторое время были людьми неимущими, то их называли казаками, и это прозвище за ними утвердилось»³.

Лишаясь своих кочевий, оказавшись не только вне своего «Юрта», но и вне социального статуса, эти люди главным своим занятием избирали войну и занимались то грабительскими набегами на соседей и банальным разбоем, то военным наемничеством, а места своего более или менее постоянного пребывания нашли, в конце концов, в труднодоступных приречных районах, являвшиеся буферными зонами между государственными и этно-политическими образованиями, возникшими на развалинах Золотой Орды. Там протоказаки могли

---

¹ Лысенко Н. Казаки — не татары // URL: <http://eto-fake.livejournal.com/565132.html> (27.08.2014).

² Цит. по: Трепавлов В. В. Большая Орда. С. 26. (Выделено мной. — Н. Н.).

³ Цит. по: Марков В. И. О возникновении украинского казачества. С. 24.

основывать свои базы — небольшие укрепленные «городки» — и объединяться в военизированные общины.

Военно-демократический (казачий) характер самоуправления, возможно, сложился в них не сразу, но к нему имелись предпосылки в патриархальном укладе низового звена кочевых татарских сообществ и именно к нему как самой оптимальной в тех условиях форме социальной организации толкала протоказаков полная опасностей жизнь в «Поле», исключавшая саму возможность социальной розни в их рядах. Если поначалу протоказацки объединения еще могли возглавлять представители татарской родоплеменной верхушки (известно, что в вышеупомянутых «буферных зонах» в конце XV–XVI вв. порой находили убежище даже «казакующие Чингисиды»¹), то по мере перемешивания в этих общинах представителей разных племен и родов («элей»), татарскую знать неизбежно должны были сменить выборные *атаманы* и *есаулы*, и то, что название этих должностей имеет татарское происхождение (как и большая часть специфически казачьей терминологии), само по себе показательное...

К востоку от Урала тогда происходили сходные процессы, но их развитие пошло по другому сценарию. В ходе кризиса и деградации золотоордынской государственности в положении изгоев оказались довольно влиятельные представители феодальной верхушки («султаны»), но их исход со своих земель не привел к маргинализации ушедших с ними скотоводов-кочевников, и они сохранили традиционный для степняков хозяйственный уклад. (Как писал М. К. Любавский, «это была своеобразная казачья организация, отличавшаяся от русского казачества тем, что составлялась не из отдельных удалых добрых молодцев, а из родов, прикочевавших в полном составе со своими старшинами, женщинами, детьми, скотом и со всем домашним скарбом»²). В итоге были созданы новые государственные (или квазигосударственные) образования, где из беглецов и изгоев сформировалась и новая народность — казахи³.

В формировании российского казачества следующий и самый важный этап обозначился уже в XVI в. и был связан с массовым уходом «в молодечество» на степные реки русских и украинцев

---

¹ *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 376.

² *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации. С. 520.

³ *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. [Л.], 1941. С. 77–78; *История Казахской ССР. Т. 1. С. 139–140; Благова Г. Ф.* Указ. соч. С. 149–150.

(последний этноним, конечно, условен — в то время никто никого нигде «украинцами» не называл¹). Не случайно словосочетание «русские казаки» впервые появляется в источниках именно с начала XVI в.² На Руси в этот период возросла политическая, экономическая и социальная напряженность и, в частности, как считает волгоградский историк И. О. Тюменцев, произошел глубокий кризис вотчинной и поместной систем, который привел к обнищанию и исходу в «Поле» множества служилых людей — дворян, детей боярских, их военных слуг («боевых холопов»), стрельцов и пушкарей³. Они и стали первыми русскими казаками. И первые запорожцы, согласно убедительно обоснованному мнению В. И. Маркова, являлись в основном выходцами из военно-служилого населения Речи Посполитой⁴. Ну а возможность всем им безнаказанно «гулять» на «Поле» резко возросла тоже по причине кризиса золотоордынской государственности и особенно — после разгрома Большой Орды в 1502 г. и ее распада⁵.

Среди российских регионов, поставлявших контингент для формирования и служилого, и вольного казачества, долгое время явно лидировала Рязанщина, некоторые исследователи даже называют ее «колыбелью русского казачества»⁶. Но важную роль в его становлении играли и смежные с ней земли — особенно мещерские: там при общем преобладании татарских (служилых) казаков источники с середины XVI в. всё чаще фиксируют и казаков русских⁷. Важно отметить, что поначалу (видимо, до 40-х гг. XVI в.) «казакование» для выходцев из русских «украин» носило чаще всего временный характер, осуществляясь «наездами». Как следует из одного из дипломатических документов того времени, «погуляв» какое-то время «на Поле» и учинив там «которое

---

¹ *Флоря Б.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — раннего Нового времени // *Россия — Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 9–27.

² *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. С. 101–102.

³ *Тюменцев И. О.* Казаки — не из крестьян.

⁴ *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. С. 119, 212.

⁵ *Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество. С. 32.

⁶ *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 2009. С. 304; *Волков В. А.* Войска и войны Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.) М., 2004. С. 250.

⁷ *Беляков А. В.* Мещерские казаки // *Казачество в тюркском и славянском мирах.* Казань, 2018. С. 202.

лихо», эти «баловни казаки» разъезжались «по своим землям»¹. Но с 1540-х гг. русские казаки стали всё прочнее оседать на при-токах Дона (Осколе, Северском Донце), на самом Дону и на других «казачьих» реках, постепенно пополняя свои ряды не только служилыми, но и всякого рода «гулящими», «работными», посадскими людьми и, наконец, беглыми крестьянами — всеми, кто предпочел подневольной и рутинной жизни в своей стране «буйную волю» за ее пределами.

Этот процесс нашел соответствующее отражение в давно известных и вполне репрезентативных источниках. Так в 1538 г. на переговорах с одним из ногайских мурз московские послы заявили, что «на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, и из наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят». А путивльский воевода в 1546 г. общал в Москву: «Ныне, государь, казаков на Поле много; и черкасцев, и киян, и твоих государевых, вышли на Поле из всех украин...»²

Как происходил русско-татарский симбиоз в «Диком поле», можно только догадываться: «Самые первые страницы истории казачества читаются с трудом», — признавался А. Л. Станиславский³. Как полагает И. О. Тюменцев, самые ранние казачьи общины были представлены двумя типами — «конными» и «пешими», и если первые состояли в основном из татар, то вторые объединяли, главным образом, оседлых жителей и перемещались по рекам на лодках⁴. Последним, надо полагать, на первых порах и отдавали предпочтение выходцы из русских земель.

Не исключено, что важную роль в этом симбиозе сыграли проживавшие в Мещерском крае касимовские татары, служившие великим московским князьям с середины XV в. Как не без

---

¹ Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 22–24; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 312; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 306; Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 38.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 117–118; Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 89; Маркедонов С. М. Автономное общество в России... С. 102.

³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8.

⁴ Тюменцев И. О. Казаки — не из крестьян. С. 3.

оснований полагает О. Ю. Куц, под «мещерскими казаками» часто упоминавшимися в документах первой и второй трети XVI в., «следует понимать симбиоз казаков из Мещеры татарского и русского происхождения — возможно, что при наличии и некоторого количества казаков рязанских»¹. Вместе с тем, мы знаем, что население Руси было гораздо многочисленнее тюркского населения Европы и именно поэтому уже в течение XVI в. оно возобладавало среди казаков².

Изменение этнического состава казачьих общин видно и по тому, как среди упоминаний в источниках о казаках возрастает число русских прозвищ и имен, как казаки всё чаще сами указывают на свое русское происхождение, и итог этой «русификации» к началу XVII в. констатируется сторонними наблюдателями. Так, голландский купец И. Масса, живший в 1601–1609 гг. в Москве, знавший русский язык и хорошо осведомленный о русских делах, оставил такую запись: «Казаки — люди различных племен... но по большей части — москвиты и говорят по большей части по-московски»³.

Как уже отмечалось, сибирские летописи называют казаков Ермака «русскими воинами», «русскими людьми»⁴. Любопытно, что на юге Енисейской губернии у коренных обитателей некоторых улусов этноним «русские» дословно переводился как «люди Ермака»⁵. О русском происхождении большинства «ермаковых казаков» говорят также имена и прозвища почти всех известных на сегодняшний день соратников «покорителя Сибири»⁶. Проанализировав по источникам конца XVI в. имена и прозвища упоминавшихся в них представителей яицкого казачества, Е. В. Кусаинова тоже пришла к заключению, что в нем в это время, «несомненно, преобладал славянский элемент»⁷. Примечательно, что обитавших в «Поле» казаков считали в основном

---

¹ Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 37.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 117.

³ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 77.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 42, 52, 54, 83, 92, 110, 131, 181, 182 и др.

⁵ Березиков Н. А. Казаки-землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 57.

⁶ Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 51–87.

⁷ Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество. С. 115.

русскими и правители сопредельных стран (Турции, Крыма, Ногайской Орды), жаловавшиеся на разбойные действия казаков в середине XVI — начале XVII вв. не куда-нибудь, а в Москву, прямо называя нападавших «русскими казаками», «русаками», «русью», «русь-разбойниками», «донскими русами», «русскими людьми» (а те, кто непосредственно подвергся этим нападениям хорошо различали даже «казаков московских» и казаков-«черкас»)¹. Вообще же, о численном преобладании русских среди вольных казаков конца XVI–XVII вв. свидетельствует столько разнообразных и вполне надежных источников, что оно очевидно даже для тех историков, которые специально изучают «иноэтнические элементы» в казачестве и разделяют весьма сомнительные с научной точки зрения версии о его «первоначальном ядре»². Заметим также, что восточнославянское происхождение подавляющего большинства казаков стало одним из общих мест современной зарубежной (в частности немецкой) историографии³.

***

Уже на заре своей истории казачество делилось на две группы — служилое и вольное, причем последнее в ранних источниках оставило наименьший след. Документы итальянских колоний в Северном Причерноморье XIV–XV вв. вообще знают только тех «казаков», которых власти набирали (главным образом из татар и, как ни странно, армян) для охраны городов и приграничной территории⁴. Поэтому у некоторых исследователей

---

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IV. М., 1989. С. 27, 253; Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество. С. 53, 74; Дубовиков А. М. Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 298.

² Королев В. Н. Иноэтнические элементы в донском казачестве // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 399–402.

³ Каппелер А. Казачество. История и легенды. Пер. с нем. Н. Мининкова. Ростов н/Д, 2014. С. 1; Гатин М. С. Проблема происхождения казачества в современной немецкой историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 101.

⁴ Карпов С. П. Генуэзский и венецианский варианты колонизации Причерноморья: сходство и отличия // Империя: проблемы внутренней и внешней колонизации. Материалы XXXVIII международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму. М., 2019. С. 18–19; он же. Итальянские купцы привозили из Крыма русских жен и рабов // URL: http://aif.ru/Общество/История>..._karpov_italyanskie... (19.05.2010).

сложилось твердое убеждение, что служилое казачество сформировалось раньше вольного¹. Может быть, так и обстояло дело в отдельных регионах, но вряд ли это было характерно для казачества в целом, ведь наниматься к кому-то на службу человек мог лишь в том случае, если становился, пусть и ненадолго, «вольным». (Особый случай — если речь шла о выезде «на государево имя» представителей татарской знати с войском, уже состоящим из «казаков»). Кроме того, редкое упоминание вольных казаков в ранней документации может объясняться просто тем, что они были не только неподконтрольны, но и неизвестны правителям окрестных государств.

Вообще же, грань между вольным и служилым казачеством бывала весьма зыбкой — особенно в начальный период их истории, и это проявлялось не только в легкости перехода казака из служилого состояния в вольное или наоборот, но и в самом образе жизни тех и других. Известно, например, что в XVI в. действия служилых мешерских (касимовских, городецких) казаков против ногайцев ничем в сущности не отличались от походов вольных донских казаков «за зипунами»².

В пестрой среде вольного казачества порою оказывались и выходцы из феодальной верхушки России и Украины, которые в первое время могли играть там ведущую роль, становясь организующим элементом, но так продолжалось недолго: вскоре они либо покидали казачьи общины, либо подчинялись казачьим порядкам, не предусматривавшим повышения социального статуса за знатное происхождение³.

Приток русского населения укрепил военно-демократический характер социальной организации вольного казачества, ибо

---

¹ Каранлыкова Л. Л. Зарождение казачества в Российском государстве. С. 184–185; она же. К проблеме формирования служилого казачества в России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2. История. 2006. № 4. С. 8–10; Дубовиков А. М. Этноконфессиональный состав российского казачества // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 396.

² Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество. С. 31, 41, 43, 47–48.

³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1910. С. 96; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 117; Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — конец XVI вв. М., 2001. С. 307–313; Марков В. И. О возникновении украинского козачества. С. 151–157, 212.

принес с собой традиции и формы «мирского» самоуправления, которые, как показывают последние исследования, были вплоть до конца XVII в. весьма живучи и действенны на Руси не только среди сельского, но и городского населения, в том числе служилых людей¹.

Кроме того, вместе с выходцами из русских и украинских земель в казачьи общины пришло огнестрельное оружие, а также искусство судостроения и судовождения, малознакомое кочевникам. Это резко повысило военно-технический потенциал казачества, эффективность его военных «промыслов» и возможность оказывать сопротивление попыткам уничтожения или подчинения. М. А. Рыблова вообще характеризует казаков этого времени как «людей воды»², а ростовский историк А. Т. Урушадзе считает, что речная поверхность являлась в тех условиях для казаков наиболее подходящей площадкой как для внезапной атаки, так и для быстрого отступления, и это превращало реки в самую благоприятную среду «для возникновения и последующего развития казачьих сообществ»³. И он прав: хорошо известны сетования степных противников казаков (в частности ногайцев) на невозможность успешно противостоять казачьим набегам, осуществляемым с речных стругов⁴.

Тем не менее, примечательно, что хотя районы формирования русского казачества, по удачному выражению Н. Б. Скворцова, находились как бы «на “ничьей” территории — меже, размытом пространстве, где сходились разные геополитические

---

¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; Никитин Н. И. О традициях казачьего и общинного самоуправления в России XVII в. // Известия СО РАН. История, филология и филология. 1992. № 3. С. 3–8.

² Рыблова М. А. Понятие «граница» в представлениях донских казаков // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 3–13.

³ Урушадзе А. Т. Терское казачество и народы Северного Кавказа // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 361–362.

⁴ Ногайский князь Иштерек жаловался русским властям: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни, многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеют учинить» (Цит. по: Кусанова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество. С. 130). См. также: Тrepавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 423.

интересы, ландшафтные и цивилизационные горизонты», угроза вражеского нападения на казачьи поселения была постоянной и вполне реальной, а потому они еще долго (на Дону — вплоть до конца XVII в.) обычно располагались в труднодоступных местах, малопригодных для нормальной жизни, но удобных для обороны¹.

Что же касается традиционного распределения вольного казачества по рекам, приведшего в конце концов к постепенному формированию хорошо известных «войск» — Донского, Запорожского, Яицкого, Терско-Гребенского, — то, согласно выявленным к настоящему времени источникам, произошло это ближе к *середине* XVI в.

Л. Л. Каранлыкова полагает, что «формирование донского казачества особо интенсивно проходило в 1530-е и 1540-е гг.»². М. К. Любавский относил образование Войска Запорожского ко второй половине XVI в.³. А по убеждению В. И. Маркова, тщательно проанализировавшего весь комплекс известных исследователям материалов по данной проблематике, «существование украинского козачества (в традиционном значении этого термина) до 1540-х гг. является историографическим мифом»⁴.

Если же обобщить все достаточно очевидные условия и обстоятельства, совокупность которых позволила сложиться такому уникальному этно-социокультурному явлению, как вольное казачество, то среди них следует отметить следующие:

1. *Социо-временной фактор*. Казачьи общины не могли появиться ранее стадии разложения или хотя бы сильного ослабления родоплеменных связей. Лишь обстановка социальной и политической нестабильности в обществе дает достаточное для самоорганизации количество всякого рода «пассионариев»

---

¹ Сворцов Н. Б. Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 16, См. также: Рыблова М. А. Понятие «граница» в представлениях донских казаков. С. 3–13.

² Каранлыкова Л. Л. Зарождение казачества в Российском государстве середины XV — начала XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 1006. Т. 1. С. 182.

³ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 358.

⁴ Марков В. И. О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 16.

из числа маргиналов, беглецов, изгоев и прочих «людей без статуса», являвшихся главным «строительным материалом» ранних казачьих общин.

2. Соответствующие *политико-географические условия*, и прежде всего — относительная близость к местам «выхода» потенциальных казаков обширных, слабо заселенных и труднодоступных территорий, не подконтрольных полностью ни метрополии, ни другим государственным образованиям. Кроме того, места базирования вольных военизированных общин должны были находиться сравнительно недалеко от государств и народов, достаточно богатых, чтобы служить объектом «воинских промыслов», давать возможность найма на военную службу и свободного обмена военной добычи на продовольствие и необходимые предметы вооружения и обихода, но при всем том неспособных уничтожить или покорить периодически наведывающихся к ним (часто в одном лице) разбойников, торговцев и наемников. Нижнее Подунавье, бывшее в XII–XIII вв. основным местом обитания «предшественников казачества — бродников», в XV–XVI вв. уже было слишком освоено и заселено, чтобы стать базой для «протоказаков», а вот Днепр ниже порогов, средний и нижний Дон, нижняя Волга, Яик и Терек подходили для них идеально.

3. Соответствующая *международная обстановка* (внешнеполитический фактор). Первые казачьи общины должны были иметь широкие возможности для использования в своих интересах противоречий между окружающими их народами и государствами и потому не случайно, как верно подметили авторы двухтомника «Казачий Дон», возникли «в регионе столкновения политических амбиций соседних государств»¹.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что столь уникальная этно-социокультурная общность, как вольное казачество, складывалось в период с конца XV до середины XVI вв. и, явившись результатом взаимодействия целого ряда факторов географического, этнополитического и социального характера, далее развивалась уже по собственным, внутренним законам, превратившись в конце концов из вольного в служилое...

Появление казачества на исторической арене, конечно же, не было случайным. Возникновение на лесостепных и степных

---

¹ Казачий дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 40.

окраинах Восточной Европы социальных групп, подобных казачеству, было рано или поздно неизбежным. К этому населявшие ее народы шли не одно столетие, периодически выделяя из своей среды наиболее «пассионарные», наиболее свободлюбивые и энергичные группы людей, создавших, соответственно, и наиболее подходящий к полной опасностей жизни в «Поле» тип социальной организации — казачью общину, а затем и «войско».

Споры о том, какие *этнические* группы следует считать *ядром* казачества, не утихают уже два столетия, но при этом спорящие стороны нередко забывают четко сформулировать сам предмет дискуссии. И если признать, что «ядро» — это не только «обязательный атрибут всякой самоорганизующейся системы»¹, но и ее наиболее прочная, наиболее стабильная часть, то вопрос об этническом ядре казачества не покажется слишком сложным. Этнический состав казачества в течение XV–XVII вв. вследствие пополнения его рядов представителями разных стран и народов не оставался неизменным. И завершение формирования этнического ядра у казаков произошло лишь тогда, когда их ряды стали пополняться в большей мере за счет внутреннего, естественного прироста (иначе ведь оно в течение двух-трех десятилетий могло поменяться, и не раз). На Дону процесс формирования этнического ядра казачества завершился в начале XVIII в., когда после подавления Булавинского восстания прием неказачьего населения в «войско» был практически прекращен. И поскольку на Дон, Яик и Терек в XVII — начале XVIII вв. в массовом порядке переселялись главным образом русские люди, то казачество этих рек и стало этнографическими группами (субэтносами) русского, а не какого-то другого народа.

Сообщества казачьего типа издревле были полиэтничны, но нельзя не видеть, что они приобрели устойчивый характер и возможности успешного развития лишь тогда, когда в процесс их формирования активно включились и стали в них численно преобладать русские люди. Русские казаки довольно быстро ассимилировали казаков татарских и в то же время многое заимствовали из их языка, быта, обычаев, навыков

---

¹ *Троицкий Е. С.* Важность укрепления системообразующей роли русской нации в Российской Федерации // *Русская нация — системообразующее ядро российской государственности.* М., 2007. С. 7.

ведения боевых действий, многое переняли потом и от других, контактировавших с ними народов (в том числе — кавказских) и в итоге создали свою яркую и самобытную культуру, ставшую неотъемлемой частью общерусской культуры и существенно обогатившую ее. И если у нынешнего казачьего «сепаратизма» могут быть (и наверняка есть) какие-то политические, социальные, психологические предпосылки и корни, то корней и предпосылок исторических — нет, как бы ни хотелось его идеологам заставить служить себе Историю.

ОЧЕРК ВТОРОЙ

О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII вв. и их взаимоотношениях с Российским государством

1. Структура и социальный уклад казачьих сообществ: проблемы типологизации

Как показывают специальные исследования, социальному укладу вольных казачьих сообществ были присущи устойчивые традиции коллективизма и взаимопомощи, «начиная от защиты своих членов от врагов и совместной трудовой деятельности (артельное рыболовство, коллективная охота, совместной выгон скота, воинское казачье “односумье”, “складничество”, различные “помочи” и “спрягачество”) и кончая различными проявлениями коллективизма в быту...»¹.

В XVI–XVII вв. сами казаки рассматривали свои сообщества как братства («товарищества»), и это следует признать соответствующим историческим реалиям, если оценивать их с чисто правовых позиций. Военной, политической и социальной формой объединения казаков являлось «войско». В правительственных документах этот термин появляется лишь с начала XVII в.,

---

¹ *Заседателева Л. Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 8. М., 1984. С. 56. См. также: *Харузин М.* Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. М., 1885 (электронная версия: URL: <http://fstanitsa.ru>book/export/html/115>).

отражая, по мнению А. Л. Станиславского, возросшую к тому времени силу вольного казачества¹, но сам процесс формирования казачьих «войск» как самоуправляемых независимых сообществ, контролирующих определенную территорию, начался, конечно же, раньше, в XVI в. и осуществлялся путем объединения отдельных групп вольных казаков, обосновавшихся в своих укрепленных «городках» на той или иной реке. Волжское «войско» просуществовало недолго, как и вольное волжское казачество: первое упоминание о волжских казаках относятся к середине XVI в., но уже в первой половине XVII в. они сходят с исторической арены, пополнив гарнизоны ближайших русских городов и «войска» других казачьих рек², а центрами объединения вольных казаков в XVII–XVIII вв. стали средний и нижний Дон с притоками, Яик, Терек, Днепр ниже порогов.

Что представляла собой эта организация?

Суть ее абсолютно верно определил С. И. Тхоржевский: это было «своеобразное общество, специально приноровленное для войны, которая служила главным источником существования для членов этой организации»³. Согласно имеющимся на сегодняшний день данным о функциях и структуре казачьего «войска», высшую законодательную власть в нем осуществлял «круг» — собрание полноправных казаков-воинов «всей реки». Женщины и вообще все, кто проживал на «войсковой» территории (обозначаемой как казачий «присуд»), но не являлся полноправным казаком, права голоса на круге не имели. Не допускались к принятию решений на круге и в чем-то проштрафившиеся («пенные») казаки — до прощения их вин «товариществом». Из дальних городков для решения особо важных дел в «столицу» обычно посылали лишь представителей; для решения текущих дел «войску» было достаточно казаков, присутствовавших в главном городке⁴. В XVII в.

---

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8–9.

² Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVII–XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 190–191, 244; Станиславский А. Л. Гражданская война... С. 9; Куцаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII вв. Волгоград, 2005. С. 59, 64–65, 129.

³ Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. 1923. С. 13.

⁴ Тхоржевский С. Указ. соч. С. 16–17; Пронштейн А. П. Войско Донское накануне Булавинского восстания // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 316; Дариенко В. Н. Община

решения на круге обычно принимались не подсчетом голосов, а криком, т. е. в соответствии с мнением подавляющего большинства присутствующих¹. Круг собирался по мере необходимости. Он ведал дележом военной добычи и «государева жалованья», судопроизводством, посылал депутации, решал вопросы войны и мира, давал санкции на постройку новых городков, разбирал челобитья «войску» от разных лиц (в том числе казаками не являвшихся) и т. д.

Исполнительная власть в казачьем сообществе принадлежала войсковому атаману, который избирался кругом, как правило, на год, но мог неоднократно переизбираться или быть лишен власти досрочно, после чего в правовом отношении уже ничем не отличался от рядовых казаков. На круге голос атамана формально считался равным голосу рядового казака, а в случае несогласия с возобладавшим на круге мнением атаман мог сам досрочно отказать от своего звания («сдать атаманство»), что, однако, круг мог ему не разрешить, и атаман вынужден был подчиниться этой его воле². На время военного похода избирался походный атаман, пользовавшийся неограниченной властью над его участниками, а «войско» делилось на «станицы» — отряды примерно в 100 человек во главе с собственными атаманами; численность отдельно действовавших казачьих «станиц» бывала менее определенной; «станицы» делились на «десятки». (По мнению В. Н. Дариенко, в самых ранних казачьих общинах — еще «до появления семьи» — десяток, «похоже, был своеобразной низшей хозяйственной ячейкой и податным субъектом, вносившим свою долю доходов в общинный бюджет. Реликтовые следы такого его

на Яике в XVII — первой четверти XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 53.

¹ О том, как со стороны выглядело это мероприятие, можно судить по его описанию голландским офицером-наемником Людвигом Фабрициусом, тесно общавшимся с разинцами в Астрахани. По его словам, «круг — это когда казаки по приказу атамана собираются и становятся в круг, а посреди круга втыкается головное знамя, около которого становится атаман со своими старшими офицерами [есаулами. — *Н.Н.*], которым он сообщает свой замысел с тем, чтобы те довели его до сведения рядовых сотоварищей и выслушали их мнение об этом. Если рядовым сотоварищам по душе атамановы предложения, то все в один голос выкрикивают: “Любо, любо...!”» (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 50).

² Рыблова М. А. Атаманская власть в казачьих сообществах на Дону (XVI–XVIII вв.) // Власть. 2008. № 11. С. 129–133.

качества улавливаются позднее»)¹. «Атаманами» называли и предводителей других временных объединений казаков — промысловых ватаг, посольств к сопредельным государствам и т. п.

Вторыми после атаманов должностными лицами у казаков являлись избираемые на кругах «есаулы» (соответственно войсковые и станичные). У атамана их было чаще всего двое. Управление в отдельных городках строилось по тому же принципу: там имелись свои круги, свои атаманы и есаулы. Отказ выполнить общее решение мог повлечь за собой за собой изгнание из общины, но чаще обрекал ослушника на казнь. Системой суровых наказаний поддерживалась в казачьем войске и строгая дисциплина во время походов².

Главную роль в жизни казачьих общин, в том числе в принятии решений на кругу, играли «старые казаки» (старожилы, противопоставляемые в документах казакам «новым»), из числа которых обычно избирали атаманов. Сами атаманы, по некоторым данным (1630-х гг.), могли иметь подобие личной дружины — «атаманскую станицу»³, а у многих казаков в подчинении находились молодые «товарищи», или «чуры» (от тюркского «джура»), т. е. ученики, которые не только обучались ратному мастерству, но и выполняли обязанности прислуги при своих хозяевах-«учителях» — пасли лошадей, заготавливали сено и т. д. (в XVIII в. такие слуги-«оруженосцы» чаще назывались «молодниками»)⁴. Они

---

¹ Дариенко В. Н. Община на Яике. С. 53.

² Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права; Тхоржевский С. Указ. соч. С. 10–12, 16, 19; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 266, 270; Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 172–173; он же. Войско Донское накануне Булавинского восстания. С. 323; История Дона с древнейших времен до отмены крепостного права. Ростов н/Д, 1973. С. 112, 120.

³ Дариенко В. Н. Классовая борьба на Яике в XVII — начале XVIII в. М., 1966. С. 24; он же. Община на Яике. С. 54.

⁴ Станиславский А. Л. Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 121; он же. Гражданская война... С. 36, 97, 142, 147–148, 170, 189, 191 и др.; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 137; Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 26; Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 65; Кондрико А. Духовно-рыцарский аспект истории Запорожской Сечи // Власть. 2012. № 10. С. 67–68; Грибовский В. В. Социальная типология казачьих сообществ // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 141.

не могли участвовать в принятии решений на войсковом круге, даже если подолгу задерживались в своем статусе. Люди со стороны порой принимали «чур» за простых холопов; некоторые исследователи тоже рассматривают «институт казачьего ученичества» как одну из форм «своеобразного патриархального рабства» — видимо, потому что «институт» этот далеко не всегда носил добровольный характер: известно, что во время Смуты начала XVII в. казаки нередко забирали крестьянскую молодежь в «чурь» насильно¹. При всем том, отношения между отдельными группами внутри казачьего сообщества вряд ли можно считать построенными на эксплуатации: они больше походили на типичное для архаичных сообществ разделение их членов по половозрастному и профессиональным признакам².

Существовала, естественно, и имущественная дифференциация. Ее предполагал даже порядок дележа военной добычи («дуван»). Доля атаманов и есаулов бывала значительно большей, чем у рядовых казаков³. Старожилы вообще, как правило, оказывались более зажиточными («домовитыми»), пользовались большим авторитетом, причем в XVII в. главным показателем их состоятельности обычно являлось наличие семьи⁴. (Лишь в Запорожье было наоборот: семейные казаки жили вне его «столицы» — Сечи — и не являлись полноправными членами «войска».)⁵

Если же рассматривать *все* население казачьих «присудов», то его правовая неоднородность становится более очевидной. Дело в том, что помимо полноправных казаков («старых» и «новых») и «чур» на «войсковой» территории обычно находилось немало лиц, казаками не являвшихся. Это были прежде всего жители ближайших «русских» городов, приезжавшие к казакам со всякими «товарами» и относившиеся к самым различным категориям населения — посадским людям, дворянам, крестьянам,

---

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война... С. 9, 128, 147, 179.

² [Данилова Л. В., Данилов В. П.] Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 25–27.

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 256–257; Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 367–368.

⁴ Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 26; Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 366–379.

⁵ Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 65.

приборным служилым. Их в свою очередь сопровождали гребцы, бурлаки, «рабочие люди» и прочая обслуга, и общее число таких «гостей» могло одновременно достигать сотен человек. Многие из них, распродав свой товар, оставались у казаков на год, а то и на несколько лет, ходили с ними в военные походы, но казаками не становились и возвращались домой. На Яик для такого рода «торгов и промыслов» обычно навевывались жители Самары, на Дон — Воронежа, Курска, Белгорода, Ряжска, Шацка, Ельца и др. южных городов. Оттуда же, помимо «торговых людей», к казакам приезжали для заработка портные и сапожные мастера, кузнецы, плотники и прочие ремесленники. Гулящие люди нанимались в казацкие хозяйства на покосы, священники — на всякого рода требы и службы по часовням и т. д.¹

Примеры, свидетельствующие о неоднородности населения казачьих областей, можно умножить. Так, на Дону отмечено присутствие принадлежавших казакам ясырей и ясырок² (это было обычным делом и для других «казачьих» рек — в частности для Яика³), и совершенно особой категорией жителей региона являлись «донские татары», первые сведения о которых появляются в 1620-х гг.⁴ Численность «донских татар» по сохранившимся источникам определить трудно (к середине XVII в. — видимо, несколько сот человек), но исследователи сходятся во мнении, что это была самая многочисленная группа неславянского населения донского края. Туда они попадали так же, как и другие его «населенники» — являлись «сходцами» из окрестных «орд», вынужденные их покидать и укрываться на Дону в силу различных житейских обстоятельств. В большинстве своем это были ногайцы. Они жили при казачьих «городках» компактными группами вместе с семьями и сохраняли свои обычаи, язык и «бусурманскую» веру⁵.

---

¹ *Станиславский А. Л.* Восстание 1614–1615 гг. С. 121; *он же.* Гражданская война... С. 63; *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 54, 61–66, 77, 377–378.

² *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 136–137; *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова. С. 68, 369.

³ История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 90.

⁴ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 425.

⁵ *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 22; *Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество. С. 167; *Черницын С. В.* Донские татары: этнокультурный

Являлись ли «донские татары» XVII в. полноправными казаками? С. В. Черницын, рассматривающий историю «донских татар» вплоть до XIX в. (до переселения большинства их в Турцию) всюду пишет о них как о казаках¹; С. М. Маркедонов тоже считает, что и в XVII в. они были казаками². О. Ю. Куц вполне резонно считает этот вопрос пока открытым. Донцы неоднократно указывали в своих «отписках» в Москву, что живущие в их «войске» татары «служат государевы службы с нами вместе», и это подтверждается источниками (самый, пожалуй, известный тому пример — участие трехсот «донских татар» в осаде и взятии казаками турецкого Азова в 1637 г.). В то же время, как замечает О. Ю. Куц, в имеющихся в нашем распоряжении документах не встречается отождествления понятий «донские казаки» и «донские татары» и более того: несмотря на их тесное взаимодействие в ходе разного рода «промыслов», для православных казаков татары-«бусурмане» всё же «оставались, по-видимому, чужими людьми»³.

Возможно, именно «другая вера» являлась главным препятствием к объединению на Дону православных казаков и татар в одном статусе. Это в XVIII и XIX вв. правительство легко причисляло к казачьему сословию и мусульман, и буддистов. А в XVII в. еще не утратившие самостоятельности в решении «войсковых» дел казаки сами решали, кого принимать в свои ряды, и «иноверие» могло здесь стать для претендентов неодолимым препятствием уже потому, что, по некоторым данным, при вступлении в казаки необходимо было публично приносить «войску» соответствующую присягу⁴. Известно, что у запорожцев (по крайней мере в XVII–XVIII вв.) православное исповедание

очерк // Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006. С. 324–333; Куц О. Ю. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630–60-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 398–416; *он же*. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 153–172.

¹ Черницын С. В. Донские татары — мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 282–297.

² Маркедонов С. М. Автономное общество в России: первый исторический опыт («Вольное» казачество против Московского государства в XVI–XVII веках) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 102.

³ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 171, 408.

⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война... С. 36.

было одним из условий приема в Сечь¹. И вряд ли случайно Г. Котошихин, сообщая о наличии в составе донского казачества татар, упомянул лишь татар *новокрещеных*².

Для русских людей XVII в. вера, конечно, имела гораздо большее значение, чем этническая принадлежность. Не заметно и наличие у казаков того времени явно выраженной ксенофобии. Вместе с тем, считать, что для них была совершенно безразлична национальность человека, было бы неверно. Так, в документах, исходящих от «Войска Донского» и казаков Терека, разграничиваются «русские казаки» и «запорожские черкасы» (казаки-«хохлячи»), говорится не просто о том, что «в Войске живут перееззичи иноземцы», но указывается и их этническая принадлежность: в частности, упоминаются «турки, и татаровя, да и греки, и иных розных земель люди»; даже прижитые казаками от татарок «болдыри» в сообщениях о численном составе «Войска» подсчитываются отдельно...³

Правовое положение различных групп населения казачьего Дона требует уточнения и, соответственно, дальнейшего изучения. Столетие назад, рассматривая этот вопрос применительно к Запорожской Сечи, Ф. А. Щербина пришел к такому заключению: «Запорожский демократизм носил настолько примитивный характер и в такой степени осложнялся военным началом, что, допуская равенство в Сичи, исключил его для внесичевого паланочного населения»⁴. Полагаю, что такая же ситуация была в принципе характерна и для других казачьих «войск». Тем не менее, в правовом отношении все казаки — и «старые», и «молодые», и атаманы с есаулами — составляли единую массу, поэтому как в 1592, так и 1638 г. в ответ на запрос Москвы о «лучших людях» в «войске» донские казаки заявляли, что «то

---

¹ Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 84.

² «А люди они породю москвичи и иных городов, и новокрещеные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи...» (*Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159*).

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 102; *Тхоржевский С. Указ. соч. С. 12; Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 16–20; Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 154, 372.*

⁴ *Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 460.*

у них и лучшие люди, кого они, выбрав войском, пошлют государю», а на Дону «все они меж себя ровны»¹. По той же причине терпели полный провал попытки царских посланцев распределять на Дону «государево жалованье» дифференцированно, выдавая, например, одним («лучшим») казакам «по сукну по доброму», другим — «по сукну по середнему», а остальным отдать «в раздел» самые «простые» сукна. Казаки, собравшись на круг, отвергали такие предложения и заявляли, что «у них больших нет никого, все равны, а разделят сами на все войско, по чему достанетца». Если же посол игнорировал это волеизъявление, то казаки могли отобрать у него «государево жалованье» силой².

***

Попытки типологизации социальной структуры вольных казачьих общин давно предпринимаются в нашей литературе. Для дилетантов из числа донских «автономистов» и «сепаратистов» начала XX в. (таких, как Е. П. Савельев или С. А. Холмский) вопрос этот и без доказательств был предельно ясен: до XVIII в. Войско Донское представляло собой «самостоятельное государство», «демократическую республику»³. Доктор философии, юрист по образованию, а в последний период жизни историк по профессии, «белоэмигрант» С. Г. Сватиков тоже полагал, что в XVI–XVII вв. «Донское войско представляло из себя... военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства государством, имела свою территории, свой народ и свою власть»⁴. Того же мнения был и петербургский историк С. И. Тхоржевский. В 1923 г. он писал, что у «Донского войска» первой половины XVII в. «были все

---

¹ Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных окраин перед крепостным правом. СПб., 1878. С. 213; Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века. С. 18; Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 26; Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 93.

² Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 133–134.

³ Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 145, 150–153.

⁴ Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственности и административного права и политических движений на Дону. [Белград], 1924. С. 16.

признаки, которые почитаются современной теорией необходимыми для государства: своя непроемкая власть, территория, население, право международных сношений»¹.

В казачьей эмигрантской литературе эта мысль уже доводится до абсурда. Так, авторы вышедшего в США «Казачьего словаря-справочника» были уверены, что «христианская казачья республика» («самостоятельное речное государство») сложилась на Дону уже в первой половине XVI в., а к концу столетия «она уже выросла в мощное военное и полностью суверенное политическое общество, готовое померяться силами с турецким султаном и державшее в страхе его степных вассалов»². (Напомню, что, согласно *научным* исследованиям, к концу XVI в. на Дону не сложилось даже единой войсковой организации — это произошло лишь после «Смуты» начала XVII в.)³

В ранней марксистской историографии тоже хватало абсурдных построений. В 1930-х гг. советские исследователи Н. Янчевский и С. Томсинский, в отличие от историков-«казакийцев», фактически отрицали всякую самостоятельность Донского войска XVI–XVII вв., но пошли гораздо дальше их в модернизации его социальной структуры, хотя и с разных позиций. Янчевский утверждал, что донское казачество «постоянно оставалось орудием торгового капитала, являясь наемным войском в буквальном смысле этого слова», а Томсинский, упрекая своего коллегу в недооценке социальной дифференциации казачества, полагал, что оно «не было однородным по своему классовому составу», что «верховое казачество» надо рассматривать как «беглое крестьянство и городскую мелкобуржуазную группу» и что «казацким идеалом» являлось «буржуазно-демократическое равенство»⁴.

В 1960–1970-х гг. советские историки В. А. Голобуцкий и И. Г. Рознер, рассматривая «само появление вольного казачества в конце XV — начале XVI вв.» как «признак... начавшегося разложения феодально-крепостнического строя», увидели в казачьих сообществах «антифеодальные государственные

---

¹ Тхоржевский С. Указ. соч. С. 25.

² Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 284.

³ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 8–9.

⁴ Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С. 132–143, 185.

образования», «своеобразные (пусть и неразвитые) демократические “республиканские” организации»¹.

Весьма востребованной эта проблематика оказалась у нас с начала 1990-х гг. Идеологи и активисты казачьего возрождения стали без обиняков называть войска Донское, Яицкое или Запорожское «независимыми государствами», и не абы какими, а самыми демократичными в XVI–XVII вв., далеко опередившими свое время. Казачья демократия некоторыми журналистами и публицистами была объявлена «зародышем буржуазной демократии», предтечей демократии современной и — образцом для подражания².

Сходные мнения теперь можно встретить и у, казалось бы, серьезных ученых, и их работы по этой причине восторженно встречаются «казачьей общественностью». Так, некоторые наши украинские коллеги (М. Брайчевский, В. Смольий, А. Панченко и др.) называют Запорожскую Сечь «первой в Европе народно-демократической республикой». По их словам, «запорожское казачество несло в жизнь передовые идеи общественного устройства», являлось носителем «новых буржуазных тенденций», было вызвано к жизни именно ими³. В. А. Голобуцкий, подводя итоги своего изучения украинской истории, тоже пришел к выводу, что Запорожье представляло собой «вольный остров, где господствовали передовые формы социально-экономических отношений»⁴.

В России подобные взгляды в научной среде тоже не редкость. Например, кандидат юридических наук А. В. Фалалеев

---

¹ Голобуцкий В. А. Запорожская Сечь // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 100–101; Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 203; он же. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 47–48, 56.

² Хакимова Е. Казак всегда казак // Мир новостей. 2003. № 50. С. 11. См. также: Сагнаева С. К. Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 25; Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа (к истории ранних казачьих сообществ) // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 126; Рыблова М. А. «Казачи возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 279.

³ Сагнаева С. К. Указ. соч. С. 25.

⁴ Цит. по: Грибовский В. В. Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 38.

пишет о «чрезвычайной развитости политической системы донских казаков» и считает, что казачья государственность в XV — первой четверти XVIII вв. развивалась от «войсковой демократии к парламентско-президентской республике»¹. В том, что «казачий народ имел свою государственность», была убеждена М. Г. Артамонова — аспирантка кафедры социологии управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ².

Не вызывает сомнений государственный статус «казачьих республик — на Дону и Волге, на Днепре в Запорожье, на Нижнем Урале, на Тереке» и у кандидата политических наук А. Е. Мохова. Подобно самодеятельным историкам из числа эмигрантов-«казакийцев», он полагает, «это были мощные в военном отношении и вполне суверенные государственные образования». По его мнению, «они по своей сути представляли собой первые внесловные демократические республики. В XVI–XVII вв. Москва признала Дон союзным русским государством». Главным же (да, пожалуй, и единственным) аргументом в доказательстве такого признания Мохов считает то обстоятельство, что «Московия» вела дела с Доном через Посольский приказ («что соответствует современному МИДу»)³. Аналогичной точки зрения придерживается и кандидат юридических наук О. И. Копанева: по ее мнению «до XVIII в. территории казачьих Войск были фактически самостоятельными государствами и с Москвой сносились своими посольствами, как иностранные государства»⁴.

Ту же позицию занимает и кандидат юридических наук А. Н. Ларионов, и обосновывает он ее весьма оригинально. В его представлении догосударственное общество обязательно должно быть родоплеменным, а раз Войско Донское не являлось родоплеменным союзом, то, следовательно, в период от второй

---

¹ *Фалалеев А. В.* Государственно-правовое положение Земли Войска Донского (конец XV — первая четверть XVIII вв.). Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Волгоград, 2006. С. 10.

² *Артамонова М. Г.* Древние цивилизации — трансляторы протокультурных истоков казачества (Социологические проблемы исторического становления) // Наука и социальное качество. Электронный журнал. 2014. Вып. 1. С. 173 (NaukaSK.ru>iss/iss001-15.pdf).

³ *Мохов А. Е.* Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 24.

⁴ *Копанева О. И.* Казачество и российская государственность: Историко-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. СПб., 2003.

половины XVI в. до присяги русскому царю в 1671 г. оно представляло собой полноценное государство¹.

Петербургский историк А. Г. Шкваров тоже считает, что казаки создали «практически независимые военно-демократические государства-сообщества, чьи связи с Россией строились на дипломатическом уровне», поскольку «все сношения с казаками осуществлялись через Посольский приказ»².

Сходной, но более сложной для понимания, является точка зрения, высказанная авторами двухтомника «Казачий Дон: Очерки истории» — П. Н. Лукичевым, А. П. Скориком, Р. Г. Тикиджьяном, В. П. Трутом (М. А. Рыблова называет ее «компромиссной»³). На одних страницах этого труда Войско Донское («уникальное воинство “степных рыцарей” с самобытным демократическим самоуправлением») у них называется «специфической военно-демократической христианской республикой», на других — «квазигосударством»⁴. А их представления о «квазигосударственности» подробно изложены в специальной статье. По словам П. Н. Лукичева и А. П. Скорика, «это такой тип властных отношений, который возникает при отсутствии, недостаточности исторического опыта бюрократического функционирования государственных органов, при патриархальности социальной организации, аморфности социокультурного пространства, отсутствии общегражданской самоидентификации, неразвитости права и правового сознания, авторитарности политических отношений, преимущественно географической обусловленности существования данного политического образования». Авторы статьи полагают что «квазигосударство может даже иметь внешние формы современного государства, но при этом основные ориентиры и структуры его политики носят “общинный характер”», а «квазигосударственность, по-видимому, представляет собой в каких-то условиях этап, предшествующий становлению государственных форм»⁵.

---

¹ *Ларионов А. Н.* Государственно-правовая природа Войска Донского в XVI–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Ростов н/Д, 2006.

² *Шкваров А. Г.* Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб., 2009. С. 6.

³ *Рыблова М. А.* Атаманская власть в казачьих сообществах на Дону. С. 129–133.

⁴ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 71, 74.

⁵ *Лукичев П. Н., Скорик А. П.* Квазигосударственность // Полис. Политические исследования. 1994. № 5. С. 139–140.

А. В. Кондрико называет «квазигосударством» Запорожскую Сечь, однако смысл этого термина понимает весьма своеобразно. «Приставка квази переводится с латыни словом “почти”. То есть, — заключает Кондрико, — Запорожская Сечь являлась “почти-государством”»¹. Между тем, латинское «квази» имеет несколько иной смысл, а именно: «якобы», «мнимый», «ненастоящий». Приводимые же исследователем примеры, призванные доказать, что «Запорожская Сечь обладала всеми признаками государства», относятся практически целиком к XVIII в., когда «Войско Запорожское», сохранившее политическую самостоятельность намного дольше других казачьих сообществ, в ходе своей эволюции продвинулось дальше их и в социальной стратификации, и в усложнении своей военно-политической организации, которая в полноценное государство, тем не менее, так и не успела превратиться. Это, в сущности, вынужден признать и А. В. Кондрико, отметив, что некоторые из «признаков государства» в Запорожье «носили характер, близкий к формальному» и указав еще на ряд «слабых сторон Запорожской Сечи в вопросе определения ее как государства»².

***

Свое несогласие с уподоблением казачьих «войск» XVI–XVII вв. государствам мне довелось высказывать неоднократно — в 1985, 1986, 1987, 1994 и в 2016 гг.³. При этом было

---

¹ Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере запорожской Сечи в сер. XVII — нач. XVIII вв. М., 2017. С. 60.

² Там же. С. 58–62.

³ Никитин Н. И. К вопросу о социальной природе казачьих сообществ в XVI — первой половине XVII в. // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 100–101; *он же*. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века. // История СССР. 1986. № 4. С. 174–177; *он же*. О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 239–242; *он же*. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесословных и внеклассовых слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 4; *он же*. О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII веков // Исторические записки. М., 2016. Вып. 16 (134). С. 175–203.

обращено внимание на то, что казачьи сообщества не соответствуют представлениям о государственности, сложившимся не только в марксистской науке (связывавшей возникновение государственности с делением общества на классы), но и в науке вообще. Ибо, если с предлагаемыми выше «критериями государственности» подходить к другим этнополитическим объединениям эпохи Средневековья и раннего Нового времени, то «демократическими республиками» придется признать и те из них, применительно к которым говорить о государственности современная наука не считает возможным. Вряд ли, например, можно усмотреть государственность у германских племен эпохи Тацита (I в. н. э.) — они, по общему мнению, жили еще «догосударственным строем». Что же касается вольных казаков, то о какой полноценной «государственности» в их сообществах вообще может идти речь, если они жили не производительным трудом, а в основном военной добычей («зипуном») и военным наемничеством?..

Главными чертами сложившейся государственности традиционно считается «появление налогообложения, возникновение независимой от основной массы народа публичной власти, располагавшей специализированным аппаратом внутреннего подавления, и переход к территориальному разделению народа вместо родо-племенного»¹. Но многие современные ученые уже не считают государством даже греческий и римский полис, подвергают сомнению существование полноценной государственности в Киевской Руси и у контактировавших с ней кочевников.

Так, И. Я. Фроянов, настаивая на возможности возникновения государства еще на доклассовой ступени развития, тем не менее, его в древнерусском обществе IX–X вв. не видит и убежден, что по своей социальной сущности Киевская Русь была сходна с варварскими обществами Западной Европы в раннем средневековье, т. е. еще находилась на стадии перехода от родоплеменного строя к раннефеодальному. Он полагает, что при всей неоднородности и ранжированности древнерусского общества, его типичной чертой являлись общинность и вытекающий из нее «общинный демократизм», а «структура власти той поры

---

¹ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 247.

сохраняла родоплеменной характер: народное собрание — вече, военный вождь — князь, гражданская власть — старейшины»¹.

По мнению Н. Н. Крадина, даже «кочевые империи» — это не государства, а лишь «суперсложные вождества»². А как считает А. А. Шенников, «половецкие ханы последних предмонгольских десятилетий — это либо еще вовсе не феодалы, а военные вожди территориально-общинных объединений, либо в лучшем случае вожди, едва начавшие превращаться в феодалов, да и то не везде, а по-видимому, лишь у некоторых наиболее экономически развитых групп северопричерноморских и северодонецких половцев»³. Прочие же объединения кочевников (например, печенежские орды в X–XI вв.), как полагает С. А. Плетнева, имели «все признаки военной демократии»⁴ — той стадии в развитии человеческого общества, которая, предшествуя «вождеству» (а порой и сливаясь с ним) является переходной от первобытнообщинного строя к классовому обществу и государству. И общественное устройство вольного казачества, как я и пытался доказать в своих работах, более всего как раз и напоминает социально-политическую структуру периода военной демократии.

Напомню, что термин «военная демократия» был введен в оборот американским историком и этнографом Л. Морганом, чьи теории у нас в стране более известны в их переложении Ф. Энгельсом, а главные особенности обозначаемого этим термином этапа социального развития состояли в сильной власти военных вождей при сохранении в обществе прочных позиций «первобытного коллективизма». Иногда этот период называют также эпохой «примитивной демократии»⁵.

---

¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; *он же*. О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 29.

² Крадин Н. Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 25.

³ Шенников А. А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 126–127.

⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1966. С. 449, 454.

⁵ Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство). Л., 1986. С. 224; История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 231–232.

«Органами военной демократии» являются военачальник, совет старейшин, народное собрание. Отличительными чертами этого типа социального устройства считаются также равноправие и поголовное вооружение всех членов сообщества и их ответственность, ибо именно при военной демократии «война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни», а «грабеж... кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд» и война «становится постоянным промыслом»¹.

Рассматривая под этим углом зрения ранние казачьи общины, нельзя не заметить, что аналогии с периодом военной демократии напрашиваются при анализе как социального устройства, так и самого образа жизни вольных казаков. В атаманах, например, нетрудно узнать военных вождей, в «кругах» — народные собрания. Выборность вождей, равенство в правах и обязанностях, личная свобода и поголовное вооружение членов сообщества, крайне важное место и значение военных походов в жизни, распределение военной добычи между членами сообщества поровну (путем «дувана») — эти и другие черты казачьего уклада хорошо вписываются в рамки той стадии развития, которая называется периодом военной демократии, хотя, конечно, и не делает этот уклад полностью адекватным ей. Не логичнее ли, таким образом, предположить, что в XVI–XVII вв. казачьи сообщества являлись не олицетворением грядущих социальных отношений, а представляли собой отголосок минувшего, своеобразный рудимент дофеодалных времен? Во всяком случае, по бытовому укладу и общественному устройству вольное казачество рассматриваемого времени гораздо ближе к последней стадии доклассового общества, чем к следующим за ней...

2. К дискуссиям о стадийной принадлежности казачьих сообществ XVI–XVII вв.

Архаичность социальной организации вольных казаков была в самых общих чертах подмечена еще крупнейшими дореволюционными историками, начиная с Г.-Ф. Миллера, впервые

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-изд. Т. 21. М., 1961. С. 164.

поставившего изучение истории казачества на научную основу. Отвергая в принципе имевшие хождение в его время «теории» о нерусском (неславянском) происхождении казаков, он вместе с тем видел в «казачьей демократии» прежде всего признаки глубокой первобытности и, в частности, рассматривал военную организацию запорожцев как догосударственную форму общественной жизни¹.

С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и В. О. Ключевский считали, что казачество XV–XVII вв. — это тот слой русского общества, который некогда (в период «удельности») был распространен «по всей Руси», что «оно было противодействием старого новому», воплощало в своей социальной организации идеи древнерусского вечевого строя и т. д.² Эти представления и оценки нашли отражение в известном конспекте К. Маркса, записавшего, изучая книгу Н. И. Костомарова о Степане Разине, что «в казачестве воскресали старые полуугасшие стихии вечевой вольницы» и «само по себе оно было не новым жизненным началом, а чем-то отсталым, устаревшим». Социал-демократ Н. А. Рожков, характеризуя социальное устройство и хозяйственный уклад Запорожья в XVII в., пришел к заключению, что они носили «печать той примитивности, какая нами наблюдалась в период дофеодальный, в эпоху родового и племенного быта»³. И народнически настроенный историк Н. Н. Фирсов полагал, что государственные устои «находились в полном противоречии с обычаями казаков»⁴.

Член-корреспондент Императорской Академии Наук, земский статистик Ф. А. Щербина в своем капитальном труде по истории Кубанского Казачьего Войска тоже признавал архаичность

---

¹ Миллер Г.-Ф. О начале и происхождении казаков // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Апрель. С. 291–334; *он же*. Известия о запорожских казаках // Там же. Май. С. 384–444. Подробнее см.: Котляров А. Н. Академик Г.-Ф. Миллер как историк казачества // Урал-сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 3–12.

² Подробнее см.: Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 12–17, 24.

³ Костомаров Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев, 1992. С. 330–335; Маркс К. Стенька Разин // Молодая гвардия. 1926. Кн. 1. С. 107, 109; Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 6. Пг.; М., 1923. С. 26, 35.

⁴ Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. [3-е изд.]. М., 1920. С. 50–51.

социального устройства вольного казачества, но трактовал ее совсем в другом ключе. По мнению Щербины, «не будь вечевой Руси, не было бы и казачества». «С уничтожением вечевого строя, — писал он, — не угасли окончательно стремления массы к народоправству. Напротив, отстранение народа от власти повело к закабалению его, и масса горьким опытом познала все невзгоды бесправного положения. Естественно, что народ попытался вернуться к старине, и на смену вече явилось казачество». Ф. А. Щербина полагал, что «казаки лишь восстановили вечевую старину», и «казачьи порядки были лишь продолжением вечевых, осложненных иными историческими условиями и обстоятельствами»¹.

Подобные концепции были достаточно широко представлены в дореволюционной историографии, нашли отражение в эмигрантской литературе (например у С. Г. Сватикова²) и всё чаще появляются в историографии постсоветской. Так, И. Л. Омельченко считает, что «по своему общественному устройству казачьи общины... строились по образцу существовавших в Древней Руси Народных собраний — Вече и имели в основе много общих черт»³. А. Г. Шкваров, ссылаясь на труды таких «авторитетных исследователей», как казачий генерал эмигрант И. Ф. Быкадоров и донской «автономист» историк-самоучка Е. П. Савельев, проводит прямую линию от новгородской, псковской и вятской «республик», ликвидированных «после череды московских нашествий», к Донскому войску XVI–XVII вв., тоже, по его мнению, являвшемуся «военно-демократической республикой» и обязанной своему возникновению и внутреннему устройству прежде всего переселившимся на Дон жителям Северо-Западной Руси. Благодаря им, пишет Шкваров, и «образовался особый мир, противоположный московскому, но родственный новгородскому»⁴.

Близкой точки зрения придерживается и известный ростовский исследователь, крупный специалист по истории донского

---

¹ Щербина Ф. А. История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. Т. 1. Екатеринодар, 1910. С. 425, 428, 429

² Маркедонов С. М. С. Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов н/Д, 1999. С. 114, 143

³ Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 51.

⁴ Шкваров А. Г. Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб., 2009. С. 22.

казачества XVI–XVII вв. Н. А. Мининков, не приемлющий изложенное выше мнение о близости социальной структуры вольного казачества к институтам доклассового общества периода военной демократии. Доводы Н. А. Мининкова таковы: «...Внешнее сходство между устройством внутренней жизни казачества в XVI–XVII вв. и обществ на стадии военной демократии весьма велико... Однако наличие демократических начал — явление, характерное не только для обществ, находившихся на стадии военной демократии, но и для современного раннему казачеству средневекового общества. Как бы отрывая казачество от этого общества и рассматривая его наравне с существовавшим в другую, гораздо более раннюю эпоху обществом военной демократии, Н. И. Никитин исходил из распространенного взгляда на средневековье как на время господства грубой силы, беззакония и произвола. Все это имело место в разных странах... Однако этим не исчерпывался характер средневекового общества». Со свободами и вольностями, напоминает Н. А. Мининков, был тесно связан средневековый город, и не только в Западной Европе, но и на Руси — «в киевский период ее истории». Монголо-татарское нашествие резко изменило ход и направление социально-политического развития русских земель, но «вечевые демократические традиции» в них не были изжиты окончательно, и даже когда при Иване III «произошла окончательная ликвидация городских вольностей... это не означало гибели русской свободы. Она лишь переместилась с Севера на недоступный в то время для властей Юг, на казачьи реки, и прежде всего на Дон и примерно через полвека после уничтожения республиканского Новгорода стала возрождаться в казачьих юртах. На казачьих реках имелись те же основы демократического устройства, что и в несколько более раннее время на русском Севере»¹.

Оставляя за скобками утверждение Н. А. Мининкова о моей приверженности «взгляду на средневековье как на время господства грубой силы, беззакония и произвола» (я не давал к такому заключению никаких оснований), считаю необходимым отметить непоследовательность и нелогичность его аргументации. Он не согласен с историками, рассматривающими вольное

---

¹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 223–226, 230.

казачество как «консервативное», «архаичное» явление, и в то же время считает прообразом устройства казачьих общин социально-политическую систему Новгорода Великого, существовавшую до XV в. Но, во-первых, система эта с ее вечевыми порядками к XV в. выглядела уже достаточно архаично; во-вторых, общественный строй «вольных» Новгорода или Пскова XV в. с их глубоким социальным расслоением (боярско-купеческие кланы с одной стороны и рядовые горожане — с другой при реальной власти в городе не «народа», а боярской, купеческой и церковной олигархии) никак не соответствовал внутреннему устройству казачьих сообществ, основанных на социальном равенстве; и, в третьих, непонятно, как *городской* уклад Киевской Руси мог стать наиболее оптимальным для общин, столетиями живших в условиях, совершенно не подходящих для организации городской жизни...

Вообще же, в связи с историей казачества Древнюю Русь исследователи в последнее время вспоминают часто. Например, Е. И. Дулимов (в ту пору кандидат юридических наук), видимо, целиком разделяя вышеизложенную концепцию Ф. А. Щербины, писал, что Войско Донское, не теряя теснейшей связи с остальной Россией, «по внутреннему своему складу... продолжало стоять особняком и сохраняло древнерусские, до-московские, несложные начала вечаемого строя, которым подчинялась вся разнплеменная вольница, вошедшая в состав войска»¹. Близкую точку зрения высказывает и краснодарский историк И. Ю. Васильев, но вместе с тем он полагает, что «казачество генетически связано не только с северными республиками, но и со всей древнерусской общинно-земской традицией в целом»². Что ж, подобные точки зрения можно было бы принять, но только — с существенной оговоркой: если исходить из того, что древнерусское общество находилось на стадии перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому, т. е. — принять вышеизложенную точку зрения И. Я. Фроянова на уровень социально-политического развития Киевской Руси...

---

¹ Дулимов Е. И. Исторические традиции казачьего самоуправления (по материалам дореволюционных изданий) // Становление казачьего самоуправления. Доклады и тезисы научно-практической конф. Ростов н/Д, 1998. С. 36.

² Васильев И. Ю. Генезис русского казачества // Исторический формат. Международный научный журнал. 2015. № 4. С. 234.

В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов указали на важные черты сходства между княжеской дружиной, «как ее рисует “Повесть временных лет”», и «казачьим войском»¹. По этому поводу уместно заметить, что период военной демократии, собственно и породивший «княжеско-дружинные отношения», соответствует казачьим порядкам в гораздо большей степени. То же самое было мною сказано относительно той системы общинного самоуправления, которая, согласно одной из весьма ныне распространенных концепций², была характерна для «городов-государств» Запада и Востока на наиболее ранних этапах их развития в условиях незавершенности процесса классового образования³, и один из приверженцев этой концепции — А. Ю. Дворниченко — подверг мою точку зрения суровой критике.

Как и Н. А. Мининков, он видит аналогии казачьим порядкам в вечевом строе Древней Руси. «Казачьи сообщества заимствовали и сохранили в своем политическом и социальном быте многие черты социально-политического строя Киевской Руси с ее городами-государствами», — пишет А. Ю. Дворниченко, но далее, правда, оговаривается: «Впрочем, казачья государственность могла воспроизводить некоторые черты социального строя еще более древние, чем в городах-государствах XII в.»⁴

Как считает А. Ю. Дворниченко, «казачью государственность во всех ее проявлениях можно назвать скорее потестарной, чем политической», поскольку «в среде казаков социальная дифференциация далеко не заходила»⁵. Более того, по его мнению, «заслуживает внимания то обстоятельство, что потестарные отношения у казаков часто были облачены в термины родства, что свойственно архаическим обществам. Об этом свидетельствует и восприятие казаками своих сообществ как неких братств, и обряд братания и т. д.»⁶ «Экономическая основа казачьих сообществ», как следует из работы

---

¹ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 55.

² Становление и развитие раннеклассовых обществ (Город и Государство). Л., 1986. С. 224, 335.

³ Никитин Н. И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых слоев. С. 5–6.

⁴ Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 128.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ Там же. С. 130.

А. Ю. Дворниченко, тоже была «архаической», и это, как отмечает он, выражалось в том, что «у казаков “базовые ресурсы” “дублировались” между всеми членами сообщества»¹.

Общие же выводы у А. Ю. Дворниченко таковы: казачьи сообщества являют собой пример отсутствия сложившегося государства при бесспорном наличии тех или иных элементов государственности. У казаков «реализовался один из довольно распространенных путей политогенеза — военный, когда становление государства идет через резкое возрастание роли военной организации. Необходимым условием перехода от потестарной власти к политической является постепенное ограничение круга лиц, имевших доступ к военной деятельности. У казаков этого еще не было — все они были воинами»².

Вместе с тем, А. Ю. Дворниченко допускает возможность применения к казачьим сообществам и таких характеристик, которые вытекают из некоторых наблюдений этнографов на материале ряда африканских государств. «Ведь генезис государственности, — пишет Дворниченко, — может осуществляться... и под внешним воздействием уже сформировавшихся государств (в формах завоевания или опосредованного воздействия)». В таком случае возникает «вторичная государственность», для которой предложено определение «параполис».

«Параполитейные общества, — разъясняет А. Ю. Дворниченко, — не имели материальных ресурсов для дальнейшего саморазвития, что обусловило ярко выраженный экспансионистский характер функционирования параполисов». Война стала способом их существования, и они «превратились в паразитарные военно-торговые организмы. Казачьи сообщества на ранней стадии их развития мы вполне можем определить как параполитейные государства», — считает Дворниченко, но, правда, уточняет, что «назвать их паразитарными в полном смысле слова вряд ли справедливо» и что «сформировавшимися государствами» они «так и не стали», поскольку, по словам предложившего термин «параполис» этнографа В. А. Попова, эта «категория... особенно предпочтительна для тех синполитейных обществ, в которых политогенез так и не завершился возникновением государства»³.

---

¹ Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 130.

² Там же.

³ Там же. С. 130–131.

Что же остается в «сухом остатке» от концепции А. Ю. Дворниченко, если освободить ее изложение от упаковки из новомодных и узкопрофессиональных терминов и определений? Это признание того факта, что казачьи сообщества в XVI–XVII вв. были весьма архаичным явлением. Но ведь это, собственно, я и пытался доказать, предложив (с рядом оговорок) рассматривать ранние казачьи общины как своеобразный рудимент дофеодалных времен (а не олицетворение грядущих социальных отношений) и увидев в социальном устройстве и образе жизни вольных казаков гораздо больше общего с социальными организациями периода военной демократии, чем последующих формаций.

Что же не устроило А. Ю. Дворниченко в этой концепции? С одной стороны — «общее восприятие» мною «восточноевропейской истории» («Н. И. Никитин считает, что казаки существовали “среди сообществ... давно и безвозвратно вставших на путь феодального развития”, обществ со сложившимися классами», а по мнению А. Ю. Дворниченко, «восточнославянская государственность отнюдь не так стара, как у нас принято думать. В словной форме она складывается лишь ко второй половине XV — началу XVI в.»). С другой стороны, А. Ю. Дворниченко принципиально не устраивало само понятие «военная демократия». По поводу этого понятия, пишет он, «в последние годы долго и вяло тянулась дискуссия на страницах сборника “Средние века” и, судя по всему, отечественная наука от него отказалась»¹.

Относительно «общего восприятия восточноевропейской истории» здесь вряд ли уместно дискутировать: слишком уж сложна эта выходящая за рамки нашего исследования тема. А с отказом отечественной науки от понятия «военная демократия» А. Ю. Дворниченко явно поторопился. Термин этот, в частности, широко употреблялся и употребляется в относительно недавно вышедших исторических работах при определении общественного строя ряда сибирских народов XIV–XVI вв.², встречается в обобщающих трудах по российской истории³. Использует его теперь

---

¹ Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 128–129.

² См., например: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 77; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 39, 45.

³ История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 44 (автор соответствующего раздела — А. П. Новосельцев).

и ...сам А. Ю. Дворниченко — при характеристике уровня социально-политического развития восточнославянских племен (доказывая, что никакого Древнерусского государства на самом деле не существовало), и это не какие-то случайные оговорки. Он пишет, например, что в VI–VIII вв. «славяне находились на стадии военной демократии», а «путь антов и склавен к восточным славянам — это движение от военной демократии к вождеству», что «на протяжении VI–VIII веков у славян существовала военная демократия, во времени развивавшаяся не очень динамично. Затем наблюдаем развитие вождества от более ранней, примитивной формы к более развитой (IX–X столетия)»¹.

Боле того, вопреки мнению А. Ю. Дворниченко, понятие «военная демократия» широко используется историками в последние годы как раз при характеристике социально-политического устройства вольных казачьих общин». Уже А. А. Шенников, рассматривавший жителей Червленого Яра как возможных предков хоперской группы донского казачества, охарактеризовал их как «своеобразное общество без феодалов с военно-демократическим общинным управлением, наподобие будущим казачьим обществам»².

А. Л. Станиславский, отметив, что «недавно Н. И. Никитин обоснована аналогия между общественным устройством “вольного” казачества и доклассовыми обществами периода “военной демократии”», пришел к такому заключению: «Как бы то ни было, “вольное” казачество Дона, Волги, Яика и Терека начала XVII в. по своему социальному развитию было много архаичнее общественного устройства Русского государства того же времени»³.

А. Р. Ивонин делает аналогичные выводы на материале восточных регионов России, представленных «двумя типами казачества: вольного на Яике и служилого — в Оренбуржье и Сибири». «Первый — путь самобытного творчества, приводивший, как это убедительно показал Н. И. Никитин, к созданию социального устройства, аналогичного “варварским” объединениям периода “военной демократии”», — пишет А. Р. Ивонин и заключает, что

---

¹ Дворниченко А. А существовало ли государство Киевская Русь? // Родина. 2012. № 9. С. 80, 82.

² Шенников А. А. Указ. соч. С. 20, 122.

³ Станиславский А. Л. Гражданская война... С. 244.

Яицкое войско «нельзя рассматривать как вполне сложившееся государственное образование. Это было протогосударственное объединение, аналогичное племенным союзам эпохи Великого переселения народов или союзам славянских племен накануне образования Киевского государства»¹. По мнению А. Р. Иво-нина, у казаков «дальше протогосударственных структур дело просто не могло пойти. “Войско” давало возможность противостоять постоянному натиску “хищных кочевых орд”, но для создания государства требовались иные условия, такие как значительное количество населения, переход к земледельческому труду, организация налоговой системы и многое другое»².

Мою точку зрения на социальную природу вольных казачьих сообществ практически полностью разделяет В. А. Артамонов³.

А. И. Агафонов, исследуя теоретические и методологические проблемы истории казачества, высказывает предположение, что присущая казачьим объединениям «сотенная организация, по-видимому, восходила к временам военной демократии...»⁴

Г. И. Добродомов полагает, что в XVI в. слово «казаки» употреблялось «для обозначения разноязычных обществ военной демократии евразийских степей»⁵.

А. А. Носков, обратившись к вопросу о «пращурах» российского казачества, приходит к заключению, что «они использовали те социально-политические институты, которые им были известны вне зависимости от уровня их социумов» и «примыкали к общинно-первобытному строю, т. е. принципу военной демократии»⁶.

---

¹ История казачества Азиатской России. В 3-х т. Т. 1. XVI — первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С. 94, 96.

² *Ивонин А. Р.* Казаки на сибирском фронтире в XVIII–XIX вв. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. С. 42.

³ *Артамонов В. А.* Украинское казачество между Петром I и Карлом XII в полтавский период Северной войны 1708–1709 годов // Славяноведение. 2010. № 2. С. 40–41, 53.

⁴ *Агафонов А. И.* Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Мат-лы III Всесоюзной конф. по истории казачества Ростов н/Д, 1995. С. 25.

⁵ *Добродомов Г. И.* Филологические маргиналии к историческому изданию // Отечественная история. 1996. № 6. С. 182.

⁶ *Носков А. А.* К вопросу о пращурах российского казачества // Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ. Заочная

«Эпоха казачьей вольницы — это период, когда казахи формирования функционировали по законам военной демократии», — пишет Р. К. Касымханов¹.

Для С. А. Тулаевой «система самоуправления, основанная на власти народного собрания (каковым, по сути, являлся казачий круг) и военной доблести избираемых атаманов, традиционный порядок распределения дохода (предполагающий “общак” и долю каждого из участников), отношение к вождю как к старшему среди равных невольно ассоциируются с дофеодальными порядками военной демократии» (которые, правда, исследовательница объясняет лишь тем, что «ключевым и, по сути, единственным ресурсом» подобных сообществ «является силовой»)².

М. А. Рыблова к важнейшим характеристикам «культурной модели раннего казачества» относит и «властные структуры, приближенные к так называемой военной демократии»³.

По мнению, Ю. М. Куклева, свойственные казачьим сообществам «элементы военной демократии... наблюдались практически во всех социумах Европы в период раннего феодализма»⁴.

Е. И. Куксенко полагает, что «генезис военной демократии у казаков представлял собой один из последних в Европе примеров данной организации власти. Однако, — справедливо замечает исследовательница, — ее появление стало не следствием разложения первобытнообщинной, или родовой, демократии, а результатом миграции на Дон и консолидации представителей различных этнических групп, уже проходивших эти этапы организации власти»⁵.

межрегиональная университетская научно-методическая конференция. Материалы конференции. Ярославль, 2008. С. 204.

¹ *Касымханов Р. К.* Политика Российского государства в отношении казачества и казачьей вольницы (XVI–XIX вв.) // *Успехи современной науки. Международный научно-исследовательский журнал.* 2016. № 5. Т. 2. С. 115.

² *Тулаева С. А.* Донское казачество в XVI–XVII вв. как автономная охранная организация // *Полития.* 2010. № 2. С. 69, 70.

³ *Рыблова М. А.* Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // *Этнографическое обозрение.* 2010. № 6. С. 158–174.

⁴ *Куклев Ю. М.* Феномен казачества: историко-социальные и этнические аспекты формирования правового статуса. М., 2015. С. 170.

⁵ *Куксенко Е. И.* Эволюция обычного права донских казаков (XVI — начало XIX вв.) Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 25.

Не отказалась от понятия «военная демократия» и «мировая наука». Во всяком случае, швейцарско-австрийский историк Андреас Каппелер постоянно использует его — и тоже для характеристики социально-политического устройства вольного казачества, формы объединения которого он называет «догосударственными сообществами»¹. А профессор Боннского университета Дитмар Дальман, разъясняя суть понятия «казак», пишет: «Вначале казаки обладали внутренним устройством в соответствии с принципами военной демократии, которое в течение XVIII в. было окончательно утрачено»².

И, разумеется, не могут обойти это понятие те исследователи, которые не приемлют его для характеристики социального строя казачества XVI–XVII вв. Так, упоминавшийся выше кандидат юридических наук А. В. Фалалеев полагает, что «для признания “военно-демократического” характера государственной организации Войска Донского... необходимо доказать родоплеменной характер его происхождения. В настоящее время отсутствуют данные о наличии родоплеменных отношений в обществе казаков...»³.

Нельзя не заметить сходство в подходе к этому вопросу позиций А. В. Фалалеева и упоминавшегося выше кандидата исторических наук А. Н. Ларионова. И раз уж мы вновь коснулись существа проблемы, то придется констатировать ее крайне упрощенную трактовку этими исследователями. В *моих* работах нет отождествления социальной организации казачьих сообществ и родоплеменных объединений, находящихся на стадии «классической» военной демократии, а говорится лишь о *близости* к ней общественного устройства вольного казачества в большей степени, чем к последующим стадиям социального развития. Более того, мною специально подчеркивалось, что «казачьи общины не были тождественны социальным организациям доклассовой эпохи», поскольку «казаков спланивали отнюдь не родоплеменные связи, и на образ их жизни не могла не воздействовать

---

¹ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Перев. с нем. М., 2000. С. 43, 53, 84.

² Дальман Д. Сибирь. С XVI в. и до настоящего времени. Перев. с нем. М., 2015. С. 467.

³ Фалалеев А. В. Проблемы изучения государственно-правовых явлений земли Войска Донского (1481–1723 гг.) // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов, 2006. № 4. С. 147.

та социальная среда, из которой они вышли и которая их окружала, а это была прежде всего среда феодального общества»¹.

Кроме А. Ю. Дворниченко, можно назвать еще ряд исследователей, которые, фактически признавая глубокую архаичность казачьих институтов, считают, тем не менее, возможным говорить о «казачьей государственности». Например, И. Ю. Ерохин, британский историк, регулярно публикующийся в российских изданиях, считает, что «изнутри казачьи сообщества долгое время (примерно до середины XIX в.) оставались архаичными, придерживавшимися норм обычного права», и в то же время называет их «республиками», полагает, что они «представляли собой вторичную (параллельную) модель государства в рамках Российской империи». По мнению И. Ю. Ерохина, «такое парapolитейное состояние социальных органов можно определить как потенциально государственное, т. е. ситуацию, когда казачье сообщество переходило к следующему этапу своего развития лишь отдельными элементами при сохранении предшествующих форм — обычного права, структуры семьи, примитивных моделей самоуправления»².

Наши расхождения с И. Ю. Ерохиным можно было бы считать не столько существенными, сколько терминологическими, если бы не система его аргументации. Он считает, например, что «институт государственности у казаков подтверждают и многочисленные заключенные союзы и дипломатические отношения с европейскими государствами»³. Но ведь хорошо известны дипломатические контакты вполне себе сложившихся, полноценных и зрелых государств с народностями, которые находились на стадии «классического» родоплеменного, т. е. догосударственного, строя — от договоров Рима с варварскими племенами до подобных же соглашений Англии и Франции с индейцами в XVII–XIX вв.

Еще труднее понять и принять позицию доктора юридических наук, ректора Донского юридического института Е. И. Дулимова,

---

¹ *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 175.

² *Ерохин И. Ю.* Казачество и государственность // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3–4. С. 48; *он же.* Казачьи республики как фактор государственности // Белые пятна российской и мировой истории. 2013. № 1–2. С. 50.

³ Там же. С. 41.

который рассматривает социальную природу казачьих сообществ «через призму историко-правового подхода». Основное внимание он уделяет донскому казачеству, которое, по словам Е. И. Дулимова, «создало свое собственное политическое образование на основе принципов военной демократии, всеобщего вооружения народа и относительно централизованной власти»¹.

В своем спецкурсе по истории казачества Е. И. Дулимов фактически дословно воспроизвел основные положения моей статьи, положенной в основу доклада на «Чтениях» памяти Л. В. Черепнина в 1994 г., выразив, стало быть, свое полное согласие с содержащейся в ней трактовкой общественного строя вольных казаков как *догосударственного*². Однако в других работах Е. И. Дулимова «казачья государственность» фигурирует постоянно: она называется им «уникальной и специфической», «неповторимой», упоминается в самых различных контекстах и прежде всего — в заголовках.

Правда, в конечном итоге Е. И. Дулимов показывает архаичность социальной организации казачества, плохо совместимую с государственностью как таковой. Он пишет, например, что принятая у казаков «сотенно-десятичная организация восходила к временам военной демократии», что казачьи общины, являясь «своеобразными естественными колониями русской нации... развивались на основе военной демократии и народоправства», сами вольные казаки названы им «полуразбойничьим-полугосударственным сообществом» и т. д.³ А если попытаться понять, в чем же, по мнению Е. И. Дулимова, особенности «казачьей государственности» заключались, то выясняется, что вместо нее у казаков было нечто другое, самим же автором обозначенное как

---

¹ Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв. Автореф. дис. ...д-ра юр. наук. Саратов, 2003. С. 20.

² Ср.: Никитин Н. И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесословных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Ч. II. М., 1994. С. 4–5, 7, 10–11; Дулимов Е. И. Казачество в системе политико-правовых отношений дореволюционной России // Казачий сборник. 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 28–30, 32–33.

³ Дулимов Е. И. Российская власть и казачья государственность на Дону. Концепция спецкурса по специальности «Юриспруденция» // Казачий сборник. [№ 2]. Ростов н/Д, 2000. С. 8, 12; *он же*. Государственность и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов н/Д, 2003. С. 36, 54, 69, 80.

«военно-демократическая квазигосударственность», «примитивная квазигосударственность», «незрелая протогосударственность в форме своеобразной охлократии» и т. п.¹ Раскрываются Е. И. Дулимовым и обстоятельства, предопределившие «печальную судьбу казачьей государственности» и, стало быть, не позволяющие считать казачьи сообщества полноценными государствами. Он признаёт, что у казаков «легитимная публичная власть — главный признак государственности — присутствовал в неразвитой форме без юридического оформления», отмечает несовершенство войскового права, отсутствие писанного уложения и устава, поста войскового судьи и т. д. и т. п.²

В одной из своих работ Е. И. Дулимов пишет, что Войско Донское, не теряя теснейшей связи с остальной Россией, «по внутреннему своему складу... продолжало стоять особняком и сохраняло древнерусские, до-московские, несложные начала вечевого строя, которым подчинялась вся разноплеменная вольница, вошедшая в состав войска»³. В другой — доказывает, что Войско Донское «нельзя считать республикой типа “Господина Великого Новгорода”, то есть полноценным независимым образованием», что существовала лишь «тенденция образования определенной казачьей протогосударственности», которая, однако, «не получила завершения»⁴. Из третьей мы узнаём, что, оказывается, даже в конце XVII в. казачье сообщество на Дону лишь «вплотную приблизилось к созданию того уровня государственности, который историки-юристы именуют “ранним”, “потестарным”, “варварским”»⁵. Но в таком случае зачем ставить вопрос о «казачьей государственности» вообще и применительно к предыдущим периодам в особенности?

---

¹ Дулимов Е. И. Развитие казачьей государственности на Юге России в XVI–XX вв. и ее перспективы на современном этапе демократических реформ // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 332, 336, 337; *он же*. Становление и инволюция государственных форм организации казачества. С. 17.

² Дулимов Е. И., Цечоев В. К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001. Гл. 5; Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества. С. 17, 24.

³ Дулимов Е. И. Исторические традиции казачьего самоуправления (по материалам дореволюционных изданий) // Становление казачьего самоуправления. Доклады и тезисы научно-практ. конф. Ростов н/Д, 1998. С. 36.

⁴ *Он же*. Развитие казачьей государственности на Юге России. С. 332.

⁵ *Он же*. Государство и казачество: проблемы взаимодействия. С. 78.

По мнению кандидата юридических наук В. Е. Зелинского, «общественная жизнь донского казачества XV–XVII вв. показывает отсутствие у него развитых форм частной собственности, что не способствовало появлению классов, необходимых для появления государства». Как важное препятствие на пути к государственному строительству на Дону он рассматривает и «негативное отношение казаков к государственности» как к таковой («как к институту принуждения»), что тоже «не способствовало перерастанию атаманского кругового правления в государственный аппарат». Рассматривая «повседневную судебную практику» казаков, основанную на «обычном праве», В. Е. Зелинский пишет, что она отражала «самые архаичные нормы организации», и, в то же время, считает возможным говорить о «зарождении государственности» у донских казаков уже в XV–XVI вв., а применительно к XVII в. — о «протогосударственности», которая «была территориальной организацией публичной власти»¹.

Большей последовательностью и четкостью в историко-правовых подходах к проблеме отличается позиция кандидата юридических наук Е. И. Куксенко. Она считает, что государство казаки «так и не построили», ибо «правовое положение Войска Донского до конца XVII в. определялось только обычным правом», а оно «представляет собою имеющую инволюционную природу первичную форму права, регулиующую общественные отношения в социуме на догосударственном этапе развития». По мнению Е. И. Куксенко, Войско Донское являлось лишь *протогосударственным* образованием, правовое положение которого «характеризовалось наличием ряда признаков: политического суверенитета, собственной территорией; функционировавшими в форме военной демократии неотделенными от социума институтами власти; обычным правом как базовым регулятором общественных отношений (правовым суверенитетом); наличием консолидированного в рамках самоуправляемых общин населения; компенсировавшей недостатки экономического развития агрессивной военно-политической деятельностью». А «основными причинами невозможности генезиса на Дону государства» Е. И. Куксенко считает то обстоятельство что казачье «протогосударство

---

¹ Зелинский В. Е. Вхождение области Войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России. Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Краснодар, 2009. С. 12, 28, 31.

не обеспечивало функции защиты частной собственности зажиточных казаков, сдерживая процесс формирования политической элиты, а также производительного экономического развития»¹.

Аналогичную позицию (вплоть до дословных заимствований из диссертации Е. И. Куксенко) занимает И. Л. Коневиченко. По его мнению, «генезис норм обычного права» у казаков «протекал в одной плоскости с образованием социума, а не государства», и «войско Донское являлось “начальственным” субъектом обычного права донских казаков, изначально представлявшим собой протогосударственную, военно-политическую организацию», которую не позволяет считать государством ряд факторов, в том числе и отсутствие у нее «экономического суверенитета, восполняемого хищническими нападениями на соседние нехристианские народы, а также за счет гуманитарной помощи Московского царства»².

В. В. Глущенко тоже считает, что казачье Войско «нельзя рассматривать как вполне сложившееся государственное образование» и что в целом «казачьи вольницы представляли собой исторически отжившие формы социальной организации, своеобразные островки государственно-политического архаизма в пространстве становления форм этой организации значительно более высокого порядка»³. И вот с этим его мнением (в отличие от некоторых других его взглядов на историю казачества) можно полностью согласиться...

* * *

Число исследователей, признающих архаичность социальной организации казачества, имеет явную тенденцию к росту, причем среди них порой оказываются историки старой, еще советских времен «школы». Так, В. Н. Дариенко в своих последних работах, содержащих немало сомнительных, не подкрепленных источниками суждений, высказал и ряд в целом вполне обоснованных положений, отметив, в частности, что «именно казачьи

---

¹ Куксенко Е. И. Эволюция обычного права донских казаков (XVI — начало XIX вв.) Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 17, 23.

² Коневиченко И. Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность. СПб., 2016. С. 22–23, 25–26.

³ Глущенко В. В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М., 2000. С. 159–160.

общины на Днепре, Волге, Дону, Яике оказались наиболее последовательными наследниками обычаев, то есть таких правил, форм поведения, в которых закреплялось то, что складывалось в результате двухсот тысячелетий общественной практики родового строя»¹.

М. А. Рыблова, рассматривая раннее казачество в целом как доклассовое социальное образование, пришла к выводу о воспроизводстве им в «Диком поле» в условиях экстремального существования «весьма архаичных структур и принципов, основанных на нормах обычного права». По ее мнению, у казаков даже процедура становления в атаманы (сопровождавшаяся его демонстративными унижениями и оскорблениями) была характерна для выборов предводителя в архаичных сообществах и восходила в своей основе «к древним посвячительным ритуалам»². В кандидатской диссертации Ю. А. Чижиковой тоже дана характеристики атаманства на Дону как института обычного права³. Т. А. Невская обратила внимание на то, что у северокавказского казачества вплоть до октября 1917 г. обычное (традиционное) право являлось «важнейшим регулятором общественных отношений», а одной из его характерных черт «был примитивный характер судопроизводства»⁴. К сходным выводам при анализе социальной типологии казачьих сообществ приходит и украинский историк В. В. Грибовский. Он подчеркивает, что даже «на Запорожье не было *писанного закона*; здесь господствовало *обычное право*», грамотность не считалась добродетелью, так что и должность писаря не считалась статусной⁵. По мнению исследователя, вольные казачьи сообщества «находились вне государственности», и вся зона их обитания — Причерноморская степь — представляла собой «негосударственное пространство»⁶.

---

¹ Дариенко В. Н. Коллизии обычного и позитивного права в судьбах вольных казачьих общин // Историчний архів. Наукові студії. Миколаїв, 2008. Вип. 1. С. 55.

² Рыблова М. Атаманская власть в казачьих сообществах на Дону (XVI–XVIII вв.) // Власть. 2008. № 11. С. 130; она же. Казачьи братства на Дону // Родина. 2009. № 6. С. 91.

³ Чижикова Ю. А. Институт атаманства на Дону (середина XVI — начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 13.

⁴ Невская Т. А. Традиционное право казачества: общее и особенное // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всерос. научн. конф. Ростов н/Д, 2010. С. 8–9.

⁵ Грибовский В. В. Социальная типология казачьих сообществ // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 150–151 (выделено автором)

⁶ Там же. С. 146.

Такие характеристики вполне согласуются с высказанным мною еще в 1980-х гг. мнением о стадийной принадлежности ранних казачьих сообществ. Но ближе всего к моим позициям по этому вопросу оказались работы известного философа и культуролога И. Г. Яковенко, и это — несмотря на наши кардинальные расхождения во взглядах на происхождение казачества. Он, в частности, выступил против проведения аналогий между войсковым казачьим кругом и зрелыми институтами демократического общества. «При общности исходных принципов они разительно отличаются, — пишет И. Г. Яковенко. — Так, выросшая из веча политическая система Новгородского государства к XIII–XIV векам превратилась в сложный механизм, учитывающий интересы разных социальных слоев, имевших оригинальную систему сдержек и противовесов. Одним словом, это была политическая система зрелого государства. Войсковой же круг закрепляет исходную архаическую структуру — структуру догосударственного, и, если угодно, “мимогосударственного” образования». По мнению И. Г. Яковенко, казачий войсковой круг является основным институтом военной демократии. «Этот феномен догосударственного бытия в русских регионах исчезает еще во времена Киевской Руси либо трансформируется в политические институты государственной власти, как в Новгороде». На остальной же территории страны «вечевая форма самоорганизации спускается на самый нижний уровень — сельского мира — и сохраняется как механизм общинного самоуправления».

Вполне уместным представляется у И. Г. Яковенко сравнение вольного казачества со средневековым рыцарством. «Если поместить казачество в контекст качественно сходных феноменов, то, — полагает он, — ближайшее к нему в европейской истории явление — рыцарство. По-существу, рыцарь — не что иное, как позавчерашний, то есть достаточно поздний варвар, который принял ценности цивилизации, но не утратил некоторые чрезвычайно важные для дела качества (пассионарен, подвижен, не прирос к земле, сохранил элементы военно-демократического этоса и т. д.)...» И. Г. Яковенко усматривает «в природе рыцарства и казачества множество как очевидных параллелей, так и существенных различий. Рыцарство складывается в теле государства, внутри цивилизации. В нем в меньшей мере сохраняются архаические, догосударственные черты, а процессы феодализации разворачиваются полностью. Казачество возникает за рамкой

государства. Оно в большей мере сохраняет военно-демократический стержень архаической культуры и в гораздо меньшей степени феодализируется».

Приводит И. Г. Яковенко и «примеры более отдаленных по времени параллелей казачеству». По его мнению, они «рассыпаны по мировой истории. Это многочисленные племена, союзы и роды поздних варваров... в пограничных областях великих империй, выполнявшие буферные функции...» (здесь, правда, опять напрашиваются аналогии в большей мере со служилым, чем с вольным казачеством). И. Г. Яковенко считает, что, «будучи феноменом противоречивым, казачество... представляет собой один из примеров идеологического и бытового закрепления архаики», а к «стержневым, определяющим суть казачества идеям» относит, кроме того, «архаическое отождествление мужчины и воина», находя тому подтверждения даже в современном обществе¹.

И по мнению Ю. М. Куклева, «феномен казачества не так уж необычен в мировой истории». Он тоже обращает в этой связи внимание на близость рыцарства к казачеству и по «образу жизни», и по «принципам организации» их отрядов («выборность старшего военачальника, раздел добычи и т. д.»)² И с этим трудно не согласиться, читая, например, записки польского шляхтича Н. Мархоцкого, участника событий Смутного времени в России начала XVII в. Описывая свои злоключения в «Московии», он то и дело упоминает о «рыцарском круге», «генеральном круге», просто «круге», который собирался в польском войске для решения текущих дел или перевыборов командующего³.

Сходство казачьих сообществ с рыцарскими отмечали еще до-революционные исследователи (например, по мнению М. А. Караулова, «военные братства» вольных казаков напоминали, «с одной стороны, дружины Киевской Руси, а с другой, духовно-рыцарские ордена Западной Европы»)⁴. Другой вопрос — можно ли *отождествлять* вольное казачество с рыцарством. Думаю, что нельзя. Не случайно историки, изучающие «феномен рыцарства» в историко-культурном контексте на всем пространстве от Гибралтара

---

¹ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр... Полемиические заметки о российской цивилизации // Родина. 1995. № 10. С. 70–71.

² Куклев Ю. М. Феномен казачества: историко-социальные и этнические аспекты формирования правового статуса. М., 2015. С. 173–174.

³ Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 31–34, 38, 40, 60–62.

⁴ Караулов М. А. Терское казачество. М., 2007. С. 28.

до Японии и видящие немало сходства между рыцарями Западной Европы и воинскими сообществами других стран (арабскими фарисами, адыгскими уорками, тюрко-монгольскими батырами, индийскими раджупутами, японскими самураями и др.), казакам в этом ряду места не находят¹.

Тем не менее, казаков с рыцарями некоторые исследователи полностью отождествляют. И первым претендентом на этот статус у них обычно выступают запорожцы, которые нередко и сами себя называли «лыцарями», а иногда удостоивались такого именования и со стороны правящей верхушки Речи Посполитой (когда та желала польстить казачеству). Однако имеющиеся в распоряжении историков данные вряд ли дают основания считать «Запорожский кош» настоящим «рыцарским орденом», как это делает, например, Р. В. Багдасаров². Более взвешенную позицию по этому вопросу занимает А. В. Кондрико. Он хотя и усматривает в устройстве и духовно-нравственных основах Запорожской Сечи много общего с европейскими военно-монашескими орденами, но отмечает немало принципиальных различий между ними. В частности, по его мнению, «структурной особенностью Запорожской Сечи являлось объединение по образу пастушеского кочевья, в отличие от духовно-рыцарских братств Запада, имевших форму организации строительного цеха»³.

Против сравнений Запорожской Сечи с рыцарским орденом решительно выступал русский историк-эмигрант Н. И. Ульянов. Он обращал внимание на то, что «ордена были порождением общественно-политической и религиозной жизни Европы, тогда как казачество рекрутировалось из элементов, вытесненных организованным обществом государств европейского Востока». По мнению Н. И. Ульянова, «сравнивать сечевую старшину с капитулом, а кошевого атамана с магистром ордена — величайшая пародия на европейское средневековье»⁴.

---

¹ *Басов И. И.* Западноевропейское рыцарство XII–XV вв. в евразийском историко-культурном контексте: этика противоборства. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Армавир, 2005.

² *Багдасаров Р. В.* Запорожское рыцарство XV–XVIII веков // *Общественные науки и современность.* 1996. № 3. С. 112–122.

³ *Кондрико А.* Духовно-рыцарский аспект истории Запорожской Сечи // *Власть.* 2012. № 10. С. 66; *он же.* Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 62–72.

⁴ *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма // Москва. 1992. № 9–10. С. 141–142.

Особенности порядков в Запорожской Сечи вполне объяснимы другими обстоятельствами и прежде всего — спецификой ее происхождения и положения. На раннем этапе существования этого «войска» в нем оказывалось немало представителей польского дворянства. Находившиеся под сильным влиянием польской шляхты, являвшейся носителем военной-рыцарской идеологии, сечевики, конечно, могли во многом копировать ее поведение, частично проникаясь и свойственной ей «рыцарской» ментальностью¹. Однако по сути своей это «ядро Запорожья» больше походило не на «военно-монашеское братство», а на организацию типа «мужских союзов», которые, как хорошо и давно известно, не только активно проявляли себя у большинства народов на стадии становления патриархата и во время разложения первобытнообщинных отношений, но нередко длительное время существовали как пережиток и во вполне сформировавшихся классовых обществах². И вполне закономерно, что те же поляки не только отказывались уравнивать казаков в правах со шляхтой («настоящим рыцарством»), но, рассорившись с запорожцами, называли их уже не «рыцарскими людьми», а «грубыми хлопами», «сбродом» и т. д.³

Типичными «мужскими союзами» ранние казачьи сообщества показаны в работах М. А. Рыбловой⁴. «Прямые доказательства

---

¹ Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. Т. 1. С. 16–17; *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 156–160; *Васильев И. Ю.* Украина как продолжение Речи Посполитой? // Вопросы национализма. 2015. № 4. С. 35–37.

² История первобытного общества. Эпоха классового образования. С. 237–238, 516; *Алексеев В. П., Першниц А. И.* История первобытного общества. М., 1990. С. 336–337; URL: http://www.znanieimnenie.ru/.../muzhskie_soyuzi_i_tainie_obshchestva.html. В этой связи показательна свойственная именно мужским союзам, но воспринимаемая Р. В. Багдасаровым как «рыцарский обряд» практика обязательной замены имен на прозвища при приеме в казаки и процедура «поставления атамана» у запорожцев: по словам Багдасарова, оно («поставление») «сопровождалось *дошедшей со времен древних мужских обществ инициацией*. Его новое положение подчеркивалось не возвышением, а ритуальным уничтожением. Упирающегося избранника вытаскивали на площадь», где «бритую макушку новоиспеченного батька сивоусые диды мазали площадной грязью» (*Багдасаров Р. В.* Указ. соч. С. 114, 116. Выделено мной — *Н. Н.*).

³ *Андреев А. Р., Андреев М. А., Мастеров А. В.* Запорожская сечь. М., 2008. С. 49; *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. С. 160.

⁴ *Рыблова М. А.* Донское братство. Казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX века. Волгоград, 2006; *она же.* Мужские сообщества

родства казачества с мужскими союзами» отмечает И. Ю. Васильев. По его мнению, «идеология мужского союза» — это вообще «характерная черта казачества». Он считает, что даже «такие элементы запорожской культуры, как ношение клока волос на бритой голове», были издавна характерны именно «для мужских союзов Евразии»¹ (что, впрочем, далеко не бесспорно²).

В. В. Грибовский рассматривает мужские союзы как «универсальное явление мировой истории до эпохи модерна», сохранившее «весьма архаичные структуры внутригрупповых отношений и верований, скрываемых под толщей поздних социально-религиозных напластований»³. По его мнению, мужскими союзами «в своих истоках» были и рыцарские ордена, а социальную типологию раннего казачества он определяет однозначно как мужской союз, при этом особенности социального устройства Запорожья видит прежде всего в том, что «это казачье сообщество дольше всех сохраняло специфику мужского союза»⁴. При этом, в отличие от М. А. Рыбловой, усматривающей у таких «братств» прежде всего русские корни, В. В. Грибовский полагает, что «в основе казакования лежали не славянские мужские союзы, исчерпавшие себя в предшествующую эпоху (князь и дружина), а те формы, которые в древности вырабатывались степными сообществами и прошли вторичную институализацию в ходе распада чингизидских государств в XV в.»⁵.

Однако вопрос этот представляется гораздо более сложным. Конкретно-исторический материал показывает, что практики мужских союзов если и определяли социальное устройство казачьих сообществ, то лишь на самых ранних этапах их становления и существования, крайне слабо отраженных в источниках. Запорожье здесь явилось исключением. На Дону семейные казаки встречались уже в середине XVI в. (например, знаменитый

донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.

¹ Васильев И. Ю. Генезис русского казачества // Исторический формат. Международный научный журнал. 2015. № 4. С. 234, 239.

² В. И. Марков не без оснований полагает, что мода на такую «прическу» просто была заимствована от татар и турок и появилась у запорожцев довольно поздно — «во времена Богдана Хмельницкого» (Марков В. И. О возникновении украинского козачества. С. 193–194).

³ Грибовский В. В. Социальная типология казачьих сообществ. С. 69, 157, 171.

⁴ Там же, с. 166.

⁵ Там же. С. 172.

атаман Михаил Черкашенин), а на Яике и Тереке казачьи семьи упоминаются в источниках первой половины XVII в.¹ В тюрко-татарской среде, как явствует из приведенных В. В. Грибовским материалов, традиции мужских союзов, действительно, оказались более прочными, долговечными и четче выраженными, чем в среде славянской, но мы знаем, что даже в начале XVI в. по крайней мере у отдельных групп татарских казаков семьи имелись².

Подобными фактами сложность явления не исчерпывалась. Так, станицы, отправлявшиеся в походы к крымским или турецким берегам, имели явные признаки мужских союзов (пусть и временных), хотя включали в свой состав не только холостяков. И целями казачьих набегов были не только «зипуны» и предназначенный для продажи «ясырь»: еще в «Повести об Азовском осадном сидении» казаки говорили о «женах красных и любимых»³, захваченных «за морем», надо полагать, специально для устройства нормальной семейной жизни, ибо она, как отмечалось выше, в то время повышала авторитет и социальный статус казака на Дону. Вообще же, любые относительно стабильные объединения, любые корпорации в эпоху, характеризующуюся абсолютным доминированием «сильного пола», неизбежно приобретают черты древних мужских союзов, и это нельзя не учитывать при социальной типологизации тех или иных сообществ.

***

Совершенно очевидным является и тот факт, что социально-психологические стереотипы, типичные для доклассового общества, сохранялись в казачьей среде довольно долго — вплоть до начала XX в., подкрепляясь рядом архаичных общинных

---

¹ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. 3. С. 672–673; Дариенко В. Н. Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 54; Казачий Дон: Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 2. С. 25; Урушадзе А. Т. Терское казачество и народы Северного Кавказа // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 367.

² В 1518 г. белгородские и азовские казаки через посредничество крымского бека Аппака обратились к Василию III с просьбой разрешить им «с своими женами прикочевати жити у Путивля...» (Трнавлов В. В. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 174.

³ Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 68.

институтов, получивших широкую известность благодаря этнографическим разысканиям (работы Л. Б. Заседателевой, М. А. Рыбловой и др.) и усилиям литераторов и публицистов, пишущих на «казачьи» темы. По сообщению одного из них, на Дону в начале XX в. на низовом уровне «вся исполнительная власть и часть судебной власти принадлежали общему сходу станицы или хутора и старикам. В обычае было безоговорочное подчинение старшим: “Что скажут господа-старики, тому и быть”»¹. (По мнению некоторых казачьих авторов, и при Советской власти «непрекаемость авторитета стариков» долгое время оставалась не просто «особенностью казачьей жизни», а «несокрушимой стеной сохранения традиционного казачьего уклада»)².

Как отмечает А. И. Изюмов, к XX в. Уральская казачья община отличалась архаичностью своих порядков и всей «системы жизни» даже по сравнению с другими казачьими областями страны³. Но еще более архаичными выглядели те казачьи сообщества, которые, подобно осевшим в Турции казакам-некрасовцам, долгое время жили обособленно в иноязычной и иноверческой среде. Они, по мнению авторов посвящаемых им работ, сохранили общинные устои «почти неприкосновенными до того момента, когда изучением их смогли заняться европейски образованные путешественники и исследователи», и воспроизводили как бы в «законсервированном» виде «социальное устройство донской казачьей общины XVII века». Оно проявлялось как в традиционной казачьей системе самоуправления (с «кругом», атаманом, есаулом, советом стариков), так и в традиционном порядке распределения материальных благ — через «дуван» общего дохода от рыболовства с отчислением доли на общественные нужды и т. д., исключая возможность резкого социального расслоения⁴.

Закономерен вопрос: как социальные структуры, типичные для догосударственной эпохи, могли так долго сохраняться среди гораздо более развитых сообществ и полноценных государств? В частности, восточные славяне, даже по мнению сторонников

---

¹ Лосев Е. Расказачивание // Литературная Россия. 1990. № 46. С. 20.

² Скачков П. А. «О казачестве» // Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 262.

³ Изюмов А. И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 130–133.

⁴ Люшин И. Мы пошли к своему языку...//Вокруг света. 1980. № 11. С. 43; Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 103–106.

концепции о позднем формировании государственности на Руси, миновали стадию военной демократии по крайней мере лет за 500–600 до складывания вольных казачьих общин.

В данном случае вряд ли следует пытаться «перекинуть мостик» от VIII–XI вв. к XV–XVI вв., выявляя цепочку событий и явлений, «законсервировавших» социальную структуру определенной части древнерусского населения или доказывая генетическую связь отдельных его групп с вольным казачеством. Некоторые историки готовы идти по этому пути, и признавая, что «казачьи формы самоуправления берут свое начало с эпохи образования военной демократии», толкуют этот факт как свидетельство «глубокого исторического прошлого» казачества, но никаких доказательств в пользу своей точки зрения, естественно, привести не могут¹.

Первое, как бы само собой напрашивающееся объяснение архаизации образа жизни и общественного устройства ставших казаками групп русского населения — это влияние социальных институтов тех кочевых народов, выходцы из которых, собственно, и явились первыми казаками в южнорусской лесостепи и степи (см. предыдущий очерк) и с которыми русские казаки в XVI–XVII вв. находились в постоянном и тесном контакте. Еще в 1950-е гг. советские историки при изучении «крестьянских войн» отмечали «сходство общественного строя казачества и ряда нерусских народов» (и объясняли таким сходством «тесное единство в борьбе народных масс разных национальностей» против крепостничества)².

Однако это наблюдение позволяет сделать и другие выводы. Ведь уровень социально-политического развития кочевых народов, имевших в общественном строе черты сходства с казачеством XVI–XVII вв., довольно уверенно определяется исследователями либо как переходный от доклассового к классовому обществу, либо как патриархально-феодальный, т. е. сохраняющий много элементов первобытнообщинных отношений. О том, как архаичные социальные институты кочевых сообществ приживались в казачьей среде, можно судить по такому примеру:

---

¹ *Щупленков О. В.* Казачество как социальная общность: историческая справка // Альманах «Казачество». 2016. № 21. С. 7–19.

² Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 32. Сн. 44.

словом «курень», обозначающим в некоторых казачьих «войсках» низшую хозяйственную и боевую единицу (возглавляемую «курненным атаманом»), у тюркских и монгольских племен евразийских степей назывались типичные для первобытнообщинного строя объединения нескольких патриархальных семей¹. И вряд ли случайно именно Запорожское войско так долго хранило отмеченные выше традиции мужских союзов: оно более других казачьих «войск» было подвержено всестороннему воздействию тюркско-татарского мира...

Точка зрения о влиянии на общественное устройство вольного казачества социальных структур соседних кочевых народов присутствует в настоящее время в том или ином виде в работах многих исследователей², но, конечно же, не закрывает проблему полностью. Нельзя не заметить, что социальная организация вольных казаков была наилучшим образом приспособлена к экстремальным условиям их жизни и потому вполне могла вырабатываться стихийно. Предоставленные по большей части сами себе, действуя на свой страх и риск при, как правило, враждебном окружении и постоянной военной опасности, вольные казачьи общины не продержались бы долго без личной свободы, социального равенства и поголовного вооружения своих членов, без широкого демократизма в решении общих дел и, вместе с тем, дисциплины и строгого единоначалия во время военных действий.

Кроме того, известно, что любая достаточно сложная система — от биологической до социальной, — попадая в ходе своего развития (в ходе эволюции) в кризисные, тупиковые (или

---

¹ Гумилев Л. Н. Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) // Вопросы истории. 1987. № 11. С. 67; Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 45.

² Никитин Н. И. К вопросу о социальной природе казачьих сообществ. С. 101; он же. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков. С. 176; Шенников А. А. Указ. соч. С. 127; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 72; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 231; Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 128; Трепавлов В. В. Вольные казаки и Ногайская Орда // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002. № 3. С. 49; Васильев И. Ю. Генезис русского казачества // Исторический формат. Международный научный журнал. 2015. № 4. С. 229–245; Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 29, 130.

выглядящие таковыми) ситуации, имеет тенденцию совершать попятные движения, стремясь к возвращению на исходные, «докризисные» рубежи. «Усиление “инстинкта прошлого” в кризисных условиях, очевидно, явление универсальное», — верно подметила М. А. Рыблова¹.

При определенных обстоятельствах, как полагает и В. В. Грибовский, «древние институты» способны «взрывать иерархии позднего порядка, возвращая социальные уклады к их изначальному состоянию»². В качестве же примера таких «возвращений» он приводит восстания XVII — начала XVIII вв. Но было бы логично допустить возможность регенерации древних социальных структур в казачьих сообществах и в другие — внешне, может быть, более спокойные, но не менее трудные времена.

Видный современный философ А. А. Зиновьев подметил интересную закономерность (получившую известность в более четкой формулировке Вагифа Гусейнова, директора Института стратегических оценок и анализа): «Если социальная система искусственно разрушается, то при определенных условиях создаваемая на ее месте новая система воспроизводит некоторые явления предшествующих социальных систем. Тех, что хранятся в исторической памяти народа. В том числе давно забытых, более низкого эволюционного уровня, чем только что разрушенная»³.

***

Мнение о воссоздании в казачьих областях в XVI–XVII вв. стадияльно более ранних, чем на основной территории страны, типов социальных отношений все прочнее утверждается в современной историографии. Примером может служить докторская диссертация М. А. Рыбловой, ряд положений которой выглядит следующим образом: «В процессе адаптации казачьих сообществ к новой природной среде и к новым социальным условиям Дикого поля возрождались архаичные способы производства и системы жизнеобеспечения». «Потестарная структура донских казачьих сообществ выстраивалась на основе архаичных

---

¹ Рыблова М. А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 158–174.

² Грибовский В. В. Социальная типология казачьих сообществ. С. 148.

³ Гусейнов В. Алиев после Алиева: наследование власти как способ ее удержания // Независимая газета. 19.03. 2004. С. 11.

принципов и механизмов, основанных на нормах обычного права. Суть внутреннего функционального конфликта, положенного в основу формирующейся в Диком поле культурной модели, составлял процесс воспроизводства архаики в условиях экстремального существования»¹.

Близкие взгляды на причины архаичности общественного устройства вольного казачества мы находим и у краснодарских исследователей И. Ю. Васильева и А. И. Зудина, считающих, что «когда казаки ушли за пределы государственных образований, они получили возможность организовать свою жизнь в соответствии со своими идеалами. А идеалы средневековый человек черпал в прошлом. Архаизации мировоззрения способствовали и суровые условия жизни»².

Примеров возвращения социумов к более низким стадиям общественного развития — вплоть до догосударственных — в истории зафиксировано сравнительно немного, но все же достаточно, чтобы признать закономерность этого явления при определенных, в том числе выше отмеченных, обстоятельствах. Ближайшие к нам по времени прецеденты такого рода относятся к 1990-м гг. и на них, в частности, обратили внимание уже упоминавшиеся выше исследователи квазигосударственности П. Н. Лукичев и А. П. Скорик. «Нельзя не видеть... — пишут они, — что в случае развала уже имевшей место государственности общество возвращается к ее ранней стадии. И в эти относительно непродолжительные периоды его политическая жизнь приобретает черты, характерные для квазигосударства. По нашему мнению, “парад суверенитетов”, имевший место в недавнем прошлом, — свидетельство перехода народов Северного Кавказа на квазигосударственный этап развития»³.

А по мнению авторов брошюры «Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны?», выпущенной Институтом российской истории РАН под редакцией В. В. Трепавлова, в Чечне в 1990-е гг. имела

---

¹ Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 23–24.

² Васильев И. Ю., Зудин А. И. К вопросу о «многовекторности» развития раннего казачества на Северо-Западном Кавказе // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 6. Краснодар, 2011. С. 23.

³ Лукичев П. Н., Скорик А. П. Квазигосударственность // Полис. 1994. № 5. С. 140.

место «очень редкая (но не уникальная) историческая ситуация регенерации социальных институтов прошлых эпох». В виду в данном случае имелись «некоторые черты ранней государственности»¹, однако, как считает историк и публицист А. Э. Гейвандов, «события, происходящие в Чечне, демонстрируют попытку восстановления догосударственных форм общинного регулирования, норм обычного права», являющихся инструментами «первобытно-общинного строя, в котором еще не сформировалось понятие о личности и человек считается не самостоятельным существом, а имуществом рода»².

В истории Кавказа подобные социальные кульбиты происходили и ранее. Так, по мнению некоторых исследователей (например, известного востоковеда Э. О. Берзина), в конце XVIII в. строй военной демократии в результате народного восстания был по существу восстановлен у части адыгов³ (тех самых, кого упоминавшийся в предыдущем очерке ростовский археолог М. И. Крайсветный считал предками казаков из-за сходства их общественного устройства). «Древняя и средневековая история, — заключает Э. О. Берзин, — знает много примеров, когда даже могущественные державы (например, Тюркский каганат) распались, и на большей части их территории устанавливался строй военной демократии, т. е. происходило возвращение к некоторым формам доклассового общества»⁴.

Из истории балканских стран пример возрождения в экстремальных условиях более ранних социальных структур приводит В. А. Артамонов, отметив, что «после османского завоевания среди сербов, выдвинутых в Черногорию из феодального царства Стефана Душана (1309–1355) возродилась племенная структура и кровнородственные отношения»⁵.

Но бывали в нашей истории и такие ситуации, когда вся страна готова была скатиться к самым архаичным формам

---

¹ Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М., 1998. С. 36.

² Гейвандов А. Между общиной и государством // Независимая газета. 12.03.2003. С. 14.

³ Люлье Л. Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1857. Кн. 4. С. 227–237; Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957. С. 190–192, 200–2005.

⁴ Берзин Э. Два лица эпического героя // Знание — сила. 1979. № 7. С. 26.

⁵ Артамонов В. А. Украинское казачество между Петром I и Карлом XII в полтавский период Северной войны 1708–1709 годов // Славяноведение. 2010. № 2. С. 41.

социальной организации. П. Н. Зырянов в ходе исследования «Всероссийской Смуты» 1917–1921 гг. пришел к заключению, что в это время «произошло самое страшное, что могло быть — крушение государства и небывалое развитие “атаманщины”». Под ней П. Н. Зырянов понимал такое развитие событий, когда «в условиях охватившего страну небывалого социально-экономического и политического кризиса общество начинало скатываться к догосударственным формам своей организации, к строю так называемой “военной демократии”»¹.

Закономерно, что интенсивнее всего эти процессы протекали в «исконно казачьих» регионах, и прежде всего в старейшей и крупнейшей области формирования русского казачества — на Дону. В монографии С. В. Карпенко «Белые генералы и красная смута» наглядно показано, как быстро донские казаки вернулись к свойственным архаичным сообществам традициям и повадкам «грабительства», как «атаманщина» в казачьих частях заменила «регулярность»².

Но неизмеримо большие размеры разгул «атаманщины» (используем это выражение), конечно же, принял в годы Первой русской Смуты — в начале XVII в. Тогда, в условиях паралича государственной власти, как убедительно показано А. Л. Станиславским, И. О. Тюменцевым и некоторыми другими историками³, не только «Поле», но и центральные районы страны стали превращаться в зону формирования вольного казачества. («Во всех городех паки казаков из холопей и крестьян размножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов» — так была обозначена суть происходившего В. Н. Татищевым)⁴.

---

¹ Зырянов П. Н. Государство и общество России в XIX–XX веках: динамика и циклы взаимоотношений // Долг и судьба историка: Сб. статей памяти П. Н. Зырянова. М., 2008. С. 325.

² Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 82–83, 303–309.

³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990; Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

⁴ Цит. по: Тюменцев И. О. Указ. соч. С. 189. Известны случаи возникновения отрядов вольных казаков на основной территории государства и в другие хронологические периоды. Например, во время войны со Швецией 1656–1658 гг. вольными казаками становились вышедшие из-за рубежа жители Ижорской земли (Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С.Разина. СПб., 2009. С. 342–343). Однако это было уже достаточно

Если же при этом казачьи порядки накладывались на давно сложившуюся в стране социальную структуру, то возникали институты, выглядевшие в России начала XVII в. крайне архаичными и характерными для *раннефеодальных* отношений. В виду имеются «приставства» — своеобразный вариант «кормлений» (или «полюдь»), когда отдельным казачьим отрядам вместо жалования власти официально отводили «на прокорм» населенные крестьянами земли — как черносошные и дворцовые, так и частновладельческие и монастырские¹.

В годы этой «Смуты» казачьи формы стало приобретать и самоуправление мирных граждан. Как отметил М. Б. Булгаков, «“мелкие” посадские люди для защиты своих интересов самоорганизовались». В качестве примера он приводит материал из работы С. Б. Веселовского, где говорится, что в 1615 г. жители Устюжны Железопольской «завели казачий быт, всех черных людей привели к вере, знаменовались образом и учинили заговор на том, что им земских целовальников не слушать»².

Следующий по времени выход вольного казачества на широкую историческую арену в России связан с восстанием под предводительством С. Разина, в ходе которого на захваченных повстанцами территориях вводилось казачье самоуправление. Оно, конечно, еще не делало проживавших там и даже присоединившихся к восстанию посадских людей или крестьян казаками, даже если они сами себя так «для прелести» называли, не меняя образа жизни и характера занятий, но свидетельствовало все о том же скатывании значительной части населения страны к «старым», догосударственным формам управления, которые и олицетворяли собой казачьи порядки³.

редким явлением, не идущим по масштабам ни в какое сравнение с «показачиванием» во время «Смуты» начала XVII в.

¹ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 244–245.

² Булгаков М. Б. Городская политика государства и менталитет социальных категорий посадского населения России в первой половине XVII века // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докл. научн. конф. М., 1996. С. 54.

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1. М., 1954. С. 7. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 318; Сахаров А. Н. Степан Разин — предводитель Крестьянской войны // Крестьянские войны в России: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 158; Нольтке Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. С. 34.

«Показачивание» крестьянского и посадского населения происходило и во время восстания К. Булавина¹. Но и в ходе менее масштабных социальных конфликтов в разных областях России в казацкой среде нередко возникали казацкие формы самоуправления, причем уже без непосредственного воздействия вольных казаков.

Так, в Сибири XVII в. восставшие против воеводского произвола посадские люди и крестьяне, случалось, собирались для решения своих дел в «круги» и по-казацки называли друг друга «атаманами-молодцами»². В 1640-е гг. в южнорусских городах организация власти восставшими также проявлялась в форме казацкого круга. Обратившая на это внимание Е. В. Чистякова связывала такую форму самоуправления с влиянием событий на соседней Украине, где в то время разворачивалось движение под предводительством Богдана Хмельницкого³. Может быть. Но с влиянием каких событий связать действия восставших московских стрельцов в начальный период правления Петра I? По словам Н. Г. Устрялова, в стрелецких слободах Москвы «вкоренилось наглое буйство: стрельцы завели “круги”, или совещания по казацкому обычаю»⁴. Не исключено, что это связано с памятью о разинском движении, ведь многие московские стрельцы имели тогда астраханское происхождение. Но вот 1699 г., далекий северный город Кола. Там тоже восстают стрельцы и — собирают «по-донскому» казацкие «круги»⁵.

Подобная закономерность в народных движениях давно отмечена в литературе. Как писал в 1928 г. бывший кубанский войсковой атаман генерал А. П. Филимонов (считавший казачество «продуктом стихийного народного творчества»), «не только вся русская история, но повседневная жизнь ярко бьют в глаза следующим бесспорным фактом: как только какая-либо часть русского населения, какой-либо отдельный город или просто группа

---

¹ Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709. М., 1962. С. 96; Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 185.

² Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 51, 145–149.

³ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975. С. 159.

⁴ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб., 1858. С. 22.

⁵ Рабинович М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 284.

русских людей — будь то военные партизаны, рабочие артели, партии инсургентов и т. п. — в силу каких-либо обстоятельств откальвались от общего русского ядра и ставились в возможность устраивать свой быт и свою духовную жизнь самостоятельно, по своему вкусу, они неизменно прибегали к формам и обычаям казачества. Избирают себе главу, именуемую, чаще всего атаманом, придают ему коллегиальное правление, а остальной народ, в виде веча, схода, круга, рады и т. п., сохраняет за собой право верховного распоряжения своими интересами и своей судьбой»¹.

***

Нельзя, однако, не видеть, что с особой быстротой и легкостью казачьи формы самоуправления XVII в. воссоздавались в служилой среде. И наиболее яркие тому примеры встречаются в Сибири. Так, в 1626 г. во время волнений в Енисейске служилые люди «круг завели и запись меж себя одиначную написали»². А восставшие красноярцы, убив официально назначенного на атаманскую должность Ивана Кольцова, выбрали себе на кругу новое начальство — «старшин и есаулов» — «и ослоп им на себя дали». (Комментируя это происшествие, А. П. Окладников заметил: «...Выбор “воровского начальства” представлял упрощенную казацкую церемонию выборов старшин, а “ослоп” — дубина — заменял булаву, традиционный знак казацких властей».)³

Еще более яркий пример — события на Камчатке в 1711 г., когда взбунтовавшиеся служилые перебили своих начальников (включая знаменитого землепроходца Владимира Атласова), разделили меж собой их имущество, «в острогах знамена выносили и по улицам круги и бунты чинили», избрали себе атамана (Данилу Анциферова) и есаула (Ивана Козыревского) и потом, чтобы «покрыть свои вины» предприняли поход на Курильские острова⁴.

---

¹ Филимонов А. П. Ко дню десятилетия белоказачьей борьбы с красной смутой // Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 308–309.

² История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 140.

³ Окладников А. П. Указ. соч. С. 51.

⁴ Оглоблин Н. Новые данные о Владимире Атласове. М., 1888. С. 27; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 147–149.

В Сибири некоторые экспедиции служилых и промышленных людей представляли собой почти полную аналогию казачьих походов с Дона или Волги «за зипунами», как это было, например, с походом красноярцев на бурят в 1629 г.¹ или с более масштабными походами Ерофея Хабарова в Приамурье в 1649–1653 гг. Хабаровское войско состояло как из служилых, так и из «гулящих» людей (главным образом бывших промысловиков), причем последние называли себя *вольными* казаками. В целом оно представляло собой (и по внутреннему устройству, и по порядку решения общих вопросов) типично казачье объединение — с «кругами», выборными предводителями и т. п.²

Нетрудно заметить, что все это — примеры из самых дальних районов Сибири, слабо контролировавшихся правительственной администрацией. Там и без острых социальных конфликтов были нередки ситуации, когда служилые люди подолгу проживали на «дальних захребетных реках», сами выбирали «промеж себя» начальников, будучи «самовольны и самовластны» (как это было с «полчанами» известного землепроходца Семёна Дежнёва на р. Анадырь в 1650-х гг.)³ Но и в Западной Сибири, где позиции государственной власти в то время были гораздо сильнее, «государевы служилые люди» не раз демонстрировали свое своеобразие. Они считали себя вправе иметь и отстаивать собственное мнение по таким вопросам, как выбор места для будущего города, целесообразность, сроки, тактика и маршруты военных походов с собственным участием. Не были и в Западной Сибири большой редкостью ситуации, когда во время похода служилые люди собирались для решения своих «войсковых» проблем «на круг» — либо с согласия своего начальства, либо вопреки его воле, причем в последнем случае они могли и официально отказать ему в подчинении.

Так произошло, например, со сборным (из нескольких городов) войском Якова Тухачевского, отправленного в 1641 г. «по

---

¹ Окладников А. П. Указ. соч. С. 52–53.

² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. № 102. С. 365; Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953. С. 323, 356; Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 80–82.

³ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке. Л.; М., 1952. С. 120.

государеву указу» в «Киргизскую землю» для строительства там русской крепости. Служилые люди под самыми разными предлогами саботировали это предприятие, «затя воровской обычай», собирались «на круг» и по сути дела сорвали поход. Д. Я. Резун дал их поступку такое объяснение: служилые люди рассматривали эту экспедицию «в плане казачьего похода “за зипунами”». Для них вовсе не было выгодным и интересным поставление “государева” острога с воеводой в тех киргизских землях, куда они уже сами ранее проложили дорогу за пушниной. Они не хотели появления в этих местах такого всесильного конкурента, как государство, и были в этом плане заинтересованы в существовании приграничной территории, официально не входящей в юрисдикцию царской власти... Картина похода 1641 г. также во многом напоминает обстоятельства “смуты” и возмущения казаков в отряде Я. Хрипунова в 1627 г. при походе на Ангару. Поэтому можно считать ситуацию похода 1641 г. не каким-то исключительным событием, а повседневным рядовым фактом истории Сибири того времени»¹.

Трудно в данном случае удержаться еще от одного сравнения — с событием, приведенным в одной из работ Д. С. Лихачева и далеким от Сибири XVII в. и территориально, и хронологически. Оно относится к XII в. и связано со всем хорошо известным походом новгород-северского князя Игоря Святославича (1185 г.), закончившимся поражением и ответным набегом половцев на Русь. Когда ими был осажден Перемышль и ему на помощь отправился смоленский князь Давыд, княжеская дружина вдруг «стала вечем» и отказалась продолжать поход². Это была бы типичная для сибирских походов XVII в. картина, если, конечно, отвлечься от уже несколько непривычной терминологии: сибирские служилые бы собрали не «вече», а «круг»...

Примечательно, что в XVII в. притчей во языцех сибирских воевод становилось намерение тех или иных бунтовщиков «заводить Дон» в Сибири. И ведь нечто, напоминающее такие попытки, реализовано было — например, уход в 1665 г. восставших

---

¹ Резун Д. Я. Русские в среднем Причумылье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири.) Новосибирск, 1984. С. 49, 67.

² Голобуцкий П. В. Печенеги, торки и половцы. М., 2011. С. 130; Лихачев Д. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 148.

жителей Верхоленского острога во главе с Никифором Черниговским на Амур, где они проживали в городке Албазин по сути дела независимо (подобно вольным казакам Дона или Яика) до 1674 г. При этом Н. Черниговский, избранный казачьим кругом в атаманы, принимал на житье в Албазин беглых крестьян и, по совету с «войском», верстал их в казаки¹.

Некогда широко известный сибирский историк, публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев писал в самом конце XIX в.: «Если не новгородские традиции, то дух казачества и казачьих кругов перенесен был в Сибирь, и мы видим несколько примеров, как во время безурядиц и бесправия он проявлял себя»². Выше было показано, что проявлений «духа казачества» в Сибири хватает отнюдь не на «несколько примеров»...

Отрицать влияние вольного казачества на различные стороны жизни сибирских служилых не приходится. Казачьи нормы взаимоотношений были в сибирских гарнизонах, видимо, хорошо известны и оказывались для государевых служилых людей весьма привлекательными, поскольку помогали им нести тяготы службы на далекой и суровой окраине и отстаивать свои интересы в экстремальных условиях, превращая «войско» в серьезную силу и перед лицом внешнего врага, и перед воеводским произволом. В условиях относительной слабости государственной власти в Сибири в XVII в дух вольного казачества, кажется, просто витал над этим краем, воплощаясь в самые различные формы и особенно часто заявляя о себе при социальных конфликтах.

Работами А. А. Преображенского, Н. А. Миненко, В. А. Александрова, Н. Н. Покровского и других историков убедительно показано широкое распространение в сибирских гарнизонах традиций и норм самоуправления, хоть и уживавшихся с официальной воинской организацией, но свойственной в большей мере вольным казачьим общинам Дона, Яика и Терека³.

---

¹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 39–42; Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 140.

² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 620.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. М., 1972. С. 359; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1975. С. 230; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 90–107.

В сибирских гарнизонах широко практиковалась выборность командного состава воинских подразделений, и мнение «войска» по вопросам назначения на те или иные должности вынуждена была учитывать и воеводская, и центральная московская администрация. Сибирские служилые люди имели свою «казну» («коробью»), которой следовало пользоваться лишь с общего ведома и согласия. Им были свойственны «советы» — общие сходы для обсуждения текущих дел и проводившиеся под вынесенным знаменем. В Москву челобитья «о нуждах» часто подавались от имени всего «войска» или отдельных его подразделений. «Войско» следило за раздачей жалованья, осуществляло разверстку и контроль за очередностью выполнения наиболее обременительных «служб», могло повлиять на выбор места для строительства нового острога и т. д.¹. По мнению В. А. Александра, «активная жизненная позиция, исключая безусловное подчинение замыслам и приказам воеводской власти в профессиональном деле, была очень характерна для общественного сознания сибирских служилых людей с их прочными традициями войскового совета, казачьего круга»².

Но была ли такая «автономия» прерогативой только «служилого мира» Сибири? Как показывают исследования В. А. Александра и Н. Н. Покровского — вовсе нет. Аналогичные порядки и традиции в это время существовали и у сибирских посадских людей, и у крестьян, будучи, в свою очередь, генетически связанными с нормами общинного, «мирского» самоуправления, бытовавшими на севере Европейской России.

В. А. Александров и Н. Н. Покровский пришли к выводу, что «все слои русского населения, переселявшегося в Сибирь с конца

---

¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 55; Александров В. А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 105, 107; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 47–48, 99, 135–136; Зуев А. С. «Выбрали мы с товарищи меж собою»: традиции казачьего самоуправления в Сибири XVIII в. // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. : Бахрушинские чтения, 1994 г. Новосибирск, 1994. С. 11–20; Чернышева А. А. Особенности казачьего самоуправления в Восточной Сибири в конце XVII — первой четверти XVIII вв. (на примере Первой и Второй Красноярских «шатостей») // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». 2019. Т. 28. С. 6–16.

² Александров В. А. «Войско» — организация сибирских служилых людей. С. 110.

XVI в. ...преемственно сохраняли мирскую форму своей социальной организации», что за Уралом «стихийно складывались миры, объединявшие сибирское крестьянство, служилых приборных людей и посадское население в крупных городах; существовали также и миры узкопрофессионального характера, в частности ямщиков». При необходимости все они могли объединяться в «единый городской мир». К мирским организациям в Сибири в затруднительных случаях не считала для себя зазорным апеллировать и воеводская администрация, попадавшая нередко под их жесткий контроль. Лишь в следующем, XVIII столетии правительством был взят решительный курс на «превращение мирских организаций в низшее звено государственной бюрократической администрации»¹. Но и успехи этого курса не следует преувеличивать. Как пишут те же авторы, «мощное земское движение, способствовавшее обновлению России после отмены крепостного права, — важное свидетельство того, что память о многовековых земских, мирских традициях в сфере местного управления не была полностью утрачена в петербургский период отечественной истории»².

Наиболее прочно эти традиции удерживались на окраинах Российской империи, что не осталось незамеченным сторонними наблюдателями. Не случайно в сибиреведческой литературе раньше часто цитировали французского историка XIX в. Алексиса Токвиля, заметившего, что характер администрации проявляется в колониях ярче, чем в метрополии³. Наблюдение это во многом верное, но вместе с тем нуждающееся, как минимум, в дополнении и развитии. Надо полагать, не только о «характере администрации» может идти речь при сопоставлении социально-политических структур колоний и метрополии, провинций и центра или других соподчиненных территорий. Чтобы понять суть происходящих в стране социально-политических процессов и явлений, иногда бывает полезно взглянуть на них и со стороны, из окраинных областей, где социальные противоречия эпохи нередко обнажены больше, чем в замутненном остротой политической борьбы центре.

---

¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации... С. 47, 49, 59, 68.

² Они же. Власть и общество. С. 356.

³ См., например: Вернадский Г. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 332.

3. Казачьи общины, сельские и городские «миры»: общее и особенное

Русская община давно является предметом специального изучения ученых самого различного профиля — историков, этнографов, философов, социологов, культурологов. Она рассматривается ими в самых различных аспектах, и прежде всего — как одна из форм реальной демократии. «Элементы демократии в политической культуре Древней Руси были основаны на мощных общинных традициях — пишет, например, М. Ю. Мельчакова. — Именно община была сосредоточием древней демократии. Ведь демократизм можно рассматривать как определенную схему социального устройства, устанавливающую правила особых отношений равенства, братства для определенного социума. Границы этого социума и устанавливала община»¹. Уместно вспомнить в этой связи, что и в княжеской дружине столь крупный специалист по истории Древней Руси, как И. Я. Фроянов, видел особый вид общинной организации² Однако обобщение накопленного при изучении общины материала порой дает основание для выводов, не ожидаемых самими исследователями этого феномена, но крайне важными для понимания того, *с каким социальным опытом русские люди в XVI–XVII вв. уходили «в казаки».*

Серьезный вклад в изучение русской общины внесла социолог и культуролог С. В. Лурье. И хотя она, видимо, не читала работ В. А. Александрова и Н. Н. Покровского (сносок на них у нее нет), но пришла к близким выводам и пошла дальше их. «В древности “мир” (община) не был структурой, присущей лишь крестьянству, — пишет С. В. Лурье. — В него входили представители различных сословий, проживающие на данной территории. “Миром” были и городская улица, и городской “конец” (район города). Община не является специфически русским явлением, как полагали многие русские писатели XIX в.». Но «отличительной чертой русской общины являлись ее центральное

---

¹ Мельчакова М. Ю. К проблеме существования древнерусской демократии (на примере средневекового Новгорода) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 205.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 64–70.

место в самоидентификации подавляющего числа членов русского общества и, следовательно, та значимая роль, которую она играла в общественной жизни в целом». По мнению С. В. Лурье, «структура русского общества еще в XV в., а на Севере вплоть до XVII в., представляла собой федерацию “миров” на основе общих экономических и военных интересов при полной автономности каждого “мира”. “Миры” каждого конкретного региона объединялись в земство, а земство уже входило в состав Московского государства. Эта модель очень долго воспринималась как нормативная, вне зависимости от того, насколько она воплощалась в жизнь практически»¹.

С. В. Лурье соглашается с жившим в XIX в. исследователем крестьянской общины К. Ф. Одарченко, полагавшим, что «история русского народа представляет собой параллельное развитие двух начал: начала государственного и начала общинного...». Последнее под давлением становящегося все более сильным государственного начала «не только не умерло, но и, постоянно живя в народном сознании, с особой энергией проявляло себя в экономической и юридической жизни низших слоев общества, наиболее удаленных от государственной власти». А там, «где государственная власть была слаба... начало общинного быта охватило собой политическую и с ней соприкасающиеся другие важные стороны общественной жизни. Везде и всегда в той области, где правительство оставляло народу свободу действий, он проводил в жизнь свои любимые общинные начала»².

Об оживлении общинных начал в России во время кризисных ситуаций и при ослаблении позиций государства пишут и современные исследователи. Как заметила И. П. Кулакова, «термин “мир” встречается постоянно в самых разнообразных источниках, освещающих события начала XVII в. Уже к 1605–1606 гг. относится усиление деятельности земских выборных органов городов, идущие на фоне открытой вооруженной борьбы горожан юга, а к лету 1605 г. — и центра страны... Малейшее ослабление власти оживляло деятельность “мира”, его вечевых традиций»³.

---

¹ Лурье С. В. Россия: община и государственность // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 2. Россия и Восток. М., 1995. С. 140–141.

² Там же. С. 139–140.

³ Кулакова И. П. Социально-политическая терминология и эволюция взаимоотношений власти и сословий в России второй половины XVI — начала

СOLIDНУЮ философскую базу под аналогичные заключения подводит И. Г. Яковенко. Ссылаясь на работы Ю. М. Кобищанова, разделяющего мировые цивилизации на три типа («первичные» — как в Египте, «вторичные» — подобные римской, и «периферийные» — как на Руси или в Болгарии), Яковенко пишет: «Периферийные цивилизации... утверждаясь на “голом месте”, вне обжитых цивилизацией пространств... не имеют традиций государственности и могут опираться лишь на собственную культуру поздневарварского общества, пришедшего к становлению государства. Хроническая проблема периферийных цивилизаций — острейший дефицит цивилизационного ресурса, накопление которого требует многих поколений. В результате всего этого складывается малоустойчивая система, сохраняющая огромные пласты переработанного или минимально переработанного архаического материала... Только абсолютная власть оказывается в состоянии смирить догосударственную стихию, бурлящую в недрах такого общества». И стихия эта, по мнению И. Г. Яковенко, представляет собой «архаические, догосударственные пласты социальности и культуры в теле цивилизации»¹.

Возникший в данном контексте вопрос о социальной природе русских общинных традиций требует специального рассмотрения. Их архаичность далеко не для всех очевидна, и по сей день в литературе (включая СМИ) можно встретить мнение, согласно которому «русская община... является государственным образованием, навязанным извне. И по сути это был фискально-карательный механизм»².

Большинство исследователей, однако, не разделяют такой точки зрения и видят корни русской (прежде всего крестьянской) общины в дофеодальных, догосударственных, первобытных временах. «Как ни трудно сквозь позднейшие наслоения разглядеть в волостной и сельской общинах феодальной эпохи древнейшие черты и пережитки первобытнообщинного строя, наука их может обнаружить и обнаруживает», — заявлял еще

XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1994. С. 270.

¹ Яковенко И. Варварство как норма жизни. Полемиические заметки о российской цивилизации // Родина. 1995. № 8. С. 29.

² Из выступления философа *Константина Крылова*, главного редактора сайта АПН. См.: Литературная газета. 2011. № 19. С. 9.

в 1976 г. А. Л. Шапиро¹. Л. В. Милов, считая основной, глубинной причиной установления крепостничества в России стремление господствующего класса «разрушить общинный строй крестьянства», охарактеризовал этот строй как «социальный организм, генетически восходящий к первобытному коммунизму», как «остатки первобытного коммунизма»².

В. А. Александров и Н. Н. Покровский, отмечая «исключительную сплоченность» общин-миров, полагали, что она восходит «к древним общерусским традициям»³. И по мнению Е. В. Вершинина, «давние институты и традиции общинного самоуправления» уходят корнями «в догосударственный период»⁴.

В этой связи вполне логичным будет вывод о *стадиальной близости русской общины («мира») и вольных казачьих сообществ XVI–XVII вв.* Он многое объясняет в российской истории.

Введенный к настоящему времени в научный оборот конкретно-исторический материал свидетельствует, что социальный строй вольного казачества не следует считать чем-то далеко оторванным от общерусского и тем более противоположный ему. И здесь никак нельзя согласиться с Н. А. Мининковым, полагающим, что «демократическое устройство внутренней жизни казачества в XVI–XVII вв. ...не имело аналогий в России того времени»⁵. Иные точки зрения гораздо ближе к истине и гораздо шире представлены в литературе.

По мнению В. Д. Назарова, высказанному еще в 1972 г., распорядок внутренней жизни казачьих областей «строился на своеобразном преломлении традиций крестьянской общины»⁶. «Что касается казачьих форм самоуправления, то они почти неотличимы формально от устройства крестьянских общин», — говорится в одной из работ Е. И. Индовой, А. А. Преображенского

---

¹ Шапиро А. Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. (Проблемы истории русской общины.) Вологда, 1976. С. 46.

² Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3. с. 200.

³ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 351.

⁴ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 142.

⁵ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 231.

⁶ Назаров В. Д. О некоторых особенностях Крестьянской войны начала XVII в. в России // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 122.

и Ю. А. Тихонова, вышедшей в 1974 г.¹ Л. Б. Заседателяева полагает, что «казачий курень, состоявший вначале из членов разноплеменной казачьей ватажки, с самого начала складывался как сельская соседская община»².

В принципе ту же позицию в этом вопросе занимают и те исследователи, которые «прибавляют» к традициям славяно-русской общины у казаков порядки «тюркско-азиатской военной системы управления (с решающей ролью военачальников и жесткой дисциплиной)», результатом чего, по их мнению, явился «оригинальный симбиоз» этих институтов³. Некоторые, правда, главную роль в этом «симбиозе» склонны отводить кочевникам-тюркам, а «элементы славянской военной демократии» как бы ставят на второе место⁴, но такую позицию, видимо, следует объяснить слабыми знаниями истории общинных институтов России.

Крупнейший специалист в этой области — Л. В. Данилова — не видела принципиальных различий между крестьянской общиной и казачьими сообществами XVI–XVII вв. Последние она относила к «системе сельских общин, еще сохранявших собственную вооруженную силу...». По словам Л. В. Даниловой, «такие общины удерживались, как правило, на периферии феодального мира. Здесь они могли и воссоздаваться из разнородных элементов, оказавшихся за рамками своих прежних сословий. Классическим примером подобных общин является организация казачества»⁵.

... Действительно, есть все основания считать, что в казачьих сообществах XVI–XVII вв. нет ничего принципиально отличного

---

¹ Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 243.

² Заседателяева Л. Б. Терские казаки. М., 1974. С. 229.

³ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 72–73; Маркедонов С. М. Казачий круг как политический институт // Полис (Политические исследования). 1996. № 1. С. 151.

⁴ Кондрико А. В. Вопросы преемственности системы самоуправления Запорожской Сечи в процессе ее образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. 2. С. 60–63; *он же*. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи... С. 15.

⁵ Данилова Л. В. Природа социально-классовых антагонизмов при феодализме // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С. 17.

от сельского «мира» того же времени, но при том казачья община на Дону, Яике или Тереке выглядит более архаично, представляя собой, образно выражаясь, «вчерашний» (а может и «позавчерашний») день русской крестьянской общины, что вполне объяснимо теми экстремальными условиями, в которых в XVI–XVII вв. находились сообщества вольных казаков.

Высокая адаптационная способность русского «мира» уже отмечалась исследователями. «Феноменальную приспособляемость» сельской общины «к различным социальным условиям» отмечал Л. В. Милов¹. «Община являлась очень гибким организмом, способным менять свои внешние формы и приспособляться к различным условиям», — пишет С. В. Лурье и обращает внимание на то, что «во всех случаях внутренняя сущность общины оставалась неизменной — она была самоуправляющимся “миром”. В древности “мир” занимал место государства, — считает Лурье, — но и с ростом цивилизации “мир” в глазах народа оставался самодовлеющим целым и пользовался верховным авторитетом. Вплоть до последнего времени “мир” обладал определенными атрибутами государственности: самоуправление по установленному порядку, суд по “обычному праву”, карательные функции (вплоть до ссылки по приговору схода), сохранение норм общественного быта и морали, целый ряд административных и культурных функций. “Мир” просили о заступничестве, к нему обращались с челобитной. “Мир” собирал подати и выплачивал их государственным властям как дань. Во всех внешних контактах (с государством или с другими аналогичными “мирами”) он выступал как единое целое и защищал каждого из своих членов от посягательства извне. Доходило до того, что еще в начале XIX в., в период Отечественной войны 1812 г. “мир” принимал на себя оборонные функции»².

А по мнению Е. В. Вершинина, «и самоуправление вольного казачества, и демократические порядки сибирских сословных обществ — результат параллельной реанимации архаичных форм социальности при особых, вынуждающих к тому условиях»³.

И в самом деле. Социальное устройство вольных казачьих обществ отвечало представлениям широких народных масс

---

¹ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 420.

² *Лурье С. В.* Указ. соч. С. 149–151.

³ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири. С. 143.

о «правильной» жизни, а стадильная близость «мирских» и казачьих форм общественного устройства в XVI–XVII вв. создавала благоприятную почву для восприятия и воссоздания казачьих порядков на территории «коренной» России в кризисных ситуациях, когда для отстаивания своих интересов социальные низы вынуждены (или готовы были) браться за оружие. А поскольку социальные потрясения в России являлись перманентным ее состоянием, «дух вольного казачества» не «выветривался» из народного сознания на протяжении многих веков российской истории. Но, учитывая вышеизложенное, правильное все же было бы говорить не столько о казачьем, сколько об *общинном* духе, пронизывавшем основные социальные структуры России и особенно заметном там, где государственная власть оказывалась слабой.

***

В свете последних исследований становится всё более очевидным, что господство феодализма в русском обществе XVI–XVII вв. не было столь безраздельным, как утверждалось в советской историографии: и в это время, и позднее в стране еще сохранялось немало элементов доклассовых отношений. И причины этого тоже в целом ясны. Они обозначились уже на заре русской истории: как заметил Л. В. Милов, «суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия»¹.

В дальнейшем географическое и геополитическое положение страны, определявшее специфику ее исторического пути, тоже отнюдь не способствовали быстрому изживанию наследия прошлых эпох как в общественном строе и экономике, так и в сознании людей². А главным социальным институтом в этом наследии являлась, конечно же, сельская община, с которой до начала XX в. в преимущественно аграрной, крестьянской России была сопряжена жизнь большинства ее населения.

При феодализме община не обязательно должна исчезнуть, она, как правило, прочно встраивается в социальную структуру

---

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь. С. 556.

² Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 28–32.

государства, используется им в фискальных целях, но считать ее институтом, *органически* присущим феодальной формации, было бы не правомерно. Общинное начало не связано с природой феодальных отношений ни юридически (система вассалитета), ни экономически (феодальное землевладение), а логически вытекает из социально-экономических отношений доклассового общества, и сколь бы долго община ни сохранялась на последующих стадиях социального развития, при всех эволюциях и деформациях она является пережитком именно первобытной эпохи.

Как ее «родимые пятна» следует, видимо, рассматривать и различные корпорации, профессиональные и половозрастные объединения, свойственные средневековой, феодальной эпохе в целом. Но они определяли лишь некоторые (пусть и важные) стороны жизни своих членов, в то время как общины формировали и сам образ жизни человека.

Для средневековья достаточно типичны ситуации, когда атрибуты, как нам кажется, бесспорно феодального или активно феодализирующегося общества несли на себе глубокую печать дофеодальных отношений. Так, В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов обратили внимание на то, что княжеская дружина Древней Руси, «оторвавшись от общины... воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве» (а потому имела черты сходства с «казачьим войском»)¹.

Крупный специалист по истории средневековья А. А. Сванидзе в числе свойственных этой эпохе особенностей назвала и «неизжитость родоплеменных отношений» и отмечала, что при широком распространении в Западной Европе всякого рода «общностей» и «корпораций», весьма «подвижных», меняющихся «по мере изменения условий», уже в XII в. там «начался подъем индивидуализма, который стал одним из основ социальной психологии Возрождения»². Нет необходимости доказывать, как далека была от подобных тенденций не только Русь XII в., но и Россия XVI–XVII вв.

В XVIII в. правительству удалось превратить общины в низшее звено административного аппарата, но сильные общинные, коллективистские традиции будут отмечаться исследователями

---

¹ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 55.

² Сванидзе А. А. Вместо введения: Живые общности, общество и человек в средневековом мире. Материалы межреспубликанской конф. М., 1992. С. 9, 16.

вплоть до XX в. — особенно в быту и социальной психологии. «Народ в своей громаде и доселе живет еще идеями и идеалами XVII столетия», — писал в конце XIX в. И. Е. Забелин¹. А известный писатель Г. И. Успенский заметил в 1877 г.: «...Типы казацкой вольницы русская жизнь вырабатывала в огромном количестве многие годы подряд и не перестает вырабатывать вплоть до настоящей минуты»².

***

Прочность общинных норм и традиций, бытовавших до недавних пор в народной толще и уходящих корнями в первобытное прошлое, находит порой самые неожиданные свидетельства и подтверждения. Так, обострившийся в последнее время интерес к различным школам рукопашного боя вдруг открыл для широких кругов и «русский боевой стиль», оказавшийся при более тщательном рассмотрении отражением целой «боевой культуры», известной в упрощенно-примитивизированном виде как «кулачные бои», но носившей, как и в глубокой древности, языческий обрядово-ритуальный характер. (О его архаичности свидетельствуют, в частности, такие детали, как деление бойцов на группы в 3 чел., которые назывались «списы», т. е. копья; процедура посвящения подростков в бойцы, напоминающая древний обряд инициации.) А сохранилась эта «боевая культура» в русской деревне до 1930-х гг. — до уничтожения сельской общины в ходе коллективизации³.

В русской ментальности исследователи и по сей день находят ярко выраженные черты минувших эпох, давно изжитые на «цивилизованном Западе». Отмечается, например, что «для России всегда было характерно преобладание коллективно-сословных или корпоративных прав над индивидуальными»⁴, что «доминирующий тип сознания в нынешней российской

---

¹ Цит. По: *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 229.

² *Успенский Г. И.* Власть земли. М., 1988. С. 370.

³ *Лукашев М. Н.* И были схватки боевые... Рассказы о неизвестных эпизодах из славного прошлого отечественной борьбы, бокса и кулачного боя. М., 1990. С. 92–112; *Базлов Г.* Буза // *Русский стиль. Боевые искусства.* Спортивно-публицистический журнал. М., 1992; *Терешонок А., Адашкевич Ю.* Рукопашный бой в русском стиле // Москва. 1992. № 11–12. С. 183–186; *Мандзяк А. С.* Воинские традиции народов Евразии. М., 2002. С. 16–37, 60–63, 77–82.

⁴ *Андреев А.* Ритм развития Отечества // Москва. 1994. № 3. С. 124.

действительности — коллективистский. И надеяться, что может произойти быстрое замещение коллективистских ценностей легитимными нормами индивидуализма, попросту наивно»¹.

Именно «коллективистский тип сознания», по мнению некоторых либеральных идеологов, является главным препятствием для дальнейшего проведения демократических реформ в России. «Трагедия нашего общества в безумной корпоративности», — считает писатель Виктор Черняк. «Декларируя демократию, принцип всё для человека, мы тем не менее изо всех сил держимся за общинный строй. По-моему, это страшно. Потому что в культурном плане чего-то достигли только те страны, которые сделали ставку на индивидуума»². А известный либеральный журналист Николай Сванидзе, посетовав на «общинное, колхозное, коллективистское» сознание наших людей, уверял телезрителей, что «пока оно не будет разрушено, ничего не изменится»³.

Со столь категоричными заявлениями трудно согласиться (японцы коллективистский тип своего сознания сумели использовать так, что «в культурном плане» заняли важные позиции в мире⁴), однако для нас важнее констатировать очевидность для представителей различных направлений российской общественной мысли самого факта живучести в ментальности нашего народа мощных пластов, уходящих корнями в глубокую древность...

В этой связи будет уместно вспомнить старую истину, хорошо осознаваемую многими философами и историками и сформулированную А. Токвилем следующим образом: «Нарождающийся мир еще наполовину завален обломками мира отживающего...»⁵ В нашей историографии эта мысль получила отражение в тезисе о «многоукладности экономики». Еще в 1965 г. в ходе Всесоюзной дискуссии, посвященной проблеме перехода России от феодализма к капитализму, в коллективном докладе, подготовленном

---

¹ Султанов Ш. Мир в сетях силовых структур // День. 1992. № 19. С. 3.

² Подмосковье. 1993. № 1. С. 14.

³ Матвеев Г. С беловежским азартом // Советская Россия. 28.01.93.

⁴ Как заметила академик РАН Т. Б. Дмитриева, «Япония, один из мировых индустриальных лидеров, достигла ошеломительных успехов, поскольку свои традиционные национальные ценности сумела эффективно сочетать с новейшими достижениями экономической мысли и передовыми технологиями» (Дмитриева Т. Б. Характер: русский. М., 2001. С. 5).

⁵ Токвиль А. Демократия в Америке. Перев. с франц. М., 1994. С. 504.

группой весьма авторитетных в то время историков (в том числе таких «феодалов», как Л. В. Данилова, Л. В. Милов, А. П. Новосельцев, Н. И. Павленко) говорилось: «Ленинское понимание многоукладности неправильно относить только к переходному периоду от капитализма к социализму. Многоукладность была характерна как для российского капитализма, так и для феодально-крепостнической формации». «В исторической действительности, — подчеркивалось в докладе, — формации не существуют в чистом виде. Даже в современном капиталистическом обществе можно найти остатки старых способов производства. В Российской империи из-за огромных масштабов ее территории... многоукладность выражалась в наличии старых дофеодальных патриархальных отношений, с одной стороны, и развивающегося капиталистического уклада — с другой»¹.

Близкой точки зрения придерживался и А. Л. Шапиро. В 1976 г. он писал: «Никто из советских историков не сомневается в том, что возникновению классового общества у всех славянских, как и вообще у всех народов, предшествовала эпоха первобытнообщинного строя. Но разногласия возникают, когда речь заходит о степени живучести институтов первобытнообщинного строя, о степени их сохранности в Киевской Руси, в период феодальной раздробленности и в Русском централизованном государстве»².

Аналогичные мнения крупных ученых можно было услышать и много позднее. Так, член-корреспондент РАН С. М. Каштанов в своем докладе на заседании Ученого совета Института российской истории РАН, состоявшемся 13 марта 2012 г., сказал: «Элементы разных формаций могут сосуществовать...»

Полагаю, что вольное казачество XVI–XVII вв. представляло собой один из самых заметных и сильных элементов догосударственных форм социальности. Однако сколь бы архаичными казачьи сообщества в ту пору ни выглядели, они представляли собой живой организм, развивавшийся по своим законам, сохранявший способность приспосабливаться к меняющейся внешне-

---

¹ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 41.

² Шапиро А. Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. (Проблемы истории русской общины.) Вологда, 1976. С. 36.

и внутривополитической обстановке и претерпевать серьезную внутреннюю эволюцию. А она, эволюция, происходила в одном направлении, выражаясь в росте социальной дифференциации внутри казачьих сообществ, в усложнении их внутренней организации (у некоторых — вплоть до предгосударственного уровня) и втягивании в систему развивавшихся в центре страны феодальных структур.

Прав О. В. Губенко, когда пишет, что «на протяжении столетий общинный социум (казачий, среднерусский, северокавказский, иных этнических групп), построенный в вопросах внутренней организации на принципе первичности норм обычного права, не был реликтовой окаменелостью, и эволюция его последовательно происходила под воздействием внутренних процессов, часто являющихся отражением социально-экономических и политических реалий того или иного периода отечественной истории»¹.

Л. В. Данилова хотя и считает, что казачьи объединения «во многих отношениях» и «по существу своему» представляли собой «дофеодальные общности», но подчеркивает, что «контакты с соседними государствами и в будущем неизбежное подключение к феодальной системе деформировали эти вновь воссоздаваемые общины...»² И это был вполне закономерный процесс. Поскольку казачьи области никогда не были экономически самодостаточными, то и кардинальные факторы дальнейшей их эволюции, как справедливо отметил В. Д. Назаров, в конечном счете зависели от исторических судеб соседних государств, что предопределило «неизбежность повторения... цикла зарождения и укрепления феодальной социальной структуры в казачьих областях»³. С изменением условий жизни казаков, с усилением их зависимости от Москвы всё большее влияние на образ их жизни и общественное устройство оказывали господствовавшие в центре страны порядки, а в XVI–XVII вв. это были порядки феодального общества. Казачьи области постепенно, но неуклонно втягивались в господствовавшую в окружающих их странах систему социальных отношений, становились

---

¹ Губенко О. В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни.) Б. м., 2007. С. 237.

² Данилова Л. В. Указ. соч. С. 17.

³ Назаров В. Д. О некоторых особенностях крестьянской войны. С. 124–125.

составной частью Российского государства и, как пишет В. Д. Назаров, «своеобразным резервом... поступательного развития феодальных отношений на новых территориях»¹.

***

Наличие в русском обществе XVI–XVII вв. сильных пережитков первобытнообщинного строя, несомненно, создавало благоприятные условия для формирования вольного казачества, но осознания этого факта недостаточно, чтобы понять причины появления столь интересного феномена и его суть. Ведь в мире существовали сообщества, которые при всех различиях в менталитете, поразительно напоминали своими порядками и структурой вольные казачьи общины, но формировались в совсем других условиях — без явного воздействия каких бы то ни было архаичных институтов. Такими, например, были объединения флибустьеров и буканьеров в бассейне Карибского моря в XVII в. Эти пиратские и промысловые сообщества, созданные выходцами из самых передовых европейских стран (Англии, Франции, Голландии), тоже воспринимались их членами как братства (самоназвание — «береговые братья») и строились на принципах скорее военной, чем буржуазной, демократии: здесь и общность имущества за исключением оружия и некоторых личных вещей, и типично «дуваные» способы дележа добычи, и отношение к вожаку как к «первому среди равных», обязанному принимать решения с общего совета, и правосудие на основе «обычного права», и т. д., и т. п.²

Сходство казачьих сообществ с «пиратскими республиками» давно отмечается историками. Для Л. А. Беляева оно просто очевидно и никак им не комментируется³. Ю. М. Куклев пишет, что «пираты управлялись по законам, близким к законам военной

---

¹ Назаров В. Д. О некоторых особенностях крестьянской войны. С. 125.

² Эксквемелин А. О. Пираты Америки. Перев. с голл. СПб., 1993. Ч. 1. Гл. 7; Архенгольц Ф. История морских разбойников. Перев. с франц. // История флибустьеров. М., 2004. С. 31–40; Блон Ж. Флибустьерское море. Перев. с франц. М., 1985. С. 37–38, 68, 83–84, 86, 113, 125, 215; Губарев В. К. Флибустьерский кодекс: образ жизни и обычаи пиратов Карибского моря (60–90-е годы XVII в.) // Наука. Религія. Суспільство. Донецк, 2005. № 3. С. 39–49.

³ Беляев Л. А. Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 83, 136–137.

демократии... Должности пиратских капитанов и адмиралов были выборными, так же, как и должности казачьих атаманов»¹. Сходные черты в социальном устройстве запорожского казачества и «флибустьеров Антильских островов» отмечает А. В. Кондрико².

И. В. Можейко связывает порядки в пиратских сообществах с идеями «утопического социализма», начавшими распространяться в Европе как раз во времена «расцвета» пиратских «республик». «Социологи и историки не балуют вниманием пиратские сообщества (как и родственные им разбойничьи или казачьи вольницы), исследуя проблемы утопического социализма», — пишет Можейко, и подчеркивает, что «пиратское общество, как ни жестоко и корыстно оно было, все-таки оставалось наиболее демократичным в то время сообществом, не признающим сословных различий и власти, рожденной богатством. И для уравнилельных идей утопического социализма оно было хорошей почвой»³.

Действительно, XVI–XVII вв. знаменуются деятельностью таких представителей этого течения общественной мысли, как Т. Мор, Т. Кампанелла, Ж. Мелье. Но в истории пиратства отмечен лишь один случай некоего воплощения близких им идей в жизнь — это основание французским капитаном Миссоном и доминиканским монахом Караччиоли на побережье Мадагаскара в конце XVII в. коммуны (Либерталии), просуществовавшей пару десятилетий⁴. Правда, в реальности ее существования многие историки не без оснований сомневаются, но даже если допустить, что подобное «государство» было «благородными пиратами» и в самом деле создано, то случай этот следует отнести к разряду исключений, которые лишь подтверждают правила. И уж тем более трудно допустить какую-либо связь между идеями утопического социализма и социальным устройством вольного казачества.

---

¹ Куклев Ю. М. Указ. соч. С. 172.

² Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи... С. 72–92.

³ Можейко И. Одиссея большевещких острожников // Вокруг света. 1974. № 2. С. 58.

⁴ Он же. Пираты, корсары, рейдеры. Очерки. СПб., 1994. Глава «Мадагаскар»; Подъяпольский А. Г. Пропавшая история. М., 2008. С. 158, 160–161.

Реактуализацию архаичных форм общественных отношений исследователи имеют возможность наблюдать и в *современных* социумах, поставленных в специфические (часто экстремальные) условия существования и деятельности. Так, этнолог К. Л. Банников обнаруживает немало прямых и косвенных аналогий между системой неуставных доминантных отношений в российской армии (в просторечии называемых «дедовщиной») и культурой организации власти у первобытных народов. По мнению исследователя, архаизация общественного сознания (получившая в отечественной антропологии название «архаический синдром») вообще свойственна обществам, переживающим кризис, и непосредственно связана с процессами десоциализации и ресоциализации личности¹.

Как своего рода «этнографическое открытие» были в свое время восприняты наблюдения Льва Самойлова (псевдоним известного археолога Л. С. Клейна) над сообществами тех наших сограждан, кто оказался в «местах лишения свободы»². «...Я увидел и опознал в лагерной жизни, — пишет он, — целый ряд экзотических явлений, которые до того много лет изучал профессионально по литературе, — явлений, характеризующих первобытное общество!». Справедливости ради надо отметить, что на сходство менталитета уголовников и «примитивных народов» обратил внимание еще А. И. Солженицын во время своего пребывания в ГУЛАГе³. Но Л. С. Клейн изучил это явление всесторонне, показав, что уголовная субкультура, и в самом деле удивительным образом похожа на первобытнообщинную, точнее «военно-демократическую», в том числе — и своей «социальной» организацией с ее «трехкастовой структурой». Г. А. Левинтон, считая такое сходство «в значительной мере иллюзорным», тем не менее склонен объяснять его («если... окажется, что круг субкультур, сопоставимых с уголовной, можно значительно

---

¹ Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы в Российской Армии. М., 2002.

² Самойлов Л. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1984. № 4; он же. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.

³ Солженицын А. Малое собрание сочинений. Т. 6. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1991. С. 275.

расширить») «простейшим (т. е. наиболее естественным и типологически вероятным) способом самоорганизации коллектива»¹.

Полагаю, что это верное объяснение. И более того: в данном случае можно говорить о вполне определенной закономерности — закономерности самоорганизации деклассированных слоев. Если массовое сознание не способно выработать новые принципы общественного устройства и обычно предлагает лишь различные (более «мягкие») варианты существующих социальных отношений, то деклассированные, маргинальные слои, выпадая из привычной социальной структуры, не только не способны создать в социальном плане что-либо новое, но, самоорганизуясь, не могут, видимо, удержаться и на уже достигнутой обществом стадии развития. Отвергая в той или иной форме и степени существующий порядок вещей, они неизбежно воспроизводят стадильно более раннюю структуру, причем независимо от того, представлена ли она в данном обществе в виде пережитков или уже нет.

Надо полагать, что в странах с сильными общинными традициями самоорганизация деклассированных элементов по общинному (артельному) принципу будет долговечнее и сильнее. Действительно, как отмечают некоторые исследователи, «история уголовной России дала миру феномен преступной артели, воровского мира как своеобразной устойчивой общности людей... Существовали объединения по роду криминальной деятельности — воровские артели, артели нищих, разбойничьи шайки, тюремные артели, которые распадались и вновь создавались в местах сосредоточения уголовного люда. Коллективизм в преступной среде — яркая черта отечественной уголовщины»².

Абсолютно прав И. Г. Яковенко, когда пишет, что «генезис предшествующих форм тем мощнее, чем моложе общество, чем ближе ко времени отринутые формы социальности»³. Здесь у меня с ним вновь редкое единомыслие — при всех наших расхождении по вопросу о происхождении казачества и оптимальных путях развития России. Вряд ли уважаемый философ был

---

¹ Левинтон Г. А. Насколько «первобытна» уголовная субкультура? // Советская этнография. 1990. № 2. С. 99.

² Терешонок А., Адашкевич Ю. Вектор преступности // Москва. 1992. № 5–6. С. 119.

³ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 95.

знаком с моими работами о казачестве, вышедшими в 1985–1994 гг., но он высказал и развил в 1996 г. ряд созвучных с ними и наблюдениями Л. Самойлова (Л. С. Клейна) положений. Важнейшие из них следующие.

Преступный мир — это «это активно хищнический пласт маргинального слоя». «Деятельность преступника — тайное или явное изъятие чужой собственности — по своему генезису восходит к племенному быту. Это не что иное, как неизжитый реликт догосударственного существования человека. Преступный мир самоорганизуется в архаичные жесткие структуры... Это древнее, чрезвычайно устойчивое социокультурное целое. Преступный мир рождает свой этос, в котором легко узнать этос воина-варвара. В него входят: культ физической силы, презрение к боли и смерти, которыми общество грозит преступнику; обладание оружием как атрибутом полноценного мужчины, презрение к мужику, пахарю, “фраеру”, т. е. человеку цивилизации, в трудах зарабатывающему хлеб насущный...». Задавшись вопросом, «что за явление раскрывается перед нами» в лице преступного мира, И. Г. Яковенко пишет: «Ответ очевиден — классическая военная демократия периода расцвета до вступления ее в кризис, связанный с упадком демократического начала и утверждением наследуемой княжеской власти»¹.

Отдельно и с особым вниманием рассматривает И. Г. Яковенко тюремный мир, «тюремную субкультуру» («зону»). По его мнению, это — «незаслуженно обойденная вниманием этнографов сфера глубочайшей архаики», «пространство, где главенствуют модели культуры и социальности каменного века и самой ранней стадии государственности». По словам И. Г. Яковенко, «“зона” раскрывает подсознание общества. Выявляет мощь неизжитых раннеархаичных слоев ментальности». Это тот случай, когда «поставленные в стрессогенные условия изолированные группы людей склонны выстраивать жесткие и достаточно примитивные, а значит, и архаичные структуры». В этой связи Яковенко сравнивает «практику взаимоотношений между заключенными в советских и немецких лагерях и приходит к заключению, что устойчивое воспроизведение архаических общественных структур свойственно в большей мере

---

¹ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. С. 87–88; *он же*. Черный свет преступного мира // Родина. 1996. № 1. С. 41–42.

российским гражданам, что “свидетельствует о силе этих скрытых тенденций в нашей культуре”»¹.

Подводя итог своему исследованию, И. Г. Яковенко пишет, что «воспроизводство предшествующих форм сознания — явление неустранимое. Оно коренится в культурной инерции, в том обстоятельстве, что исторически более поздние структуры культуры и психики надстраиваются над более ранними пластами. И поэтому иногда — как в силу особенностей микросреды, так и в рамках комбинаторной вариативности признаков — ранние уровни человеческой природы могут возобладать»².

Аналогия с возникновением в XVI–XVII вв. устойчивых общин вольных казаков здесь вполне очевидна. Согласуется с представленным мною выше мнением о неизбежной их эволюции в сторону встраивания в систему более зрелых, феодальных отношений и следующее высказывание И. Г. Яковенко: «...Маргинальные группы, в которых оседают носители архаического сознания, так же переживают историческую эволюцию, от поколения к поколению всё более адаптируясь к новой реальности. Логика развития этих сообществ обнаруживает движение от предельного противостояния к менее выраженной конфликтности и, наконец, к интеграции в общество»³. И еще одна цитата: «В лице преступного мира общество имеет перед собой бледное отражение самого себя, идущее по пятам, но на два шага позже»⁴.

В данном случае И. Г. Яковенко не приводит никаких сравнений с казачеством, хотя они и напрашиваются сами собой и приводят к вопросу: почему же, обнаружив так много сходных черт со строем военной демократии и в общественном устройстве вольного казачества, и в маргинальных структурах преступного мира, И. Г. Яковенко связывает происхождение казаков с половцами (см. предыдущий очерк), а не с выходцами из русских земель, не раз переживавших в XVI–XVII вв. периоды острого политического, социального, духовного и экономического кризиса, сопровождавшиеся маргинализацией огромного числа представителей самых различных социальных слоев?..

---

¹ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. С. 89–90.

² Там же. С. 95.

³ Там же.

⁴ *Он же*. Черный свет преступного мира. С. 45.

4. Казаки и разбойники: сходство и различия

Полагая, что вольные казацьи ватаги XVI–XVII вв. это в основном результат самоорганизации маргинальных, деклассированных элементов (лиц, выпавших в силу тех или иных причин из установившейся в русском обществе того времени социальной структуры), мы вместе с тем не можем обойти еще один важный для понимания социальной природы казачества вопрос — о том, насколько допустимо ставить на одну доску уголовные и казацьи сообщества в России XVI–XVII вв.

Считаю, что до определенного момента — вполне допустимо. На начальной стадии своего существования казацьи (или, если угодно, протоказацьи) ватаги практически ничем не отличались от разбойничьих — причем не только в русской, но и в монголо-татарской среде, что уже давно нашло убедительное подтверждение в работах историков¹. В целом ясен и итог эволюции вольных казацких сообществ. Как пишут современные исследователи, произошло «превращение шайки изгоев-разбойников в боевые организации с налаженной системой жизнеобеспечения и системой ценностей»², «казачество прошло сложный путь от вольных разбойных ватаг до особых частей русской регулярной кавалерии, от сообщества варваров-фронтирменов (жителей порубежья цивилизованных государств) до особого военно-служилого сословия русского общества»³. Однако не столь однозначны характеристики казацких сообществ «промежуточного» — от первых ватаг до превращения в сословие Российской империи — периода, и в частности XVII в.

В дореволюционной литературе казаки этого времени нередко рассматривались как простые разбойники. Такие воззрения были типичны прежде всего для ряда представителей отечественной (дворянской) историографии первой половины XIX в., считавших казаков «скопищем бродяг, живущих разбоями и грабежами»⁴. Но полной поддержки у своих коллег такие

---

¹ Шенников А. А. Указ. соч. С. 54, 59, 61, 64.

² Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков. С. 30.

³ Сопов А. В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 2012. С. 6.

⁴ См.: Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. [Ростов н/Д], 1983. С. 6.

воззрения не получали. Так, Н. И. Костомаров, возражая историкам, не желавшим «видеть в казаках ровно ничего, кроме разбойнического скопища», заметил: «...Казачество было новым фазисом исторической жизни, и оно, по неизменному закону возникновения, расцвета и упадка человеческих обществ, должно было иметь и свой период варварства, период хаоса и период установки»¹.

В конце XIX — начале XX вв. характеристики казачества у историков, как правило, были еще менее однозначны. Например, у С. Ф. Платонова о вольных казаках XVI–XVII вв. сложилось такое впечатление: «Масса казаческая в хаотическом брожении легко переходила от разбоя к службе государству, от борьбы с басурманами к насилию над своим же братом казаком»². В то же время в работах донских историков (таких, например, как Х. И. Попов и П. П. Сахаров), стремившихся «облагородить» своих предков, красной нитью проходила мысль о том, что их набеги на «басурман» являлись лишь «справедливым отпором» вражеским поползновениям на казачьи земли³.

В советской историографии надолго возобладал упрощенно-идеализированный подход к казачеству XVII–XVIII вв. как «авангарду в классовой борьбе трудящихся» феодальной России. «Глубоко неправильно рассматривать казацкие отряды как какие-то разбойничьи банды, живущие грабежом, — писал, например, К. Я. Наякшин. — Казаки создавали рыбацкие артели, ловили рыбу, занимались охотой, что и являлось основным источником их существования». По мнению этого историка (не подкрепленному, как и предыдущее высказывание, фактическим материалом), «выходцы из среды угнетенного крестьянства, казаки считали зазорным грабить бедноту или причинять ей какой бы

---

¹ Прочитывавший эти слова Н. Ю. Селищев объясняет «факты не героических, не славных, не добрых деяний каких-то частей казачества или отдельных казаков» неразрывностью понятий «свободолюбие» и «казачество» и приводит высказывание самобытного дореволюционного писателя из уральских казаков И. И. Железнова: «Вы хотите, чтобы казак был и смирен как овечка и силен как лев. Эти два качества несовместимы» (*Селищев Н. Ю. Казаки и Россия: Дорогами прошлого. М., 1992. С. 33*).

² *Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 3-е изд. СПб., 1910. С. 113.*

³ *Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 159.*

то ни было вред, но они всегда были готовы идти войной на бояр, воевод, купцов, не щадили ногайцев и татар, рассматривая их как врагов русского народа»¹.

Еще один историк Поволжья, В. А. Осипов, происходившие в этом регионе нападения казаков на царские, купеческие и монастырские караваны считал не разбойными акциями, а «одним из ярких проявлений острой классовой борьбы против угнетателей и притеснителей»².

На фоне подобных заключений шагом вперед выглядело признание И. С. Шепелевым «того, что в рядах казачества была и такая группа, которая, прикрываясь “вольностью”, грабила и разоряла без разбору и помещиков, и крестьян, служила всем, кто больше платил»³.

...После вышедшей в 1990 г. монографии А. Л. Станиславского о казачьем движении в годы «Смуты» начала XVII в. стало окончательно ясно, что речь в данном случае должна идти не о какой-то «группе», а об огромной массе растекшихся по Руси вольных казаков. В этом капитальном исследовании, основанном на ранее неизвестных архивных материалах, содержатся документальные сведения о казачьем терроре, который в годы «Смуты» обрушивался именно на «простых людей», и прежде всего — крестьянское население. На Руси тогда стало обычным делом, когда казаки не просто грабили мирных жителей, а, «вымучивая» у них «животы», подвергали людей (в том числе женщин) чудовищным пыткам: «жгли, ломали, и побивали...». А походы казаков по северным районам России в 1614–1615 гг. Станиславский с полным на то основанием назвал «кровавыми», ибо, по свидетельству современников, казаки там «чинили насильства и беды такие, что и бесермены не чинят»⁴.

А. Л. Станиславский дает и общую характеристику «разбойных действий» вольного казачества. «Между разбойничеством,

---

¹ *Наякин К. Я.* Очерки из истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955. С. 20.

² *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 75.

³ *Шепелев И. С.* Донское и волжско-терское казачество в классовой и национально-освободительной борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972. С. 17

⁴ *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 116, 127–128, 155, 188–189 и др.

широко распространившимся в России в конце XVI — начале XVII вв., и действиями вольного казачества также существовала определенная связь, — пишет он. — Во-первых, уход и к казакам, и к разбойникам был для крестьян и холопов реализацией их мечты о “воле”. Во-вторых, казачество в силу своего неопределенного социального статуса и отсутствия надежных источников дохода нередко прибегало к прямому разбою — казаки и разбойники были подчас для современников неразличимы. И наконец, некоторые разбойничьи отряды влились в состав казачества («показались») в начале XVII в. с тем большей легкостью, что в организации разбойничьих и казачьих отрядов было много общего»¹.

Это, безусловно, верное наблюдение следовало бы, однако, распространить и на более поздние, чем начало XVII в., периоды. Вспомним, сколько лет предводителя не только казачьего отряда, но и разбойничьей шайки в России называли не как-нибудь, а «атаманом». Элементарна и семантика этого слова, четко к тому же выстраивающаяся во временной ряд: «атаман» (от тюркского «ата» — отец), «батька» (русский синоним) и, наконец, «пахан» (современное «воровское» аргю).

Из своей «разбойничьей колыбели» казачество вышло со множеством долго сохранявшихся «родимых пятен». Действия казачьей вольницы во время морских походов «за зипунами» характеризуются историками по-разному. Н. И. Павленко, например, склонен считать эти акции просто разбоем². Но даже те, кто подобно В. Н. Королеву, полагает, что казаками в данном случае двигали «ненависть к врагу, месть за поруганных братьев, стремление освободить их из неволи» и соображения военно-стратегического характера³, — даже они не могут отрицать и более прозаических целей казачьих походов — богатой добычи и ее «дувана». С «басурманами» во время военных акций казаки, понятное дело, не церемонились, однако сколько откровенно разбойных действий допускалось ими по отношению

---

¹ *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 26–27.

² *Павленко Н. И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. Сб. статей к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина. М., 1986. С. 63.

³ *Королев В. Н.* Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 5, 7. См. также: *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 393–394.

к соплеменникам и единоверцам! Рецидивы такого поведения были нередки даже у тех казаков, для которых главным источником существования становилась или давно стала «государева служба»¹.

Сталкиваясь с такого рода фактами, авторы уже не раз упоминаемого в нашей работе двухтомника «Казачий Дон» (П. Н. Лукичев, А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян, В. П. Трут), несмотря на свое стремление представить историю казачества в «облагороженном» виде и называя донских казаков XVI–XVII вв. «вольными степными рыцарями», отмечали тем не менее, что «не занимавшееся земледелием вплоть до XVIII казачество жило, обеспечивая себя в значительной мере посредством войны и разбоя», вело, «безусловно, разбойный образ жизни»².

В также не раз упоминавшейся выше монографии ростовского историка Н. А. Мининкова «Донское казачество в эпоху позднего средневековья» говорится о разбое как уже *основном* источнике существования казачества. Другой ростовский исследователь — Е. И. Дулимов сравнивает казаков по образу жизни с флибустьерами³. Московский историк А. И. Изюмов в 1998 г., изучая уральскую казачью общину, тоже пришел к выводу, что она «длительное время жила своеобразным промыслом — грабежами, набегами на соседей или проезжавших по р. Урал и Каспийскому морю купцов»⁴. А екатеринбургский историк и этнолог А. В. Головнёв так характеризует жизнь вольного казачества: «Казачьи ватаги, пройдя разбойную школу Крымской и Ногайской орд, применяли ордынские приемы налетов и грабежей. Эти приемы они обращали против самих орд, выслеживая и грабя их станы и караваны. Главным промыслом был разбой, называвшийся “казацким хлебом”»⁵.

---

¹ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Раина. С. 345–348.

² Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 41, 132. См. также: Лукичев П., Скорик А. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 44.

³ Дулимов Е. И. Казачество в системе политико-правовых отношений дореволюционной России // Казачий сборник. 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 32; *он же*. Развитие казачьей государственности на Юге России в XVI–XX вв. и ее перспективы на современном этапе демократических реформ // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 333, 336.

⁴ Изюмов А. И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 129.

⁵ Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 342.

Высказанные А. Л. Станиславским соображения о сходстве казаков с разбойниками и о частом совмещении ими военной службы с «воровским» промыслом становятся в последнее время все более популярными¹. В некоторых новейших исследованиях из общей массы вольных казаков выделяются наиболее «криминальные» группы, — например, «верховые» казаки на Дону² (это, правда, нельзя считать каким-то открытием: большая склонности к «воровству» именно казаков «верховых городков» отмечалась, несмотря на безмерную идеализацию донцов, еще некоторыми «автономистами»³).

Складывается впечатление, что на столь радикальное изменение взглядов отечественных историков на действия казачества XVII в. повлияло не только избавление от идеологических шор и догм господствовавшей ранее идеологии, но и тот разгул преступности, который наблюдался в нашей стране с конца 1980-х гг., достигший своего пика в «лихие девяностые», да и в «нулевые» не проявлявшей заметных тенденций к спаду⁴. Криминогенная обстановка и ее подробное освещение в СМИ, невольно вызывающее ассоциации с эпохой «смут» и «крестьянских войн», возможно, в немалой степени поспособствовали тому, что вместо светлого облика «борцов за свободу и справедливость», какими обычно выставляла казаков XVII в. советская историография, российские граждане (включая историков) вдруг увидели до боли знакомые им по кадрам криминальной хроники типично уголовные физиономии. Так, известный литературовед Л. И. Сараскина заявила на одном из «круглых столов», что действия повстанцев в ходе так называемых крестьянских войн опрокидывали всякие общечеловеческие устои, несли с собой смерть, кровь и ужас, а предводителей народных движений типа Степана Разина назвала просто «разбойниками с большой дорой»⁵.

---

¹ Миненко Н. Хождение за «Камень» // Родина. 2000. № 5. С. 67.

² Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008. С. 63–64.

³ Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 304, 405.

⁴ См.: Никитин Н. И. Российская государственность и некоторые особенности российского менталитета // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. М., 2013. С. 305–311.

⁵ Соловьев В. М. Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. М., 1991. С. 147. Примечательно также, что в июле 2002 г. на запрос Комитета

Полагаю, что тут все же имеет место некоторый (пусть в чем-то и закономерный) перегиб, перехлест. И как своеобразный ответ на него можно рассматривать не вполне адекватную реакцию некоторых исследователей на «разбойную концепцию» истории казачества.

...В одной из статей, вышедших в 1994 г. у меня тоже шла речь о «разбойной колыбели» казачества. В той же работе говорилось о существовании во вполне развитых обществах элементов доклассовых, первобытных по своей сути отношений, одним из которых, по мнению ряда исследователей, является уголовная субкультура¹. Это тоже вызвало критику в мой адрес со стороны А. Ю. Дворниченко. «...Разбойная, уголовная концепция ранней казацкой государственности не имеет права на существование, — заявил он. — Между казачеством XVI в. и зоной, возникшей в условиях советского государства, — дистанция огромного размера. Данная надуманная концепция фактически представляет славные казацьи войска в извращенном виде, бьет по патристическим настроениям казачества»².

В дальнейшем критические замечания у А. Ю. Дворниченко стали носить еще более безапелляционный характер. Так, в учебном пособии «Отечественная история (до 1917 г.)», подготовленным им в соавторстве с С. Г. Кашенко и М. Ф. Флоринским, в 7-м параграфе 6-й главы написано: «Новейшие исследователи Н. И. Никитин, А. Л. Станиславский и др. пытались понять суть казацкой государственности. В поисках аналогий они обращаются к истории советских лагерей для

по культуре Правительства Москвы о целесообразности установки памятного знака на месте предполагаемого захоронения останков С. Разина (на «Татарском кладбище» — нынешней территории Центрального парка культуры и отдыха) руководством Института российской истории РАН официально был дан отрицательный ответ, а устно обескураженным инициаторам предполагаемой акции было заявлено: «Разин — бандит». Соответствующей была и резолюция московских властей: они отказали инициативной группе в поддержке, мотивировав это тем, что Разин был разрушителем государственных устоев, преступившим законы морали и нравственности, себялюбцем и авантюристом (Сахаров А. Н. Степан Разин. 3-е изд. М., 2010. С. 275).

¹ Никитин Н. И. Казацьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых слоев. С. 3–14.

² Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 129.

преступников и ставят на одну доску уголовные и казачьи сообщества. С таким подходом трудно согласиться».

Действительно, трудно. Как и понять, где А. Ю. Дворниченко нашел в моей работе сравнения ранних казачьих сообществ именно с советскими лагерями: в ней казачьи объединения сопоставляются с разбойничьими в рамках одного и того же хронологического периода — XVI–XVII вв. И если в первом случае мы, видимо, имеем дело с простым непониманием авторской позиции (скорее всего, из-за невнимательного чтения статьи), то во втором — это ее грубое искажение. И оно тем более удивительно, что в критикуемой А. Ю. Дворниченко работе (как и в одной из предшествующих ей) я высказывался *против* прямого уподобления вольного казачества банальной уголовщине, подчеркивая, что сводить к ней все многообразие казачьего мира даже на этапе его становления было бы большим упрощением, и привел ряд примеров из ранней истории казачества, которые не вписываются в наши представления об уголовщине в целом и уголовной этике в частности¹. Они, судя по всему, оказались А. Ю. Дворниченко не замеченными. Что ж, повторим их и дополним.

С образом примитивного разбойника-грабителя, действительно, не вяжутся многие реальные стороны жизни вольного казачества. Так, донские казаки во время походов за «зипунами» к крымским и турецким берегам часто освобождали из неволи «полоняников», кормили их своим «припасом» и даже снабжали всем необходимым в дороге, если те не хотели оставаться на Дону, причем такая помощь оказывалась не только русским, но и всем христианам вообще. (Правда, с женским «полоном» могли поступить иначе: есть сведения, что в одних случаях казаки и женщин провожали на родину, а в других — оставляли у себя и «раздавали замуж по городкам».)² Примечателен также отказ казаков во время Азовского «осадного сидения» брать у турок деньги за «побитый труп»: убирать с поля боя тела павших врагов казаки разрешали бесплатно. А переписка с московским правительством по поводу взятого казаками Азова показывает,

---

¹ Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков. С. 171; *он же*. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоев. С. 11.

² Тхоржевский С. Указ. соч. С. 13–14, 22; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 218; Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 238.

что им совсем не чужды были понятия о воинской чести и славе, с менталитетом уголовников не совместимые. О том же говорит отношение казаков к знаменам как к непререкаемым атрибутам походной жизни, а к получаемым в качестве награды регалиям как к воинским святыням, а также еще одно немаловажное обстоятельство: казаки искренне считали себя мстителями за «росхищенья» и «мученья» православных христиан «басурманами»¹.

Чуть ли не хрестоматийными считаются случаи, когда «воровские казаки» на Волге, убивая на захваченных судах служилых людей, отпускали на волю людей «работных» и гонцов с царскими грамотами².

Любопытный эпизод из истории русской «Смуты» начала XVII в. приводит А. Л. Станиславский. Уважение казаков к герою освободительной борьбы Д. М. Пожарскому выразилось в том, что они в своих грабежах делали исключение для его владений. Как выяснилось, «в Вязниках у всех казаков в кругу приговорено, что им боярина князя Дмитрия Пожарского в вотчины в села и деревни не въезжати и крестьян не жечь, и не ломать, и не грабить». (И поэтому, сообщает А. Л. Станиславский, крестьяне Пожарского «свободно приезжали к казакам, продавали им вино, другие товары и покупали у них лошадей, одежду и “всякую рухлядь”»)»³. И при всем том, как следует из той же работы А. Л. Станиславского, даже в период «Смуты» на основной территории России стратегической целью большинства казаков (и прежде всего, конечно, их руководства) был отнюдь не разбой: они стремились повысить свой социальный статус, заменив собой дворянство в качестве основного служилого «чина» в Московском государстве, т. е., по сути дела, «расказачиться»⁴.

Такая жизненная установка, конечно, отделяла их от основной массы казаков, «сидевших» на своих реках и не стремившихся

---

¹ Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 72; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 206; *Караулов М. А.* Указ. соч. С. 40, 42–43; *Рыблова М.* Казачьи братства на Дону // *Родина*, 2009. № 6. С. 91; *Кондрико А.* Духовно-рыцарский аспект истории Запорожской Сечи // *Власть*. 2012. № 10. С. 67; *Куц О. Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII: политическая и военная история. М., 2014. С. 73, 79–80, 262–263.

² *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 204, 206.

³ *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 188–189.

⁴ Там же. С. 45. См. также: *Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 574.

в массе своей менять образ жизни. Но большинство тех и других не принимало и такой традиции «классической» уголовщины, как «культ прожигания жизни». И. Г. Яковенко описывает его следующим образом: «Настоящий вор живет так, что пришедшие к нему деньги мгновенно развеиваются в “красивых” загулах, разбрасываются прихлебателям, раздаются лицам низшего ранга. В этом и состоит праздник бытия, момент самоосуществления и самоутверждения настоящего “блатного”... Существование вне практики развеивания по ветру доставшегося цивилизационного ресурса достойно презрения. Здесь легко узнать распределение по принципу обычая “потлатч”. Очевидна телеология такой установки. Культ расточения блокирует формирование собственника и рождение нормальной социальности. Настоящий мужчина “идет на дело”, стремительно прожигает награбленное и снова “идет на дело”»¹.

Описанные И. Г. Яковенко субъекты, конечно, имелись (и, надо полагать, в изрядном количестве) в казачьей среде², но основу ее всё же составляли «домовитые» казаки, постоянно увеличивавшиеся численно и определявшие весь уклад жизни своих «войск», а также казаки, которые *стремились* стать «домовитыми».

Л. В. Милов обратил внимание и на объективные обстоятельства, толкавшие казаков на путь грабежей и разбоев. «...Казачьи промыслы не могли стать основой производственной деятельности казаков, — писал он, — они были лишь вспомогательным способом жизнеобеспечения. Да и государево жалованье по размерам своим оставляло желать большего, поскольку Россия была бедным государством, едва сводившим концы с концами в своем бюджете. Организация Петром I постоянной армии не исключала необходимости воинских формирований нерегулярного типа, и нужда в казачестве оставалась острой еще долгие десятилетия. Но это отнюдь не исключало периодически возникающую (не

---

¹ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. С. 88.

² Традицию «искрометного проматывания» своей доли награбленного имущества, в частности, отмечают применительно к Запорожью Р. В. Багдасаров и А. В. Кондрико, рассматривая ее как «проявление рыцарского нестяжания» (Багдасаров Р. В. Запорожское рыцарство XV–XVIII веков // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 119; Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 71).

от хорошей жизни!) потребность казачества либо в войнах, либо в военных грабежах. Это было фактом реальной истории казачества и на Дону, и на Днепре»¹.

Но не только казачества. У зарубежных соседей казаков — турок и татар — промышлять банальными разбоями не гнушались даже высокопоставленные особы (например, крымские и ногайские послы по пути на родину)². Поэтому, касаясь казачьих разбоев и грабежей, мы не можем абстрагироваться и от тех этических понятий и психологических установок, что господствовали в военной среде в ту или иную эпоху, а они не только в XVI–XVII вв., но и гораздо позднее, вплоть до новейшего времени, несмотря на официальные запреты, вполне допускали (в целях самообеспечения, например) грабеж мирного населения не только вражеской, но и своей страны, что не раз отмечалось как дореволюционными, так и современными исследователями³.

Примечательны признания участника белого движения в России поручика С. И. Мамонтова: «Во время гражданской войны грабили все — и белые, и красные, и махновцы... Высшее начальство не могло справиться с грабежом. Все солдаты, большинство офицеров... при удобном случае грабили. Крайне редки были те, кто обладал твердой моралью и не участвовал в этом»⁴. Замечу, что речь здесь идет о событиях всего-то вековой давности...

Современные западные историки, характеризуя социальную природу казачьих и пиратских сообществ, определяют ее как «социальный бандитизм», понимая под ним нарушение закона, не оцениваемое общественным мнением как преступление⁵. Развивая эту мысль, А. Г. Шкваров подчеркивает, что сами казаки и в самом деле «свои действия... против тех, с кем им приходилось воевать, никогда преступлениями не считали... ибо преступление есть социально опасное деяние, определяемое законом

---

¹ История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 228.

² *Мамонов В. Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 66–67; *Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество. С. 26, 43.

³ См., например: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. IV. М., 1989. С. 21; *Караулов М. А.* Указ. соч. С. 41; *Шкваров А. Г.* По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008. С. 28–29.

⁴ Походы и кони. Записки поручика Сергея Мамонтова. 1917–1920. М., 2001. С. 110–111.

⁵ См., например: *Кантелер А.* Казачество. История и легенды. С. 24.

того общества, где он принят, и подлежащее наказанию». А казаки вступали в войну «или по постановлению своей высшей власти — круга, т. е. в соответствии с собственным законом, а позднее... по Высочайшему указу, т. е. опять же по закону»¹. Примечателен в этой связи приговор Боярской думы от 10 июля 1619 г. относительно краж и разбоев, совершенных во время похода королевича Владислава на Москву в 1617–1618 гг. Расследованию их не был дан ход с таким разъяснением: «потому что война было о ту пору, а не розбой»².

Вряд ли, однако, «разбойные» действия казаков можно понять и объяснить, погружаясь в дебри юриспруденции. Необходимо учитывать прежде всего ментальности каждой эпохи. «Не следует судить казаков слишком строго, — пишет А. Л. Станиславский, — поведение солдат в Европе в ту эпоху было ничуть не лучше»³. Действительно, грань, отделяющая разбойника-грабителя от воина в Средневековье часто бывала весьма условной. Но различие между разбойником и воином (солдатом) в данном случае определяется целью предпринимаемых с их участием акций. Для разбойничьей шайки грабеж — это основное занятие, для солдат же (если они, конечно, не превратились в скопище разбойников) — всё-таки побочное. (Исключением здесь являются войны периода военной демократии и раннеклассового общества, когда они у целых народов становятся одним из самых доходных и престижных «промыслов». Но и к этой социальной стадии, как отмечалось выше, казачество имеет не последнее отношение.)

К тому же следует учесть, что сопровождавшиеся грабежами походы часто предпринимались казаками в качестве ответных мер на такие же действия соседей-кочевников: казаки жили в условиях постоянной военной опасности, были втянуты в перманентную степную войну «всех против всех»⁴, а законы той войны были всюду одинаковы. Вместе с тем нельзя не видеть, что в ходе эволюции казачьих сообществ в сторону укрупнения и все большей организованности «разбойные» повадки и нравы

---

¹ Шкваров А. Г. Петр I и казаки. СПб., 2010. С. 372–373.

² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 95–96. (Благодарю А. В. Воробьева, обратившего мое внимание на этот документ — Н. Н.)

³ Станиславский А. Л. Гражданская война... С. 31

⁴ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 315–337.

в казачьей среде постепенно изживались, а «войсковые» — усиливались. По словам авторов коллективной монографии «Казачий Дон: Очерки истории», складывавшаяся у казачества социально-политическая модель «обеспечивала необходимую организованность и дисциплину, гарантировала самоочищение от “порочного” элемента, не изжившего маргинально-уголовные навыки и психологию, формировала новое “братство по духу” и укрепляла военную организацию казачества»¹.

Смягчались казачьи нравы и по мере все большего втягивания Донского, Яицкого и Терско-Гребенского войск в орбиту влияния Российского государства и Русской Православной церкви. И хотя процесс этот был достаточно долгим и неровным, он имел четкое направление в сторону превращения вольного казачества в служилое сословие «метрополии».

В этом проявилось одно из принципиальных отличий в положении и судьбах вольных казачьих общин от социально однотипных сообществ в других странах мира, и именно в этом некоторые историки видят «подлинную феноменальность казачества». Она, по словам А. И. Козлова, заключается в том, что после того, как все родственные казакам по социальной сущности сообщества фактически прекратили свое существование «казачество продолжало жить, преодолевая на своем пути все тернии»².

Действительно, по сравнению, например, с «пиратскими республиками» Карибского моря, исчезнувшими к XVIII в., вольные казачьи общины и существовали дольше, претерпевая естественную эволюцию, и были более стабильны, а главное, имели гораздо более тесные, постоянные и разнообразные связи с окрестными государствами — прежде всего с «метрополией», заинтересованной в сохранении казачества (как своеобразного щита на своих границах и дешевой, но эффективной, вооруженной силы) и неуклонно втягивающей его в орбиту своего влияния. Именно в результате сочетания внешнего воздействия с внутренней эволюцией вольное казачество в конце концов превратилось в одно из привилегированных сословий России в социальном плане и в этнографические (субэтнические) группы государствообразующего народа в плане этническом.

---

¹ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 72.

² Козлов А. И. Откуда пошли и кто такие казаки (периодизация казачьей истории) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 171.

5. Вольное казачество и Российское государство: единство и борьба противоположностей

Понять характер взаимоотношений Донского, Яицкого и Терско-Гребенского «войск» с Российским государством нельзя без выяснения социального статуса вольного казачества в русском обществе XVI–XVII. В литературе он чаще всего определяется как сословный, но вопрос этот не так прост, как представляется некоторыми историками. Если под сословиями традиционно понимать социальные группы, обладающие определяемыми законом (или обычаем) и передаваемыми по наследству правами и обязанностями, то неизбежен вывод (сделанный мною еще в 1994 г.), что вольное казачество фактически до конца XVII в. не могло быть сословием Московского государства, ибо находилось тогда вне пределов его юрисдикции¹.

И в самом деле. В Москве в XVII в. сношениями с вольными казаками в основном ведал Посольский приказ, и, как вспоминал в 1666 г. служивший там ранее подьячим Григорий Котошихин, когда казачьи депутации приезжают в Москву, «им честь бывает такова, как чюжеземским нарочитым людям». По словам того же Котошихина, вольные казаки «судятца во всяких делех по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнити за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или ис пищалей розстреливают сами; так же будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж...». Но, пожалуй, наиболее полно правовой иммунитет вольных казаков проявлялся в их неподсудности московским властям за преступления, совершенные до приобретения казачьего статуса. Как писал Котошихин, преступники, «быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свобождаютца»².

---

¹ Никитин Н. И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоев. С. 3–4.

² Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159.

Принцип «с Дона выдачи нет!» был незыблемым и определяющим во взаимоотношениях Москвы и вольных казаков до начала XVIII в. и действовал, конечно, не только по отношению к Войску Донскому¹. Он был хорошо известен на Руси и не мог не броситься в глаза иностранным наблюдателям. Английский дипломат Чарльз Уитворт (1675–1725), считавший, что «управление казаков — разновидность военной демократии», писал: «Казаки пользуются очень большими привилегиями, одна из самых значительных состояла в том, что всякий крестьянин или невольник, оказавшийся в их стране, получал свободу и не мог быть востребован своим хозяином или правительством московитов»².

Кроме того, вольные казаки, по крайней мере, до середины XVII в., придерживались мнения о добровольном характере своей службы «великому государю», считали себя вправе свободно «отъезжать» с нее и, например, на Дону вплоть до 1671 г. под разными (обычно надуманными) предложениями категорически отказывались приносить официальную присягу на верность русскому царю³. А главное, в основном своде законов Московского государства — Соборном Уложении 1649 г. — все статьи «о казаках» относятся лишь к представителям служилого, «городового» казачества, и нет ни одной статьи о казачестве вольном.

По мнению политолога А. Е. Мохова, «подразумевалось, что Уложение 1649 г. распространялось на всех казаков, проживавших как на территории Российского царства, так и вне его (но периодически нанимавшихся на службу по договору к российским государям)»⁴, но на каких данных основано такое заключение, остается неизвестным. «Сословием» называет вольных казаков применительно уже к середине XVI в. и кандидат юридических

---

¹ См., например, *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 28, *Мерзлякина О. Г.* «Вдоль Урала берегов...». Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества (конец XVI — вторая половина XVIII вв.) Самара, 2007. С. 50.

² *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII века. Перев. с англ. М.; Л., 1988. С. 63.

³ *Томсинский С. Г.* Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С. 137; *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 133; *Станиславский А. Л.* Гражданская война... С. 10; *Савченко М. С.* Формирование правового статуса терского казачества: историко-правовой аспект // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2006. № 44. С. 233.

⁴ *Мохов А. Е.* Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 25.

наук В. Е. Зелинский, хотя сам же признаёт, что казацьи сообщества «формировались из лиц, выпавших из классово-сословной культуры»¹. Непонятно также, почему, прекрасно зная особенности взаимоотношений Московского государства с вольным казачеством, некоторые видные историки — А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков, Р. Г. Скрынников, А. Л. Станиславский, В. Д. Назаров — считали возможным говорить о вольных казаках XVII в. как о «сословии» («особом сословии»), не предлагая при том каких-либо новых (отличных от вышеприведенного) определений этого понятия².

Сложна для уяснения читателями и позиция Е. И. Дулимова. В книге «Славяне средневекового Дона», подготовленной им в соавторстве с В. К. Цечоевым, говорится, что казаки как сословие сформировались уже в середине XVI в., впервые выступив «как военное сословие, независимое от царя», при взятии Казани. А в автореферате докторской диссертации Е. И. Дулимова написано, что в период XVI — первой половины XVII вв. «казачество не было классическим феодальным сословием, являясь фактически территориальным субъектом, так как сохранялись качества независимого субэтноса»³.

Особую (хоть и небольшую) группу составляют исследователи, задающиеся вопросом: «казаки — сословие или этнос?». Он порой формулируется в самом названии посвященных казачеству работ и не может не вызвать недоумения. Ведь в первом случае речь идет о *социальной* принадлежности, а во втором — об *этнической*, и их сопоставление подобно сравнению пудов с аршинами (по типу: предмет тяжелый или длинный, красный или круглый?)

---

¹ Зелинский В. Е. Вхождение области Войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России. Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Краснодар, 2009. С. 19, 21.

² Пронштейн А. П. Войско Донское накануне Булавинского восстания // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 315, 319; Nasarow W. Der Platz der Bauernkriege Russlands in der Geschichte des Klassenkampfes Europas // Die historisch vergleichende Methode in der sowjetischen Mediavistik. М., 1980. S. 175–176; он же. Россия на распутье // Родина. 2005. № 11. С. 10; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 133, 137; Станиславский А. Л. Гражданская война... С. 7, 10–11.

³ Дулимов Е. И., Цечоев В. К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001; Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв. Автореф. дис. ...д-ра юр. наук. Саратов, 2003. С. 18.

Тем не менее, такой вопрос ставится не только воинствующими дилетантами из числа казачьих активистов¹, но и, казалось бы, серьезными учеными, в частности — доктором технических и исторических наук В. В. Глущенко. Свой тезис о «недостаточности “сословной” концепции во взглядах на сущность казачества» он (повторяя почти дословно доводы казачьих радикалов²) подкрепляет рядом как бы риторических вопросов типа: «где и когда сословия вели самостоятельные войны, совершая походы сухопутные и морские?»; «какое сословие имеет свою народную одежду, свои особые песни и танцы, свой особый стиль построек?..», а также тем, что казаки могли переходить в другие сословия (становясь дворянами, купцами, священниками) и при этом не порывать «духовной связи со своими предками»³. Тот же вопрос поднимает и доктор исторических наук С. А. Голованова, и в итоге пространных рассуждений приходит к заключению, что «казачество более соответствует определению этникоса» (признавая, правда, что это понятие «так и не утвердилось в этнологии»)⁴.

Новые дефиниции и новые трактовки проблем, связанных с изучением социальной структуры Российского государства XVI–XVIII вв., — вообще характерная примета последнего двадцатилетия. Так, довольно влиятельная группа отечественных историков (Б. Н. Миронов, А. Б. Каменский, В. Б. Перхавко и др.) полагает, что до XVIII–XIX вв. сословий в нашей стране вообще не было (а были «социальные группы»). Е. Н. Марасинова вполне резонно объясняет их позицию влиянием западноевропейской историографии (таких исследователей, как А. Инкелес, Р. Фельдмессер, Г. Фриз, М. Конфино), усилившимся в годы «активизации научных контактов», которые и «спровоцировали

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество. Нация или сословие? М., 2007; Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души? Ставрополь, 2016.

² См., например: Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 12–13, 20, 43.

³ Глущенко В. В. Казачество. Учебное пособие. 2-е изд. СПб., 2000. С. 97–99.

⁴ Голованова С. А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции. Вторая половина XVI–XIX в. Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Армавир, 2005; она же. Этнические и сословные характеристики южнороссийского казачества // Фольклор казачества как неотъемлемая часть северокавказского пространства. Матлы всерос. научн.-практ. конф. Махачкала, 2010. С. 74–82; она же. Государственная политика по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир, 2014. С. 12–25.

восприятие западноевропейского образца как эталонного и соответственно привели к известному “европоцентризму” при интерпретации некоторых процессов развития российской государственности» и «ориентации на западную модель», отметив вместе с тем, что большинство наших историков в настоящее время всё же признаёт сословный характер российского общества в XVI–XVII вв., как и «приоритет социально-сословных категорий над религиозными и этническими в политике Российского государства»¹.

К числу таких исследователей принадлежит, например, А. И. Агафонов. Однако относительно казачества его позиция несколько противоречива. С одной стороны, он считает, что «в конце XVI — в первой половине XVII в. правительство, стремясь подчинить себе казачество, признало его особым служилым сословием, которое находилось за пределами государственного и административного управления, вне сферы феодального подчинения и эксплуатации», а с другой стороны, по мнению А. И. Агафопова, «едва ли можно говорить о том, что в XVI–XVII в. казачество России обладало совокупностью всех сословных признаков или многими из них...»². «Включение в состав служилых сословий», пишет А. И. Агафонов, произошло после «приведения казачества к присяге во второй половине XVII в» (точнее — в 1671 г. — *Н. Н.*), а также в связи с «реорганизацией и укреплением армии и государства в начале XVIII в.»³

Требует уточнений и трактовка А. И. Агафоновым позиций «большинства советских ученых», которые, по его версии, исходя из определения К. Маркса (в конспекте книги Н. И. Костомарова о Разине), считали, что казачество «было признано правительством в начале XVII особым служилым сословием наравне с стрельцами, пушкарями и воротниками»⁴. Скорее всего,

---

¹ *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 12–14.

² *Агафонов А. И.* Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995 С. 21, 22.

³ *Он же.* Казачество Российской империи: некоторые историографические и методологические проблемы изучения // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 12.

⁴ Там же. С. 11.

в данном случае мы имеем дело с широко распространенной в нашей литературе практикой объединения под «казачеством» двух сильно различающихся в XVI–XVII вв. по своему положению социальных групп — казачества *городового*, служившего во многих гарнизонах «по стрелецкому уряду» (и принадлежавшего, подобно стрельцам и пушкарям, к приборным служилым), и казачества *вольного* — донского, волжского, яицкого, терского. Так, тверской историк О. Г. Усенко прямо пишет, что донские казаки XVII в. «относились к “служилым людям по прибору”»¹. Фактически не разграничивает вольное и служилое (городовое) казачество и британский исследователь И. Ю. Ерохин².

О городских казаках наша общественность, как правило, знает крайне мало. Даже отделяя их от казачества вольного, исследователи не всегда понимают специфику положения этой категории служилых людей (так, И. Л. Коневиченко полагает, что они «относились к полкам нового строя»³). Однако чаще приходится сталкиваться с переносом на городовое казачество представлений о более известном в широких кругах казачестве вольном. (Характерный тому пример — произведение известного советского поэта С. С. Наровчатова «Песня про атамана Семена Дежнева, славный город Великий Устюг и Русь Заморскую», где типичный представитель городского казачества и его подчиненные выглядят как заурядная ватага вольных казаков⁴.) Разницу между «служилыми» и «вольными» казаками не всегда понимают литераторы и историки, но прекрасно понимали современники, включая иностранцев. По мнению О. Ю. Куца, само выражение «вольные казаки», появившееся в конце XVI в., «возникло в первую очередь для отличия таковых от служилых, городских казаков»⁵. (И не случайно французский наемник капитан

---

¹ Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 52, 54.

² Ерохин И. Ю. Казачество и государственность // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3–4. С. 48–51.

³ Коневиченко И. Л. Казачество в правовом пространстве России. С. 16.

⁴ Наровчатов С. Стихи. М., 1965. С. 228–251. Примечательно, что автор этого произведения закончил перед Великой Отечественной войной знаменитый ИФЛИ — Институт истории, философии и литературы.

⁵ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 341–342.

Маржерет в начале XVII в., быстро разобравшись в русских делах, счел нужным выделить в своих записках из общей массы казаков тех, кого назвал «настоящими казаками»: они, по его словам, «держатся в татарских полях вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие».¹

С. К. Сагнаева полагает, что «процесс формирования казачества как сословия, начавшийся в конце XVII — начале XVIII в. в Донском, Яицком, Терском войсках, завершился лишь в XIX в., что нашло отражение в соответствующих документах»². С ней в этом вопросе можно согласиться полностью, а вот с О. Ю. Куцем — лишь частично. В его интересной, весьма содержательной и не раз цитируемой выше монографии говорится, что в XVII в. «донские казаки — пусть формально — принадлежали к русскому обществу», и оспаривается мнение Н. А. Мининкова, который, доказывая нахождение казаков вне государственной юрисдикции, ссылался на приведенную выше фразу Г. Котошихина о неподсудности казаков московским властям. Как справедливо полагает О. Ю. Куц, «данную фразу нельзя понимать буквально. Речь здесь идет, вероятно, только о конфликтах внутри казачьих отрядов. В случаях, когда дело касалось преступления не внутри казачьей группы, а на стороне, провинившиеся казаки попадали под действующие внутри страны нормы».

Это утверждение убедительно подкрепляется конкретными примерами наказаний для действовавших в составе московского войска вольных казаков за грабежи и убийства мирных жителей, а общий вывод исследователя выглядит так: «“Вольное донское казачество” в какой-то степени являлось (впрочем, особой и своеобразной) социальной группой русского общества со своими важными отличительными чертами — правом жить не в границах государства, правом собственного внутреннего управления и суда, а также... правом внешних сношений и самостоятельного ведения боевых действий, кроме того, “правом” приема беглых... Правда, четкие политические и социальные рамки донского казачества в XVII в. еще не устоялись и изменялись в связи ходом московско-донских отношений, пока этот

---

¹ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. М., 2007. С. 151–152.

² *Сагнаева С. К.* Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 18.

процесс не завершился в XVIII в. ... В целом сходным было, судя по всему, и положение в XVII в.. терско-гребенского и яицкого казачьих сообществ»¹.

Полагаю, что отмеченные О. Ю. Куцем «отличительные черты» в положение казачества можно объяснить гораздо проще — *вассальным* характером «московско-донских отношений», где сюзереном, естественно, выступает Московское государство, вассалом — Войско Донское (как и Войско Яицкое или Терское). Сюзерен не вмешивается во внутренние дела вассалов, но вправе жестоко их наказывать за причиняемый ему вред.

Эта мысль не нова. Ее высказывал еще С. И. Тхоржевский в 1923 г. «Донское войско следует считать вассальным государством, находящимся под сюзеренитетом Москвы, — писал он. — Такие отношения возникают при столкновении двух государств различных культур, причем сильнейшее оставляет нетронутым внутренний строй слабейшего и ограничивается подчинением себе его внешних отношений, усиливая свою политическую мощь получением с него дани или военной помощи... Донское войско по своему экономическому развитию стояло ниже Московской Руси и естественно, могло оказывать ей помощь не данью (оно, напротив, само получало “жалованье”), а преимущественно своими военными действиями, как и Запорожское Войско по отношению к Польше и Крымская орда — к Турции. Донское Войско было своеобразным государством-войском, обязанным служить московскому государству в делах военных и, отчасти, внешней политики, но совершенно самостоятельным в делах внутренних»².

Здесь, на мой взгляд, все верно, кроме, конечно, уподобления Войска Донского государству, о чем у нас уже шла речь выше...

Мнение о вассальном характере зависимости Дона в XVII в. от Москвы достаточно широко представлено и в современной литературе. Его, в частности, высказывали Н. А. Мининков, считающий, что после 1671 г. эти отношения уже принимают характер подданства, и авторы коллективного труда «Казачий Дон: очерки истории», полагающие, что в 1671–1721 гг. «развитие отношений России и Дона ... можно охарактеризовать как

---

¹ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 344–345, 348, 355–356.

² Тхоржевский С. Указ. соч. С. 27–28.

состояние колониальной (? — *Н. Н.*) автономии», когда «Войско Донское фактически входит в состав Российского государства, но пока сохраняет свое республиканское устройство и управление с определенными правоограничениями...»¹

С понятием «вассалитет» применительно к отношениям Москвы и Дона не согласен Е. И. Дулимов. По его мнению, это понятие «больше соответствует европейским реалиям, а в условиях России и Дона де-факто сложился ранний конфедеративный союз ведущего старшего и ведомого младшего партнеров: великого московского царства и периферийной казачьей государственности». Распался же он в 1671 г. — после разгрома Разинского восстания и вынужденной присяги казаков на верность «великому государю»².

Если придерживаться традиционных представлений о конфедерации как *союзе суверенных государств*, то этой позицией трудно согласиться: даже из вышеуказанных работ самого Е. И. Дулимова следует, что Войско Донское никогда не было полноценным государством и тем более — государством суверенным.

Полагаю, что при подходах к решению этого вопроса необходимо учитывать формальную и реальную стороны московско-донских взаимоотношений. Они обычно хорошо различимы, но далеко не всем и не всегда понятны. Так, В. В. Глуценко уверен, что «казаки не считали себя подданными царя»³, однако ситуация с их отношением к российской власти была более сложной. В своей переписке с Москвой они, подобно всем служилым людям Русского государства XVI–XVII вв. (от бояр и воевод до стрельцов и пушкарей), именовали себя «холопами великого государя» (порой даже — «вековыми» или «природными холопами») ⁴, а территорию, на которой проживали,

---

¹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.); *он же*. Враги или злодеи? // Родина. 2004. № 5. С. 72; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 84.

² Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества... С. 18, 26.

³ Глуценко В. В. Казачество. Учебное пособие. С. 107.

⁴ Активисты казачьего движения обычно крайне болезненно воспринимают этот факт и стараются его замолчать. Напрасно. Такая формула обращения, как заметил В. В. Трепавлов, «не имела буквального значения и была практически лишена уничижительного смысла» (Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 404).

называли «государевой вотчиной». Но при этом казаки, как уже отмечалось, считали свою службу «государю» сугубо добровольной, могли убить царского посланника, если тот прибывал к ним с «неподобающими», по их мнению, предложениями или требованиями, открыто грозили Москве свою «реку покинуть впусе», если им не будет прислано жалованье и т. д., что демонстрирует во многом формальный характер их «служилого» статуса¹.

О том же может свидетельствовать сама практика взаимодействия с вольным казачеством через Посольский приказ. Правда, некоторые исследователи толкуют этот факт как свидетельство равноправной субъектности казачьих «Войск» и Московского государства², с чем, однако, тоже трудно согласиться. Посольский приказ ведал контактами не только с суверенными политическими образованиями, но и с такими регионами и категориями населения, которые к «равноправным субъектам» никак не причислишь — например, с южнорусскими уездами вначале их освоения или с поселениями «служилых татар»³. Его внимание к таким «субъектам» определялось не их статусом, а связью с внешней политикой страны.

***

Общие оценки правительственной политики по отношению к вольному казачеству в современной историографии неоднозначны. Наиболее распространенная к настоящему времени точка зрения представлена в капитальной монографии Н. А. Мининкова «Донское казачество в эпоху позднего средневековья». Касаясь значения «царских отпусков» для Дона, ее автор пишет, что «государево жалованье» помогало казакам выжить, когда у них не было возможности предпринять походы «за зипунами», и рассматривает это жалованье не только как плату за выполнение определенных поручений Москвы и одну из форм экономической и политической поддержки казачества, но и как способ и средство ограничения разбойного образа жизни казаков.

---

¹ *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 27; *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 343–344.

² *Савченко М. С.* Формирование правового статуса терского казачества: историко-правовой аспект // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2006. № 44. С. 234.

³ *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М., 2015. С. 132.

А. И. Агафонов в своей рецензии на монографию Н. А. Мининкова развивает эту мысль и считает необходимым учитывать и другую роль «отпусков»: «Благодаря царскому жалованью правительство формировало у казачества представления о зависимом, служебном характере отношений между Московским государством и войском Донским, которые с начала XVIII в. воспринимались как естественные и “издревле” существовавшие»¹.

Следует признать, что, несмотря на все осложнения во взаимоотношениях Москвы и вольного казачества в XVII — начале XVIII в., которые порой приобретали крайне острые формы, правительственная политика по его интеграции в классово-сословную структуру российского общества увенчалась полным успехом. Как замечает М. А. Рыблова, «метрополия» и казацкие сообщества стали представлять собой единую систему, и не случайно «идея служения родине» стала «ключевой в казачьем фольклоре»². В. В. Трепавлов обращает внимание на то, что «гордые, самолюбивые донские казаки относились к Руси иначе, чем к другим своим соседям — Турции, Крыму или Ногайской Орде. Свои действия по предотвращению татарских набегов на южное российское пограничье они расценивали как щит против “нехристей”, держание “Божьей дороги”»³.

Сложнее была позиция казаков Украины. Они и до середины XVII в. иногда служили русскому царю, а многие из них поселялись на территории Московского государства на положении «служилых черкас», но до выступления Б. Хмельницкого в 1648 г. Войско Запорожское фактически являлось вассалом польской короны и принимало активное участие на ее стороне во всех русско-польских войнах. Кроме того, украинские казаки тогда часто самостоятельно совершали набеги на русские земли, грабили торговые караваны, следующие на Дон и с Дона. При нападениях на Русь запорожцы нередко объединяясь с крымскими татарами, а для противодействия Речи Посполитой не раз заключали с ними официальные союзы⁴. Тем не менее, и до воссоединения Украины

---

¹ URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art.aspx?art_id=400

² Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков. С. 24.

³ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 409.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. 4. С. 280–282; Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 207; Панков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая

с Россией, как подчеркивает Б. Н. Флоря, в казацко-татарских отношениях превалировала конфронтационная сторона: «Это был стихийный, но именно поэтому особенно прочный антагонизм двух сил, каждая из которых стремилась утвердиться на одних и тех же территориях Дикого поля», а «остроте антагонизма способствовало убеждение казаков, широко отразившееся в источниках конца XVI — первой половины XVII века, что, нападая на татар и отражая их нападения, они выполняют важное дело защиты христианского мира от “неверных”»¹.

Но относительно отношений вольного казачества с турецко-татарским миром в современной литературе существуют и иные точки зрения. Так, краснодарский историк Д. В. Сень не раз высказывался в том плане, что в XVII — начале XVIII казакам всех «войск», по большому счету, было все равно, кому служить, ибо они исповедовали принцип «у какого царя живем, тому и служим». Он считает, что привязанность казаков к Москве как духовному центру была слабой, и высказывает мнение о «равностатусности» в их глазах и русского царя и турецкого султана. Более того, как полагает Д. В. Сень, после церковного раскола вольное казачество вообще разочаровалось в Московском государстве, и статус Крымского ханства и Османской империи стал в массовом сознании казаков даже более предпочтительным².

Столь радикальный пересмотр установившихся в историографии взглядов на отношение вольных казаков к Москве не нашел поддержки у коллег Д. В. Сень. Краснодарские историки И. Ю. Васильев и А. И. Зудин подвергли его концепцию вполне обоснованной критике, отметив недоказанность основных ее положений. По их мнению, «многие выводы монографии Д. В. Сень выглядят неубедительно и имеют ярко выраженную политическую ангажированность»³.

половина XVII века). Белгород, 2004; *Зенченко М. Ю.* Указ. соч. С. 57, 66–68; *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 54–55.

¹ *Флоря Б. Н.* Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 51, 55.

² *Сень Д.* «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина. 2004. № 5. С. 73–76; *он же.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII–XVIII вв.). Ростов н/Д, 2009.

³ *Васильев И. Ю., Зудин А. И.* Указ. соч. С. 31.

Некоторые идеологи казачьего возрождения в своих негативных оценках характера взаимоотношений вольного казачества и Российского государства идут еще дальше, усматривая в сотрудничестве с российской властью только отрицательные для казаков последствия. Утверждается, например, что Россия отобрала у Войска Донского море, коим оно привыкло владеть «сотни лет», а также лучшие земли и превратила его территорию в свою колонию¹. В этом они тоже не оригинальны, повторяя (нередко слово в слово) суждения своих идейных предшественников начала XX в.

Сочинения ныне самого популярного из них — Е. П. Савельева — наполнены сплошь отрицательными эпитетами по отношению к «Москве»: она у него и «лживая», и «рабская», и «отсталая» (по сравнению с казачьим Доном), а потому могла оказывать на него лишь «тлетворное влияние» и в итоге, подкупив казачью старшину, разрушила «исторический уклад жизни» казаков, низвела их «на степень служилого народа, с правами и обязанностями иррегулярных войск»². Но эти оценки меркнут по сравнению с теми характеристиками, которые дают государству Российскому *современные* продолжатели дела «казакоманов» и «казакийцев».

Так, один из видных активистов казачьего возрождения В. Ф. Никитин изображает казачество как одну из невинных жертв агрессивной политики, проводимой «изворотливой и лживой Москвой» со времен Ивана Грозного, когда донское казачество представляло «независимое государственное образование». Именно тогда, подчеркивает мой однофамилец, «вконец разоренная и поработанная неграмотная Москва переходит к завоеванию соседних народов и областей. И эта духовно и экономически бедная московская “коммуна” того времени начала прибирать к рукам чужие земли, наступая постепенно к Балтийскому, Черному и Каспийскому морям, а также пробираясь за Урал»³. И подлинную трагедию казачества В. Ф. Никитин усматривает в том, что «военное искусство казаков, их военные силы Россия

---

¹ См., например: *Вареник В. И.* Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 56; *Алмазов Б. А.* Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 481.

² *Савельев Е. П.* Указ. соч. С. 397, 405, 432–433.

³ *Никитин В. Ф.* Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 407.

широко использовала при завоевании различных народов для удержания их в составе империи, но в то же время всячески порабощала и самих казаков»¹.

«Чем больше мы вдумываемся в суть проблемы “собираения земли русской”, — пишет В. Ф. Никитин, — тем больше нас охватывает ужас при виде тех способов, которыми пользовались властелины и их приспешники в течение многих веков ради построения “единой и неделимой” России»². (Из этих «властелинов» особую неприязнь у В. Ф. Никитина вызывает Петр I, поскольку-де он «утопил в крови» Дон и Украину³.) После таких слов не приходится удивляться ни тому, что у их автора Степан Разин предстает как «защитник казачьих вольностей» и «вождь широкого идеологического движения, возникшего в казачьей среде и имевшего основной целью борьбу за человеческую личность, и прежде всего за человеческое достоинство казаков», ни тому, что гетман Мазепа, в понимании В. Ф. Никитина, вовсе не изменник, а борец за независимость казачества⁴. Удивительно другое: почему В. Ф. Никитина не «охватывает ужас», когда речь заходит о способах расправы *казаков* со своими врагами? Ведь с позиций современной морали и этики в XVI–XVII казачья жестокость не поддается рациональному объяснению, ибо часто носила просто чудовищный характер — достаточно вспомнить разинские казни или изуверские расправы запорожцев с евреями при Богдане Хмельницком. Крайне жестоко казаки обходились с мирными жителями и во время своих походов «за зипунами» к крымским и турецким берегам. И разве не жестокими казнями («в куль да в воду» и т. п.) поддерживался порядок внутри самих казачьих сообществ? Эти факты находят отражения во вполне репрезентативных источниках и уже давно стали достоянием нашей историографии⁵.

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 107, 409.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 408.

⁴ Там же. С. 225, 249. И слова о Разине, и характеристика Мазепы целиком заимствованы В. Ф. Никитиным из выпущенного в США «Казачьего словаря-справочника». См. о Разине: Казачий словарь-справочник. Т. 3. С. 17. О Мазепе; там же Т. 2. С. 151–152. («Борьба за национальное освобождение изменой не считается» — пишут авторы.)

⁵ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1. М., 1954. С. 252, 256. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 19, 341; Записки

Разве может серьезный исследователь не знать о них или не понимать, что у каждой эпохи своя мораль, своя этика?..

В. Ф. Никитин, действительно, многого не знает и еще большего не понимает. Иначе трудно объяснить и противопоставление им «казачьих республик» Московскому государству на том основании, что если в Москве были «рабовладельцы и рабы», то у казаков — «гражданское и политическое равенство» и они «не знали рабства»¹. И в этом утверждении мой однофамилец не оригинален. Эмигранты-«казакийцы» тоже были уверены, что их предки «никогда не знали рабства» и «никого никогда не угнетали»². И это несмотря на то, что к тому времени было хорошо известно широкое распространение у казаков работорговли: многочисленный «ясырь», захватываемый ими во время походов за «зипунами», в Войске Донском XVII в. считался самой ценной добычей и самым ходовым товаром. О масштабах работорговли на Дону можно судить по количеству «ясырей», которых казаки привозили из своих набегов на крымские и турецкие берега в XVII в.: в 1650 г. — 150 чел., в 1653 — до 600 чел., в 1655 — 400, в 1657 г. — 600, в 1659 — 2000 чел.³ И разве не «ясырей» (рабов) держали для всякой «работы» в своих хозяйствах «домовитые» казаки? Разве не «ясырки» (рабыни) часто становились казачьими наложницами или женами?

В рабство к казакам попадали не только «басурмане», но порой и православные, русские люди. Широкое распространение этого явления на том же Дону признают даже те активисты казачьего возрождения, которые, несмотря на склонность к идеализации своих предков, видимо, более информированы, чем В. Ф. Никитин и его единомышленники. Вот что пишет, например, В. И. Вареник: «Увы! И донские казаки 17 в. и даже первой пол. 18 в. были также грешны работорговлей! Мало того, как

иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 53; *Фирсов Н. Н.* Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. 4-е изд. М., 1920. С. 36; *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 37; *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 390–391; *Артамонов В. А.* Становление украинского нацизма // Национальный вопрос в истории России. М., 2015. С. 154.

¹ *Никитин В. Ф.* Казачество: Нация или сословие? С. 7, 232.

² *Балинов Ш.* О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru>)...articles...o-proishozhdenii.html).

³ *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 13–14.

с горечью признает известный казачий историк Ф. А. Щербина, “это зло (т. е. работорговля русскими людьми) пустило глубокие корни на Дону в среде казаков”. “В московском архиве главного штаба сохранилось за 1727 г. очень интересное дело...”, из которого следует, что “казак Филимон Шляпин отослал из Черкаска в Азов туркам девку Нелиду Московку... взявши за девку сто рублей... Казак Нижней Рыковской станицы Федор Слезкин продал ночью туркам русскую девку Анну за 80 рублей. Казак станицы Скородумовской Парфен Богатырка продал туркам лавочного своего сидельца бурлака воронежца Ивана и проч. и проч.” В том же деле, — продолжает В. И. Вареник, — содержатся “семь случаев продажи женщин, два случая продажи мужчин”. Что же касается донцов-некрасовцев на Кубани, то они, как известно, вообще превратили похищение и тайную продажу “москалей” в рабство черкесам и туркам в доходный промысел! А если подобные случаи творились в самом Черкаске, под носом у русской администрации даже в 18 в., то что же говорить о временах беспорядочного 16 и тем более 15 вв., о временах самостоятельного бытия донских вольно-казачьих общин?!» — восклицает В. И. Вареник, и здесь с ним нельзя не согласиться...¹ Согласимся в этом вопросе и с А. Г. Шкваровым, признающим, что «казаки средневековья (сами вольные люди) — работорговцы. Это относится и к донским, и терским, и яицким, и малороссийским (украинским, запорожским) казакам», — пишет Шкваров (но вместе с тем делает оговорки относительно донцов, у которых, по его мнению, в отличие от запорожцев, «категорически запрещалась» продажа в рабство *христиан*²).

При всей надуманности противопоставлений «рабской» Москвы и «демократического» казачества они-то и положены в основу объяснений казачьими «автономистами» и «сепаратистами» стремления России захватить земли их предков. Оказывается, тут дело не только в ее «агрессивности», в стремлении прибрать к рукам как можно больше «чужих» земель. Все гораздо проще. «Именно в разнице жизненных основ и заключалась та первопричина, которая привела к столкновению Московского царства с казачеством. И чем дальше продвигались

---

¹ Вареник В. И. Происхождение донского казачества. С. 191–192.

² Шкваров А. Г. По закону и казачьему обыкновению. С. 53, 57.

на юг владения Москвы, тем неизбежнее были эти столкновения», — пишет В. Ф. Никитин (впрочем, и здесь следуя за Е. П. Савельевым)¹.

***

Авторы пассажей, всячески противопоставляющих «Москву» и вольное казачество, не хотят видеть очевидного — взаимовыгодности «российско-казацких» отношений, а это уже давно и твердо установленный факт. «Экономические связи между вольными окраинами и русскими городами были постоянными и прочными, — писал в 1985 г. Р. Г. Скрынников. — Казаки не могли просуществовать без подвоза хлеба, оружия и пороха из России»². И надо заметить, что поставки эти постоянно росли. Если, например, в 1623 г. на Дон было отправлено денег — 1000 руб., сукна — 20 поставов, хлебных запасов — 150 четвертей сухарей, 25 четвертей круп и 25 четвертей толокна, вина — 25 ведер, боеприпасов — по 20 пудов пороха, свинца, селитры и серы, то на следующий год это «жалованье» было увеличено вдвое, а 1646 г. уже имело следующие размеры: денег — 5000 руб., сукна — 100 поставов, хлебных запасов — 2575,5 четвертей ржаной муки, 249,5 четвертей сухарей и 87,5 четвертей толокна, вина — 300 ведер, пороха — 300 пудов, свинца — 200 пудов, «да на парусы» 10 000 аршин холста, «да на поделки» 500 пудов железа, 500 пудов смолы, 200 пудов «конопати»³.

Следует учитывать и то обстоятельство, что России приходилось не только помогать казакам вооружением, боеприпасами и продовольствием, но и напрямую спасать их от физического уничтожения.

После самовольного (без санкции Москвы) захвата казаками турецкой крепости Азов (в 1637 г.) и знаменитого «Азовского осадного сиденья» (которое, как убедительно показал О. Ю. Куц, тоже не было бы для казаков успешным без материальной

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? С. 232.

² Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве. С. 135.

³ Волков В. А. Войны и войска Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.) М., 2004. С. 257–258. Подробнее см.: Добриков В. В. Донские отпуски и их организация: 1613–1696 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

и моральной поддержки Москвы)¹, Войско Донское было обескровлено, его численность сократилась с 10 (накануне «сиденья») до 5 (а по некоторым данным до 4) тыс. человек². Особенно сильный удар был нанесен донцам в 1643 г., когда турецко-татарское войско, мстя за азовский позор, разгромило их главные силы на Монастырском острове. Там погиб цвет донского казачества, около 2 тыс. женщин и детей было захвачено в полон, а вражеские набеги на донские селения всё продолжались³. Как сообщали казаки в апреле 1644 г. в Москву, они «людьми на Дону в конец оскудели в... бусурманские... приходы, и в осады, и во многие большие битвы, люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевой помощи без ратных людей противо их бусурманских больших приходов стоять будет не уметь... и в конец будет погибнуть»⁴.

Московское правительство хоть и отказалось включить Азов в состав Российского государства, но помощь казакам оказало большую. Идеологи казачьего «сепаратизма» стараются эту помощь всячески преуменьшить, называют ее «ничтожной», а чаще вовсе не вспоминают о ней и лишь гневно осуждают «лживую», «трусливую» Москву за «недальновидность» и «малодушие»⁵. Однако и здесь они оказываются не в ладах с твердо установленными фактами. В 1646–1648 гг., когда донцам, по их собственному признанию, «жить стало не под силу» из-за усилившегося нажима турок и татар и возникла реальная угроза захвата турками всего Нижнего Дона, туда были направлены воинские отряды (всего около 10 тыс. человек), специально сформированные для «донской службы» в южнорусских уездах, вооруженные и снаряженные за счет «государевой казны». Были сняты практически все ограничения и препоны для жителей южнорусских уездов, желавших отправиться на Дон. Эти беспрецедентные шаги наглядно показали, насколько московское правительство было заинтересовано в сохранении вольного казачества на Дону.

---

¹ Куц О. Ю. Донское казачество периода Азовской эпопеи. С. 261–263.

² Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Указ. соч. С. 82; Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 263.

³ Селищев Н. Ю. Казаки и Россия. М., 1992. С. 52.

⁴ Цит. по: Пушкарев С. Г. Донское казачество и Московское государство в XVII в. // Вопросы истории. 1994. № 11 С. 115.

⁵ См., например: Савельев Е. П. Указ. соч. С. 326–332.

Не только дилетанты, но порой и серьезные историки высказывают мнение, что попытка искусственно увеличить численность донских казаков не удалась¹. Полностью с ним нельзя согласиться. Из посланных на Дон 10 тыс. человек там осталось около 2 тыс., что при численности уцелевших после Азова казаков в 4–5 тыс. было совсем не мало. К тому же это были наиболее приспособленные к казачьему образу жизни бойцы, прошедшие через весьма суровые испытания (неслучайно один из этих «охочих людей — Михаил Самарин — стал впоследствии войсковым атаманом»²).

Далекими от исторических реалий являются и сложившиеся у некоторых историков представления о невероятной мощи казачьих сообществ. Например, В. В. Глущенко полагал, что в XVI — первой половине XVII вв. казачество было даже сильнее Московского государства³. Но это — просто недоразумение: по военно-экономическому потенциалу даже ослабленная «Смутной» Русь многократно превосходила все казачьи «войска» вместе взятые. Столь же далеко от истины утверждение того же автора о том, что «во всех случаях не казачество двигалось к государству, а государство — к казачеству»⁴. Стремление «послужить великому государю» было самым обычным и заметным явлением в истории взаимоотношений вольного казачества и Русского государства, а отказ от казачьих услуг порой приводил даже к острым социальным конфликтам: достаточно вспомнить обстоятельства знаменитого похода Василия Уса с Дона к Москве «за службой» в 1666 г. Безусловно, прав И. О. Кудряков, заметивший, что «в решающие моменты истории донское казачество всегда двигалось в сторону интеграции с Российским государством»⁵.

---

¹ Дружинин В. Г. Попытки московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века. СПб., 1911. С. 3–8; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1995. С. 17.

² Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М., 2014. С. 461, 483.

³ Глущенко В. В. Казачество. Учебное пособие. С. 250.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Кудряков И. О. Социальная структурация донского казачества в исторической ретроспективе (XVII — начало XX в.) // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. Вып. 4. С. 141.

Задавшись вопросом, «что же притягивало самих казаков к Московскому государству, чьим внутренним строем они были недовольны и чьи внешнеполитические цели далеко не всегда разделяли», С. М. Маркедонов дает этому следующее объяснение: «Перманентная степная война с татарскими и другими кочевыми ордами, противостояние мощной Османской империи вызывали у казаков... неутолимую жажду политической стабильности. Покровительство Москвы стало со временем рассматриваться частью казачества как меньшее зло по сравнению с постоянными военными конфликтами. Однoboкое экономическое развитие Дона... зависимость благосостояния края от успеха очередного “похода за зипунами” также диктовали потребности во внешней помощи. Таким образом, друзья-враги, казачество и государство, были обречены на тесное сотрудничество...»¹

Объяснение, безусловно верное, но не исчерпывающее. К нему, как минимум, надо добавить наличие у многих казаков родни «на Руси», а также тесные торговые связи казачьих областей с «метрополией» и общность с абсолютным большинством ее населения языка и веры — то, о чем у нас шла речь в предыдущем очерке. Кроме того, при характеристике взаимоотношений вольного казачества и Московского государства, нельзя не отметить, что «на Руси» имелось несколько монастырей, где больные, раненые, увечные казаки находили приют. «На Русь» же нередко возвращались и обнищавшие семьи погибших казаков, а на богомолье (по важным церковным праздникам или поклониться по обету святым чудотворцам) отправлялись и вполне дееспособные казаки. Иные из них в «голодные годы», во время «моровых поветрий» и других бедствий вообще покидали Дон или Яик и устраивались в гарнизоны окраинных «русских» городов на «государеву службу», а «сшедшие в казаки» дворяне, «погуляв» какое-то время «на Поле», вполне могли вернуться обратно, в прежний чин, и даже получить от «государя» новое поместье².

---

¹ Маркедонов С. М. Автономное общество в России: первый исторический опыт («Вольное» казачество против Московского государства в XVI–XVII веках) // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 104.

² Тхоржевский С. Указ. соч. С. 18, 24; Дариенко В. Н. Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII вв. С. 57; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 137; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 217–218; Шкваров А. Г. Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. Хельсинки; СПб., 2009.

О «пагубной» для судеб казачества политике Российского государства историки в последнее время нередко пишут и применительно к Кавказскому региону. Например, в монографии С. А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества» (вышедшей двумя изданиями) красной нитью проходит мысль о том, что Россия втянула терских и гребенских казаков в бесконечные столкновения с горцами. По мнению этого историка, до XVIII в. между казаками и горцами царили «взаимоотношения на принципах добрососедства, сотрудничества и взаимной выгоды», а если и происходили конфликты из-за угона скота и захвата «полона», то для их урегулирования существовали «многовековые традиции разрешения споров», что и было нарушено Россией¹.

Такая «демонизация» российской политики на Кавказе плохо согласуется с хорошо известными фактами. Сохранились, например, «войсковые отписки», в которых казаки Терека обращаются к Москве за помощью в связи со все усиливающимися набегами на их городки северокавказских правителей и активизацией действий Турции в регионе². О том же свидетельствуют многие материалы, приводимые в самой монографии А. С. Козлова. Похоже, ее автор не всегда учитывает объективную закономерность и историческую обусловленность разыгравшихся на Северном Кавказе событий и реалии эпохи в целом, отступая тем самым от принципов историзма. Даже опираясь только на факты, приведенные в книге С. А. Козлова, можно заметить, что война между казаками и горцами, несмотря на всевозможные «куначества» и «аталычества», длилась, то затихая, то разгораясь, практически с XVI в., также, впрочем, как и война между самими горцами. И те «дружественные отношения» между казаками и северокавказскими народами, о которых раньше так часто писали историки, конечно же, не только не были постоянными, но в общем и целом не выходили за рамки отношений между самими

С. 20–21; Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 69–70; Рощупкин А. Ю. Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI — первой половине XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Елец, 2016. С. 141.

¹ Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 124, 130, 147–149.

² Савченко М. С. Формирование правового статуса терского казачества. С. 235.

горскими племенами с обычным для эпохи военной демократии чередованием войны и мира, союзов с одними группировками против других и т. д. Скорее всего, уже с XVII в. казаки Терека воспринимались соседями просто как один из своих же кавказских народов, с существованием и интересами которого приходится считаться. Сохранять же «патриархальный» характер (с «многовековыми традициями разрешения споров») эти отношения могли лишь до поры до времени — пока Северный Кавказ не стал ареной соперничества между соседними державами и пока у самих северокавказских народов не зашел достаточно далеко процесс складывания собственных (раннефеодальных) государств, который, как и везде, сопровождался повышенной военной активностью и экспансией на соседние, в том числе казачьи, земли¹. В XVIII в. мы отчетливо наблюдаем и то, и другое. У казачества Терека в этой ситуации оставалось два пути: быть вместе либо с Россией, либо с ее врагами.

По последнему пути, как известно, пошли так называемые некрасовцы — большая группа донских казаков (около двух тысяч семей), возглавляемых атаманом Игнатом Некрасовым, которые после разгрома Булавинского восстания в 1708 г. ушли на подвластную Османской империи Кубань. В дальнейшем численность некрасовцев возрастала за счет новых беглецов, и все они стали послушным орудием в руках Турции и Крыма. Турки и татары не вмешивались во внутренние дела некрасовской общины, но жестоко пресекали попытки казаков покинуть ее в ответ на неоднократные предложения российских властей получить прощение и вернуться на прежние места обитания. Вместе с кубанскими татарами некрасовцы совершали опустошительные набеги на саратовские, царицинские, пензенские, симбирские, нижегородские, воронежские земли, а также на территорию Войска Донского. Эти акции сопровождалась сожжением селений, массовыми убийствами мирных жителей или их угоном и продажей в рабство, причем на родном Дону некрасовцы зверствовали не меньше, чем на других территориях.

Советской историографии была свойственна идеализация некрасовцев. Их представляли как непримиримых борцов с самодержавием, набеги на русские земли рассматривали как проявления «классовой борьбы», а в качестве жертв этих набегов

---

¹ Россия и Кавказ: 400 лет войны? М., 1998. С. 36.

упоминали лишь помещиков да «домовитых» казаков¹. Такой подход противоречил как элементарной логике (вряд ли турецкое самодержавие было лучше российского), так и конкретно-историческому материалу, давно введенному в научный оборот и в последнее время вновь ставшего доступным для массового читателя².

После смерти Игната Некрасова в 1737 г. активность его последователей снизилась, но открытые (военные) и скрытые (шпионаж) действия некрасовцев против России продолжались до самого конца XVIII в. — до потери Турцией Северного Кавказа. Судьба изменников складывалась трагично. При эвакуации с Кубани много маленьких детей и женщин погибло. Часть некрасовцев ушла в горы и впоследствии растворилась среди «черкесов», а переселившееся к туркам большинство продолжало служить султану уже непосредственно в составе его войск.

Вопреки мнению Д. В. Сеня, склонного к идеализации положения некрасовцев на чужбине, Турция не стала для них ни «обетованной землей», ни родным домом. И. Ю. Васильев и А. И. Зудин обратили внимание на то, что в неплохо изученном фольклоре некрасовцев не встречается «ни одного примера позитивного образа мусульманского государства, его правителя и народа»³ Замкнутые старообрядческие общины некрасовцев с течением времени всё труднее вписывались в реалии новой жизни на чужбине, и численность «игнат-казаков» неуклонно сокращалась. Эпидемии, бытовые лишения, обострение межнациональных и межконфессиональных отношений, открыто ассимиляционная политика турецких властей после революции 1918–1923 гг. — все это вынудило некрасовцев в конце концов покинуть Турцию. Большинство вернулось в Россию. Этот «исход» начался в первые десятилетия XIX в., а завершился в основном в начале 1960-х гг. Многие некрасовцы уехали в Америку и рассеялись по свету...⁴

---

¹ *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Указ. соч. С. 276–277.

² *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910. С. 603–610; *Селищев Н. Ю.* Указ. соч. С. 123–127; *Козлов С. А.* Указ. соч. С. 162–174; *Шамбаров В. Е.* Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 255–256.

³ *Васильев И. Ю., Зудин А. И.* Указ. соч. С. 26–27.

⁴ Казачий словарь-справочник. Сост. Г. В. Губарев и А. И. Скрылов. Т. 2. Калифорния, 1968. С. 209–212; *Люшин И.* Мы пошли к своему языку... //

Что же касается обстоятельств, побудивших И. Некрасова уйти со своим войском на Кубань, то они требуют не только детального, но прежде всего объективного анализа, на который далеко не всегда оказываются способны даже профессиональные историки, захлестываемые порой вполне понятными эмоциями.

Восстанию Булавина предшествовал долгий период массового бегства населения (главным образом крестьянского) на Дон из «коренных» областей страны, о чем уже шла речь выше (в Первом очерке). Люди уходили «в казаки» группами по 100, 200, 300, 500 и более человек, с женами и детьми, поднимаясь целыми деревнями и селами. Вследствие этого многие из соседних с Войском Донским уездов «запустели», а население «верховых» казачьих «городков» увеличилось в 10–20 раз¹. Кроме того, в верховьях Дона, по Хопру, Медведице, Иловле, Бузулуку и Серверскому Донцу было построено много новых «городков».

С началом войны за Балтику и в ходе петровских преобразований, требовавших все больше солдат, работных людей и налогоплательщиков, массовая утечка «живой силы» стала для российского правительства уже совершенно неприемлемой. Вопрос о ликвидации старинного казачьего права не выдавать беглых и о еще большем сужении казачьей автономии был предрешен, тем более что после укрепления к этому времени позиций России на Юге возможностей проводить по отношению к казакам более жесткую политику у правительства прибавилось. В 1707 г. последовал царский указ о выдворении с Дона и возвращении на прежние места жительства всех, кто поселился у казаков после 1695 г. Экспедиция на Дон Ю. В. Долгорукова с целью розыска беглых и последовавшее затем

Вокруг света. 1980. № 11; *Смирнов И. В.* Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 224, 226. *Власкина Т. Ю.* «Вернулись казаки до своего языка»: реэмиграция 1962 г. в устной традиции казаков-некрасовцев // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С. В. Павловского. Материалы конф. Краснодар, 2010. С. 154–158.

¹ *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. М., 1993. С. 170–171; *Любавский М. К.* Указ. соч. С. 317–318; *Пушкарев С. Г.* Донское казачество и Московское государство в XVII в. // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 117–118; *Подъяпольская Е. П.* Известия о роде Булавиных // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 69; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 139.

подавление Булавинского восстания осуществлялись с непомерной (пусть и преувеличенной в некоторых работах) жестокостью, привело к огромным, совершенно неоправданным с любой точки зрения жертвам¹. Тем не менее, неправомерно считать карательную акцию российских властей «подлинным погромом», «геноцидом» казачества или первым в нашей истории «расказачиванием» и проводить аналогии с «расказачиванием» 1919–1920-х гг., как делают некоторые историки, писатели и публицисты².

Этот вопрос в последнее время стал одним из самых политизированных в нашей истории. Он, по словам А. П. Скорика, превратился «из исторически сложной и недостаточно исследованной темы в политическую конъюнктуру и даже более того — в проверочный тест на личную лояльность исследователя к казачеству»³. Однако тщательное исследование событий на Дону в 1920-е гг. приводит к разочарующему многих казачьих активистов выводу о том, что даже тогда масштабы репрессий против казачества не были так велики, как рисуют их некоторые литераторы и публицисты, и что нам вообще «надо отказаться от тождественности понятийных смыслов расказачивания и геноцида»⁴.

И тем более нельзя ставить знак равенства между «геноцидом» и подавлением Булавинского восстания. Правительство Петра I не ставило своей целью ни физическое уничтожение донского казачества, ни ликвидацию его служилого статуса

---

¹ Точное число погибших булавицев не установлено. Казачьи историки пишут о «десятках тысяч казаков», умерщвленных «по жестокому повелению Петра I», (Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? С. 229), но это явное преувеличение: накануне выступления К. Булавина все казачье население Дона насчитывало почти 29 тыс. человек, и после разгрома восставших, вопреки утверждениям казачьих идеологов (там же. С. 241), Дон вовсе не «опустел». (см.: Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 200–201; Подъяпольская Е. П. Указ. соч. С. 69–70; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Указ. соч. С. 208, 276, 280; Буганов В. И. Указ. соч. С. 122, 147–148).

² Смирнов И. Век нынешний и век минувший. Диптих к большому переименованию // Знание — сила. 1990. № 12. С. 10; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 86; Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? С. 241, 408. Шишов А. В. Казачьи атаманы. М., 2008. С. 91; Алмазов Б. А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 493.

³ Скорик А. П. Расказачивание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2019. Т. 24. № 4. С. 103.

⁴ Там же. С. 109.

в качестве «Войска Донского», как предписывалось некоторыми директивами большевистского правительства 1919–1920 гг.¹

Это признают даже некоторые активисты казачьего возрождения, в целом настроенные на резкое осуждение царской политики по отношению к казачеству. Как пишет Н. И. Нестеров, «отношения центральной власти и донского казачества при всех правителях никогда не были радужными, скорее, наоборот, они были достаточно сложными, а порой и трагичными. Но ни один царь, ни один император не ставил своей задачей его уничтожение. Напротив, они отчетливо сознавали его силу и полезность, более того — необходимость его служения центральной власти»². Б. А. Алмазов тоже уверен, что «империя никогда не ставила перед собой задачи уничтожения казачества, как это было после 1917 года, но она приводила казаков к имперскому единообразию, к дисциплине на европейский манер», и считает такой поворот событий исторически неизбежным³.

Действия российских властей на Дону в 1707–1709 гг. диктовались сугубо прагматическими соображениями и были исторически обусловленными. Сложно себе представить поступательное развитие нашей страны в XVIII в. без укрепления роли государства в ее жизни, но оно, государство, в XVIII в. уже не могло мириться ни с массовой потерей людей из-за бегства в казачьи области, ни с помехами, чинимыми его дипломатии самовольными действиями казаков на южных границах, ни с самим существованием на своей территории сообществ, живущих грабежами жителей соседних государств. Да и сами казаки в силу новых исторических реалий уже не могли рассчитывать на то, чтобы «кормиться зипуном», и после подавления Булавинского восстания взялись, наконец, всерьез за соху. Казачья автономия с тех пор была, конечно, сильно урезана, как и права Войскового круга, превратившегося вскоре в чисто декоративный орган, лишь своим названием напоминавший казакам об утраченном праве

---

¹ Ср.: *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Указ. соч. С. 286; Казаки России. Кн. 2. Донское казачество в Гражданской войне. (Сб. документов. 1918–1919 гг.). М., 1993. Ч. 1. С. 264–277; Казаки // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1994. № 1. С. 38–44; *Генис В. Л.* Расказачивание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 42–55; *Трут В.* Истребить поголовно // Родина. 2004. № 5. С. 95–97.

² *Нестеров Н. И.* Кто они, донские казаки? Волгоград, 2008.

³ *Алмазов Б. А.* Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 449.

самим избирать войсковых атаманов. Но на низовом уровне (в станицах и хуторах) казачье самоуправление сохранилось вплоть до начала XX в. В таком направлении социальное устройство казачества в общем-то менялось и само собой, демонстрируя тем самым объективный процесс классообразования. Казачья старшина, начиная с середины XVII в. приобретала в «войске» все больший авторитет и вес и все больше прав в ущерб прерогативам Круга, но, по словам С. М. Маркедонова, «если узурпация власти Круга старшиной носила эволюционный характер, то меры Петра I были революционным потрясением для казачества...»¹

«Эпоха Петра I — перелом истории и России, и “вольных” казачьих сообществ, и казачества в целом, — пишет А. Г. Шкваров. — Страна вышла обновленной, с совершенно другим лицом... Для одних представителей казачества эпоха Петра стала закатом их истории, для других вдохнула новую жизнь, превратив в новое, отличное от всех, государственное сословие. В этом заключался главный компромисс борьбы противоположностей — Воли и Самодержавия или Государства». А «вхождение в состав Великороссии», убежден А. Г. Шкваров, было для казачества единственно возможным и правильным путем².

К аналогичным выводам исследователи приходят и при изучении исторических судеб отдельных казачьих «Войск», в том числе и оказавшегося в наиболее сложных условиях Терского. Касаясь изменений его правового статуса в XVIII в., М. С. Савченко подчеркивает, что они «определялись в конечном итоге интересами терского казачества как социальной общности, их совпадением с интересами России в регионе. Высокая степень разнородности и территориальной разобщенности терского казачества, постоянное военное противостояние с различными противниками требовали такого изменения правового статуса, которое трансформировало бы военно-политическое образование в сословную группу в составе Российской империи»³.

---

¹ Маркедонов С. М. Казачий круг как политический институт // Полис (Политические исследования). 1996. № 1. С. 152.

² Шкваров А. Г. Петр I и казаки. С. 5, 407.

³ Савченко М. С. Формирование правового статуса терского казачества. С. 235.

Как отмечал М. Т. Белявский, российское правительство во все не собиралось ликвидировать казачество. «Может показаться странным, — писал он, — что в условиях распространения крепостничества на новые территории казачество не только сохранилось, но и становилось полупривилегированным служилым сословием, которое не платило подушной подати и пользовалось рядом прав и привилегий, в том числе и правом самоуправления, впрочем, ограниченным и строго контролируемым Военной коллегией и другими органами государственной власти. Казачество было нужно абсолютизму. Являясь иррегулярным войском, оно не требовало таких расходов на содержание, как регулярная армия, и играло существенную роль в составе кавалерийских войск русской армии»¹.

Тем не менее, тема «казачьего геноцида» очень популярна у современного казачества. Некоторые его активисты вообще доводят ее абсурда и заявляют, что геноцид этот был «неоднократным» и причисляют к нему подавление восстаний не только Булавина, но и Разина с Пугачевым². А другие, живописуя невзгоды, обрушившиеся на казаков со стороны Российского государства в XVIII в., не приемлют определения казачества как привилегированного (и даже полупривилегированного) сословия. Вот что пишет по этому поводу Б. А. Алмазов: «Несмотря на утверждение, что казаки — сословие привилегированное — как же! подати деньгами не платят (зато платят кровью!), — было оно фактически одно из самых обездоленных в Российской империи. Хуже крепостных крестьян»³. Похоже, уважаемый писатель имеет весьма смутное представление о положении крепостных крестьян в России (которое в XVIII в. уже мало чем отличалось от рабского) и, кроме того, видимо, убежден, что никто, кроме казаков, у нас не проливал кровь за Отечество — ни дворяне, ни тем более призванные на военную службу крестьяне... С историческими реалиями больше согласуются слова генерала А. С. Лукомского, председателя Особого совещания при А. И. Деникине: «Трудна была служба казачества, но оно пользовалось таким

---

¹ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. [М.], 1987. С. 36.

² Качанов И. В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 19.

³ Алмазов В. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 481.

экономическим благосостоянием и такими льготами, которых не знала ни одна часть прочего населения России»¹.

Подчинение вольного казачества Российскому государству, бесспорно, происходило с массой «издержек» и «перегибов» (как и почти всё в России); многие из них при более продуманной, более гибкой политике центральной власти можно было бы избежать. Но это был абсолютно неизбежный и даже необходимый для дальнейшего развития как государства, так и самого казачества процесс.

Российское великодержавие было неперемнным условием выживания страны: так считают сегодня не только отечественные, но и некоторые зарубежные историки², и оно дорого обошлось всему русскому народу, а не только казачеству. Трагические события, произошедшие при ликвидации казачьих вольностей нуждаются в дополнительном и, главное, беспристрастном исследовании. То, что нам известно об этих событиях на сегодняшний день, заставляет вновь задуматься над вопросом о цене исторического прогресса, о старой как мир проблеме соотношения общих и частных интересов, которая давно поднималась в русской литературе. Еще В. Г. Белинский призывал признать «торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданиям этого частного»³. А в связи с судьбами казачества ту же мысль повторил в 1928 г. белоэмигрант генерал С. А. Щепихин: «Логика истории неумолима, и она вынуждает к жертвам частного во имя целого»⁴.

Ликвидация казачьих вольностей (как и казачьих своеволий) рано или поздно должна была произойти, под чьим бы патронажем — России или сопредельных стран — ни оказались, в конце концов, казачьи территории. Стать привилегированным сословием сильного государства — это был отнюдь не худший вариант эволюции казачьих сообществ, и он с неизбежностью последовал в XVIII в. С тех пор казаки принимали самое широкое и активное участие во всех войнах России, и нельзя не заметить, что именно на имперский период ее истории приходятся наиболее яркие

---

¹ Казачество: Мысли современников... С. 60.

² Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 26–29, 39.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 542.

⁴ Щепихин С. А. Несколько мыслей о судьбах казачества // Казачество: Мысли современников... С. 329.

страницы в летописи казачьей воинской славы. Это признают и адекватные, образованные представители современного казачества. Именно «на государственной службе, — подчеркнул в 2010 г. Верховный атаман Союза казаков России П. Ф. Задорожный, — обрели казаки расцвет, духовный взлет, проявили блеск удали и дерзкой отваги, самоотверженность и верность присяге»¹. Остается пожелать, чтобы к компетентным мнениям прислушивались все активисты казачьего возрождения.

---

¹ *Задорожный П. Ф.* Предисловие // *Союз казаков России. 1990–2010. М., 2010. С. 3.*

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

Казачество и военные факторы колонизации Сибири XVII в.

Часть I. Военная история Сибири XVII в. как объект специального изучения

1. О терминологии

В этом очерке речь пойдет не о вольном, а о *служилом* («городовом») казачестве — особой категории населения России XVI–XVII вв., составлявшей вместе со стрельцами и пушкарями группу «чинов», получивших в историографии наименование служилых людей «по прибору» (в отличие от служилых «по отчеству» — детей боярских и дворян, входивших, согласно сформировавшимся у историков в XX в. представлениям, в состав господствующего феодального класса).

Терминология в исторической науке часто бывает довольно условной, требующей определенных оговорок и разъяснений. Необходимы они и в данном случае. За Уралом в конце XVI–XVII вв. вооруженные силы обычно концентрировались в городах, острогах и слободах. Сибирские гарнизоны в то время состояли из нескольких категорий военно-служилого населения — казаков конных (среди которых в ряде городов имелись подразделения, сформированные из «литвы» и «черкас»), казаков пеших, казаков беломестных, стрельцов, пушкарей и затинщиков; гарнизонная верхушка была представлена детьми боярскими и (в конце XVII в.) дворянами, а также «начальными людьми» — головами, сотниками, ротмистрами, атаманами. В совокупности все эти «чины» в источниках назывались «служилыми людьми», и в делопроизводственной

документации XVI–XVII вв. как «служилый человек» мог фигурировать любой казак, стрелец, сын боярский и т. д.

Вместе с тем, в литературе по истории Сибири того времени все служилые категории нередко объединяются термином «казаки», «казачество», и в этом упрощении есть свой резон. Во-первых, казаки являлись самой многочисленной группой военно-служилого населения Сибири. Во-вторых, с течением времени казаками официально стали называть вообще все «чины» в сибирских гарнизонах. (Так, в 1701 г. там упраздняется «чин» стрельцов, в первой четверти XVIII в. — литовские и черкасские «списки», в 1750-х гг. исчезает деление казаков на «пеших» и «конных», в 1770-х гг. с казаками сливаются пушкари и другие мелкие категории «служилых людей старых служб».)¹

Как заметил свыше полутора столетий назад известный историк, географ и путешественник П. И. Небольсин, не раз бывавший за Уралом, «под словом “казаки” впоследствии времени (в XVIII–XIX вв. — *Н. Н.*) без различия отделов русского войска в Сибири стали называть вообще всех тех, кто по своему положению обязан был с оружием в руках защищать и охранять пределы империи...»². Но подобные тенденции были заметны в Сибири и раньше. Характерно, что в отряде Ерофея Хабарова (середина XVII в.) все называли себя «казаками», «войском казачьим», хотя в его состав входили и «промышленные», и «гулящие» люди, и «служилые» самых разных чинов и званий³.

Некоторых обращающихся к истории Сибири исследователей такая терминологическая неопределенность несколько дезориентирует, и они начинают воспринимать сибирских «казаков» и сибирских «служилых людей» XVII в. как два совершенно разных понятия, следствием чего может быть, например, появление такой фразы: «За первопроходцами — казаками и промышленниками — во вновь открытые земли Сибири приходили служилые

---

¹ *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 13; *Недбай Ю. Г.* Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 168–169; *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 242–243.

² *Небольсин П.* Заметки по пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 135.

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1841. С. 365–366.

люди...»¹. Во избежание подобных недоразумений, необходимо подчеркнуть, что в нашем очерке понятия «служилые люди» и «казаки» являются *синонимами*. Сознавая условность такого «терминологического синтеза», считаю его оправданным — как эволюцией служилых «чинов» в Сибири и литературной традицией, так и соображениями чисто технического (стилистического) порядка. Такой терминологический подход в принципе не нов: например под «дворянством» в работах по истории России XVI–XVII вв. порой объединяются, помимо собственно дворян («думных», «московских», «городовых»), и дети боярские («дворовые» и «городовые»), и жильцы, и стольники, и другие категории служилых людей «по отчеству»².

2. Изучение военных факторов колонизации Сибири XVII в. до конца 1980-х гг.

Военная история Сибири XVII в. стала самостоятельной исследовательской темой сравнительно недавно. Дореволюционные историки в большинстве своем хотя и рассматривали присоединение Сибири как «завоевание сей земли российским оружием», но главное внимание уделяли событийно-политической стороне колонизации и обычно не углублялись в проблемы собственно военной истории, оставляя за рамками своих исследований широкий круг вопросов — от численности и состава сибирского войска до особенностей его вооружения и тактики. До 1917 г., правда, вышло несколько работ офицеров и чиновников, взявших на себя труд написать историю казачьих войск Сибири, уходящую корнями в XVII столетие³. В этих сочинениях чисто военная сторона колонизационных процессов на севере

---

¹ *Сопов А. В.* Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2012. С. 26. Разделение «служилых людей» и «казаков» Сибири характерно и для А. В. Головнёва (*Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Новосибирск, 2015. С. 505 и др.)

² См., например: *Буганов В. И.* Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–33.

³ *Манькин-Невструев А.* Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки (Очерк). М., 1883; *Катанаяв Г. Е.* Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии.. СПб., 1908. Вып. 1; *он же.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908; *Васильев А. П.* Забайкальские казаки. Чита, 1916. Т. 1.

Азии, конечно, находила гораздо большее освещение, чем у «гражданских» историков, встречались интересные наблюдения и верные оценки, но поскольку уровень научной подготовки их авторов заставлял желать лучшего и основное внимание они сосредотачивали на поздних хронологических периодах, эти труды не оказали заметного влияния на изучение истории Сибири XVII в.

Без должного внимания остались и вполне справедливые (хотя и слишком общие) оценки значения военного фактора в освоении Сибири, дававшиеся некоторыми дореволюционными исследователями проблем русской колонизации. (Так, один из таких исследователей — Г. Гинс — в 1912 г. отметил, что «в сущности русская колонизационная деятельность... шла путем именно военной колонизации. Первыми засельщиками и представителями русской культуры были военные гарнизоны и военные поселения».)¹

Первый этап советской историографии Сибири обычно связывают с именем С. В. Бахрушина (1882–1950 гг.), и для этого есть веские основания. Выдающийся ученый, обладавший глубокими и разносторонними знаниями и ярким исследовательским талантом, он специально военной историей Сибири не занимался (а лишь планировал такие исследования²), но поскольку его труды обычно носили комплексный характер, военная сторона колонизационного процесса также находила в них вполне адекватное отражение. Особенно ценной в этом отношении представляется тематически во многом перекликавшаяся с его ранее опубликованной работой о енисейских киргизах монография «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.». В ней довольно подробно описывается военная колонизация края и жизнь красноярского гарнизона, детально показаны суровые «фронтвые» будни южносибирской окраины в XVII в.³

Подобная разносторонность в исследованиях была, однако, не характерна для большинства исследователей, активно проявивших себя на следующем этапе развития советского

---

¹ Цит. по: Колесников А. Д. С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 170.

² Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 9, 16.

³ *Он же*. Там же. Т. 4. М., 1959. С. 12–80.

сибиреведения, начавшемся с середины 1940-х гг. и характеризовавшемся почти исключительным вниманием к крестьянской земледельческой колонизации. Одновременно в историографии стал активно утверждаться (и к 1970-м гг. утвердился) тезис о преимущественно мирном характере присоединения Сибири к России, и хотя он полной поддержки у историков не получил¹, военная тематика если еще и находила место в сибиреведении, то с большим трудом. (По собственному опыту знаю, как тяжело тогда продавливался в работе с издательскими редакторами каждый военный эпизод сибирской истории.)

Вдохновитель и основатель этого нового направления — В. И. Шунков (1900–1967 гг.) — упрекал С. В. Бахрушина (своего учителя) в том, что страницы многих его работ «перенасыщены сообщениями о военных эпизодах, военных кампаниях, движениях экспедиционных корпусов, жестоких сражениях, длительных осадах крепостей...», и объяснял это не критическим отношением к «сообщениям источников», которые, якобы, были Бахрушиным восприняты «в духе буржуазно-дворянской теории завоевания»².

Обвиняя историков «старой школы» в «некритическом отношении к источникам», В. И. Шунков и его сторонники обычно высказывались в том плане, что казаки в своих «отписках» преувеличивали («раздували») частоту и степень ожесточенности сражений с аборигенами «с целью получения награды за боевые заслуги» (но убедительных примеров разоблачения кем-либо такой «лжи» не приводили), что русские экспедиционные отряды были слишком малочисленными, чтобы представлять серьезную угрозу для аборигенов (но при этом, видимо, упускали из вида, что и противник русских в Сибири, по сравнению с Европейской Россией, не был многочисленным) и т. д.³

---

¹ *Никитин Н. И.* История Сибири в трудах С. В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории феодальной России (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина). М., 1984. С. 42–43; *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск, 1984. С. 31.

² *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 9.

³ *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 350. См. также редакционное примечание к работе С. В. Бахрушина о енисейских киргизах: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 215.

Под влиянием таких установок в период с середины 1950-х до середины 1980-х гг. в литературе (особенно популярной и учебной) возобладала благостная, но, разумеется, далекая от исторической реальности картина освоения Сибири, оставлявшая на долю русских первопроходцев и первопоселенцев лишь трудности «туристического» порядка, обусловленные суровостью природы Северной Азии. Показательно мнение по этому вопросу известного писателя (и коренного сибиряка) В. Г. Распутина. Ярко и проникновенно изобразив в одном из своих очерков обстоятельства и сущность «изнурительного подвига» землепроходцев, он вместе с тем счел нужным заметить, что Сибирь досталась России «удивительно легко»...¹

Недооценка (и даже игнорирование) военных факторов в присоединении Сибири имела своим закономерным следствием недооценку деятельности и весьма предвзятое отношение историков «школы Шункова» к военно-служилым людям, «самый многочисленный и наиболее деятельный класс» которых — казаки, — по выражению глубокого знатока сибирских архивных материалов Н. Н. Оглоблина, вынес «на своих плечах все дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти»².

Отстаивая тезис о главенствующей роли крестьянской колонизации Сибири даже на ранних стадиях этого процесса (когда среди русского населения за Уралом преобладали военно-служилые люди), исследователи вопреки очевидным (и порой содержащимся в собственных работах) фактам умаляли значение деятельности казачества в освоении сибирских земель и противопоставляли его крестьянам — «непосредственным производителям материальных благ феодального общества»³. Суть этой позиции кратко сформулировал В. Н. Шерстобоев:

---

¹ *Распутин В.* Сибирь без романтики // Роман-газета. 1984. № 17. С. 66–68.

² *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 104.

³ *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского гос. ун-та. 1950. Т. 112. С. 136, 189; *Флеров В. С.* Восстания 30–40-х годов XVII века в Томске // Уч. зап. Томского пед. ин-та. 1954. Т. 12. С. 291; *Одинцова М. К.* К вопросу о заселении русскими Сибири в XVII в. // Труды Иркутского гос. ун-та. 1954. Т. 10. С. 199–200; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 865–866.

«Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне». Эти слова в 1950-е гг. любили повторять многие исследователи¹.

Правда, поскольку в те же годы большое внимание уделялось истории русских географических открытий на севере Азии, в некоторых работах 1950-х гг. можно было встретить словно случайно оброненные авторами фразы с положительными оценками роли служилых людей XVII в. в присоединении Сибири. Так, В. Н. Скалон в книге, посвященной многосторонней деятельности русских землепроходцев по исследованию сибирских земель, отметил, что «движущей силой, истинным исполнителем всех русских предприятий в Сибири, был “служилый человек”»². Но замечания такого рода не получали развития в историографии, оставаясь как бы незамеченными в кругу сибиреведов.

Справедливости ради надо, однако, признать, что и приверженцы «шунковского» направления нередко вводили в научный оборот весьма ценный и репрезентативный материал о служилом населении Сибири XVII в., касаясь не только земледельческих занятий казачества, но и характеризуя общее положение отдельных гарнизонов. Например, З. Я. Бояршинова, изучая обстоятельства основания Томска и его развитие в XVII в., уделила немало внимания и служилым людям этого города³. О. И. Кашик даже отметила «весьма значительную роль» казачества в сельскохозяйственном освоении Иркутского уезда⁴. Но «особо почетное» место в этом ряду, как ни парадоксально, надо отвести самому убежденному стороннику превосходства крестьянской колонизации над служилой — В. Н. Шерстобоеву. Он не являлся

---

¹ См., например: *Покишиевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. С. 71.

² *Скалон В. Н.* Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1952. С. 11.

³ *Бояршинова З. Я.* Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953; *она же.* Томск в XVII–XVIII веках // Очерки истории города Томска (1604–1954). Томск, 1954; *она же.* К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1958. Сб. 1.

⁴ *Кашик О. И.* Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII — начале XVIII вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1952. С. 5; *она же.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII — начале XVIII вв. // Уч. зап. Иркутского пед. ин-та. 1958. Вып. 16. С. 260–261.

профессиональным историком, но как человек добросовестный и, видимо, весьма работоспособный создал на базе, главным образом, архивных материалов воистину капитальный труд по истории Илимского края и попутно дал столь подробное описание состояния дел в гарнизоне Илимска за изучаемый им период, что этому «шунковцу» могут позавидовать многие из профессиональных историков, специально изучавших казачество Сибири и придерживавшихся иных взглядов на роль различных социальных сил в ее исторических судьбах¹.

Еще больше сведений о служилых людях появилось в печати в 1960-е гг., когда отношение сибиреведов к этой категории населения становилось вполне «нейтральным». Усилиями нового поколения историков в научный оборот было введено немало источников, свидетельствующих о том, сколь велика была роль «служилого элемента» в жизни Сибири XVII в., хотя материал этот далеко не всегда находил отражение в общих выводах их работ.

Военная составляющая колониационного процесса получила объективное освещение в монографиях В. А. Александрова, одна из которых была посвящена Енисейскому краю (став по сути дела продолжением упомянутого выше исследования С. В. Бахрушина о Красноярском уезде), а другая — Дальнему Востоку (с широким использованием новых материалов о борьбе России за Приамурье в XVII в.)² А работа А. А. Кондрашенкова давала достаточно полное представление о военно-политической ситуации на южных рубежах Западной Сибири в тот же период, показывая, как служилые люди защищали их от постоянных набегов кочевников³.

Но в 1960-е гг. историки всё чаще вводили в научный оборот материалы о непосредственном и довольно весомом вкладе казаков Сибири и в хозяйственное освоение ряда ее регионов⁴,

---

¹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1–2. Иркутск, 1949–1957.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 33–8; *он же*. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) М., 1969. С. 101–203.

³ Кондрашенков А. А. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // Уч. зап. Курганского пед. ин-та. 1964. Вып. 6.

⁴ Колесников А. Д. Из истории Среднего Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества СССР. 1963. Вып. 5 (12). С. 137–151; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. (Земледелие, промышленность и торговые

и материалы эти уже никак нельзя было не замечать. Это нашло отражение в корректировке В. И. Шунковым и его последователями своих позиций: при своей трактовке вопроса о вкладе различных социальных групп в освоение Сибири они стали, по сути дела, отождествлять занимавшихся земледелием служилых людей с крестьянами, называя казаков «вооруженным крестьянским населением», игнорируя, таким образом, их сословный статус¹.

1970-е гг. были отмечены успехами в изучении истории сибирского города, важными и для разработки проблем военной истории. Так, фортификационным сооружениям Сибири XVII в. посвятил весьма содержательную работу С. Н. Баландин². А в книге В. И. Кочедамова о первых русских городах за Уралом помимо чисто архитектурных вопросов рассматривались многие аспекты освоения Сибири, в том числе роль в нем военно-служилых людей XVII в. Кочедамов назвал их «главной силой в освоении восточных земель», но, видимо отдавая дань господствующей в историографии концепции В. И. Шункова, посчитал нужным принизить роль казаков, добавив, что «закрепление результатов оставалось за землепашцами, пришедшими туда на всю жизнь»³. Почему таковыми нельзя было считать не только крестьян, но и занимавшихся хлебопашеством служилых людей, осталось без пояснений.

* * *

Закономерным шагом в развитии сибиреведения стало появление монографических исследований, специально посвященных служилому населению Сибири XVII в. Первыми из них стали кандидатские диссертации Г. А. Леонтьевой и автора этих строк⁴.

связи Енисейского уезда). Новосибирск, 1965; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

¹ *Латин Н. А.* Слобода Царево городище в XVII ст. // Уч. зап. Курганского пед. ин-та. 1962. Вып. 4. С. 14, 16.; *Кондрашенков А. А.* Указ. соч. С. 14, 16; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1966. С. 348.

² *Баландин С. Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 7–37.

³ *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 34.

⁴ *Леонтьева Г. А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1972; *Никитин Н. И.* Военно-

Мы оба были учениками выдающегося, но, к сожалению, ныне мало известного в широких научных кругах историка, великолепного знатока фондов ЦГАДА (ныне РГАДА) Нины Борисовны Голиковой, которая еще в наши студенческие годы ориентировала нас на исправление явно обозначившихся тогда перекосов в сибирской историографии. И главной задачей, вставшей перед нами, была не собственно военная история Сибири, а хозяйственные занятия ее служилого населения, свидетельствующие о неправомерности противопоставления сибирских казаков посадским людям и крестьянам и показывавшие, что деятельность всех этих слоев населения развивалась в одном русле, будучи направленной на закрепление за Россией сибирских земель и их освоение. Учитывая же *все* стороны деятельности казачества Сибири XVII в. (включая военную), а также их долю в общей массе русского населения края, нельзя было не прийти к выводу о том, что на раннем этапе колонизации самой заметной и значимой фигурой в Сибири являлся не крестьянин, а служилый человек. Будучи позднее изложенной в специальной статье¹, это точка зрения вызвала у наших коллег неоднозначную реакцию.

Однако в 1970–1980-е гг. близкие взгляды на роль служилых людей в присоединении Сибири были присущи уже целому ряду исследователей, и их трудно было игнорировать. Так, А. А. Люцидарская в одной из своих статей пришла к заключению, что «именно служилому сословию принадлежала заслуга превращения Томска в торгово-промышленный центр»². Аналогичная статья В. Н. Курилова однозначно свидетельствовала о «ведущей роли» служилых людей «в развитии Тюмени как торгово-промышленного центра»³. По вполне обоснованному мнению Л. В. Машановой, «на начальном этапе освоения Забайкалья

служилые люди Западной Сибири XVII в. (Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

¹ *Никитин Н. И.* Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке // История СССР. 1980. № 2. С. 172–173

² *Люцидарская А. А.* К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 2. Новосибирск, 1972. С. 14.

³ *Курилов В. Н.* Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 86.

служилые люди, составлявшие самую большую часть местного населения, принимали активное участие в обживании сурового края. Именно они являлись пионерами в развитии многих промыслов, земледелия, скотоводства, торговли»¹.

Якутский историк Ф. Г. Сафронов в монографии, посвященной большому комплексу вопросов об освоении русскими людьми северо-востока Азии в XVII — середине XIX вв., пришел к выводам, противоречащим мнению классика сибиреведения С. В. Бахрушина, отводившего главную роль в освоении этого региона в XVII в. промысловикам («промышленникам») и торговцам. «Слов нет, промышленники действительно сыграли большую роль в присоединении северо-востока Азии к России, однако главная роль в этом деле всегда принадлежала служилым людям, действовавшим по указанию и от имени властей», — писал Ф. Г. Сафронов. Он обратил, в частности, особое внимание на то, какое значение для народов Якутии имели построенные казаками опорные пункты — зимовья, острожки и остроги: «...Это были вновь зародившиеся официальные центры, источники власти — нового социального явления, еще непонятого туземцам. Эти центры, появившиеся повсюду, внедряли начало государственности. И тут выявляется новая роль русского казачества как ускорителя общественного развития народов, находившихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений». Именно казаки, пишет далее Сафронов, в ходе своих служебных поездок проложили многочисленные пути по всему северо-востоку Азии, в результате чего «впервые возникла регулярная связь между близкими и отдаленными частями региона». «Таким образом, — заключает исследователь, — роль казачества в освоении северо-востока Азии была значительной, особенно в XVII–XVIII вв., в самое трудное время»².

В 1983 г. вышла монография О. И. Сергеева о казаках Дальнего Востока, в которой подчеркивалось, что в XVII–XIX вв. они «сыграли прогрессивную роль в открытии новых земель,

---

¹ Машанова Л. В. Роль служилых людей в освоении Забайкалья // Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 23.

² Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 85, 87, 99.

их заселении, хозяйственном освоении и обороне»¹. К сожалению, небольшой объем книги (9 п. л.) при таком хронологическом охвате не позволил ее автору подкрепить ряд важных и, безусловно, верных положений своей работы применительно к XVII в. достаточным количеством конкретно-исторического материала и специальной литературы. Гораздо благополучнее в этом плане обстояло дело в монографии Н. Ф. Емельянова о населении Среднего Приобья, в которой был сделан вывод о большом значении деятельности служилых людей в освоении этого региона в конце XVI — первой половине XIX вв.²

Подобные мнения поначалу были встречены большинством наших коллег довольно прохладно. Они соглашались считать роль служилого населения в освоении Сибири XVII в. «заметной»³, но никак не ведущей. Главные возражения наших оппонентов сводились к тому, что, поскольку происхождение сибирских служилых людей «в значительной части» было крестьянским, то служилую колонизацию «надо считать одной из форм крестьянской колонизации», что говорить о ведущей роли служилых людей в «торгах и промыслах» сибирского города неправомерно, поскольку, даже несмотря на численное преобладание служилых в этой сфере, их торгово-промышленная деятельность «не имела исторической перспективы»⁴.

В ответ автору этих строк пришлось обратить внимание оппонентов на то обстоятельство, что в условиях абсолютного численного преобладания в стране крестьянского населения самые различные социальные группы в России XVI–XVIII вв. были преимущественно выходцами из крестьян, однако это не повод не считать деятельность служилого населения особой струей в колонизации Сибири. В литературе, например, давно получило

---

¹ *Сергеев О. И.* Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. С. 5.

² *Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980. [Ч. 1]. С. 113. Томск, 1982. Ч. 2. С. 98–100. Подробнее см.: *Никитин Н. И., Преображенский А. А.* Рец. на кн. Н. Ф. Емельянова «Население Среднего Приобья в феодальную эпоху» // История СССР. 1983. № 4. С. 157–159.

³ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 131.

⁴ *Миненко Н. А.* Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма // Вопросы истории. 1984. № 7. С. 116; *Иво-нин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири XVIII — первой половины XIX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. С. 5, 17.

распространение (и никем не оспаривается) понятие «промысловая колонизация», хотя сибирские «промышленники» (промысловики) тоже в основном являлись выходцами из крестьян¹.

Нельзя было согласиться и с умалением роли казачества в экономическом развитии сибирского города на том основании, что она-де «не имела исторической перспективы». Признавая допустимость и даже желательность подхода к исторически событиям и явлениям с учетом этой самой «перспективы», я высказался против его абсолютизации, отметив, что на определенном этапе исторического развития место тех или иных социальных групп в том или ином процессе может и уменьшаться, и увеличиваться — как вместе с изменением их численности, так и не зависимо от нее. Но было бы, например, странно считать деятельность посадских людей в экономической жизни города «ведущей», если их там насчитывались единицы с весьма скромными «капиталами», лишь на том основании, что «торги и промыслы» нескольких десятков проживавших там же служилых людей даже при значительном размахе не имели «исторической перспективы»².

Странность данного спора заключалась в том, что мнению о ведущей роли казачества в колонизации Сибири XVII в. оппонировали прежде всего авторы капитальных работ по истории сибирского казачества XVIII — начала XIX вв. Н. А. Миненко и А. Р. Ивонин, которые показали вклад служилого населения в освоение восточных окраин страны весьма наглядно — на большом документальном материале и с экскурсами в XVII столетие. В частности, Н. А. Миненко пришла к заключению, что освоение Обского Севера (Сургутского и Березовского уездов) «в XVII — начальные годы XVIII в. осуществляло казачество», поскольку «там... где в силу природных условий не могла проявляться крестьянская колонизация, они (казаки. — *Н. Н.*) и в XVIII в. оставались одной из основных групп русского населения», сохранили «свою доминирующую роль даже к середине XIX в.» и что вообще «о характере, размерах и результатах колонизации

---

¹ *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 14–15.

² *Он же.* К вопросу о социальной природе приборного войска // История СССР. 1990. № 2. С. 51.

Сибири... нельзя судить без анализа социально-экономического положения служилого сословия края...»¹

Развернутой дискуссии по этим вопросам, однако, не получилось. Вскоре положение о доминирующей роли служилых людей в присоединении и освоении Сибири в XVII в. стало фактически общепризнанным — в силу как своей очевидности, так и деидеологизации на государственном уровне подхода к вопросу о роли различных социальных сил в колонизации окраин России².

Вместе с тем, к концу 1980-х гг. сложилась довольно нелепая ситуация: земледелие, «торги и промыслы» являлись для казачества не главным, а побочным видом деятельности, а кроме того, как показали специальные исследования, в нее была вовлечена меньшая часть «личного состава» гарнизонов Сибири³, однако именно хозяйственные занятия сибирских служилых получали наиболее полное освещение в научной литературе, в то время как профессиональная сторона их деятельности оставалась по сути дела в тени. Но с этого же времени положение стало понемногу выправляться — идеологический пресс ослаб, в чем автор этих строк убедился прежде всего на личном опыте. Мне удалось включить в научно-популярную книгу об освоении Сибири в XVII в., принятую издательством «Наука», довольно много материала о военных факторах колонизации и даже дать в Приложении подборку документов по военной истории Сибири⁴ (хотя до полной «свободы творчества» и тогда было еще далеко:

---

¹ Миненко Н. А. Городовые казаки Обского Севера в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 336–349; *она же*. Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный строй) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 259; *она же*. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. (Историко-этнографические очерки.) Новосибирск, 1975. С. 300.

² Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994. С. 156; Жеравина А. Н. Сибирское казачество в системе кабинетного хозяйства на Алтае // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 52–53; История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI — первая половина XIX в. Екатеринбург, 1995. С. 6, 18; Чернавская В. Н. «Восточный фронт» России XVII — начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 30.

³ Никитин Н. И. К вопросу о социальной природе приборного войска. С. 50–55.

⁴ *Она же*. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 163–168.

в частности, в помещенной на обложке книги репродукции с гравюры XVII в. пришлось, по настоянию редакции, заменить большую часть могильных крестов елочками)...

Внимание исследователей давно к себе привлекал и такой вопрос военной истории, как особенности социальной организации сибирских гарнизонов XVII в. В предыдущем очерке уже шла речь о том, что в служилой среде Сибири бытовали и долго сохраняли прочные позиции «традиции казачьего самоуправления». Они отмечались многими историками и связывалось, как правило, с наследием дружины Ермака и других представителей вольного казачества, оказавшихся за Уралом¹. Но настоящим прорывом в изучении этой темы стали труды В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, вышедшие во второй половине 1980-х и начале 1990-х гг.². Ими было убедительно доказано, что главной причиной существования в сибирских гарнизонах наряду с официальной структурой порядков неофициальных, «казачьих», являлись традиции «мирского», общинного самоуправления, подобные тем, которые бытовали в то же время на Руси и у посадского, и у крестьянского населения и с которыми вынуждена была считаться как местная, так и московская администрация.

В это же время важным подспорьем в изучении военных факторов русской колонизации Сибири становились работы о состоянии военного дела у коренного населения края в эпоху средневековья. Их авторами были главным образом археологи и этнографы, и они наглядно показали, с каким противником приходилось иметь дело русским на просторах Северной Азии. Тема эта не была запретной и в «доперестроечные» времена³,

---

¹ *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 620; *Александров В. А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. 1957. Т. 59. С. 308; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVII начале XVIII в. М., 1972. С. 359; *Леонтьева Г. А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 98–100; *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. С. 230.

² *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 47–68; *Александров В. А.* «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // Там же. 1988. № 3. С. 94–113; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

³ См., например: *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего Северо-Востока Сибири // Труды Института

но стала усиленно разрабатываться сибиреведами как раз со второй половины 1980-х гг. (и успешно продолжается по сей день)¹.

3. «Ветер перемен» и его отражение в коллективных трудах

В 1990-е гг. сошли на нет последние идеологические ограничения, и появилась реальная возможность разрабатывать историю военной колонизации Сибири так же подробно, как и историю ее хозяйственного освоения. В 2002 г., сравнивая «старую» и «новую» ситуацию в сибиреведении, известный новосибирский историк Д. Я. Резун писал: «В советское время господствующей точкой зрения стало мнение, что присоединение Сибири в 17 в. — это сложный исторический процесс, в котором сочетались как элементы военного завоевания, так и моменты добровольного присоединения отдельных сибирских аборигенных народов в состав Российского государства. При этом основное внимание исследователей уделялось крестьянской колонизации, а не служилой, для которой главной как раз и была военная сторона процесса. Поэтому и работ, в которых бы освещались походы и сражения служилых людей с “немирными иноземцами”, было очень мало. Определенную роль играл и идеологический прессинг со стороны властей, которые боялись, что подобными исследованиями подорвется “вечная дружба народов”. Сегодня, когда идеологический фактор

этнографии. Новая серия. Т. 35 (Сибирский этнографический сборник. Вып. 2). М.; Л., 1957. С. 99–107.

¹ Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987; *Соловьев А. И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987; *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986; *он же.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991; Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху Средневековья. Новосибирск, 2001; *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX вв.). СПб., 2003; Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004; *Митько О. А.* Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004; *Мясников В. Ю.* Военное дело кочевников Восточной Сибири в XVII — начале XVIII вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006; *Шлюшинский А. В.* Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVIII вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2007 и др.

несколько спал, можно более спокойно посмотреть на эту сторону колонизации Сибири»¹.

Показателем серьезных сдвигов в концептуальных подходах к проблемам обычно являются коллективные труды, и в нашем случае «ветер перемен» отразился на них быстро и самым непосредственным образом.

Например, в роскошно изданной в 1994 г. книге по истории Сургута получила довольно подробное освещение и жизнь казачьего населения города². А в первом томе «Истории Курганской области» (вышел в 1995 г., ответственный редактор Н. Ф. Емельянов) уже во введении был брошен упрек (не вполне, правда, справедливый) А. А. Кондрашенкову за его мнение о преимущественно мирном характере заселения Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. (автор — С. Н. Шилов, — видимо, не ознакомился с очерком А. А. Кондрашенкова «Русская колонизация Зауралья»)³.

Там же было выражено одобрение точке зрения А. Ю. Огурцова, показавшего рядом вышедших в 1990 г. работ «невозможность игнорирования военного противостояния между русским и кочевым миром как важного фактора присоединения Сибири к Российскому государству»⁴. А в главе «Заселение Южного Зауралья в XVII–XVIII вв.», написанной В. В. Менщиковым, упрек брошен уже всей нашей историографии — за «отсутствие специальных работ, посвященных изучению характера вооруженных столкновений между русскими и коренным населением», что, по мнению автора главы, «объективно создает иллюзию бесконфликтности присоединения Сибири».

Полагаю, что уже приведенный в моей работе материал свидетельствует об излишней категоричности этого утверждения, но оно, по признанию В. В. Менщикова, было важно, чтобы выступить против утвердившегося в отечественном сибиреведении тезиса о мирном характере присоединения Сибири. По мнению

---

¹ Резун Д. Я. Люди на сибирском фронтире в 17 в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 19.

² Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994 (авторы соответствующих разделов Е. М. Главацкая, Н. А. Миненко, А. Т. Шашков).

³ История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Курган, 1995. Т. 1. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

Менщикова, «данный тезис если и верен в отношении всего сибирского субконтинента, то для отдельных регионов он требует существенной корректировки»¹.

Еще более суров в общих оценках предыдущего периода нашей историографии был вышеупомянутый новокузнецкий историк Ю. А. Огурцов². По его мнению, «преимущественно внимание к русской крестьянской колонизации привело к известному перекосу в отечественной историографии в сторону бесконфликтности “присоединения” Сибири к России. Порою случались даже весьма анекдотичные случаи. Например, внимание некоторых исследователей к разноплановой деятельности военно-служилых людей за Уралом воспринималось остальными историками довольно прохладно, если не сказать подозрительно, ибо именно казаки в первую очередь являлись главным инструментом военного насилия. Робкие попытки Н. И. Никитина реабилитировать сибирских служилых людей привела к тому, что Н. А. Миненко вообще отказала им в праве на существование, сблизив их с крестьянами, лишь на том основании, что некоторая часть служилых людей вышла из крестьянства. Другие исследователи колонизации упорно пытались доказать, что крестьяне часто шли впереди военных отрядов, прокладывая им дорогу среди неприятелей». «Русским крестьянам никогда бы не удалось распахать пашни в плодородных степных и лесостепных районах Южной Сибири без поддержки армии и государства», — пишет далее Ю. А. Огурцов, и в этом он, безусловно, прав, но если характеризовать его подход к историографии проблемы в целом, то здесь явно имеет место ее упрощенная, утрированная трактовка, пусть и при абсолютно верных посылах.

Подтверждением тому явилось знаменательное событие — выход в 1995 г. коллективного труда «История казачества Азиатской России» в 3-х томах. Первый из них (ответственный редактором которого стала столь порицаемая Ю. А. Огурцовым Н. А. Миненко) был посвящен периоду с XVI по первую половину XIX в.³ В нем были обобщены наработки нескольких

---

¹ История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Курган, 1995. Т. 1. С. 104

² Огурцов А. Ю. Русская экспансия в Южной Сибири (постановка вопроса) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 3–15.

³ История казачества Азиатской России. В трех томах. Екатеринбург, 1995. Т. 1. XVI — первая половина XIX века.

поколений историков по «казачьей» тематике, включая материалы ряда конференций по истории казачества Сибири, ставших регулярными с 1990-х гг.¹ В томе охвачен широкий круг проблем, касающихся не только формирования, внутренней организации, сословно-правового статуса, состава, государственного обеспечения, быта и менталитета казаков Сибири, но и ранее практически не изучавшихся вопросов их вооружения и тактических приемов². А в историографическом разделе дается следующее заключение: «Исследователи выяснили, что после присоединения Сибири к России, в котором казачество сыграло решающую роль, сибирские служилые люди стали по своей численности важнейшей социальной категорией населения. Во многих районах Сибири вплоть до начала XVIII в. они доминировали над остальными социальными группами, в том числе крестьянами. В значительной своей части служилые люди существовали за счет собственного труда, занимаясь ремеслами, торговлей и земледелием»³.

С 1990-х гг. историками стали предприниматься попытки создать коллективные обобщающие труды о казачестве всей России, и в тех из них, что в итоге оказались успешными, определенное место обычно отводилось и казакам Сибири⁴. При всем позитивном отношении к этому явлению нашей общественной и научной жизни надо, однако, отметить, что период XVI–XVII вв. был представлен в этих работах менее всего, к тому же чисто военные стороны деятельности казачества отодвигались авторами на второй план. Видимо, они не всегда

---

¹ Как весьма ценную для подготовки обобщающего труда по истории казачества Сибири можно, например, отметить конференцию, состоявшуюся в мае 1992 г. в Томске. К нашей теме непосредственно относятся доклады, которые там представили А. Ф. Мусикович, А. А. Бродников, В. И. Кузьминых (см.: Уралосибирское казачество в панораме веков. Тезисы докладов научной конференции 18–21 мая 1992 г. Томск, 1994). Практика организации подобных конференций была успешно продолжена и после выхода «Истории казачества Азиатской России». См., например: Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Мат-лы междунар. научно-практ. конф. Тюмень, 2009; Сибирское казачество: история и современность: сб. науч. ст. Омск, 2011.

² История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 62–67.

³ Там же. С. 18.

⁴ См., например: Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. Т. 1 С. 282–306; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 301–433.

отдавали себе отчет в том, что с момента своего появления на исторической арене казаки были прежде всего воинами...

О положительных сдвигах в подходе к изучению сибирских служилых людей XVII в. свидетельствовало также появление посвященных им источниковедческих работ. Так, Д. О. Скульмовским качестве источника по ранней истории казачества Сибири проанализирована томская разборная книга 1680/81 г.¹ М. Т. Накишева рассматривает в качестве источника по самоидентификации служилых людей XVII в. их челобитные дела². А. В. Малов после изучения приходно-расходных книг Казенного приказа 1613–1619 гг. — малоизвестного, но весьма ценного источника по истории Сибири периода завершения «Смуты» — составил хронологический и алфавитный регесты пожалований за приезд в Москву березовских служилых людей и предоставил таким образом в распоряжение историков уникальный материал, важный для изучения состава гарнизона Березова начала XVII в. и просопографических исследований служилого населения этого северного города³.

В последнее время казачество Сибири не обходят вниманием и авторы научно-популярных работ, в том числе — в специальной серии, выпускаемой издательством «Вече». В них обычно подчеркивается «огромная роль» казаков в освоении Сибири, они представлены как «воины и защитники своей Родины, хранители ее восточных границ», но XVII веку — самому «героическому» периоду в истории русской Сибири — отводится до обидного мало места⁴.

---

¹ Скульмовский Д. О. Разборная книга 1680/81 г. как источник по ранней истории томского казачества // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та. Вып. 5. Нижневартовск, 2008. С. 57–65; *он же*. Томская разборная книга 1680/81 г. как источник по ранней истории сургутского казачества // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Коллективная монография. Нижневартовск, 2008. Ч. 3. С. 15–24.

² Накишева М. Т. Челобитные как исторический источник по самоидентификации служилых людей в России во второй половине XVII века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1. С. 62–65.

³ Малов А. В. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходно-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские чтения. 2015. № 10. С. 157–184.

⁴ См., например: Смирнов Н. Н. Забайкальское казачество. М., 2008.

4. Комплексные исследования индивидуального характера

Из серьезных научных исследований индивидуального (моногографического) характера, специально посвященных служилому населению и представляющих «новый период» сибирской историографии, следует в первую очередь назвать работы Ю. Г. Недбая. Основной темой его научных изысканий являлась история казачества Западной Сибири XVIII — первой половины XIX вв., но он уделял значительное внимание в своих работах и ранним периодам казачьей истории, показав при этом глубокое знание изучаемого предмета и проявив недюжинный исследовательский талант.

Ю. Г. Недбай пришел к заключению, что «без казаков в эпоху феодальной России колонизация Сибири просто-напросто не могла состояться как событие русской истории»¹. «Никакая другая социальная группа в тогдашней России выполнить этих задач не могла, — подчеркивал Недбай. — Так называемая вольнонародная крестьянская земледельческая колонизация просто-напросто не началась бы без деятельности казаков»² (термином «казаки» он, как многие сибиреведы, объединял все военно-служилые категории Сибири XVII в.). «Казачье-промысловый и казачье-земледельческий характер освоения» Ю. Г. Недбай вообще считал «специфически российским типом колонизации», имевшим «многовековую историю и традиции» и являвшимся «неотъемлемой частью русского образа жизни»³.

Рассматривая с привлечением широкого круга источников и литературы практически весь комплекс вопросов, связанных с историей служилого населения Сибири, Ю. Г. Недбай дает свое видение проблем истории казачества — порой весьма оригинальное, но не всегда бесспорное и должным образом обоснованное. И если, например, с ним нельзя не согласиться в том, что многие исследователи сильно сгущали краски, описывая «тяжелое положение» и «голодное существование» казаков (по мнению Недбая, «существовал предел их материального положения, опуститься

---

¹ Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в первой четверти XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1993. С. 17.

² Он же. История казачества Западной Сибири. 1582–1808. (Краткие очерки.) Омск, 1996. Ч. 2. С. 164.

³ Там же. С. 106.

ниже которого правительство не могло позволить, ибо теряло служилого человека...»¹), то его трактовка того места в социальной структуре русского общества, которое в XVII в. занимало казачество в целом и служилое население Сибири в частности, довольно уязвима, ибо не опровергает давно утвердившееся в литературе мнение о «промежуточном» по отношению к феодалам и народным массам положение приборных служилых людей².

...Применительно к восточносибирским регионам, как уже отмечалось, аналогичное исследование было выполнено еще в 1972 г. Г. А. Леонтьевой, но в 2012 г. оно было, наконец, издано в качестве монографии³. В историографии трудно найти пример столь долгого следования фундаментальной и концептуально важной работы к читателю. Выход этой книги в свет можно рассматривать как еще один факт признания научным сообществом важности военно-служилой проблематики для изучения истории нашей страны в целом и ее восточных окраин в особенности⁴.

Четыре десятилетия, минувшие после защиты диссертации, конечно, не прошли для ее автора бесполезно, в простом ожидании публикации. Г. А. Леонтьева дополняла свое исследование новыми материалами, привлекала много новой литературы, вышедшей по «сибирско-казачьей» тематике за эти годы, изменила структуру работы, увеличив в ней число глав и т. д. К сугубо военной истории Сибири относится, правда, сравнительно небольшая часть монографии (та, где речь идет о характере служебных обязанностей казаков, их вооружении, снаряжении и т. п.). Главное внимание автор, как и прежде, уделяет хозяйственным занятиям городского казачества Восточной Сибири — земледелию, ремеслу, промыслам и торговле, стремясь, во-первых, «подробно осветить его вклад в развитие производительных сил региона» и, во-вторых, проследить «складывание тех предпосылок и характеристик, которые будут иметь место в истории сибирского

---

¹ *Он же*. Казачество Западной Сибири в первой четверти XVIII века. С. 17.

² *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 6, 194–198; *он же*. К вопросу о социальной природе приборного войска. С. 44–59.

³ *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012.

⁴ Монография напечатана по решению Ученого Совета исторического факультета Московского педагогического государственного университета.

казачества в более позднее время»¹. И если первая из поставленных Г. А. Леонтьевой задач, восходящая к давнему стремлению автора преодолеть «оценку характера присоединения Сибири как ее завоевания и одностороннюю трактовку служилых людей как “завоевателей”»², уже не стоит так остро, как в начале 1970-х гг., то вторая задача, связанная с переменами в судьбах казачества Сибири в XVIII–XIX вв., является весьма актуальной.

Свою трактовку вопроса о влиянии «служилых людей старых служб» (по терминологии XVIII в.) на судьбы казачества Сибири XVIII–XIX вв. и его становления как сословия Г. А. Леонтьева дает в заключительном разделе монографии, озаглавленном «Post Scriptum» и представляющим собой большую аналитическую статью, в которой обобщена и проанализирована основная литература по казачеству Сибири, вышедшая в последние два десятилетия, и на этой основе сделан ряд ценных наблюдений и выводов.

Во главу заключительного раздела своей работы Г. А. Леонтьева ставит вопрос о том, в какой степени характеристики, свойственные служилым людям XVII в., перешли к казачеству XVIII–XIX вв., насколько они сопоставимы с нововведениями, определявшими его социальный статус³. В работе прослеживаются изменения, произошедшие в различных сферах жизни казачества Сибири — в его дислокации и комплектовании, в служебных обязанностях и порядке их исполнения, в государственном обеспечении и в статусе командного состава, в вооружении, хозяйственных занятиях и т. д. А касаясь последней трети XVIII в., Г. А. Леонтьева замечает, что именно «этот период для сибирского казачества стал не просто переломным, он стал для него судьбоносным, поскольку сочетал в себе интеграцию старых традиционных черт казачества с нововведенными»⁴.

«Каждый россиянин, пишущий о казаках или читающий о них, испытывает к этим людям чувство глубокого уважения и благодарности за их подвижнический труд и великий вклад в дело освоения новых территорий и защиты русских границ», — пишет Г. А. Леонтьева⁵. Относительно «каждого» — это,

---

¹ Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири. С. 621.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 273.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же.

конечно, преувеличение (ниже мы остановимся на том, как трактуются действия казаков-землепроходцев в современной литературе). Но в чем можно, безусловно, согласиться с Г. А. Леонтьевой, так это в том, что наша российская власть всегда требовала от казачества больше, чем что-то ему предоставляла¹. С одной лишь поправкой: не только от казачества...

Крупный вклад в изучение военных факторов русской колонизации Сибири вносит исследование П. Н. Бараховича о служилых людях Енисейского и Красноярского уездов XVII в., также преимущественно основанное на малоизученных и непростых в обработке архивных документах². Работу отличает глубина проникновения автора в изучаемый материал и многоаспектность его анализа. П. Н. Бараховичем детально прослежен процесс формирования служилого населения в Енисейском и Красноярском уездах, выяснено его происхождение, показаны порядок верстания и выбывания со службы, динамика численности енисейского и красноярского гарнизонов в XVII в., их структура и организация, вооружение, семейный состав и порядок расселения служилых людей. Важно, что все это подается на широком историческом фоне: автор не замыкается в обозначенных им территориальных рамках, а проводит сопоставление результатов своего исследования с аналогичными данными по другим регионам страны и приходит ко вполне обоснованному, но не часто встречающемуся в сибиреведческих работах выводу о принципиальном тождестве положения служилых людей во всех колонизируемых областях Московского государства XVII в.

Подробно описанный П. Н. Бараховичем круг обязанностей служилых людей не оставляет сомнений в их решающей роли в присоединении к России и защите сибирских земель, а разделы о побочных занятиях казаков и стрельцов показывают их большой вклад в экономическое развитие исследуемого региона. В совокупности же приведенный в монографии конкретно-исторический материал полностью подтверждает сформулированный ее автором тезис, согласно которому служилые люди, «будучи надежной опорой государства, оказались ведущей силой при

---

¹ Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири. С. 276.

² Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2016.

присоединении Сибири к России и во многом повлияли на социальный облик русской Сибири XVII столетия»¹. Большой комплекс документальных материалов, выявленных П. Н. Бараховичем в фондах Сибирского приказа и Грамот коллегии экономии РГАДА и опубликованных в «Приложении» к его работе, придает ей еще большую ценность.

В кандидатской диссертации А. Е. Ульяновой рассматривается практически весь комплекс вопросов, относящихся к истории сургутского казачества конца XVI — начала XVII вв. — от формирования, структуры, государственного обеспечения и служебных обязанностей до бытового уклада и основ духовной культуры². А Я. Г. Солодкин выпустил монографию, ставшую важным итогом изучения им гарнизонов как Сургута, так и Березова³. Положив в ее основу свои многочисленные статьи, ранее опубликованные в различных научных изданиях, он смог свести воедино и охватить глубоким исследованием широкий круг вопросов, связанных с ранней историей казачества Северо-Западной Сибири и прежде всего показать его роль в присоединении и начальном этапе освоения этого региона к Российскому государству. В монографии, несмотря на ее небольшой объем (142 стр.) нашли достаточно подробное освещение такие вопросы, как пути, источники, особенности формирования, численность и структура березовского и сургутского гарнизонов, казачья служба (как в различных районах Сибири, так и в Европейской России — в период «Смуты» начала XVII в.). Более трети объема книги отведено материалам биографического характера — о наиболее выдающихся атаманах и казаках Березова и Сургута, включая тех, кто стал родоначальником целых служилых династий в регионе. Проведенная Я. Г. Солодкиным скрупулезная работа позволяет не только во многом дополнить имеющиеся в литературе сведения о казачестве Березова и Сургута, но и внести порой важные коррективы в устоявшиеся представления о ходе служилой колонизации Северо-Западной Сибири рубежа XVI и XVII вв.

---

¹ *Барахович П. Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2016. С. 3

² *Ульянова А. Е.* Сургутское казачество в конце XVI—XVII вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Сургут, 2006.

³ *Солодкин Я. Г.* Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI—XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018.

Различные аспекты военной истории в последнее время находят всё большее отражение в работах исследователей, интересующихся не столько историей казачества, сколько широким комплексом других сибиреведческих проблем. Так, весомый вклад в изучение военных факторов колонизации Сибири внесен работами Д. Я. Резуна, вышедшими в 1990-е и в начале 2000-х гг. В них при всем разнообразии тематики военно-служилому населению, как правило, отводится видное место. В частности, проводя сопоставление колонизаций Сибири и Северной Америки, Д. Я. Резун уделил пристальное внимание вопросам, касающимся особенностям тактики сибирских служилых людей и их менталитета¹.

Военно-политические события, сопровождавшие расширение русского государства от Енисея на северо-восток Азии в 1630–1640-е гг. получили детальное освещение и взвешенные оценки в монографии известного якутского историка В. Н. Иванова, который рассматривает этот процесс как «открытие русскими служилыми людьми “Якольской земли” и начальный этап ее освоения», как «продолжение сибирской одиссеи, начавшейся еще в XVI в.»².

В монографии В. В. Тrepавлова «Сибирский юрт после Ермака» рассматривается борьба потомков хана Кучума с Российским государством³. В ходе этого исследования автором проанализированы важные эпизоды военной истории Сибири XVII в. и предметно показан военный потенциал противоборствующих сторон.

Получившие распространение в 1960 — начале 1980-х гг. комплексные исследования социально-экономической истории отдельных сибирских регионов, отводящие их служилому населению не меньшее место, чем другим социальным группам (и тем самым фактически положившие начало его «реабилитации» в историографии, как это было в упоминавшихся выше работах

---

¹ Резун Д. Я. Люди на сибирском фронтире в 17 в. С. 19–29; он же. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 49–62.

² Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999.

³ Тrepавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака. М., 2012.

В. А. Александрова, А. Н. Копылова, Н. Ф. Емельянова и др. историков), продолжились, пусть и с меньшей интенсивностью, и в 1990-е, и в 2000-е гг. В результате в научный оборот было введено еще больше материалов, показывающих, сколь видное место занимали военно-служилые люди во всех сферах деятельности русского населения Сибири в XVII в.

Примером может служить небольшая, но весьма содержательная монография А. А. Бродникова о Енисейском уезде XVII в.¹ В ней поднят хотя и широкий круг вопросов, связанных с историей русской колонизацией Сибири, но автором явно преследовалась цель показать прежде всего место служилых людей в этом процессе. Книгу несколько обесценивает отсутствие справочного аппарата, обусловленное, видимо, популярным характером и небольшим объемом работы (7,5 п. л.), но этот недостаток в значительной мере компенсируется «Приложениями», где публикуются (в том числе впервые) документы, относящиеся к самым различным сторонам жизни енисейцев в XVII в.

Более широкий круг вопросов, имеющих прямое отношение к истории казачества Сибири, рассматривается А. А. Бродниковым уже в другой монографии, также посвященной Енисейску и Енисейскому уезду XVII в. и по сути дела представляющей собой серию очерков, затрагивающих ряд аспектов, крайне важных для понимания специфики положения служилого человека в Сибири на раннем этапе ее освоения русскими людьми. В этом исследовании, построенном прежде всего на основе малоизвестных архивных материалов, показаны процесс формирования енисейского гарнизона, его структура и взаимоотношения рядовых казаков с «начальными людьми» и воеводами, роль служилых людей в присоединении к России земель по правобережью и левобережью Енисея, а также в Приангарье. Отдельные разделы отведены вопросу о вооружении енисейских казаков и перипетиям печально известной экспедиции Я. И. Хрипунова, направленной на поиск серебряной руды, но вылившейся в цепь совершаемых по пути следования преступлений².

Публикация документальных материалов в «Приложениях» к своим работам — весьма позитивная тенденция современного

---

¹ Бродников А. А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда. [Красноярск], 1994.

² Он же. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск, 2019.

сибиреведения, благотворно сказывающаяся и на изучении истории служилого населения. В монографии И. П. Каменецкого об освоении русскими Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. в «Приложении» тоже воспроизведен крайне ценный, интересный источник — «Разборный список» личного состава кузнецкого гарнизона на 1681 г., позволяющий составить достаточно полное представление прежде всего о происхождении служилых людей (о местах «выхода», этнической принадлежности и т. п.), военной карьере и государственном обеспечении каждого из них¹.

А в основной части работы получили отражение практически все вопросы, относящиеся к военным факторам колонизации Сибири XVII в.: хорошо показаны сложность военно-политической обстановки на юге региона в этот период, этапы и особенности заселения и освоения территории Кузнецкого уезда русскими, среди которых решительно преобладали служилые люди. Монография И. П. Каменецкого позволяет составить четкое представление о структуре, динамике численности, источниках роста и внутренней организации кузнецкого гарнизона, о круге обязанностей и побочных занятиях служилых людей, о характере их взаимоотношений с воеводской администрацией. Из исследования совершенно очевидна ведущая роль служилого населения в освоении региона, выражавшаяся и в чисто хозяйственной сфере — земледелии, «торгах и промыслах».

В небольшой монографии Ю. М. Гончарова и А. Р. Ивонина об истории Тары ее гарнизону посвящен специальный (первый) раздел, где делается вывод, что в конце XVI — начале XVIII вв. Тара была преимущественно служилым городом². Уделено немало внимания казачеству и в монографии А. А. Крих, посвященной изучению этнических аспектов истории русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XX вв.³

Капитальное исследование А. Р. Артемьева также носит региональный характер, но охватывает гораздо большую территорию,

---

¹ *Каменецкий И. П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири.) Омск, 2005. С. 279–320.

² *Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р.* Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX вв. Барнаул, 2006. С. 17–40.

³ *Крих А. А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск, 2012.

будучи посвящено истории Забайкалья и Приамурья¹. Автором рассматривается характер продвижения казачьих отрядов по этому региону в XVII в., а на основе археологических, письменных и картографических материалов выясняются даты и условия возведения русских зимовий, острогов и городов, производится реконструкция различных типов оборонительных сооружений и делается вывод, что оборонное зодчество в Забайкалье и Приамурье вобрало в себя лучшие традиции градостроения Европейской России, позволяющие служилым людям в зависимости от преследуемых целей строить наиболее экономичные и подходящие для местных условий укрепленные пункты.

А. Р. Артемьев (вслед за общепризнанным специалистом по истории сибирского города XVII в. О. Н. Вилковым) с полным на то основанием подвергает сомнению правомерность господствующей в советской историографии точки зрения, согласно которой городом может считаться лишь такое поселение, где основным занятием жителей являлись торговля и промышленность. В XVII в. главной для сибирских городов, как подчеркивает А. Р. Артемьев, стала военно-административная функция, и от этого они не переставали быть городами в полном смысле слова.

Проводимые А. Р. Артемьевым исследования были продолжены и углублены группой историков и археологов, обратившихся к изучению краткой, но яркой и насыщенной бурными событиями истории Албазинского острога и Албазинского уезда. Результаты этой работы были обобщены в вышедшей под редакцией А. П. Забияко и А. Н. Черкасова великолепно оформленной коллективной монографии, в которой нашли отражение многие стороны реальной жизни служилого населения края — от социальной структуры и семейных отношений до внешнего облика осваивавших Дальний Восток первопроходцев².

Весьма широкий круг вопросов, непосредственно связанных с историей сибирского казачества, получил детальное освещение

---

¹ *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.

² *Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья.* Новосибирск, 2019. Екатеринбург, 2018.

и в капитальной монографии Е. В. Вершинина о русской колонизации Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв.¹

Несмотря на общее снижение интереса историков к хозяйственным занятиям служилых людей Сибири, наблюдаемое в последние годы, некоторые исследователи продолжают специальную разработку этой тематики, наглядно демонстрируя, что и она далеко не исчерпана. Например, А. А. Люцидарская рассматривает этот круг вопросов применительно к такой категории сибирского населения, как «казацкие дети»², А. А. Чурсина — применительно ко всему служилому населению Томского и Кузнецкого уездов, а всестороннее изучение ею судеб потомков служилых людей и их вклада в дальнейшее освоение Сибири следует отметить особо и признать несомненной творческой удачей³.

Нельзя, наконец, не остановиться еще на одном направлении исследовательской работы сибиреведов. Оно посвящено изучению биографий конкретных представителей сибирского служилого мира, является традиционным для сибирской историографии, но с 1990-х гг. по мере преодоления «обезличивания» нашей истории становится все более популярным и тоже поднимается на новый уровень.

Д. Я. Резун много лет занимался составлением именного и биографического словаря сибирских служилых людей и частично опубликовал его в различных изданиях⁴, а усилиями его

---

¹ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018.

² Люцидарская А. А. Наследники славы сибирских первопроходцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 133–141.

³ Чурсина А. А. Участие служилых людей Западной Сибири в торговле и промыслах (по материалам таможенных книг Томска и Кузнецка XVII в.) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2005. № 288. С. 113–117; она же. Служилые люди Томского уезда: хозяйственная деятельность и структура семьи в первой четверти XVIII в. // Там же. 2009. № 4. С. 17–26; она же. Изменение сословного статуса служилых людей Западной Сибири и их потомков в процессе хозяйственной деятельности (на материалах Томского и Кузнецкого уездов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 5–7.

⁴ Резун Д. Я. Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 67–77; он же. Именной биографический словарь служилых людей // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2000. Вып. 3. С. 142–146. Новосибирск, 2003. Вып. 5. С. 184–194. Новосибирск, 2004. Вып. 6. С. 85–95 (в 1, 2 и 4 выпусках аналогичные списки составили ученики Д. Я. Резуна — И. Р. Соколовский и З. В. Башкатова).

учеников (и прежде всего — И. П. Каменецкого) этот весьма объемный (в 124 п. л.) биобиблиографический словарь был опубликован полностью, став ценнейшим пособием для изучения ранней истории казачества Сибири¹ По материалам своей «Генеральной картотеки» он, кроме того, издал научно-популярную книгу, в которой жизнь и деятельность наиболее видных и известных представителей сибирского служилого мира была показана всесторонне — насколько позволяла источниковая база исследования².

Книга Г. А. Леонтьевой о Ерофее Хабарове насыщена множеством военных эпизодов его похода на Амур и, несмотря на популярный характер, вводит в научный оборот ряд уникальных документов по истории борьбы Российского государства за Приамурье в XVII в.³ Столь же добротным является и ее исследование о «Камчатском Ермаке» — Владимире Атласове⁴. Этот жанр в современном сибиреведении представлен работами еще ряда исследователей⁵, но многие выдающиеся представители сибирского служилого мира еще ждут своих биографов.

---

¹ Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века: биобиблиографический словарь. М.; СПб., 2020.

² Резун Д. Я. Родословная Сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.

³ Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991.

⁴ Она же. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997.

⁵ См., например: Бродников А. А. Из истории казачьих фамилий // Казаки России (проблемы истории казачества). М., 1993. С. 81–86; она же. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (Опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227; она же. Третье поколение Перфирьевых (Из истории сибирских служилых династий XVII века) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8. С. 27–34; Сергеев О. И., Чернавская В. Н. Казак М. В. Стадухин — исследователь Северо-Востока Азии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1998. Т. 3. С. 56–69; Зуев А. С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 173–183; Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999; она же. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 51–87; Вершинин Е. В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49; она же. Жил-был раньше такой атаман // Родина. 2004. № 5. С. 30–33; она же. Челобитные сибирских служилых людей XVII в. (Материалы

5. Отдельные группы служилого населения XVII в. в исследованиях современных сибиреведов

Одним из путей изучения структуры сибирских гарнизонов стали работы, посвященные отдельным категориям служилых людей и представленные, главным образом, статьями в журналах, альманахах и сборниках научных трудов. Так, В. Д. Пузанов обратился к исследованию источников формирования, социального и этнического состава и положения «служилой аристократии» Сибири — детей боярских и дворян — самой, пожалуй, неоднородной по происхождению группе сибирского населения XVII в.¹

Весьма востребованной в последние годы стала тема «Служилые иноземцы в Сибири»: видимо, это явилось следствием оживления наших контактов с зарубежными коллегами. Одним из пионеров в ее разработке стал Д. Я. Резун, специально посвятивший несколько работ выходцам из стран Западной Европы, оказавшимся волею судеб на военной службе в Сибири². Однако на качественно новый уровень эта тема была поднята в кандидатской диссертации (а затем и монографии) его ученика И. Р. Соколовского³. В ней тщательно исследован широкий комплекс вопросов, относящихся к положению этой категории сибирского

к биографиям) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. [Вып. 5]. С. 15–25; *Соколовский И. Р.* Челобитная сибирского служилого человека Астафия Михалевского (1636 год) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 114–119; *Каменецкий И. П.* «Службы» сына боярского Севастьяна Самсонова и его потомков в Сибири в XVII — начале XVIII вв. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12). С. 63–68.

¹ *Пузанов В. Д.* Дети боярские и дворяне Западной Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 34–56.

² *Раев Д. В., Резун Д. Я.* «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 37–45; *они же.* О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 13–21; *Резун Д. Я.* Выходцы из стран Западной и Центральной Европы на русской казачьей службе в Сибири в XVII в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. (Мат-лы научн. конф.). Новосибирск, 1996. С. 83–86.

³ *Соколовский И. Р.* Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; *он же.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004.

населения XVII в. — от источников формирования до адаптации к новой жизни в Сибири. В порядке сопоставления с русскими войсками И. Р. Соколовский подробно рассматривает особенности вооружения, военной организации и тактики западноевропейских армий и прежде всего — польской, поставлявшей в Сибирь (как правило, через ссылку пленных) основной контингент «служилых иноземцев». Он делает вывод, что оказавшиеся за Уралом выходцы из западноевропейских стран обычно являлись, по сравнению с большинством сибирских казаков, более умелыми и опытными воинами, но их преимущества как высоких профессионалов своего дела зачастую сводилось на нет условиями сибирской службы¹.

Обратившийся к той же тематике Я. Г. Солодкин остановился на предыстории и начальном этапе формирования за Уралом подразделений, состоящих из «литовских людей»². Он отметил ряд допускаемых коллегами неточностей, приводящих, в частности, к преувеличению значения «литовского фактора» в сибирской истории, а также усомнился в справедливости разделяемого большинством историков мнения о сибирской «литве» как категории населения, состоявшей в основном из ссыльных военнопленных, однако аргументировал свою позицию практически лишь ссылкой на «многочисленность очутившихся тогда в Сибири недавних подданных Речи Посполитой»³, что, конечно, недостаточно для доказательства такой точки зрения.

«Литовская» тематика в последнее время привлекает внимание не только историков, но и специалистов по другим проблемам сибиреведения. Например, археологи Ю. С. Худяков и А. Ю. Борисенко посвятили статью изучению участия в присоединении Сибири к России в конце XVI — начале XVII вв. военных специалистов из западноевропейских стран⁴. Несмотря на небольшой объем работы, ее авторы смогли достаточно полно

---

¹ Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 109–118.

² Солодкин Я. Г. «Литовские люди» на военной службе в Сибири в конце XVI — первой трети XVII века (К ранней истории формирования служилого населения Азиатской России) // Вестник Воронежского гос. ун-та. История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 94–98.

³ Там же. С. 96.

⁴ Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Европейские военные специалисты в российских войсках в Сибири в конце XVI–XVII вв. // Aus Sibirien — 2011: научно-информационный сборник. Тюмень, 2011. С. 46–48.

осветить это участие, иногда, правда, допуская весьма вольные толкования источника (так, они пишут, что Строгановы отправили в поход с Ермаком триста человек «немцев и литвы», в то время как в летописи в это число включены также татары и русские, а столь большую численность строгановских людей, приданных дружине Ермака, историки, включая цитируемого авторами Р. Г. Скрынникова, считают явным вымыслом¹).

Еще больше нареканий вызывают работы С. Г. Филя, в которых рассматривается деятельность выходцев из Речи Посполитой за Уралом в «пионерский период» освоения Сибири². Будучи написанными на основе довольно слабой источниковой и историографической базы (в них, например, не используется упомянутая выше монография И. Р. Соколовского, зато есть отсылка на популярную и непрофессионально написанную книгу В. П. Грицкевича «От Немана к Тихому океану»), они содержат немало неточностей и прямых ошибок. Здесь и многократно завышенные цифры численности «литвы» в Сибири, которые и в самом деле «просто поражают», но не соответствуют историческим реалиям; и причисление «казаков литовского списка» к служилым «по отечеству», а не «по прибору»; и утверждение, что они чаще всего жили «обособленно и компактно» в «литовских слободах», а сибирская администрация четко различала «литвинов» и «поляков»; и ошибочное причисление к этническим «литвинам» как представителей знатных и широко известных на Руси фамилий³, так и вообще всех служилых, находившихся в «литовских списках» (хотя хорошо известно, что в них часто включали русских и представителей других народов⁴).

Немало неточностей и натяжек при разработке той же темы допущено и Г. Ю. Колевой, и главная причина тому все

---

¹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 204.

² Филь С. Г. Казаки «литовского списка» // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Материалы международной научно-практической конференции. Тюмень, 2009. С. 186–198; *он же*. Казаки «литовского списка» в Сибири XVI — начала XVIII столетий // Тобольск и вся Сибирь. № 14. Сибирское казачье войско. [Тобольск, 2011]. С. 209–215.

³ Солодкин Я. Г. Первые государевы воеводы в Сибири // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 48.

⁴ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 39–41; *он же*. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX вв. М., 1991. С. 47–73.

та же — слабое и зачастую поверхностное ознакомление с источниками и литературой по истории служилого населения Сибири. Судя по опубликованному в 2014 г. очерку, труды Д. Я. Резуна и И. Р. Соколовского об оказавшихся за Уралом в XVII в. выходцах из западноевропейских стран остались Г. Ю. Колевой неизвестны, а из моих работ она использовала лишь популярную статью в «Военно-историческом журнале» за 1994 г. (№ 1), не всегда верно ее к тому же трактуя¹.

Не стала сильной стороной работы Г. Ю. Колевой и попытка раскрыть избранную тему с помощью материалов по истории Речи Посполитой. Они, в частности, подтолкнули исследовательницу к ничем не подкрепленному (и противоречащему хорошо известным фактам) заключению, согласно которому в Сибири первой половины XVII в. «казаки “литовского списка” — это вынужденно или добровольно перешедшие на русскую службу... реестровые казаки с территории Польско-Литовского государства», а во второй половине столетия «понятие “литовского списка казаки”... объединяло всех, кто корнями был связан с происхождением не русским»².

«Литва» и прочие иноземцы «западного» происхождения находятся в поле зрения и тех исследователей, которые ставят перед собой задачу изучить этнический состав сибирских служилых людей в целом. В посвященной этому вопросу весьма содержательной статье А. С. Зуева и А. А. Люцидарской вместе с тем устанавливается примерная численность представителей всех нерусских народов в составе сибирских гарнизонов XVII в. и отмечается, что «роль полиэтничной когорты служилых “иноземцев” в русском движении “встречь солнцу” было намного выше их удельного веса». Объяснения этому вполне убедительны: «бывалые воины, знавшие ратное дело и умевшие воевать, имевшие опыт общения с вольнолюбивым шляхетством и казачеством или со своевольными наемниками, в своем большинстве грамотные и нередко образованные, они умели находить общий язык и с воеводской администрацией, и со служилым “войском”»³.

---

¹ Г. Ю. Колева. Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 387. С. 127–136.

² Там же. С. 131–132.

³ Зуев А. С., Люцидарская А. А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI–XVIII века // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 52–69.

В той же работе А. С. Зуев и А. А. Люцидарская провели «типологическую классификацию» различных способов привлечения русскими сибирских аборигенов к военной службе «великому государю», отметив, что «иноземцы» могли выступать как в качестве союзников русских в ходе военных предприятий, так и создавать отдельные подразделения в составе сибирских гарнизонов или зачисляться в различные категории служилых людей на индивидуальной основе.

Эта классификация была взята на вооружение А. В. Дмитриевым, который, основываясь преимущественно на уже введенных в научный оборот, но вполне репрезентативных материалах, проанализировал практику ее реализации в различных районах Сибири конца XVI — начала XVIII вв. и выяснил зависимость выбора той или иной «модели» военного сотрудничества с аборигенами от военно-политической ситуации, складывавшейся в конкретном регионе Сибири в тот или иной период. Отталкиваясь от множества конкретных эпизодов сибирской истории, свидетельствующих о помощи казачьим отрядам со стороны татар, хантов, аринцев и качинцев, якутов, тунгусов, юкагиров, ительменов, А. В. Дмитриев отмечает, что помощь эта нередко осуществлялась аборигенами по собственной инициативе (как правило, в расчете на заступничество и поддержку в борьбе с враждебно настроенными соседями) и имела две основные формы: участие в боестолкновениях наряду с русскими или обеспечение их продовольствием, транспортом и другими «материальными ресурсами». Оценивая в целом военную поддержку аборигенов, А. В. Дмитриев заключает, что она хотя и не была для русской стороны постоянным и устойчивым явлением, но оказывалась «весьма значимым фактором», обеспечивавшим ей успех в достижении поставленных целей¹.

Социальный и национальный состав служилых людей Сибири конца XVI–XVII в. заинтересовал С. Н. Зинченко — атамана

---

¹ Дмитриев А. В. Военное сотрудничество русской государственной власти и народов Сибири в конце XVI — начале XVIII вв.: типовые модели и их практическая реализация // Исторический Ежегодник. 2013. Новосибирск, 2013. Вып. 7. С. 210–223; *он же*. Условия, формы и механизмы вовлечения аборигенов Сибири в военные действия на стороне русских властей в конце XVI — начале XVIII вв. // Исторический ежегодник. 2014. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2014. Вып. 8. С. 169–183.

Томского станичного казачьего общества. После изучения этого вопроса по доступной ему литературе (главное место в которой заняли труды известного дореволюционного исследователя Сибирского казачьего войска генерала Г. Е. Катанаева) он написал вполне добротную статью, в которой нашла отражение реально существовавшее в рассматриваемое время социальное и этническое многообразие личного состава первых сибирских гарнизонов¹. Правда, выводы из этого материала С. Н. Зинченко делает не всегда обоснованные: например считает «сильным преувеличением» разделяемое большинством исследователей (а не только Н. И. Никитиным) мнение о северорусском происхождении большинства служилых людей Сибири XVII в. По мнению С. Н. Зинченко, «выходцы с Русского Севера — это прежде всего купцы, гулящие люди, промышленники (охотники) — вольные люди», а «основу воинского контингента Сибири составляли служилые люди центральных и восточных районов европейской части Московского государства», но это свое заключение он делает на основе всего лишь одного документа — перечня участников строительства Тарской крепости в 1594 г.²

Сибиреведами в последние годы специально изучаются самые различные этнические группы, входившие в XVII в. в состав служилого сословия России. Так, И. П. Каменецкого и А. А. Люцидарскую заинтересовали судьбы оказавшихся за Уралом выходцев из белорусских земель. При этом исследователи особое внимание уделяют «маркерам», позволяющие выделять белорусов из общей массы служилого населения Сибири, а также факторам, определяющие их места на «социальной лестнице» сибирского общества XVII в.³ И. Н. Гемуев и А. А. Люцидарская на примере хантов и манси пытаются выяснить механизмы проникновения аборигенного населения Сибири в ряды служилых

---

¹ Зинченко С. Н. Особенности социального и национального состава сибирских казаков конца XVI–XVII в. // Казаки за Камнем: историко-информационный краеведческий журнал. 2017. № 1. С. 74–81.

² Там же. С. 78.

³ Каменецкий И. П. Выходцы из белорусских земель на службе в Сибири XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 12–16; Люцидарская А. Участие белорусов в освоении Сибири в XVII — начале XVIII вв. // Белорусы в Сибири. Альманах «Тобольск и вся Сибирь». № 30 в 2 т. Тобольск, 2019. Т. 1. С. 116–130.

людей¹. З. А. Тычинских, А. О. Кауфман и некоторые другие исследователи успешно продолжают начатое еще С. В. Бахрушиным изучение истории сибирских служилых татар, причем в самых различных, в том числе военных, аспектах².

Внимание современных исследователей, конечно же, привлекают и традиционно русские категории сибирского служилого населения (даже столь малочисленные, как пушкари³), и отдельные сибирские гарнизоны, и региональные их группы. Работы по этим сюжетам разноплановы и не равнозначны по вкладу в изучение затрагиваемых проблем. Одни авторы лишь обобщают уже введенный в научный оборот материал. Другие используют ранее неизвестные источники и тем самым существенно углубляют наши представления о военной истории Сибири. Третьи находят новые ракурсы в подходе к ее освещению (например, Е. В. Леонтьев в одной из статей попытался рассматривать казачью колонизацию Красноярского уезда через призму демографических факторов, выделяя в служилой среде наиболее склонные к миграциям социальные группы⁴). Неравномерно охвачена этими исследованиями и сибирская территория. Более всего в этом отношении в последнее время «везло»

---

¹ Гемуев И. Н., Люцидарская А. А. Служилые угры. Один из аспектов русско-угорских отношений // URL: http://zaimka.ru/to_sun/ugra.shtml

² Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007 (одноименная монография З. А. Тычинских вышла в Казани же в 2010 г.); Муратова С. Р., Тычинских З. А. Служба казаков-годовальщиков на границах Западной Сибири в XVII–XVIII вв. (на примере служилых татар) // Современная наука. 2011. № 1; Шамсиева Э. Р. Ранняя история сибирских служилых татар в исследованиях З. А. Тычинских // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Материалы Всерос. научн. конф. Нижневартовск, 2013. С. 33–37; Кауфман А. О. Группа служилых татар в составе кузнецкого гарнизона (вторая половина XVII — первая четверть XVIII вв. // URL: <http://admnkz.info/document.do?id=93297>; Солодкин Я. Г. Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI–XVII вв.): военные аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 233–239.

³ Скульмовский Д. О. Пушкари в сибирских гарнизонах в конце XVI — начале XVII вв. // II Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2007. С. 57–58.

⁴ Леонтьев Е. В. О демографических условиях служилой колонизации Красноярского уезда в конце XVII–XVIII века // Историческая демография. 2019. № 1. С. 4–10.

Сургуту, что, видимо, было обусловлено тем толчком к изучению его истории, который дали юбилейные мероприятия 1994 г., посвященные 400-летию «древнего города на Оби», в том числе состоявшаяся в этой связи конференция¹.

В 2000-е гг. отдельные аспекты деятельности служилых сургутского гарнизона конца XVI–XVII вв. нашли отражение в небольших работах Я. Г. Солодкина и А. Т. Шашкова². В последнее время в исторических исследованиях неплохо представлен и гарнизон Кузнецка³. Появляются небольшие работы (своего рода «исторические миниатюры») по различным аспектам истории тобольского, пелымского, туринского, тюменского и других западносибирских гарнизонов⁴. Очевидно, это заявка

---

¹ Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. научно- прак. конф. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 1995.

² Солодкин Я. Основатели Сургута // Югра. 2001. № 1; *он же*. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002; *он же*. Сургутяне — строители первых сибирских городов и острогов // Югра. 2004. № 10; Шашков А. Т. Сургутские казаки в Забайкалье и на Амуре в 50–60 гг. XVII в. // Сургут в отечественной истории. Сб. тезисов и докладов исторических чтений. Сургут, 2005.

³ Лизогуб П. П. О начале формирования кузнецкого гарнизона // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 113–118; Огурцов А. Ю. Кузнецкий гарнизон // Кузнецкая крепость. № 1. Новокузнецк, 2004. С. 11; Кауфман А. О. Некоторые аспекты процесса формирования кузнецкого гарнизона в XVII — начале XVIII вв. // <http://www.admnkz.ru/document.do?id=93292>

⁴ Солодкин Я. Г. Гарнизон Пельма в конце XVI в. (формирование и состав) // II Емельяновские чтения: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Курган, 2007. С. 50–52; Скульмовский Д. О. К истории формирования тобольского гарнизона на рубеже XVI–XVII веков // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2007. № 18. С. 156–160; *он же*. К первоначальной истории формирования туринского гарнизона // IV Емельяновские чтения: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Курган, 2009. С. 91; Зуев А. С. Тобольский гарнизон в конце XVI — первой половине XIX вв. // Тобольск и вся Сибирь. № 14. Сибирское казачье войско. [Тобольск, 2011]. С. 47–61; Пузанов В. Д. Гарнизон Тюмени в XVII в. // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. С. 38–44; Внукова О. В. О численности служилого населения в Западной Сибири в конце XVI — начале XVII вв. // Там же. С. 30–33; Скульмовский Д. О. Функции казаков сибирских городов и острогов на рубеже XVI–XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI–XVII вв. Нижневартовск, 2006. Вып. 2. С. 57–65; *он же*. К истории формирования сибирских гарнизонов (конец XVI — начало XVII в.) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2007. Вып. 9. С. 39–48; *он же*. К истории формирования тобольского гарнизона на рубеже XVI–XVII вв. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2007. № 18. С. 156–160; *он же*. «Годовая служба» в сибирских

написание новых серьезных и капитальных исследований по «военно-служилой» проблематике.

6. Об управлении сибирскими гарнизонами XVII в. и особенностях казачьего менталитета

Почти в каждой работе по истории отдельных сибирских гарнизонов содержатся сведения, касающиеся порядка управления служилыми людьми. Еще больше таких сведений, естественно, в исследованиях, посвященных системе воеводского и местного управления в Сибири XVII в. в целом. Первой из работ такого рода следует назвать монографию Е. В. Вершинина, в которой, вопреки устоявшемуся в нашей историографии представлению о сибирских воеводах как редкостных злодеях, даются в основном положительные оценки их деятельности и обосновывается вывод, что «воеводы XVII в. были той живой нитью, которая крепко привязывала огромный край к телеге российской государственности. Через их конкретную деятельность осуществлялась государственная политика, которая не является пустым звуком». «Не стоит преувеличивать степень неприятия воеводской власти со стороны населения», — пишет Е. В. Вершинин и в подтверждение своих слов ссылается и на мнение расспрашиваемых в Москве сибиряков (главным образом служилых людей), вполне обоснованно считавших, что «во всех сибирских городех без воевод... править никоими мерами невозможно...»¹

И. П. Каменецкий в своей работе о Кузнецком уезде XVII — начала XVIII вв. также продемонстрировал нестандартный подход к традиционному для сибирской историографии вопросу о взаимоотношениях служилого «мира» и воеводской власти. Он обратил внимание не только на их противостояние, что было типично для сибиреведческой литературы, но и на тесное

городах и острогах на рубеже XVI–XVII вв. // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского гос. ун-та. Нижневартовск, 2008. Вып. 4. С. 63–69.

¹ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 146–147. Видимо, здесь нашла отражение довольно типичная для нашей страны ситуация. Как заметил современный социолог Л. Г. Бызов, «если посмотреть на особенности отношений между обществом и властью в России, то бросается в глаза очевидное противоречие. Оно проходит через всю историю страны — власть одновременно и не любят, и не могут без нее жить. То же самое наблюдается обычно и в отношении элит» (*Бызов Л.* Как обновлять элиты? // Литературная газета. 2014. № 3. С. 3).

сотрудничество, обусловленное общими целями и задачами по защите и освоению новоприсоединенного края¹. Это заключение, перекликающееся с выводами Е. В. Вершинина (в монографии о воеводском управлении в Сибири XVII в.), безусловно, требует дальнейшего осмысления...

Н. Н. Симачкова в своем исследовании также во многом опирается на наработки Е. В. Вершинина, и хотя охватывает гораздо меньший (и более ранний) хронологический период, но «военным функциям» сибирских воевод и организации службы ратных людей отводит гораздо больше места, считая эти функции одними из основных и аналогичными обязанностям казанских воевод во второй половине XVI в.²

А. А. Люцидарской на основе изучения обнаруженных ею в фонде Сибирского приказа крайне интересных челобитных дел были проанализированы непростые взаимоотношения служилого мира Томска с самой многочисленной категорией представителей местной администрации — подьячими³.

В русле изучения тех же «управленческих» проблем в последнее время исследователей все чаще привлекают сюжеты, связанные с функциями «начальных людей» и их местом в иерархии «чинов» в сибирских гарнизонах. В частности, П. Н. Барахович подробно останавливается на правах и обязанностях казачьих «голов» по отношению к подведомственным подчиненным и отмечает черты как сходства, так и отличия в их положении за Уралом и в Европейской России. Само учреждение таких должностей в Сибири он рассматривает как свидетельство усложнения системы управления местными гарнизонами ввиду их численного роста⁴. И. П. Каменецкий обратился к изучению более низкого по значимости «приказного чина» — казачьих атаманов. Убедительно показав важность их роли в жизни сибирских гарнизонов и в выполнении задач по присоединению и освоению сибирских земель, он вместе с тем выдвинул ряд

---

¹ *Каменецкий И. П.* Русское население Кузнецкого уезда. С. 202–252, 259.

² *Симачкова Н. Н.* Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI — начале XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002.

³ *Люцидарская А. А.* Некоторые реалии из жизни бюрократии XVII века (по материалам Сибирского приказа) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 181–191.

⁴ *Барахович П. Н.* Казачьи головы в Центральной Сибири XVII — начала XVIII столетия (Енисейск, Красноярск) // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та. 2014. № 4. С. 151–158.

недостаточно обоснованных конкретно-историческим материалом положений — о том, что атаманы, по сравнению с другими представителями служилой верхушки, были гораздо ближе к основной массе рядового казачества и являлись носителями демократических традиций¹.

Для некоторых историков система управления сибирскими гарнизонами в XVII в. стала самостоятельным объектом изучения. Так, Я. Г. Солодкин рассматривает в этом аспекте гарнизоны Сургута, Березова и Мангазеи, часто к тому же придавая своим исследованиям просопографический уклон². Е. А. Тимохин исследует ту же проблему в несколько необычном для сибиреведов ракурсе — через призму правового сознания и правового поведения человека XVII в., что дает возможность не только составить представление о взаимоотношениях представителей воеводской администрации с личным составом сибирских гарнизонов, но и приблизиться к пониманию мировоззрения служилого населения Сибири XVII в.³

Один из любопытных аспектов этой проблемы стал предметом исследования М. Т. Накишовой, пытающейся рассмотреть вопрос о социальной самоидентификации служилых людей Сибири XVII в. по материалам их челобитных⁴.

---

¹ *Каменецкий И. П.* Атаманы Сибири в XVII в. (к социальному портрету сибирских военачальников) // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Исторические науки и археология. Электронный научный журнал. 2018. № 4(28). С. 151–162.

² *Солодкин Я. Г.* Начальные люди // Тобольск и вся Сибирь. № 2. Тобольск, 2004; *он же.* Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 10–14; *он же.* Воеводы и письменные головы Мангазеи первой половины XVII века (Новые материалы) // Там же. С. 16–18; *он же.* Атаманы и дети боярские Березова середины 1590-х — 1620-х годов (К ранней истории первого русского города в Югорской земле) // Вестник «Альянс Архео». 2017. № 21. С. 3–12.

³ *Тимохин Е. А.* Отписки сибирских воевод как исторический источник по реконструкции правовых представлений // II Емельяновские чтения. С. 58–59; *он же.* Награды за службу глазами тюменских воевод первой половины XVII века // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 22. История. Вып. 46. С. 21–29; *он же.* Правовое поведение русского служилого населения Западной Сибири (первая половина XVII в.): Тенденции развития и трактовка по данным законодательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 3. С. 196–200.

⁴ *Накишова М. Т.* Служилые люди Сибири: Маркеры социальной самоидентификации во второй половине XVII века // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия. М., 2017. С. 6–11.

Работы, так или иначе связанные с изучением менталитета казачества Сибири, теперь выходят довольно часто, находясь в русле одного из наиболее популярных ныне направлений отечественной историографии. Сибиреведы выходят на эту проблематику, касаясь самых различных аспектов изучения военной истории, но в последнее время всё чаще посвящают вопросам менталитета служилых людей и специальные работы. Особое место среди них занимает исследование С. В. Путилина. Будучи основанном на изучении летописей и делопроизводственной документации, выполненное с использованием компьютерных технологий, оно является не простым для восприятия, но весьма интересным и полезным, ибо заполняет серьезную лауну в наших знаниях о мировоззрении и психологии казачества Сибири XVII в. С. В. Путилин констатирует наличие специфического самосознания и мировоззрения у сибирских служилых уже в конце XVI в., дает характеристику их представлениям о религии и окружающем мире, о принципах социальной организации, а также рассматривает в контексте развития мировоззрения особенности взаимоотношений служилых людей с аборигенным населением¹.

Последний вопрос вообще весьма активно разрабатывается современными сибиреведами. Можно назвать в этой связи работы А. А. Бродникова, А. С. Черткова, Е. А. Багрина, Н. А. Березикова². Они, естественно, различаются и по объему, и по способам

---

¹ Путилин С. В. Служилое население Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII вв.: Историко-мировоззренческий аспект. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

² Бродников А. А. Побег Звероула. Из истории русско-тунгусских отношений на Илимском волоке // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Бахрушинские чтения 1998 г. Новосибирск, 2001. С. 39–48; Чертков А. С. Казаки — проводники ясачной политики (середина XVII века) // Исторические науки. 2007. № 3. С. 33–34; *он же*. Тактика «прииска» казаками неясачного населения северо-востока Азии (вторая половина XVII в.) // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 3. С. 60; Багрин Е. А. К вопросу о насилии русских по отношению к коренному населению Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 100–108; Березиков Н. А. Восприятие казаками-землепроходцами сибирских аборигенов (на примере экспедиции Афанасия Путипча в Брацкую землю) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. 15. № 1. С. 419–422; *он же*. Казаки-

подачи материала, и подходами к его анализу, но их авторы едины в отнюдь не оригинальном мнении о «сложном» характере русско-аборигенных отношений в рассматриваемое время, хотя и трактуют эту «сложность» по-разному.

Так, Е. А. Багрин, отметив, что отношения русских и коренных жителей «были весьма многогранны и неоднозначны и включали в себя как светлые, так и темные стороны», делает акцент на их «темной» стороне. А. А. Бродников приходит к заключению, что «являвшиеся для тунгусов вполне нормальными и обыденными нападения с целью захвата имущества на всех, кто был иного рода или не представлял интереса как союзник, вызывали у русских ощущение полного хаоса», а причины сбоев в тактике «замирения» тунгусов видит главным образом в сугубо «ментальной» сфере — корыстолюбии, беспечности служилых людей, в отсутствии у них опыта взаимоотношений с аборигенами. Соображение, может быть, и верное, но для его обоснования явно недостаточно лишь одного (приведенного автором) примера из истории русско-тунгусских отношений.

Еще менее обоснованными выглядят «стержневые характеристики менталитета» и «стереотипы межкультурного взаимодействия» казаков и сибирских аборигенов, приведенные в упомянутых статьях Н. А. Березикова. Весьма небольшой объем его работ и скудость их источниковой базы предопределяют и предварительный характер основных выводов автора...

Менталитет служилых людей исследуется в современном сибиреведении, разумеется, не только в контексте их взаимоотношений с аборигенным населением. Внимание историков привлекают и отношения сибирских казаков с торговыми и промышленными людьми¹, и жизнеописания служилых людей сибирских гарнизонов². Весьма любопытна небольшая статья

землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 59; *он же*. Образ дороги-реки в донесениях казаков-землепроходцев Сибири XVII века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. № 1. С. 277–279.

¹ *Чертков А. С.* Отношения служилых с торговыми и промышленными людьми (вторая половина XVII в.) // Исторические науки. 2007. № 2. С. 24–25.

² *Березиков Н. А., Люцидарская А. А.* Человек и социум: жизнеописания служилых людей сибирских гарнизонов XVII — начала XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 39–45.

Н. А. Березикова и А. А. Люцидарской о знаменах сибирских казаков-землепроходцев¹: она однозначно и убедительно свидетельствует, что сибирский материал не подтверждает мнение некоторых современных историков о чисто «функциональном» (утилитарном) значении казачьих знамен в XVII в., воспринимаемых лишь как элемент управления войсками во время боя². Как показывает исследование Н. А. Березикова и А. А. Люцидарской, в Сибири знамена для казаков имели преимущественно сакральное значение, являясь «знаковым символом духовной и воинской культуры», «мощным оберегом», «центральным объединительным атрибутом микромира сибирского казачества».

Широкий круг вопросов, относящихся к проблемам менталитета сибиряков, поднят кандидатом культурологии Л. В. Дмитриевой при исследовании антропологии Тобольска конца XVI — начала XVIII вв.³. Поставив своей задачей реконструкцию социокультурного облика сибирского поселенца, стоявшего у истоков местной городской культуры, Л. В. Дмитриева в качестве объекта исследования выбрала служилых людей, вполне правомерно исходя из того, что они «явились основной градообразующей массой населения Тобольска, как и прочих первых городов за Уралом». Она характеризует сибиряка как «особый психологический тип» и отмечает в нем «высокий элемент пассионарности», сохранившийся, по мнению Л. В. Дмитриевой, «от традиций вольного казачества». Как полагает исследовательница, «экстремальные условия жизни, с одной стороны, и ее социальная привлекательность — с другой, приводили в ряды первых сибирских поселенцев немало сильных, смелых и вольных людей. Тем самым складывался уникальный этнический генфонд и особая духовная общность»⁴.

Л. В. Дмитриева назвала казачество «озоновым слоем российской цивилизации, воспринимающим культурный опыт

---

¹ Березиков Н. А., Люцидарская А. А. Знамена сибирских казаков-землепроходцев // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2013. № 2. С. 14–16.

² Малов А. В. Казачьи знамена на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Старый цейхгауз. № 50 (6/2012). С. 4–9.

³ Дмитриева Л. В. Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI — начала XVIII веков // Известия Российского гос. пед. ун-та им А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки (Философия). 2005. Т. 5. № 10. С. 299–309.

⁴ Там же. С. 305.

сопредельных народов и сохраняющим одновременно русско-христианский (шире — славяно-христианский) культурно-исторический тип», не будучи, правда, здесь оригинальной (та же мысль была, в частности, высказана А. Р. Ивониным)¹, но, обратившись за чем-то к истокам этого феномена (см. выше Очерк первый), к сожалению, продемонстрировала полную некомпетентность в этом вопросе, как и культуролог Е. М. Бородина, посвятившая свое исследование изучению традиционной культуры казачества Западной Сибири².

Непонятно, зачем для разработки обозначенной в названии диссертации темы было нужно обращаться к столь далекой от нее, крайне запутанной и политизированной проблеме происхождения казачества, но то, что Е. М. Бородина опиралась при этом на сочинения давно раскритикованных профессиональными историками дилетантов сильно портит впечатление о ее работе, несомненно, отнюдь не бесполезной для изучения менталитета служилого населения Западной Сибири XVII в., как и аналогичное исследование, выполненное А. И. Коваленко на материалах Сибири Восточной³.

В плане дальнейшей разработки этой тематики следует также отметить и признать перспективными первые попытки сравнения менталитета казаков Урало-Сибирского и Южнорусского регионов, пусть даже основанные лишь на литературе и носящие элементарный характер⁴.

7. Военно-технические и военно-тактические аспекты русской колонизации Сибири в трудах современных исследователей

Вооружение служилых людей Сибири, стратегия, тактика и характер боевых действий русских войск за Уралом — эти

---

¹ *Иволин А. Р.* Славяно-тюркское взаимодействие в Северной Евразии (XI–XX вв.) // *Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное.* Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 38.

² *Бородина Е. М.* Особенности традиционной культуры казачества Западной Сибири. Дис. ...канд. культурологич. наук. Кемерово, 2004. С. 32–38.

³ *Коваленко А. И.* Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX вв.). Благовещенск, 2008.

⁴ *Носков А. А.* Сравнение менталитета казаков Урала, Сибири и Юга России // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа в исторической ретроспективе: Сб. материалов VII научно-практич. конф. Краснодар, 2007. С. 146–150.

вопросы, как правило, обходились в нашей историографии стороной до конца 1980-х гг., а в последние два десятилетия и они стали пользоваться повышенным вниманием исследователей, отражая явно обозначившийся интерес сибиреведов к военной стороне колонизационных процессов.

Досадно, что при этом интересе экскурсии в XVII в. некоторых любителей истории сибирского казачества бывают крайне неудачны, свидетельствуя о незнании ими как раз тех работ, которые посвящены изучению вооружения сибирских войск. Так, один из учредителей Землячества сибирских казаков Омской области, преподаватель Сибирского казачьего юридического колледжа А. М. Лосунов представляет экипировку сибирских городских казаков XVII в. следующим образом: «По роду службы казаки в то время делились на пеших и конных. Обычно вооружение последних состояло из коня, пашки и рогатины. Огнестрельное оружие имелось у немногих»¹. Эти представления находятся в абсолютном противоречии с материалом представленных ниже исследований.

Военно-технические аспекты русской колонизации Сибири конца XVI–XVII вв. находят отражение в последних работах признанного специалиста по истории военного дела южно-сибирских кочевников, археолога Ю. С. Худякова. Через сопоставление военных потенциалов противоборствующих сторон и изучение взаимовлияния и взаимодействия в военной области русских с тюрко- и монголоязычными народами он вышел на военную проблематику, затрагивающую вопросы как частного (например, применение артиллерии), так и общего порядка, касающихся обороны южных рубежей Сибири в целом².

---

¹ Лосунов А. Войсковая столица // Тобольск и вся Сибирь. № 14. Сибирское казачье войско. [Тобольск, 2011]. С. 63.

² Худяков Ю. Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. № 5. С. 72–73; *он же*. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. С. 238–254; *он же*. Этнокультурные контакты и взаимодействия русских с тюркскими народами Западной Сибири в военном деле // Тюркологический сборник. 2009. № 1. С. 396–409; *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимовлияние русских казаков и тюркских народов Саяно-Алтая в военной области в эпоху позднего средневековья и Новое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. 15; Худяков Ю. С. Холодное оружие и защитный доспех в комплексе вооружения русских воинов в Сибири в XVI–XVII вв. (по

Его коллега О. А. Митько, также занимавшийся изучением военного дела народов Сибири, опубликовал в 2004 г. большую статью, в которой провел сопоставления различных элементов воинской культуры русских первопроходцев и коренных народов Северной Азии XVI–XVIII вв.¹ Им дан как общий обзор, так и детальный анализ исторических сведений из опубликованных источников и литературы, а также материалов музейных фондов, непосредственно относящихся к военной истории средневековой Сибири, описывается, оценивается и сравнивается вооружение противоборствующих сторон, их тактические приемы, физические данные и особенности менталитета воинов.

Сравнительно небольшую, но тоже весьма содержательную статью о тактике служилых людей в ходе присоединения Сибири и причинах побед русского оружия написал И. П. Каменецкий².

Участие служилых людей в присоединении к России левобережья и правобережья Енисея, в «объясачивании» и одновременно защите от нападений извне аборигенов Восточной Сибири последовательно и под различными углами зрения освещается в серии статей и монографии А. А. Бродникова³. Им же был

изобразительным источникам) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3. Археология и этнография. С. 210–218; *он же*. Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими воинами в конце XVI — первой трети XVII вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 3–7 и др.

¹ *Митько О. А.* Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 165–205.

² *Каменецкий И. П.* «Сражались умело, отчаянно...» Русская военная тактика при освоении Сибири в XVII веке // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 3–9.

³ *Бродников А. А.* Алданские события 1639 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 46–51; *он же*. Отписка П. П. Головина и М. Б. Глебова из Тобольска в Сибирский приказ (К вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 3–10; *он же*. Пребывание отряда П. Головина и М. Глебова в Енисейске (К вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 3–7; *он же*. Территория Якутского уезда: К вопросу об образовании Якутского воеводства // Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 1998. С. 3–11; *он же*. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999;

опубликован любопытный материал о проблемах с обеспечением сибирских служилых людей огнестрельным оружием в XVII в.¹, а также специально изучался вопрос об их защитном вооружении², При этом Бродниковым было высказано мнение о «поголовном использовании» казаками доспехов «на протяжении всего XVII в.» что следует, конечно, признать излишне категоричным, ибо хорошо известны сетования сибирских служилых на нехватку доспехов и объяснения ею серьезных потерь в боях с хорошо защищенным противником³. Излишне категоричны и некоторые другие утверждения А. А. Бродникова, — например, о том, что до него «проблема вооружения... оставалась за рамками интересов исследователей». На самом деле, она, конечно же, освещалась историками и раньше, пусть и недостаточно подробно⁴.

Более широко проблему вооружения русских войск за Уралом (но на материалах главным образом Кузнецкого уезда) рассматривает А. Ю. Огурцов, вновь подчеркивая собственное видение ряда вопросов сибирской истории XVII в. Он, например, в отличие от А. А. Бродникова, считает, что «отнюдь не всегда казаки имели доспехи», призывает отбросить «легенды о легкости покорения Сибири... из-за их несостоятельности», приводит в своей работе еще немало абсолютно верных суждений, далеко не всегда, правда, новых и оригинальных⁵.

Объектом специального исследования В. Ю. Мясникова стало военное дело кочевников Восточной Сибири, но попутно

он же. Присоединение правобережья Среднего Енисея к Русскому государству // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 3–9; *он же.* Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С. 23–142.

¹ *Бродников А. А.* Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 90–93.

² *Он же.* О защитном вооружении служилых людей Сибири в XVII веке // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 10–15.

³ *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 47; *Багрин Е. А.* Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 31, 121.

⁴ См., напр.: История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 64–65, 80–81.

⁵ *Огурцов А. Ю.* Оружие // URL: <http://admnkz.info/document.do?id=93291>

он касается и русских воинских формирований региона, отметив, что главной проблемой для них являлись малочисленность сил и растянутость коммуникаций и что для периода, начавшегося со второй половины XVII в., была характерна совместная борьба бурят и русских против вторжений монголов¹. А. К. Нефедкин в своей капитальной монографии о военном деле чукчей уделил русской стороне еще больше места. Он не только подробно описал ее вооружение и тактические приемы, но показал и всю сложность стоящих перед служилыми задач по присоединению к России северо-восточного «угла» Азии².

Большой вклад в изучение военной истории Восточной Сибири внес А. С. Зуев. Исходя из того, что «военное дело русских в Сибири в период ее присоединения к России представляет в историографии фактически “белое пятно”» (что надо все-таки признать некоторым преувеличением), он с начала 2000-х гг. энергично взялся за «стирание» этого «пятна» применительно к северо-востоку Азии, привлекая к своему исследованию обширный материал как из опубликованных источников и литературы, так и из различных архивных фондов. По мнению А. С. Зуева (с которым нельзя не согласиться), игнорирование этой проблематики «выглядит достаточно странно, если учитывать значение данного фактора для понимания характера самого присоединения, особенно на фоне огромного количества работ, посвященных военному делу коренных народов Сибири». Как совершенно справедливо полагает А. С. Зуев, «без изучения означенного вопроса вряд ли возможно понять, благодаря чему небольшие по численности группы землепроходцев побеждали и покоряли сибирских иноземцев, о которых сами же нередко сообщали, что они “воисты и боем жестоки”»³.

В серии весьма содержательных работ (наиболее крупной и значимой из которых является монография о присоединении

---

¹ Мясников В. Ю. Военное дело кочевников Восточной Сибири в XVII — начале XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006.

² Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб., 2003. С. 220–250.

³ Зуев А. С. Русская тактика осады и взятия «иноземческих» острожков (Из истории Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв.) // «Мы были!» Генерал фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. Мат-лы Всерос. научн. конф. СПб., 2004. Ч. 1. С. 60.

Чукотки¹) А. С. Зуев осветил широкий круг слабо изученных вопросов сибирской военной истории. В их числе — военно-политическая ситуация на крайнем северо-востоке Азии на различных этапах присоединения к России, военный потенциал русских и аборигенов (чукчей, эскимосов, коряков, юкагиров, ительменов), тактико-технические показатели их вооружения, масштаб и характер боевых действий между ними, типовая классификация сражений (полевые, осадно-оборонительные, морские и т. д.), военная организация противоборствующих сторон, тактика ведения ими боевых действий. Кроме того, А. С. Зуевым выясняется соотношение побед, поражений и потерь в вооруженных столкновениях на северо-востоке Сибири в XVII–XVIII вв., анализируются их причины и рассматриваются стереотипы военного менталитета, сказывавшиеся в том числе и на поведении сторон в бою.

Е. А. Багрин весьма успешно разрабатывает аналогичный круг вопросов на примере других восточносибирских регионов (порой, впрочем, не всегда оправданно распространяя свои выводы на всю Сибирь)².

---

¹ Зуев А. С. Диалог культур на поле боя (о военном менталитете народов северо-востока Сибири в XVII–XVIII вв.) // “Aus Sibirien-2006”: науч.-информ. сб. Тюмень, 2006. С. 36–38; *он же*. Русская тактика ведения боя в полевых сражениях с сибирскими «иноземцами» (по материалам Северо-Востока Сибири) // Русские первопроходцы на дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования.) Владивосток, 2007. Т. 5. Ч. 1. С. 284–295; *он же*. О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2008. Т. 7. Вып. 1. История. С. 35–43; *он же*. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск, 2009. (Вопросам военной истории целиком посвящена пятая глава.)

² Багрин Е. А. Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII — начале XVIII вв. (по письменным источникам) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Владивосток, 2007. Т. 5. Ч. 1. С. 269–283; *он же*. Место ножа в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. № 1. С. 46–57; *он же*. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII в. (по материалам письменных источников) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1. С. 63–75; № 2. С. 100–109; *он же*. Миниатюры Ремезовской летописи как источник по военному делу русских в Сибири XVII в. // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. 1. Владивосток, 2010. С. 69–101; *он же*. Применение вылазок при обороне

На основе опубликованных и архивных материалах делопроизводственного характера, с привлечением нарративных и изобразительных источников, а также музейных коллекций им всесторонне рассмотрена история и тактика присоединения прибайкальских, забайкальских и приамурских земель к России в XVII в., классификация, особенности и эволюция вооружения служилых людей в разных регионах в различные периоды. В частности, он выявляет несколько «комплексов» этого вооружения («якутский», «приамурский», «прибайкальский», «забайкальский»), складывающихся под воздействием различных внешних и внутренних факторов. Вопреки господствующему в литературе мнению он доказывает широкое распространение у сибирских служилых людей в XVII в. пищалей не с фитильными, а с кремневыми замками. Отмечает такую особенность комплектования войск за Уралом, как обеспечение их защитным вооружением за казенный счет, чего не наблюдалось в европейской части страны, и т. д. А касаясь общих вопросов истории присоединения Сибири к России, Е. А. Багрин закономерно отводит ведущую роль в этом процессе государству, а приоритет — служилым людям, характеризуя их как «военное сословие России, сумевшее расширить границы государства без создания глобальных конфликтов и тотального уничтожения аборигенного населения»¹.

укреплений русскими на территории Восточной Сибири во второй половине XVII века // Вопросы истории фортификации. 2011. № 2. С. 51–55; *он же*. Тактика ведения боевых действий русскими служилыми людьми в Восточной Сибири в 40–60-е гг. XVII в. (по материалам Прибайкалья и Приамурья) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конф. Ч. 1. СПб., 2010. С. 44–57; *он же*. Комплекс вооружения русских служилых людей в Забайкалье и Приамурье в третьей четверти XVII — начале XVIII вв. (по материалам письменных источников) // Вестник Бурятского гос. ун-та. История. 2011. Вып. 7. С. 36–39; *он же*. Письменные источники в реконструкции исторических процессов в Восточной Сибири во второй половине XVII в. (по материалам вооружения русских первопроходцев в Приамурье) // Вестник Омского ун-та. 2012. № 2. С. 282–286; *он же*. История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России в 40–90-е гг. XVII в. (По материалам вооружения и тактики русских служилых людей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012.

¹ *Багрин Е. А.* История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России... С. 20. Весь этот комплекс вопросов позднее был обобщен им в весьма содержательной и богато иллюстрированной книге: *Багрин Е. А.*

Комплексные исследования военно-технических и военно-тактических аспектов колонизации получили в последнее время отражение и применительно к территории Западной Сибири, и прежде всего — в трудах А. В. Дмитриева и В. Д. Пузанова. Будучи написанными на базе большого количества документальных (в том числе архивных) материалов и обширной литературы, они позволили во многом ликвидировать те пробелы в военной истории западносибирского региона, которые наличествовали в нашей историографии к началу 2000-х гг. Кроме того, благодаря широкому использованию исследований по общим проблемам военной истории (включая работы по истории как Европейской России, так и зарубежных стран) в ходе развернутых сопоставлений содержащегося в них конкретно-исторического материала Дмитриев и Пузанов смогли выйти далеко за пределы обозначенных ими территориальных и хронологических рамок и сделать ценные наблюдения и глубоко продуманные (хоть и не всегда бесспорные) выводы.

Заслугой этих историков в первую очередь стало *тематическое* завершение изучения военно-служилого населения Сибири XVII в. Если до них объектом специальных исследований сибиреведов являлись в основном «традиционные» для Московского государства категории служилых людей — казаки, стрельцы, пушкари и затинщики, дети боярские и дворяне, — то А. В. Дмитриев целиком посвятил свою кандидатскую диссертацию (а затем и монографию) сибирским войскам «нового строя» (солдатским, рейтарским и драгунским), сформировавшимся в Сибири в 1660–1670-х гг.¹, а В. Д. Пузанов практически одновременно с ним разрабатывал историю этих войск в ряде статей и результаты этого исследования обобщил в одной из глав своей монографии (защитенной в качестве докторской диссертации) о военных факторах русской колонизации региона².

Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013.

¹ Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.

² Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. Гл. 7.

То, что в Сибири второй половины XVII ст. имелись войска «нового строя», историкам, конечно, было известно давно, но сведения об этих войсках в трудах сибиреведов носили не систематизированный, отрывочный, порой противоречивый характер, и опираясь на них, трудно было проследить даже канву событий, связанных с формированием и эволюцией войск «нового строя» в Сибири. А. В. Дмитриев и В. Д. Пузанов ликвидировали этот пробел в историографии. Дополняя, поправляя, а во многом и дублируя друг друга, сочетая конкретные наблюдения с широкими обобщениями, они смогли детально проанализировать процесс комплектования, реорганизации и эволюции сибирских войск «нового строя», выяснили численность, состав, социальное происхождение, функции, структуру, государственное обеспечение, вооружение, уровень боевой подготовки и дисциплины в солдатских, рейтарских и драгунских полках Сибири XVII в.

В исследовании В. Д. Пузанова нашли отражение и многие другие вопросы сибирской военной истории. Ему удалось впервые в нашей историографии дать комплексный анализ военных факторов в политике Москвы на территории Западной Сибири XVII в. «Русская колонизация Сибири на протяжении конца XVI — начала XVIII вв. имела военный характер, — пишет Пузанов. — Отношения Русского государства с кочевыми этносами и военные факторы политики России в Сибири определили развитие процессов русской колонизации, территории русского расселения, последующие административные преобразования»¹. Отталкиваясь от этой посылки, он рисует широкую панораму векового противоборства русских переселенцев с воинственными кочевниками Южной Сибири и Центральной Азии, объясняя жесточенность и длительность этой борьбы стремлением обеих сторон закрепиться на наиболее плодородных и важных в стратегическом отношении районах.

В. Д. Пузанов уделяет внимание всем кочевым сообществам, контактировавшим с русскими в этом регионе в конце XVI — начале XVIII вв. и являвшихся в политическом и культурном отношениях наследниками монгольской империи чингисидов, но в центре его исследования — противостояние с наиболее

---

¹ Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 4.

могущественным в то время соседом русских в Западной Сибири — ойратами (калмыками). В монографии показана сложная, постоянно меняющаяся военно-политическая обстановка на юге Западной Сибири XVII в., при этом Пузанов порой выходит далеко за обозначенные территориальные и хронологические рамки и в порядке сопоставлений рассматривает борьбу кочевого и оседлого миров от эпохи Киевской Руси по XVIII в. включительно, вносит важные дополнения и коррективы в устоявшиеся представления по отдельным сюжетам, касающимся как частных, так и общих вопросов военной колонизации Сибири. Им приведен интересный материал об обстоятельствах строительства некоторых крепостей, о деятельности так называемых годовальщиков (казаков, посылавшихся на временную службу из своих гарнизонов в другие), об особенностях положения беломестных казаков — наиболее близкой к крестьянству категории сибирского служилого населения.

В. Д. Пузановым приводятся новые подробности борьбы Русского государства с его самым непримиримым противником в Западной Сибири — потомками хана Кучума — и прослеживается дальнейшая судьба «Кучумовичей», раскрываются особенности воинской культуры кочевников и содержится немало ценных и верных наблюдений о стратегии и тактике борьбы России с кочевым миром Евразии (в частности отмечается, что в ходе этого противостояния город «из главного средства обороны» превращался в «средство наступления на поле» и что «важной особенностью в этом наступлении на кочевой мир стала опора на речные коммуникации»¹). Главной же заслугой В. Д. Пузанова следует считать то, что благодаря его работе можно составить достаточно цельную картину борьбы русского народа за самую возможность осваивать наиболее благоприятные для хозяйственного развития районы Сибири.

Вполне уместным и резонным выглядит и основной вывод его исследования, касающийся «коренного» и «извечного» вопроса сибирской историографии — о роли различных социальных сил в присоединении и освоении Северной Азии. В. Д. Пузанов вполне обоснованно полагает, что без активного участия государственных структур Русская Сибирь вообще бы

---

¹ Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. С. 377

не состоялась, что народная, вольная колонизация Сибири в XVII в. развивалась только при поддержке государства, строившего города и остроги и организовывавшего их оборону. А опираясь на выводы монографии Е. В. Вершинина о воеводском управлении в Сибири¹, он приходит к заключению, что «в лучшем случае вольная колонизация могла бы привести к образованию нескольких русских поселений на севере Сибири, имеющих торговое и промысловое значение. Южные и центральные части Западной Сибири остались бы в этом случае совершенно без русского влияния»².

Возведение за Уралом в конце XVI — начале XVIII вв. различных типов оборонительных сооружений — еще одна тема, органически связанная с военной историей Сибири и также нашедшая отражение в исследовании В. Д. Пузанова. Он, конечно, не был пионером в ее разработке: строительство опорных пунктов (городов и острогов) по мере продвижения вглубь Северной Азии, являвшееся неперемным условием закрепления русских на новых территориях, находилось в поле зрения практически всех историков, описывавших «покорение Сибири», начиная с Г. Ф. Миллера. Однако лишь с 1970-х гг. объектом пристального внимания исследователей стали такие вопросы, как специфика градостроения в сибирских условиях, размеры и конструкция различных видов укреплений и т. п. Как уже отмечалось, важный вклад в изучение оборонной архитектуры Сибири XVII в. тогда внесли С. Н. Баландин и В. И. Кочедамов. Затем к ним подключилось новое поколение историков, из которых следует отметить особо Н. П. Крадина и А. Р. Артемьева³, а В. Д. Пузанов лишь продолжил начатую его предшественниками работу.

В итоге всех этих исследований мы имеем довольно полное представление о наиболее и наименее распространенных

---

¹ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 145.

² Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. С. 382.

³ Крадин Н. П. Деревянные крепости Сибири и дальнего Востока // Архитектура и градостроительство на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. С. 3–12; он же. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988; Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Прибайкалья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.

за Уралом оборонительных сооружений, возводимых в XVII в. служилыми людьми: об «острожных» (тыновых) и «рубленных» (из «городней»-«тарасов») крепостных стенах, «стоячих» и «ко-сых» острогах, о различных типах зимовий и т. п. При этом особое внимание историками было уделено русским крепостям на Амуре, построенным с учетом использования против них артиллерии (чего не было в других сибирских регионах) и прежде всего — Албазину, при изучении которого широко использовались и археологические раскопки¹.

Расхождения между исследователями оборонной архитектуры Сибири, конечно, есть, но касаются частных, непринципиальных вопросов. Например, если Н. П. Крадин полагал, что укрепление типа зимовья явилось порождением специфических условий Сибири, а С. Н. Баландин считал его рудиментом древнейшего русского наземного или полуподземного жилища, то А. Р. Артемьев видел прототип зимовья в сельской феодальной усадьбе². Более сложная ситуация сложилась в историографии с оборонительными устройствам легкого типа — такими, как «рогатки», «частник», «чеснок», надолбы...

Об их внешнем виде, размерах и прочих характеристиках в литературе содержатся различные, часто противоречивые сведения, порой весьма далекие от реалий. И это прежде всего касается надолб — самого распространенного вида легких деревянных укреплений в XVII в. Видимо, по аналогии с противотанковыми заграждениями времен Второй мировой войны, тоже называвшихся «надолбами», многие авторы работ по военной истории придерживаются точки зрения, близкой к той, что отражена в монографии В. Д. Пузанова, а по его мнению, надолбы представляли собой «вбитые в землю обрубки дерева в 1–2–3 ряда»³. Художники-реставраторы, изображая сибирские крепости, обычно исходят из таких же представлений, и надолбы на их картинах выглядят как ряд столбушков (порой

---

¹ Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск, 2019. С. 121–192.

² Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья. С. 124–125.

³ По версии В. Д. Пузанова, надолбы могли также дополняться «наметами» — «хворостом, пересыпанном землей», — и соединяться перекладинами (Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. С. 281).

заостренных), стоящих впритык друг к другу либо вертикально, либо с наклоном в сторону потенциального противника¹.

Между тем, еще В. П. Загоровский, признанный знаток оборонительных сооружений на юге России XVI–XVII вв., возражая против уподобления надолб «простым обрубкам дерева», оставил совсем другое описание этих сооружений: «Само слово “надолба” — производное от глагола “надолбить” — говорит о том, что эта деревянная конструкция должна состоять минимум из двух частей, ведь делать долотом или топором выемку в столбе, не соединенным с другими деревянными деталями, нет смысла... Сохранившееся подробное описание надолб XVII в. говорит о том, что это были не одиночные столбы, а конструкции из нескольких бревен... Бревна для надолб использовались обычно такие же, как и для строительства острожной стены... В землю они вкапывались на одну сажень... соединялись поперечными бревнами — “связями” или “наметами”. Получался своеобразный забор, высотой метра в три, сделанный так, чтобы в промежутки между бревнами не могла пройти лошадь»².

К сожалению, В. П. Загоровский не представил ни одного рисунка надолб, позволивших бы составить о них более наглядное представление: возможно, соответствующие «чертежи» в изученной им документации отсутствовали. Однако они иногда встречаются при описании оборонительных сооружений Сибири XVII в., например — на плане Мелесского острога. Там все строения не только изображены, но и (что особенно ценно) объяснено их назначение. В частности, над жирной полосой, опоясывающей острожные стены, написано — «ров», а перед ним на всем его протяжении нарисована редкая цепь вертикально вкопанных столбов, соединенных друг с другом тремя горизонтальными поперечинами, более тонкими, чем столбы. И над этим сооружением надпись — «надолбы»³.

То есть надолбы, по сути дела, представляли собой усиленную конструкцию типа и поныне распространенных в русской деревне ограждений из закрепленных на столбах жердей (слег),

---

¹ См., например: Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 125; *Бродников А. А.* Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019 (см. вклейки в конце книги).

² *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 82.

³ Российский государственный архив древних актов. Фонд 214 (Сибирский приказ). Опись 18, д. 1859. Л. 9.

препятствующих заходу на территорию усадьбы (или выходу с нее) крупного рогатого скота и лошадей. И в XVI–XVII вв. надолбы предназначались прежде всего для защиты от конницы и были для нее достаточно серьезным препятствием. (Так, в 1634 г. ринувшиеся на Тюмень калмыки «ударились о надолбы» и не смогли взять города¹.) Поэтому, являясь передовой линией обороны поселений, надолбы располагаться «между рвом и стенами», как полагает В. Д. Пузанов², никак не могли и должны были находиться со стороны поля *перед* рвом, если, конечно, он имелся.

***

Общий обзор литературы, посвященной изучению военных факторов колонизации Сибири, однозначно свидетельствует о коренных изменениях и серьезных успехах в разработке этой проблематики в последнее время. От игнорирования, явного преуменьшения и негативных оценок вклада казачества в освоение Сибири, свойственных литературе 1950-х гг., через «нейтральное» отношение к нему в 1960-е гг. и признание в 1970–1980-х гг. его роль в колонизации Сибири «заметной» и «существенной, в нашей историографии прочно утвердилось мнение о военно-служилых людях как главной социально-политической силе, обеспечившей присоединение к Российскому государству Северной Азии и ее освоение в XVII в. Не будет большим преувеличением сказать, что ныне служилому населению Сибири историки стали уделять такое же внимание, какое уделяли крестьянству в 1950–1960-е гг., а военная история теперь изучается сибиреведами столь же интенсивно, как в 1950–1960-х гг. ими изучалась история аграрная.

К настоящему времени в целом определены численность, состав, пути и способы формирования, социальная организация и государственное обеспечение сибирских гарнизонов, практика управления ими, а также особенности расселения служилых людей и основные типы воздвигаемых ими оборонительных сооружений. Показаны хозяйственные занятия служилого населения Сибири и их значение для освоения края.

---

¹ Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 204.

² Там же. С. 281.

Обозначены главные театры и ход военных действий за Уралом в конце XVI — начале XVIII вв.

Наиболее успешно в последние годы изучаются освещавшиеся ранее «пунктирно» вопросы, касающиеся вооружения сибирского казачества, особенностей стратегии и тактики противоборствующих сторон, характера и результатов их противостояния на различных этапах освоения Сибири в основных ее регионах. Все большее внимание уделяется изучению менталитета казачества Сибири и исторической антропологии в целом: похоже, что именно эти сюжеты станут приоритетными у сибиреведов при дальнейшем исследовании военных факторов русской колонизации Северной Азии. Следует также ожидать новых работ по тем регионам, которые пока что обойдены вниманием исследователей военной истории Сибири.

Вместе с тем нельзя не отметить, что всестороннее и глубокое изучение данной тематики выявило много вопросов, освещаемых и трактуемых историками по-разному. И это, в общем, вполне нормальное, даже закономерное явление: «чем длиннее радиус исследованного, тем больше величина окружности неизведанного...». Но наиболее важные из спорных вопросов сибирской военной истории — это предмет отдельного исследования, и они будут рассмотрены ниже.

Часть II. Дискуссионные вопросы

1. О характере некоторых «принципиальных» расхождений

Дискуссионные вопросы военной истории Сибири естественным образом делятся на «общие» и «частные», «важные» («концептуальные») и «второстепенные», на те, по которым среди исследователей вполне возможны или уже намечаются компромиссы, и те, где спорящие стороны далеки от «консенсуса». Различия в «степени дискуссионности» этих вопросов в большинстве случаев обусловлены скудостью источниковой базы или слабой ее изученностью, а также разными методологическими подходами к теме, но порой в основе расхождений лежит элементарное невежество авторов, незнание ими давно введенного

в научный оборот материала, и в последнем случае «дискуссионными» их точки зрения можно считать лишь условно.

Характерный тому пример — взгляды нашего известного ученого, создателя оригинальной теории этногенеза Л. Н. Гумилёва на происхождение казаков Сибири. Вот как оно выглядит в его изложении в книге «Этногенез и биосфера Земли»: «В XIV в. потомки обрусевших хазар сменили русское название “бродники” на тюркское “казаки”. В XV–XVI вв. они стали грозой степных ногаев и, перенеся войну в Сибирь, добились последнего хана Кучума. Получив подкрепление от московского правительства, они за один век прошли Сибирь до Тихого океана. Нуждаясь в пополнении, они охотно принимали в свои отряды великороссов, но всегда отличали их от себя. Всех вместе их принято называть землепроходцами»¹.

«С самого начала освоения Сибири казаки шли на восток не одни, — пишет Л. Н. Гумилёв в другом своем труде. — В конце XVI — начале XVII вв. активно шло в Сибирь и население русского Севера, прежде всего жители Великого Устюга, желавшие попытать счастья за Каменным поясом. Обычно каждый отряд (ватага), отправлявшийся в Сибирь, состоял из основного ядра — казаков — и примкнувшим к ним устюжан. Все они назывались “землепроходцами”. Казаки и великороссы вместе продвигались через дикое места, перетаскивали лодки через пороги, сражались плечом к плечу и при этом всегда помнили, кто из них казак, а кто русский — устюжанин»².

В этом пассаже уважаемого ученого сплошь либо неточности, либо грубые ошибки, либо просто бездоказательные утверждения. И это не только ничем не обоснованная «концепция» происхождения казачества от «обрусевших хазар». Хорошо и давно известно, что Кучум был не «ханом степных ногаев» (хотя и находился в союзе с ними), а чингисидом, пришедшим в Сибирь из Бухары³, что русские прошли от Урала до Тихого океана не «за один век», а за полвека (поход Ивана Москвитина)⁴.

---

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 289.

² *Он же*. От Руси к России. М., 1994. С. 258; *он же*. От Руси до России. М., [2007]. С. 234.

³ См., например: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 190–201; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 103–104; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 199, 208–210, 372–373.

⁴ Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971. С. 105.

А главное, та роль, которую Л. Н. Гумилев отводит вольному казачеству в истории Сибири, абсолютно не соответствует действительности.

От дружины Ермака, действительно состоявшей главным образом из вольных казаков (и, возможно, даже включавшей в себя некоторое число потомков хазар — но, разумеется, очень дальних и отнюдь не прямых), после завершения экспедиции «за Камень» в живых осталось около 90 человек, и они (все ли, кстати, неизвестно) вернулись в Сибирь уже вместе с в несколько раз превосходящим их по численности отрядом «государевых служилых людей» (стрельцов, пушкарей и городских казаков), будучи подчинены царским воеводам¹. Инициатива в организации военных походов и присоединении отдельных сибирских земель надолго после этого переходит к центральной государственной власти.

В Сибирь в дальнейшем нередко попадали и вольные казаки, но, как правило, в качестве ссыльных — после разгрома войск Болотникова и других «героев Смутного времени», после подавления восстания Разина и т. д. Численно это были обычно небольшие группы, которые тут же теряли свой «вольный» статус, и, разумеется, не они «охотно принимали в свои отряды» неказачье население, как полагал Л. Н. Гумилёв, а наоборот: их, вольных казаков, включали в состав воинских подразделений, «прибранных» в основном из лиц, никогда вольными казаками не бывших, а происходивших прежде всего из северо-русских городов и уездов. В первой половине XVII в. многие сотни (а в итоге тысячи) служилых были набраны специально для отправки в Сибирь из гулящих людей, а также из не находившихся «в тягле» посадских и крестьян в Вологде, Устюге Великом, в Холмогорах, Перми и других северорусских городах. Вторым по численности источником пополнения сибирских гарнизонов являлись города Верхнего и Среднего Поволжья. Кроме того, в составе сибирских гарнизонов оказывались и сосланные в Сибирь белорусы, украинцы, поляки, немцы. Были там и представители народа коми (зыряне и пермяки). Источников по истории казачества Сибири сохранилось довольно много, и мы даже

---

¹ *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 262–264; *Солодкин Я. Г.* «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 146–149.

можем выяснить личный состав сибирских гарнизонов XVII в. поимённо (а казаков, не прикрепленных ни к одному из гарнизонов за Уралом тогда не было), и эти источники однозначно свидетельствуют, что немногочисленные выходца из вольного казачества в Сибири по статусу ничем не отличались (и никак не отличали себя) от «великороссов»¹.

Судя по ссылке, представление Л. Н. Гумилева о казаках-землепроходцах XVII в. базировалось лишь на впечатлениях известного этнографа В. Г. Богораза от общения с сибирскими казаками XIX — начала XX вв., которые уже прониклись сословным чванством и, действительно, стремились всячески дистанцироваться от «мужиков»², но к реалиям XVII в. оно отношения не имело. Тем более странно встречать подобную точку зрения у некоторых современных исследователей. Например, А. В. Сопов тоже разделяет в Сибири XVII в. «казаков» и «русских», причем к первым причисляет таких известных первопроходцев, как С. Дежнёв, Е. Хабаров и В. Поярков, видимо, имея слабое представление об их «родословных»³, тем самым уподобляясь авторам тех дилетантских и политически ангажированных работ по истории казачества, которые уже рассматривались нами в Первом очерке, но все-таки еще раз повторим: Дежнёв и Хабаров были выходцами из северорусских крестьян, а Поярков — из кашинских дворян, причем в свою знаменитую экспедицию на Амур он отправился в чине «письменного головы», и уже одно это не позволяет считать его «казаком»⁴.

Впрочем, некоторых современных авторов «нестыковки» подобного рода не могут смутить даже в принципе, ибо они (авторы) исходят из рассмотренной выше и не выдерживающей никакой научной критики «концепции», согласно которой древний «казачий народ» в XIV в. ушел от притеснений татар

---

¹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 26–27, 39–41.

² История казачества Азиатской России. Т. 2. Екатеринбург, 1995. С. 137.

³ Сопов А. В. Место и роль казачества в формировании русской нации и российского государства // Мат-лы научн.-практ. конф. Неделя науки МГТИ. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 157–160; Сопов А. В., Бузаров А. Ш. Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. 2011. Вып. 1 (74). С. 30–37.

⁴ Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров М., 1991. С. 24–40; Никитин Н. И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М., 1998. С. 40–41; Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 60, 193.

на Русский Север, а в XVI–XVII вв. стал оттуда возвращаться на родимый Дон и прочие «казачьи реки». Как отмечалось, эта «концепция» была особенно популярна в эмигрантских кругах, а отечественные ее поборники обычно ссылаются на «Казачий словарь-справочник», вышедший в 1966–1970 гг. в США. И вот как, например, выглядит ее «сибирский вариант» в изложении А. А. и А. М. Плехановых: «Енисейские казаки выделились из сибирских в первой четверти XVII в. *Как и все сибирские казаки*, они происходили из семей тех служилых казаков, которые за два века миграции с Дона привязались к богатому лесному Северу и не желали возвратиться на южные реки с общей казачьей волной. Поэтому прежних донских казаков пришли сюда с новых мест расселения: из Зырянской земли, северных русских городов (Вычегды, Ваги, Холмогор, Устюга, Вятки), Казани и др.»¹

Ясно, что при таком подходе практически любого сибирского служилого можно объявить «потомком вольных казаков». Только можно ли считать такой подход научным? Вопрос риторический...

***

Не менее странно, во всяком случае не логично, порой выглядят взгляды на военную историю Сибири и некоторых других профессиональных историков. Вот одна из типичных для современного сибиреведения ситуаций.

В последние годы новые подтверждения получило ранее уже высказанное в литературе (но в то время весьма сдержанно встреченное научным сообществом) мнение о том, что военная активность Русского государства за Уралом нередко носила вынужденный характер, определявшийся необходимостью нанесения ответных и превентивных ударов. Не только сибирский, но и мировой опыт показал, что именно активная оборона, т. е. перенос боевых действий на территорию противника, являлись единственным продуктивным способом предотвращения регулярных набегов кочевников на оседлое население. Кроме того, русским часто приходилось отправляться в военные походы в ответ на просьбы ясачных людей (т. е. новых российских

---

¹ Плеханов А. А., Плеханов А. М. Казачество на рубежах Отечества. М., 2007. С. 182–183. Выделено мной. — Н. Н.

подданных) о защите от вражеских нападений¹. Но у такой трактовки событий на Севере Азии появились решительные противники, и один из них — профессор МГУ, известный археолог Л. Р. Кызласов.

Еще С. В. Бахрушиным и В. А. Александровым было установлено, что на верхнем Енисее русские натолкнулись на *встречное* движение киргизов и бурят, которые, опираясь на поддержку монгольских и джунгарских правителей, сами претендовали на взимание дани с аборигенного населения этого региона². Будучи основанной на обширном документальном материале, эта точка зрения получила отражение и в академическом издании «Истории Сибири», вышедшем в 1968 г.³ Л. Р. Кызласов отреагировал на нее 34 года спустя следующим образом: «Поражает степень безнравственности некоторых авторов этого “ученого” труда. В “агрессии” (это в XVII веке! — Л. К.) ими были обвинены не царские воеводы и воинские люди, завоевавшие и разграбившие коренные земли сибирских народов, а, напротив, местные “киргизские и бурятские князцы”. Как раз те самые, которые в упорной борьбе защищали собственные земли от завоевателей, не поддаваясь злой воле царских сатрапов»⁴.

Что ж, оценки событий далекого прошлого с использованием современной политической терминологии (в том числе термина «агрессия»), действительно, нежелательны, поскольку нарушают принципы историзма. Однако из высказывания Л. Р. Кызласова остается непонятным, на чем основано его убеждение в том, что

---

¹ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 151, 157, 165–166; *он же*. Начало казачества Сибири. С. 72–73; Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 67, 157; *он же*. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск, 2009. С. 42–43; Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 81, 83–84, 202; Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010. С. 103.

² Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. М., 1955. Ч. 1. С. 150. Ч. 2. С. 197–198. Т. 4. М., 1959. С. 18–22; Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 20–37.

³ История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 44–45.

⁴ Кызласов Л. Р. Древнейшие города Сибири // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 8–9.

земли в верхнем течении Енисея являлись для «киргизских и бурятских князцов» (кочевавших много южнее) их «собственными» и тем более «коренными», и почему оправдание им киргизских и бурятских набегов на эти земли (сопровождавшихся сожжением селений, убийством и угоном в рабство не только русских, но и множества ясачных людей из числа подлинно коренных народов региона¹) более «нравственно», чем их осуждение авторами «Истории Сибири»...

Продвижение русских на восток под пером Л. Р. Кызласова вообще предстает в самом неприглядном виде. «Как чудовищный коток, — пишет Кызласов, — империя, подминая под себя десятки сибирских племен и народов, тысячами своих активных членов докатилась до побережья Тихого океана и, толком даже не заметив его, перевалилась в Северную Америку»².

По мнению А. С. Зуева, вовсе не склонного к идеализации действий русских в Сибири, Л. Р. Кызласов пишет, «явно сгущая краски», Ю. С. Худяков критикует позицию Кызласова более основательно, а М. В. Шиловский называет ее «крайностью», особенно свойственной в последнее время «историкам-националам»³. Д. Я. Резун, касаясь в целом проблемы русско-аборигенных отношений в Сибири, пишет: «Говоря об “имперской политике”, не надо все время кивать в сторону России. А разве калмыки, киргизы, джунгары не хотели создать великие государства “от моря до моря”? Более того, есть основания утверждать, что многие военные акции русских отрядов были вынужденные...»⁴

Здесь, таким образом, мы имеем дело с расхождениями концептуального характера, а они редко заканчиваются компромиссом...

---

¹ Кузнецов-Красноярский И. П. Из истории южных частей Енисейской губернии. Томск, 1908. С. 4–5; Шунков В. И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 5/6. С. 262; Александров В. А. Русское население Сибири. С. 42–46.

² Кызласов Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан; М., 1996. С. 55.

³ Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Учебное пособие. Новосибирск, 2007. С. 103–104; Шиловский М. В. Специфика колонизации США и Сибири // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 38.

⁴ Резун Д. Быть острогу и слободе (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки) // Родина. 2000. № 5. С. 77.

2. О месте казачества Сибири в социальной структуре российского общества

У исследователей нет единства и по ряду частных, но тем не менее важных вопросов, связанным с военной историей Сибири. В числе таковых, например, вопрос о причинах разделения сибирских служилых на казаков и стрельцов при том, что вплоть до упразднения в Сибири стрелецкого «чина» в начале XVIII в., по данным вполне репрезентативных источников, реальное положение тех и других было одинаковым. Стрельцы и казаки выполняли одни и те же служебные обязанности, имели одинаковые торговые привилегии и оклады жалованья, часто объединялись в один «приказ» под началом общего «голова». Попытки некоторых историков представить дело так, будто у казаков и стрельцов было различное вооружение или причислить первых к иррегулярным, а вторых к регулярным войскам¹, решительно опровергаются конкретно-историческим материалом, давно введенным в научный оборот.

Еще в 1988 г. автор этих строк попытался дать свое объяснение этому, казалось бы, парадоксальному явлению. Допускал, в частности, что при учреждении стрелецкого войска предполагалась большее единообразие в его вооружении и экипировке, чем у казаков, и лишь на практике это оказалось невыполнимым — во всяком случае в провинциальных гарнизонах. Обратил внимание на некоторое различие официально-правового положения обеих групп (по Уложению 1649 г., стрельцов, в отличие от казаков, пушкарей и затинщиков, запрещалось в случае неуплаты долга выдавать головой истцу²). Однако главные причины существования в приборном войске двух по-разному называвшихся, но совершенно одинаковых по способам комплектования, окладам жалованья и служебным обязанностям групп видел прежде всего в ментальной сфере — в традиции, уходящей корнями в те времена, когда только начинала складываться такая категория приборных служилых, как городовые

---

¹ Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1982. С. 66–67; Белов М. И. Мангазья. Л., 1969. С. 113; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазья. М., 1981. Ч. 2. С. 6.

² Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 62 (гл. X. С. 265, 266).

казаки. Тогда в гарнизоны русских городов могли разом включаться целые станицы вольных казаков, и царская администрация поначалу сохраняла за ними их прежнюю войсковую организацию, но позднее стала распространять и на них принятые у «государевых служилых людей» порядки, оставив, однако, специфически казачью терминологию в названиях как должностей («атаманы», «есаулы»), так и самих подразделений, что в дальнейшем стало просто привычкой, данью традиции, хотя, наверняка, долгое время имело для городских казаков и какое-то морально-психологическое значение¹.

Последнее обстоятельство получило неожиданное подтверждение в новых источниках, вводимых в научный оборот некоторыми коллегами. Выяснилось, что при комплектовании новых подразделений служилых «по прибору» набрать народ «в казаки» обычно бывало легче, чем «в стрельцы». Полагаю, что самое верное объяснение этому казусу дал А. А. Бродников, заметивший, что в данном случае «могло срабатывать сохранявшееся у социальных низов представление о более свободном состоянии казаков, чем стрельцов, и потому в казаки люди шли охотнее»²

***

При определении места казачества Сибири в социальной структуре российского общества у историков нет единого мнения и по ряду других, гораздо более важных вопросов. Поскольку казаки Сибири в XVII в. представляли собой одну из региональных групп служилых людей «по прибору» (составлявших тогда довольно многочисленную категорию населения и в Европейской России), на них мною в свое время был распространен и дополнительно обоснован сформулированный еще дореволюционными исследователями вывод о том, что стрельцы, городовые казаки, пушкари и т. п. «приборные чины» занимали в русском обществе положение, промежуточное по отношению к служилым «по отечеству» (дворянам, детям боярским) и тяглым слоям (посадским людям и крестьянам).

Будучи четко сформулированной в заключительной части моей монографии о служилых людях Западной Сибири XVII в.³,

---

¹ *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири. С. 34–36.

² *Бродников А. А.* Енисейск и Енисейский уезд. С. 190.

³ *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири. С. 194–195.

эта точка зрения вызвала неприятие у омского историка Ю. Г. Недбая. Прежде всего, он не согласился с моим мнением о принципиальном сходстве положения приборных служилых в Сибири и Европейской России (с тем, что общего у них больше, чем различий), но обосновал свою позицию лишь ссылкой на показанное мною же фактическое равенство стрельцов и казаков Сибири «с самого начала их совместного существования»¹, не приведя никаких доводов в пользу того, что в европейской части страны (в частности, на южной ее окраине, где, как и в Сибири, стрельцы и городовые казаки служили вместе) такого равенства не было, в то время как имеющиеся в литературе сведения свидетельствуют как раз об обратном².

Возникновение тезиса о «промежуточном положении» сибирского казачества Ю. Г. Недбай был склонен объяснять теоретической беспомощностью исследователей перед лицом столь уникального явления, как казачество, и не делал при этом никаких различий между казачеством «вольным» и «служилым», городовым. Он выразил сомнение «в правильности определения казачества как сословия» и полагал, что «казачество не сословие феодального общества... а явление русской истории и поэтому нуждается в изучении именно как явление»³. «Мы не можем

---

¹ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. 1582–1808 гг. (Краткие очерки). Омск, 1996. Ч. 2. С. 11–12.

² Александров В. А. Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1947; *он же*. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 86–95; *он же*. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 235–250; Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969; Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России.) Воронеж, 1974; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). Воронеж, 1975. С. 110–113, 126–127; Скобелкин О. В. Служилые люди Воронежского края и их участие в антифеодальной борьбе во второй половине XVII в. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1986; Глазьев В. П. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII веке // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. [Воронеж], 1987. С. 23–33; *он же*. История южнорусских стрельцов (конец XVI — начало XVIII в. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1989; Горбачев В. И. Стрелецкое войско украинских и рязанских городов России 30–40-х гг. XVII в. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

³ Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 3.

отнести казачество ни к какому-нибудь классу, ни к сословию, ни, тем более, к “промежуточному” слою, — заявлял Ю. Г. Недбай. — Мы полагаем, что казачество — это форма существования, форма функционирования, т. е. жизнедеятельности русского общества»¹.

Точку зрения историков о промежуточном положении приборных служилых людей Ю. Г. Недбай вообще трактует в ироническом ключе. В частности, моя позиция по этому вопросу в его изложении выглядит так: «...Автор не смог отойти от узко-словных рамок при изучении вопроса. На протяжении всей своей работы он усиленно пытается найти ту самую ячейку, в которую можно было бы “запихнуть” служилых... И все попытки, естественно, оказываются неудачными... Ну никак эти самые служилые-казаки не хотят вписываться в стройную систему классов-сословий...»²

По мнению Ю. Г. Недбая, к выводу о промежуточном социальном положении сибирских служилых XVII в. историки пришли, исследуя побочные занятия казачества — земледелием, «торгами и промыслами». А поскольку «ни одно из этих занятий не определяло его социального статуса и ни одно не получало поддержки со стороны правительства», то и говорить о каком-то «промежуточном положении» сибирских казаков, об их тяготении к каким-то «полюсам», «классам» и «группам» не приходится. Как полагал Ю. Г. Недбай, казачество если и тяготело, то «только к самому себе». Об этом, считал он, «совершенно недвусмысленно свидетельствует» не только стремление потомков служилых людей остаться в казачьей среде, но и нешуточная «борьба за право поверстаться на убылое место», а также «политика правительства, стремившегося все более и более не допускать в “промежуточный” слой посторонних и освободив (с течением времени) казаков от функций, мало связанных с военно-охранительной службой»³.

Здесь налицо упрощенный подход к столь важной проблеме, как особенности классово-сословного строя феодальной России. Казачество вполне можно считать «явлением» в российской

---

¹ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. Ч. 1. С. 72.

² Там же. С. 22–23.

³ Там же. Ч. 2. С. 163, 186.

(и даже мировой) истории, но разве это означает, что ему не было места в социальной структуре русского общества?

Из работ Ю. Г. Недбая никак не следует, что их автор, подобно некоторым современным историкам, отошел от традиционного трактовки понятия «сословие» (см. выше, Очерк второй). Однако если сословия, как по-прежнему полагает большинство исследователей, представляют собой социальные группы, обладающие определенными законом или обычаем и передаваемыми по наследству правами и обязанностями, то с точки зрения Ю. Г. Недбая о внесословном статусе казачества можно согласиться лишь применительно к вольной его части (ибо она до XVIII в. находилась вне московской юрисдикции), но никак не к служилым, городovým казакам (в том числе и сибирским), имевшим по российскому законодательству вполне определённые обязанности и права, отразившиеся, в частности, в Соборном Уложении 1649 г.

По мнению большинства историков, городové казаки, как и другие «приборные» люди, являлись частью служилого сословия, куда, кроме них, входили и служилые «по отечеству» — от детей боярских и дворян до бояр. И именно потому, что служилое сословие в России XVI–XVII вв. хоть и было привилегированным, но объединяло столь разные по социальному статусу группы, исследователи и характеризуют положение городových казаков и других приборных людей, находившихся на нижних ступенях «чиновной» иерархии, как «промежуточное» по отношению к высшим категориям служилых (т. е. к представителям господствующего класса) и социальным низам (крестьянам и посадским), а не только потому, что казаки «тяготели» к ним в силу своих занятий земледелием, торговлей или «промыслами» (которыми, кстати, как я пытался показать в своих работах, большинство сибирских служилых как раз и не было охвачено¹).

Эта точка зрения восходит к трудам В. О. Ключевского и Н. П. Павлова-Сильванского². Она базируется на работах нескольких поколений отечественных историков, и от нее нельзя

---

¹ *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири. С. 141–193; *он же.* К вопросу о социальной природе приборного войска // *История СССР.* 1990. № 2. С. 44–59.

² *Ключевский В. О.* История сословий в России. Пг., 1918. С. 168; *он же.* Сочинения. М., 1959. Т. 6. С. 411–412; *Павлов-Сильванский Н. П.* Сочинения. СПб., 1909. Т. 1. С. 197.

отмахнуться как от чего-то легковесного и не достойного серьезного внимания. И вообще, разве можно игнорировать историографию вопроса, если пытаешься по-новому трактовать его?

Еще В. О. Ключевским было показано, насколько сложным был сословный строй в Московском государстве XVII в., насколько, в частности, пестрым по социальному составу являлось служилое сословие, в котором вследствие свойственной этому времени подвижности социальных перегородок существовало немало «промежуточных, переходных слоев разнородного социального состава», а приборная служба «имела значение канала, посредством которого происходил обмен между городским дворянством и неслужилыми классами»¹.

От разработанной В. О. Ключевским схемы сословного деления русского общества XVI–XVII вв. не отказалась и советская историческая наука: она лишь приспособила ее к своему видению социальных процессов и явлений. Так, М. Т. Белявский в качестве примера несовпадения в феодальном обществе классового и сословного деления тоже указывал на приборных служилых людей как социальную группу, занимающую промежуточное положение между «антагонистическими классами». Подчеркивая сложность феодального общества в России, он отмечал наличие внутри сословий большого количества сословных групп и категорий, самым наглядным примером чему, по мнению М. Т. Белявского являлось все то же служилое сословие². «Наиболее сложным и противоречивым по своему составу и внутренней структуре» назвала служилое сословие и Н. Ф. Демидова, также отметившая наличие в нем «промежуточных социальных групп»³.

О промежуточном положении приборных служилых людей в социальной структуре русского общества писали и многие другие советские историки, в том числе весьма известные⁴. Изучение

---

¹ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3. С. 155, 157. Т. 6. С. 411–412.

² Белявский М. Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник МГУ. История. 1970. № 2. С. 68–70.

³ Демидова Н. Ф. Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. Т. 90. М., 1972. С. 332; она же. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 80–82.

⁴ Бахрушин С. В., Новосельский А. А. Московское восстание 1648 г. // История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 577–578; Важинский В. М. Указ. соч. С. 23;

классово-сословного строя России и по сей день остается одной из приоритетных задач нашей науки. Эта проблематика разрабатывается исследователями применительно к самым различным хронологическим периодам и в самых различных аспектах: в ходе научных конференций (например, «Черепнинских чтений»¹), в монографиях и статьях². Разумеется, и здесь среди историков существуют расхождения в трактовке целого ряда вопросов, но полемика без должной аргументации и без учета наработок предшественников (как это получилось у Ю. Г. Недбая) и в данном случае контрпродуктивна.

Мнение Ю. Г. Недбая о социальном статусе казачества не получило распространения среди сибиреведов (да и сам он к концу жизни смягчил некоторые свои формулировки). Авторы коллективного труда «История казачества Азиатской России» однозначно характеризуют казаков как сословие³. Частью казачьего сословия по-прежнему считает служилых людей Сибири Г. А. Леонтьева⁴. «Военным сословием России» называют казаков Сибири Е. А. Багрин и А. И. Коваленко⁵. У А. Ю. Огурцова представление о месте сибирских служилых в классово-

---

Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 243; *Скобелкин О. В.* Служилые люди Воронежского края и их участие в антифеодальной борьбе во второй половине XVII в. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 1986. С. 20; *Глазьев В. Н.* Указ. соч. С. 32.

¹ Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. 1–2; Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010.

² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999; *Марасинова Е. Н.* Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти А. А. Преображенского М., 2007. С. 277–302.

³ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 86–94. Т. 2. С. 100–107.

⁴ *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 275.

⁵ *Багрин Е. А.* История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России в 40–90-е гг. XVII в. (По материалам вооружения и тактики русских служилых людей.) Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2012; *Коваленко А. И.* Казачество восточных окраин России в XIX–XX вв.: культурно-исторический аспект. Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Владивосток, 2009.

сословной структуре России тоже вполне традиционное. Он полагает, что «получая “государево” жалование, не выплачивая прямых налогов в казну, служилые люди и их потомки долго оставались в более привилегированном положении по сравнению с другими категориями населения России. Однако в своей массе они не относились к правящему слою государства, находясь где-то посредине между дворянами и остальными, податными людьми»¹.

Вместе с тем, в позиции Ю. Г. Недбая и по этим вопросам было немало абсолютно верных подходов. При всех расхождениях с ним, не могу не признать, что в критике ряда высказанных его коллегами мнений о социальном облике сибирских служилых XVII в. ему нельзя отказать ни в логике, ни в понимании сути обсуждаемых вопросов. Так, обратившись к давним разногласиям историков по вопросу о месте и роли хозяйственных занятий в жизни служилых, Ю. Г. Недбай убедительно показал несостоятельность взглядов, отстаиваемых некоторыми крупными историками.

Восходящая к «школе Шункова» точка зрения, согласно которой служилую колонизацию Сибири следует считать одной из форм крестьянской колонизации (по причине крестьянского происхождения большинства казаков и занятий многих из них земледелием), уже подвергалась критике в литературе (см. выше). Ю. Г. Недбай дал этой дискуссии новый импульс. Комментируя позицию Е. И. Заозерской, видевшей в казаках-ремесленниках не столько служилых людей, сколько «потомков крестьян», он язвительно (но вполне резонно) замечает, что, «следуя подобной логике рассуждений, не составит большого труда докопаться до “крестьянского” происхождения самого самодержца всероссийского, не говоря уже о нас бедных. Кем бы ни были до прихода в Сибирь и сами казаки, и их предки, здесь на месте, в Сибири, они стали казаками, и из этого факта следует исходить, говоря о месте и роли различных социальных групп в том или ином процессе»².

Вполне обоснованной критике Ю. Г. Недбай подвергает и В. Н. Курилова, полагавшего, что служилые люди Тюмени

---

¹ Огурцов А. Ю. Кузнецкий гарнизон // Кузнецкая крепость. Новокузнецк, 2004. № 1. С. 11.

² Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. Ч. 2. С. 172.

за первое столетие существование города, благодаря своим хозяйственным занятиям, по сути дела переродились: «превратились из сугубо военной группы населения сначала в военно-земледельческую, затем в торгово-промышленную...». По справедливому замечанию Ю. Г. Недбай, нельзя считать, «что если человек приторговывает... то он — торговец, если запахал пару десятин — земледелец и т. д. Согласно подобной логике, — пишет Ю. Г. Недбай, — только те, кто палец о палец не ударил ради благоденствия семьи и довольствовался одним лишь жалованьем, есть “собственно военно-служилый” человек»¹. Примечательно, что это замечание перекликается с наблюдением, сделанным на материалах совсем из другого региона Русского государства XVII в. Как выяснил В. И. Горбачев, «большая часть стрельцов в рязанской и тульской усадьбах служила с земли, меньшая получала денежное и хлебное жалованье», но при этом «стрельцы не чувствовали себя землепашцами или торговцами, по своей социальной психологии они относили себя скорее к воинам»². Отсюда один шаг до вывода о *сословном* статусе казачества Сибири, который не может меняться из-за хозяйственных занятий его представителей, но Ю. Г. Недбай этого вывода не делает, ибо не считает казаков сословием. Такой вот историографический парадокс.

Возражая А. Р. Ивонину, считавшему характер ремесленного производства служилых людей «тупиковым», поскольку у них не было свободного времени для хозяйственных занятий, Ю. Г. Недбай вновь подчеркивает, что «казачество — образ жизни, состояние души, как у любого профессионала (поэта, ученого, слесаря, крестьянина и т. д. и т. п.), и измениться оно может не от наличия “свободного” времени и проч., а от причин более глубоких»³. Причины «тупикового характера» казачьих «промыслов» Ю. Г. Недбай видит «в самой природе казачества», ибо «размеренный быт земледельца и ремесленники не соответствовал состоянию духа, внутренней природе казачества»⁴.

Столь «романтизированная» концепция выглядит, безусловно, красиво и даже в чем-то логично. Ее можно считать в основном

---

¹ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. Ч. 2. С. 167, 169.

² Горбачев В. И. Указ. соч. С. 22.

³ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. Ч. 2. С. 176–177.

⁴ Там же. С. 178.

верной применительно к *вольному* казачеству XVI–XVII вв., но она в корне противоречит тому, что мы знаем об образе жизни *служилого* казачества, особенно в более поздние хронологические периоды, когда земледелие, скотоводство и различные «промыслы» являлись неотъемлемой частью быта казаков во всех «войсках», включая сибирские¹.

3. Причины и характер русских военных побед

Единства у историков нет и по целому ряду других вопросов, хоть и частных, но крайне важных для понимания роли военных факторов в колонизации Сибири. Так, в некоторых работах как аксиома преподносится высказанное еще в дореволюционной историографии мнение об абсолютном военном превосходстве русских над сибирскими аборигенами благодаря огнестрельному оружию, а противников казаков представляют как существ наивных, мирных, забитых, беззащитных («не пассионарных») и не способных к активному и результативному противодействию пришельцам². Но у этой точки зрения немало и оппонентов. Ими уже давно отмечено абсолютное несоответствие этого весьма живучего представления данным источников. А. П. Окладников еще в 1943 г., описывая присоединение Якутии к России, заметил, что «было бы несправедливо отрицать храбрость завоевателей так же как и превосходство их оружия. Однако следует учитывать, что якутские и тунгусские воины вряд ли уступали казакам в храбрости. Их куяки и железное вооружение тоже были не хуже казачьих. Якуты умели даже строить собственные крепости... а их военный строй мало чем уступал военному строю русских отрядов»³. Высоко оценивал А. П. Окладников и военный потенциал бурят, отметив, в частности, что ««воистые» бурятские наездники, хорошо снабжаемые железом, ездили в крепких металлических латах, превосходивших

¹ История казачества Азиатской России. Т. 2. С. 108–127.

² Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 296; Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М., 1915. С. 15; Халитов М. Х. Не первопроходцы, а первоубийцы... // Родина. 1990. № 5. С. 75; Измайлов И. Письмо с историей, или Счеты и просчеты имперских историков // Мирас. 1992. № 11–12. С. 3–8; он же. Счеты и просчеты имперских историков // Родина. 1994. № 8. С. 28–33; Казачий Дон. Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 41; Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., [2007]. С. 236–237.

³ Окладников А. П. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943. С. 76.

“ветчаные”, т. е. обычно обветшавшие, кюйки казачьей пехоты и конницы... мало уступали в своем вооружении казакам»¹.

С той поры в научный оборот было введено множество новых материалов, и они тоже свидетельствуют, что «покорение Сибири» нельзя рассматривать как цепь легких побед казаков при их продвижении от Урала до Тихого океана, что противник русских на этом пути не был в основной своей массе ни беззащитен, ни малодушен, а, как правило, отличался воинственностью, коварством и ужасавшей европейских наблюдателей жестокостью, был хорошо вооружен, опытен в ратном деле и часто наносил служилым людям серьезные поражения.

При этом значение «огненного боя» в покорении Сибири современными историками не умаляется, но подчеркивается, что он не был определяющим фактором русских побед. Технические несовершенства пищалей XVI–XVII вв., быстрое привыкание аборигенов к «огненному бою» и выработка ими эффективных приемов защиты от пуль, огромное численное превосходство над русскими — все это лишь позволяло «уравновешивать» силы сторон, поддерживать их своеобразный, пусть и неустойчивый паритет.

Кроме того, в Сибири XVII в., как уже не раз отмечалось в литературе, типичной была ситуация, когда для успешного ведения боевых действий русским катастрофически не хватало не только людей, но также оружия и боеприпасов². В той же связи исследователи обращают внимание на все более ширившееся уже в XVII в. использование огнестрельного оружия сибирскими аборигенами. Прежде всего оно появилось у такого традиционно сильного и высокоорганизованного противника России, как

---

¹ *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 37.

² *Никитин Н. И.* Сибирская эпопея XVII века. С. 151, 166–167; *Бродников А. А.* Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 90–93; *Багрин Е. А.* Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке // Ойкумена. 2009. № 2. С. 100–109; *Зуев А. С.* Присоединение Чукотки к России. С. 270; *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). С. 328, 359; *Багрин Е. А.* Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 28, 92–93 и др.

ожносибирские кочевники, многие из которых (о чем с тревогой сообщалось в правительственных документах), покупая тайком пищали и порох в русских городах, «пищальной... стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули»¹.

Впрочем, степнякам Евразии к XVII в. удалось так усовершенствовать лук, что у них не было смысла отказываться от него до конца столетия. Таким луком охотно пользовались и казаки, поскольку он, по мнению некоторых исследователей, «представлял на то время техническую вершину эволюции данного вида оружия» и в руках опытного лучника мог «конкурировать с пищалью и мушкетом», превосходя их в скорострельности, меткости и практически не уступая в дальности стрельбы, что было особенно важно в условиях конного боя². Например, в Забайкалье, как отмечает Е. А. Багрин, русские «активно использовали луки вплоть до первых десятилетий XVIII в., они позволяли вести перестрелку в высоком темпе, характерном для боя в степи»³. И не только в степи: в Зауралье в XVII даже при обороне слобод луки иногда оставались у русских единственным оружием во время нападения кочевников⁴. Служилые люди не пренебрегали «лучным боем» и в сражениях с «иноземцами» на крайнем северо-востоке Азии⁵. Но было у «огненной стрельбы» в XVI–XVII вв. одно несомненное преимущество перед «стрельбой лучной»: пуля пробивала любой доспех, и раны от нее были гораздо «злее». И это не могли не оценить ни степняки, ни другие сибирские народы, поэтому не стоит удивляться тому, что даже жившие в каменном веке племена крайнего северо-востока Сибири порой стреляли в русских из захваченных у них пищалей⁶.

---

¹ *Главацкая Е. М.* Торговля с «государевыми ясачными людьми» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Мат-лы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995. С. 124. См. также: *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимовлияние русских казаков и тюркских народов Саяно-Алтая в военной области в эпоху позднего Средневековья и Новое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. 15. С. 223; *Багрин Е. А.* Военное дело русских на восточном пограничье России. С. 203.

² *Марков В. И.* О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 52–53.

³ *Багрин Е. В.* Военное дело русских на восточном пограничье России. С. 182.

⁴ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. С. 283–284.

⁵ *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей. С. 220–250.

⁶ *Никитин Н. И.* Сибирская эпопея XVII века. С. 52–57, 151; *он же.* Начало казачества Сибири. С. 37–38, 74–75; *Элерт А. Х.* Новые материалы по истории

Какие же факторы, по мнению современных историков, определили успешный для русских исход военного противостояния на Севере Азии в XVII в.? Военно-техническое преимущество русской стороны в последних исследованиях признается однозначно, но при этом обычно подчеркивается, что оно определялось не слабостью большинства ее противников, а целым комплексом причин объективного и субъективного характера.

Специалисты по военному делу тюркского населения Саяно-Алтая усматривают их в следующем: «...Кочевникам пришлось столкнуться с хорошо вооруженным, обладавшим огнестрельным оружием и большим опытом вооруженной борьбы против кочевников могущественным противником, имевшим иные, в большей степени соответствующие новым историческим условиям вооруженные силы и военные традиции»¹. А суть этих, выработанных в европейской части страны традиций сводилась к умению противостоять излюбленной тактике степняков, которые обычно стремились уклоняться от непосредственного соприкосновения с противником, навязывая ему дистанционный бой с массированным обстрелом из луков, в чем они были большие мастера².

Е. А. Багрин при изучении присоединения к России юго-восточных районов Сибири пришел к заключению, что «тактика русских была простой и гибкой, быстро приспособляющейся к новым условиям»: в степи в боях с кочевниками казаки стремились застать врага в «тесных» местах, чтобы, не дать ему пространства для маневра; в противоборстве с обладавшими огнестрельным оружием маньчжурами упор делался на усиление конструкции судов и фортификационные сооружения, характерные для Европейской России, и т. д.³ Противник же русских,

---

русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Археография и источниковедение Сибири: Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 247; Чернавская В. Н. «Восточный фронт» России. С. 41–42; Митько О. А. Указ. соч. С. 194–195; Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 121–122; Зув А. С. Присоединение Чукотки к России. С. 270–271, 301; Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). С. 73, 328, 359.

¹ Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Указ. соч. С. 222.

² Марков В. И. Указ. соч. С. 68.

³ Багрин Е. А. История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России в 49–90-е гг. XVII в. (По материалам вооружения и тактики русских служилых людей). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2012. С. 26–27.

по мнению Е. А. Багрина, напротив, обычно демонстрировал неспособность адекватно воспринимать исходящую от казаков опасность и использовал обычную для межродовых конфликтов «примитивную» тактику: аборигены выходили для боя на открытое пространство скученно, стремясь запугать врага своей многочисленностью и потому сразу же несли большие потери от огнестрельного оружия русских, не организовывали при своих укрепленных городках четкой караульной службы, что позволяло нападать на них врасплох, не имели боевого опыта в сражениях внутри города и т. д.¹

Д. Я. Резун главные причины русских побед видел в стремлении казаков, отличившись в бою, «подняться по служебной лестнице» (чего в принципе не могло быть в «родовом обществе» у аборигенов), а также «в их корпоративной организации»².

А. С. Зуев рассматривает этот вопрос более детально — на примере взаимодействия русских с коряками, чукчами и эскимосами. Он тоже не склонен придавать решающего значения в победах русских их «огненному бою». Как полагает исследователь, «огнестрельное оружие XVII–XVIII вв. имело низкую скорострельность, его применение ограничивалось погодными условиями, владение им требовало определенных навыков, которыми из-за отсутствия соответствующего обучения обладали не все военнослужащие... Ощущался недостаток как самого оружия, так и боеприпасов к нему. Из-за техники заряжания это оружие в ближнем бою становилось почти бесполезным, в лучшем случае его можно было использовать в качестве дубины... Сами “иноземцы”, “вызнав русские порядки”, пытались совершенствовать свою тактику: шли в атаку в тот момент, когда русские перезаряжали ружья, нападали в плохую погоду». Поэтому важнейшим из определяющих победы сторон факторов А. С. Зуев считает «военный менталитет (*war mentality*) — комплекс ментальных установок и стереотипов поведения “человека воюющего”, который, в свою

---

¹ Багрин Е. А. Тактика ведения боевых действий русскими служилыми людьми в Восточной Сибири в 40–60-е гг. XVII в. (по материалам Прибайкалья и Приамурья) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. Ч. 1. С. 44–67.

² Резун Д. Я. Люди на сибирском фронтире в 17 в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 26–27.

очередь, определяется духовными ценностями и представлениями, традициями и обычаями...»¹

В этой связи он отмечает психологическую неготовность аборигенов северо-востока Сибири к затяжным осадным боям, сумятицу, вносимую в ряды «иноземцев» гибелью или пленением их предводителей, представление аборигенов о некой критической цифре потерь, допустимой в одном сражении, несмотря на боеспособность еще значительного числа воинов. «В целом, — пишет А. С. Зуев, — при неблагоприятном для аборигенов течении боя в какой-то момент в их настроении происходил перелом, их боевой задор исчезал, и они впадали в отчаяние»². Общий же вывод исследователя таков: главные причины быстрого продвижения русских по Сибири и их устойчивых позиций здесь в период присоединения следует объяснять не отсутствием серьезного сопротивления со стороны аборигенов, а «превосходством русского вооружения, воинского искусства и боевого духа»³.

На последнее обстоятельство обращали внимание исследователи, стоявшие еще у истоков сибирской историографии (И. Фишер ставил «покорителей Сибири» даже выше героев Древней Греции и Рима, полагая, что последние вряд ли бы отважились на то, что наши сибирские герои «учинили»⁴). «Неукротимая храбрость» казаков-землепроходцев была очевидна и для нашего современника — создателя «теории пассионарности» Л. Н. Гумилёва⁵. Отчаянной смелостью прежде всего склонны были объяснять причины казачьих побед и другие историки, включая автора этих строк⁶. Аналогичная, но более развернутая трактовка этого вопроса дается И. П. Каменецким: «Отчаянная храбрость,

---

¹ Зуев А. С. О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2008. Т. 7. Вып. 1. С. 35–36.

² *Он же*. Диалог культур на поле боя (о военном менталитете народов северо-востока Сибири в XVII–XVIII вв.) // Aus Sibirien — 2006: научно-информ. сб. Тюмень, 2006. С. 36–38.

³ *Он же*. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 85–86.

⁴ Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 630–631.

⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 289.

⁶ Никитин Н. И. Русские землепроходцы в Сибири. М., 1988. С. 52–53; История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 67.

религиозно-государственное единство, выраженное в сакральной державной идее — победить “с божьею помощью и государевым счастьем”, и военное мастерство являлись важнейшими составляющими воинского духа русского войска и создававшегося им “силового поля”¹». Но, вопрос этот, безусловно, заслуживает более пристального внимания и требует привлечения новых источников. Интересны, в частности, оценки боевых качеств казачьего войска Сибири, исходящие от противника. Они порой весьма красноречивы. Например, маньчжуры после столкновения с казаками на Амуре отзывались о них как о людях «храбрых как тигры и искусных в стрельбе»². Чукчей, судя по их фольклору, проанализированному В. И. Кузьминых, в русских поражали и устрашали, помимо внешнего вида, «бешеная храбрость и непредсказуемость, а отнюдь не гром выстрелов»³. (Вряд ли, правда, такие оценки в фольклоре сибирских народов можно считать доминирующими: аналогичные исследования, проведенные другими исследователями, показывают гораздо более сложную картину⁴.)

***

И еще один, казалось бы частный, но тоже совершенно поразному трактуемый историками вопрос. Низкая скорострельность, ненадежность и вполне сопоставимая с «лучным боем» дальность стрельбы русских пищалей XVII в. приводили к неизбежности рукопашных («съемных») боев. Некоторые исследователи считают, что русские стремились избегать рукопашных схваток и удерживать противника на дальней дистанции, в подтверждение чего указывают на затяжной характер многих сражений⁵. Однако нельзя не обратить внимание на то, что победы в Сибири русские часто одерживали, навязывая противнику

---

¹ *Каменецкий И. П.* «Сражались умело, отчаянно...». Русская военная тактика при освоении Сибири в XVII веке // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 6.

² *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 155.

³ *Кузьминых В. И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков: Тезисы докл. науч. конф. Томск, 1994. С. 35.

⁴ *Трепавлов В. В.* «Белый царь». С. 121–123.

⁵ *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей. С. 239; *Зуев А. С.* Присоединение Чукотки. С. 305.

именно ближний бой — как в вылазках из осажденных крепостей, так и в ходе полевых сражений. Известно, что русские вообще были сильны в рукопашных схватках, что, видимо, определялось навыками, заложенными традициями «кулачных боев», имевших сакральное значение, уходящее корнями в языческую древность, и вплоть до начала XX в. широко распространенных в народной среде (особо надо отметить бой «стенка на стенку», приучавший его участников чувствовать строй и действовать в любой ситуации согласованно)¹. Но и европейский опыт такого рода находил в Сибири широкое применение: И. Р. Соколовский, ссылаясь на «русские документы», отмечает умелые действия в рукопашном бою сибирских служилых людей польско-литовского происхождения².

Особую позицию по этому вопросу занял О. А. Митько. Он сомневается «в принципиальной возможности частых рукопашных схваток» и ссылается при этом на... повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Там говорится, что «рукопашной пашками и штыками» не бывало ни на Кавказе, «да и никогда нигде», за исключением случаев преследования бегущего противника. По мнению Митько, «косвенным подтверждением этому служит использование сибирскими казаками кистеней», поскольку «именно кистенем очень удобно добивать раненых и бегущего противника»³.

Искусственность и некорректность подобных построений очевидны, как и их решительное расхождение с данными давно введенных в научный оборот источников, свидетельствующих о довольно частых и ожесточенных «съемных боях» казаков с сибирскими аборигенами. Достаточно вспомнить хорошо известные обстоятельства походов Семёна Дежнёва, Ивана Москвитина, Ерофея Хабарова... Да и «аманатская имка» (обычный в практике того времени захват заложников для принуждения их сородичей к уплате ясака), как правило, не обходилась без пусть и скоротечной, но рукопашной схватки...

Довольно противоречиво выглядит позиция по этому вопросу у Е. А. Багрина. Он утверждает, что у казаков «применение

---

¹ Никитин Н. И. Начало казачества Сибири. С. 77–79.

² Соколовский И. Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 19.

³ Митько О. А. Люди и оружие. С. 197–198.

холодного оружия в схватках с аборигенами носило вспомогательный характер» и «никогда... не играло ведущей роли в бою», что русские в Сибири «в рукопашный бой вступали только в крайнем случае». Но вместе с тем в его же работах немало материалов и высказываний иного характера. Так, о широком применении казаками холодного оружия идет речь при описании походов Е. Хабарова на Амур, отмечается, что «необходимость использования защитного вооружения служилыми людьми... была вызвана» в том числе и «частым (! — *Н. Н.*) решением боевых задач, связанных с ведением рукопашного боя», и что «служилым людям довольно часто приходилось ввязываться в ближний, рукопашный бой, сводивший на нет преимущество в огнестрельном оружии». «Традиционно холодное оружие использовали при обороне стен острогов и при захвате туземных городков, — пишет Е. А. Багрин. — Идя на штурм служилые люди лишены были возможности быстро перезарядить свои пищали и мушкеты... и им приходилось вступать в рукопашную... Захват аманатов и опасность внезапного нападения, особенно во время сбора ясака, также требовали наличия у бойцов холодного оружия...»¹

Сибиреведам излишне напоминать, сколь часто казакам приходилось за Уралом штурмовать вражеские укрепления и брать аманатов... Остается сделать вывод, что противоречия и расхождения исследователей в оценках роли и места «съемных боев» в покорении Сибири, видимо, следует объяснять локально-временными особенностями этого процесса на столь обширной и разнородной во всех отношениях территории. Эти расхождения могут показаться мелкими и несущественными, по крайней мере по сравнению с освещавшимися выше, но, полагаю, что и они достойны специального рассмотрения, ибо имеют прямое отношение к принципиально важному для нас вопросу:

---

¹ Ср.: *Багрин Е. А.* Тактика ведения боевых действий русскими служилыми людьми в Восточной Сибири в 40–60-е гг. (по материалам Прибайкалья и Приамурья). С. 57; *он же.* Место ножа в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и дальнего Востока в XVII в. // *Ойкумена.* 2008. № 1. С. 46–47; *он же.* Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII — начале XVIII вв. (по письменным источникам) // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования.* Владивосток, 2007. Т. 5. Ч. 1. С. 269–283.

насколько легко было русским «покорять Сибирь». А он для многих историков по сей день, кажется, так и не решен...

***

С этим тесно связан еще один, традиционно спорный в сибирской историографии вопрос: доверять ли сообщениям служилых людей о степени ожесточенности сражений и числе убитых в них «иноземцев».

У сторонников концепции преимущественно мирного характера присоединения Сибири, утверждавших, что, будучи заинтересованными в получении наград, казаки допускали «явное преувеличение» в определении численности поверженных врагов (см. выше), есть единомышленники и среди современных исследователей — А. К. Нефедкин, С. В. Москаленко, С. Г. Скобелев и др.¹ И. П. Каменецкий, обеспокоенный попытками некоторых историков использовать «победные реляции» служилых для обвинений русской стороны в «буквальном истреблении» сибирских народов, тоже предостерегает исследователей от «некритического восприятия» подобных донесений и приводит конкретный пример преувеличения казаками своих боевых заслуг. Так, оказалось, что сообщение ратных людей о потерях джунгар, напавших на Кузнецк в 1706 г., сильно расходилось с аналогичными данными местного воеводы об исходе этого сражения².

Мне кажется, что здесь мы сталкиваемся с непониманием сути затронутой проблемы. Случаи преувеличения потерь противника, конечно же, бывают во всех войнах, но главный вопрос в том, было ли это в Сибири XVII в. *массовым* явлением. И если да, то почему тот же И. П. Каменецкий безоговорочно принимает и приводит в своей работе сообщения казаков о количестве врагов, убитых в других сражениях?

Вопрос этот, разумеется, сложнее, чем представляется авторам некоторых работ по истории Сибири, но все же говорить о тотальной дезинформации своего начальства служилыми

---

¹ См., например: *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей. С. 41; *Москаленко С. В., Скобелев С. Г.* Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI–XX вв. // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 157–183.

² *Каменецкий И. П.* «Сражались умело, отчаянно...». С. 8–9.

людьми у нас нет оснований. Во-первых, как справедливо замечает А. С. Зуев, «суждение о сознательном преувеличении русскими потерь аборигенов не должно быть категоричным. Не исключено, что они преувеличивали не специально, поскольку не всегда могли подсчитать или вспомнить численность поверженного противника, оценивая его потери “на глазок”... К тому же нередко они приводили и вполне правдоподобные цифры...»¹

Во-вторых, как тоже отмечалось в литературе, «выпячивание заслуг» в уменьшении числа потенциальных и реальных плательщиков ясака было для казаков весьма рискованным делом — по крайней мере, в XVII в. Тогда правительственные указы предписывали им «приводить иноземцев под высокую государеву руку ласкою и приветом», а в случае неудачи мирных способов принуждения к ясаку «тех непослушных людей смирять небольшим разореньем... чтоб их смирить слегка». Отсюда понятно, почему в своих отчетах и челобитях о жалованье служилые люди, указывая число убитых в бою «мужиков» из числа «немирных иноземцев», нередко добавляли: «потому что живыми их было взять не мочно»².

В-третьих, относясь с недоверием к указываемому казаками числу убитых врагов, исследователи демонстрируют непонимание специфики такого явления сибирской жизни XVII в., как «служилый мир» — корпорация «разных чинов людей», составлявших гарнизон того или иного города³. В свое время А. А. Преображенский, задавшись вопросом, насколько вообще правдоподобны официально оформленные показания сибирских казаков XVII в., писал: «Надо учитывать... с какой ревностью относились служилые к собственной “чести” и “службам”. Они строго следили, насколько это было в их силах и возможностях, за всеми перемещениями, назначениями, изменениями окладов, порядком верстания, чтобы соблюсти некий неписанный этикет. Отклонения от этих норм обычно влекли за собой жалобы и тяжбы, докучавшие воеводам... В такой обстановке искажение послужного

---

¹ Зуев А. С. Присоединение Чукотки. С. 298.

² Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6; Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 38–39.

³ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 75–107.

списка сводилось до минимума»¹. И уже к нашему времени относится работа Д. Я. Резуна, полагающего, что «роспись боевых заслуг казаков» в Сибири производилась «под прямым контролем казачьего круга»².

С этими мнениями нельзя не согласиться. Материалы Сибирского приказа свидетельствует, что служилые люди тщательно следили за тем, как в отправляемой «государю» документации отмечаются заслуги не только их самих, но и товарищей. На оборотах «послужных списков» мы видим многочисленные «рукоприкладства» участников описываемых событий, подтверждающих достоверность изложенного³. И если кто-то преувеличивал свой вклад в победу над врагом, то тем самым «искрадывал» будущие «государевы милости» у других, чего «войско» стремилось всеми силами не допустить. Потому-то так скрупулезно фиксировались в приказной документации сведения о поведении служилого человека в бою и его ранениях, а первая резолюция властей на челобитную казака о наградном жалованье обычно гласила: «Выписать его службы»⁴.

Так что преувеличения в описании служилыми людьми своих заслуг если и случались, то довольно редко, и содержащейся там информации о потерях сторон в сражениях в основном можно доверять. Кстати, ее использование политически ангажированными авторами для «доказательств» якобы проводимого русскими властями «истребления» аборигенов не выдерживает никакой критики, даже если рассматривать лишь военные аспекты колонизации края. Изучение военных действий на севере Азии, происходивших с участием русских с конца XVI по начало XVIII вв. привело современных историков к выводу, что боевые потери для коренного населения Сибири в целом были сравнительно невелики, даже если считать сведения казаков

---

¹ Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 382.

² Резун Д. Я. Люди на сибирском фронтире в 17 в. С. 27.

³ См., например, послужной список «амурских казаков», оборонявших от маньчжуров Кумарский острог в 1655 г. (Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 139–140).

⁴ Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 104–105, 121–122.

«преувеличенными»: согласно им, при общей численности аборигенов в 200–220 тыс. человек за этот период в столкновениях с русскими было убито около 6 тыс. — т. е. в среднем около 7,5 % мужского населения¹.

4. Менталитет казаков Сибири как поле научных дискуссий

Рассматривая менталитет сибирских казаков, мы также вступаем в область давних и острых дискуссий. Тема эта частично уже затрагивалась выше, но она столь обширна и многогранна, что нам и далее, при специальном ее рассмотрении придется ограничиться лишь некоторыми ее аспектами, и, прежде всего, попытаться выяснить, что побуждало русских в XVII в. отправляться в Сибирь и поступать там на казачью службу?

Движущие силы русского продвижения на восток, «встречь солнца» исследуются историками давно. Усилиями нескольких поколений ученых было выяснено, что в XVII в. основной поток переселенцев направлялся за Урал из северных, «поморских» уездов Московского государства, практически не знавших крепостного права, и состоял главным образом из вполне легальных «сходцев». Так что расхожее мнение о том, что за Урал русского человека влекло прежде всего «стремление к свободе», является сильным преувеличением. В Сибири вольные переселенцы довольно быстро попадали под тот же контроль воеводской администрации, с которым им приходилось иметь дело в европейской части страны, кем бы они в «новой государевой вотчине» ни становились — крестьянами, посадскими, «гулящими», «промышленными» или служилыми людьми. К переселению жителей Русского Севера побуждали относительная земельная теснота, обусловленная экстенсивным характером ведения хозяйства и усилением налогового гнета, а факторами, благоприятствовавшими миграциям на восток, являлись географическая близость и сходство природно-климатических условий Русского Поморья и Сибири, а также высокий экономический потенциал черносотного Севера, отличавшегося от других русских регионов широким развитием промыслового предпринимательства².

¹ Скобелев С. Г., Москаленко С. В. Указ соч. С. 157–183.

² Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. С. 67–71; Покишиевский В. В.

Последнее, по мнению историков-сибиреведов, имело особое значение, поскольку в течение почти всего XVII в. для Русского государства основным стимулом продвижения за Урал, подчинявшим все виды хозяйственной и административной деятельности, являлась пушнина — главный «валютный» товар, имевший тогда неограниченный спрос на внешнем рынке.

Это помогает понять причины переселения русских в Сибирь, но не дает ответа на вопрос, почему, оказавшись за Уралом, многие переселенцы предпочли спокойной, размеренной и мирной жизни в качестве крестьянина или посадского человека казачью службу, предполагавшую крайне опасные походы и «дальние посылки» в «неведомые земли». Определенное значение в таком выборе могло, конечно, иметь то обстоятельство, что официальный статус служилого человека (даже «приборного») в Московском государстве был выше, чем у крестьянина или посадского, однако, это практически никак не сказывалось на материальном положении тех и других. В военно-промысловых экспедициях можно было разжиться боевыми трофеями, добывать соболя или «рыбий зуб» (клыки моржа), а по успешным итогам похода — получить награду от «великого государя», но казаки не могли не понимать, что в лучшем случае лишь единицам из них удастся разбогатеть или сделать карьеру, знали, насколько опасны такие предприятия — сведения о сотнях погибших первопроходцев ни для кого в Сибири XVII в. не являлись секретом. Что же толкало массу людей на этот путь?

Н. Н. Болховитинов, признавая, что именно «“соболиный хвост” вел русских в бескрайние просторы Сибири», счел необходимым заметить, что помимо стремления к наживе ими «двигала неудержимая страсть к открытиям, дальним плаваниям и присоединению новых земель»¹. Вряд ли, однако, большинство отправлявшихся в походы служилых руководствовались вполне

Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 17; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. М., 1972. С. 57–68; *Колесников А. Д.* С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 180–181; Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 30; *Добрыднев В. А.* Поморская колонизация Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003.

¹ *Болховитинов Н. Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 175.

осознанной целью что-либо «открыть» или «присоединить» (хотя мы знаем, что бывали и такие). Дело, скорее всего, было в другом — в том, что полная опасностей, бродячая жизнь устраивала кого-то больше, чем «прозябание» в качестве «пашенного крестьянина» или городского ремесленника. Таких людей в народе обычно называли «рисковыми» или «бедовыми». Ученые называют их либо «пассионарными» (по Гумилеву), либо — «социально активными». Но не название здесь важно, а понимание того, что землепроходцы были носители *особого менталитета*, определявшего и особенности всего образа их жизни. (Уместно вспомнить в этой связи вышеприведенные слова Ю. Г. Недбая: «казачество — это образ жизни, состояние души»). «Рисковые» и «бедовые» люди из южнорусских уездов осваивали «Дикое Поле», уходя в вольные казаки, а из севернорусских уездов — осваивали прежде всего Сибирь, становясь землепроходцами. Ни те, ни другие не оставили нам мемуаров или писем личного характера, из которых можно было бы понять их жизненную позицию, и поэтому ее, конечно, нельзя подтвердить никакими документальными материалами. Но, отказавшись от «источниковедческого догматизма», мы можем в общих чертах представить ее, ибо она находит косвенное подтверждение хорошо известными нам судьбами отдельных землепроходцев, помогает в целом ряде случаев понять причины тех или иных их поступков, и лишь это понимание позволяет давать им объективные оценки.

***

В новейших работах по истории колонизации Сибири особенности менталитета казаков-землепроходцев порой трактуются довольно странно. Так, в книге известного екатеринбургского исследователя А. В. Головнёва «Феномен колонизации» русские люди, продвигавшиеся в XVII в. по просторам Северной Азии, делятся на «северян», представленных «промышленниками», и «южан», являвшихся служилыми людьми, и если первые во взаимоотношениях с аборигенами, по мнению автора, «делали ставку на мирную торговлю», то вторые — «на военную силу»¹.

Искусственность подобных разделений и противопоставлений очевидна уже потому, что в Сибири того времени не только

---

¹ Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 501–502.

промышленные, но и служилые люди в большинстве своем являлись выходцами из одного региона — Русского Севера (см. выше). Что же касается «военной силы», то она в Сибири широко использовалась как теми, так и другими. Ватаги землепроходцев обычно были смешанными по составу, служилые тоже всюду торговали с «иноземцами», а промышленники активно помогали казакам приводить аборигенов «под высокую государеву руку». В Сибири (особенно Восточной), как убедительно показано еще дореволюционными историками, порой вообще было крайне трудно провести четкую грань «между представителями государства, “служилыми людьми”, и носителями честных интересов, людьми торговыми и промышленными»¹.

Суть еще одного комплекса вопросов, связанных с изучением менталитета казаков Сибири, удачно сформулировал Д. Я. Резун: «Было время, когда о первых русских землепроходцах... было принято говорить только в положительных тонах и словах... Наступили другие времена, и в печати можно встретить уже другие характеристики, низводящие казаков-землепроходцев до фигур криминального мира»².

О былой идеализации русских первопроходцев довольно резко отзывается А. С. Зуев. В одной из своих последних работ он пишет: «Походы В. Пояркова и Е. Хабарова, сопровождавшиеся грабежами и избиением местного населения, под пером советских историков превратились в мирные путешествия любознательных землепроходцев. В целом при чтении достаточно большого количества работ, посвященных русским открытиям в Сибири, складывается впечатление, что русских туда привела не погоня за пушниной, а природная любознательность и тяга к поиску неведомых земель»³.

Замечания резонные, но к тому времени (2007 г.) уже не актуальные. По словам самого А. С. Зуева, «лакировка образа русских землепроходцев» в нашей историографии «начинает

---

¹ Вернадский Г. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 333. См. также: Головачев П. М. Очерк заселения Сибири в XVI–XVII ст. СПб., 1906. С. 18.

² Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. С. 49.

³ Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 83.

исчезать»¹. Но правильнее было бы сказать — практически исчезла. И если, например, некоторый налет идеализации объектов своего исследования можно найти у Г. А. Леонтьевой в упомянутых книгах о Хабаровове и Атласове, то он вполне объясним спецификой этих работ. Книга о Хабаровове предназначалась в первую очередь школьникам, которым трудно понять диалектику описываемой эпохи, а книга об Атласове носит «юбилейный» характер, и критический анализ поступков ее главного героя был бы еще менее уместен².

Что же касается противоположной тенденции — к «очернению» русских первопроходцев — то она, напротив, за последние четверть века набирает все большую силу — в связи с обозначившейся с конца 1980-х гг. общей тенденцией к «дегероизации» отечественной истории. Каких только оценок и эпитетов не удаивались казаки Сибири в ходе «переосмысления» нашего прошлого: «профессиональные убийцы», «конкистадоры, привыкшие убивать всякого, кто попадетсЯ», «бродяги, авантюристы и разбойники» и т. д. и т. п.³

По наблюдениям А. С. Зуева, особенно часто подобные эмоции «перехлестывают через край» в популярных работах и в публицистике. Там действия русских все чаще характеризуются не иначе как «преступление», «кровавые похождения», рисуются жуткие картины «зверств» и «насилий» пришельцев над коренным населением⁴. Столь односторонняя трактовка исторических событий сразу же вызвала неоднозначную реакцию у нашей общественности. Известный писатель, бывший диссидент В. Е. Максимов заметил: «Так критически к своей истории не относится ни одна интеллигенция в мире. Вы почитайте двухсотлетнюю историю Америки. Что они творили! Чумные одеяла забрасывали в индейские племена... Вырезали целыми селениями... И они не стенают по этому поводу. И только у нас этот мазохизм, это самоуничужение»⁵. Подобные замечания не могли,

---

¹ Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 110.

² Подробнее об этих книгах см.: Никитин Н. И. Биографический жанр в сибиреведении: новые успехи и старые проблемы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 188–191.

³ См., например: Родина. 1990. № 5. С. 75; 1994. № 8. С. 28–33.

⁴ Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 106–107.

⁵ Литературные новости. 1994. № 4.

однако, повлиять на набравшие в те годы тенденции, и взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири изображались в массовых изданиях обычно в самом негативном свете.

Приводимые в подкрепление подобных характеристик факты в большинстве случаев, действительно, имели место. Война — всегда крайне жестокая вещь, а в XVI–XVII вв. — тем более. Нравы в эпоху покорения Сибири были весьма суровые — под стать эпохе. Ведь людей «делают обстоятельства», а «каков век — таков и человек». И это, естественно, не мое открытие, а мнение, которое еще во времена «тоталитаризма» и «застоя» высказывали весьма авторитетные авторы.

Например, крупный советский писатель, лауреат государственной премии Н. Н. Михайлов в «парадном» издании одного из своих сочинений, приуроченном к 50-летию Октябрьской революции, писал: «Землепроходцы были людьми высокого мужества. Но они были сынами жестокого века. Казацкая вольность переливалась через край, и поиски отрядов в стремлении собрать побольше ясака часто бывали безжалостны»¹. А десятилетием раньше известный советский исследователь истории русских географических открытий в Арктике М. И. Белов так отозвался об одном из этих казаков-землепроходцев: «Будучи человеком своего времени, Атласов совершал поступки, которые не могут быть оправданы с позиций наших современных представлений»². Якутский историк Ф. Г. Сафронов в связи с характеристикой «покорителя Приамурья» Е. Хабарова обратил внимание на воздействие «бунташного» XVII века с его «непримиримыми противоречиями и резкими контрастами» на развитие личности и пришел к заключению, что «люди могли быть только такими, какими их сформировало время»³.

Вопрос о допустимости подхода к событиям далекого прошлого с позиций современной морали и этики тоже с давних пор является дискуссионным и по сей день актуальным. Еще Н. М. Карамзин призывал «судить о героях истории по обычаям и нравам их времени»⁴. От подхода к поступкам людей прошлого

---

¹ Михайлов Н. Н. Моя Россия. М., 1966. Кн. 1. Российские просторы. С. 52.

² Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. М., 1957. Т. 2. С. 103.

³ Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. [Хабаровск] 1983. С. 6.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 томах. М., 1989. Т. 1. С. 122.

с современными мерками предостерегал Проспер Мериме. В современной литературе этот вопрос тоже активно обсуждается. Ю. А. Поляков считал, что «плох историк, не соблюдающий принципов историзма в оценке событий минувшего... Нельзя судить близких и далеких предков наших по нынешним меркам»¹.

Историк и писатель Н. Я. Эйдельман, исследуя вопросы историзма в научных биографиях, указывал на опасность «модернизации», подмены ранних человеческих представлений современными и считал необходимым для историка устанавливать контакт с психологией людей изучаемой эпохи. В этом вопросе его полностью поддерживает современный исследователь из Владивостока В. Н. Чернавская². И А. В. Головнёв призывает читателей своей книги «Феномен колонизации» «смотреть на события не с высоты сегодняшнего дня, а глазами людей, в них участвовавших»³.

«Есть такая научная дисциплина — герменевтика, — пишет философ Ф. Минюшев. — Она учит, как надо интерпретировать любое прошлое событие... Если не придерживаться ее правил, можно легко скатиться к тому, что ценности и нормы лишь современной культуры будут являться единственными эталонами для истолкования прошлых фактов. Мы тогда просто приписываем людям прошлого наши сегодняшние ценности»⁴.

В том же духе в последнее время высказываются многие. Но многие же придерживаются противоположной точки зрения — в том числе и в трактовках сибирской истории. Так, А. Б. Каменский сравнивает «завоевание Сибири» (Ермаком) с «преступлением» и заявляет, что хотя принципов историзма и надо придерживаться, но «мы тем не менее не можем не оценивать исторические события с позиций морально-этических норм нашего времени... чтобы знать, кто есть кто и что есть что

---

¹ Московские новости. 03.04.88. Подробнее о проблеме см.: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 45–46.

² Эйдельман Н. Я. Об историзме в научных биографиях (на материалах русской истории XIX века) // История СССР. 1970. № 4. С. 18–31; Чернавская В. Н. Указ. соч. С. 148.

³ Головнев А. В. Указ. соч. С. 10.

⁴ Минюшев Ф. Смешивая правду и истину // Литературная газета. 2010. № 42–43. С. 10.

в нашей истории»¹. (Примечательно, однако, что Екатерину II он характеризует как «дочь своего времени» и считает возможным оправдывать многие ее неблагоприятные, с точки зрения современной этики и морали, поступки как раз характером эпохи...²)

Б. П. Полевой выразил решительное несогласие с «некоторыми авторами», которые «рекомендовали снисходительно относиться к насильственным действиям Хабарова, поскольку он был “человеком своего жестокого века”. Однако изучение документов XVII в. ясно показывает, — пишет Б. П. Полевой, — что и в те времена на крайнем востоке России существовали различные люди: одни действительно проявляли большую жестокость, но уже тогда были “начальные люди” и противоположного типа»³. Возражая Б. П. Полевому, В. Н. Чернавская замечает, что «личность человека, сыгравшего свою роль в Истории, вряд ли можно рассматривать в отрыве от Времени, породившего его»⁴.

Безусловно соглашаясь с Чернавской, нельзя вместе с тем не согласиться и с Полевым — в том, что и в «жестоком» XVII в. жили разные люди. По мнению автора этих строк (уже высказанному в печати⁵), Сибирь знала два основных типа казака-землепроходца. Первый — это типичный конкистадор, смыслом жизни которого были военные походы и военная добыча. Люди эти были, как правило, не просто храбрые и выносливые, а часто еще и авантюрного склада, отчаянные, нахрапистые, не останавливающиеся ни перед чем для достижения поставленной цели. Поступки их, мягко говоря, далеко не всегда укладываются в современные представления об этике и морали, но нельзя не признать, что без таких «удальцов» («пассионариев») покорение Сибири вряд ли бы состоялось. Как совершенно верно

---

¹ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 156.

² Он же. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 32, 121, 202–203, 268.

³ Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования.) Владивосток, 1995. Т. 2. С. 26.

⁴ Чернавская В. Н. Указ. соч. С. 90.

⁵ Никитин Н. И. Семен Дежнев: первопроходец или первооткрыватель? // Преподавание истории в школе. 1999. № 2. С. 13–14; он же. Семен Дежнев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 141.

заметил Д. Я. Резун, «царское правительство понимало, что в сложной обстановке на сибирской окраине... было трудно обойтись без энергичных и инициативных, а порой и своевольных людей, и поэтому не стремилось прибегать для их обуздания к жестоким мерам»¹. Люди подобного склада были востребованы своим временем и порождены им же, после чего (с наступлением других времен) отношение правительства к ним стало меняться, и они довольно быстро сошли с исторической арены.

Землепроходцев второго типа отличали осмотрительность, неторопливость, деловитость, степенность. При необходимости они неплохо проявляли себя в ратном деле, но предпочитали решать все вопросы мирным путем. Им были свойственны совестливость, уживчивость и умение находить общий язык с представителями самых различных племен и народов. Именно за такими людьми было будущее русской Сибири, и они тоже были порождены и востребованы не только *своим* временем, но и тем, что наступило в Северной Азии *после* ее присоединения к России.

Самым известным и общепризнанным представителем сибирских служилых такого типа являлся Семён Дежнёв. А. С. Зувев считает, что подобных Дежневу людей в Сибири было крайне мало, и они «растворялись в массе тех, для кого цель оправдывала средства»². Полагаю, что это все-таки преувеличение. К числу близких Дежневу по духу и поведенческим стандартам людей можно отнести еще ряд широко известных персонажей сибирской истории XVII в. — Петра Бекетова, Максима Перфильева, Якова Тухачевского³.

То, что деятельность служилых людей «конкистадорного» типа получила в источниках гораздо большее отражение, объясняется спецификой приказной документации, менее всего нацеленной на фиксирование обыденного, и в частности мирных, «человеческих» взаимоотношений русских и аборигенов. Но о достаточно широком распространении в Сибири именно таких

---

¹ Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 37.

² Зувев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 149.

³ Курилов В. Н., Люцидарская А. А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 33–37; Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова. С. 26; Вершинин Е. В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов С. 35–49.

взаимоотношений ясно говорят пусть и отдельные, случайно выявляемые, но весьма показательные и по большей части давно известные факты. Они свидетельствуют, что у русских за Уралом среди аборигенов в XVII в. имелись «старые друзья и знакомцы», что для улаживания конфликтов сибирские «иноземцы» просили присылать к ним знающих их обычаи служилых, пользующихся у коренного населения особым доверием, что, отправляясь в поход, казак мог оставлять свое хозяйство и семью на попечение знакомого «иноземца» (как это сделал, например, Дежнев), что «иноземцы» часто ходят к русским в гости и предупреждают их о готовящихся нападениях, что в момент смертельной опасности «иноземец» закрывает русского друга своим телом (эпизод из похода Атласова), что порой казакам удается отбить от неприятеля лишь благодаря помощи ясачных якутов, тунгусов или бурят¹. И вряд ли сильно приукрашивали деятельность своих предков сургутские казаки, когда в 1805 г. в исторической справке о гарнизоне Сургута особо подчеркнули их умение приводить «в спокойствие» ясачные народы «ласковостью» — «через знание сургутской команды старшинами и казаками их азиатския разговоры»...²

Некоторые обвинения сибирских служилых в жестокости вообще плохо согласуются с данными источников, давно введенными в научный оборот и никем пока не опровергнутыми. Так, им решительно противоречит оброненное А. С. Зуевым замечание, что с аманатами «русские особо... не церемонились, мало заботясь об их выживании»³. Всякое, конечно, случалось между казаками и аманатами, но преобладало все же стремление во что бы то ни стало сохранить заложников живыми и здоровыми, ибо от их благополучия напрямую зависел ясачный сбор, поэтому так распространены были в Сибири XVII в. ситуации,

---

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 332–334; Курилов В. Н., Люцидарская А. А. Указ. соч. С. 37; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов. С. 74; Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 47–49; Зуев А. С. Присоединение Чукотки. С. 386; Багрин Е. А. Место ножа в комплексе холодного оружия русского служилого человека. С. 55–57.

² Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 154.

³ Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 95.

когда казаки сами из-за нехватки «съестного припаса» голодали, но аманатов кормили исправно. Практиковалась также с согласия сородичей замена «старых» аманатов (чтобы они в неволе не «заскорбели») на «новых». И даже отказ от уплаты ясака «под аманата» вовсе не предполагал его неминуемую казнь (как можно понять из некоторых работ), и тому в литературе есть конкретные примеры¹.

***

С течением времени казачий менталитет мог, конечно, меняться. Так, некоторые исследователи отмечают проявления выскомерного, презрительного отношения сибирских казаков к «туземцам» в конце XIX в.² Но ведь таковым оно было тогда у казаков (причем не только сибирских) и по отношению к *русскому* «мужику» (см. выше, Очерк первый), и потому должно рассматриваться как проявление не столько национальной вражды, сколько элементарного сословного чванства, столь свойственного казачеству во второй половине XIX и в начале XX вв. А применительно к XVII столетию историки в последнее время чаще пишут о в целом «толерантном» отношении казаков к противостоящим им «иноземцам». Даже А. С. Зуев, рассматривающий русско-аборигенные отношения в XVII в. как в основном конфронтационные, считает нужным применительно к этому периоду отметить «нейтральное оценочное восприятие русскими сибирских аборигенов», отсутствие ксенофобии³. (При этом, правда, отмечается, что в XVIII в. в русских документах появляются «негативные эпитеты» в адрес чукчей и коряков. А. С. Зуев склонен объяснять такие перемены «упорным вооруженным

---

¹ Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 280–281; *Никитин Н. И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 37, 50–51, 114, 126. А. С. Зуев приводит примеры другого рода, датируемые концом 1730-х гг., когда служилые люди большую часть «аманатского корму» употребили «про себя» (*Зуев А. С.* Присоединение Чукотки к России. С. 354). Возьму на себя смелость утверждать, что случай этот совершенно не типичен, по крайней мере для XVII в.

² *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 157.

³ *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 23; *он же.* Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 88–89, 151–152.

сопротивлением» этих народов, однако, возможно, тут лишь проявилось все усиливающееся к тому времени проникновение в среду российского чиновного люда западноевропейского восприятия («дикарей».)

Вместе с тем, «обобщенный портрет русских землепроходцев» у А. С. Зуева выглядит следующим образом: «Большинство тех, кто шел “встречь солнцу”, первыми вступал в контакты с иноземцами и устанавливал с ними отношения, подчиняя русской власти, были людьми весьма суровыми, совершенно не склонными к сентиментальности и добродушию. Но еще важнее то обстоятельство, что, будучи в значительной части социальными маргиналами, они... оказавшись в сложных объективных условиях (плохое материальное снабжение, обремененность долгами и финансовыми обязательствами) и соответствующей обстановке (слабый контроль “сверху”, враждебное окружение) без всяких колебаний вставали на стезю преступлений, прибегая к злоупотреблениям...»¹. По мнению А. С. Зуева, «контингент русских комбатантов, от начальствующего состава до рядовых, в подавляющем большинстве по менталитету отличался низким культурным и моральным уровнем, а также склонностью к девиантному поведению, выходящему за рамки морально-нравственных представлений даже своего времени»².

Действия сибирских казаков в XVII в., конечно, могли выходить «за рамки» свойственной той эпохе представлений об этике и морали — это вполне реальная вещь, официально называвшаяся в приказной документации того времени «воровством» и поступками «лихих людей». Однако остается открытым вопрос, насколько часто и как долго подобное происходило в Сибири. А. С. Зуевым приведен всего один пример действий, которые «перехлестывали через край даже по меркам того времени», да и то не слишком характерный³, так что разговор на эту тему получается пока беспредметным.

Среди служилых людей Сибири, особенно в наиболее удаленных регионах, действительно, было немало ссыльных уголовников

---

¹ Зуев А. С. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 106.

² *Он же*. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 87; *он же*. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 111–112.

³ *Он же*. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 146.

и прочих маргиналов, и слабый контроль за ними со стороны администрации не мог не способствовать беззаконию и произволу, тем более что, как пишет сам А. С. Зуев, «мародерство и жестокость являются спутниками любой, даже “цивилизованной” войны»¹. Но то, что «контингент русских комбатантов» в течение целого столетия состоял «в подавляющем большинстве» из «отребья нации» (выражение декабриста Д. И. Завалишина, цитируемого А. С. Зуевым)², никак не подтверждается приведенными в работах А. С. Зуева источниками, и, похоже, это свое заключение он делает не на основе их анализа, а отталкиваясь от общих «ощущений эпохи».

В то же время, усилия властей по наведению порядка в отношениях между служилыми людьми и аборигенами — вполне очевидный факт, подтверждаемый источниками, давно введенными в научный оборот. Хрестоматийную известность приобрели случаи, когда за «обиды и налоги», чинимые ясачным людям, казаков подвергали «жестоким наказаниям»: били «кнутом на козле и в проводку безо всякие поноровки», а затем ссылали в дальние остроги³.

Усиление административного контроля за действиями служилых людей не могло оставаться без последствий и в немалой степени способствовало «качественному изменению состава самих комбатантов» (когда на смену «пассионариям» приходили «непассионарии»), которое отмечает сам А. С. Зуев⁴. В свете имеющихся в нашем распоряжении данных это выглядит вполне убедительно и подтверждается другими исследователями.

В их числе Е. А. Багрин, который тоже ставит характер взаимоотношений служилого и аборигенного населения Сибири

---

¹ Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 152.

² *Он же*. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 47.

³ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 57–58; Степанов Н. Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена/Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 115; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 50; Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 219.

⁴ Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 137–138; *он же*. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 154; *он же*. Присоединение Чукотки к России. С. 384–385.

в прямую зависимость от того, о каком этапе русского освоения тех или иных регионов идет речь. На его начальной стадии, слабо контролируемой Москвой, движущими силами колонизации, по мнению Багрина, сплошь и рядом становились люди, рассматривавшие «иноземцев» как главный источник наживы, жившие в значительной мере за счет военной добычи и потому часто нарушавшие «государевы указы», требовавшие бережного отношения к аборигенам. А те, в свою очередь, видя малочисленность пришельцев, активно пытались их уничтожить. В этом Е. А. Багрин усматривает главные причины напряженности в русско-аборигенных отношениях в отдаленных регионах, напрямую влияющей и на формирование менталитета первопроходцев: «Осажденное положение при крайне суровых условиях быта, где для выживания надо было проявлять силу, решительность, подавлять и заставлять бояться, выработало психотип человека, для которого жестокость стала естественным способом решения возникавших проблем»¹.

Вместе с тем, Е. А. Багрин полагает, что по мере «огосударствления» присоединяемых к России территорий и усиления над ними контроля со стороны Москвы, заинтересованной в сохранении ясачного населения, ситуация кардинально менялась. В служилой среде стали доминировать семейные люди, обзаведшиеся собственным хозяйством. По мере «выбытия», их места в гарнизоне доставались уже не «гулящим людям», а ближайшим родственникам, и конфликты с аборигенами становились служилым невыгодны. К тому же по мере «испромышления» соболя в основательно освоенных районах с «иноземцев» и взять было особенно нечего². В этой связи следовало бы еще, наверное, отметить постепенные перемены в отношении самих аборигенов к российской власти и, соответственно, к пришлому населению: они вскоре оценили выгоду мирных (и прежде всего торговых) отношений с русскими, а стабилизация обстановки в регионе сопровождалась вполне естественными изменениями и в менталитете всех его обитателей.

Какаясь характера отношений пришлого и коренного населения Сибири в ходе русской колонизации, трудно удержаться от сопоставлений с однотипными процессами в других частях

---

¹ Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье России. С. 32.

² Там же. С. 32–33.

света. Сравнения обычно проводятся с Северной Америкой, европейская колонизация которой проходила примерно в то же время и в схожих природно-климатических условиях¹. История обеих колонизаций, конечно, изобилует примерами крайне жестокого обращения переселенцев с аборигенами и крайне негативных последствий их бытовых контактов. Но хорошо известны и примеры мирных, даже дружеских отношений переселенцев и аборигенов и как результат — позитивные перемены в жизни последних. Вопрос в том, какая из тенденций в том и другом случаях оказалась преобладающей, как в *конечном итоге* отразилось на судьбах коренного населения то, что принесли ему переселенцы. Ответ на него очевиден: если в Северной Америке с XVI по конец XIX в. общая численность коренного населения *сократилась* в несколько раз, то в Северной Азии она за тот же период в несколько раз *увеличилась*². Об этом при оценке деятельности русских первопроходцев тоже не следует забывать...

5. Велись ли в Сибири XVII в. колониальные войны?

Нежелательная в научных исследованиях «модернизация» при оценках событий далекого прошлого не ограничивается приведенными выше примерами подхода к ним с современных морально-этических позиций. Ее проявлением можно также считать квалификацию А. С. Зуевым, А. К. Нефедкиным и некоторыми другими современными историками военных столкновений русских с народами Сибири как «колониальной войны» со стороны России и «национально-освободительной войны» со стороны аборигенов³. Полагаю, что «колониальная»

---

¹ Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Фронт в истории Сибири и Северной Америке в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. [Вып. 1]; Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2; Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; *Побережников И. В.* Канадский и российский фронт: общее и особенное (XVI — начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 25–30.

² *Аверкина Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 8–10; Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 335; *Скобелев С. Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.

³ *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX вв.). СПб., 2003; *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 105.

терминология в данном случае вообще вряд ли уместна. Во-первых, как убедительно и не раз за последние десятилетия показано исследователями, Сибирь не стала колонией России — по крайней мере, в *социально-политическом* значении слова: за Уралом отсутствовал главный атрибут колониальной зависимости — управление территорией на основе особого (колониального) режима, отличного от того, что был в метрополии¹, и попытки некоторых современных историков (например, исследователя из Улан-Удэ А. В. Козулина) представить Сибирь как «полноценную» колонию явно несостоятельны, ибо не доказывают особого статуса «сибирской украины» в России². А во-вторых, сами события военной истории Сибири XVII — начала XVIII вв. плохо согласуются с представлениями об «антиколониальной» и «национально-освободительной» борьбе народов.

Хорошо известно, например, что одной из главных причин «чукотской войны» явились попытки российских властей воспрепятствовать нападениям чукчей на ставших российскими подданными коряков, юкагиров и тунгусов. «Выступая в качестве союзников одних этнотерриториальных групп, русские становились врагами других», — замечает А. С. Зуев³. Как явствует из его работ и исследований других авторов, практически у всех сибирских народов были широко распространены набеги на соседей с целью грабежа, захвата женщин и рабов, а также (как пишет А. С. Зуев) «для испытания силы и мужества воинов», ибо «грабительские набеги на “чужаков” считались удачью и похвальным действием»⁴.

В противоречии с собственным утверждением о колониальном характере «русско-аборигенных» войн находится еще ряд

---

¹ Горюшкин Л. М. О характере колониальной зависимости Сибири в эпоху капитализма // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972. С. 66–67; Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 9; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 18.

² Никитин Н. И. О межэтнических отношениях в Сибири в ходе русской колонизации // Национальный вопрос в истории России. М., 2015. С. 6–19; *он же*. Сибирь как колония: мнения и факты // Империя: проблемы внутренней и внешней колонизации. Мат-лы XXXVIII международного семинара историч. исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2019. С. 123–135.

³ Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 153.

⁴ *Он же*. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 41, 67, 155–158, 165; см. также: *он же*. Присоединение Чукотки к России. С. 357, 368 и др.

заклучений А. С. Зуева — в частности о том, что даже если бы русские не пытались подчинить себе народы северо-востока Сибири, «провоцируя» их на конфликты, «те всё равно проявляли бы агрессивность, которая детерминировалась их восприятием русских как “чужих — врагов” подлежащих уничтожению. Именно поэтому, — пишет А. С. Зуев, — коряки и чукчи нередко сами выступали инициаторами столкновений. К нападениям на русских их подталкивала и такая немаловажная причина, как потребность в приобретении материальных ценностей...»¹ Характерно приведенное Зуевым же свидетельство путешественника и ученого XVIII в. Я. И. Линденау, лично изучавшего быт коряков: «Чужим они подарков не делают, сами же охотно принимают подарки, но если им что дают, то они это не ценят, а рассматривают как некую обязанность, при этом исподтишка дарителя высмеивают, полагая, что все имеющееся у чужого принадлежит им, да еще ищут повода его убить и завладеть его имуществом»².

Уместно будет напомнить, что и многие другие народы Сибири были склонны к ничем не спровоцированным, говоря современным языком, нападениям на русских. В их числе, например, ханты-мансийские племена, для которых, по словам С. В. Бахрушина, «война и военный грабеж долгое время были главным средством существования»³; некоторые из обитавших в западно-сибирской тундре самодийских племен (в особенности юраки — «юрацкая кровавая самоядь»): объектами их нападений становились как остяцкие, так и русские селения, партии служилых людей, следовавших с казенными грузами Северным «чрезкаменным» (через Урал) путем. Немало русских бывало при этом убито и ранено, случалось, что они по нескольку дней «сидели от той самояди в осаде». Как выяснили еще Н. Н. Оглоблин и С. В. Бахрушин, грабеж провозимых «с Руси» и «на Русь» продовольственных запасов и «соболоиной казны», охота за потерпевшими крушение в Обской губе судами стали для некоторых ненецких родов чуть ли не постоянным промыслом⁴. Голословное отрицание этих

---

¹ Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 153.

² Там же. С. 93.

³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 112–134.

⁴ Оглоблин Н. Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900. Ч. 3. С. 79; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 85–118. Ч. 2. С. 6–12, 95.

фактов некоторыми современными авторами не выдерживает, как показал А. Т. Шашков, никакой критики¹.

Широко известны и воинственные наклонности тунгусов (эвенков и эвенов). Будучи, как правило, хорошо обеспеченными как наступательным, так и защитным вооружением, они производили внушительное впечатление на русских. «Люди воисты, боем жестоки», — отзывались о них в XVII в. казаки². Те же качества счел нужным отметить у тунгусов и западноевропейский наблюдатель: «Они очень воинственны, ведут частые войны с соседями»³. В числе этих подвергавшихся постоянным нападениям «соседей» часто оказывались не только местные племена (например, сильно страдавшие от тунгусских набегов кеты), но и русские люди. Причем молодежь, обычно являвшаяся инициаторами и организаторами военных походов, могла совершать их вопреки воле своих «князцов»⁴.

Одним из самых многочисленных и воинственных народов Сибири XVII являлись буряты. Они подчинили себе много соседних племен, взимали с них дань и порой сами бросали вызов казакам — «звали де их, служилых людей, к себе битца»⁵.

Сведения о воинственных наклонностях и постоянных набегах на русские селения кочевых народов лесостепной и степной зоны Сибири давно введены в научный оборот. Причины, побуждавшие кочевников к набегам на земли оседлых соседей, в Сибири были теми же, что и во всем мире, и стары как мир. Военная активность степняков коренилась в особенностях самого кочевого образа жизни: слабые производительные силы кочевого

Новые материалы по этому сюжету введены в научный оборот Е. В. Вершининым (см.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов. Екатеринбург, 2004. С. 6; *Вершинин Е. В.* Бегство к свободе: русская колонизация и сибирские самоеды в XVI–XVII веке // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург, 2006. С. 110–128).

¹ *Шашков А.* Обдорский край в XVII столетии // Югра. 1999. № 3. С. 26–29.

² Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 209–210.

³ *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 289.

⁴ *Бродников А.* Русско-тунгусские отношения в среднем и нижнем Приангарье в 20-е гг. XVII в. (военно-политический аспект) // Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 24; *он же.* Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С. 37.

⁵ *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 36, 65.

общества не могли обеспечить его всем необходимым, а периодические падежи скота и прогрессирующая при росте населения нехватка пастбищ вообще ставили кочевые сообщества на грань голодной смерти. Грабежи соседей представлялись кочевникам наиболее доступным выходом из материальных затруднений, являясь традиционным элементом ведения кочевого хозяйства, а наиболее удобным объектом для набегов чаще всего становилось оседлое, земледельческое население — вследствие его малоподвижности, распыленности и отсутствия у большинства воинских навыков, сопоставимых с боевым мастерством кочевников¹. Даже современные апологеты «кочевых империй» (как например монгольский журналист Чойжилжавын Чойсамба, преисполненный «чувством национальной гордости» за деяния Чингисхана и Батыя) признают, что война служила для кочевника «главным источником жизни»².

***

В освещении истории русско-аборигенных отношений на севере Азии обращает на себя внимание давняя традиция сибирской историографии: детально описывая (и осуждая) «жестокости» русских по отношению к аборигенам, исследователи умалчивают или упоминают лишь вскользь о «жестокостях» аборигенов по отношению к русским. Харьковский профессор П. Н. Буцинский, который в конце XIX в. попытался заострить внимание на фактах последнего рода, был заклеен советской историографией как «откровенный колонизатор» и «реакционер»³. Но в особенностях

---

¹ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 416–419; *Очерки по истории башкирской АССР.* Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 90; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 6; *Илюшечкин В. П.* О влиянии природных условий на формирование и развитие аграрных цивилизаций // *История взаимодействия общества и природы: факты и концепции.* М., 1990. Ч. 1. С. 118–119; *Крадин Н. Н.* Экономический фактор в образовании экзополитарных кочевнических структур // Там же. С. 120; *он же.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // *Вопросы истории.* 2001. № 4. С. 23–24; *Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века.* М., 2003. С. 30, 32, 34, 45.

² *Чойжилжавын Чойсамба.* Завоевательные походы Бату-хана. М., 2008. С. 147, 155.

³ *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 365–366.

менталитета одной воюющей стороны вряд ли можно разобраться, не рассматривая в тех же аспектах другую сторону. И в последнее время в печати все чаще появляются материалы, позволяющие рассматривать русско-аборигенные отношения всесторонне. «Отдельно следует сказать о боевом духе противников русских казаков, — пишет, в частности, А. Ю. Огурцов. — Современники отмечали, что крайней свирепостью и коварством отличались все сибирские аборигены, включая кузнецких татар (будущих шорцев). Иногда их безосновательно обвиняют в кротости и пассивности — напрасно. Более 20 лет кузнецкие татары ожесточенно сопротивлялись русской экспансии, беспощадно расправляясь с отдельными группами русских казаков...»¹

О былых нравах народов северо-востока Сибири сохранилось еще больше свидетельств. В записках ученых-путешественников, в отзывах чиновников и других современников юкагиры, например, характеризуются как «кроткое», но вместе с тем «воинственное, на войне жестокое племя»; коряки — как «искони вероломные», «прегрубые, сердитые... злопамятные и немилосердные люди», которые «к убивствам человек кровожаждущие... ненависливы и противозлобны и ни с чего чужеземца убивают...». Ительменам, по мнению европейских наблюдателей, были присущи «геройский дух» и «ужасающая жестокость». Отличительными чертами этих обитателей Камчатки назывались «ярость, ненависть, лицемерие», порождающие «войны как между собою, так и с соседними народами», хитрость и коварство (проявлявшиеся, в частности, в обычае смазывать стрелы смертоносным ядом). Чукчи же, по словам анадырских жителей, вообще «из всех племен в крае были самые воинственные»².

Эта воинственность оценивается исследователями по-разному. Например, военного историка («полемолога») А. К. Нефедкина, она восхищает, и свою монографию он специально посвятил «героическому Чукотскому народу»³. А видный исследователь

---

¹ Огурцов А. Ю. Оружие // URL: <http://admnkz.info/document.do?id=93291>

² Крашенинников С. Описание земли Камчатки. СПб., 1775. Т. 2. С. 16, 67, 149; Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1981. С. 181; Огородников В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. Иркутск, 1920. С. 31; Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 130; Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 158–159.

³ Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX вв.). СПб., 2003.

истории межэтнических отношений в России XVI–XVIII вв. В. В. Трепавлов более сдержан в оценках и обращает внимание на такие особенности менталитета чукчей: считая себя единственным «избранным народом», они «относились ко всем своим соседям крайне высокомерно (что отразилось в языке и фольклоре)»¹. Уместно в этой связи привести и одну из общих характеристик народов северо-востока Сибири, данную в XVIII в. известным исследователем Камчатки С. П. Крашенинниковым: «О храбрости тамошних народов можно вообще сказать, что те, кои далее живут к северу, наглее и отважнее»².

Приведенные выше свидетельства современников, возможно, слишком субъективны и односторонни, чтобы полностью доверять им, но в распоряжении исследователей имеются аналогичные сведения чисто информативного характера, не содержащие каких-либо субъективных оценок. Из них мы знаем, например, что крайняя жестокость тазовских самоедов проявлялась в «поругании» даже убитых врагов — победители у них «носы и у рук персты резали». Енисейские киргизы отрезали уши и носы и у живых пленников и даже ясак со своих данников выбивали посредством чудовищных пыток³. Жестоким истязаниям, как отмечают современные исследователи, подвергали перед смертью пленных русских и татары-кучумовичи с калмыками: «мучили... руки и ноги отсекали и тело резали»⁴.

Но особенно изощренные, чудовищные по жестокости пытки и казни, по описаниям очевидцев, применяли к захваченным врагам народы крайнего северо-востока Сибири — чукчи, коряки и ительмены: «жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги, и всякие делали надругательства»⁵. Более подробное изложение этой «антологии» пыток и казней здесь вряд ли уместно: прошу поверить, что перед ними меркнут самые жестокие способы расправы русских со своими врагами в Сибири (как заметил А. С. Зувев, «документальные данные

---

¹ *Трепавлов В. В.* Образ русского в представлении народов России XVII–XVIII вв. // *Этнографическое обозрение*. 2005. № 1. С. 110.

² *Крашенинников С.* Указ. соч. Т. 2. С. 71.

³ *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6, 183, 189, 193.

⁴ *Резун Д. Я.* Родословная сибирских фамилий. С. 151.

⁵ *Крашенинников С.* Указ. соч. Т. 2. С. 63–64. См. также: *Христофоров В.* Копье и чаша // *Мир Севера*. 1997. № 3. С. 79–81; *Митько О. А.* Указ. соч. С. 199.

и свидетельства современников ничего не сообщают о случаях столь жестокого обращения русских с пленными)¹.

Размышляя над этой стороной русско-аборигенных отношений, О. А. Митько усматривает во многих действиях сибирских служилых людей «не жестокость и коварство, а “военную хитрость”. Точно так же, — пишет он — ее можно увидеть и в “коварстве” противников русских, когда, заплатив ясак и приняв сборщиков “с честью и любовью”, ночью на них нападали или, выбравшись из юрты, сжигали заживо спящих казаков... Законы войны везде одинаковы, и жестокость по отношению к врагу очень часто является лишь одним из способов доказательства своей силы»².

Объективная неизбежность проявления такого рода человеческих качеств отмечается и А. С. Зуевым. «...И русские не отличались мягкосердечием, — пишет он. — Жестокость порождала жестокость, и в результате возрастала взаимная ненависть и жажда мести, которые затрудняли переход от войны к миру»³.

Рассматривая стереотипы и особенности военного менталитета сибирских аборигенов XVII в., нельзя не, учитывая, что война являлась неперенным спутником (а нередко даже образом жизни) сибирских народов, и за столетия до проникновения русских за Урал у аборигенов Северной Азии формировались свои представления о том, что в противоборстве с врагом допустимо, а что нет. В этой связи вполне резонным выглядит следующее замечание А. С. Зуева (высказанное, правда, в порядке предположения): «На первых порах аборигены, исходя из собственных “социально-политических представлений”... воспринимали русских как равных, как представителей какого-то неведомого племени, случайно забредших на их территорию... с целью грабежа». И поскольку подобные ситуации были аборигенам знакомы (они «сами организовывали отряды для грабительских нападений на соседей»), «что делать с незваными гостями... хозяева уже знали по собственному опыту взаимных набегов...»⁴.

---

¹ Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 160; *он же*. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 106; *он же*. Присоединение Чукотки к России. С. 353, 362.

² Митько О. А. Указ. соч. С. 198–199.

³ Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 160.

⁴ Там же. С. 150–151.

Разобраться в подобных ситуациях в целом и в вопросах военного менталитета в частности может помочь изучение фольклора тех народов, с которыми казаки контактировали в Сибири. В последнее время сибирскому фольклору стали уделять повышенное внимание не только филологи и этнографы, но и историки. Так, В. И. Кузьминых, анализируя чукотские мифы, демонстрирующие в основном крайне негативное отношение аборигенов к казакам, вместе с тем замечает: «Признание чукчами русских равными себе говорит о том, что пришельцы оказались достойными противниками. Чукчи относились ко всем своим соседям крайне высокомерно, и ни один народ в чукотском фольклоре, за исключением русских и самих чукчей, не назван собственно людьми»¹.

А. С. Зуев также обращает внимание на то, что в фольклоре народов северо-востока Сибири «русские изображаются как очень жестокие воины», но в то же время признает, что военные поражения аборигенов в столкновениях с ними «заставили их уважительно относиться к пришельцам»². И такое отношение надо признать вполне естественным, если учитывать особенности менталитета того сурового времени, причем не только у народов Сибири и не только в XVII в.

6. «Служилые иноземцы» и «сибирский субэтнос»

Изучение военных факторов колонизации Сибири выводит некоторых исследователей на вопросы, весьма далекие от чисто военной истории и порой приводит к весьма парадоксальным заключениям. Так, группа новосибирских историков, возглавляемая Д. Я. Резуном, выдвинула тезис, согласно которому на сибиряков огромное воздействие оказало присутствие среди них в конце XVI–XVII вв. выходцев из Речи Посполитой и стран Западной Европы, определяемых в Сибири главным образом на военную службу. Как полагают эти историки, «в Сибири не произошло ассимиляции выходцев из западного пограничья русским этносом, это была, скорее всего, встреча на восточном рубеже. Результатом должно было стать складывание нового

---

¹ Кузьминых В. И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Востока Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков. С. 34.

² Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 105; он же. Присоединение Чукотки к России. С. 362.

единого менталитета и, в конечном итоге, нового субэтнуса — сибирского». И хотя, по мнению приверженцев излагаемого тезиса, «этот процесс и по сей день нельзя назвать завершенным», они уверены, что «сибирский формирующийся менталитет существует» и в нем «одно из важных мест занимает ментальность западного (условно назовем ее “украинско-белорусско-польского”) образца», у которой одной из «основных черт» является «приверженность ориентирам либерализма и гражданского общества»¹.

...Попытки представить сибиряков отдельным, отличным от основной массы русского населения этносом (в данном случае — субэтносом) не новы и восходят к концу XIX в. — к трудам видного представителя «демократического» направления сибирской историографии А. П. Шапова и сибирских областников («сибирских сепаратистов»), считавших своих земляков продуктом интенсивного смешивания старожильского русского населения края с аборигенами. Историками и этнографами давно доказана научная несостоятельность этой концепции. Как выяснилось, в ее основу легли явления локального характера, возведенные в абсолют. Русские культурные традиции в Сибири были весьма устойчивы. Адаптируясь к местным условиям, используя и перенимая местные обычаи и навыки, пришлое население в абсолютном своем большинстве сохранило существо русской культуры и воспроизводило на новом месте русский тип сожительства. Антропологические исследования русского старожильского населения Сибири показали, что, за исключением небольших изолированных этнографических (субэтнических) групп (русскоустыинцев, колымчан, марковцев и т. п.), коренные сибиряки в целом принципиально не отличаются от русского населения европейской части страны (в антропологическом отношении тоже отнюдь не однородного), и вклад аборигенных народностей в их «этногенез», как правило, не превышает 5–10 % общего числа предков современного поколения².

---

¹ *Шерстова Л. И.* Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 25–27; *Ананьев Д. А., Комлева Е. В., Раев Д. В., Резун Д. Я., Соколовский И. Р., Туманик Е. Н.* «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006. С. 192–193.

² *Мирзоев В. Н.* Историография Сибири. С. 274; Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 174; *Курилов В. Н.*,

По сравнению с теориями областников, концепция наших новосибирских коллег выглядит еще более умозрительно. Во всяком случае, остается непонятным, на каких материалах базируется их убеждение в формировании сибирской ментальности под сильным западноевропейским влиянием, придавшим ей «приверженность ориентирам либерализма».

Оставив за скобками вопрос, насколько «либеральны» по поведению и взглядам были оказавшиеся за Уралом в конце XVI–XVII вв. выходцы из Западного Зарубежья (польская шляхта, ее «челядники», запорожские казаки, наемники-ландскнехты из числа «немцев» и т. п.), сразу же приходится подвергать серьезному сомнению обоснованность утверждения, что они в миграциях за Урал с конца XVI в. играли «решающую роль» «наряду с русским этносом». Численность «иноземцев» в сибирских городах XVII вв. хорошо известна. Она, конечно же, сильно колебалась в разные годы (увеличиваясь во время войн с Речью Посполитой или Швецией и сокращаясь в мирное время — в том числе из-за возвращения «литвы» и «немцев» на родину после договоренности сторон о «розмене» пленных), но в среднем составляла не более 10–20 % состава сибирских гарнизонов. Лишь недоразумением следует считать утверждение Д. Я. Резуна, что, «по некоторым данным», число «служилых польского происхождения... в XVII в. достигало 5–6 тыс. человек¹. (На самом деле, оно не достигало и тысячи — при общей численности служилых людей в Сибири на рубеже XVII и XVIII вв. приблизительно в 10 тыс.²) Столь же недостоверно не подкрепленное никакими ссылками на источник утверждение Л. В. Дмитриевой, что в XVII в сибирской столице — Тобольске — «численность казаков “иноземного списка” достигала 40 % от общего числа городского населения»³. Даже если считать всех тобольских служилых

Люцидарская А. А. Указ. соч. С. 27; *Любимов Ю. В.* Проблемы политической интеграции (русская колонизация XVII–XIX вв.) // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). 2-е изд. М., 2001. С. 186–187; Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде. М., 2008. С. 78, 464.

¹ *Резун Д. Я.* Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск. 1993. С. 82.

² *Никитин Н. И.* Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 42.

³ *Дмитриева Л. В.* Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI — начала XVIII веков // Известия Российского гос. пед. ун-та

«иноземного» (правильнее — «литовского») списка «иноземцами» (что далеко не так), то и тогда они, по данным «именных книг», составляли в тобольском гарнизоне в 1630 г. менее 16 %, в 1663 г. — менее 6,5 %, а в 1699 г. чуть более 10 % личного состава¹. Да и в более поздние времена, как показал Ю. Г. Недбай, никакого «переполнения» сибирских казаков «иноземцами» (о чем пишет Л. В. Дмитриева) не наблюдалось².

Судя по неплохо сохранившимся документальным материалам той поры, поверстанные в казачью службу «литва», «черкасы» и прочие «иноземцы» западного происхождения, в большинстве своем являлись (или становились) православными, женились на русских женщинах и, вынужденные приспособляться к непривычно суровым сибирским реалиям, довольно быстро обрусевали³.

Л. В. Дмитриева считает, что в данном случае «более оправданно» было бы «употребление термина *аккультурация*», поскольку-де полной ассимиляции тобольских «иноземцев» не произошло, однако в качестве доказательства этого тезиса по сути дела ссылается лишь на наличие в Тобольске католических, протестантских и иудейских общин в середине... XIX (!) в.⁴ Но, во-первых, они, учитывая сильно возросшую к тому времени общую численность тобольского населения, были по-прежнему сравнительно невелики и, во-вторых, явно не имели отношения к потомкам служилых «иноземцев» XVII в. (во всяком случае

им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки (философия). СПб., 2005. Т. 5. № 10. С. 301.

¹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 33.

² Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в первой четверти XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1993. С. 14.

³ Курлов В. Н., Люцидарская А. А. Указ. соч. С. 30; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 33, 39–41; он же. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 57–58, 68; Миненко Н. А. Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 3–16. Типичным примером «обрусения» может служить хорошо изученная судьба выходца из Пруссии и героя обороны Албазина 1689 г. Афанасия Бейтона и его потомков (см.: Зуев А. С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона. С. 181–183; Бьконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 126–127).

⁴ Дмитриева Л. В. Указ. соч. С. 302, 304.

связь между ними автором не доказана). К тому же следует учесть, что в XVII в. служилыми людьми (среди которых обычно и встречались «иноземцы») население сибирского города (и тем более уезда) не ограничивалось, и по сравнению со всей массой русского населения края, выходцы из западного «пограничья» составляли такой мизер, что о возможности сколько-нибудь серьезного влияния их на формирования менталитета сибирского общества говорить вообще не приходится.

Сибирь в этом отношении мало чем отличалась от других районов массовой колонизации — Поволжья, Южного Урала. Туда в XVI–XVII вв. тоже ссылали «в службу» немало «иноземцев». Что же касается особенностей сибирского менталитета, то их логичнее объяснить в первую очередь особыми условиями проживания сибиряков, как природно-климатическими, так и социально-экономическими, и в частности — отсутствием за Уралом крепостного права, что сближало по менталитету жителей Сибири с рядом районов Европейской России, также не знавших крепостничества, и прежде всего — с Русским Севером.

Казалось бы, вопрос предельно ясен, однако мнение о складывании за Уралом «особого субэтноса» в настоящее время крайне популярно: в Сибири этой теме посвящаются конференции и диссертации, публикуются работы, где за неимением убедительных доказательств упор делается все на тот же «особый менталитет» сибиряков, сложившийся, в том числе, под влиянием «служилых иноземцев».

Увлечшись поисками различий в менталитете населения Сибири и остальной России, некоторые авторы не замечают противоречий даже в собственных построениях. Так, в одной из работ А. С. Хромых (считающего сибирский субэтнос «одним из самых ярких в России») уживаются, с одной стороны, не подкрепленное никакими ссылками утверждение, что сибиряков отличало «пренебрежение к обрядам и обычаям коренных народов, неуважение к их культуре, чувство превосходства над местным населением», а с другой — широко представленное в историографии и основанное на солидной источниковой базе мнение, согласно которому «чувство толерантности и межнациональной терпимости еще в XVII веке сложилось в сознании сибиряков»¹.

---

¹ Хромых А. С. Формирование сибирского субэтноса в XVII веке // Сибирский субэтнос: культура, традиции менталитета: Мат-лы II Всерос. научно-практ. интернет-конференции. Красноярск, 2006. Вып. 2. Кн. 2. С. 141–151.

У А. С. Хромых встречаются, конечно, и бесспорные положения, но ни одна из приведенных им «особенностей сибирского менталитета» не может считаться уникальной, принципиально отличающей сибиряков от русского населения других регионов России, особенно исторически и культурно близких — Урала, Поволжья и Русского Севера. Впрочем, и в европейской части страны среди русского населения сейчас всюду развиваются сепаратистские тенденции (см. выше Очерк первый), но связанные с ними вопросы имеют слабое отношение к исторической науке и должны находиться в ведении не столько ученых, сколько политиков. Оставаясь же на почве фактов, выверенных трудами серьезных исследователей, мы должны констатировать, что в течение столетий по обе стороны Уральских гор шли сходные этнические процессы. Как отмечается авторами коллективного труда «Сибирь в составе Российской империи», «в смешении разнородных этнических элементов на российском имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересов и формировался на окраинах “здоровый русский тип”, который является олицетворением всего “чисто национального русского”, расширявшего пределы “матушки Руси”... В Сибири шел активный процесс консолидации славянского (и не только славянского) населения в “большую русскую нацию”»¹. И с этим мнением нельзя не согласиться.

7. «Присоединение» или «завоевание» Сибири?

Усиление внимания к военным факторам колонизации Сибири, наблюдаемое в последние годы, привело не только к появлению в сибирской историографии «неообластнических» тенденций, но и к возрождению («на новом витке исторической спирали») других, казалось бы, давно отвергнутых наукой концепций — в том числе тех, что напрямую относятся к вопросу о характере вхождения Сибири в состав Российского государства.

Напомню, что с 1960-х гг., после длительного господства в нашей историографии «концепции завоевания», сводившей суть событий, происходивших в Северной Азии в конце XVI–XVII вв., к ее насильственному захвату русскими, с подачи В. И. Шункова утвердилась «концепция присоединения», представлявшая

---

¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 69.

расширение России от Урала до Тихого океана как процесс, включавший в себя «явления различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения»¹. В 1970-е гг. под явным влиянием моментов конъюнктурно-политического характера шунковская концепция присоединения Сибири стала деформироваться в сторону умаления значения «военной» и увеличения «мирной» составляющей этого процесса.

Ситуация изменилась с началом «Перестройки». Видимо, как реакция на идеологические перегибы «периода застоя» у сибиреведов все отчетливее стала проявляется тенденция к отрицанию термина «присоединение». И если раньше некоторых из них (например Г. П. Башарина²) он не устраивал своей «расплывчатостью», допускавшей, как писал В. И. Шунков, «элементы прямого завоевания, сопровождавшиеся грубым насилием», то теперь термин «присоединение» многим не нравится потому, что его можно употреблять в значении «мирного и добровольного вхождения». Наиболее решительную позицию в этом вопросе занял уже не раз упоминавшийся в нашей работе новосибирский историк А. С. Зуев, призвавший весь процесс включения Сибири в состав России «оценить как завоевание, поскольку он имел преимущественно военный характер и сопровождался вооруженной борьбой русских с сибирскими аборигенами»³.

Полагаю, что такой подход к проблеме при всей важности военных факторов в присоединении и освоении Сибири все же является упрощением этого сложного, многогранного и во многом противоречивого процесса и очередным (но вряд ли последним) перехлестом в научной полемике сибиреведов. Отрицать мирный и порой даже добровольный переход под власть России целого ряда племен и народностей Северной Азии (кодских хантов, томских татар, кетов, части забайкальских бурят, алтайских и др. этнических групп) значит, говоря словами

---

¹ Шунков В. И. Некоторые проблемы истории Сибири (К созданию «Истории Сибири») // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 66.

² Башарин Г. П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971. С. 4–5, 25, 44, 67–68 и др.

³ Зуев А. С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124–136; *он же*. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 105.

В. И. Шункова, «игнорировать факты». Даже в событиях, связанных с вхождением Якутии в «геополитическое пространство России» и насыщенных множеством военных эпизодов, видный специалист по истории Северо-Восточной Азии В. Н. Иванов видит «сочетание» насильственных и мирных методов, при котором «мирные средства преобладали, были основными»¹.

Но в излишней категоричности своих характеристик и оценок нас больше всего убеждает никто иной, как сам А. С. Зуев. Одна из его последних монографий называется «Присоединение Чукотки к России». Именно *присоединение*, а не завоевание. И называется совершенно правильно, ибо, как однозначно следует из ее содержания, при всей ожесточенности и длительности военных столкновений русских с чукчами, эта обширная территория на северо-востоке Азии в конце концов вошла в состав России абсолютно *мирным* путем².

Понятия «мирное» и «добровольное» вхождение отождествлять, разумеется, нельзя, однако столь же недопустимо ставить знак равенства между понятиями «немирное» («насильственное») присоединение и «завоевание». Семантика слова «завоевание» предполагает необходимость вести боевые действия — *воевать* с кем-то. Но как считать «завоеванными» те земли, где практически не было *войны*, не было вооруженного сопротивления присоединению? В крайнем случае их можно считать «захваченными» (разграничение понятий «завоеванные» и «захваченные» земли давно присутствует в историографии³).

А таких, без боя присоединенных, территорий в Сибири было немало, так как некоторые районы были вообще не заселены, а в других местные жители из-за своей малочисленности далеко не всегда имели возможность и желание противостоять русским отрядам, хотя, скорее всего, в большинстве своем и не стремились особо стать подданными далекого «белого царя» и не вполне понимали, что означает такое подданство. (Пример тому — земли остяцкого «князца» Бардака, где пусть и под угрозой применения оружия, но без вооруженных столкновений был

---

¹ Иванов В. Н. Указ. соч. С. 149.

² Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России. С. 157–258, 390–391.

³ Российская государственность: исторический аспект. Современный политический лексикон. М., 1995. Вып. 2. С. 13.

поставлен русский город Сургут, и подобные ситуации были не только сибирской спецификой¹.)

Примечательно, что и сам А. С. Зуев в одной из своих работ называет термин «присоединение» «более взвешенным и лучше отражающим все многообразие и сложность процесса присоединения Сибири к России» (но, правда, лишь по сравнению с «добровольным вхождением»)². Полагаем, однако, что эта лексема предпочтительнее других в любом случае. В «неопределенности», «расплывчатости», «нейтральности», «гибкости» термина «присоединение» — как раз его самая сильная сторона, позволяющая историкам разных «школ» и направлений оставаться на почве реальных фактов и при этом «не поступаться принципами». Интересы науки никак не пострадают, если историки будут рассматривать включение Сибири в состав России в целом как «присоединение» и одновременно, излагая ход связанных с ним событий, определять их как «завоевание» или, допустим, «мирное вхождение» применительно к конкретным народам и регионам³.

8. О военных реформах в Сибири XVII в.

Отдельного рассмотрения заслуживает трактовка в последних работах вопроса о характере и результатах военных реформ в Сибири XVII в. Как было хорошо известно еще из трудов С. В. Бахрушина, в 1660-х гг. в Тобольске и ряде других западносибирских городов в соответствии с царским указом были созданы войска «нового строя» — рейтарские, солдатские, драгунские. Бахрушин касался почти исключительно событийной стороны этих нововведений, избегая общих оценок и характеристик; лишь по отдельным его замечаниям можно понять, что, например, сибирских драгун он считал «регулярной кавалерией»⁴.

---

¹ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 94. Аналогичные случаи отмечались и в других регионах, например в Среднем Поволжье (см.: *Трепавлов В. В.* «Белый царь». С. 140; Русские в Евразии. С. 17–18).

² *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 73.

³ Подробнее см.: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 127–135.

⁴ *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 278.

Современные историки общих характеристик не избегают, но оценивают военные реформы в Сибири по-разному. Так, А. С. Зуев называет сформированные за Уралом солдатские и рейтарские полки «регулярными подразделениями». В. Д. Пузанов однозначно считает сибирских солдат и рейтар XVII в. регулярным войском, а драгун — «полурегулярным». М. О. Акишин не склонен считать Тобольский драгунский полк регулярным подразделением вплоть до 1724 г., когда в нем было покончено с «казачьими вольностями»¹.

Позиция А. В. Дмитриева по идентификации сибирских войск «нового строя» сложнее. И если относительно драгун она несколько противоречива (в одних случаях они признаются регулярным войском, в других — нет), то солдатские и рейтарские полки Дмитриев считает регулярными, но — с оговорками: либо подчеркивая условный характер такого определения — «сообразно критериям XVII в.», либо заключая слово «регулярный» в кавычки².

Из современных исследователей единомышленником (и предшественником) А. В. Дмитриева в этом вопросе является А. В. Малов, который пришел к аналогичному заключению на материалах по истории московских солдатских полков. «В войсках Алексея Михайловича солдатские, драгунские и рейтарские полки становятся основой армии, — пишет А. А. Малов. — Сообразно критериям XVII в. это вполне регулярные части. Терминологическое признание этого факта звучит в словах Петра I, который не считал себя создателем русской регулярной армии, указывая в 1716 г. на своего отца, который еще до него “регулярное войско употреблять начал”»³.

Нельзя, однако, не отметить уязвимость такой позиции. Сколь бы авторитетными в глазах современного читателя

---

¹ Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 10; Зуев А. С. Дело о полке Эгерата (к вопросу об организации в Сибири в 1660-х гг. полков нового строя // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Новосибирск, 1998. С. 72; Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. С. 369.

² Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 103, 114, 196–190.

³ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 576.

ни выглядели слова Петра I, они отражают лишь субъективное мнение великого реформатора (как и приведенное далее высказывание его соратника Я. Ф. Долгорукова) и не могут служить доказательством правоты исследователей, придерживающихся аналогичной точки зрения. Выше уже отмечалось, что каждой эпохе свойственны свои мораль и этика, во многом отличные от современных. Понятия людей далекого прошлого о красоте порой тоже сильно расходятся с нашими¹. Но вооруженные силы — совсем не тот случай: представления о том, какая армия является регулярной, а какая нет, в основных чертах не меняются в нашем сознании вот уже триста лет и вряд ли изменятся в обозримом будущем.

Конечно, «элементы регулярства» имелись и в стрелецком войске (не случайно же его порой так и называют — «регулярным»², а некоторые исследователи считают «переходной формой от средневекового феодального войска к регулярной армии Нового времени»³), эти «элементы» можно увидеть даже в княжеской дружине (особенно, сравнивая ее с ополчением). П. Заринский и М. Пинегин относили к регулярным войскам не только стрелецкую пехоту, но и поместную конницу⁴. А. А. Шенников и вслед за ним А. В. Сопов и В. И. Марков называют «регулярным войском» городских казаков XVI в. и даже воинство касимовских «царей» и «царевичей», которое, по их мнению, «формировалось исключительно из татар»⁵, а некоторые писатели и публицисты

---

¹ *Никитин Н. И.* Традиционная практика природопользования и экологические аспекты народной культуры // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 335–355; *он же.* Северная природа как объект эстетического восприятия: исторический экскурс // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. С. 38–53.

² *Газенвинкель К. Б.* Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892. С. 66–67; *Хвостов Н. А.* Военная организация казачества (на примере Сибирского казачьего войска) // Урало-сибирское казачество в панораме веков. С. 135; *Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 193.

³ *Горбачев В. И.* Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30–40-х гг. XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 3.

⁴ *Заринский П.* Очерки древней Казани преимущественно XVI века. Казань, 1877. С. 54; *Пинегин М.* Казань в прошлом и настоящем (Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города). СПб., 1890. С. 93.

⁵ *Шенников А. А.* Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 60, 64; *Сопов А. В.* Стереотипы и заблуждения в отношении казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 5.

считают вполне «регулярной» и армию Тамерлана (тоже, наверное, исходя из «критериев эпохи»¹)... Но при всех достижениях в изучении этих «элементов» и «предпосылок» надо все же считаться с тем очевидным фактом, что подлинно регулярная армия (отвечающая и нынешним представлениям о ней) в России создается лишь при Петре I, да и то далеко не сразу и не в полном объеме. Как полагает современный исследователь военной истории XV–XVIII вв. В. В. Пенской, полки нового строя представляли собой «квазипостоянную и полурегулярную армию», возникшую в России во второй половине XVII в. в ходе *попыток* создать регулярные войска².

Напомню, что главными признаками регулярного войска, помимо постоянного характера службы, считаются систематические строевые и тактические занятия, единообразное вооружение, жизнь по уставу, содержание целиком за счет казны, исключающее необходимость побочных заработков³.

Этим критериям плохо соответствовали даже те полки нового строя, которые размещались в Москве. Там они, как показал еще С. К. Богоявленский, «стояли под ружьем не круглый год, а собирались только осенью, после окончания полевых работ, на несколько недель для обучения военному искусству; прочее время солдаты, рейтары и драгуны жили в своих домах и занимались своим хозяйством. Оставшиеся без дела офицеры жили преимущественно в Москве и получали половинное жалованье»⁴.

П. П. Елифанов также полагал, что «нельзя считать солдатские и рейтарские полки XVII в. “вполне оформившимся регулярным войском” (как утверждали В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, П. Н. Милкоков и М. Н. Покровский). Как и прежде, после похода рядовых и часть офицеров распускали по домам, оружие солдаты сдавали “в государеву казну” на хранение. Даже из выборного

Майкоп, 2010. С. 17; *он же*. Происхождение казачества: возвращаясь к проблеме // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 8. История. 2011. № 1. С. 58; *Марков В. И.* О возникновении украинского казачества. СПб., 2014. С. 36.

¹ *Баймухаметов С. Т.* Призраки истории. М., 2008. С. 94, 283.

² *Пенской В. В.* Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV–XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

³ Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 247–248; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 187.

⁴ *Богоявленский С. К.* Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910. Вып. 4. С. 80.

полка А. Шепелева в 1662 г. после его возвращения из Смоленска в Москве было оставлено 423 офицера и солдата, а “с Москвы отпущено” и находилось “в отпуску” 730 человек». Постоянно ощущалась и нехватка командного состава; не существовало никаких официальных руководств (ни уставов, ни инструкций). «При таком положении, — заключает П. П. Епифанов, — обучение ратному строю... не могло быть регулярным и систематическим»¹.

Еще меньше походили на регулярную армию войска нового строя в Сибири. Об этом ясно свидетельствует даже тот материал, который содержится в работах историков, считающих эти войска регулярными.

Уже организатор войск «нового строя» в Сибири воевода И. А. Хилков в 1660 г. сообщал в Москву, что рейтары и солдаты «на ученье не ходят и разбрелися по деревнишкам своим»². Через семь лет прибывший в Тобольск воевода П. И. Годунов обнаружил, что «начальные люди и рейтары служили с саадаки, а солдаты с винтованными пищалями заровно с беломестными казаки не строем... а николи они стройно под знаменами рейтары не бывали, и распускали их с... великих государей службы по домам и по своим промыслам для своих корыстей начальные люди... А строем те полки по-казацки»³. Кроме того, выяснилось, что и начальные люди были сами плохо обучены, «да и то де они [ученье] забыли»⁴.

В 1670-е гг. служба в сибирских войсках «нового строя» уже практически не отличалась от той, которая была характерна для ратных людей традиционных категорий. Так, рейтары («регулярная кавалерия») вместе с казаками несли в степи сторожевую и дозорную службу, стояли на караулах в своих городах и «по очереди» охраняли небольшие острожки и слободы. Воеводы посылали рейтар на поиски серебряной руды, часто отправляли с разными поручениями в Москву «и в иные сибирские посылки, где посылались наперед сего казаки и стрельцы» (как на лошадях, так и на стругах), просто использовали как рабочую силу и т. д. Показательно, что те же рейтары при этом широко

---

¹ Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. С. 247–248.

² Цит. по: *Дмитриев А. В.* Войска «нового строя» в Сибири. С. 51.

³ Цит. по: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 274.

⁴ Там же. С. 277.

применяли привычную для войск «старого строя» практику наемничества и отправляли вместо себя в «посылки» братьев, племянников и лиц, вообще никак не связанных с военной службой¹.

Примечательно, что в начале XVIII в. ситуация с сибирскими «регулярными» войсками бывала вовсе удручающей. Когда в 1714 г. подполковник И. Д. Бухолц прибыл в Тобольск, то оказалось, что выделенные ему там для экспедиции в «Малую Бухарию» драгуны и солдаты «ничего экзерции не знали и не стреливали, и с негодным ружьем, и у них ничего воинского не было». Е. Н. Евсеев делает в этой связи однозначный вывод: «Регулярных армейских частей в Сибири не было»².

Таким образом, следует констатировать полный провал военных реформ в Сибири в XVII в. А. В. Дмитриев признаёт это отчасти, называя «попытку создания в Сибири полноценных войск “нового строя” ...не до конца удавшейся»³. А. В. Малов (на основании приведенных А. В. Дмитриевым данных) приходит к заключению, что «судьба войск нового строя в Сибири» вообще является «наглядным свидетельством провала военных реформ 1680–1682 гг.»⁴. В. Д. Пузанов, признавая неудачу реформ в целом, вместе с тем считает, что ее «негативные стороны» в источниках (докладе П. И. Годунова) преувеличены⁵. Важнее, однако, не нюансы этих оценок, а выяснение причин явной нежизнеспособности войск «нового строя» в Сибири XVII в. и быстрого перерождения солдатских и рейтарских полков в по сути дела традиционные для Московского государства категории служилых людей.

По мнению В. Д. Пузанова, «причиной расформирования полков “нового строя” в Сибири была не их военная слабость, а растущие финансовые проблемы Русского государства», а кроме того — приверженность сибиряков «московским традициям»,

---

¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 274, 277–278; Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири. С. 51, 89, 142–144, 153; Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 344–345, 356.

² Евсеев И. Д. Экспедиция И. Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 81.

³ Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири. С. 97–98.

⁴ Малов А. В. Московские выборные полки. С. 575–576.

⁵ Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). С. 345.

которые «быстро победили европейскую организацию»¹. Из монографии А. В. Дмитриева следует, что полному осуществлению реформ помешала, главным образом, недостаточность их финансирования («финансовый аспект неизменно оказывался ведущим»), а второстепенной причиной неудач стал недостаточный учет московскими властями «специфики условий жизни в Сибири»². Полагаю, однако, что на самом деле все обстояло «с точностью до наоборот»: «финансовый аспект», конечно, имел немаловажное значение (проблемы с выплатой жалованья в то время стояли остро и у традиционных категорий служилых людей, а содержание войск «нового строя» требовало еще больших затрат³), но главная причина провала реформ заключалась как раз в слабом учете московскими властями сибирской специфики. А она состояла прежде всего в том, что рейтарские и солдатские полки были за Уралом в XVII в. совершенно не нужны.

Самой большой проблемой у сибирских воевод являлся недостаток людских ресурсов для выполнения задач по колонизации огромного края. Даже в наиболее обжитом и заселенном Верхотурско-Тобольском районе военно-административный аппарат в XVII в. работал с колоссальным напряжением именно из-за нехватки людей. В воеводских «отписках» постоянны сетования на то, что «за службами» ратных людей в городах остается мало, да и «тех на караулы не достает». А порой в некоторых уездных центрах (Верхотурье, Туринске) «за россылками» и «отъезжими службами» ратных людей не оставалось вовсе, так что приходилось «ставить на караулы» посадских, крестьян, ямщиков и даже гулящих людей⁴.

Отсюда понятно, почему рейтары и солдаты в Сибири часто использовались не по прямому назначению, почему их посылали, как и других служилых в «проезжие станицы», заставляли «без перестани» стоять на караулах и «ученьями» не обременяли⁵. В условиях острой и практически постоянной нехватки

---

¹ Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). С. 345–346, 372.

² Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири. С. 51, 57, 203.

³ Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 58–62.

⁴ Он же. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 94–97.

⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 277–278.

лично́го состава позволять сколько-нибудь значительному контингенту такую роскошь, как регулярные (в идеале — ежедневные) занятия экзерцициями местная администрация не могла, тем более что большой пользы в том не видела.

Г. А. Леонтьева тоже объясняет отсутствие налаженного военного обучения у казаков Сибири в XVII — начале XVIII вв. его ненужностью. «Сама жизнь, трудности службы, желание выжить заставляли служилых людей учиться друг у друга, младших у более опытных старших», — пишет исследовательница и приводит пример, когда в 1712 г. нерчинские казаки «не признали» присланного к ним для обучения ротмистра из Тобольска, мотивируя свой «отказ» тем, «что и без ротмистров они достаточно владеют военным искусством, что, кстати, неоднократно.. доказывали на практике»¹.

Как разъяснили воеводе П. И. Годунову в 1667 г. тобольские служилые, «рейтар татарина догнать в поле строем не успеет»². Между тем «гоняться» за высокоманевренной конницей кочевников приходилось постоянно — и в ходе открытых полевых сражений, и после них, поскольку преследование противника с целью «отгромить» захваченные им добычу и «полон» было одной из главных забот ратных людей Сибири.

Конечно, и в Сибири ратным людям порой было необходимо в бою «держатъ строй» (чтобы не дать численно превосходящему противнику себя «конем стоптать» и «копьем смешать»). Однако элементарными навыками сражения «строем» обладали и традиционные категории служилых, и для Сибири XVII в. таких навыков, судя по всему, было достаточно. Например, во время нападения енисейских киргизов на Красноярск в 1678 г. местные казаки под предводительством ссыльного украинского полковника Василия Многогрешного ходили на вылазку «строем и учредя полк», в результате чего разгромили и отбросили от города неприятеля. Зимой 1680 г. из Томска под предводительством детей боярских Р. И. Старкова и И. М. Гречанинова в поход на киргизов выступила большая (более тысячи человек) рать, в состав которой, помимо томских и кузнецких служилых

---

¹ Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 258.

² Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 278.

людей, входили служилые татары, казачьи дети, посадские люди и крестьяне, и когда она сошлась с главными силами противника, то билась «стройством», т. е., по определению С. В. Бахрушина, «регулярным строем» и тоже одержала победу¹.

Примечательно также, что в «Истории Сибирской», написанной сыном боярским С. У. Ремезовым (вернее, в вошедший в ее состав Кунгурской летописи), на одной из иллюстраций (к «статье» 58) изображен ровный, в одну шеренгу строй казаков, изготовившихся к бою с татарами². И здесь неважно, использовался ли в действительности такой боевой порядок воинством Ермака: важно, что представления о сражении «строем» были широко распространены в сибирской служилой среде и не являлись исключительной прерогативой солдатских и рейтарских полков.

Известно, что сибирские войска «нового строя» приняли активное участие в боевых действиях, развернувшихся на юге Урала и Западной Сибири в связи с башкирским восстанием и общим обострением военно-политической обстановки в регионе в 1660-х гг. Неизвестно, однако, чтобы солдатские и рейтарские полки продемонстрировали при этом какие-либо преимущества перед войсками «старого строя». Правда, В. Д. Пузанов высказал следующее предположение: «Полки “нового строя” еще не освоили хорошо новые приемы, когда начался конфликт с башкирами. В первых сражениях, когда полки выступали одним целым, скорее всего, “новый строй” соблюдался, но затем выступившие против русской власти кочевники рассредоточивали свои силы и переходили к тактике партизанской войны — мелкими набегами на разрозненные слободы юго-запада Сибири... В мелких стычках с кочевниками “новый строй” был уже совершенно не нужен...»³

Версия, безусловно, интересная и вполне правдоподобная, но, во-первых, она пока остается чисто умозрительной, а во-вторых, даже будучи подкрепленной сведениями из источников, может свидетельствовать все о том же: о непригодности войск

---

¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 215–216.

² Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 515.

³ Пузанов В. Д. Полки «иноземного строя» в Западной Сибири // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 2. С. 89–90.

«нового строя» для Сибири. И поскольку в реальности служба в рейтарских и солдатских полках по своему характеру очень быстро перестала отличаться от казачьей, а вознаграждалась более щедро, растущее в сибирской служилой среде недовольство таким положением вещей было естественным, понятным, и именно оно, а не косность, предопределило неприятие сибиряками военных реформ 60–70-х гг. XVII в.

***

Явная неудача военных реформ в XVII в. и дальнейшее развитие событий в Сибири показали, что для военной службы за Уралом более всего подходили «иррегулярные» казацкие войска (впрочем, их «иррегулярность» с течением времени становилась столь же условной, как «регулярность» сибирских полков «нового строя» в XVII в). На громадной по протяженности, суровой по климатическим условиям, редконаселенной и непрерывно колонизирующейся территории казаки оказались военной силой, наиболее отвечающей интересам государства и, кстати, в отличие от столичных чиновников, прекрасно сознавали это¹.

Казаки обычно хорошо знали особенности местного театра военных действий, «воинский обычай», а часто и язык противника, были «привычны» к сибирским природным условиям и потому отличались выносливостью и неприхотливостью. Кроме того, перед регулярной армией у казаков имелось еще два несомненных преимущества — дешевизна содержания и универсальность. Последнее для малолюдной колонизируемой окраины было особенно ценно. Как заметил авторитетный специалист по истории городского казачества Сибири А. Р. Ивонин, «незавершенность колонизационных процессов и соответствовавшая им недифференцированность служебных обязанностей делали казаков поистине незаменимыми проводниками военно-административного и полицейского начала на просторах северо-восточной Азии»².

---

¹ А. В. Дмитриев цитирует интересный документ 1670-х гг., в котором рядовые стрельцы и казаки пытались убедить Москву, что для государства «казачья де служба перед салдацкою прибылнее» (*Дмитриев А. В.* Войска «нового строя» в Сибири. С. 122).

² *Ивонин А. Р.* Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 117.

Важна была и чисто военная сторона дела, уже давно нашедшая отражение в литературе. Полагаю, здесь будет уместно привести мнение человека, до недавнего времени считавшегося в нашей стране авторитетным специалистом и по военной истории. Ф. Энгельс, анализируя условия, в которые была поставлена Россия на юго-востоке, от Тихого океана до Каспийского моря, заметил, что там ее границы были «подвержены нападениям только со стороны кочевых разбойничьих племен, с которыми в этих местностях лучше всего справляются войска, до известной степени построенные по тому же образцу»¹. Той же точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи. Так, М. О. Акишин, остановившись на напряженной военно-политической обстановке, в которой проходило формирование регулярной армии на юге Западной Сибири в первой четверти XVIII в., пишет: «...Вскоре выяснилось, что для отражения налетов кочевников необходимы такие же подвижные, как у них, отряды, знакомые с тактикой партизанской войны. Охрану крепостей поручили сибирским казакам»². Показателен также пример из совсем другого региона, но из той же эпохи. В письме Петра I майору В. В. Долгорукову, направленному на подавление Булавинского восстания в 1708 г., говорилось: «Понеже сии вору все на лошадях и зело легкая конница, того для невозможно будет оных с регулярною конницею и пехотою достичь...»³

Примечателен и такой факт. Правительство Петра I вознамерилось было вообще ликвидировать в Сибири иррегулярные войска, переведя городских казаков в сословия государственных крестьян и посадских людей, но в итоге отказалось от этой идеи. А отстаивал перед Сенатом необходимость сохранения в Сибири иррегулярных войск никто иной, как тобольский губернатор М. В. Долгоруков⁴. В конце XVIII в. была предпринята новая попытка упразднить городское казачество: на сей раз его предлагалось полностью перевести в состав формируемого на юге Западной Сибири линейного казачьего войска. Но и этот план не получил одобрения сибирской администрации. Тобольский губернатор Д. И. Чичерин твердо стоял на том, что «в рассуждении

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1977. Т. 44. С. 194–195.

² Акишин М. О. Указ. соч. С. 11.

³ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VIII. М., 1993. С. 176.

⁴ Акишин М. О. Указ. соч. С. 14

обширности Сибирской губернии и розсеенных жителей из диких народов по городам без казаков никак обойтись неможно, как оные употребляются в такие службы, в каковыя никакия чины способны быть не могут»¹.

Г. А. Леонтьева, проанализировав все попытки правительства ликвидировать иррегулярные части в Сибири, тоже приходит к вполне однозначному выводу: «Незавершенность и сложность колониционных процессов, громадность сибирской территории, протяженность ее границ, слабая дифференциация военно-административно-полицейских функций, связанных со спецификой несения службы в Сибири, а главное, нехватка средств для содержания регулярных частей потребовали сохранения подразделений городских гарнизонов с их многофункциональными обязанностями»².

По той же причине правительство не решалось форсировать «регуляризацию» казачьих войск, которая стала активно проводиться в Сибири с 1770-х гг., и, в частности, должна была полностью ликвидировать казачье самоуправление. Как пишет Г. А. Леонтьева, «правительственные круги, не теряющие чувство реальности, и в первой четверти XVIII, и в первой половине XIX вв. пришли к выводу о необходимости для казачьих подразделений сохранения иррегулярного положения по двум главным причинам. Одна из них — экономическая, заключалась в нехватке материальных средств для содержания казачества как регулярных частей армии. Другая — носила военно-политический и хозяйственный характер: необходимость использовать казачьи подразделения, способные в силу своей специфики решать любые военно-политические задачи в любой пограничной ситуации параллельно с задачами хозяйственно-колониционного порядка»³.

Ю. Г. Недбай преимущества казачьих войск перед регулярными усматривает тоже в целом комплексе причин: «...Практика повседневной жизни в течение полутора веков убедила правительство в нежизнеспособности регулярных частей на территории Сибири. И солдатские, и драгунские, и прочие полки

---

¹ Цит. по: *Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 32.

² *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири. С. 240.

³ Там же. С. 260–261.

не выдерживали конкуренции с казаками в деле охраны границ, преследования противника, установления дружественных контактов с изменчивым соседом. К тому же и содержание армейских частей для государевой казны обходилось значительно дороже... Наконец, расквартированные в Сибири солдаты нередко конфликтовали с местным русским населением, тогда как казаки являлись не только составной частью этого населения, но и служили связующим звеном между аборигенами Сибири и русскими жителями»¹.

Городовое казачество Сибири упраздняется лишь в 1881 г., да и то не полностью: было сделано исключение для наименее освоенного и весьма обширного района на северо-востоке края. Якутский казачий полк там благополучно просуществовал до начала XX в., находясь в ведении Министерства внутренних дел и являя собой, по словам занимавшихся этим феноменом исследователей, обособленную, реликтовую социальную группу, тип городского («полицейского») казака².

Городовые казаки Сибири стали тем ядром, вокруг которого правительство в XVIII–XIX вв. формировало казачьи войска Азиатской России — прежде всего Сибирское и Забайкальское, которые, в свою очередь, становились базой для создания других казачьих войск (Семиреченского, Амурского, Уссурийского). Организационно их стремились устроить по образцу Войска Донского, однако круг вменяемых им обязанностей долгое время был практически так же многообразен, как у иррегулярных войск Сибири в XVII в. Помимо военной службы, на казаков Сибири и в XVIII, и в XIX вв. возлагались конвойно-полицейские и административные функции; казаки выполняли множество поручений, носивших характер трудовой повинности (строительство и ремонт крепостных сооружений, мостов и дорог, заготовка для «казны» сена и дров, добыча соли, обработка казенных полей, перевозка казенных грузов и т. д.), доставляли почту, привлекались для «полевой службы», участвовали в научных экспедициях...³

---

¹ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. Ч. 1. С. 70.

² Чертков А. С. Якутское казачество во второй половине XIX — начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990; Романов Г. И. Казачье население Восточной Сибири (конец XIX — начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1996. С. 3, 13, 14.

³ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 76–79, 118, 121–122, 245, 247. Т. 2. С. 100.

Надо заметить, что специфика Сибири как слабозаселенной колонизируемой окраины накладывала свой отпечаток и на положение размещенных там регулярных войск, делая их регулярность довольно условной даже в середине XVIII в., особенно — в наименее освоенных районах. Впрочем, тогда это, видимо, было обыденным явлением, для многих (если не всех) провинциальных гарнизонов¹. По сведениям Г. Ф. Быкони, в Восточной Сибири «как военная сила сибирские регулярные части использовались редко», и «функция корпуса пограничной стражи» была для них «одной из основных». Наряду с казаками, солдат в это время направляли и в экспедиции, и на всякого рода «работы», причем случаи такого использования регулярных войск были отнюдь не единичными. Например, в Якутском пехотном полку, по словам Г. Ф. Быкони, «большинство (! — *Н. Н.*) личного состава занималось обеспечением своего полка продовольствием, фуражом, доставкой и починкой амуниции, содержанием полковых мельниц, кузниц, табуна и даже полковым хлебопашеством»². (Напомню, что сопряжение военной службы с хозяйственными занятиями — земледелием, промыслами и т. п. рассматривается как одна из существенных черт *иррегулярной* армии³).

Аналогичную ситуацию с регулярными войсками в Сибири XVIII в. показывают и работы других исследователей. Так, А. С. Зуев и А. В. Дмитриев пришли к выводу о недостаточной отлаженности механизмов снабжения гарнизонных войск Сибири денежным жалованьем и вещевым довольствием при одновременно крайней их загруженности «службами», которые, как и в XVII в., зачастую не имели отношения к военному делу. А. С. Зуев и А. В. Дмитриев отмечают, что на южносибирской границе от Урала до Амура «регулярные части, среди которых

---

¹ Дмитриев А. В. Некоторые особенности повседневной жизни и быта военнослужащих регулярных частей русской армии в Сибири (вторая четверть XVIII в.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. мат.-лов II Всерос. молодежной научн. конф. Новосибирск, 2012. С. 63–65.

² Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 188–189.

³ История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 50, 276; Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири. С. 261.

преобладала пехота, были мало пригодны и для пограничной службы, в первую очередь для пресечения набегов кочевников... Кроме того, многие военнослужащие занимались обеспечением своих частей продовольствием, фуражом, доставкой и починкой амуниции, различными хозяйственными делами, в том числе хлебопашеством. Регулярные чины несли также караульно-полицейскую службу в сибирских городах и острогах, а офицерский состав выполнял административно-фискальные и судебные функции по отношению к местному населению. В силу этого значительная часть личного состава находилась не при полках и батальонах, а в длительных командировках в разных районах Сибири»¹.

Еще более удручающим было положение в гарнизонах северо-востока Сибири, куда тоже перебрасывались регулярные подразделения. Как пишет А. С. Зуев, и там «благие намерения правительства сводились на нет местными условиями службы... В самом Анадырске, равно как и в других гарнизонах, никакой военной подготовки не велось, не говоря уже о каком-либо специальном обучении применительно к местным условиям боевых действий...». Отсутствие военного обучения А. С. Зуев объясняет «с одной стороны, тем, что правила регулярного боя, как показывал опыт, были слабо применимы к “диким” народам, а соответственно, не требовалось и обучения этим правилам. С другой стороны, хроническая нехватка боеприпасов не позволяла проводить обучение стрельбе. Наконец, на военные тренировки просто не было времени, поскольку гарнизоны почти все свободное от походов время занимались обеспечением себя продовольствием»².

---

¹ Зуев А. С., Дмитриев А. В. Армейские регулярные части в Сибири в XVIII — начале XIX века: численность, состав, дислокация // Вестник Новосибирского гос. ун-та. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 26. См. также: Дмитриев А. В. Политика правительства императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) в отношении гарнизонных войск русской армии на территории Сибири // Исторический ежегодник. 2008. Новосибирск, 2008. С. 79, 86; *он же*. Гарнизонные войска русской армии на территории Сибири в правление Анны Иоанновны (1730–1740 годы) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 13–16, 18; *он же*. Роль центральных и местных государственных учреждений в организации материального обеспечения гарнизонных частей русской армии в Сибири (середина XVIII века) // Исторический ежегодник. 2011. Новосибирск, 2011. С. 121, 125.

² Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России. С. 278–279. См. также: *он же*. Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири

Изучив процесс формирования новых воинских подразделений за Уралом в первые годы царствования Екатерины II, А. В. Дмитриев и А. С. Зуев пришли к заключению, что, «убедившись в том, с какими трудностями приходится сталкиваться при увеличении в Сибири частей регулярной армии, императрица и ее советники стали искать другие способы укрепления обороноспособности границ, сделав акцент на рост численности и реорганизацию сибирского казачества, несшего пограничную службу на юге Сибири»¹.

К началу XIX в. в правительственных кругах, по-видимому, окончательно возобладало намерение возложить охрану сибирских рубежей главным образом на казацкие войска. Это представлялось целесообразным еще и потому, что с XVIII в. происходила все большая «регуляризация» самой казачьей службы — сближение казачьих частей с регулярными в организации, структуре, экипировке и т. п.² А после 1812 г., в связи с тем, что армейские полки, дислоцированные вдоль южной границы Западной Сибири, были переброшены в Европейскую Россию (за Уралом остались лишь небольшие гарнизонные части), защита сибирских укрепленных линий вообще возлагается практически на одних казаков. Они стали не только единственной кавалерией в Западной Сибири, но и «главным орудием» в продвижении России в глубь казахских степей в первой половине XIX в.³

Такая роль сибирских казаков, как отметил А. Р. Ивонин, определялась «их знанием местных обычаев», а также «глубоким пониманием тактики нерегулярного боя, применяемой степняками, и умением противостоять ей»⁴. О боеспособности же казачьих войск Сибири в XIX в. можно судить хотя бы по тому, как они проявили себя при покорении Центральной Азии, будучи

во второй половине XVII–XVIII вв. // *Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 49.

¹ *Дмитриев А. В., Зуев А. С.* Формирование подразделений регулярной армии в Сибири середины 1760-х годов: планы и достигнутые результаты // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология.* 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 37.

² *История казачества Азиатской России.* Т. 1. С. 50.

³ *Смирнов А.* Часовые империи. Сибирское казачье войско на службе отечеству // *Родина.* 1997. № 8. С. 38; *Русские в Евразии XVII–XIX вв.* С. 400; *Дмитриев А. В.* Армейские регулярные части в Сибири в XVIII — начале XIX века: численность, состав, дислокация // *Вестник Новосибирского гос. ун-та. История, филология.* 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 25.

⁴ *История казачества Азиатской России.* Т. 1. С. 149.

ударной силой в военных операциях М. Д. Скобелева и других выдающихся полководцев¹. И абсолютно прав С. М. Андреев, когда пишет, что «сибирское казачество, благодаря сочетанию в его социальной организации боевого и хозяйственного начал, являлось весьма эффективным инструментом имперской политики освоения восточных регионов страны»².

Заканчивая обзор содержащихся в литературе сведений и мнений об учреждении в Сибири регулярных войск, следует подчеркнуть особую значимость этого направления исследовательской работы. Она дает весьма поучительные примеры того, что получается, когда в принципе верные решения принимаются без соответствующего материального обеспечения и учета местной специфики. Весьма по нашим временам актуально...

И совсем короткое заключение ко всему очерку. Автор не ставил перед собой цели проанализировать и даже перечислить *все* работы, так или иначе касающиеся истории казачества Сибири XVII в., и осветить все поднимаемые в них вопросы: это было бы невозможно даже технически. Задача данного исследования скромнее: определить основные направления изучения военных факторов русской колонизации Сибири в XVII в. и остановиться на тех из них, которые представляются автору на сегодняшний день наиболее важными. Насколько удачно была выполнена поставленная задача — судить читателю. Автор далек от претензии на то, чтобы его суждения воспринимались как истина в последней инстанции, и вполне отдает себе отчет в том, что практически все обозначенные выше вопросы требуют дальнейшей и углубленной разработки. Возможности для этого у нас есть, ибо источниковая база по военной истории Сибири XVII в. далеко не исчерпана, а процесс познания прошлого, как и познания вообще, бесконечен.

---

¹ Селищев Н. Ю. Казаки и Россия. Дорогами прошлого. М., 1992. С. 12; История казачества Азиатской России. Т. 2. С. 60–68; Смирнов А. Часовые империи. С. 36–42; *он же*. На «бухарской» стороне // Родина. 2004. № 5. С. 56–60.

² Андреев С. М. Сибирское казацье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития: 1808–1917 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007. С. 2–3.

О ВОЗРОЖДЕНИИ КАЗАЧЕСТВА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Редкая работа по истории казачества обходится теперь без раздела, посвященного современному казачьему движению — весьма заметному и интересному явлению общественной жизни России рубежа XX и XXI вв.¹ Проблемам возрождения казачества в последнее время посвящаются и специальные монографические исследования². У этого движения, таким образом, уже появилась своя историография, по которой можно проследить его основные этапы, локальные особенности, главные проблемы, течения и формы. Но мы остановимся лишь на некоторых аспектах казачьего возрождения — тех, что в той или иной мере перекликаются с представленными в основной части нашей работы сюжетами.

Судя по посвященной казачьему возрождению литературе, началось оно в самом конце 1980-х гг. с создания в Москве землячества казаков (официально зарегистрированного лишь в начале 1990 г.), Казачье движение заметно усилилось после указа Президента СССР М. С. Горбачёва (от 13 августа 1990 г.), признававшего незаконность репрессий по политическим, социальным, национальным и иным мотивам, проводившихся в отношении граждан нашей страны в 1920–1950-х гг., а также после принятого в апреле 1991 г. Закона «О реабилитации репрессированных народов», распространенном и на казачество, названное там, правда, не «народом», а «исторически сложившейся культурно-этнической общностью»³.

---

¹ См., например: Казачий Дон: Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 2. С. 126–180; *Антропов О. О.* Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008. С. 317–366; *Смирнов Н. Н.* Забайкальское казачество. М., 2008. С. 519–524.

² См., например: *Озеров А. А.* Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект). Автореф. дис. ...канд. философ. наук. Ростов н/Д, 2003.

³ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. С. 130, 133–134; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 765.

В июне 1992 г. указом президента РФ предписывалось «поддерживать движение за возрождение казачества, восстановление экономических, культурных, патриотических традиций и форм самоуправления казачества, не допуская вместе с тем возврата к каким-либо сословным привилегиям и принудительному навязыванию гражданам казачьего уклада жизни»¹. Лидерами этого движения, собственно, и не ставился вопрос о *полном* восстановлении старого, дореволюционного статуса казачества. Находились, конечно, и те, кто требовал возвращения всех «отнятых большевиками» у казаков территорий и восстановления традиционного казачьего землепользования², но они не оказали существенного влияния на казачье движение, и хотя разные группы казачьих идеологов и активистов представляли его цели по-разному, почти все они сходились тогда на том, что и современное казачество призвано служить государству Российскому...

За минувшие с той поры годы казачье движение многократно усилилось, организационно окрепло, охватило не только традиционные казачьи области и обе наши столицы, но и много других регионов России, где потомков казаков оказалось достаточно, чтобы сформировать «войсковые казачьи общества» или их отделы. Процесс это далеко не завершен и по сей день, ибо потомков казаков в нашей стране, по разным подсчетам, от 3–5 до 10 млн. Правда, официально (согласно российскому законодательству) казаками считаются лишь граждане РФ, являющиеся *членами казачьих обществ*, об их общей численности публикуются разные данные, но по-видимому она не достигает и миллиона³.

В настоящее время издаются десятки казачьих газет и журналов, много казачьих сайтов в Интернете, казаками создаются всё новые и новые фольклорные ансамбли, культурные и молодежные

---

¹ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. С. 127.

² Козлов А. И. Правда и домыслы о казаках // Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 14; Губенко О. В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). Б. м., 2007. С. 186–188.

³ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. С. 133; Бугай Н. Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). М., 2000. С. 70; *он же*. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011. С. 353; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 17; Бредихин А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. Апрель 2017 г. Вып. 61.

центры, функционируют казачьи воскресные школы и кадетские корпуса, при некоторых вузах открыты казачьи факультеты, в Москве появился даже Казачий университет. Проблемам современного казачества посвящаются специальные конференции, кандидатские и докторские диссертации, научные монографии¹. При администрациях «казачьих» регионов созданы специальные департаменты, а при Президенте РФ — Совет по делам казачества².

В июле 1992 г. постановлением Верховного Совета РФ за казачеством (в связи с его реабилитацией) было признано право на «возрождение в пределах действующего законодательства традиционных для казачества форм землевладения, землепользования и распоряжения землей (без ущемления прав других граждан, проживающих в данной местности и не относящихся к казачеству), несения воинской службы в частях Вооруженных сил и Пограничных войск Российской Федерации»³.

В 1996 г. были созданы Главное Управление Казачьих Войск при Президенте РФ и «Государственный реестр казачьих обществ», куда в к 2010 г. вошли 11 войсковых казачьих обществ (Донское, Кубанское, Терское, Волжское, Центральное, Оренбургское, Сибирское, Енисейское, Иркутское, Забайкальское, Уссурийское) и 8 самостоятельных окружных (Балтийское, Северо-Западное, Прикамское, Верхнекамское, Астраханское, Амурское, Сахалинское, Якутский казачий полк). Уже по состоянию на 1 января 2006 г. численность этих обществ составляла свыше 660 тыс. человек⁴.

В 1998–2001 гг. для реестрового казачества был разработан и утвержден ряд положений о казачьей форме, знаках различия, чинах и «холодном клинковом оружии, предназначенным для ношения с казачьей формой»⁵.

---

¹ Таболина Т. В. Изучение казачества в России // Российское казачество. Научно-справочное издание. С. 678–683.

² Там же. С. 770.

³ Российское казачество. Научно-справочное издание. С. 766.

⁴ Маркедонов С. Российское неказачество. Поиски «золотого века» // Знамя. 2001. № 9. С. 214–218; Независимая газета. 29.05.2006. Приложение «НГ-Регионы»; Бугай Н. Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения. С. 353.

⁵ Российское казачество. Научно-справочное издание. С. 778–784; Бугай Н. Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). М., 2015. С. 97; Войсковые казачьи общества, внесенные

В ноябре 2005 г. был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации РФ долгожданный (для казаков) «Федеральный закон о государственной службе российского казачества», подписанный в декабре того же года Президентом РФ В. В. Путиным. А Президент РФ Д. А. Медведев в декабре 2011 г. провел в Кремле торжественную церемонию вручения знамен войсковым казачьим сообществам, заявив при этом: «Мы будем и дальше привлекать казаков к государственной службе, в том числе по охране границ и общественного порядка»¹. Казачьи общества стали получать в бессрочное пользование земли развалившихся колхозов и совхозов для организации хозяйств как фермерского типа («по юртам»), так и основанных на традиционно коллективной системе управления².

Важным, знаменательным шагом по пути казачьего возрождения, по мнению казачьих активистов, стало учреждение в 2012 г. Казачьей партии РФ, а в 2018 г. — создание Всероссийского казачьего общества, объединившего 11 казачьих «войск» по всей стране и ставящего своей целью не только координацию их действий, но и патриотическое воспитание молодежи (включая создание молодежной казачьей организации), поддержку и сохранение исторической памяти и традиций казачества, взаимодействие с зарубежными казачьими организациями, а также, что особенно важно, — выработку для казачества единых стандартов несения службы. Признанием уже имеющихся у казачьих организаций заслуг в различных областях общественной и политической жизни стало участие казаков в парадах Победы в Москве.

Однако помимо «парадной» стороны казачьего возрождения, существует и другая его сторона, «непарадная». В ней немало негатива и нерешенных проблем, что в общем-то закономерно. Как заметил Н. Ф. Бугай, «ни мировая, ни российская практика не имеют прецедента возрождения столь многочисленного сообщества»³, и было бы наивно ожидать, что подобные процессы у нас могут проходить гладко и безболезненно.

в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации: атрибутика. М., 2018.

¹ Российская газета. 08.12.2011.

² Бугай Н. Ф. Казаки Юга России. С. 188, 197–199.

³ Он же. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011. С. 355.

Прежде всего исследователи обращают внимание на раскол и раздвиг в рядах самого казачества, его деление не только на «креострое» и «общественное», но и на множество других соперничающих, а то и враждующих друг с другом организаций и группировок¹. Кроме того, некоторыми авторами отмечалось, что «к казачьему движению на первых порах примыкали разного рода политические авантюристы и криминально ориентированные граждане. Они до неузнаваемости изменили социальный портрет современного казачества, привнесли в него отталкивающую для общественного сознания непривлекательность»². Как заявил в 2004 г. советник Президента РФ по делам казачества Г. Н. Трошев, в ряды казачьего движения «проникли авантюристы, криминальные элементы, политиканы и дельцы», в некоторых казачьих объединениях наблюдается полный произвол в присвоении воинских званий, так что, например, генералов у казаков теперь «больше, чем в армии» и т. д.³

Донские историки А. П. Скорик и Р. Г. Тикиджьян охарактеризовали ситуацию с возрождением казачества (применительно, правда, к 1995 г.) следующим образом: «Ныне казачье движение приобрело немалую социальную поддержку. Однако в него приходили люди своеобразными волнами. Понимая относительность названий, мы все-таки перечислим эти волны: 1) интеллигентно-фольклорная; 2) маргинально-криминальная; 3) общинно-станичная; 4) экономически-мафиозная; 5) политически-скандальная; 6) этносоциальная. Они причудливо перемешиваются в казачьем движении и в целом создают его современный облик»⁴. А кандидат философских наук А. А. Озеров применительно к более позднему периоду выделил в идеях возрождения казачества уже только три подхода: «1) “единонеделимость” (от лозунга Россия единая и неделимая)... 2) “автономизм”, преследующий цель создания казачьего государственного образования

---

¹ Бугай Н. Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). М., 2015. С. 104–105, 109–111.

² Озеров А. А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект). Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 15.

³ Родина. 2004. № 5. С. 25; Независимая газета. 29.05.2006. Приложение «НГ-Регионы».

⁴ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. С. 147–148.

в составе России... 3) «казакйство», цель которого создание самостоятельных казачьих республик вне состава России»¹.

На последних «волнах» и «подходах» следует остановиться подробнее. Дело в том, что практически с первых шагов движения за возрождение казачества главную роль в нем стали играть активисты, считающие казаков самостоятельным, «самобытным народом»². Для подкрепления своей позиции они предприняли немало шагов. В первую очередь — выступали инициаторами переиздания трудов казачьих «автономистов» и «сепаратистов» первой трети XX в., хотя в 1990-е гг. даже поверхностно знакомому с историей казачества человеку была ясна их научная несостоятельность³. Засыпали Высшие органы государственной власти РФ требованиями официально признать казаков отдельным народом. Отстаивали свои взгляды на этническую сущность казачества в различных публикациях, выступлениях по радио и телевидению, «озвучивали» их на семинарах и конференциях (включая те, что посвящены воспитанию казачьей молодежи⁴) и в итоге заставили считаться с собой даже своих более образованных и прагматичных сподвижников.

Показательна эволюция взглядов атаманов. Если первое время им были больше присущи высказывания типа: «Мы часть русского народа и нечего тут мудрить»⁵, то в дальнейшем

---

¹ *Озеров А. А.* Возрождение казачества... С. 11.

² Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. С. 130.

³ Как заметил А. И. Агафонов, «вскоре выяснилось, что большинство дореволюционных, эмигрантских и зарубежных сочинений не соответствуют требованиям современной исторической науки в области источниковедения, историографии и методов исследования. Да и фактическая база была значительно беднее многих работ, созданных в советскую эпоху» (*Агафонов А. И.* Донское казачество в современной научной литературе: проблемы, поиски, решения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 53).

⁴ *Карташов Ю.* Кого считать казаком? // Воспитание и образование молодежи на традициях и культуре российского казачества. Мат-лы междунар. конф. М., 2012. С. 95–97. Эта конференция прошла 28 марта 2012 г. в Москве, в Евразийском открытом институте (имевшем тогда Казачий факультет) под эгидой Министерства образования и науки РФ, Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, Совета при Президенте РФ по делам казачества, Синодального комитета по взаимодействию с казачеством и Правительства Москвы.

⁵ Во всяком случае, так в 1992 г. выразился товарищ атамана Союза казаков Дальней России Н. Шатров и примерно так — атаман Союза казаков России А. Мартынов (см.: Литературная Россия. 1992 № 34. С. 5; Русский Вестник. 1992. № 40. С. 5).

и от атаманов всё чаще слышались рассуждения об особом «казачьем народе», «казачьем этносе»¹. Примечательно, что на Дону, где казаки с 1996 г. были расколоты на «реестровых» во главе с В. Водолацким и «общественников» во главе с Н. Козицыным, оба атамана, несмотря на все разногласия, оказались единодушны в том, что казак — это национальность, а казачество — самостоятельный, отдельный от русских народ².

Характерны перемены во взглядах на раннюю историю своих предков талантливого кинорежиссера, «родового» донского казака Н. Н. Гусарова. Если в его фильме «Дикое поле», вышедшем на экраны в 1991 г., казаки XVI в. показаны в общем и целом в соответствии с научными представлениями об эпохе, то снятый в 1999 г. фильм «Казачья быль», действия которого происходят в том же XVI в., построен целиком на «концепциях» казачьих «автономистов» и «сепаратистов» первой четверти XX в. и их современных последователей. В нем постоянно говорится о «казачьем народе», о его вынужденном «переселении» (под давлением врагов) на север и последующем «возвращении» на свои исконные земли и т. д., и т. п.

По свидетельству волгоградского историка и этнолога М. А. Рыбловой, «на первых научно-практических “казачьих конференциях” 1990-х гг. присутствующие на них участники движения постоянно задавали докладчикам вопрос “на засыпку”: “Считаете ли вы казачество народом?”. При положительном ответе слышались крики “Любо!”, при отрицательном или уклончивом — свист, после чего докладчикам предлагали ознакомиться с трудами Савельева»³. Этот «автономист», считавший казачество «древним самобытным народом», участвовавшим в Троянской войне и основавшим Рим, по словам питерского историка Б. С. Корниенко, вообще «превращается в своеобразную икону казачьей историографии, перед которой преклоняются новые казакоманы». И этому есть простое объяснение. Не имея соответствующей научной подготовки (и даже высшего образования),

---

¹ См., например интервью атамана Московского областного отдельного казачьего общества Г. Н. Сидорина: Подмоскowie. Ежедневные новости. 31.05.07. С. 4.

² Независимая газета. 16.08.02, 30.09.02.

³ Рыблова М. А. «Казаки возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 277.

Е. П. Савельев, как отмечает Корниенко, «создал труд... принципиально устаревший еще до его выхода из печати. Однако... в деле создания “национального мифа” профессионализм автора играет далеко не первую роль, скорее наоборот, излишняя научная щепетильность может помешать конструированию желаемого исторического прошлого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, что убежденный казачий националист Е. П. Савельев написал “Историю казачества”, сомнительную с точки зрения академической науки, но зато щедро наполненную идеологемами, востребованными его единомышленниками...»¹

М. А. Рыблова убеждена, что Закон «О реабилитации репрессированных народов» подстегнул «казачий национализм». «Строго говоря, — пишет она, — казачество в тексте было названо *культурно-этнической общностью*, но включение его в перечень репрессированных народов и наличие слова «народы» в названии закона привело к тому, что теперь тех, кто сомневался в наличии особого казачьего народа, отсылали не только к книге дореволюционного исследователя, но и к закону 1991 г. Так в реконструировании казачьей национальной идентичности соединились научная теория и законодательная инициатива федеральных властей. Впоследствии власти попытаются исправить ситуацию: взять казачье движение под контроль и направить его из этнического в социальное русло. Но идея древнего происхождения казачества и теперь уже второго его “возвращения” (возрождения) продолжала жить и находила все большее число последователей»².

В этой связи не приходилось удивляться тому, что в решении Большого войскового круга, состоявшегося в Новочеркасске в ноябре 2001 г., было записано, что «казаки считают себя природою не от московских людей», и поэтому выдвигалось требование разрешить в документах в графе «национальность» указывать — «казак»³. А в январе 2013 г., по сообщениям СМИ⁴, в Ростове-на-Дону прошел санкционированный властями митинг, участники

---

¹ Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 165–166.

² Рыблова М. А. «Казаки возвращаются». С. 277.

³ Бондаренко М. Донские казаки хотят, чтобы им вернули национальность // Независимая газета. 30.09.2002.

⁴ В частности, в передаче А. Прохоровой «В центре событий» от 27.01.2013 по ТВЦ.

которого протестовали против действий чиновников, препятствующих желающим указывать в графе «национальность» — «казак». «Такая национальность существует!» — заявили митингующие и направили соответствующее письмо президенту РФ за подписью трех тысяч человек.

Высказывается мнение, что в случае официального признания казаков «особым этносом» казачьи активисты рассчитывают получить соответствующие федеральные ассигнования на его «развитие», а поднимая тему «геноцида казачьего народа» (во время Гражданской войны) — дополнительные права и привилегии¹. Но вряд ли дело здесь только в материальных выгодах и приобретениях...

Самые радикальные поборники «казачьей идеи» своей главной целью вообще провозглашают создание на юге России «Казачьей Республики» — либо автономного, либо вообще независимого «государственного образования». И логика их проста. «Почему якуты, адыги, татары, буряты имеют свои республики, а казаки нет?»².

Осенью 1991 г. в ходе «парада суверенитетов» казачьи «сепаратисты» уже пытались претворить свои планы в жизнь: было объявлено о создании Донской, Терской, Армавирской, Верхне-Кубанской казачьих республик, а затем провозглашено их объединение в Союз казачьих республик Юга России со столицей в Новочеркасске и статусом «союзной республики» в предполагавшемся «новом союзном государстве», призванном сменить СССР. Были сформированы органы власти нового «государственного образования», готовилась правовая база для его международного признания (в ООН), назначен чрезвычайный и полномочный посол СКРЮР в Москве. События, последовавшие за развалом Советского Союза, помешали дальнейшей реализации плана казачьих «сепаратистов», но многие из них и по сей день не отказываются от своих замыслов³.

---

¹ *Маркедонов С.* Основной вопрос казачеведения: российские историки в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

² *Качанов И. В.* Казаки — национальность, сословие или состояние души!? Ставрополь, 2016. С. 31.

³ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. С. 131, 137–138; *Бугай Н. Ф.* Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). М., 2015. С. 103, 106, 114; *Бредихин А. В.* Казачий сепаратизм — современное

Это дает повод некоторым исследователям к весьма пессимистическим выводам. «Казачи служили центральной российской власти лишь тогда, когда эта власть была крепка и неколебима, — пишет британский историк И. Ю. Ерохин. — Как только центральная власть начинала шататься и сыпаться, казаки одними из первых спешили воспользоваться плодами имперского краха, провозглашая казачьи республики и автономии, порой даже идя на сговор с актуальным внешним врагом Российской (царской, белогвардейской, советской) империи. Таким образом... обращение казачества к вопросам собственного государственного строительства — есть концентрированный и осмысленный ответ казачества на проявление слабости центральной власти...»¹

Хочется надеяться, что такие заключения несколько преждевременны. И надежду на то дают другие проявления политической активности современного казачества. В начале 1990-х гг. в условиях паралича государственной власти на Северном Кавказе казаки явились единственной реальной силой, способной хоть как-то противостоять геноциду русскоязычного населения в регионе. Их добровольческие формирования участвовали в боевых действиях в Приднестровье, Абхазии, на территории бывшей Югославии, в ходе «Первой Чеченской кампании», в Донбассе. Казаки (особенно в районах их традиционного обитания) задействованы в природоохранной деятельности, охране общественного порядка и государственной границы, в военно-патриотическом и духовном воспитании подрастающего поколения².

Но всё это в основном частные инициативы, далеко не всегда поддерживаемые властями. А что же *государственная* казачья служба? По поводу ее и возникает более всего вопросов.

состояние // URL: [http:// gumilev-center.ru](http://gumilev-center.ru) (дата публикации — 06.09.2013); *он же*. Казачий сепаратизм на Юге России // Казачество. Альманах. 2016. № 14. С. 36–46; *Егоров И.* Казачия — не Россия? // Наша версия. 19.03.2018 (№ 11).

¹ *Ерохин И. Ю.* «Казачий национализм» и государственная идея: мифы и реальность // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2013. № 7. С. 28–33.

² *Трошев Г. Н.* Казачество в истории России: патриотический аспект // Казачество в истории России. Мат-лы Всерос. научно-практ конф. М., 2007. С. 19–22; *Губенко О. В.* Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). Б. м., 2007. С. 184–187, 192–193, 200–202; *Бугай Н. Ф.* Казаки Юга России. С. 152–153, 155–161, 168–169, 175, 179, 186; *Бугай Н. Ф., Штурба Е. В.* Казаки России в обеспечении безопасности: проблемы внутренних угроз. 1990-е — 2015 гг. М.; Краснодар, 2016. С. 246, 248, 250.

Еще в 1920-е гг., когда в эмигрантской среде активно обсуждались судьбы казачества, бывший донской атаман генерал А. П. Богаевский выразил уверенность в том, что «какова бы ни была будущая власть на Руси — казачьи войска будут существовать. Здравый смысл подсказывает, — писал Богаевский, — что государству нужно такое здоровое, бодрое, привыкшее к порядку население»¹. И действительно, широко распространенное в военных кругах конца XIX — начала XX вв. мнение о низких боевых качествах казачьих войск в «новых условиях»² было вскоре опровергнуто самой жизнью: в сражениях Первой мировой войны казачьи части оказались одними из самых боеспособных в Русской армии³. Об этом помнили и большевики (имевшие к тому же немало возможностей оценить воинское умение казаков на фронтах войны Гражданской), и во второй половине 1930-х гг., ознаменовавшихся резким ростом международной напряженности, в Красной армии было сформировано несколько казачьих дивизий. В годы Великой Отечественной войны они тоже зарекомендовали себя самым лучшим образом, но после нее были постепенно расформированы, и казаки стали служить в армии «на общих основаниях»⁴.

В «лихие девяностые» Российская армия испытывала большие трудности с призывом, и, казалось бы, для нее тогда были бы отнюдь не лишними специальные казачьи подразделения. Сформированные из тех, за чьими плечами традиции многовекового, родового служения Отечеству, для кого ратная служба не повинность, а честь, казачьи полки и дивизии могли бы стать ударной силой, элитой нашей армии, как это уже было когда-то. По той же причине могли бы быть полезными России и флотские экипажи, и погранзаставы, состоящие из казаков, а во многих местах, и прежде всего вблизи «горячих

---

¹ Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 15.

² Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 30–31.

³ Воскобойников Г. А. Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 гг. М., 1994; Оськин М. В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009.

⁴ Задорожный П. Ф. Патриотизм казачества в годы Великой Отечественной войны // Казачество в истории России. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. М., 2007. С. 94–97; Пятницкий В. И. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2007.

точек», хорошо было бы обзавестись и казачьими территориальными формированиями типа Национальной гвардии США и ряда других стран. По сути дела, подобные формирования кое-где казаками были почти созданы, и, казалось бы, пренебрегать расширением их возможностей в ликвидации последствий стихийных бедствий и в прочих кризисных ситуациях, в поддержании общественного порядка и т. п. неразумно, и многие исследователи высказывались за официальное оформление таких структур¹.

Такая востребованность со стороны государства необходима и самому казачеству. И для того чтобы сохранить себя как культурно-историческую общность, и для того чтобы определиться, наконец, в социальной структуре современной России. Ведь, как было показано выше, казаки с момента своего появления на исторической арене и до начала XX века были прежде всего и главным образом воинами и лишь потом — всем остальным. По словам известного историка (и кубанского казака по происхождению) Н. Ф. Бугая, «служение Отечеству — историческая форма существования казачества»². «Казачество без государственной службы немыслимо», — постоянно звучало в октябре 1995 г. на совещании руководителей субъектов Российской Федерации, на чьих территориях проживают казаки³. И нынешние казаки в большинстве своем готовы России служить — но только не «на общих основаниях», а в особых, казачьих подразделениях, спаянных духом землячества и уникальных воинских традиций. Но совершенно ясно, что если лишить казачество права и возможности нести воинскую службу на особых условиях или же вообще направить казачье движение по пути создания фермерских хозяйств и т. п. структур, лишенных военной составляющей (на чем настаивают некоторые общественно-политические деятели), то казачество как уникальное историко-культурное явление захиреет, угаснет. «Казак без службы — не казак!»

...Еще в 1990-е гг. некоторым частям и подразделениям Российской армии стали присваиваться наименования «казачий».

---

¹ *Алексеев В. В.* Предисловие // История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 7; *Куклев Ю. М.* Указ. соч. С. 204.

² *Бугай Н. Ф.* Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформация этнической общности (1990-е годы — начало XXI века). М., 2011. С. 164.

³ *Он же.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011. С. 354.

В 2000-е гг. был сформирован перечень таких воинских формирований, куда вошли 4-я гвардейская Кантемировская танковая дивизия (г. Наро-Фоминск Московской области), 752-й мотострелковый полк (г. Валуйки Белгородской области); 20-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада (г. Волгоград); 205-я отдельная мотострелковая казачья бригада (г. Буденновск Ставропольского края); 205-я отдельная мотострелковая бригада (г. Буденновск, Ставропольский край); 32-я отдельная мотострелковая бригада (г. Новосибирск); 36-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада (г. Борзя, Забайкальский край) и еще целый ряд воинских частей и соединений. Однако некоторые из них имели «казачий» статус всего несколько месяцев, а многие в 2007–2012 гг. вообще расформированы (33-й Берлинский мотострелковый Донской казачий полк 20-й гвардейской мотострелковой дивизии, 131-я отдельная мотострелковая Кубанская казачья бригада, 295-й гвардейский мотострелковый Оренбургский казачий полк, 292-я Енисейская казачья ракетная бригада, 165-й Уссурийский казачий полк морской пехоты 55-й дивизии морской пехоты и др.) Однако и в сохранившихся «казачьи» наименования соединениях, как сообщают военные специалисты, процент «природных» казаков обычно невелик, нередко не дотягивает и до 10 %. (Как оказалось, первым и последним подразделением, целиком укомплектованным из казаков, был батальон им. А. П. Ермолова, созданный во время Первой Чеченской кампании и расформированный после нее)¹.

В правительственных кругах такая ситуация обычно объясняется «ограниченностью человеческих ресурсов российского казачества»², но у его представителей это понимания, как правило, не находит. Некоторые исследователи объясняют проблемы с набором в «казачьи» части «рекомендательным характером» правил их комплектования, обусловленным тем, что «реальное, а не декоративное возрождение казачества... входит в противоречие с реалиями современной российской административной и правоохранительной системы. Люди с чувством собственного достоинства, способные к самоорганизации, опасны для властей всех уровней», ибо могут стать «катализатором процессов

---

¹ Казаки: формирования в Вооруженных силах России // URL: <http://zen.yandex.ru>media...formirovaniia-v...silah-rossii-...> 19/06/2020/

² Там же.

духовного и нравственного возрождения общества и преодоления нравственной катастрофы, вызванной насаждением чуждой России идеологии либерального (и аморального) индивидуализма»¹.

У многих казаков складывается впечатление, что у российского правительства пропал интерес к привлечению казачества не только к военной службе, но и к продекларированном в упомянутых выше указах и постановлениях участии казаков в охране общественного порядка и природных ресурсов. «Даже готовность казаков взяться за прежнюю службу — охрану границ — сплошь и рядом натывается на явное сопротивление», — сокрушался еще в 1995 г. донской казак Ю. Буров². А относительно идеи создания Национальной гвардии на базе казачьих обществ Г. Н. Трошев заявил: «Идея не новая, весь вопрос в том что, располагают ли казачьи общества большими мобилизационными возможностями. Еще в 1999 г. по просьбе казаков, Генеральный штаб Минобороны России совместно с атаманами изучал мобилизационные возможности казачьих обществ, они очень низкие, районы компактного проживания казаков сегодня есть только на Дону, Кубани и Тереке. Нет и достаточного количества военно-обученных казаков. А самое главное состоит в том, что нет федерального закона о национальной гвардии и о резерве»³.

В 2016 г. подобный закон был принят, но — не для казачества. «Нацгвардией» (переименованной затем в «Росгвардию») стали называться войска МВД, а прием казаков в их реформированные ряды предусматривался (до июля 2021 г.) лишь «*на общих основаниях*»⁴.

Н. Ф. Бугай отметил «определенный спад политической активности казачества» уже к концу 1990-х гг. и обратил в этой связи внимание на процесс сокращения участия казаков в охране границ Российской Федерации, отстранение казаков от таможенной, экологической и иных служб и вместе с тем — на усиление налоговых воздействий на казачьи организации и отсутствие

---

¹ Соловьев Д. Н. Казачество как мобилизационный ресурс Российского государства (XV — конец XX века). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011.

² Казаки в России и на Орловщине. Сборник. Орел, 1996. С. 26.

³ Российское казачество. Научно-справочное издание. С. 705.

⁴ URL: <http://kazak-center.ru> > 2016 > Июль > 14.

продуманной работы по консолидации казачества, формальное отношение к созданию воинских частей и тому подобные негативные явления¹.

Проблемы и с реализацией уже принятых постановлений о казачестве вызывают беспокойство у многих казачьих активистов. Как с горечью писал в 2009 г. В. Е. Шамбаров, «из всех правовых актов в отношении казачества не был выполнен ни один! Оно не получило ничегошеньки. За отсутствием “механизма реализации”. Ходил анекдот, что Ельцин сказал о казаках: “Все им обещать, но ничего не делать”. Так оно было или нет, но вышло именно так. И службы казаки тоже не получили. О “казачьих” частях много писали, восторгались, что там нет дедовщины и других пороков. Но потом как-то замолчали. И количество таких частей, казачьих по названию и составу призывников, стало исподволь сокращаться»².

«Очень много надежд возлагалось на принятие закона о казачестве, — сокрушался В. Е. Шамбаров. — Считалось — вот будет закон, и все встанет на свои места. Эта работа началась еще в середине 90-х. Предлагались разные проекты, четырежды они принимались Думой, но отвергались Советом Федерации, годами утрясались разночтения. Наконец, в 2005 г. был принят вариант, предложенный со стороны президента — федеральный закон «О государственной службе российского казачества». Который и поставил точку на всех надеждах. Поскольку узаконил всего лишь то, что казаки имеют право нести службу... на общих основаниях с другими гражданами. И даже пункт о направлении их в сохранившиеся “казачьи” части дополнился оговоркой “по возможности”. Что фактически перечеркнуло особый принцип комплектования. Очевидно, и сам закон был нужен только для того, чтобы с его принятием признать утратившими силу все прежние законы, указы и постановления. Отменить то, что успели наобещать»³.

Редакция газеты «Станица» сетовала в 2008 г.: «Государство в лице так называемых силовиков... пытается рассовать горстку казачков-призывников в разные воинские части. А вот формируемые

---

¹ Бугай Н. Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение. С. 84–85; *он же*. Казаки Юга России. С. 99.

² Шамбаров В. Е. Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 640.

³ Там же. С. 645–646.

сейчас элитные горные бригады — обходятся опять без участия казачьих обществ...» Таким образом, вопреки принятым инструкциям и постановлениям, схема «допризывная подготовка — казачьи части в армии — мобильный резерв» не работает — прокомментировали эту ситуацию Н. Ф. Бугай и Е. В. Штурба¹.

Казачий активист А. К. Кутник тоже не скрывал своего разочарования государственной политикой в отношении казачества. Он обратил внимание на то, что занимающиеся ею чиновники часто «имеют весьма поверхностные представления» о казачестве и что те немногие воинские части, которые названы «казачьими», таковыми, по сути, не являются, «даже исходя из основополагающий принципов их комплектования и условий прохождения военной службы. Воинские начальники упорно не желают понимать, что почетное наименование не делает воинское подразделение казачьим автоматически, — пишет Кутник и отмечает, в числе прочего, отсутствие в таких частях не только соответствующих званий (чинов), форменной одежды казачьего образца и знаков различия, но и офицеров, являвшихся хотя бы членами казачьего сообщества, а также учебной работы и воспитательного процесса, которые были бы построены на «учете казачьей специфики»².

Неоднозначно было воспринято казачьей общественностью и Стратегия государственной политики РФ в отношении российского казачества на 2021–2030 гг., утвержденная указом Президента РФ в августе 2020 г. Одни атаманы (например Н. А. Долуда) предусмотренные этим постановлением меры приветствовали, отметив, в частности, что если предыдущая Стратегия «нацеливала казачество на общественно-государственное партнерство», то ныне принятая «уже определяет порядок взаимодействия сотрудничества органов государственной власти всех уровней с российским казачеством» и «стала документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности страны»³. Другие (например В. П. Громов) выражали сожаление, что новая

---

¹ Бугай Н. Ф., Штурба Е. В. Казаки России в обеспечении безопасности: проблемы внутренних угроз. 1990-е — 2015 гг. М.; Краснодар, 2016. С. 213.

² Кутник А. К. К вопросу о формировании казачьих воинских частей в современных вооруженных силах Российской Федерации // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 218–219.

³ URL: <http://vsko.ru>...strategii///rf...otnoshenii...kazachestva...2021...; edu.ibur.ru>news...plan...strategii...otnoshenii...2021...>

Стратегия опять «не носит конкретики», практически не отражает «реальные предложения казаков-практиков, ученых и казачковедов с мест», основной упор в развитии российского казачества делает на казачьих обществах «без участия в этом процессе иных казачьих объединений» и выразил к ней еще ряд претензий¹.

***

Как заметил Ю. М. Куклев, «невыстроенность организационного, патриотического и профессионального потенциала казачьих организаций... при стратегическом планировании может оказаться фатальной системной ошибкой»². Это несомненно, но почему же федеральные власти не спешат использовать огромный потенциал казачества в интересах обороны страны и укрепления в ней правопорядка, а чаще пытаются канализировать энергию казачьей массы в сторону мероприятий по военно-патриотическому воспитанию молодежи, возрождению культурных традиций, созданию специализированных фермерских хозяйств и т. п.? Возможно, когда-нибудь будут получены исчерпывающие ответы на этот вопрос, а пока придется ограничиваться предположениями, и прежде всего теми, что напрашиваются сами собой.

Нельзя, в частности, не заметить, как нервно реагировала и реагирует на привлечение казаков к государственной службе наша либеральная общественность — та самая, что поддерживает идею об их признании «особым этносом». В докладе, подготовленном в 2002 г. рядом ведущих российских НПО (Правозащитным центром «Мемориал», Московской Хельсинской группой, Центром содействия международной защите и др.) и представленном Комитету ООН по правам человека, отмечается якобы имеющая место в России «дискриминация на основе принадлежности к общественным объединениям». По версии правозащитников, эта дискриминация «как правило заключается в различного рода преференциях в доступе к государственной службе для представителей определенных социальных групп... Например, — говорится в докладе, — подобное предпочтение оказывается членам казачьих организаций. Казачье движение борется за возрождение

---

¹ URL: [http://летка.рф>news...strategii...otnoshenii...kazachestva-na...](http://летка.рф/news...strategii...otnoshenii...kazachestva-na...)

² Куклев Ю. М. Указ. соч. С. 237.

особого военизированного сословия, которое существовало до 1917 г., и добивается предоставления специальных и групповых прав для своих участников. Указом Президента РФ №№ 563 и 882 1996 г. членам казачьих общин был предоставлен особый привилегированный доступ к государственной службе, а также к другим видам публичной службы. Федеральная программа по поддержке казачьих обществ на 1999–2001 гг., утвержденная в 1999 г. Постановлением Правительства РФ № 839, вновь подтвердила ранее существовавшую официальную политику, направленную на интеграцию казачьих формирований во властные структуры и на предоставление им привилегий в отношении государственной и иной службы. В результате казаки пользуются специальным механизмом доступа к разным видам службы (государственной, в том числе военизированной, и муниципальной). Казачьи общества, включенные в реестр, могут заключать с органами власти специальные договоры о несении службы и предлагать свои кандидатуры на занятие определенных должностей. Между тем, — подчеркивается в докладе, — Конституция РФ и законодательство всех уровней предусматривает равный доступ ко всем видам службы вне зависимости от происхождения и членства в каких-либо объединениях»¹.

А. А. Озеров усматривает причины такой позиции следующим образом: «Ортодоксы демократии по западному варианту видели в идее воссоздания казачьих структур массу патриотически настроенных людей, склонных к сильной государственной власти в едином и неделимом государстве»². Писатель П. И. Ткаченко объясняет настороженное отношение российских либералов к растущей активности казачества «прежде всего тем, что казачество представляет собой традиционную, а не так называемую модернизированную модель общества, что было препятствием для новой, на сей раз либерально-демократической революции в России. И шире — для той идеологии глобализма, которая сегодня насаждается в мире...»³ Другой казачий писатель — В. Е. Шамбаров — тоже склонен объяснять отношение

---

¹ Альтернативный доклад НПО по соблюдению Российской Федерацией международного пакта о гражданских и политических правах. Представлен Комитету ООН по правам человека в связи с рассмотрением пятого периодического доклада Российской Федерации. М., 2003. С. 10.

² Озеров А. А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика. С. 13.

³ Ткаченко П. И. Русские люди казаками хотят быть! // Казачество в истории России. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. М., 2007. С. 229.

либералов к возрождению казачества тем, что «в систему “западных ценностей” и западных моделей (которые с какой-то стати объявляются “общепризнанными” и насаждаются в качестве образцов) казачество не вписывается, оказывается непонятным и “лишним”»¹.

Возрождающиеся казачьи традиции, действительно, порой отдают глубокой архаикой, но, как справедливо заметил еще в 1928 г. бывший председатель Южно-Русского правительства и председатель Донского правительства эмигрант Н. М. Мельников, «возврат к прежним истокам не всегда означает регресс, как и новые течения далеко не всегда равнозначщи с прогрессом»². «Всегда ли старое — регресс, а новое — прогресс?» — задается вопросом и современный автор — М. Чертанов³. А доктор исторических наук, профессор В. Н. Дариенко убежден, что «современное возрождение казачества представляет собой ни что иное, как восстановление лучших и наиболее глубоких традиций подлинного народоправства»⁴. И с этим трудно не согласиться.

В той же связи представляются заслуживающими особого внимания призывы лидеров казачьего движения шире использовать опыт своих предков по организации самоуправления на местах, а также ряд других инициатив, в том числе направленных на охрану общественного порядка⁵. Последнее, казалось бы, должно нашей общественностью только приветствоваться и не только в местах компактного проживания казаков. Но инициатива эта обычно наталкивается на правовые коллизии и, соответственно, противодействие определенных политических сил. Так, партия «Яблоко» в феврале 2016 г. потребовала проверить законность охраны казаками судов в Москве⁶. Предложения создать в крупных российских городах, захлестываемых уличной преступностью, казачьи дружины и патрули тоже не встречает

---

¹ Шамбаров В. Е. Указ. соч. С. 650.

² Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 225.

³ Чертанов М. Степан Разин. М., 2016. С. 14.

⁴ Дариенко В. Н. Коллизии обычного и позитивного права в судьбах вольных казачьих общин // Историчний архів. Наукові студії. Миколаїв, 2008. Вип. 1. С. 59.

⁵ Рыблова М. Атаманская власть в казачьих сообществах на Дону // Власть. 2008. № 11. С. 129; Бугай Н. Ф., Штурба Е. В. Казаки России в обеспечении безопасности. С. 39, 214.

⁶ URL: <http://meduza.io/news/2016/02/04>

должного понимания. При этом некоторые известные теле- и радиожурналисты (В. Р. Соловьёв, М. В. Кононенко) рассуждают вполне логично: «Казачи — народ? Народ! А если мы будем создавать силовые структуры по этническому принципу, то на улицах наших городов должны появиться чеченские, бурятские, татарские, мордовские, еврейские и, конечно же, русские патрули. Страна-то у нас многонациональная...»¹

Что ж, в логике противникам казачьих дружин тут не откажешь. И получается, таким образом, что господа казаки, настаивая на своей принадлежности к «самостоятельному этносу», к «отдельному народу», сами себе закрывают путь к службе на благо Отечества. И не только в дружинах. Да и правомерность существования самих казачьих званий при таких подходах ставится под сомнения, что, как справедливо замечает Ю. М. Куклев, «приводит ситуацию к фарсу. Действительно, — пишет он, — если есть звания у таких “нацменьшинств”, как казаки, то и другие этносы должны иметь право на свои национальные звания. Должны появиться, например, татарские полковники, русские полковники, калмыцкие, башкирские, еврейские и прочие национальные полковники...»²

***

Деятельность казачьих «сепаратистов» не так безобидна, как может показаться. Об угрозе территориальной целостности России речь здесь пока не идет (как заявил, успокаивая патриотически настроенную общественность, бывший идеолог «русского национал-имперского движения», а ныне казачий «националист» Н. Н. Лысенко, «казачество не может... реализовать идею собственного этнополитического суверенитета... по крайней мере, в среднесрочной перспективе»³), но сложности на пути государственного строительства и консолидации нашего общества «сепаратисты» могут создать немалые. Некоторые публикации идеологов казачьего возрождения, как отмечалось, возбуждают неприязнь к русскому неказачьему населению (его, например,

---

¹ Такая позиция в декабре 2012 г. не раз, например, озвучивалась на Радио «Вести FM».

² Куклев Ю. М. Указ. соч. С. 212.

³ Лысенко Н. Нация или субэтнос? (Размышления об этногенетической природе казачества) // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 131.

представляют «серыми толпами, лишенными гордости и национальных корней»). Достается и Руси-России в целом: ее называют «лапотной и вонючей», обвиняют в том, что она-де отняла у казаков лучшие земли, превратила их территорию в колонию и т. д.¹

Обращает на себя внимание и деятельность казачьих активистов, оправдывающих и даже героизирующих казаков-коллаборационистов, воевавших во время Второй мировой войны на стороне Германии². И неважно, является ли «реабилитация» этих приспешников Гитлера откровенной или носит «ненавязчивый» характер — когда, например, в одном ряду с Ермаком, Богданом Хмельницким, Матвеем Платовым упомянуты (и даже названы «славными рыцарями казачества») генералы-коллаборанты П. Краснов и А. Шкуро, как это делает в одной из своих статей атаман Великого Братства Казачьих Войск В. Ф. Никитин³.

Сам факт такой «реабилитации» показателен в контексте всё чаще поднимаемых вопросов не только о прошлом, но и о будущем казачества. У того же В. Ф. Никитина в его не раз уже цитируемой книге, проникнутой откровенной неприязнью к исторической России и к тем казакам, которые считают себя русскими, опубликованы выдержки из «открытого письма» Председателя Совета казачьей национально-культурной автономии Челябинской области Б. Мелехина. Этот, как он себя называет, «этнический казак» обвиняет «современную казачью старшину» (как «реестровой структуры», так и «общественных казачьих объединений») не много ни мало «в предательстве интересов репрессированного казачьего народа». Предателями Б. Мелехин считает тех атаманов, которые «на словах ратуют за возрождение казачества», на деле «сознательно уводили казаков от решения жизненно важных проблем их национального самоопределения, фактически внедряя в сознание молодого поколения казачьего этноса беглохолопскую теорию

---

¹ *Вареник В. И.* Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 56, 150; URL: <http://www.zimovaya.ru/polemika>. Дата обращения — 24.02.2016.

² См. об этом: *Куклев Ю. М.* Указ. соч. С. 159, 239; *Ордынский В.* Современный казачий и русский сепаратизм в России: попытка героизации коллаборационистов Второй мировой войны // URL: http://vk.com>topic-2629_25920507;kazak-center.ru>osnovnye-razdely/15/138/

³ *Никитин В. Ф.* Третий удар // URL: <http://kazak-center.ru/news/1/2010-03-03-381>

происхождения казаков». Служить же государству Российскому, раз оно отказывается считать казаков «особым этносом», по мнению Мелехина, «не просто ненормально, но и аморально», и в призывах «казацких генералов» к этой службе он усматривает намерение «превратить казацкий народ в сторожевых псов, охраняющих несметные богатства российских сырьевых олигархов и финансовых магнатов». Выход из этой ситуации Б. Мелехин видит в отстаивании «права своего народа на самоопределение в Европейском Суде по правам человека»¹.

В. Ф. Никитин в своих политических взглядах более радикален, хотя, может быть, и менее оригинален. Он, в соответствии с либеральной традицией последних лет, вину за развязывание Второй мировой войны возлагает в равной степени на Германию и СССР. Называет Гитлера «идейным учеником Ленина». Цитирует принятый в 1959 г. Конгрессом США Закон о «порабощенных народах», где в числе жертв «империалистической политики коммунистической России» упоминается и страна «Казакия», а о казаках говорится, что «народ Соединенных Штатов сочувствует их стремлению вновь обрести свободу и независимость»². Исчисляет размеры «исконно казачьих земель», подчеркивая, что они были больше территории Франции, Англии, Италии, что «вся эта страна казаков есть наша и только наша земля» и что только казаки «должны быть там хозяевами, как это было встарь». А чтобы нынешним казакам было понятнее, какой должна стать их «страна», В. Ф. Никитин публикует в приложении к своей книге «Конституцию Казакии», разработанную эмигрантами «Вольноказачьего движения» во второй половине 1920-х гг. И представления о казачьей службе у него соответственные: «Мы за то, чтобы служба наших полков проходила на своей земле, чтобы казаки отдавали свое время, свои силы, а если надо, то и жизни только на защиту своих родных краев»³.

В отличие от цитируемого им Б. Мелехина, в достижении своих целей он не рассчитывает на помощь Европейского Суда по правам человека. «Для возвращения утраченного и восстановления своего исторического лица казаки могут и должны

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 533, 535–536.

² Там же. С. 502, 505, 514.

³ Там же. С. 530.

рассчитывать только на свои силы, — пишет В. Ф. Никитин. — Иными словами: будущее казачества покоится на острие казачьей пики»¹. Вот так.

Изложению взглядов моего однофамильца не стоило бы уделять столько места, если бы не их широкая поддержка весьма влиятельными кругами «казачьего сообщества», видимо, целиком разделяющего столь радикальные взгляды на прошлое, настоящее и будущее казачества. Он был удостоен многих казачьих наград, избран не только Верховным атаманом «Великого братства казачьих войск» (в 1999 г.), но и Первым заместителем атамана Центрального казачьего войска (в 2011 г.), а на сайте Казачьего Информационно-аналитического Центра в 2010 г. представлен как «настоящий казак, писатель и историк, внесший значительный вклад в воссоздание казачества России»².

Надо ли после этого удивляться тому, что в Интернете в последнее время всё чаще выкладываются видеоролики, где чубатобородатые персонажи в казачьей форме заявляют, что не собираются быть «пушечным мясом для российских властей», а при встречах с политическими деятелями разных ориентаций и уровней спрашивают, что те собираются делать не для России, а конкретно «для казачества»³.

Нельзя не отметить и того, как агрессивно реагирует подобная публика на иногда появляющиеся на казачьих сайтах материалы, противоречащие их взглядам на прошлое и настоящее казачества. Помимо грязных оскорблений в адрес оппонентов и призывов «не читать» их, иные «комментаторы» излагают и свои «планы действий» на ближайшее будущее, весьма откровенные и красноречивые. Так, некто «Ермак» отправил в 2008 г. на сайт «Донской зимовой станицы» письмо следующего содержания (орфография и пунктуация автора сохранены): «Я так думаю, что казаки — это отдельный от русских народ, но сегодня для признания этого еще не наступило время... У нас сейчас много других забот и в первую очередь сплотиться, организоваться, очиститься от “наёмников-реестровиков”, от корумпированной просоветской, сектантской войсковой старшины и так же

---

¹ Никитин В. Ф. Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 536.

² URL: <http://kazak-center.ru/news/1/2010-03-03-381>

³ См., например: URL:http://cripo.com.ua/?sect_id=10&aid=206572 (дата публ. — 8.01.2016. Дата обращения — 26.05.2018).

от их выдвиненцев-саратников кликушествующих войсковых, станичных и хуторских атаманов, организовать не по войсковому, а территориальному признаку, создать собственную казачью власть на всех казачьих землях от Днепра до Тихого океана, вернуть казачью землю, помочь казачьей семье, уравнять казачку в правах и оказать ей реальную, а не словестную помощь в воспитании детей, укрепить семью, запретить браки с неказаками и казачками, создать Общеказачье правительство. Сделаем это — сделаем и всё остальное. Так что братцы, в добрый час и с Богом»¹.

Такая позиция подробно обосновывается Григорием Кузнецовым — основателем и лидером нового (современного) «Вольно-Казачьего Движения». 7 января 2018 г. он дал интервью Марине Струковой (поэтессе, журналистке и... члену радикальной организации «Русское национальное единство»). Обращаясь к своему собеседнику как к представителю «казачьей нации», М. Струкова назвала его «талантливым публицистом», формирующим «современную казачью идеологию», выяснила, что он имеет «экономическое и юридическое образование» и задала ему в числе прочих такой вопрос: «Почему многие казаки до сих пор держатся за “беглохолопскую” теорию своего происхождения, тогда как есть исторические основания считать казаков автохтонами Северного Кавказа и Причерноморья?» Ответ Г. Кузнецова наверняка пришелся бы по сердцу представителям «Вольноказачьего движения» 1920–1930-х гг.: «Я бы тут внес корректировку относительно “многих казаков”. Как раз большинство казаков не придерживается этой антиказачьей теории, придуманной историками-инородцами». К такому пониманию проблемы «казачьих истоков» он, по собственному признанию, пришел еще в 2002 г. под прямым влиянием «периодики казаков-эмигрантов начала XX века», побудившей его «фундаментально» встать «на путь казачьего пробуждения, а затем и национализма».

Г. Кузнецов не скрывает глубокого удовлетворения результатами усилий по формированию «казачьей идеологии»: «Буквально еще пять лет назад множество казаков были в русском культурно-политическом поле, прямо или косвенно выражали

---

¹ URL: <http://www.zimovaya.ru/polemika>; см. также: URL: <http://dkr-kazakia.ru/kazachiikrugdona.forumpro.eu/t382p-topic>. (Дата обращения 24.02.2016).

интересы так называемого «русского мира»», но вот теперь у них пробудилось «национальное самосознание». (Эту похвальбу полезно вспоминать, читая «успокоительные» заявления некоторых авторов о том, что «требование выделить казаков в отдельную национальность... не отражают мнения большинства представителей казачества», что «подавляющая часть потомков казаков считает себя русскими людьми» и т. п.)¹.

Отвечая на вопрос, «почему казаков не торопятся официально признавать нацией», Г. Кузнецов ставит его решение в зависимость от крепости государственной власти: «Пока сильна власть государства, никакого признания нас репрессированным народом не будет...». Отсюда, надо полагать, и его отношение к самой России. Службу ей своих предков он считает роковой ошибкой и уверен, что «традиция службы абсолютно искусственная традиция», а цель «казачьего ренессанса» видит в том, чтобы, подобно прочим нациям, «господствовать на земле своих предков через давно уже созданные исторические модели самоуправления»².

Вряд ли подобные настроения остаются неизвестными «на самом верху». В правительственных кругах наверняка понимают, что широкое и целенаправленное вовлечение казачьих объединений на службу Российскому государству возможно лишь в случае их очищения от всякого рода «самостийников», противопоставляющих казачество России и русскому народу и считающих себя «особым этносом». Во-первых, потому, что создание национальных воинских формирований нашим законодательством, действительно, не предусмотрено. А во-вторых, как показывает исторический опыт, такие формирования (будь они созданы) могут оказаться «палкой о двух концах», ибо на них трудно полагаться в годы кризисов и тяжелых испытаний, от которых никто и никогда не застрахован. И потом: разве вся новейшая история казачества не показывает, насколько опасны и для него, и для страны в целом бациллы сепаратизма?

---

¹ Бредихин А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 61. Апрель 2017; Васильев И. Ю. Казачья идентичность: происхождение и перспективы // URL: <http://narodnazemle.ru>node/50> (Дата обращения 22.05.2020).

² Кузнецов Г. Мы должны господствовать на земле своих предков // URL: <http://sensusunovus.ru>interview/2018/01/07/25812.html>

Казачья армия проявляла чудеса доблести и героизма, сражаясь за Россию в боях Первой мировой войны, но когда наступило лихолетье войны Гражданской, донцы и кубанцы «вспомнили», что они «особый народ», не чета «мужичью» и — отделились от России... И разве не идеей «независимой Казакии» вдохновлялись генералы П. Краснов и А. Шкуро в годы Второй мировой войны, возглавляя казачьи формирования в составе вермахта?..

Тревожным сигналом прозвучало уже в недавнее время — в 1994 г. — заключение так называемого «Договора о дружбе и сотрудничестве» между Всевеликим Войском Донским во главе с Н. Козицыным и сепаратистским правительством Чечни во главе с Д. Дудаевым. Е. И. Дулимов называет это соглашение «более чем странным». «Если учесть, — пишет он, — что Чечня претендовала на выход из состава России, то казачья организация в этом свете выглядела в известном смысле как равнозначный в правовом отношении политический субъект»¹. По свидетельству атамана Минераловодского отдела Терского казачьего войска О. В. Губенко, договор Козицына с Дудаевым имел особо негативные последствия для терского казачества, ибо заключен был «в тот период, когда терцы на территории Чечни в большинстве своем подвергались физическому уничтожению и изгнанию», но предполагал для русской стороны еще более негативные последствия. Так, одна из его статей предписывала «не пропускать через свою территорию вооруженные силы, предназначенные для использования в борьбе против одной из договаривающихся сторон»². Интересно, каким образом донцы собирались такие обязательства выполнять?..

Менее известна, но тоже примечательна история с попыткой воссоздания на Дону знаменитых воинских формирований. В 1994 г. казаки нескольких районов Ростовской области «в порядке гражданской инициативы» организовались в военизированное подразделение и дали ему имя прославившегося во время Первой мировой войны 36-го Донского казачьего полка. Их инициатива была поддержана военными комиссарами и главами местных администраций, и этот полк, будучи организованным

---

¹ Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв. Автореф. дис. ... д-ра юридич. наук. Саратов, 2003. С. 46.

² Губенко О. В. Терское казачье войско... С. 196.

на принципах типичной национальной гвардии, вскоре превратился в реальную силу. Он много сделал для возрождения и укрепления казачьих традиций на Дону, но через 4 года был расформирован. Официально — в связи с включением казачьих обществ в государственный реестр и «введением в войсковом казачьем обществе “Всевеликое Войско Донское” новой формы казачьего мобилизационного объединения»¹, но, думается, тому были и другие причины. В частности, власти вряд ли могли не заметить, что вступающие в полк дословно повторяли текст присяги, утвержденный в 1918 г. правителями «самостоятельного донского государства», возглавляемого атаманом П. Красновым...²

***

В связи с проблемой «казачьего сепаратизма» уместно вспомнить высказывания некоторых видных представителей казачества, оказавшихся в 1920-е гг. в эмиграции, но до конца своих дней остававшихся верными своей родине. Как писал бывший член Донского Войскового круга и Верховного круга Дона, Кубани и Терека, заведующий Донским казачьим архивом в Праге П. А. Скачков, «судьба казачества неотделима от судьбы России. Будет жива Россия, будет живо и казачество; не будет России, не станет и казачества и, уж понятно, не спасут его никакие стремления к самостоятельной государственности в союзе с всевозможными претендентами на российское государственное наследие, — будет ли это “великая” украинская держава, или еще более “великая” независимая Грузия, или еще не успевшие самоопределиться великие “народы” и “нации”»³.

А вот слова другого эмигранта — известного казачьего поэта («донского Есенина») подъяесаула Н. Н. Туроверова: «Любовь к родному краю, гордость Доном должны только увеличивать, а отнюдь не умалять, безграничную любовь к России, непреклонную гордость Российским государством <...> Без России и вне России у казачества не было, нет и не может быть дорог!»⁴.

---

¹ *Скорик А. П.* Как возрождалось казачество в Первом Донском округе (о воссоздании 36-го казачьего полка в 1990-е годы). М., 2019. С. 110.

² Там же. С. 77–78.

³ *Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества.* М., 2007. С. 270.

⁴ Там же. С. 281.

В том же духе порой высказываются и некоторые исследователи казачьего возрождения. «Отстраненность, замкнутость на су- губо казачьих проблемах бесперспективна... Будущее казачества только в деятельности, сопряженной с общероссийскими интере- сами», — пишет кандидат философских наук А. А. Озеров¹.

Среди нынешних казаков немало вполне адекватных, образо- ванных и толковых людей, которые не разделяют взглядов на ка- зачество как особый, противостоящий русским «этнос». Вот, например, какое определение дал казачеству в 2007 г. Верховный атаман Общественной организации «Союз казаков России» А. Г. Мартынов: «Казачество — часть русского народа, истори- чески сложившаяся общность людей, объединенных православ- ной верой, имевшая самобытные традиции, определенные территории проживания, культуру, хозяйственный уклад, осо- бенности военной службы»². Столь же однозначна позиция пре- емника А. Г. Мартынова на этом посту П. Ф. Задорожного: «Каково бы ни было происхождение слова “казак”, в конечном итоге носителем его стал русский человек со своим языком, обы- чаями и культурой... Казачество — составная часть русского народа, поэтому его история должна рассматриваться в нераз- рывной связи с историей России»³.

«Казачество в действительности есть лишь часть русского народа, отличающаяся от него структурированностью и наличием общих, более или менее единых самосознания, идеологии, сфор- мированными установками патриотизма, этнокультурных осо- бенностей, некоторых этнопсихологических поведенческих моделей», — пишет доктор исторических наук, кубанский казак Н. Ф. Бугай⁴.

По мнению известного писателя, кубанского казака П. И. Тка- ченко, «попытка представить казаков не частью русского народа, а отдельным самостоятельным народом... это не просто неле- пость, но умышленная сепаратистская идеологема, запущенная

---

¹ Озеров А. А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика. С. 18.

² Мартынов А. Г. «Мы находимся на позиции государственников и патри- отов» // Казачество в истории России. Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. М., 2007. С. 122.

³ Задорожный П. Ф. Предисловие // Союз казаков России. 1990–2010. М., 2010. С. 3.

⁴ Бугай Н. Ф. Казаки юга России: конститутивность, эволюция, современ- ность (XX–XXI вв.). Исторический экскурс. М., 2015. С. 8.

в общественное сознание для того, чтобы казачество никогда не возродилось и вместе с тем для того, чтобы не использовать его потенциал для новой организации жизни в России»¹.

Казаки, упорно выводящие своих предков из кого угодно, но только не из русского народа, вызывают искреннее недоумение у С. Зинченко. Неужели они не понимают, пишет он, «в какое положение они ставят своих товарищей? И так достаточно нападок, домыслов, обвинений и прямых издевательств “доброжелателей” над современными казаками. Нужно дополнительно подставляться?»²

Донской казак С. Антонов в осуждении деятельности «казачьих сепаратистов» еще более эмоционален. Но он обращается к ним с призывом: «Прежде чем обличать братьев своих и дурить им головы, примиритесь сами с собой, разберитесь хотя бы со своей совестью (поскольку разобраться в своих “научных” воззрениях вам всё равно невозможно, т. к. они не базируются на фундаментальном знании, которым обладают лишь профессиональные историки) и станьте “мудры как змии и кротки, как голуби”»³.

На здравомыслящих казаков руководству нашей страны и надо бы опираться в проведении государственной политики в отношении казачества.

Большие надежды в этой связи и на подрастающее поколение казаков, особенно на тех, кто обучается и воспитывается в казачьих учебных заведениях, численность которых (казачьих школ, классов, кадетских корпусов и т. п.) постоянно растет⁴. Но нельзя не видеть, что «сепаратисты» тоже не обходят этот вопрос своим вниманием. Так, вышеупомянутый Григорий Кузнецов 11 сентября 2016 г. обратился к своим землякам со следующим призывом: «Учить надо наших детей по казачьим националистическим в полном смысле этого слова учебникам истории, политологии

---

¹ *Ткаченко П. И.* Русские люди казаками хотят быть! // Казачество в истории России. Мат.-лы Всерос. научно-практ. конф. М., 2007. С. 232.

² *Зинченко С.* Был ли праотец Адам казаком, или Обращение к вопросам казачьего первородства // Казаки за Камнем. 2016. № 1 (3). С. 70

³ *Антонов С.* Казакобесие, или О том, откуда и на что казаки «ведутся»: URL: <http://http://rusk.ru/st.php?idar=105588> (26.12.2008 г.)

⁴ На 2015 г. в России действовали 24 казачьих кадетских корпуса и более тысячи казачьих классов в школах (*Бугай Н. Ф., Штурба Е. В.* Указ. соч. С. 177–188, 249).

и философии». Красноречиво и его напутствие учащимся: «Запомните, молодые: старшее поколение, увы, на этом шляхе вас ничему не научит, ибо выросло при совке. За наших прадедов всё решали Русь-цари, за отцов — СССР-генсеки. Вы должны сами решать свою национальную судьбу...»¹

Казачьим учебным заведениям, конечно, надо оказывать всевозможную помощь на государственном уровне, только предвзвешенно хорошо бы выяснить, какую историю там преподают: основанную на научных данных или на мифах, домыслах и презрении к «мужичью»? Мне доводилось читать учебные пособия по истории казачества. Среди них встречаются и написанные на высоком профессиональном уровне², и те, где некомпетентность авторов вызывает лишь тоску и уныние. Примером ненаучного подхода к преподаванию предмета может служить программа курса «История казачества» для Московского казачьего кадетского корпуса им. М. А. Шолохова, выпускники которого, как подчеркнуто в «Пояснительной записке», готовятся «к профессии государственного служащего». Вот выдержки из оглавления этого пособия, подготовленного учителем истории Т. И. Малюк и выложенного в Интернете в 2013 г.: «Исторические предшественники казачества: эллино-скифы, сарматы, аланы, анты, готы, гунны... Исторические предшественники казачества: тюрки, болгары, хазары, печенеги, половцы. Великий Тюркский каганат. Хазарский каганат»³. Как говорится, комментарии излишни...

Вряд ли можно признать удачными и некоторые методические разработки, вышедшие под грифом Первого казачьего университета имени К. Г. Разумовского. Так, в книге «Казачий компонент в системе высшего профессионального образования», вышедшей в рамках «Программы развития непрерывного образования казачества России» (научный редактор — член Совета при Президенте РФ по делам казачества доктор экономических наук В. Н. Иванова, рецензенты — доктор педагогических наук С. Е. Шишов и доктор экономических наук Е. В. Минаева)⁴,

---

¹ Кузнецов Г. Парнас как зеркало казачьей эволюции // URL: <http://http://vkd-prisud.livejournal.com/46838.html>

² См., например: Матвеев О. В. История кубанского казачества. Учебник для 8 класса. Краснодар, 2009.

³ URL: http://www.apkpro.ru/images/stories/mzro/2_.zip

⁴ Казачий компонент в системе высшего профессионального образования: учеб.-метод. пособие. М.: Вузовская книга, 2014.

учащимся предлагалось найти сильные и слабые стороны в каждой из теорий происхождения казачества — и «миграционной» (научно обоснованной) и «автохтонной» (антинаучной по своей сути). Да и наличие в приложенном к пособию списке литературы сочинений казачьих «автономистов» и «самостийников» (Е. П. Савельева и И. Ф. Быкадорова) не могло не настораживать.

И опасения подтверждаются. В 2016 г. вышла книга А. А. Сазонова «История казачества», в основе которой курс лекций, прочитанных автором в Первом казачьем университете. В рецензии на неё А. В. Бредихина и Б. Т. Пономаренко¹ в качестве едва ли не главного достоинства книги указано на то, что, «рассматривая историю происхождения казачества, автор дистанцируется от доминирующей ранее в советской исторической науке теории “беглохолопского” происхождения казаков» и что казаки показаны им как «достойные потомки народов, населявших ранее территорию Дикого поля». В 2017 г. тем же А. А. Сазоновым был выпущен и учебник для высших учебных заведений под названием «История казачества России», где нашла отражения та же точка зрения на казачью родословную².

В последнее время у нас много пишется и говорится о воспитании казачества на славных традициях предков. Уверен, что казаков — как подрастающее поколение, так и старшее — сегодня надо не столько воспитывать, сколько *просвещать*. Просвещать, в том числе, и относительно происхождения их предков. Необходимо издавать массовыми тиражами не только добротные учебные пособия по истории казачества, но и хрестоматии с соответствующим подбором подлинных документов каждой эпохи. «Развитие культуры — вот истинный путь возрождения казачества», — пишут П. Н. Лукичев и А. П. Скорик³, и вот здесь с ними нельзя не согласиться, какой бы смысл в эти слова они ни вкладывался.

Немало поводов для оптимизма в данном случае может дать и утвержденная в 2020 г. Стратегия государственной политики РФ в отношении казачества. В ней, в частности, предусмотрено

---

¹ Бредихин А. В., Пономаренко Б. Т. Исторические корни российского казачества. Рецензия на издание «История казачества» Сазонова А. А. // Казачество. Альманах. 2016. № 24. С. 89–91.

² Сазонов А. А. История казачества России. Учебник для высших учебных заведений. М.: Этносоциум, 2017.

³ Лукичев П., Скорик А. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 51.

«совершенствование имеющихся и издание новых учебных и учебно-методических пособий по истории и культуре российского казачества, духовно-нравственному воспитанию для общеобразовательных организаций — казачьих кадетских корпусов с учетом задачи по формированию общероссийской гражданской идентичности» и что особенно важно — «содействие научному изучению истории российского казачества, противодействие фальсификации страниц истории России, связанных с российским казачеством»¹. Будем надеяться и содействовать скорейшему воплощению подобных установок в реальный учебно-воспитательный процесс.

Что же касается вопроса об этнической природе казаков, который еще долго будет актуальным в нашей стране, то принцип, которым надо бы руководствоваться при его освещении, наиболее удачно, на мой взгляд, сформулировал не какой-то кабинетный ученый, «сипа», «москаль», а кубанский казак, войсковой старшина А. Е. Берлизов незадолго до своей трагической гибели в Приднестровье: *«Родство разных племен, замешанных на великом российском цементе, и составляет этническую суть казачества, бравшего в свои ряды людей разных, но становившихся русскими»*². Мнение это, повторяю, высказано не ученым, не историком, но оно полностью соответствует тому, что говорит о происхождении казачества современная наука.

...И последнее. Мне кажется, что пройдет какое-то непродолжительное время, и большая часть тех положений, которые я пытался в меру своих возможностей и сил отстаивать в данной работе, будет казаться банальными, избитыми истинами, не требующими в силу своей очевидности особых доказательств, как это уже произошло с некоторыми из рассмотренных выше вопросов, являвшихся «дискуссионными» еще в середине 70-х гг. прошлого века. К такой ситуации приведет естественное развитие научных знаний и снижение накала политических страстей в нашей стране, прямо или косвенно влияющих на ту или иную трактовку событий и явлений прошлого. Но хотелось бы надеяться, что проделанная мною работа не окажется напрасной, что она внесет свой, пусть и скромный, вклад в приближение того времени, когда история, наконец, перестанет быть «политикой, опрокинутой в прошлое»...

---

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45821>

² Русский Вестник. 1992. № 26. С. 7.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абдиров М. Ж.* 149
Абулхайр-хан, восточноордынский правитель 179
Адам, библейский персонаж 469
Аверин И. А. 6, 80, 162–164, 166
Аверкина Ю. П. 408
Аверьянов Ю. 13, 160
Агафонов А. И. 6, 216, 281, 287, 446
Агафонов О. В. 125–126
Аграфена, рязанская княгиня 49
Адашкевич Ю. 254, 261
Аджиев (Аджи) М. 22, 38, 68, 83, 86–87, 89, 92, 113–114
Акишин М. О. 61, 308, 425, 434
Аккиева С. И. 115, 154
Александр Македонский, полководец 77
Александр Невский, великий князь Владимирский 38
Александров В. А. 6, 23, 60, 186, 243–246, 249, 314, 321, 333, 355, 371–372, 375, 392
Алексеев Ф., землепроходец 42
Алексеев В. В. 452
Алексеев В. П. 228
Алексеев Ю. Г. 61
Алексей Михайлович, царь 49, 198, 277, 425
Алешин Л. И. 121
Алиев, президент Азербайджана 234
Алмазов Б. А. 27–28, 35, 47, 62, 88–89, 132, 156, 161, 289, 301–302, 304
Альбац Е., российский политолог и писатель 108
Ананьев Д. А. 417
Андреев А. 254
Андреев А. Р. 228
Андреев М. А. 228
Андреев С. М. 440
Андропов Ю. В., генсек КПСС 95
Анна, рабыня 102, 292, 438
Анна Иоанновна, российская императрица 438
Антипин В., журналист 101
Антонов С. 75–76, 469
Антропов О. О. 441
Антропов В. В. 321
Анциферов Д., сибирский служилый 240
Аппак, крымский бек 230
Аракчеев В. А. 59
Арриан, древнегреческий летописец 37
Артамонов В. А. 9, 216, 236, 291
Артамонов М. И. 44,
Артамонова М. Г. 121–123, 202
Артемьев А. Р. 243, 334–335, 362–363
Архенгольц Ф. 258
Арируни А. А. 23
Астапенко М. П. 26–27
Атласов В., землепроходец 240, 337, 398–399, 403, 406
Аубакирова Х. А. 149
Ахиллес (Ахилл), легендарный древнегреческий герой 37
Бабченко А., журналист 109
Багдасаров Р. В. 227–228, 273
Багдасарян В. Э. 87
Багрин Е. А. 7, 349–350, 355, 357–358, 379, 383–386, 389–390, 403, 406–407
Базлов Г. 254
Байда — см. Вишневецкий Д. 29–30

¹ Курсивом обозначены фамилии историков, а также авторов различных работ, высказываний и суждений о казачестве.

- Байден, президент США 29
Байер Г. 126
Баймухаметов С. Т. 427
Баландин С. Н. 315, 362–363
Балинов Ш. 16, 21, 45, 53, 121, 161–162, 168, 291
 Баловень, казачий атаман 57, 194
Банников К. Л. 260
Бараев В., писатель 161
Баранович А. И. 56
Барахович П. Н. 7, 330–331, 347
 Бардак, остяцкий «князец» 423
Басов И. И. 227
Батиева Е. Ф. 92–93
 Батый (Бату), монгольский правитель 76–77, 166, 412
Бахрушин С. В. 6, 60, 142, 244, 310–311, 314, 317, 344, 349, 371, 378, 388, 392, 394–395, 406, 409–410, 414, 424, 428–432
Бахтов В. В. 54, 175
 Бацын В. К., зам. министра образования РФ 99
Башарин Г. П. 422
Башкатова З. В. 336
 Бибик В. М., украинский политолог и психолог 29
Безотосный В. М. 143
 Бейтон А. И., сибирский служилый 337, 419
 Бекетов П. И., сибирский служилый 337, 402
Бекмаханова Н. Я. 90
 Белинский В. Г., литературный критик 305
Белов М. И. 373, 399
Белявский М. Т. 304, 378
Беляев Л. А. 57, 156, 258
Беляков А. В. 18, 178, 180–181
 Бердяев Н., философ 98
Березиков Н. А. 183, 349–351
Берзин Э. О. 236
 Берладник И., звенигородский и галицкий князь 162
Берлизов А. Е. 472
Бернадский В. Н. 175–176
 Бжезинский, госсекретарь США 110
Бижигитова К. С. 149
Благова Г. Ф. 13, 36, 180
 Блон Ж., французский писатель 67, 258
Бобров Л. А. 353, 384–385
 Боброк Вольнский, русский военачальник 45
Богавевский А. П. 451
 Богатырка П., донской казак 292
 Боголюбский А., великий князь Владимирский 98
Богомолов С. 34
Богораз В. Г. 369
Богоявленский С. К. 427
 Болотников И., политический деятель «Смуты» начала XVII в. 368
Болховитинов Н. Н. 395
Бондарев В. А. 130–131, 166–167
Бондаренко М. 448
 Борис Годунов, царь 53
Борисенко А. Ю. 339, 353, 384–385
Бородин Е. М. 117, 352
Бояришинова З. Я. 312–313
Бражник А. 114
Брайчевский М. 201
 Бранд А., российский посланник в Китай 411
Бредихин А. В. 442, 449, 465, 471
Брехуненко В. А. 170
Бродников А. А. 7, 141, 160, 325, 333, 337, 349–350, 354–355, 364, 374, 383, 411
 Брокгауз, издатель энциклопедического словаря 31
Бромлей Ю. В. 81
Броневский В. Б. 39–40
 Брюс Я. В., генерал и российский государственный деятель 356
Бугай Н. Ф. 75, 97, 100, 113, 442–445, 449–450, 452, 454–456, 459, 468–469
Буганов В. И. 62, 300–301, 309, 379
 Будда 29
Бузаров А. Ш. 144, 147, 369
Букановский Е. А. 74
 Булавин К., казачий атаман, предводитель восстания 22, 62, 70, 130, 189, 192, 194, 239, 279, 298, 300–302, 304, 434
 Булавины, казачий род 300
Булгаков М. Б. 98, 238
 Булгаков С., философ 98, 238
Бунак В. В. 92
Буров Ю. 454
Бутаков Я. А. 80, 86

- Бутков П.* 36
Бухолц И. Д., подполковник 429
Буцинский П. Н. 382, 403, 412
Бушков А. А., писатель 152
Бызов Л. Г., социолог 346
Быкадоров И. Ф. 18–21, 26, 44, 53, 118, 121, 125, 129, 133, 209, 471
Быков Д., писатель 108
Быконя Г. Ф. 419, 437
Бычков А. А. 22–23
- Важинский В. М.* 375, 378
Вареник В. И. 19–20, 24, 35–36, 38–40, 45, 47–48, 63–64, 68, 78, 81–83, 119, 132, 148, 161, 289, 291–292, 461
Васильев А. П. 309
Васильев И. Ю. 177, 211, 228–229, 233, 235, 288, 299, 465
Вдовин А. И. 95, 99, 108
Вернадский Г. 245, 397
Верхотуров Д. Н. 101–102
Вершинин Е. В. 249, 251, 336–337, 346–347, 362, 369, 402, 409, 411
Веселовский С. Б. 238
Вилков О. Н. 315, 335
Виноградов В. Б. 169
Вишневецкий Д. (Байда), волынский магнат, один из основателей Запорожской Сечи 29
Вишну, индуистское божество 29
Власкина Т. Ю. 300
Власов А. В., премьер-министр РСФСР 95
Внукова О. В. 345
Водарский Я. Е. 57
Водолацкий В. П. 136, 447
Волин В. 112
Волгин И., писатель 107
Волков В. А. 60, 165, 181, 293
Володихин Д. 87
Волькин Н. М. 116, 160, 170
Воробьев А. В. 275
Воронов А. 13, 160
Воскобойников Г. А. 451
Вяткин М. 180
- Гаджиева Л. И.* 58, 66, 119
Гадло А. В. 169
Газенвинкель К. Б. 373, 426
Гатин М. С. 13, 184
- Гейвандов А. Э.* 236
Гемуев И. Н. 343–344
Генис В. Л. 302
Гераклитов А. А. 192, 272
Герцен А. И., русский публицист и писатель 117, 168, 351, 419
Гинс Г. 310
Гитлер 113, 461–462
Главацкая Е. М. 323, 384
Глазьев В. П. 375, 379
Глебов М. Б., якутский воевода 354
Глуценко В. В. 126, 144, 158, 160, 223, 280, 285, 295
Гнеденко А. М. 23, 37, 43, 117
Гнеденко В. М. 23, 37, 43, 117
Говорков А. 66
Говорухин С., кинорежиссер 97
Гоголь Н. В., писатель 58, 98
Годунов П. И., тобольский воевода 53, 428–429, 431
Голикова Н. Б. 316
Голобуцкий В. А. 6, 200–201, 208, 242
Голованова С. А. 169, 280
Головачев П. М. 397
Головин П. П., якутский воевода 354
Головнев А. В. 400
Голубинцев В. А. 18
Голубовский П. В. 159–160, 164
Гомер, древнегреческий сказитель 37
Гончаров Ю. М. 334
Горбачев В. И. 375, 381, 426
Горбачев М. С., президент СССР 441
Гордеев А. А. 11, 21–22, 26, 30, 35–36, 43, 89, 116–117, 122, 124, 129, 147, 167
Горская Н. А. 9, 320
Горюшкин Л. М. 311, 409
Греков Б. Д. 164
Греков И. Б. 164
Гречанинов И. М., сибирский служилый 431
Грибовский В. В. 11, 44, 194, 201, 224, 229–230, 234
Григорьев А. Ф. 117–119, 169
Грицкевич В. П. 340
Гришкина М. В. 13
Громов В. П. 456
Губарев В. К. 258
Губарев Г. В. 19, 299
Губенко О. В. 69, 257, 442, 450, 466

- Гумилев Л. Н. 160, 233, 367–369, 382, 387, 396
- Гусаров Н. Н., кинорежиссер 447
- Гусейнов В., директор ИСОА 234
- Давыд, смоленский князь 242
- Даль В. И., российский писатель, этнограф и лексикограф 2, 101, 108, 140, 218, 314, 317–318, 335, 337, 349, 357, 362, 383, 390, 401, 446
- Дальман Д. 218
- Данилов К., составитель сборника древнерусских былин 43
- Данилов В. П. 195
- Данилова Л. В. 9, 195, 250, 256–257
- Дариенко В. Н. 6, 54, 62, 65, 149, 192–194, 223–224, 230, 296, 459
- Дворниченко А. Ю. 201, 212–215, 219, 233, 270–271
- Дежнев С., землепроходец 282, 337, 392–393, 401–404
- Декарт Р., французский философ 10
- Демидова Н. Ф. 9, 378
- Деникин А., генерал, один из лидеров «белого движения» 98, 113, 304
- Джусупов М. К. 151–152
- Димов С. 112
- Длугош Я., польский хронист 179
- Дмитриев А. В. 61, 342, 359–360, 371, 425, 428–430, 433, 437–439
- Дмитриева Л. В. 116–117, 351, 418–419
- Дмитриева Т. Б., академик РАН и государственный деятель 255
- Дмитрий Донской, великий князь Московский 45
- Добриков В. В. 293
- Добродомов Г. И. 216
- Добрыднев В. А. 395
- Добрыня, быллинный богатырь 43
- Долгоруков В. В. майор 434
- Долгоруков М. В., тобольский губернатор 434
- Долгоруков Ю. В., полковник 300
- Долгоруков Я. Ф., генерал 426
- Долуда Н. А. 456
- Достоевский Ф., писатель 98
- Дружинин В. Г. 6, 295
- Дружинин Н. М. 62, 156, 267
- Дубман Э. Л. 6, 33
- Дубовиков А. М. 6, 32, 54, 62, 149, 184–185
- Дудаев Д., президент Чечни 112, 466
- Дулимов Е. И. 119–120, 165, 170, 211, 219–221, 268, 279, 285, 466
- Дутов Н. В. 172–173
- Душан С., сербский правитель 236
- Дюма А., французский писатель 98–99
- Евлогий, митрополит 79
- Евсеев Е. Н. 429
- Егоров В. Л. 45, 159, 166
- Егоров И. 450
- Екатерина II (Екатерина Великая), российская императрица 75, 401, 439
- Елисеева О. 87
- Ельцин Б. Н., президент Российской Федерации 103, 110, 455
- Емельянов Н. Ф. 40, 318, 323, 333, 344–345, 348
- Еникеев Г. 88
- Епифанов П. П. 61, 427–428
- Ермак, казачий атаман, «покоритель Сибири» 12, 26, 33, 54, 57, 65, 67–68, 90, 112, 134, 140, 167, 182–183, 185, 199, 321, 325, 332, 337, 340, 368, 400, 432, 461, 463
- Ермолов А. П., генерал 453
- Ерохин И. Ю. 219, 282, 450
- Есаков В. А. 367
- Есенин С., поэт 467
- Ефремов И. Н. 74
- Ефрон, издатель энциклопедического словаря 31
- Железнов И. И. 150, 265
- Жеравина А. Н. 320
- Жириновский В. В., российский политический деятель 97
- Жуковский В., писатель 98
- Забелин И. Е. 254
- Забяко А. П. 335
- Завалишин Д. И., декабрист 406
- Загоровский В. П. 6, 16, 61, 182, 287, 364, 375
- Задонский А. 161
- Задорожный П. Ф. 306, 451, 468
- Заозерская Е. И. 54
- Заринский П. 426

- Заседателева Л. Б.* 6, 16, 164, 191, 231, 250
- Звероул, тунгусский «князец»* 349
- Зеленин Д. К.* 93
- Зелинский В. Е.* 222, 279
- Зенченко М. Ю.* 6, 269, 288
- Зимин А. А.* 175, 281
- Зиновьев А. А.*, философ и публицист 234
- Зинченко С. Н.* 342–343, 469
- Зорин Б.*, журналист 100
- Зорин В. Ю.* 95, 99
- Зудин А. И.* 235, 288, 299
- Зув А. С.* 6, 244, 337, 341–342, 345, 356–357, 371–372, 383, 385–388, 392, 397–398, 402–406, 408–410, 413–416, 419, 422–425, 437–439
- Зырянов П. Н.* 9, 237
- Иван Грозный, царь* 26–27, 41, 70, 289
- Иван, воронежский бурлак* 292
- Иван III, великий князь Московский* 49, 210
- Иванов В. Н.* 332, 423
- Иванова В. Н.* 470
- Ивоцин А. Р.* 91, 215–216, 318–319, 334, 352, 381, 433, 435, 439
- Игнатий, иеродиакон* 45–46
- Игорь Святославич, новгород-северский князь* 242
- Идес И.*, российский посланник в Китае 411
- Измайлов И.* 382
- Изюмов А. И.* 6, 91, 149, 156, 231, 268
- Иловайский Д. И.* 16, 147, 181
- Илья Муромец, былинный богатырь* 43, 48, 124
- Илюшечкин В. П.* 412
- Индова Е. И.* 249–250
- Инкелес А.*, американский социолог и психолог 280
- Иона, митрополит* 172–173
- Исидор, архиепископ* 23
- Иштерек, ногайский князь* 186
- Каджия В.* 87–88
- Каженова Г. Т.* 149
- Казаков С. В.* 29, 48, 50, 81, 161
- Калинин А.*, журналист 102, 104, 126
- Каменецкий И. П.* 6, 60, 141, 334, 337–338, 343, 346–348, 354, 387–388, 391
- Каменский А. Б.* 280, 400–401
- Кампанелла Т.*, итальянский философ и писатель 259
- Канделаки Т.*, журналист 99
- Кандыба В.*, писатель 122
- Капитул И. И.* 43
- Каппелер А.* 17, 33, 184, 218, 274
- Карамзин Н. М.* 38–39, 98, 122, 158, 399
- Каранлыкова Л. Л.* 6, 12–13, 174, 178, 185, 187
- Караулов М. А.* 6, 12–13, 17, 51, 156, 226, 272, 274
- Караччиоли, доминиканский монах* 259
- Каргалов В. В.* 412
- Каргин А. С.* 79
- Карл XII, шведский король* 216, 236
- Карпенко С. В.* 237
- Карпини П.*, итальянский путешественник 168
- Карпов А. Б.* 6
- Карпов С. П.* 184
- Карташев И. П.* 73
- Карташов Ю.* 446
- Каспаров Г.*, шахматист и политический деятель 109
- Касымханов Р. К.* 115, 154, 217
- Касьянов М.*, российский государственный и политический деятель 113
- Касьянова К.* (см. Чеснокова В. Ф.) 137
- Катанаев Г. Е.* 84, 309, 343
- Кауфман А. О.* 344–345
- Качанов И. В.* 26, 48, 55–56, 58, 78, 139, 280, 304, 449
- Кашибадзе В. Ф.* 92–93
- Кашик О. И.* 313
- Кашин О.*, журналист 108
- Каштанов С. М.* 9, 256
- Кащенко С. Г.* 270
- Кизиветтер А. А.* 20
- Кириенко Ю. К.* 20, 79
- Кирилл, патриарх* 100
- Китабчы Ш.* 88
- Клейн Л. С.* (см. Самойлов Л.) 260, 262
- Клибанов А. И.* 9
- Ключевский В. О.* 6, 16, 39, 93, 122, 147, 208, 377–378, 427
- Кобищанов Ю. М.* 248

- Кобрин В. Б.* 212, 253
Коваленко А. И. 352, 379
Ковальчук А. В. 9
Кожухар В. М. 13
Козицин Н. 447, 466
Козлов А. И. 128–129, 131–132, 145, 165, 276, 299, 442
Козлов С. А. (Сергей Александрович) 6, 55, 58, 65, 68, 122, 194–195, 198–199, 297, 299, 426
Козлов С. А. (Сергей Алексеевич) 9
Козулин А. В. 409
Козыревский И., сибирский служилый 240
Коков Д. 36
Кокунько Г. В. 31
Колева Г. Ю. 341
Колесников А. Д. 142, 310, 314, 395
Кольцо И., казачий атаман, соратник Ермака 167
Кольцов И., сибирский служилый 240
Комлева Е. В. 417
Кондрашенков А. А. 314–315, 323
Кондрико А. В. 13, 194–195, 198, 204, 227, 233, 250, 259, 272–273
Коневиченко И. Л. 120–121, 158, 165, 223, 282
Кононенко М. В. 460
Константин Багрянородный, византийский император, автор трактата «Об управлении империей» 30
Конфино М. 280
Копанева О. И. 120, 202
Копылов А. Н. 314, 333
Корниенко Б. С. 19, 24–25, 32, 72, 80, 199, 265, 447–448, 451
Корнилов Л., генерал, один из лидеров «белого движения» 98
Коробатов Я., журналист 32
Королев В. Н. 6, 144, 170, 184, 267
Кортунов А. И. 90
Костомаров Н. И. 6, 16, 39, 93, 208, 265, 281
Котляров А. Н. 208
Котошихин Г. К., подьячий, автор «Описания Московского государства» 41, 49, 57, 198, 277, 283
Кох А., российский политический деятель 109–110
Коцебу О., российский мореплаватель 413
Кочедымов В. И. 315, 362
Крадин Н. Н. 206, 412
Крадин Н. П. 362–363
Крайсветный М. И. 126–128, 152, 236
Краснов П. Н., казачий генерал, коллаборант 19, 113, 121, 461, 466–467
Крашенинников С., исследователь Камчатки 413–414
Крих А. А. 334
Крупнов Ю. В., писатель, публицист, общественный деятель 97
Крылов К., философ 248
Крюков Ф. Д. 73
Крюков Э., публицист 103
Кудинов П. Н. 73–74, 77
Кудряков И. О. 295
Кузнецов Г. 464–465, 469–470
Кузнецов И. Н. 59
Кузнецов-Красноярский И. П. 372
Кузьмина В., журналист 111
Кузьминых В. И. 325, 388, 416
Кужлев Ю. М. 114, 148, 176, 217, 226, 258–259, 452, 457, 460–461
Кужсенко Е. И. 217, 222–223
Кулакова И. П. 247
Курилов В. Н. 316, 380, 402–403, 417, 419
Курлапов А. 3, 153
Кусаинова Е. В. 6, 59, 178, 181, 183–186, 192, 196, 274
Кусова С. 88
Кутник А. К. 456
Куц О. Ю. 6, 49–50, 55, 58, 65, 69, 122, 134, 170–171, 182–183, 194–199, 237, 267–268, 271–272, 275, 282–284, 286, 288, 291, 293–295, 297
Кучум, сибирский хан 12, 140, 332, 353, 361, 367
Кучумовичи, потомки хана Кучума 12, 361
Кушева Е. Н. 6, 16
Кызласов Л. Р. 371–372
Ламин В. А. 408
Лалин Н. А. 315
Ларионов А. Н. 202–203, 218
Латынина Ю., писатель и журналист 108

- Лебедев Д. М.* 367
 Лев Диакон, византийский историк 44
Левинтон Г. А. 260–261
 Ленин В. И. 56, 104, 111, 147, 160, 168, 256, 462
Леньшин Р. Ю. 34
Леонтьев Е. В. 344
Леонтьева Г. А. 6, 141, 240–241, 308, 315, 321, 328–330, 337, 369, 379, 393, 398, 403, 406, 431, 435, 437
 Лжедмитрий II, самозванец 57, 237, 272
Лизогуб П. П. 345
 Линденау Я. И., российский путешественник и этнограф 410
Лисейцев Д. В. 8, 286
Литвин М., литовский посол, автор записок «О нравах татар, литовцев и москвитян» 48
Литвиненко Т. 23, 33–34
Лихачев Д. С. 242
 Личутин В., писатель 103
 Лобков П., журналист 99–100
 Ломоносов М. В., ученый, первый русский академик 107
Лосев Е. 231
Лосунов А. М. 353
Лукашев М. Н. 254
Лукичев П. Н. 131, 168, 203, 235, 268, 471
Лукомский А. С. 304
Лунин Б. В. 6, 16
Лурье С. В. 246–247, 251
Лысенко Н. Н. 132–143, 179, 460
Любавский М. К. 6, 49, 63–64, 78, 160, 164, 174, 180, 187, 300
Любимов Ю. В. 418
 Людовик IX, французский король 166
Людье Л. Я. 236
Люцидарская А. А. 316, 336, 341–344, 347, 350–351, 402–403, 418–419
Люшин И. 231, 299
Ляпин Д. А. 59

Мавродин В. В. 155–156, 168–170, 239, 301
 Мазепа И., украинский гетман 290
 Максимов В. Е., писатель 398
Малов А. В. 2, 8, 175–176, 326, 351, 425, 429
Малукало А. Н. 73

Малюк Т. И. 470
 Мамай, татарский правитель 125
Мамонов В. Ф. 6, 31, 33, 37, 45, 122, 156, 159, 173, 175–177, 274
 Мамонтов С. И., поручик, участник «белого движения» 274
Мамсик Т. С. 157, 408
Мандзяк А. С. 254
Манькин-Невструев А. 309
Маньков А. Г. 6, 156, 239, 301
Марасинова Е. Н. 280–281, 379
Маржерет Ж., французский наемник, автор сочинения о России 283
Маркедонов С. М. 10, 19–20, 38, 57, 68–69, 84, 113, 170, 182, 197, 209, 250, 296, 303, 443, 449
Марков В. И. 6, 11, 13, 57, 86, 89, 122, 156, 179, 181, 185, 187, 228–229, 384–385, 426–427
 Маркс К. 39, 119, 207–208, 281, 434
Мартьянов А. Г. 446, 468
 Мархоцкий Н., польский шляхтич 226
Масса И., голландский купец, автор записок о «Московии» 183, 265
Мастеров А. В. 228
Матвеев О. В. 6, 72, 122, 470
 Матвеев Г., журналист 255
Матузова В. И. 48
Машанова Л. В. 316–317
Маштакова Г. 112
 Медведев Д. А., президент Российской Федерации 444
Мелехин Б. 461–462
 Мелехов Г., персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» 84
 Мелье Ж., французский философ 259
Мельников Н. М. 459
Мельчакова М. Ю. 246
 Менес, египетский фараон 29
Менциков В. В. 323–324
Мерзлякина О. Г. 149, 278
 Мериме П., французский писатель 400
 Меринов А., художник-карикатурист 103
Миллер Г. Ф. 6, 16, 207–208, 362, 367
Милов Л. В. 249, 251–252, 256, 273
Милоков П. Н. 427
Минаева Е. В. 470
Минасян Л. 112

- Миненко Н. А. 243, 269, 311, 318–321, 323–324, 419
 Мининков Н. А. 6, 16–17, 35, 55, 62, 70, 122, 130, 134, 156, 184, 196, 210, 212, 233, 249, 264, 268, 279, 283–287, 294–295, 299, 301–302
 Минюшев Ф., философ 400
 Мирзоев В. Г. 412, 417
 Миронов Б. Н. 280, 379
 Миронов Г., публицист 104
 Миссон, французский капитан 259
 Митько О. А. 322, 354, 385, 389, 414–415
 Михайлов Н. Н., писатель 49, 198, 277, 399, 425
 Михалевский А. (О.), сибирский служилый 338
 Многогрешный В., украинский полковник 431
 Можейко И. В. 259
 Молочников А. М. 60–61
 Мор Т., английский философ и писатель 73, 206, 259
 Морган Л., американский этнограф и социолог 206
 Морозова О. М. 73
 Москаленко С. В. 391, 394
 Москвитин И., землепроходец 367, 389
 Московка Н., рабыня 292
 Мохов А. Е. 11, 116, 160, 202, 278
 Мочанов Ю. А. 29
 Муратова С. Р. 344
 Мурашова Е., писатель 32
 Мусикевич А. Ф. 325
 Мякотин В. 31
 Мясников В. Ю. 322, 355–356

 Назаров В. Д. 6, 9, 16, 249, 257–258, 279
 Накишева М. Т. 326
 Наровчатов С. С., поэт 282
 Насонова О. Г. 93
 Наякшин К. Я. 265–266
 Небольсин П. Н. 173, 308
 Невская Т. А. 38, 224
 Недбай Ю. Г. 6, 308, 327, 375–377, 379–381, 396, 419, 435–436
 Некрасов Н., поэт 98
 Некрасов И., донской атаман 298–300
 Некрасов С., журналист 107
 Нестеров Н. И. 27, 46–48, 58, 172, 302
 Нефедкин А. К. 322, 356, 384, 388, 391, 408, 413
 Нечволодов А. 34
 Нечкина М. В. 393
 Никитин В. Ф. 25, 27, 29–30, 37, 40–42, 44, 47–48, 53, 58, 63–64, 66, 115, 133, 280, 289–291, 293, 301, 337, 461–463
 Никитин Н. И. 9, 14, 38, 59, 61, 87, 91, 133, 141–142, 144, 153, 156, 183, 186, 204, 210, 212, 214–215, 219–220, 233, 244, 269–271, 277, 311, 315–316, 318–320, 324, 328, 337, 340, 343, 369, 371, 374, 377, 383–384, 387, 389, 392–393, 398, 401, 403–404, 409, 418–419, 426, 430
 Никон, патриарх 95, 99, 137
 Никонов А. В. 95, 99
 Новодворская В., общественно-политический деятель и публицист 108, 111
 Новосельский А. А. 6, 16, 378, 412
 Новосельцев А. П. 9, 92, 214, 256
 Новохатко О. В. 8, 59
 Нольтке Г.-Г. 238
 Носков А. А. 40, 216, 352

 Овсянников О. В. 373
 Овчинникова Б. Б. 160, 162
 Оглоблин Н. Н. 240, 312, 410
 Огородников В. 413
 Огуцов А. Ю. 323–324, 345, 355, 379–380, 413
 Одарченко К. Ф. 247
 Один, скандинавский бог 34, 42, 67, 92, 95, 110, 121, 153, 225, 312, 338, 344, 348, 411
 Одинова М. К. 312
 Озеров А. А. 441, 445–446, 458, 468
 Ознобишин Е. А. 38, 41, 171
 Окладников А. П. 239–241, 382–383, 411
 Олейников Д. 87
 Омельченко И. Л. 64, 129, 209, 442
 Ордынский В. 461
 Орлик Ф., генеральный писарь гетманской канцелярии при Мазепе 28
 Осипов В. А. 266
 Оськин М. В. 451

- Павленко Н. И.* 6, 62, 156, 256, 267
Павлов-Сильванский Н. П. 377
Павловский С. В. 300
 Панин И., поэт и публицист 98–99
Панченко А. 201
 Панюшкин В., литератор и журналист 109
Папков А. И. 287
Пензенский А. 32
Пенской В. В. 427
 Перфирьев (Перфильев) М., сибирский служилый 337
 Перфирьевы (Перфильевы), род сибирских служилых 337
Перхавко В. Б. 9, 87, 162, 164, 280
Перишц А. И. 228
 Петр I (Петр Великий), российский император 22, 61, 96, 98, 113, 125, 137, 203, 209, 216, 236, 239, 273, 275, 290, 296, 301, 303, 308, 337, 375, 402, 425–427, 434
 Пимен, митрополит 45
Пинегин М. 426
 Платов М., донской атаман, генерал, герой Отечественной войны 1812 г. 461
 Платон, древнегреческий философ 6, 16, 49, 93, 103, 156, 185, 265, 427
Платонов С. Ф. 6, 16, 49, 93, 156, 185, 265, 427
Плетнева С. А. 86–87, 89, 158–160, 163–164, 166, 206, 233
Плеханов А. А. 124–125, 147, 370
Плеханов А. М. 124–125, 147, 370
 Плеханов Г. В., философ, деятель социалистического движения 124–125, 147, 370
 Плоскиня, предводитель бродников 161
Плохий С. 28
 Плюснин Ю., философ 97
Побережников И. В. 408
 Пожарский Д., князь, герой войны с польско-литовскими интервентами 42, 272
Подъяпольская Е. П. 156, 239, 300–301
Подъяпольский А. Г. 259
Покровский М. Н. 149, 427
Покровский Н. Н. 186, 243–246, 249, 321, 392
Покшишевский В. В. 313, 394
Полевой Б. П. 401–402
Поликарпов М. А. 50–51
 Поляков С. В., сибирский служилый 401–402
Поляков Ю. А. 400
Пономарев А. В. 80
Пономаренко Б. Т. 471
Попка И. Д. 55, 172
Попов А. Г. 18
Попов А. И. 160, 164
Попов В. А. 213
Попов Х. И. 17, 24, 265
 Попцов О. М., писатель, журналист, общественный деятель 97, 109–110
Порошин Ф., есаул, предполагаемый автор «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» 50
Потто В. А. 6, 17, 64, 172
 Поярков В., землепроходец 42, 369, 397
Преображенский А. А. 9, 61, 142, 243, 249–250, 318, 321, 379, 392–393, 395
Пронштейн А. П. 6, 16, 62, 65, 130, 156, 192, 194, 264, 279, 294, 299, 301–302
 Прохорова А., журналист 102, 448
 Пугачев Е., донской казак, предводитель восстания 22, 304
Пудафов В. М. 18
Пузанов В. Д. 6, 60–61, 141, 338, 345, 359–363, 365, 371, 383, 385, 425, 429–430, 432
Путилин С. В. 349
 Путимец А., сибирский служилый 349
 Путин В. В., президент Российской федерации 444
Пушкарев С. Г. 84, 294, 300
 Пушкин А. С., поэт 98–99
Пчелов Е. В. 162
Пятницкий В. И. 451
 Пятунин Е., журналист 83
Рабинович М. Д. 239
Радлов В. В. 13, 86

- Раев Д. В.* 338, 417
- Разин С., донской казак, предводитель восстания 22, 39, 42, 50, 54–56, 58, 65, 69–70, 85, 134, 155, 193–196, 198, 208, 237–238, 267–270, 278, 281–282, 284–286, 288, 290–291, 294, 304, 368, 459
- Разумовский К. Г., гетман Войска Запорожского 139, 470
- Ракачев В. Н.* 72
- Ракачев Д. Н.* 72
- Распутин В. Г., писатель 312
- Ратушняк В. Н.* 70
- Рахматуллин М. А.* 9
- Рвачева О. В.* 71, 73
- Резников К. Ю.* 102, 111
- Резун Д. Я.* 6, 242, 322–323, 332, 336–338, 341, 372, 386, 393, 397, 402, 408, 414, 416–418
- Ремезов С. У., сибирский служилый, летописец и картограф 357, 432
- Ремнев А. В.* 71, 79, 84, 91, 404
- Ригельман А. И.* 41, 126, 130
- Рогожин Н. М.* 8, 286
- Рожков Н. А.* 208
- Розанов В.* 77
- Рознер И. Г.* 6, 14, 16, 58, 68, 149, 155, 200–201
- Романов Г. И.* 102, 436
- Романовы, царская династия 34, 77, 201, 206, 212–214, 233, 270
- Россель Э., губернатор Свердловской области 102
- Роцупкин А. Ю.* 55, 297
- Роцупкин Н. Ф.* 74
- Рубрук Г. (В.), монах-францисканец, автор книги «Путешествие в восточные страны» 166–168
- Румянцев П. А., полководец 59
- Рыблова М. А.* 24, 35, 57, 71, 73, 78–79, 124, 165, 186–187, 193, 201, 203, 217, 224, 228, 234–235, 264, 272, 287, 447–448, 459
- Рыков С., журналист 98, 292
- Рябов С. И.* 6, 58
- Рябова Е. Л.* 43, 136
- Сабитов Ж. М.* 12
- Савельев Е. П.* 18, 21, 32, 39, 45, 47, 52, 56, 58, 68, 116–117, 121, 129, 133, 147, 171, 174, 199, 209, 269, 289, 293–294, 447–448, 471
- Савченко М. С.* 278, 286, 297, 303
- Сазнаева С. К.* 62, 82, 91, 149, 154, 201, 283
- Сазонов А. А.* 471
- Сайид-Ахмед-хан, ордынский правитель 151–152
- Самарбаев Р.* 112
- Самарин М., казачий атаман 295
- Самойлов Л.* (Клейн Л. С.) 260, 262
- Самшиев И. М.* 115, 154
- Самсонов С., сибирский служилый 338
- Санин Г. А.* 2, 8
- Сапожников С. П.* 52–53
- Сараскина Л. И., литературовед 269
- Сарнов Б., литературовед* 112
- Сафронов Ф. Г.* 83, 317, 399
- Сахаров А. Н.* 238, 270
- Сахаров П. П.* 24, 265
- Сванидзе А. А.* 253
- Сванидзе Н., российский журналист и общественный деятель 255
- Сватиков С. Г.* 20, 38, 199, 209
- Святослав Игоревич, древнерусский князь 44
- Сдыков М. Н.* 149–151
- Селищев Н. Ю.* 161, 265, 294, 299, 440
- Семущин Д., публицист 107
- Сень Д. В.* 70, 288
- Сергеев О. И.* 317–318, 337
- Сидорин Г. Н.* 447
- Симачкова Н. Н.* 347
- Скалон В. Н.* 313
- Скачков П. А.* 50–51, 112, 231, 467
- Скворцов Н. Б.* 45, 65, 167, 186–187
- Скобелев М. Д., полководец 440
- Скобелев С. Г.* 391, 394, 408
- Скобелкин О. В.* 375, 379
- Скорик А. П.* 130–131, 160, 166–168, 203, 235, 268, 301, 445, 467, 471
- Скрылов А. И.* 19, 299
- Скрынников Р. Г.* 6, 16, 33, 57, 65, 67, 89–90, 147, 167, 182–183, 185, 194, 199, 278–279, 293, 296, 340, 368
- Скульмовский Д. О.* 326, 344–345
- Слезкин Ф., донской казак 292
- Смирнов А.* 439–440

- Смирнов И.* 301
Смирнов И. В. 231, 300
Смирнов И. И. 156, 239, 301
Смирнов Н. Н. 326, 441
Смолий В. 201
Соколовский И. Р. 7, 141, 336, 338–341, 389, 417
Соколовский П. А. 14, 199
Солженицын А. И. писатель 138, 260
Соловьев А. И. 322
Соловьев В. М. 85, 155, 269, 278
Соловьев В. Р., журналист 97, 109–110
Соловьев Д. Н. 454
Соловьев С. М. 6, 16, 39, 93, 122, 147, 158, 184, 208, 230, 272, 274, 287, 300, 434
Солодкин Я. Г. 6, 331, 339–340, 344–345, 348, 368
Сопов А. В. 6, 8, 86, 94, 144–148, 160, 165, 264, 309, 369, 426
Сорокин А. К. 95
Стадучин М. В., землепроходец 337
Станиславский А. Л. 6, 9, 16, 57–58, 67–68, 156, 182, 192, 194–197, 200, 215, 237–238, 266–267, 269–270, 272, 275, 278–279
Старков В. Ф. 373, 431
Старков Р. И., сибирский служилый 373, 431
Старовойтова Г. В., российский политический деятель 103
Старостенко Г., журналист 102
Степанов И. В. 155
Степанов Н. Н. 406
Степанченко В. И. 115
Степин В. С., философ 107, 110
Струкова М. 464
Суворов А. В., полководец 59
Суворова Н. Г. 71, 79, 84, 91, 404
Султанов Ш. 255
Супруненко В. П. 29
Сухарев Ю. В. 87, 162
Сухоруков В. Д. 6, 17, 39
Сухорученко В. С. 123
Сычов К. И. 51

Табаринцев-Романов С., журналист 102
Таболкина Т. В. 443
Таирова-Яковлева Т. Г. 28

Тамерлан, среднеазиатский правитель 125, 427
Татищев В. Н. 126, 237
Терешонок А. 254, 261
Тикиджьян Р. Г. 130, 160, 203, 268, 445
Тимохин Е. А. 348
Тихонов Ю. А. 250, 379
Ткаченко П. И. 75, 96, 112, 458, 468–469
Ткаченко Т. А. 14, 55, 70
Токвиль А., 245, 255
Толочко П. П. 87
Толстой Л. Н., писатель 5, 58, 71, 130, 135, 139, 389
Томсинский С. Г. 85, 200, 278
Топычканов А. В. 8
Тохтамыш, татарский хан 125
Трепавлов В. В. 6, 12, 41, 54, 81, 160, 166, 178–179, 182, 186, 196, 230, 233, 235, 285, 287, 332, 367, 385, 388, 414, 424
Троицкий Е. С. 189
Трошев Г. Н., советник Президента РФ по делам казачества 445, 450, 454
Трут В. П. 58, 130–132, 143, 160, 203, 268, 302
Туголуков В. А. 413
Тулаева С. А. 57, 107, 217
Туманик Е. Н. 417
Тумилевич Т. И. 68
Тургеневы, русский дворянский род 98
Турочеров Н. Н. 467
Тухачевский Я., сибирский служилый 241, 402
Тхамокова И. Х. 55
Тхоржевский С. И. 6, 14, 16, 53, 63, 156, 192, 194, 196, 198–200, 271, 284, 286, 291, 296
Тычинских З. А. 344
Тюменцев И. О. 6, 57, 59, 122, 181–182, 237, 272

Уитворт Ч., английский дипломат 278
Ульянов Н. И. 227
Ульянова А. Е. 331
Урушадзе А. Т. 83, 186, 230
Ус В., казачий атаман 33–34, 42, 97, 173–174, 217, 234, 238–239, 254, 282, 291, 295, 314, 342, 367–368, 370, 394, 406, 421, 436, 443, 453
Усенко О. Г. 282, 291

- Усовы, устюжские купцы 42
Успенский Г. И., писатель 254
 Устинов А., писатель, журналист 97
Устинов Б. Г. 173–174
Устрялов Н. Г. 239
- Фабрициус Л.*, голландский наемник, автор записок о России XVII в. 193
Фалалеев А. В. 201–202, 218
Фельдмессер Р. 280
 Фет А., поэт 98
Филимонов А. П. 239–240
Филь С. Г. 340
Фирсов Н. Н. 208, 291, 382
Фишер И. Е. 387
Флеров В. С. 312
Флоринский М. Ф. 270
Флоря Б. Н. 181, 270, 288
 Фоменко А., математик, создатель псевдонаучной «Новой хронологии» 28
Формозов А. А. 254
 Франц-Иосиф, император Австро-Венгрии 37
Фрид Г. 112
Фриз Г. 280
Фроянов И. Я. 44, 205–206, 211, 246
- Хабаров Е., землепроходец 60, 241, 243, 308, 337, 362, 369, 389–390, 393, 397–399, 401
 Хаджи-Мурат, персонаж одноименной повести Л. Н. Толстого 389
Хайдар М., среднеазиатский историк XVI в. 179
Хакимова Е. 201
Халитов М. Х. 382
Харламов П. К. 18, 43
Харузин М. Н. 71–72, 78, 191, 194
Хвостов Н. А. 426
 Хейердал Т., норвежский путешественник и писатель 42
 Хилков И. А., тобольский воевода 428
Хмельницкий Б., украинский гетман 229, 239, 287–288, 290, 461
Холмский С. А. 199
Хорошкевич А. Л. 182, 185
Хорхордина Т. И. 101
 Хрипунов Я., сибирский воевода 242, 333
- Христос 24, 28, 35, 299, 455
Христофоров В. 414
Хромых А. С. 420–421
Худяков Ю. С. 322, 339, 353, 372, 384–385
- Цечоев В. К.* 120, 165, 170, 221, 279
 Циолковский К., ученый и изобретатель 98
 Ципко А. С., российский философ, политолог и публицист 98, 107
Циторуха М. 67
Цыбин М. В. 171
Цыванов А. 112
- Чайковский П., композитор 98
Чебоксаров Н. Н. 81
Чебоксарова И. А. 81
Черепнин Л. В. 175–176, 204, 220, 248, 379
Черкасов А. Н. 335
 Черкашенин М., казачий атаман 230
Чернавская В. Н. 320, 337, 385, 400–401
 Черниговский Н., сибирский служилый 243
Черныцын С. В. 63, 85, 196–197
 Черных Е., журналист 30
Чернышева А. А. 244
 Черняк В., писатель 255
Чертанов М. 459
Чертков А. С. 349–350, 436
 Чеснокова В. Ф. (Касьянова К.), социолог и культуролог 137
Чижикова Ю. А. 224
 Чингисиды, потомки Чингисхана 18, 178, 180
 Чингисхан, монгольский правитель 412
Чистов К. В. 96
Чистякова Е. В. 85, 155, 239, 278, 375
Чичерин Д. И., тобольский губернатор 434
Чойсамба Ч. 412
Чурсина А. А. 336
- Шамбаров В. Е.* 28–29, 35–36, 66, 81, 152, 299, 455, 458–459
Шамилоглу Ю. 174
Шамсиева Э. Р. 344

- Шапиро А. Л.* 249, 256
Шатров Н. 446
Шахмагонов Ф. Ф. 164
Шахова А. Д. 59
Шаиков А. Т. 323, 345, 411
Швейковская Е. Н. 9
Швецова Е. А. 56
Шеников А. А. 6, 166, 171, 173, 178, 206, 215, 233, 264, 426
Шепелев А., полковник 428
Шепелев И. С. 266
Шерстобоев В. Н. 312–314
Шерстова Л. И. 417
Шилов С. Н. 323
Шиловский М. В. 372, 408
Шипов Н. Н. 113
Широпаев А. А., поэт и публицист 108
Шишов А. В. 301
Шишов С. Е. 470
Шкваров А. Г. 125, 203, 209, 274–275, 292, 296, 303
Шкуро А., казачий генерал, коллаборант 461, 466
Шлюшинский А. В. 322
Шляпин Ф., донской казак 292

Шмидт С. О. 28
Шолохов М. А., писатель 58, 68, 76, 84–85, 135, 470
Штёкль Г. (Stokl G.) 6, 178
Штокман, персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» 135
Штурба Е. В. 450, 456, 459, 469

Шульгин В. Н. 104–105
Шунков В. И. 60, 142, 311–312, 315, 372, 380, 421–423

Щапов А. П. 417
Щербина Ф. Э. 6, 17, 198, 208–209, 211, 292, 299, 352
Щепихин С. А. 305
Щипанцев А. 112
Щупленков О. В. 43, 136, 232

Эварницкий Д. И. 6
Эгерат, полковник 425
Эйдельман Н. Я. 400
Эксксвемиллин А., западноевропейский путешественник и писатель 258
Элерт А. Х. 384
Энгельс Ф. 206–207, 434
Эскин Ю. М. 286

Юдин Ю. И. 44
Юрганов А. Л. 212, 253
Юргенс И., российский экономист и общественный деятель 96
Юрченко И. Ю. 87, 114–115
Юшенков С., российский политический деятель 103

Ядринцев Н. М. 243, 321
Яковенко И. Г. 3, 83, 89–90, 93–94, 117, 147, 225–226, 248, 261–263, 273
Янчевский Н. 200

Научное издание

Никитин Николай Иванович

**ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА:
аспекты научные и политические**

Текст приводится в авторской редакции

16+

Ответственный редактор *Ю. Барабанщикова*
Верстальщик *С. Лобанова*

Подписано в печать 13.01.2022
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 30, 5
Тираж 500. Заказ № 22-01-13

Издательство «Директ-Медиа» 117342,
Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Direct-media — полный цикл издательских услуг

- Редактура, корректура
- Присвоение ISBN
- Передача в Российскую книжную палату
- Присвоение DOI
- Печатный тираж
- Верстка
- Дизайн обложки
- Продвижение
- Поддержка
- Кратчайшие сроки подготовки издания

www.directmedia.ru — магазин электронных и аудиокниг. В нашем каталоге вы найдете тысячи нон-фикшн-книг, которые помогут в учебе и жизни: мировые бестселлеры по саморазвитию, учебники, научную и научно-популярную литературу, обучающие курсы для взрослых и детей. Мы сотрудничаем с ведущими издательствами, а также выпускаем собственные электронные и печатные книги, которые ставим на полки ведущих магазинов и маркетплейсов – OZON, Wildberries, Лабиринт и других.

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru – «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru – «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru – Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru – «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru – «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru – Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

